

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

В.А. Шнирельман

БЫТЬ АЛАНАМИ

Интеллектуалы и политика
на Северном Кавказе в ХХ веке

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЗРЕНИЕ
МОСКВА, 2006

УДК 323.1(470.6) + 39(470.6)

ББК 66.5(235.7) + 63.5(235.7)

Ш 77

Редактор серии

Илья Калинин

Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 696 с., илл.

Книга посвящена актуальным проблемам идентичности северокавказских народов в контексте бурных этнополитических изменений в регионе в течение последних ста лет. Особое внимание уделяется связям между представлениями о глубоком прошлом и этногенезе местных народов и идеологиями этнополитических движений на Северном Кавказе. В центре внимания находится аланская идентичность и её роль в этническом самосознании народов центральной части Северного Кавказа (осетин, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев). Книга представляет интерес для этнологов, археологов, историков, политологов и может быть использована для чтения вузовских лекций по проблемам национализма, а также истории, этнологии и археологии Северного Кавказа.

ISSN 1813-6583

В.А. Шнирельман, 2006

Новое литературное обозрение, 2006

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Примечания.....	18
Часть I ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.....	20
Примечания.....	36
Часть II В ПОИСКАХ СУДЬБЫ (ОСЕТИНЫ).....	38
Глава 1. Открытие осетинской древности и романтический национализм.....	38
Глава 2. Земельный вопрос и наследие предков	40
Глава 3. Между национализмом и интернационализмом	43
Глава 4. Конец осетинского «арийства» и поиски новых предков	50
Глава 5. Борьба с марризмом и конец «двуприродности» осетин	54
Глава 6. Какой быть новой концепции истории осетинского народа?.....	60
Глава 7. Дружба народов.....	71
Глава 8. Осетино-ингушские споры и культурный расизм.....	77
Глава 9. Быть аланами.....	84
Глава 10. Некоторые итоги	96
Примечания.....	98
Часть III Преодоление судьбы (чеченцы и ингуши)	103
Глава 1. О конструктивной роли этнонимов	103
Глава 2. Легендарная традиция и становление советской науки	106
Глава 3. Создание первых научных центров.....	109
Глава 4. Поиски золотого века	111
Глава 5. Народы-фантомы.....	113
Глава 6. Возвращение в историю и возвращение истории	122
Глава 7. Обретение официальной истории	130
Глава 8. Сага о «добровольном вхождении».....	133
Глава 9. Ингушский вопрос.....	143
Глава 10. Ревизионизм и его истоки	157
Глава 11. Чеченская революция.....	166
Глава 12. Интеллектуальные споры и взрыв исторического мифотворчества	173
Глава 13. Возрождение орстхойцев	183
Глава 14. Образ врага	187
Глава 15. Чеченская революция и ислам	192
Глава 16. Судьба чеченцев-аккинцев	198
Глава 17. Выводы	200
Примечания.....	204
Часть IV ПЕРЕДЕЛ СУДЬБЫ (КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ)	210
Глава 1. Обретение государственности и появление интеллектуальной элиты.....	210
Глава 2. Из «татар» в автохтоны.....	212
Глава 3. Лишенные родины и истории	215
Глава 4. Поиск новой генеалогии	220
Глава 5. «Комплекс вины» и тюркоязычие алан	227
Глава 6. Постсоветская этнополитика и конфликты.....	232
Глава 7. Тюркизация древней истории	244
Глава 8. Примордиализм на службе инструментализма	255
Глава 9. Выводы	260
Примечания.....	261
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Этногенез как этнополитический миф.....	264
Глава 1. Социальная память	264
Глава 2. Политика и социальная память	268
Глава 3. Образы прошлого и политика на Северном Кавказе	270
Глава 4. Как конструируется этногенетический миф	276
Глава 5. О ценности аланской идентичности	279
Примечания.....	281

Этничность означает конфликт и насилие,
но она также означает родство и близость.

Дональд Хоровиц

Любая политика, стремящаяся к власти
над массами,
будь то партия, класс или нация,
должна быть политикой воображения

Серж Московичи

Сила слов и лозунгов, способная поддерживать
или подрывать социальный порядок,
основана на вере в полномочность слов и тех,
кто их произносит

Пьер Бурдье

ВВЕДЕНИЕ

Когда-то Джон Стюарт Милль говорил, что «самой сильной из всех является идентичность политических предшественников; наличие национальной истории, а следовательно, общие воспоминания; коллективные гордость и унижения, радость и сожаление, связанные с тем, что случилось в прошлом» (Mill 1919. Р. 120). Теперь же наш современник, социальный антрополог Томас Эрикссон, констатирует, что «аборигенность и тесная связь с прошлым могут быть важными источниками политической легитимности» (Eriksen 1993. Р. 71). Действительно, в наш век всеобщей грамотности и триумфа исторической науки стало очевидно, что для легитимизации своего права на существование новым нациям требуется история, причем именно «истинная история», и на ее поиски их лидеры тратят немало сил и энергии. В то же время другой известный автор, Эрнест Ренан, в своей классической статье заметил, что формирование нации требует амнезии, отказа от истории или даже ее сознательного искажения (Renan 1990. Р. 11). Вслед за ним авторитетный французский историк Пьер Нора доказывает, что «в центре истории лежит важнейший дискурс, противостоящий спонтанной памяти. История с подозрением относится к памяти, и ее истинной миссией является подавление или искоренение последней» (Nora 1989. Р. 9).

Все это способно ввести в замешательство. Действительно, по словам еще одного влиятельного автора, «вне зависимости от своей выверенности и основательности любой научный принцип подтвержден пересмотру либо может быть полностью разрушен в свете новых идей или открытий» (Giddens 1991. Р. 21). Поэтому в конечном счете правота остается за Ренаном — действительно, психологически важная для нации национальная история, над составлением которой работало немало выдающихся интеллектуалов, сплошь и рядом оказывается «изобретенной традицией». Иначе и быть не может, ибо социальная среда постоянно изменяется, а «смысл является социальной конструкцией» (Geertz 1994. Р. 459). Именно поэтому история время от времени должна переписываться (Degler 1976; Schudson 1995. Р. 349-350). Анализ этого парадокса и составляет стержень настоящей книги.

В ней речь пойдет прежде всего о центральной проблеме, вызывающей постоянные споры между, с одной стороны, модернистами, усматривающими в нации недавно сконструированную и воображаемую общность (Gellner 1983; Hobsbawm 1983; Anderson 1991; Breuilly 1993; Geary 2002), и перенниалистами, обнаруживающими у нее глубокие этнические корни и указывающими на ее длительное, хотя и не вечное, существование в истории (Annstrong 1982; 1992. Р. 26; Smith 1986. Р. 11; 1988; 1992a; Connor 1994; Hastings 1997) [1]. Справедливо ли применять в отношении национализма такие понятия, как «изобретение традиции» и «социальная инженерия», или следует обращать больше внимания на культурные и этносимволические предпосылки националистического дискурса? Этот вопрос тем более актуален, что некоторые политологи предсказывают «столкновение цивилизаций» (Huntington 1996; Duncan, Holman 1994 b. Р. 186), якобы основанных на иррациональных культурных представлениях, уходящих корнями в незапамятные времена [2]. Мне представляются справедливыми слова Поля Брасса о том, что «именно соперничество между элитами приводит в определенных условиях к этническому конфликту, возникающему из-за политических и экономических разногласий, а вовсе не из-за различия культурных ценностей вовлеченных в него этнических групп» (Brass 1991. Р. 13).

Но, пытаясь обеспечить себе массовую поддержку, политики нередко апеллируют именно к культурным ценностям, облекая их в форму этноисторических мифов и этнических символов (Kaufman 2001). Это позволяет решить загадку, почему, несмотря на все попытки конструктивистов отстоять свою точку зрения, в общественном мнении до сих пор господствует примордиализм, доказывающий тем самым свою функциональность (Connor 1994. Р. 94; Grosby 1995; Simons 1997; Gil-White 1999; Suny 2001). По словам некоторых специалистов, в мифологических конструкциях, полюбившихся политикам, примордиализм оборачивается «auténtичностью» (Cassirer 1946; McDonald 1969. Р. 143-144). Примечательно, что, усматривая в истории досадную помеху, Эрнест Ренан подчеркивал огромную роль древних символов и легенд в формировании идентичности (Thom 1990. Р. 30-41). Следовательно, воображение он ценил много выше, чем искусство историка. Действительно, как подчеркивает Хоми Бхабха, «демонстрация истории народа является практикой, покушающейся на нетленные принципы национальной культуры, стремящиеся апеллировать к «истинному» национальному прошлому, которое часто представлено законсервированными формами реальности и стереотипа» (Bhabha 1990a. Р. 303). Сейчас пришло время более пристально взглянуть на политическую функцию примордиализма, или «идеологиче-

ски мотивированной эссенциализации» (Penrose 1995. P. 405-410. См. также: Bond, Gilliam 1994a. P. 16-19), в современном обществе [3].

Во-вторых, если национализм является «борьбой за контроль над тем, как именно определять народ, и в особенности над представлением о народе» (Beissinger 2002. P. 18. Ср. Brass 1991. P. 277), то следует обратиться к изучению субъектов этой борьбы и этих представлений. Обычно их ассоциируют с этнополитическими и интеллектуальными элитами (Geertz 1973. P. 239; Rothschild 1981; Hroch 1985; Brass 1974; 1991; Hunter 1991. P. 59-61; Duncan 1994. P. 30-33; Watson 1994a; Hall 1995. P. 12-16; Tishkov 1994. P. 448-449; 1997; Kemp 1999; Snyder 2000. P. 45-91; Brown 2001. P. 17-23; Kaufman 2001. P. 210-211; Sleeboom 2001; Тощенко 2003), состоящими по большей части из писателей, журналистов и ученых, не говоря уже о политиках. Правда, некоторые авторы полагают, что элиты не имеют значения (см., напр.: Motyl 1999. P. 74-77) или их значение невелико (см., напр.: Connor 1996. P. 79-80; Smith 2000. P. 61-62. Ср. Smith 1992 a. P. 59). Для решения этого спора важным представляется изучение деятельности интеллектуальной элиты, так как в силу своего маргинального положения в обществе она более склонна бросать вызов сложившемуся порядку и стоять за инновации (Edelman 1967. P. 89; Hroch 1985).

Хорошо известно, что этническое самосознание основано на вертикальных связях, и именно ученые (историки, археологи, лингвисты, этнологи), или «контролеры коммуникации» (Brass 1991. P. 302), снабжают сегодня как этнические группы, так и нацию желательной исторической глубиной (Fentress, Wickham 1992. P. 127; Bond, Gilliam 1994b; Shnirelman 1996; Шнирельман 2003; 2004a) [4]. Поэтому необходимо проанализировать социальный портрет таких интеллектуалов. Кроме того, как подчеркнул А. Мотыль, «еще интереснее изучать не элиты, а то, что именно они делают» (Motyl 1999. P. 71), и я бы добавил, почему они это делают [5]. Тем самым в центре моего исследования находятся не столько потребители, сколько создатели этнической мифологии и их деятельность по внедрению ее в массы. Иными словами, перефразируя Дж. Моссе (Mosse 1975), речь здесь будет идти о методах «этнизации масс».

В-третьих, если представления об отдаленном или не столь отдаленном прошлом служат важным политическим орудием и широко используются идеологами и политиками (Rao 1994; Kohl, Fawcett 1995; Atkinson, Banks, O'Sullivan 1996; Diaz-Andreu, Champion 1996; Hosking, Schopflin 1997; Harke 2000), то важно изучить структуру таких представлений, их сущность, развитие во времени и символическое значение наряду с другими притягательными символами нации (Elder, Cobb 1983; Horowitz 1985. P. 216-226; Kertzer 1988; Brass 1991; Breuilly 1993. P. 64-68; Eriksen 1993. P. 102-104; Connor 1994. P. 204-205, 216-219; Jenkins 1996. P. 104-118; Smith 2000. P. 66-69; Kaufman 2001; Sleeboom 2001). Ведь «действенность национализма во многом зависит от представлений националистических движений, прежде всего о себе и своих соседях» (Van Evera 2001. P. 47). Такие образы являются важной частью символической системы, составляя основы «этнической комплиментарности», как ее определил когда-то Карл Дёйч (Deutsch 1953. P. 70-72). Поэтому следует легально проанализировать психологические мотивации националистических представлений, включая общественные эмоции, сознательно возбуждаемые политиками с помощью доходчивых символов и мифов (Edelman 1967; 1971; Elder. Cobb 1983; Horowitz 1985: 2001; Kaufman 2001).

В этой связи большого внимания заслуживает вопрос о том, как и почему делается выбор из нескольких возможных интерпретаций прошлого. Важно выяснить не только как представления о подвигах предков способствуют массовой мобилизации, но и как политический проект на будущее влияет на представления о прошлом (Shnirelman 1996; Шнирельман 2003). Являются ли символы, пришедшие из прошлого, настолько аутентичными, долговечными и привлекательными, как уверял Энтони Смит в 1980-х – начале 1990-х гг. (Smith 1986), или, напротив, они изобретаются, отбираются и реинтерпретируются для достижения актуальных политических целей? Можно ли говорить об их соперничестве, дающем заинтересованным сторонам возможность выбора? Почему мы нередко встречаем не одну, а одновременно несколько версий «этнического прошлого» (Sheehan 1981. P. 4; Verdery 1990; Shnirelman 1996), что стал отмечать тот же Э. Смит со второй половины 1990-х гг. (Smith 1997; 2000. P. 68)? А если это так, то кто и почему делает выбор в каждом конкретном случае? Было ли в условиях государственного социализма место дня «альтернативного прошлого» (Watson 1994 a), и если да, то кто создавал такие версии и как складывались отношения между этими создателями и государственной властью? Я сознательно избегаю проблемы устной истории, так как целью моей работы служит демонстрация того, как борьба за этнические права и Привилегии, узаконенные в СССР и существующие в постсоветской

России, находили воплощение в письменных (нarrативных) версиях истории, включая сам доступ к их написанию.

В-четвертых, если представления о прошлом теснейшим образом связаны с этнической или национальной политикой, то следует ожидать их значительных изменений в период глубоких политических и социальных трансформаций (Halbwachs 1980; Schwartz 1982; Gillis 1994). Прошлое оказывается столь же «рефлексивным проектом», как самосознание (Giddens 1991. P. 32-33). Руби Уотсон справедливо заметила, что «в условиях государственного социализма прошлое вычитывалось из настоящего, но, так как современная ситуация изменялась (лидеры, планы и направления мысли возникали и снова исчезали), то и прошлое должно было меняться» (Watson 1994b. P. 1). Разумеется, все это присуще не только социализму и не исчезло вместе с Советским Союзом. Поэтому, так как роль представлений о прошлом в формировании этнической идентичности усиливается (Бромлей 1989. С. 25), неудивительно, что их радикальный пересмотр должен оказывать значительное воздействие на этническое самосознание и, в свою очередь, испытывать влияние с его стороны. Иными словами, заметные сдвиги в этническом самосознании и самоидентификации свидетельствуют о происходящих или о близящихся социальных и политических изменениях. С этой точки зрения реинтерпретация этнической идентичности подвержена таким же приливам и отливам, как и сам национализм (Beissinger 2002. P. 27-34).

В-пятых, важным объектом для изучения должна стать конструктивная роль государства, выражающаяся в институтах, бюрократических правилах и народном образовании (Brass 1991. P. 239-299; Breuilly 1993; Eriksen 1993. P. 91). Государство определяет само поле, в рамках которого обсуждается и формируется идентичность. В отличие от большинства политологов, считающих этнические группы данностью, я разделяю мнение многих современных культурных антропологов о том, что они постоянно находятся в состоянии формирования или переоформления (Eriksen 1993; Tishkov 1997; Baumann 1999; Коростелев 2002). Кроме того, следует признать множественность идентичности, позволяющую людям легче приспособливаться к изменениям окружающей обстановки.

Еще интереснее тот факт, что прошлое, создающее важную основу идентичности (включая территориальные пределы), не является раз и навсегда установленным. Оно подвергается постоянным проверкам, реинтерпретации и переписывается местными интеллектуалами. Такая ревизия прошлого происходит, например, во вновь образовавшихся государствах, стремящихся освободиться от колониального наследия (Breuilly 1993. P. 276). В этом было бы ошибочно видеть какое-либо новое явление. Достаточно напомнить, что первая попытка создания целостной германской истории была предпринята Г. фон Трейчке только после того, как Германия при Бисмарке обрела свои единые государственные границы (Sheehan 1981. P. 2). Поэтому имеет смысл добавить полученные в школе представления об общей исторической судьбе к тем средствам национализации масс, которые в свое время вычленил Дж. Моссе (Mosse 1975). Кроме того, вслед за М. Эдельманом (1967; 1971) и К. Гирцем (Geertz 1973. P. 311-326) я делаю особый акцент на культурных и символических аспектах политики. Таковы мои основные идеи и гипотезы, которые рассматриваются в данной книге на материалах Северного Кавказа.

В своей работе я руководствуюсь справедливым замечанием Д. Телена о том, что «социальные параметры памяти многое важнее, чем необходимость проверять их правильность... Более важно то, что в момент конструирования человек считает воспоминания аутентичными, чем то, насколько адекватно они описывают прошлое». И далее, «важнейшим вопросом является не соответствие воспоминаний прошлой реальности, а то, почему участники событий именно так, а не иначе конструируют в данный момент свои воспоминания» (Thelen 1989. P. 1122-1125. См. также: Fentress, Wickham 1992. P. XI-XII; Tonkin 1992; Kaufman 2001. P. 28; Cattell, Climo 2002. P. 27). Огромную роль в распространении националистических мифов играют СМИ и художественная литература, причем эти мифы не только формируют мировоззрение людей, но оказывают большое влияние на их политические предпочтения и даже избирательное поведение (Emmott 1989. P. 34; Snyder, Ballentine 1996; Snyder 2000. P. 122-123, 213-220; Kaufman 2001. P. 43).

В XX в. народы Северного Кавказа прошли через несколько кардинальных политических трансформаций — от Горской Республики 1918 г. и затем начала 1920-х гг. через этапы местных автономий в 1920-1930-х гг., депортации во второй половине 1940-1950-х гг., дискриминации в 1960-1980-х гг. вплоть до постсоветских республик в 1990-е гг. Все эти трансформации сопровождались формированием новых идентичностей. Я проанализирую, какую роль в этом процессе сыграли представления об отдаленных предках и древней государственности, как такие представления одновременно и стимулировались и блокировались властными структурами, как в них отражалась неустойчивая маятникообразная

советская внутренняя политика и как процесс «создания прошлого» активизировался в постсоветское время. Я также проанализирую роль этногенетических мифов как «культурного капитала» (термин П. Бурдье), сыгравшего большую роль в территориальных спорах и борьбе за политическое признание. Моими основными источниками будут научные публикации, художественная литература, СМИ, политические выступления и школьные учебники истории [6].

Хотя в последние годы было опубликовано несколько важных книг о конфликтах и войнах на Северном Кавказе (см., напр.: Тишков 2001; Данлоп 2001; Cornell 2001; Gall, de Waal 1998; Goldenberg 1994; Lieven 1998; Smith 1998; Knezy, Sedlickas 1999; Evangelista 2002; German 2003), их авторы не уделяли достаточного внимания образам истории и их политическому значению или вовсе их не рассматривали. За редкими исключениями (Kohl, Tsetskhladze 1995; Шнирельман 1996), ни в России, ни на Западе не проводились специальные сравнительные исследования «политики прошлого» на Северном Кавказе. В то же время политологи и социальные антропологи предупреждают, что этнический национализм остается ключевым фактором развития современного мира, включая конфликты и войны (Horowitz 1985; 2001; Richmond 1988; Connor 1994; Cozic 1994; Duncan, Holman 1994a; Diamond, Plattner 1994; Esman 1994; Gurr 1993; Gurr, Harff 1994; Tambiah 1994; Lew 2000; Snyder 2000; Brown et al. 2001; Kaufman 2001; Wilson 2001; Geary 2002. Р. 1-14) [7]. Мало того, негативные представления о других, вплоть до их дегуманизации и демонизации, продолжают играть роль важнейшего аргумента, оправдывающего этнические столкновения и чистки (Bowman 1994; Snyder, Ballentine 1996; Brown 2001. Р. 12-13; Van Evera 2001. Р. 47-54; Snyder 2000. Р. 66-69). Журналист М. Игнатьев определил эту проблему так: «Каким образом соседи, когда-то не приемлющие самой идеи о том, что они относятся к разным цивилизациям, начинают думать и ненавидеть в этих терминах; как они смешивают с грязью и демонизируют тех, кого когда-то называли друзьями; короче, как в почву общей жизни совершаются посевы, зернышко к зернышку, обоядной паранойи» (Ignatieff 1999. Р. 36)?

Отталкиваясь от проведенного С. Московичи водораздела между индивидуальной концептуальной идеей и массовым идеальным образом (Moscovici 1985. Р. 103), Л. М. Дробижева делит ценности на личные (семья, работа, здоровье, личный успех и пр.) и общественные (Родина, язык народа, факты исторической памяти и пр.) [8]. Именно вторые, по ее словам, более идеологизированы, ситуативны и «в большей степени находятся под влиянием социальной инженерии, являются результатом деятельности интеллектуальных элит, политических деятелей». Будучи произведены элитами, они могут усваиваться или не усваиваться народом, и это не зависит полностью от воли элит, а находится под влиянием ряда дополнительных факторов (Дробижева 2003. С. 321-322, 351. Ср.: Brass 1974. Р. 33-34). Одним из таких факторов является современное всеобщее образование, ибо, как показывают исследования, образованные люди имеют определенное представление о политике, тоньше чувствуют дискриминацию и скорее готовы к публичным выступлениям ради достижения того, что они считают справедливым (Edelman 1971. Р. 87-90). При этом современные институты и технологии не только вовлекают массы в политику, но и предоставляют элитам мощные рычаги воздействия на общество. По словам северокавказских ученых, «историческая память как компонент личной и групповой идентичности в современных условиях не столько складывается на основании межпоколенной трансляции или традиций, сколько внедряется в сознание в виде квазинаучных интерпретаций, отражающих идеологию и политические интересы соответствующих групп» (Битова и др. 1996. С. 27).

Действительно, как показал в свое время М. Фуко, между властью и знанием имеется существенная связь (Foucault 1979. Р. 27-28). Не только знание расчищает дорогу к власти, но сама власть устанавливает природу и пределы знания. В нашем случае именно такого рода знанием служит так называемая «историческаястина». Ниже мы увидим, что и действующая власть, и ее оппоненты стремились установить монополию на нее, давая ей порой диаметрально противоположные толкования. Но они сходились в одном — в своем стремлении использовать «историческую истину» для мобилизации масс в целях осуществления тех или иных политических проектов (Jones 1994: Шнирельман 2004 а).

Сегодня северокавказские специалисты подчеркивают, что актуализация исторической памяти сыграла значительную роль в политическом развитии региона и к ней постоянно обращались все действующие политические силы для продвижения своих проектов. В частности, на Северном Кавказе актуальным стал «синдром жертвенности и вчинения исков» (Битова и др. 1996. С. 17-18, 27). Так, для легитимизации советской власти и «российского владычества» одни народы (балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы) делали акцент на депортации 1943-1944 гг., а другие обращались к еще более глубоким пластам памяти и вспоминали о движении Шамиля (чеченцы, дагестанцы) или о массовом выселении в

Турцию после Кавказской войны (адыги). Правда, как настаивают некоторые кабардинские авторы, для адыгов акцент на геноциде XIX в. служил аргументом не в пользу независимости, а для уравновешивания эффекта актуализации балкарской памяти о депортации (Битова и др. 1996. С. 28. См. также: Goldenberg 1994. Р. 206) [9]. В любом случае представление о прошлом является важнейшим элементом националистической идеологии на Северном Кавказе, хотя, как считает А. Мотыль, его важность может быть и не столь высокой в некоторых других регионах (Motyl 1999. Р. 77) [10]. Глобальное обследование, проведенное Т. Гуром, показывает, что во многих случаях (63 из 81) «современные сепаратисты оправдывают свои претензии происхождением от предков, чья длительная самостоятельная жизнь закончилась после того, как они были завоеваны современными государствами» (Gurr 1993. Р. 76). В этом отношении Северный Кавказ вовсе не составляет какого-либо исключения.

Любопытно, что, судя по социологическим данным, высокая готовность к этнополитической мобилизации отмечалась у всех северокавказцев независимо от их образовательного уровня, а у русских она отмечалась только у высокообразованной интеллигентской элиты (Крицкий 1995. С. 73-76). Скорее всего, это было связано с живучестью традиционных институтов консолидации и солидарности у народов Северного Кавказа, а также с их сравнительно небольшими размерами и компактностью проживания. Все это способствовало высокой плотности межличностных контактов и позволяло сохранять и культивировать память о ключевых моментах своей истории независимо от наличия или отсутствия формального образования. Вместе с тем на этом основании было бы ошибочным преуменьшать роль и влияние интеллектуалов, в особенности научной элиты. Вне зависимости от степени образованности общественность Северного Кавказа придавала большое значение словам местных ученых. В частности, обсуждая истоки осетино-ингушского конфликта, ингушский историк М. Б. Мужухоев писал: «Слово ученого звучит весомо, ему верят, к нему прислушиваются, оно воспитывает и часто формирует общественное мнение. Касаясь сложной проблемы межнациональных отношений, ученый может способствовать их стабилизации и оздоровлению, может и целенаправленно разрушать. Последнее всегда опасно» (Мужухоев 1995. С. 6, 97). Вместе с тем на Северном Кавказе упреки в фальсификации истории обращают прежде всего к соседям: например, ингушские авторы обвиняют в этом осетин (Мужухоев 1995. С. 6, 97; Базоркина 2001. С. 143), а осетинский философ — чеченцев и ингушей (Хачирти 2002. С. 67, 368).

Все это свидетельствует об огромной социальной роли этнонациональной истории на Северном Кавказе. Для северокавказцев эта история имеет несравненно большее значение, чем, например, для белых американцев. Если в ответ на вопрос о роли прошлого в их жизни американцы обращаются прежде всего к фактам личной или семейной истории, то обитатели Северного Кавказа говорят о прошлом своего народа. Аналогичным образом, вспоминая об исторической личности, оказавшей на них наибольшее влияние, американцы сплошь и рядом говорят о каком-либо родственнике (Rosenzweig, Thelen 1998. Р. 22), тогда как северокавказцы неизменно называют имя Шамиля. В то же время в ходе детальных интервью выяснилось, что черные американцы и американские индейцы в гораздо большей степени, чем белые американцы, связывают свои семейные истории с историей расы или племени. Например, среди черных американцев оказалось в семь раз больше, чем среди белых, тех, кто придавал основополагающее значение фактам своей этнорасовой истории. А среди индейцев-сиу таковых оказалось даже в десять раз больше. В свою очередь, если белые американцы в числе главных исторических событий называли Вторую мировую войну, войну во Вьетнаме и убийство президента Дж. Кеннеди, то для черных американцев гораздо важнее оказывались движение за гражданские права и период рабства, а для индейцев-сиу — образование резерваций и столкновения с белыми (Schuman, Scott 1989. Р. 362-369; Rosenzweig, Thelen 1998. Р. 147-176). Как показывают специалисты, это явление свойственно и крестьянской памяти, которая иной раз хорошо запечатлевает локальные события в ущерб событиям общенационального значения (Fentress, Wickham 1992. Р. 92-114). В Англии дети иммигрантов из стран Азии и Африки также испытывают интерес к истории и культуре стран своего происхождения (Emmott 1989). В этот список можно включить и северокавказцев, дня которых факты своего коллективного прошлого представляются нередко более важными, чем факты общефедеральной истории.

Особенности интеллигентской среды на Северном Кавказе невозможно понять без учета его сложного этнолингвистического состава. Большинство местных обитателей принадлежат к следующим лингвистическим семьям: иранской (осетины, таты), тюркской (кумыки, ногайцы, балкарцы, карачаевцы) и северокавказской (адыгейцы, черкесы, кабардинцы, чеченцы, ингуши и многие народы Дагестана). Из местных народов осетины являются единственными христианами: остальные, кроме татов-иудеев, исповедуют ислам. Северный Кавказ занимает пограничное место между христианским и ис-

ламским мирами. Его современная политическая карта сложилась в результате длительных и непростых взаимодействий местных народов в контексте более широких geopolитических интересов крупных империй (Российской, Османской и Персии).

В данной книге стержнем моего исследования является «политика прошлого», роль которой в формировании и развитии этнонационализма в XX в. трудно переоценить. Стимулированный официальной идеологией неустанный поиск этнических предков являлся важной стороной советской жизни (Shnirelman 2000 а: 2003; Jones 1994; Shnirelman 1996: 2002 с; 2003 а). Почему многие этнонационалисты так высоко ценили именно отдаленное прошлое и этнические корни? Чего они ожидали в самом начале истории, что заставляло их без устали углубляться в ее все более ранние слои? Чем объясняется такое тяготение к «вечному возвращению» (Eliade 1959)? Что за «вдохновляющий архетип» (Schwarcz 1994. Р. 51) люди ищут в истоках истории? Почему их привлекают одни представления о прошлом и не привлекают другие и при каких условиях? Возможно ли присвоение чужого прошлого? [11]. Почему люди вообще апеллируют к прошлому, если связи с ним давно утрачены?

Хорошо известно, что «каждая группа, стремящаяся развить свое самосознание, в какой-то момент создает миф о своих происхождении и судьбе, что призвано привить ее членам гордость за свое прошлое и породить веру в свою способность сформировать собственное будущее» (Brass 1974. Р. 28-29). Вместо проведения широкого сравнительного исследования различных националистических мифов, как это делают ряд авторов (Smith 1984; 1992b; 1997; Van Evera 2001. Р. 47-54), я обращаюсь к нескольким конкретным примерам, позволяющим изучить роль этногенетических конструкций в нациестроительстве в отдельном регионе. При этом я вижу в этногенезе «корректирующее вторжение в прошлое», перефразируя Энтони Гидденса (Giddens 1991. Р. 72. Также см.: Baumann 1999. Р. 19-21), а также важный символ, способствующий социальной интеграции (Bourdieu 1992. Р. 166). Я рассмотрю конструирование регионального прошлого, а именно как и в каких именно социальных и политических условиях северокавказские интеллектуалы вели поиск своего прошлого и создавали этногенетические схемы в советское и постсоветское время в зависимости от колебаний политического маятника как на федеральном, так и на региональном уровнях [12]. Меня также интересует политическая функция примордиалистских мифов.

У многих этнических групп, в том числе северокавказских, включенных в состав Российской империи, не было своей письменной истории; их прошлое было смутным, и даже само их существование в прошлом иной раз ставилось под вопрос. Как метко заметил Рональд Суни, Советский Союз стал «инкубатором новых наций» (Suny 1990. Р. 6-9; 1993), и всем им требовалось подходящее прошлое. В 1920-х гг. как партийные руководители, так и деятели культуры хорошо это понимали. В те годы бесписьменные народы называли «племенами», а не «нациями»; им еще предстояло с помощью советской власти стать нациями (Трайнин 1923. С. 24-25. Об этом см.: Kemp 1999. Р. 75-76; Martin 2001. Р. 10-15, 402). В 1920-х гг. первые местные историки создавали идеализированные представления об этническом прошлом — то, что Джон Армстронг назвал «мифомотором» (Armstrong 1982). Х. Кэй — «великим правящим нарративом» (пит. по: Dawisha, Parrott 1994. Р. 24), а В. Рудометов — «национальными нарративами» (Roudometof 2002. Р. 8), — с целью формирования этнических идентичностей и подведения научных или псевдонаучных основ под этнополитические требования.

В начале 1930-х гг. все такие взгляды встретили жесточайшую критику и были отвергнуты как не соответствующие советскому интернационализму, а многие местные историки подверглись преследованиям в годы Большого террора. Но в самом конце 1930-х гг. политика вновь резко изменилась. После того как новая советская Конституция 1936 г. окончательно утвердила список республик и автономий, все официально признанные этнические группы получили статус «исторических народов», и новые этноадминистративные образования должны были подтвердить свою легитимность путем обращения к далекому прошлому. Однако и в это время у многих народов все еще не было письменной истории. Поэтому власти стимулировали создание региональных (этнических) историй, надеясь использовать их в своих собственных прагматических целях [13].

В 1939 г. Академия наук СССР начала широкие исследования, призванные снабдить различные советские народы своим собственным длительным прошлым. В 1940-1960-х гг. многие местные ученые, включая археологов, занимались этой престижной тематикой в самых разных уголках СССР. Чтобы оправдать свое участие в этом проекте, археологи доказывали, что истоки народов уходят в глубочайшую древность, — стратегия *longue durée*. полюбившаяся Джону Армстронгу и Энтони Смиту (Armstrong 1982. Р. 8; Smith 2000. Р. 63-64) [14]. В этом отношении весьма типичными выглядят следующие слова

ведущего специалиста по древнейшей истории Северного Кавказа Е.И. Крупнова: «Подлинно научное изучение истории кабардинского народа, как и истории всякой нации, также должно вестись с самой глубокой древности. Даже выяснение важнейшего вопроса — определение кабардинского народа как нации — неминуемо должно нас увести в глубочайшую древность и связать с археологией» (Крупное 1951а. С. 21). Таким образом, этногенез стал разновидностью нарратива, считавшейся очень важной для проекта нациестроительства (ср.: Bhabha 1990b).

Однако этот процесс был прерван в 1944-1957 гг., когда так называемые «наказанные народы», депортированные с Северного Кавказа (Conquest 1970; Nekrich 1978; Critchlow 1991), были насилиственным путем лишены исторических корней, родины и социальной памяти. Всяческие упоминания их предков были вычищены из официально утвержденной истории региона. В то же время историки народов, избежавших ссылки, делали все возможное, чтобы обнаружить как можно более древние корни своих предков и тем самым сделаться «истинными» аборигенами. После того как «наказанные народы» были реабилитированы и вернулись на родину, республиканские истории были снова переписаны. По иронии судьбы, это произошло в то самое время, когда в советских школах была введена программа русификации. Более того, региональные истории отражали этнополитическую иерархию и были призваны «утвердить место административно-политического образования в соответствии с его большой древностью» (Kohl 1998. Р. 232). Все эти истории находились под жестким контролем со стороны властей, и написание наиболее острых разделов (таких, как этногенез) поручалось только «независимым» специалистам, преимущественно этнически русским (Martiny 1979. Р. 263-264). Их научную продукцию властям было гораздо легче контролировать, чем произведения ученых нерусского происхождения, в особенности тех, кто принадлежал к «наказанным народам». И все же местные ученые тоже пытались развивать свои собственные представления об этническом прошлом [15]. С тех пор образ местного прошлого стал важным орудием борьбы за политические и социальные права и привилегии, территорию и этническую самобытность. Создание местных историй сыграло большую роль в развитии этнического национализма, прямо или косвенно получавшего поддержку у местных советских чиновников, соседствуя, как это ни парадоксально, с кампаниями «борьбы против национализма» (Rakowska-Harmstone 1986; Suny 1993; Slezkine 1994; Khazanov 1995. Р. 58-59; Martin 2001) [16].

Почему коммунистическая догма сменилась крайним этнонационализмом? Произошло ли это одномоментно и было ли это случайностью? Представляется, что нет. В свое время Эмиль Лендейль отметил, что «в то время как националистические страны двигались к интернационализму, внешне интернационалистические страны двигались к акцентированной форме национализма» (Lengyel 1969. Р. 92). Однако он не смог этого объяснить, ограничившись замечанием о том, что «Россия никогда не была столь националистической, как в условиях «интернационального» коммунизма» (Lengyel 1969. Р. XIV). Мне представляется, что это имело два основания: одно — структурное, а другое — идеологическое. Едва ли не с самого начала советское политико-административное устройство базировалось на этнотERRITORIALном принципе. Недавно Терри Мартин убедительно продемонстрировал, что СССР с самого начала был основан на принципах «национализма аффирмативных действий» (Martin 2001) [17]. Это вело к тому, что политическими правами наделялись прежде всего этнические группы как «коллективные личности», причем титульная группа всегда имела в своем регионе привилегии (Коротеева 2002. С. 129-136) [18]. Однако, во-первых, объем этих прав был изначально неодинаковым у разных таких групп (Пихоя 1998. С. 291-292, 529-530; Gleason 1990), во-вторых, государство по собственной воле могло наделять их дополнительными правами или, напротив, вопреки воле самих людей лишать их уже имевшихся нрав (см., напр.: Sahni 1997. Р. 118-123; Cornell 1999. Р. 187-189). Результатом была политизация этнического фактора, превращавшая его в фактор этнонациональный (Bond, Sagers 1989. Р. 462-463; Suny 1993; Slezkin 1994; Coppieeters 2001. Р. 31-37; Martin 2001), эффективно использовавшийся местными этническими элитами. Таким образом, если, как полагают некоторые авторы (Schopflin 1995. Р. 83), после смерти Сталина этнонационализм и утратил свои прежние позиции, то только в риторике и показательных кампаниях, а не в реальной политике и культурной практике.

Все это, во-первых, вело к соперничеству между отдельными, особенно соседними, этническими группами, ревниво следившими за успехами соседей: в советское время «словесные гражданские войны» (Hayden 1994. Р. 179-180), происходившие между интеллектуалами из соседних этнических групп, были эндемичными. Во-вторых, в условиях ослабления центральной власти в распоряжении местных республиканских элит оказались важные рычаги управления и институты, которые они использовали себе во благо, хотя и под лозунгами укрепления государственности титульных народов (Breuilly 1993. Р.

347-350; Gurr 1993. P. 62-63. 180; Verdery 1996. P. 85-86; Walker 1996. P. 9-10). Кроме того, при слабости или неразвитости представительных институтов у политиков возникает большой соблазн апеллировать к культурно-языковой общности (Snyder 2000. P. 182, 186). Это порождает этническую напряженность в многоэтнических государствах; Вот почему в период перехода от авторитарного режима к демократии страны с эндофедеральной структурой весьма уязвимы для этнических конфликтов (Snyder 2000. P. 199-204).

Что же касается советской идеологии, то ее стержнем была конфронтация, поначалу определявшаяся тезисом о классовой борьбе. Даже взаимоотношения Советского государства на международной арене описывались в этих терминах как соперничество пролетарского государства с буржуазными. Однако после подавления и даже физического уничтожения «эксплуататорских классов» в 1930-х гг. и построения социально однородного советского общества классовая парадигма исчезла, но понятие о развитии в ходе борьбы антагонистических сил сохранилось. Советское государство перестало быть «пролетарским» и превратилось в «общенародное». В этих условиях «пролетарской идеологии» не оставалось ничего другого, как смениться на «общенародную», а иными словами — на националистическую. В Румынии это следующим образом сформулировал Н. Чаушеску: «После исчезновения эксплуататорских классов нация стала сильнее, и ее единство сцепментировалось. Только в условиях социализма себя могут полностью выразить реальная общность экономических интересов и общая социалистическая культура всех граждан, живущих на единой территории» (цит. по: Schupflin 1974. P. 92).

То же самое происходило и внутри государства, где антагонистические классы исчезли, а этнические группы с их неравными политическими статусами сохранились. Поэтому в 1930-1940-х гг. роль классовой идентичности постепенно сошла в СССР на нет; зато резко возросла роль этнической идентичности [19]. Существенно, что это произошло при активном участии государства, искусственно стимулировавшего развитие этнонационализма (Tishkov 1994; Verdery 1996. P. 93-97, 102), с одной стороны, аффирмативными действиями (коренизацией, поддержкой местных языков, учетом этнической принадлежности паспортной системой, введением конституции 1936 г., окончательно закрепившей за различными этническими группами разные политические статусы юридически), а с другой, депортациями отдельных этнических групп в 1920-1930-х гг. и, наконец, «наказанных народов» в период Второй мировой войны, показавшими решающую роль этнической принадлежности в решении вопроса о жизни или смерти людей. По этой логике классовый враг закономерно сменялся этническим или расовым, что вело к росту ксенофобии, шовинизма и к появлению расизма [20]. Вовсе не случайно Пьер Бурдье счел «этничность» эвфемизмом дня понятия «расы» (Bourdieu 1992. P. 220). Не стоит забывать, что в течение последних десятилетий новые правые в том же смысле используют термин «культура» (Nairn 1981. P. 256-290; Seidel 1986).

Пренебрежение правами личности и рассмотрение человека прежде всего как частицы более крупного этнического единства укрепляли веру в «общность исторической судьбы» (Kemp 1999. P. 9) [21]. Этот принцип действовал тем более жестко, что сталинские этнические чистки, депортации и дискrimинация по этническому признаку действительно укрепляли людей в мысли о том, что своей личной судьбой они теснейшим образом связаны со своей этнической группой. Подобно Балканам, недавнее прошлое Северного Кавказа «все чаще прочитывается через призму геноцида, отдающего приоритет этнонациональным идентичностям по отношению ко всем иным» (Ballinger 2003. P. 130, 272). Так выковывался этнический примордиализм, и этничность отождествлялась с нацией, т. е. национальное единство виделось как этническая, а не гражданская общность. Другой модели советские люди не знали. Все это раскрывает нам секрет стойкости примордиализма в сознании советского и постсоветского человека [22].

Вот почему к эпохе перестройки этнонационалистические идеологии оказались более действенными и им без труда удалось одержать верх над общедемократическими настроениями (Kemp 1999. P. 198). Как верно отмечает российский социолог, проанализировавший социальные процессы 1990-х гг., «противостояние старых (коммунистических) и новых (демократически-национальных) элит постепенно уступает место конкуренции и противостоянию этнических элит внутри политических структур республик» (Крицкий 1995. С. 2-3). В этой борьбе, начавшейся еще в 1980-х гг. (Аствацатурова 1997), активно использовались образы далекого прошлого (Шнирельман 1996; 2000 а; 2003; Shnirelman 1996; Coppieeters 2002. P. 103-107). В терминах Пьера Бурдье речь шла о «борьбе между различными специалистами, постоянно занятymi созданием символов, борьбе за монополию над легитимным символическим насилием, т. е. правом использовать (и даже насаждать) малонадежные инструменты знания о со-

циальной реальности и ее выражения (с помощью таксономии) — но инструменты, произвольная суть которых оставалась не осознанной» (Bourdieu 1992. Р. 168). Правда, то, что Бурдье относил к социальным классам, сменилось, как отмечалось, этническими группами. Именно об этом пойдет речь в данной книге.

В условиях сильного политического давления местные историки должны были конструировать региональное прошлое, опираясь на доминирующую историческую концепцию независимо от того, разделяли они ее или нет (Tillctt 1969). Это, разумеется, является общей особенностью колониального и постколониального дискурса. Кроме того, местные научные мифы о прошлом отражали скрытую или открытую напряженность между соседними этническими группами, обнаружившую себя в открытой конфронтации и столкновениях уже в постсоветское время (Birch 1995; 1999; Charachidze 1989; Coppievers 1996; Cornell 1998: 1999a; 1999 b: Drobizheva 1996; Goldenberg 1994; Hill, Jewett 1993; Kohl, Tsetskhadze 1995; Ormrod 1997; Smeets 1995; Smith 1998; Ware, Kisriev 1995; 2001). Мне представляется необходимым идти дальше упрощенного мнения об односторонних взаимоотношениях между общесоветской (федеральной) и региональными историографиями (Tillett 1969; Sahni 1997. Р. 214–225); в реальности борьба за прошлое вовлекала целые школы этнических историков и велась как на федеральном, так и на региональных и локальных уровнях.

Северокавказские ученые это хорошо осознавали. Так, выступая на всероссийской конференции во Владикавказе в июне 1995 г., кабардинский ученый говорил: «К сожалению, сейчас на страницах журналов, газет под флагом возрождения национального самосознания провозглашаются идеи откровенно националистического толка, тенденциозно искажающие исторические факты, предъявляющие огульные обвинения целым народам, и тем самым создаются предпосылки к искусственному нагнетанию напряженности в сфере межнациональных отношений. Эти статьи с картами, которые были опубликованы на страницах республиканских газет Северного Кавказа, противоречат географической, этнической и исторической логике. Такие публикации являются рассадниками исторической лжи и не способствуют стабилизации межнациональных отношений. Верно говорил Олжас Сулейменов, что, пока эта непрекращающаяся тенденция не разоблачена, история продолжает оставаться источником пещерного этноцентризма. Печальным результатом практики самовозвышения за счет других стали некоторые сегодняшние социальные проявления. Во многих публикациях между учеными усиленно идет соревнование по удревнению истории, возвеличиванию заслуги своего народа в создании духов нравственных ценностей» (Эфендиев 1997. С. 161). Поэтому, чтобы понять этнополитическую ситуацию в отдельных северокавказских республиках, необходимо детально сопоставить культивирующиеся там версии прошлого и популярные представления как о себе и своих предках, так и о своих соседях [23].

Особое место в моей книге отводится радикальным сдвигам в историографии, происходившим во второй половине 1980–1990-х гг. В это время кардинально изменилась сама социальная функция этногенеза и этнической истории: если прежде преобладали познавательная и дидактическая цели, то теперь на первый план вышли идеологические и политические вопросы. Эта политизация прошлого вовсе не удивительна — ей имеются множество аналогий в других регионах мира, где процесс демократизации вызывал к жизни новые идеологии и актуальные политические концепции (Geertz 1973. Р. 221). Отсюда явление, приводящее в замешательство современных российских историков, — сейчас многие популярные исторические конструкции часто основываются не столько на первичных документах, сколько на мнениях известных мыслителей и политических деятелей (иногда даже на подделках).

На рубеже 1980–1990-х гг. этническая история получила особый смысл и заняла центральное место в возникающих новых идеологиях. Прежнее обращение к будущему, культивировавшееся советской властью, оказалось фантомом, не способным удержать СССР от распада. Советский миф о великом бесконфликтном будущем рухнул, не оставив себе никакой замены. К началу 1990-х гг. оно представлялось туманным и уже не вызывало всеобщего энтузиазма. Теперь идеалы приходилось искать в прошлом. Однако недавняя история с ее героями также оказалась безнадежно дискредитирована. В отличие от англичан, для которых преемственность с историей воплощается в королевской семье (Billig 1990. Р. 74), бывшие советские люди не имели столь же привлекательного примиряющего всех символа, ибо советская символика, возглавляемая Октябрьской революцией, утратила свою притягательность, а попытки сделать упор на мученической гибели императорской семьи были встречены обществом достаточно прохладно. Поэтому искомую историческую преемственность оставалось связывать с «бессмертным народом», изображаемым в виде былинного богатыря, упорно продвигающегося вперед по тропам исто-

рии, какие бы злоключения его гам ни ожидали. Именно этот образ позволял людям испытывать чувство близости (*Gemeinschaft*) и надеяться на взаимопомощь перед лицом болезненных испытаний.

Можно называть две причины, по которым местные историки создавали радикальные и этноцентристские образы этногенеза. Во-первых, теперь они почувствовали свободу и уже не чувствовали себя чем-либо обязанными центру, а московское и ленинградское знание о прошлом потеряло кредит доверия. Во-вторых, в результате быстрых и глубоких социополитических трансформаций люди осознали свои собственные политические интересы, и в республиках развернулась борьба между различными этнополитическими элитами.

В наши дни Северный Кавказ является регионом очень высокой социальной и политической напряженности. Здесь актуальны такие вопросы, как политический суверенитет (Чечня), ирредентизм (осетины и лезгины), территориальный спор (осетино-ингушский конфликт), повышение политического статуса (балкарцы, ногайцы), культурные и демографические преимущества (адыгейцы, черкесы, кумыки). Тем самым список этнополитических проблем здесь не ограничивается теми тремя (гегемония, автономия, равноправие), которые называют некоторые западные авторы (Esman 1994. P. 37; Gurr 1993. P. 15-23, 115-116; Gurr, Haiff 1994. P. 15-26). Острым вопросом на Северном Кавказе стала легитимизация политических требований отдаленным прошлым и былым величием — это и требует позитивного образа славных предков. Отсюда столь высокоэмоциональные споры местных интеллектуалов о том, чьи предки раньше поселились на Северном Кавказе, создали там высокую культуру, развили раннюю государственность и были введены в лоно христианской церкви. Одним из главных полей, на которых разгораются нешуточные баталии, является наследие раннесредневековых аланс и их государственность. Вовсе не случайно Республика Северная Осетия прибавила к своему названию имя Алании. Однако право на алансскую идентичность у осетин оспаривают, с одной стороны, соседние балкарцы и карачаевцы, а с другой, ингуши и чеченцы, рассматривающие ее как очень важный политический ресурс. Я проанализирую современную идеологическую борьбу за предков на Северном Кавказе как риторику, выражающую стремление этнических групп повысить политический статус, расширить или отстоять свою территорию и получить доступ к важным природным и финансовым ресурсам. Я также покажу огромную важность самого государственного или этнического названия, обнаруживающуюся в современном дискурсе. Ведь имя несет с собой представления о центральности и маргинальности, включенности или изгойстве, гегемонии или подчинении, величии или зависимости [24]. Иными словами, вслед за К. Гирцем (Geertz 1973. P. 193-233) я вижу в идеологии культурную систему, а идеологическое соперничество рассматриваю как «культурные войны» [25].

В Советском Союзе этническое прошлое широко использовалось для формирования и укрепления этнической идентичности. Ведь из всех возможных идентичностей этническая была важнейшей и сопровождала человека в течение всей его жизни. Это было тесно связано с этнической дискриминацией, явившейся следствием асимметричной федеральной структуры, основанной на различных уровнях этнотERRиториальной автономии. Ведь некоторые этнические группы получали в свое распоряжение полнокровные союзные республики, другие довольствовались автономными республиками, трети — автономными областями и округами, а многие не получали и этого и чувствовали себя в подчинении других (Pipes 1964; Gleason 1990; Carre re d'Encausse 1992; Tishkov 1997. P. 31-35, 55, 241; Solnick 1998. P. 64; Smith 1999; Martin 2001. P. 413; Suny 2001; Coppelters 2002. P. 101-103). Будучи важным политическим ресурсом, этническая идентичность признавалась и даже стимулировалась властями — она неизменно включалась в свидетельство о рождении и паспорт. Это и придавало ей якобы неизменную природу, что контрастировало с иными как традиционными (Barth 1969), так и западными моделями (Jenkins 1996. P. 65-66). Фактически это особый случай того, что имел в виду Пьер Бурдье, говоря о том, что «политическое поле создает своеобразный эффект цензуры, ограничивая рамки политического дискурса, а следовательно, и круг политически возможного» (Bourdieu 1992. P. 172). Вот где корни этнического примордиализма, доминировавшего в умах советских людей. Лишенные какой-либо личной политической свободы, люди связывали свое будущее со своей этноадминистративной единицей или в целом с политическим статусом своей этнической группы. Тем самым этническая идентичность утрачивала свойственную ей пластичность (Шнирельман 1992; Коростелев 2002). Какие-либо изменения этнической идентичности и статуса в этих условиях были для людей весьма болезненными.

Символически такой статус был связан с аутентичной культурой, особым языком и историей [26] и даже с размером населения. Поэтому обсуждение всех таких проблем было, по сути, эзоповым языком, использовавшимся для обсуждения политического статуса этнической группы и ее дальнейших

перспектив. Рассматривая представления о прошлом, культивировавшиеся северокавказскими интеллектуалами в советское и постсоветское время, можно без труда обнаружить, в какой большой степени такие представления отражали состояние социальной и политической среды. Иными словами, этногенетические исследования в СССР вовсе не были лишены ценностной нагрузки; они несли важное политическое послание и эффективно использовались интеллектуальными лидерами как ценный политический ресурс (Shnirelman 1995: 1996; Tishkov 1997. P. 12-15; Шнирельман 2003).

Тем самым, в отличие от иных политических контекстов (Baumann 1999. P. 10), конструктивистская деятельность Советского государства была направлена на укрепление этнических границ и усиление этнической идентичности. Чтобы понять особенности этнополитического процесса в СССР и после его крушения, следует иметь в виду, что только коренные народы (за редчайшими исключениями, типа калмыков) могли надеяться на обретение политической автономии [27]. Но, чтобы получить статус коренного народа, этническая группа должна была продемонстрировать свою культурную и языковую аутентичность. Еще лучше, если она могла связать себя с какой-либо древней государственностью и проследить непрерывность длительной политической традиции [28]. Так как современная Россия унаследовала асимметричную федеральную структуру и вытторговывая привилегий до сих пор служит важной стратегией во взаимоотношениях между центром и периферией (Solnick 1998), то и «политика прошлого» продолжает оставаться важным элементом постсоветского политического процесса. Именно в этих условиях ранняя и даже первобытная история становится огромной политической ценностью. Как и в других регионах мира (Rowlands 1994), даже археология стала политической наукой на Северном Кавказе, где в течение последних десятилетий различные этнические группы боролись за коренных и/или славных предков. В эпоху «великой дружбы» при советской власти дискуссии о том, что происходило в отдаленном прошлом, служили тайным языком, использовавшимся для выражения озабоченности и тревоги по поводу современных проблем: несправедливых действий (включая депортацию) советских чиновников, межэтнической напряженности, территориальных потерь и т. д. Эти-то тревоги и обнаруживали себя в жарких дискуссиях о происхождении современных народов Северного Кавказа, о местоположении их прадедов, о размере и конфигурации их прежней территории, о славных деяниях и выдающихся достижениях их предков.

Изучая историографию, следует проводить четкие различия между социальным положением и целями культурных акторов, включая ученых, с одной стороны, и тех специалистов, которые не были вовлечены в местную политику, с другой. Под культурными акторами я понимаю тех, кто в силу своей включенности в местную культурную среду вынужден или готов добровольно любой ценой проявлять лояльность к данной этнической группе и в своей профессиональной деятельности придерживается этнических ценностей [29]. Несмотря на их искреннее стремление оставаться в пределах научной парадигмы, культурные акторы весьма зависят от социального и политического окружения, ограничивающего их свободу мысли и творчества [30]. Это — еще одна особенность «аборигенных антропологов» наряду с теми, которые уже отмечались Марджори Болзер (Balzer 1995).

По справедливому замечанию Р. Сунн, «чтобы реализовать свои предпочтения, люди могут действовать рационально, но сами эти предпочтения тесно связаны с идентичностью, сконструированной самими людьми или сконструированной кем-то для них» (Suny 2001). Имея в виду конкретный балканский случай, В. Рудометов говорит, что «академические работы об этом сюжете в течение длительного времени страдали от политических и национальных предубеждений, существенно повлиявших на развитие научных представлений о противоречивых этнических и национальных подходах к вопросу о “Македонии”» (Roudometof 2002. P. 6). И это — вовсе не уникальный случай. Поэтому, имея дело с на первый взгляд научными работами, происходящими из такого рода среды, специалист должен быть готов к встрече с этноцентристскими мифами, созданными учеными вместе с авторами-любителями. Изучение политизированных этноцентристских конструкций прошлого как мифов изымает их из чисто академического дискурса и переводит в междисциплинарное поле, где царствуют не одни лишь археологи, антропологи и историки, но и политологи (Connor 1994. P. 74-76). При этом место социальной антропологии определяется тем, что «большинству антропологов следует сконцентрировать внимание на демонстрации того, как конкретные исторические построения используются в качестве рычагов для создания идентичностей, а также в политике» (Erikson 1993. P. 72).

Действительно, их собственное отдаленное прошлое, включая древние государства, якобы созданные их предками, привлекает людей не из одного лишь чистого любопытства. Они ведут поиск позитивных ценностей и моделей поведения, которые способны вести к успеху. Мало того, «коллективное

присвоение древности и особенно общая память о Золотом веке играют большую роль в формировании наций. Чем более славным и величественным выглядит древнее прошлое, тем проще сплотить людей вокруг их общей культуры, объединить их различные группы и определить общую национальную идентичность» (Smith 1997. Р. 39). Поэтому-то в данной книге и исследуется образ Золотого века, а также коначная цель, ради которой он конструируется современными северокавказскими интеллектуалами.

Кроме того, в настоящей книге будет рассмотрена концепция «столкновения цивилизаций». Северный Кавказ — очень благодатное поле для этого, ибо, как уже отмечалось, он расположен на стыке христианского и мусульманского миров. Оказывало ли это влияние на политику советской власти в отношении местных народов (Bennigsen Broxup 1992c)? Лежала ли религиозная нетерпимость в основе местных этнических трений и столкновений? Как религиозные различия отражались на страницах научных публикаций и школьных учебников? Я покажу, что исламские ценности не играли никакой роли в современных спорах между христианами-осетинами и их соседями-мусульманами об аланских предках. Совершенно очевидно, что ислам никак не мог помочь ингушам, чеченцам и дагестанцам бороться друг с другом за одно и то же историческое наследие. Еще интереснее, что даже участники осетино-ингушского конфликта не апеллировали к исламским ценностям (Kurbanov, Kurbanov 1995). Этот конфликт, который с точки зрения концепции Сэмюэля Хантингтона мог бы быть интерпретирован как борьба между христианской и исламской цивилизациями, фактически был весьма далек от обращения к каким-либо религиозным ценностям. Следовательно, этнические конфликты вызываются отнюдь не различными культурными ценностями *per se*. Напротив, идеологические и политические лидеры порой даже заинтересованы в мобилизации разных культурных ценностей для достижения своих собственных целей. Для этого они и отбирают то, что, на их взгляд, лучше соответствует их целям, и нередко превращают личный или локальный конфликт в этнический или религиозный (Brass 1974. Р. 46-47; 1991. Р. 15-17; Baumaim 1999. Р. 23-24. 69-80). На Северном Кавказе они порой обращаются к исламу, чтобы сохранить свою идентичность, но используют совершенно иную риторику в контексте этнического соперничества для борьбы за политическую власть и территорию, ибо едва ли не главным фактором нестабильности на Северном Кавказе является хроническая нехватка земли (Coppelters 1996).

В этих условиях подчеркивались не столько именно религиозные различия, сколько этнические различия вообще, в чем бы они ни выражались. По признанию историка Л. Гатаговой, «на Кавказе расцвела и молчаливо поощрялась местными властями практика создания «оригинальных» версий прошлого своего народа — с непременным возвеличиванием его роли за счет соседних этносов... Национальные школы соседних республик с фактами в руках доказывали диаметрально противоположные идеи, невзирая на противоречия и перехлесты» (Гатагова 1999 б. С. 16).

Акцент на самобытности, служивший оборонительным ресурсом против русификации в советское время, в постсоветский период перерос в представление о «биоэтногенетическом основании» отдельных народов, об их «этнопсихологической совместимости» или «несовместимости» (см., напр.: Эфендиев 1997. С. 159-160), т. е. создал благодатную почву для культурного расизма. Социологические опросы показали, что если в последние советские десятилетия источник национальных обид и националистических настроений общественное сознание объясняло политическими факторами, то к середине 1990-х гг. люди начали видеть в агрессивности едва ли не генетическое свойство отдельных этнических групп (Бугаева 1997. С. 189-190). На Северном Кавказе возникла такая научная дисциплина, как этнопсихология, и ее представители начали создавать научное обоснование для такого рода представлений, делая акцент на необычайно устойчивых групповых (этнических) ценностях, «предопределяющих характер взаимодействия народов на межличностном и межгрупповом уровнях» (Хадиков 1997. С. 194). Эта тенденция, импульс которой задали ученые из федерального центра, получила на Северном Кавказе широкое распространение, хотя некоторые местные авторы выступали против нее и подчеркивали, что она оправдывает национальную вражду, делая ее едва ли не естественным законом (Атаева, Гонов 1997. С. 221). Действительно, как подчеркивает Герд Бауманн, такой вид «дифференциального мультикультурализма превращается в инструмент репрессии, а не освобождения» (Baumann 1999. Р. 89).

Как пишет В.А. Тишков, выступающий против « злоупотребления историческими аргументами», этноцентристский дискурс начинается с научных текстов, затем он подхватывается журналистами и политиками, а уж потом «отливается в пули и в боевой дух» (Тишков 2001б. С. 64-65). Ту же мысль излагает и Л. Гатагова, отмечающая, что на Северном Кавказе «многие современные этноконфликты зародились на страницах исторических работ, преимущественно по древности и средневековью...» (Гатагова 1999 б. С. 16). В этом отношении распространенный в различных российских регионах повышенный ин-

терес к древней истории, связанный с этнополитическими идеологиями, напоминает скорее аналогичную индийскую ситуацию (Thapar 2000. Р. 1), чем западную, где местное большинство, как правило, индифферентно к давнему прошлому.

Еще Карл Поппер настаивал на том, что объективно история не имеет смысла и что сам человек вносит этот смысл в историю, руководствуясь определенными политическими соображениями. Поэтому, допуская разнотечение исторических фактов, Поппер предупреждал против некритических пристрастий в обращении с последними (Поппер 1992. Т. 2. С. 307-320). Более того, в «историцизме» он видел угрозу открытому обществу, ибо тот порождает у человека соблазн снять с себя ответственность за свои собственные поступки и решения и переложить ее на историю. Вот почему Поппер называл Гераклита, сформулировавшего принцип историзма, «первым сознательным врагом открытого общества» (Поппер 1992. Т. 1. С. 235; Т. 2. С. 321). По словам вдумчивого осетинского исследователя, «нельзя (да и не выйдет) жить без прошлого. Однако жить в прошлом тоже не стоит. Тем более перед лицом небывалых по сложности и драматичности вызовов Настоящего и Будущего» (Дегоев 2001. С. 375).

Для преодоления этнонационалистических подходов к истории, замыкавшихся в рамках отдельных республик, в начале 1970-х гг. советское руководство начало ориентировать историков на создание региональных исторических проектов (Martiny 1979. Р. 267-268). Предполагалось, что такие исследования, во-первых, подведут научную базу под идею объективности формирования и существования вначале Российской империи, затем — Советского Союза. Большое место в этом отводилось идеи добровольного вхождения отдельных народов в Россию. Во-вторых, они были призваны выявить глубокие корни «дружбы» между русским и местными народами (Шерстобитов 1974. С. 17-18). Ответом на этот запрос было Координационное совещание по региональному подходу к истории Северного Кавказа и Закавказья, состоявшееся в Институте истории СССР в сентябре 1975 г. (Ржаницына 1975) [31]. Между тем результат этого амбициозного проекта не оправдал ожидания его заказчиков. Никакого регионального издания по Закавказью так и не было создано [32]. С историей Северного Кавказа дело обстояло несколько лучше, но и там вместо намеченных четырех томов было выпущено всего лишь два. Да и они вскоре устарели, ибо быстрые политические изменения конца 1980-х — начала 1990-х гг. потребовали совершенно новых взглядов на то, что и как происходило в прошлом.

Как отмечает Л. Гатагова, тогда русоцентристские версии прошлого быстро сменились этноцентристскими, завышавшими уровень политического и социального развития местных народов в прошлом, преувеличивавшими их культурные достижения, резко раздвигавшими рамки их былых территорий и дававшими неправдоподобно высокие цифры их численности (Гатагова 1999 б. С. 49). Однако, как мы увидим ниже, такая тенденция неизменно сопровождала почти всю советскую историю и время от времени заставляла власти проводить кампании против идеализации исторического прошлого. Мало того, сама советская политическая система, реифицировавшая этническую идентичность и расставлявшая их по ранжиру, провоцировала историков. Если верно, что для иудеев и христиан «история была прежде всего историей спасения» (Lowith 1949. Р. 5), то для историков-этнонационалистов она была историей этнического спасения. Поэтому «способность [истории] приобщить к общечеловеческому опыту» (Deutsch 1953. Р. 5) здесь мало кого интересовала.

После распада СССР в условиях развития демократии федеральное устройство страны получило реальное наполнение в отличие от прежней формальной федерации. В этих условиях в рамках отдельных автономий происходила общественная консолидация, однако на основе не столько гражданства, сколько этническости, в чем были заинтересованы прежде всего местные номенклатуры (Rubin 1998. Р. 164. Ср. Motyl 1999. Р. 111-112). Как отмечает осетинский исследователь, «этническая идентичность устойчиво политизируется, а этнические общности становятся протонациями» (Щуциев 1998 б. С. 64).

Поппер полагал, что проблема заключается не в том, чтобы «искоренить» конфликты — сделать это практически невозможно, — а в том, чтобы их предвидеть, снизить их накал и направить их в умеренное русло, избегая разрушительных последствий. Эта задача имеет особый смысл в ходе трансформации «закрытого общества» в «открытое», что представляет величайшую революцию в истории человечества со всеми ее трудностями и проблемами (Поппер 1992. Т. 1. С. 220). Один из путей к решению такой задачи видится в изучении и корректировке этнонационалистических идеологий, ибо, как правило, именно идеология определяет и направляет те или иные действия людских масс. Важным компонентом таких идеологий служит этноцентристский исторический миф, который в условиях тяжелого неизжитого наследия «закрытого общества» нередко используется для конструирования этнической иерархии и образа врага (Posen 1993. Р. 107; Kemp 1999. Р. 19).

Имея в виду печальный опыт истории XX в., Карл Поппер писал: «Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму» (Поппер 1992. Т. 1. С. 248). По словам другого западного автора, для успешного движения вперед обществу требуется время от времени забывать прошлый печальный опыт: «Для жизнеспособного прогрессивного общества требуется волевая перестройка коллективной памяти. Как иначе можно успешно приспособиться к изменениям, часто желательным, избегая ущерба от чувства несовместимости или имитации?» (Kammen 1995. Р. 340).

Источниками для написания данного сравнительного исследования послужили научные и псевдонаучные публикации (исторические, археологические, лингвистические, этнологические) по вопросам этногенеза, художественная литература, статьи в газетах, школьные учебники, программы местных политических партий и движений, декларации их лидеров.

Примечания

1. Недавно Энтони Смит предложил для этого направления термин «этносимволизм». См.: Smith 1996; 2000. Р. 63. Об этом см.: Ozkirimli 2000. Р. 167-189; Penrose 2001. Р. 291-292.
2. О критике такого «крайнего примордиализма» см.: Motyl 1999. Р. 86-87.
3. О новаторском анализе этой проблемы см.: Brass 1991.
4. О вкладе филологов и археологов в развитие этнонационализма см.: Geary 2002. Р. 29-35.
5. Об интересном обсуждении методов манипулирования общественным мнением со стороны элиты см.: Moscovici 1985.
6. О важности таких источников см.: Connor 1994. Р. 76.
7. Об иной интерпретации, отводящей этичности второстепенное место, см.: Bmbaker, Laitin 1998.
8. По тем же причинам Дж. Хантер вводит разделение на приватную и публичную культуры. См.: Hunter 1991. Р. 53-61.
9. Этот момент ярко проявляется в некоторых выступлениях президента В. М. Кокова (Коков 2001а. С. 38).
10. О равнодушии американских студентов к ценности исторического сознания см.: Frisch 1989.
11. Об интересном случае оспариваемого прошлого см.: Danforth 1995.
12. Об одном из первых исследований политического назначения «национальных историй» в СССР см.: Martiny 1979.
13. Это вовсе не было специфичным для СССР. О такого рода практике в странах Восточной Европы см.: Verdeiv 1991; 1996. Р. 70-78; Вапас 1992; Hitchins 1992. Р. 1081-1082; Todorova 1992; Bowman 1994. Р. 152-154; Hayden 1994; Jones 1994; Kemp 1999. Р. 95. 105-109, 117-118, 152, 180-181. Об интересном индийском случае см.: Thapar 1989.
14. Этот термин был введен Ф. Броделем в 1950-х гг.
15. В иных условиях то же явление в тот же период отмечалось во Франции. См.: Nora 2001. Р. XV.
16. То же было не редкостью и в социалистических странах Восточной Европы. См.: Вапас 1992; Hitchins 1992. Р. 1081-1082; Todorova 1992; Gagnon 1994. Р. 119-123; Bennett 1995. Р. 53-56, 77-82, 88-111; Verderv 1996. Р. 92-97; Judah 1997. Р. 145-167; Kemp 1999. Р. 119-120.
17. Вера Тольц идет дальше и доказывает, что еще дореволюционный русский социализм был разновидностью национализма. См.: Toltz 2001. Р. 94-99.
18. Еще ярче это проявляется в постсоветское время. См.: Амелин 2002.
19. О примордиалистском объяснении этого процесса см.: Каиров 1997. С. 297.
20. Одним из первых ярких примеров стала Болгария 1980-х гг., за которой последовали Югославия и СССР. См.: Duncan 1994. Р. 30-31; Bowman 1994; Pešić 1994; Kemp 1999. Р. 182, 199, 209. А в 1990-х гг. волна ксенофобии и нового расизма захлестнула и Западную Европу, подтвердив справедливость слов Тома Нейрна о «дегенеративном национализме». См.: Laird 1981. Р. 337, 347.
21. Представление об общей исторической судьбе, основанное на мифе, является постоянным спутником этничности. См.: Armstrong 1982. Р. 9. Но в данном случае общая несчастная судьба была жестокой реальностью.
22. О сходной аргументации см.: Martin 2001. Р. 449-451.
23. Аналогичный подход применяется и в отношении балканских народов. См.: Danforth 1995. Р. 28-55; Todorova 1997; Roudometof 2002. Р. 22. 57-82.

24. О важности государственного названия на Кавказе см.: Coppelters 2001. P. 54-55; Slinirelman. 2004 б. Об огромном символическом значении государственного и этнического названия см. интересные работы: Danforth 1995. P. 153-163; Lentz 1997. P. 42-54. О символической силе имени в целом см.: Bourdieti 1992. P. 224, 239-243.
25. О понятии «культурные войны» и их связи с современным «информационно ориентированным обществом» см.: Hunter 1991.
26. О важности этих параметров см.: Jones 1994; Penrose 1995.
27. О тесной связи легитимности с понятием «коренное население» см.: Horowitz 1985. P. 202-204.
28. Это широко распространенное представление. См., напр.: Nairn 1981. P. 206.
29. Мое определение «акторов» несколько уже, чем у Руби Уотсон. См.: Watson 1994 с. P. 72.
30. О конкретных случаях см.: Шнирельман 2003; Shnirelman 1996; Coppeters 2002; Roudometof 2002. P. 48-49.
31. Любопытно, что в те же годы западные историки также повернулись лицом к региональному подходу в надежде преодолеть недостатки националистических историографии. См.: Banaclough 1978. P. 150-152.
32. О причинах этого см.: Шнирельман 2003. Аналогичные проблемы стоят и перед балканской историографией. См.: Todorova 1997. P. 183.

Часть I

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

До присоединения к России многие народы Северного Кавказа жили отдельными вольными обществами, разбросанными по горным ущельям. Близкие по языку и традиционной культуре, эти общества не представляли собой какого-либо интегрированного целого. Они не составляли политического единства и очень часто не имели ни единого самосознания, ни единого самоназвания.

Карта Северного Кавказа 1861 г.

Ряд народов Северного Кавказа, ранее находившихся в зависимости от Кабарды, был включен в состав Российской империи в результате удачного для России исхода Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. (Генко 1930. С. 688). Например, сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора состоялись русско-осетинские переговоры, и в октябре 1774 г. вопрос о судьбе основной части Северной Осетии был решен, а чуть позже, в 1781 г.. к России присоединилась и Дигория (Новосельцев. 1987. С. 194-201).

В 1836 г. северные осетины и ингуши были включены во Владикавказский округ левого фланга Кавказской линии, а затем вместе с населением Малой Кабарды — во вновь созданный в 1858 г. Военно-Осетинский округ. В 1859 г. покоренная Чечня вошла в Россию в виде трех округов — Ичкерийского, Аргунского и Чеченского. А в 1860 г. левый фланг бывшей Кавказской линии, утратившей после окончания Кавказской войны свое военное назначение, был преобразован в Терскую область в составе шести отдельных округов: Кабардинского, Владикавказского, Чеченского, Кумыкского, Ичкерийского, Аргунского.

Карачаевцы, относившиеся ранее к правому флангу Кавказской линии, оказались в составе вновь образованной Кубанской области и потеряли многие свои бывшие земли, отошедшие к Терской области. В 1868 г. им это компенсировали землями, расположенными между р. Кумой и Кубанью. Во второй половине 1860-х гг. карачаевцы входили в Верхнекубанский (с 1866 г. Эльбрусский) округ, а в 1871-1920 гг. — в Баталпашинский уезд Кубанской области (Тебуев, Хатуев 2002. С. 111-114).

Карта народов, обитающих между морями:
Черным и Каспийским (середина XIX в.)

Карта народов, обитающих между морями: Черным и Каспийским (середина XIX в.)

В 1862 г. Терская область была разбита на три военных отдела (Западный, Средний и Восточный) и восемь округов. В Западный отдел вошли Кабардинский, Военно-Осетинский (Владикавказский) и Военно-Ингушский (Назрановский), в Средний — Чеченский и Аргунский, а в Восточный — Ичкерийский, Кумыкский и Нагорный округа (Мартиросиан 1933. С. 102; Кокорхоева 2002. С. 17; Ибрагимова 2002. С. 47). При этом в 1866 г. бывшие Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урасбиевское горные общества были выделены в единый Горный административный участок, и между ним (будущей Балкарией) и Кабардой специальной комиссией была установлена административная граница (Ибрагимова 2002. С. 47). Все это, как считает А. Цуциев, было первой попыткой ввести этноадминистративный принцип на Северном Кавказе (Цуциев 1994. С. 1; 1998. С. 34-35. См. также: Ибрагимова 2002. С. 59; Jersild 2002. Р. 85—86, 153). Тем самым корни этнонационализма приходится искать в политике императорской России, с которой связано и этнополитическое оформление ряда местных народов (Цуциев 1998. С. 21-22, 36-37; Бегидов 2003. С. 35). Поэтому кажется упрощенным общепринятое суждение о том, что именно большевики снабдили этническостью территориальностью на Северном Кавказе (См., напр.: Tishkov 1997. Р. 167. Ср.: Toltz 2001. Р. 174-177, 181).

В соответствии с реформой 30 декабря 1869 г. раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения было отменено. С 1 января 1871 г. в Терской области окончательно установилось гражданское управление, и она включила семь округов: Владикавказский (в него также вошли бывший Назрановский округ и казачьи станицы), Георгиевский (Пятигорский), Грозненский (бывший Чеченский), Аргунский, Веденский (он включил Ауховский и Ичкерийский округа), Хасавюртовский и Кизлярский. Иными словами, после инициированного царскими властями массового переселения горцев в Османскую империю (Ибрагимова 2002. С. 84-125) названия округов потеряли свою этническую окраску, т. е. были деэтничированы. С тех пор все население Северной Осетии вплоть до 1917 г. входило в единый Владикавказский округ иправлялось казачьим атаманом (Новосельцев 1987. С. 289-290; Цуциев 1998. С. 35). А Кабардинский округ в 1871-1876 гг. назывался Георгиевским, в 1876-1888 гг. — Пятигорским, а в 1888-1917 гг. — Нальчикским (Бекалдиев 2003. С. 143). Центром Терской области с 22 ноября 1863 г. служил Владикавказ, основанный в 1784 г. как русская крепость и получивший в 1860 г. статус города (Бетоева. Бирюкова 1991. С. 59).

По новому административному делению, с 21 марта 1888 г. Терская область состояла из трех отделов с казачьим населением (Пятигорский, Кизлярский, Сунженский), к которым в 1905 г. прибавился Моздокский, и четырех округов с горским населением (Владикавказский, Нальчикский, Грозненский и Хасавюртовский). К этому времени входившее ранее в состав Терской области особое Ингушское ок-

ружное управление было ликвидировано; ингуши с 1877 г. были приписаны к Сунженскому отделу Терского казачьего войска и стали подчиняться казачьей администрации (Мартиросиан 1928. С. 16-17; Коркхоеva 2002. С. 18; Патиев 2002. С. 25). Но взаимная неприязнь и постоянные распри ингушей с местным казачеством заставили правительство осенью 1905 г. образовать для них особый Назрановский округ, сохранявшийся фактически до июля 1924 г. Его администрацию планировалось разместить в Назрани, но за неимением там подходящих зданий ей временно предоставили помещения во Владикавказе. Там она и оставшись вплоть до 1917 г. (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 267-269, 273-275, 292-295, 316; Коркхоеva 2002. С. 18; Патиев 2002. С. 25-26). А после этого вплоть до 1933 г. во Владикавказе размещались административные и партийные структуры Ингушетии.

В итоге указанных выше преобразований в конце XIX в. Северный Кавказ административно делился на три области — Дагестанскую, Терскую и Кубанскую. Терская область в 1905 г. включала четыре отдела (Пятигорский, Моздокский, Кизлярский, Сунженский), шесть округов (Владикавказский, Назрановский, Хасавюртовский, Нальчикский, Грозненский, Веденский) и одно приставство. В отделах обитали русские (терские казаки и иногородние), в округах — горское население, а в приставстве — кочевые ногайцы и калмыки (Даудов 1997. С. 6-7).

Таким образом, предпосылки для этнотERRиториальных наций начали складываться на Северном Кавказе в условиях введенного царской властью административного деления на горские округа, совпадавшие с этническими ареалами. Это способствовало росту сплоченности иронцев и дигорцев, объединенных в одном округе, и в то же время закрепляло разобщенность чеченцев и ингушей, так как последние несколько раз меняли свою административную принадлежность (Цуциев 1998. С. 37-38).

Однако политический статус наций местные народы получили лишь после Октябрьской революции 1917 г. Вначале советская власть не ставила своей целью создавать на Северном Кавказе какие-либо автономии по этническому признаку. Напротив, советскому руководству казалось более разумным иметь на Северном Кавказе одну крупную административную единицу, находившуюся под полным контролем центра и способную обеспечивать безопасность южных границ на Кавказском направлении. Однако первая попытка создать единую Терскую советскую республику весной 1918 г. оказалась неудачной: просуществовав чуть более полугода и будучи при этом весьма эфемерным образованием, республика была распущена в феврале 1919 г. после перехода Северного Кавказа под контроль Добровольческой армии (Бугай 1995. С. 44-58).

В 1917 г. ситуация на Северном Кавказе складывалась очень непросто. Его население было расколото как по классовому, так и по этническому принципу. Друг другу противостояли, с одной стороны, буржуазно-демократические и казачьи правительства, а с другой, социалистический блок, включавший большевиков, меньшевиков, эсеров и небольшую осетинскую революционно-демократическую партию «Кермен» [1]. Казаки в основном оставались приверженцами идеи единой России (хотя допускали возможность ее федерального устройства), буржуазно-демократические круги мечтали о создании независимой республики на Северном Кавказе, а большевики боролись за установление советской власти. Кроме того, в годы Гражданской войны большую силу приобрело исламское движение и широкую популярность получили идеи политического панисламизма.

6 марта 1917 г. во Владикавказе на собрании горской интеллигенции был учрежден Временный центральный комитет Союза объединенных горцев (ВЦК СОГ) во главе с балкарским адвокатом и общественным деятелем Б. Л. Шахановым (1879-1919). По инициативе ВЦК СОГ 1 мая 1917 г. во Владикавказе собрался I съезд «горских племен Кавказа», куда съехались более 300 представителей от всех местных народов. Съезд, на котором господствовали муллы, образовал Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГ СКД), объявивший себя частью Закавказского мусульманского союза. Там Наджмуддин Гоцинский (1859-1925) был избран имамом Северного Кавказа и Дагестана, а председателем ЦК СОГСКД стал чеченский нефтепромышленник Тата Чермоев [2] (1882-1937) (Бутаев 1922. С. 7; Такоев 1926. С. 330; Авторханов 1933. С. 53-54; Мартиросиан 1933. С. 185-187; Опрышко 1996. С. 129-131). То, что съезд происходил под исламскими лозунгами, не удивительно при том огромном влиянии, которым ислам пользовался на Северном Кавказе. Достаточно отметить, что в 1917 г. в одном лишь Дагестане имелось не менее 40 тыс. духовных лидеров, т. е. 4 % всего местного населения (Магомедов 1997. С. 82). Вместе с тем весной-летом 1917 г. горские лидеры были еще далеки от сепаратистских настроений; они мечтали лишь об автономии в составе Российской Федерации (Чхеидзе б. д. С. 166; Байтуган 2001. С. 18). В частности, выступая на съезде, его председатель Б.А. Шаханов высказывался за образование в России федеративной демократической республики (Опрышко 1996. С. 130).

В сентябре 1917 г. в Екатеринодаре прошел съезд Юго-восточного Союза Казачьих Войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей. 15 октября по инициативе атамана Терского казачьего войска, бывшего члена IV Государственной думы М. А. Караулова (1878-1917), во Владикавказе состоялась конференция казачьих представителей, принявшая решение об организации Юго-Восточной республики. После сложных переговоров 20 октября был подписан договор между СОГ СКД, Юго-восточным союзом казачьих войск и вольных народов степей о едином союзе. Его руководители стояли за учреждение Российской демократической федеративной республики, которая бы наделяла каждого своего коллективного субъекта правами отдельного штата (Опрышко 1996. С. 138; Кокорхоева 2002. С. 19).

Однако на пути к единству стояли напряженные взаимоотношения между горцами и казаками. Несмотря на неоднократные попытки казачьих и горских политиков установить между ними доверие (идя навстречу горцам, Караулов даже отменил празднование Дня покорения Кавказа), мира достичь так и не удалось: если казачьи верхи нашли общий язык с горской элитой, то иные чувства испытывали низовые казаки. Особенно напряженные отношения сложились между ингушами и терскими казаками, живущими в долине р. Сунжи. Еще в июне 1917 г. во Владикавказе солдаты устроили избиение ингушей. Осенью распространились слухи о том, что фронтовики двинулись на Северный Кавказ, чтобы разгромить горцев. Горское правительство призвало последних вооружаться, и кое-где горцы начали разбирать железнодорожное полотно. Проходивший 17 октября съезд казачьего Сунженского отдела взял курс на борьбу против горцев и выразил недоверие Караулову, якобы заигрывавшему с горцами [3]. Обе стороны начали лихорадочно вооружаться. Во второй половине ноября снова разгорелся конфликт между казаками и ингушами (Такоев 1926. С. 338-339; Чхеидзе б. д. С. 204; Опрышко 1996. С. 127, 132, 135-136, 141).

Тем временем большевистский переворот создал новую политическую ситуацию, заставившую кавказских политиков задуматься об учреждении своих собственных независимых республик. 6 ноября 1917 г. во Владикавказе возникло двоевластие — СОГСКД и казачий Войсковой округ образовали два параллельных правительства Терской области. При этом СОГСКД провозгласил 15 ноября Горскую республику, включавшую как все горские народы, так и ногайцев с туркменами. 19 ноября по соглашению между ее руководителями и лидерами терского казачества земли Терской области были поделены между Горской республикой и Терским казачьим войском. Однако, сознавая свой низкий авторитет в регионе, лидеры Горской республики задумались о более широком объединении, которое включало бы казачьи области и Дагестан. Поэтому после новых переговоров горское и казачье правительства сформировали 1 декабря 1917 г. во Владикавказе Центральный комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и казачьих войск (Терско-Дагестанское правительство) во главе с М. А. Карауловым. Вначале этот орган власти объявил Горскую республику автономным штатом Российской федеративной республики, но 21 декабря провозгласил курс на создание независимой Горской республики (Исхаков 1998. С. 220; Тебуев, Хатуев 2002. С. 133).

После смерти Караулова, убитого 13 декабря солдатами за то, что тот якобы «продался горцам», терско-дагестанское правительство возглавил кумыкский князь Рашид-хан Капланов (1883-1937), а председателем парламента был избран бывший чиновник российского Министерства земледелия ингуш Вассан-Гирей Джабагиев (1882-1961) [4]. Среди министров были кабардинский коннозаводчик П. Т. Коцев (1890-1968), кумык Г. Бамматов (1890-1965) [5], кабардинец А.-Р. Катханов, осетин А. Цаликов (1882-1928) и др. Этому правительству формально подчинялись национальные советы, образованные в разных областях еще весной-летом 1917 г. по этническому признаку. Во главе Осетинского национального совета стоял бывший городской голова Владикавказа Г. Баев, Ингушский национальный совет возглавлял В.-Г. Джабагиев, Чеченский (Атагинский) в начале 1918 г. — Ахмет-хан Мутушев [6], затем юрист И. Чудиков (1891-?), Кабардинский — вначале М. Абуков, затем Т. К. Шакманов, Балкарский — князь И.Х. Урусбиев (1874-1928), Карабаевский — князь Х.М. Урусов. По свидетельству С.А. Такоева, поначалу горское правительство пользовалось большим влиянием в Ингушетии, Чечне и отчасти в Кабарде, а в Северной Осетии его поддерживали вернувшиеся с фронта осетинские офицеры (Такоев 1926. С. 339). Вместе с тем каждый из советов старался проводить свою линию, мало считаясь с позицией терско-дагестанского правительства (Бутаев 1922. С. 8-10; Авторханов 1933. С. 64, 114; 1991. С. 16; Разгон 1941. С. 66-69, 129-131; Чхеидзе б. д. С. 216; Байтуган 2001. С. 23-26).

Тем временем недовольство политической неопределенностью нарастало. Поводом для новой открытой конфронтации послужило убийство казаками 26 декабря в Грозном авторитетного у горцев шейха Дени Арсанова, главы Чеченского национального совета, проходившего через город со своими

мюридами. В ночь на 31 декабря осетинские офицеры по приказу терско-дагестанского правительства разгромили во Владикавказе Совет рабочих и крестьянских депутатов. После этого в город вошли объединенные силы казаков и осетинских офицеров, намеревавшиеся устроить ингушскую резню, и ингушам пришлось срочно покинуть город. В отместку за убийство своего лидера мюриды спалили станицу Кохановскую, на что казаки ответили полным уничтожением трех чеченских сел. В начале января 1918 г. противостояние достигло кульминации, терско-дагестанское правительство переехало из Владикавказа в ингушское село Базоркино, и в Терской области наступило безвластие (Такоев 1926. С. 342-345; Авторханов 1930. С. 54-55; 1933. С. 56-58; Мартиросиан 1933. С. 208-209).

Тем не менее в течение 1918 года терско-дагестанское правительство пыталось выступать на мировой арене в качестве носителя единственной полноправной власти на Северном Кавказе. В апреле оно обратилось к европейским государствам с просьбой о признании Горской республики. Затем 11 мая на международной конференции в Батуми оно приняло Декларацию об образовании независимой Республики Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, после чего 13 мая в Москву была отправленаnota об отделении Горской республики от России и о ее признании Турцией (Байтуган 2001. С. 15-17). Впрочем, понимая слабость этого пока еще эфемерного государства, горское руководство пыталось обрести надежных союзников в лице соседних государств и использовало международные конференции, проходившие в регионе в 1918-1919 гг., для пропаганды идеи Кавказской конфедерации, которая бы включала все четыре молодых кавказских государства. Однако закавказские правительства не проявили ожидаемого от них энтузиазма (Баммат 1934. С. 4).

Между тем реальная политическая ситуация складывалась на Северном Кавказе вовсе не так, как это хотели представить деятели терско-дагестанского правительства. Среди горских масс и особенно в городах, где преобладало русское население, оно авторитетом не пользовалось (Чхейдзе б. д. С. 9-10; Байтуган 2001. С. 25). В марте 1918 г., когда позиции социалистов на Северном Кавказе укрепились и съезд народов Терека переехал во Владикавказ, терско-дагестанское правительство вынуждено было отправиться в Тифлис. Но после того, как осенью 1918 г. турецкая армия заняла Азербайджан и вторглась в Дагестан, оно перебралось в Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск) в Северном Дагестане и начало подготовку к созданию Республики Союза горских народов. Однако его реальная власть ограничивалась пределами Темир-Хан-Шуры, а после прихода сюда белых она вообще стала номинальной (Бугаев 1922. С. 28-30; Авторханов 1933. С. 91).

Большую роль в антибольшевистском движении на Северном Кавказе играла осетинская верхушка, состоявшая в основном из бывших офицеров царской армии. Как мы видели, в союзе с казачеством они вступили в затяжную войну против чеченцев и ингушей, испытывавших земельный голод и поддержавших советскую власть в надежде на то, что она разрешит их земельные проблемы (Бугаев 1922. С. 10-12; Цуциев 1998. С. 49-50). Впрочем, не дожидаясь помощи со стороны властей, чеченцы и ингуши под угрозой голода начали нападать на казачьи станицы и города Сунженского отдела. В свою очередь, казаки, отчаявшись положить конец этим набегам, требовали кардинально решить вопрос, по-кончив полностью с «чеченскими и ингушскими племенами».

В начале 1918 г. в условиях равновесия противоборствующих сил социалистический блок созвал 1 съезд народов Терека (25-31 января), положивший начало целой серии таких съездов, проходивших в течение всего года и пользовавшихся определенным авторитетом у народов Северного Кавказа. На I съезде, проходившем в Моздоке, присутствовали делегаты от всех народов Терской области, кроме чеченцев и ингушей, не приглашенных по настоянию казачьих офицеров. Проходившие на нем дискуссии показали, что большинство его участников стояли за установление демократической власти и мирные переговоры с чеченцами и ингушами с целью положить конец «национально-племенной войне», как это сформулировал один из делегатов. Поэтому представители чеченцев и ингушей были приглашены на II съезд (16 февраля — 15 марта), избравший Совнарком Терской республики и признавший ее частью РСФСР. Центром Терской республики стал Владикавказ, куда съезд перебрался 5 марта из Пятигорска. Там был создан Терский областной народный совет, включавший несколько национальных фракций: кабардинскую, балкарскую, осетинскую, чеченскую, ингушскую, казачью и иногороднюю [7]. Административное деление Терской республики напоминало бывшую Терскую область: в нее входили как казачьи отделы (Пятигорский, Моздокский, Сунженский, Кизлярский), так и горские округа (Нальчикский, Назрановский, Грозненский, Хасавюртовский, Веденский и Владикавказский) (Бугаев 1922. С. 15-18; Такоев 1926. С. 347-355; Разгон 1941. С. 126; Кокорхова 2002. С. 22-23). Декларация моздокского съезда включала идею национально-культурной автономии: «Каждый народ должен иметь право свободно

устраивать школы с преподаванием на своем родном языке. Должны быть устраниены всякие препятствия на пути полнейшего выявления всех сил, таящихся в той или другой народности, проживающей в пределах Терской области» (Бербеков 1957. С. 13).

На съезде звучала мысль о том, что истинными врагами горских народов являлись «казачьи и осетинские верхи» [8]. Однако съезду все же удалось склонить обе враждующие стороны к компромиссу, и на совещании 16-17 марта были выработаны условия мира между осетинами и казаками, с одной стороны, и ингушами, с другой (Пригородный район 1997. С. 3.).

5-7 июля 1918 г. на I съезде советов Северного Кавказа, состоявшемся в Екатеринбурге, была провозглашена Северо-Кавказская советская республика. В нее вошли образованные ранее Терская, Кубано-Черноморская и Ставропольская советские республики. Ее главным городом был вначале избран Екатеринбург, а с августа им стал Пятигорск. Она просуществовала до декабря 1918 г. и пала под ударами Добровольческой армии (Тебуев, Хатуев 2002. С. 136).

Однако эфемерность этого образования дала о себе знать еще летом 1918 г. Ее пестрый политический состав не способствовал прочному единству, и вскоре на Тереке началась Гражданная война. Казачьи верхи вместе с осетинским офицерством, возглавляемые меньшевиком Г. Бичераховым, взяли Моздок, создали там Терский казачье-крестьянский совет и декларировали справедливое решение земельного вопроса, право наций на самоопределение и освобождение Терской области от большевиков. Поэтому они объявили войну Терской республике. При их непосредственном участии летом во Владикавказе неоднократно вспыхивали мятежи, поддержаные казаками и частью осетинского крестьянства. В августе 1918 г. войска Бичерахова вступили во Владикавказ, и лишь к концу ноября Терской республике удалось справиться с этим движением (Бутаев 1922. С. 20-22; Такоев 1926. С. 357-365; Чхеидзе б. д. С. 248-249). Тем временем 25 сентября большевики произвели вооруженный переворот в Нальчике. Они объявили Нальчикский народный совет, Кабардинский национальный совет и Кабардинский духовный совет «антинародными» и создали вместо них Военно-шариатский революционный совет (Тебуев, Хатуев 2002. С. 137). Последний V съезд народов Терека проходил 28 ноября — 9 декабря в крайне нервозной обстановке, и единство горских народов там снова оказалось расколотым между Бюро горских фракций, созданным меньшевиком Л.Т. Цаликовым, и фракцией горцев-коммунистов (Джанаев 1977).

Ситуация в самой Северной Осетии отличалась нестабильностью. В апреле 1918 г. VI съезд осетинского народа признал Терскую республику и избрал Осетинский народный совет. Но уже в июне на следующем VII съезде, состоявшемся в Алагире, победили правые, и съезд, заново сформировав Осетинский народный совет, отказался признавать власть Терской республики (Такоев 1926. С. 358-359). Участие осетин в антисоветской борьбе создавало Северной Осетии имидж, который мог весьма повредить ей в будущем (Цуциев 1998. С. 51). Однако нестабильной была ситуация и в соседних регионах. Например, созданный в январе 1918 г. в Чечне в селе Старые Атаги Атагинский национальный совет, выступавший против большевиков и вынашивавший идею Демократической федеративной республики Чечни и Дагестана, позднее раскололся, и из него выделился Гойтинский совет во главе с Т. Эльдархановым и А. Шериповым, поддерживавшими советскую власть. Если Атагинский совет одобрил выступление Бичерахова, то Гойтинский организовал сопротивление белоказакам (Абазатов 1964. С. 61). Правда, в последние годы снова появилось мнение о том, что противостояние этих двух советов вызывалось не их отношением к советской власти, а борьбой тейпов (Исхаков 1998. С. 220).

Терская народная республика просуществовала до февраля 1919 г. и пала под ударом Добровольческой армии А.И. Деникина. Ингушский национальный совет выразил свою покорность 27 января 1919 г., а два месяца спустя его примеру последовал и собравшийся в Грозном съезд чеченского народа (Цветков 1998. С. 25). Новая власть ликвидировала автономию терско-дагестанского правительства, сохранив его лишь как совещательный орган. Впрочем, и тот был окончательно распущен в мае 1919 г. [9] Вместо этого был создан Терско-Дагестанский край, главой которого был назначен генерал-лейтенант В.П. Ляхов. Однако теперь уже нельзя было не считаться с введенной революцией практикой горского национального представительства, и горцам было обещано национальное самоуправление. Отдельные области (Кабарда, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня, Дагестан) были сформированы с учетом экстерриториального принципа — во главе каждой из них был поставлен высокий армейский чин (Авторханов 1933. С. 72, 116-119; Разгон 1941. С. 277-278; Цветков 1998. С. 25; Кокорхова 2002. С. 27). В 1919 г. местные общества вновь оказались расколотыми. П. Коцев, не смирившийся с распуском Горской республики, стал одним из организаторов горских восстаний февраля-марта 1919 г., но в целом терско-

дагестанское правительство мало влияло на развитие событий (Опрышко 1996. С. 152-153; Цветков 1998. С. 25).

Летом 1919 г. в Дагестане деяниями бывшего горского правительства был создан Совет обороны во главе с А. Кантемиром, выступивший против Добровольческой армии. Одновременно в горах действовали чеченские красные партизаны под руководством Н.Ф. Гикало (1897-1939) и А. Шерипова (1897-1919) (к концу 1919 г. их численность достигала 400 человек). Осенью 1919 г. пламя сопротивления охватило значительную часть Чечни и Дагестана, где возник эмирят шейха Узун-Хаджи и имама Наджмуддина Гоцинского, собравших под свои знамена до 70 тыс. мюридов. Их поддержали члены горского правительства, а также красные партизаны, объединившиеся с ними против Добровольческой армии (Авторханов 1930. С. 56-58, 73-74; 1933. С. 105-113; 1991. С. 17; Мартиросиан 1933. С. 264-269; Гакаев 1997. С. 69-75). Тогда И. Чуликов организовал в Чечне Комитет по очищению Чечни от большевиков и Узун-Хаджи (Авторханов 1930. С. 67-68; Абазатов 1964. С. 67). Имея в виду эту необычайно сложную обстановку, говорить о единстве горских народов в годы Гражданской войны не приходится.

Советская власть была восстановлена в Терской области весной 1920 г. Однако введение методов военного коммунизма, откровенная враждебность новой власти к исламу и грубое нарушение горских обычаяев быстро охладили энтузиазм горцев, сперва восторженно принявших приход Красной армии. С августа 1920 г. по май 1921-го многие горные районы Юго-Восточной Чечни и Центрального Дагестана были охвачены восстанием под лозунгом национального освобождения и создания своего исламского государства. Формально во главе него стоял Саид-бек, правнук легендарного Шамиля, но фактически его идейным вождем был уже известный нам Наджмуддин Гоцинский. М. Беннигсен Броксуп называет это движение «последним газаватом», полагая, что его важнейшим побудительным мотивом была «борьба с неверными» (Bennigsen Broxup 1992 а. Р. 121-143). Но, по мнению дагестанского историка М.А. Магомедова, речь шла прежде всего о национально-освободительной борьбе, для которой религиозный компонент был далеко не главным (Магомедов 1997. С. 88). Ситуация в Баталпашинском отделе тоже была в 1920 г. достаточно нестабильной. В горах действовали антисоветски настроенные отряды. В сентябре силы контрреволюции во главе с генералом Хвостиковым заняли станицу Баталпашинскую и установили свою власть на значительной территории Баталпашинского отдела. Советская власть была там восстановлена только к ноябрю 1920 г. (Тебуев. Хатуев 2002. С. 141-142).

Упорство горцев и популярность у них идеи своей государственности заставили советских руководителей предоставить им политico-административную автономию, тем более что «право народов России на свободу самоопределения вплоть до отделения и образования самостоятельных государств» было декларировано одним из первых декретов советской власти 2 ноября 1917 г. (Декреты 1957. С. 39-41). Этот вопрос находился в центре внимания властей во второй половине 1920 г. 1 съезд Советов Терской области, проходивший 4-7 августа 1920 г., дал области новую жизнь, но ее государственное устройство оставалось неопределенным. Осенью в центре задумались об образовании единой Горской Республики, однако этот проект встретил сильную оппозицию в лице руководителей Терской области (Кокорхоева 2002. С. 31). Поэтому 29 октября 1920 г. Сталину пришлось вести консультации с Терской областной парторганизацией. В результате ему удалось переломить ситуацию, и на Чрезвычайном съезде народов Терека, состоявшемся во Владикавказе 17 ноября, Сталин говорил о проекте Горской советской автономной республики как политической автономии на основе «союза самоуправляющихся горских народов с народами России». Смысл этого проекта состоял, по его словам, в том, чтобы, во-первых, втянуть самих горцев в управление своими делами вместо русских чиновников, которые все еще всем там заправляли, а во-вторых, навсегда отделить их от казаков, чтобы избежать бесконечных столкновений между ними (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 433-436). Кроме того, под влиянием горского восстания московским руководителям пришлось пойти на сохранение в республике законодательства, основанного на шариате и адатах, а также обещать горцам возвращение земель, отобранных у них в годы царизма (Авторханов 1991. С. 18). Это тоже соответствовало одной из первых деклараций советской власти «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно» (Декреты 1957. С. 113-115).

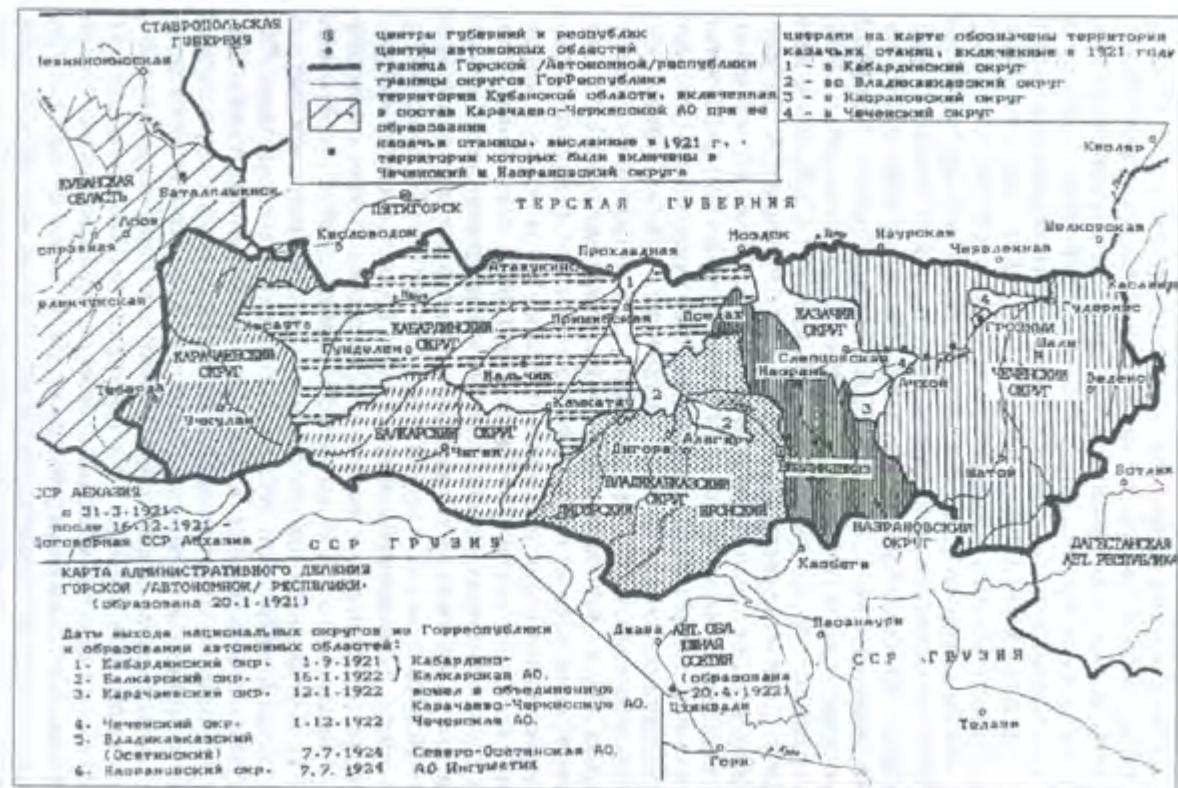
Горская автономная ССР была создана 20 января 1921 г. на Горском учредительном съезде, и ее тут же признал ВЦИК. В нее входили такие округа, как Чеченский, Назрановский, Владикавказский (Северная Осетия и западная часть бывшего Сунженского отдела), Кабардинский (северная часть бывшего Нальчикского округа), Балкарский (южная часть бывшего Нальчикского округа), Карачаевский (западная

часть бывшего Нальчикского округа, а также южная часть Пятигорского отдела и южная часть Бататпашинского отдела бывшей Кубанской области). Население этого региона составляли чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, карачаевцы, балкарцы, казаки и иногородние (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 443; Бугай 1995. С. 63-64; Даудов 1997. С. 44-49).

Так как во Владикавказе находился центр управления Горской АССР, имевший общереспубликанское значение, то 24 марта 1921 г. этот город был выделен в самостоятельную административную единицу (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 449). В 1921-1924 гг. Северная Осетия входила в Горскую АССР в виде Владикавказского округа (Сланов 1995), центром которого с января 1923 г. было почитаемое всеми осетинами село Ардон (Бугай, Мекулов 1994. С. 132).

Однако единство Горской республики не было прочным, и в руководстве отдельных округов зрели планы отделения от нее. Одной из причин было то, что в ее аппарате преобладали русские чиновники (57-64 % в 1922-1923 гг.), не знавшие и не желавшие понимать горцев (Бугай, Мекулов 1994. С. 86; Бугай 1995. С. 73-74; Даудов 1997. С. 29-31, 64-65; Гонов 1997. С. 30, 56; Яндиев 1999. С. 11; Кокорхоеva 2002. С. 47-48). По данным А. Л. Летифова, в 1923 г. в центральном аппарате Горской АССР осетины и ингуши составляли менее 2 % (Летифов 1972. С. 72). Основные решения в конечном счете принимались руководством местной парторганизации, в которой из 1200 чел. 50 % были русскими, 32 % – осетинами, 7 % – ингушами, 1,5 % – грузинами (Кокорхоеva 2002. С. 40). Однако чиновники центрального аппарата Горской республики не пользовались авторитетом на местах, где вся полнота власти фактически находилась в руках местных национальных лидеров (Бугай, Мекулов 1994. С. 41-45). Вместе с тем в крупных городах, где всем заправляли русские чиновники, отмечались факты великодержавного шовинизма и дискриминации горцев (об этом см., напр., Юсупов 1964. С. 56-59).

Другой причиной быстрого распада Горской республики были непрекращающиеся земельные споры, особенно острые в условиях эндемичного земельного голода (Tishkov 1997. Р. 74, 81. Table 4.1), усугублявшегося процессами массового оседания бывших скотоводов (Трайнин 1923. С. 23). Ведь, отменив частную собственность на землю и национализировав ее, советская власть признавала лишь право пользования, что создавало перспективы бесконечного передела земель с соизволения чиновников, получавших тем самым доступ к мощному источнику коррупции. Как тогда писал А. Скачко, «с точки зрения земельного советского права автономная область или даже республика является только земельным обществом, права которого на землю определяются ее использованием. Никаких других исторических или национальных прав на землю советское законодательство не знает» (Скачко 1923. С. 14. См. также Бабич 1998. С. 147-148). В итоге членство в Горской республике приносило выгоду прежде всего тем этническим группам, в пользу которых отрезались дополнительные территории; те же, кто владел этими землями ранее, чувствовали себя обиженными. В этой связи достаточно показательны следующие усредненные цифры земельных наделов на душу населения в 1921 г.: у осетин и ингушей на одного человека приходилось 0,2 десятины земли, у балкарцев – 0,1, у чеченцев – 0,4, а у кабардинцев – 4,0 (Даудов 1997. С. 22-23, 173) [10].

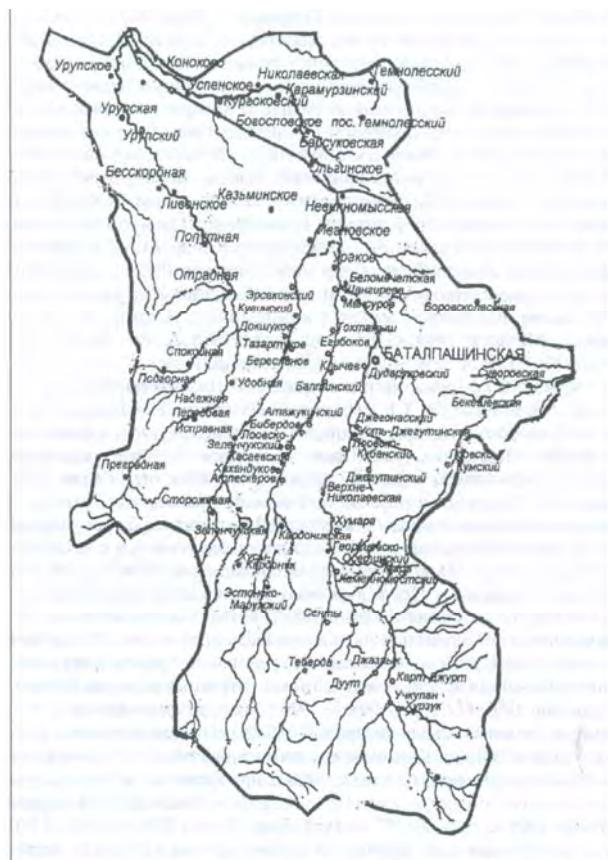

В западной историографии принято связывать распад Горской республики со стремлением советского руководства подорвать горское единство и противостоять панисламистским и пантюркистским тенденциям путем дробления крупных народов или объединения неродственных этнических групп в рамках единой автономии (см., напр.: Bennigsen, Broxup 1983. Р. 40-41; Blank 1993. Р. 27-28; Goldenberg 1994. Р. 180; Ormrod 1997. Р. 97; Sahni 1997. Р. 118; Cornell 1998. Р. 420; 2001. Р. 40, 42-43, 263; Fowkes 1998. Р. 9; Smith 1998. Р. 57; Данлоп 2001. С. 51) [11]. Это представление опирается на мнение северокавказских эмигрантов (Джаван 1936; Огуз 1937; Авторханов 1991. С. 18; 2003. С. 14; Байтуган 2001. С. 15), заинтересованных в единстве северокавказских народов перед лицом тоталитарной власти, олицетворением которой они видели Россию. Действительно, во времена терско-дагестанского правительства местное население было принято называть обобщающим термином «горские народы» (см., напр.: Авторханов 1933. С. 117). В межвоенный период некоторые из кавказских эмигрантов даже призывали к строительству единой северокавказской нации, и многоязычие местного населения, на их взгляд, не должно было служить этому помехой (см., напр.: Билатти 1937) [12]. Эту линию продолжал и А. Авторханов, который, будучи в эмиграции, представлял горцев Северного Кавказа «единым народом», «одной северокавказской нацией» (Авторханов 1991. С. 7; 2003. С. 14-15). В силу политизированности этого проекта, не считавшегося с живой реальностью, и по перечисленным выше причинам встречающееся в западной историографии мнение представляется не имеющим под собой серьезных оснований. В частности, следует учесть, что немало советских руководителей выступали против дезинтеграции Горской республики (см., напр., Кокорхоеva 2002. С. 46). В последние годы некоторые северокавказские исследователи предупреждают против ошибочного преувеличения социально-политической целостности Северного Кавказа за счет преуменьшения его внутренней социокультурной неоднородности. Они отмечают, что в конце XX в. идея этнонациональной консолидации оказалась гораздо более притягательной, чем проект кавказской общности. Нет сомнений, что эти настроения являются плодом многолетнего опыта существования советских автономий, препятствующего реализации идеи «кавказского суперэтноса» (см., напр.: Битова и др. 1996. С. 7-9, 25).

Не более доказательным является восходящее к советским временам объяснение, делающее акцент на этническом разнообразии, которое якобы само по себе требовало разбегания по «этническим квартирам» во имя «приобщения горцев к социалистическому строительству» (Гарданов 1968. С. 20; Летифов 1972. С. 56; Sabol 1995. Р. 228; Tishkov 1997. Р. 35, 167) [13]. На поверхку главной причиной создания отдельных горских автономий оказывается все же земельный вопрос (Цуциев 1998. С. 55), а также

недовольство горцев самоуправством властей Горской АССР, где доминировали русские чиновники, не желавшие делиться властью с представителями горских народов (Бугай, Мекулов 1994. С. 41-45, 86; Бугай 1995. С. 73-74; Даудов 1997. С. 29-31, 64-65; Кокорхоеva 2002. С. 47-48). Кстати, факт засилья старых русских чиновников, не знавших местных особенностей, был в 1924 г. признан А. И. Микояном (1895-1978) (Нечипурнова 1971. С. 168). После образования горских автономных областей ситуация резко изменилась, и управление в них перешло к самим горцам, чему в особенности способствовала коренизация 1928-1929 гг. (Гонов 1997. С. 30-36).

Как и следовало ожидать, наиболее решительно были настроены лидеры Кабарды во главе с Б.Э. Калмыковым (1893-1938), недовольные осуществлявшимся в Горской республике переделом земли, лишившим кабардинцев значительной доли принадлежавших им ранее территорий (Боров, Думанов, Каражов 1999. С. 50-51. См. также: Берозов 1980. С. 212; Хмара, Голотвин 1995. С. 103; Даудов 1997. С. 65; Бабич 1998. С. 148). Поэтому уже 21 мая 1921 г. они объявили о своем желании выделиться из Горской АССР. Несмотря на протесты ее руководства, справедливо ожидавшего цепной реакции вплоть до полного распада, Кабарду поддержал Сталин, полагавший, что после советизации Закавказья надобность в Горской республике отпала. Поддержка Наркомнаца сделала свое дело, и 1 сентября 1921 г. Постановлением ВЦИК была образована Кабардинская автономная область. После этого вхождение в Горскую республику Балкарии, экономически тесно связанный с Кабардой, теряло всякий смысл. В Кабарде это понимали и с самого начала вели переговоры с председателем Балкарского окрисполкома М. А. Энеевым (1897-1928) об объединении, чтобы избежать ненужных земельных тяжб. Правда, поначалу балкарцы мечтали о своей собственной автономии в составе РСФСР, и в этом их поддерживала Коллегия Наркомнаца. Однако такой план был признан нежизненным. Формально Кабардино-Балкарская автономная область была образована 16 января 1922 г., но фактически процесс затянулся, и единый Кабардино-Балкарский облисполком был избран только в конце 1922 г. (Сохов 1991. С. 2; Бугай, Мекулов 1994. С. 95-102; Бугай 1995. С. 66-70, 80-81, 101-106; Даудов 1997. С. 164-173, 177-182).

Баталпашинский уезд (по Р. С. Тебуеву и Р. Т. Хатуеву)

Карачаевское руководство во главе с У. Дж. Алиевым заговорило об отделении от ГАССР, также начиная с мая 1921 г. Осенью 1921 г. к этим требованиям присоединилась и Черкесия, входившая тогда

в Кубано-Черноморскую область. В октябре-ноябре проходили съезды карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев, где звучали призывы к объединению Карачая и Черкесии в рамках отдельной административной единицы. 9 января 1922 г. вопрос был рассмотрен на Коллегии Наркомнаца, где было предложено наряду с Кабардино-Балкарской АО, создать Карачаево-Черкесскую АО с центром в г. Баталпашинске. Последняя была организована Постановлением ВЦИК от 12 января 1922 г. В 1925 г. КЧАО была включена в Северокавказский край, и ее автономия была ограничена. Между тем внутри такого рода «двуихсоставных» республик происходила отчаянная борьба за власть между элитами титульных народов (Хмара, Голотвин 1995. С. 103). В апреле 1926 г. из-за неуступчивости и взаимных претензий своих лидеров КЧАО была расформирована, и на ее основе возникли Карачаевская автономная область, Черкесский национальный округ (в апреле 1928 г. преобразован в Черкесскую автономную область), Баталпашинский и Зеленчукский округа (Бугай 1995. С. 82-83, 177-181; Тебуев, Хатуев 2002. С. 147-149). В дальнейшем в ходе укрупнения автономий уже в 1930-х гг. Карачаевская автономная область постепенно вернула себе земли прежнего Баталпашинского отдела.

Большая устойчивость Кабардино-Балкарской АО по сравнению с Карачаево-Черкесской АО частично объяснялась экономическими, а частично этнодемографическими факторами. Балкарцы, зажатые в высокогорных ущельях, не могли нормально вести свое традиционное яйлажное скотоводческое хозяйство, не имея доступа к пастбищам, принадлежавшим кабардинцам и ногайцам. Карачаевцы тоже арендовали пастбища у кабардинцев, но не испытывали зависимости от черкесов. Кроме того, в КБАО решительно преобладали кабардинцы — в начале 1920-х гг. из населения в 170 тыс. человек кабардинцев было 116 098 чел., балкарцев — 27 535 чел., русских — 24 942 чел. Зато в КЧАО из 133-тысячного населения в 1925 г. русские насчитывали 71 930 чел., карачаевцы — 50 740 чел., черкесы — 13 965 чел., абазины — 14 290 чел., ногайцы — 6229 чел. (Бугай 1995. С. 64; Тебуев, Хатуев 2002. С. 148). Иными словами, во втором случае демографический разрыв между крупнейшими этническими группами был не столь велик, и их лидеры вели борьбу за политическое главенство. В частности, среди черкесов, недовольных своим незначительным представительством в органах власти, еще в 1922 г. был популярен лозунг «Долой засилье Карачая», и они мечтали о своей автономии (Бугай, Мекулов 1994. С. 47-48).

Вопрос о выделении Чечни в отдельную автономную область встал в ноябре 1922 г. и был положительно решен декретом Президиума ВЦИК от 30 ноября. При этом все представительные чеченские учреждения оставались в г. Грозном, но он сам вместе с нефтепромыслами образовал отдельную административную единицу. В Чеченскую АО включались прежний Чеченский округ Горской АССР, а также ряд казачьих станиц (Ерешенко 1995. С. 116).

К декабрю 1922 г. в Горской АССР фактически оставались только Владикавказский и Назрановский округа, Сунженский (казачий) отдел и город Владикавказ. А весной 1924 г. из горских народов в нее входили теперь лишь осетины и ингуши, отношения между которыми были отягощены нерешенным земельным вопросом (Бугай, Мекулов 1994. С. 107-108, 134, 137). Поэтому в течение некоторого времени власти стремились всеми силами сохранить их единство, понимая, что окончательный распад Горской республики может повлечь оживление прежних распреяй (Кокорхоеva 2002. С. 47-48).

20 апреля 1922 г. в центре Северной Грузии была создана Юго-Осетинская автономная область (ЮО АО), в начале мая 1924 г. Владикавказский округ был переименован в Осетинский автономный округ, а затем 7 июля 1924 г. после упразднения Горской АССР на его основе возникла Северо-Осетинская автономная область (СОАО) в составе РСФСР. Ее возглавлял бывший руководитель ГАССР С.Г. Мамсуров (1882-1837). Начиная с 1925 г. осетины неоднократно обращались к центральным властям с просьбой об объединении Южной и Северной Осетии. В мае 1925 г. они как будто бы склонялись к вхождению в Закавказскую Федерацию через Грузинскую ССР на правах автономии. Затем 12 июля вопрос об объединении рассматривался на заседании Большого президиума Северокавказского крайисполкома. А в сентябре того же года под давлением Северокавказского крайкома РКП(б) осетины выразили желание о включении всей Осетии в РСФСР (Шенгелая 1991. С. 73-78; Бугай, Мекулов 1994. С. 111; Константинов 2001). Однако из-за энергичного вмешательства Сталина (Martin 2001. Р. 397-398) этим планам не суждено было сбыться, и политическое развитие северных и южных осетиншло разными путями. Тем не менее осетины смогли преодолеть свой негативный имидж «Белой Осетии» и стали самой советизированной из всех северокавказских областей, надежной опорой советской власти в регионе (Цуциев 1998. С. 57-58, 61-62).

Другой автономией, образовавшейся после распада Горской АССР, стала Ингушская автономная область, включившая бывший Назрановский округ. В нее вошел и Пригородный район, где до револю-

ции размещались казачьи станицы. При этом, как уже отмечалось, ее основные административные структуры и культурные учреждения находились во Владикавказе, который, располагаясь между политico-административными границами Северной Осетией и Ингушетией, являлся важным политическим, экономическим и культурным центром для обоих соседних народов. Поэтому, чтобы не провоцировать их распри, было решено оставить г. Владикавказу автономный статус округа, подчинив его непосредственно Северокавказскому крайисполкуму (Ерешенко 1995. С. 118-119; Кокорхова 2002. С. 62) [14]. Сохранил свою автономию и Сунженский (казачий) отдел, получивший статус округа, о чем казаки безуспешно просили еще в 1921 г., предполагая объединить там все русское население Горской АССР (Гонов 1997. С. 19, 58-59). Вскоре в ходе решения «русского вопроса» свои территориальные единицы казаки получили и в ряде других автономий: в июле 1925 г. был создан Казачий округ в Кабардино-Балкарии, а в сентябре 1925 г. — Притеречный казачий округ в Северной Осетии (Гонов 1997. С. 59-60). В феврале 1925 г. все эти новые административные единицы вошли в подчинение Северокавказского края.

По меткому выражению Р. Суни, СССР с самого начала стал «инкубатором новых наций», нуждавшихся в пригодном для себя прошлом (Suny 1990. P. 6-9). Любопытно, что в 1920-е гг. эта своеобразная ситуация достаточно адекватно понималась партийными и культурными работниками. Тогда бесписьменные народы, в том числе северокавказские, числились не «нациями», а «племенами (народностями)», которым еще только предстояло с помощью советской власти превратиться в нации. Вот что говорил в отношении Северного Кавказа А.И. Микоян, бывший тогда генеральным секретарем Северокавказского крайкома ВКП(б): «Советская власть создает нации; советская власть помогает оформиться отдельным племенам как нациям... Самое оригинальное — то, что советская власть, самая интернациональная власть, создает и организует новые нации» (цит. по: Алиев 1926. С. 9). При этом на Северном Кавказе «советские нации» консолидировались на основе языка, компактной территории и политической общности, основанной на республиканской автономии (Бербеков 1957. С. 48; Битова и др. 1996. С. 7) [15].

Распад Горской АССР и образование на ее месте более дробных автономий ставили на повестку дня острый вопрос о территориальном размежевании, делавший актуальным установление «исторических границ проживания этносов» (Бугай, Мекулов 1994. С. 116). Фактически в силу как динамики развития горских этнических групп и их взаимоотношений, так и особенностей местного хозяйства, в котором огромную роль играло отгонное скотоводство и использование сезонных пастищ, такие четкие границы провести было практически невозможно, и их «истинность» постоянно подвергалась сомнению со стороны тех или иных групп. Однако если раньше земельные конфликты происходили между отдельными общинами или землевладельцами и могли решаться традиционными методами, то теперь они затрагивали интересы достаточно крупных политических автономий, и для их разрешения приходилось апеллировать к нормам государственного права (Дзидзоев 1997. С. 215). Все это выводило конфликты на новый уровень и делало их особенно жесткими, ибо пограничные споры, которыми полна история Северного Кавказа первой половины 1920-х гг., превращали локальные конфликты в межнациональные. Дело доходило до межнациональной розни и кровавых столкновений с человеческими жертвами, требовавших прямого вмешательства ВЦИКа и Наркомнаца РСФСР (Яндиев 1996. С. 10-12; Бугай, Мекулов 1994. С. 121-137. 301-317; Цуциев 1994 б. С. 117; Даудов 1997. С. 69, 160. 174; Гонов 1997. С. 72-74; Бабич 1998. С. 148-149; Яндиев 1999. С. 24-38; Кокорхова 2002. С. 69-75; Тебуев, Хатуев 2002. С. 140, 147). Весьма показательным в этом отношении было заключение комиссии ВЦИК СССР, изучавшей в 1924 г. вопрос о границах между Северной Осетией и Ингушетией. В нем, в частности, говорилось: «В своих спорах о границе руководящие работники Ингушетии и Осетии исходят не из соображений простого административного размежевания своих областей, удобства администрирования и советского строительства, а рассматривают свою тяжбу как тяжбу о политических границах между своими народами. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки этих товарищей на исторические документы и памятники прошлого» (Яндиев 1999. С. 34-35).

Тем не менее испытывавшие в прошлом нехватку земли горские области значительно увеличили свой земельный фонд за счет казачьих территорий. Например, если до революции Ингушетия имела 204 932 га, то к 1933 г. ее площадь составила 321 691 га, т. е. выросла на 36% (Мартirosian 1933. С. 300). Поэтому, как признавал Авторханов, у стоявших во главе республик местных национал-коммунистов в те годы не было повода выступать против центральной власти (Авторханов 1991. С. 19; Гакаев 1997. С. 82).

Однако примирение длилось недолго, и вскоре такой повод представился. В целях предотвращения кровавых конфликтов новая власть попыталась изъять у чеченцев оружие, игравшее у них не только военную, но и высокую культурно-престижную роль. Встретив сильное сопротивление, власти пошли на проведение войсковой операции, проходившей 23 августа — 11 сентября 1925 г. Военные действовали жестко, и тех, кто оказывал наибольшее сопротивление (среди них были муллы, в частности Али Митаев, Наджмуддин Гоцинский и лидеры недавних националистических движений), ждали высылка, аресты или расстрел. Тогда некоторые авторитетные чеченские политические руководители потеряли свои высокие посты (Авторханов 1991. С. 20-21; Гакаев 1997. С. 84-90).

Во второй половине 1920-х гг., когда в СССР был взят курс на централизацию власти, было проведено районирование, в результате чего все северокавказские автономии, кроме Дагестана, оказались в составе Северокавказского края, центр которого размещался в Ростове-на-Дону. Наличие многочисленных мелких автономных единиц выглядело уже анахронизмом, и советские чиновники задумались об их слиянии в более крупные образования. Первой жертвой этой новой тенденции стал г. Грозный, который, несмотря на протесты его русского населения, был в ноябре 1928 г. включен в ЧАО. Это было сделано для усиления там партийного влияния, ибо тогда среди чеченцев было крайне мало коммунистов (Музаев 1995. С. 154). В феврале 1929 г. та же участь постигла и Сунженский округ. По мнению Дж. Данлопа, это делалось для повышения доли русского населения с целью последующей русификации Чечни (Данлоп 2001. С. 55), а современный кабардинский исследователь усматривает в перекройке административных границ в конце 1920-х гг. «стремление горцев как можно больше земли отобрать у казаков» (Гонов 1997. С. 21).

Однако, когда в октябре 1928 г. руководство Северокавказского края попыталось передать г. Владикавказ в состав Северной Осетии, это вызвало бурные возражения со стороны Ингушского обкома ВКП(б), особенно его председателя И.Б. Зязикова (1896-1938) [16]. Для ингушей такое решение принесло бы невосполнимые потери, так как во Владикавказе находились основные промышленные предприятия, больница, техникумы, учебные учреждения и многие учреждения культуры Ингушетии. Противники решения крайкома доказывали, что резкое уменьшение доли ингушей в населении Владикавказа (до 2 %) было следствием Гражданской войны. В то же время они напоминали, что, поддерживая большевиков против «осетинско-казачьей контрреволюции», те неоднократно отбивали у врагов Владикавказ, имевший для ингушей огромное значение. Поэтому передача Владикавказа в состав Северной Осетии, как доказывали противники этого акта, разжигала вражду между ингушами и осетинами. Ингуши готовы были идти на компромисс и предлагали либо снова объединить Осетию, Ингушетию и Владикавказ в единую автономию, либо разделить город на две части по р. Тerek.

В результате решительного протesta со стороны ингушской общественности вопрос о Владикавказе был временно отложен в сторону. Тогда в декабре 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) предложило Северокавказскому крайкому рассмотреть вопрос о слиянии Чеченской АО с Ингушской АО. Такой план нашел понимание у видного чиновника Северокавказского крайисполкома, ингуша И. Мальсагова, однако этому категорически воспротивился И.Б. Зязиков, стремившийся сохранить Ингушскую автономию. Тем временем широкое народное обсуждение показало, что общественность обеих областей не поддерживает планы объединения. Последние не нашли поддержки и на совместном заседании Чеченского и Ингушского обкомов в январе 1929 г. (Ерешенко 1991 а: 1995. С. 122-130; Чахкиев 1991 а, 30 апреля: 1991 б. С. 24-27; Вацуев, Папанова 1991; Яндиев 1996. С. 23-30; 1999. С. 40-112; Кокорхоеva 2002. С. 76-82; Костоев 2003).

Вместе с тем Зязикову этого не простили. Его упорное сопротивление решениям Северокавказского крайкома было рассмотрено на бюро крайкома, где ему вынесли строгий выговор. Понимая, что это вряд ли поможет (тем более что вскоре после апелляции Зязикова партийное взыскание было с него снято), власти сумели нейтрализовать Зязикова, отправив его в апреле 1929 г. в Москву на курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) [17]. С тех пор пост первого секретаря обкома ни разу не доставался ингушу (И. М. Базоркин 2002 б. С. 213), и на место Зязикова был прислан И.М. Черноглаз (1894-1930), ранее работавший секретарем Адыгейского обкома (Чахкиев 1991 б. С. 29; Яндиев 1996. С. 35; 2003. С. 39-54). По словам очевидцев, тот не желал вникать в особенности местной социокультурной обстановки. В соответствии с очередной антиисламской кампанией он начал преследовать мулл, заставляя их силой отказываться от религии и вступать в учрежденный им «Союз безбожников Ингушетии». Кроме того, развернув кампанию борьбы с «троцкистами», он снимал с работы уважаемых в Ингушетии старых большевиков, не считаясь с их прошлыми заслугами. Во время чистки конца 1929 г. его стараниями бо-

ле 14 % ингушских коммунистов были исключены из партии. После того как в селе Галашки Черноглаз предложил местным ингушам заняться свиноводством, он был убит фанатиками по дороге домой. Это произошло 8 февраля 1930 г. и имело для ингушей трагические последствия (Авторханов 1991. С. 27-31; 2003. С. 204-210; Чахкиев 1991 а, 1 мая; 1991 б. С. 29-32; Куриев 1991; Яндиев 1996. С. 36-37).

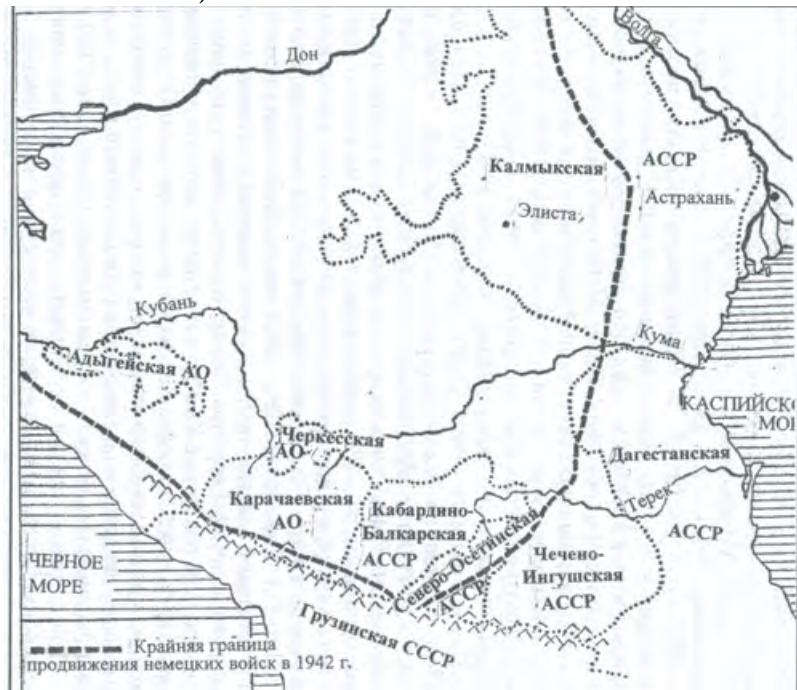
В сущности, Черноглаз лишь продолжал политику наступления на ислам, начатую много раньше. Важнейшим мероприятием в этом направлении была реформа алфавита, приведшая во второй половине 1920-х гг. к замене арабского шрифта на латиницу. Западные специалисты нередко объясняют это подготовкой к русификации (см., напр.: Данлоп 2001. С. 54). Однако такой подход не учитывает резких изменений в советской политике на протяжении 1920-1930-х гг. Вопрос о русификации в 1920-х гг. еще не стоял. Напротив, переход на латиницу трактовался многими как окончание русификации (были даже планы латинизации русской письменности) и ориентация на близкую мировую революцию и европеизацию, символом чего и служила латиница. Кроме того, в 1920-х гг. советские лидеры внимательно следили за ходом политической и культурной трансформации в Турции, где также осуществлялся переход на латиницу. Наконец, отказ от арабского шрифта должен был подорвать позиции мусульманского духовенства и резко уменьшить его влияние на местное население (Алпатов 1997. С. 63-68, 71; Хамидова 1999. С. 136).

В 1924 г. по всему Северному Кавказу прокатилась волна закрытия медресе, закончившаяся в 1926-1927 гг. в Дагестане. Тогда же был запрещен хадж, и мусульманам надолго был закрыт доступ к святыням Мекки. В 1929 г. была проведена новая кампания против ислама, выразившаяся в арестах мулл и закрытии мечетей и медресе (Данлоп 2001. С. 56; Яндиева 2002 б. С. 95-96). Тем не менее нельзя сказать, чтобы все эти советские мероприятия полностью достигли своей цели: даже в 1930 г. в одной только Ингушетии продолжали работать 32 арабские школы и 32 медресе, где готовили шейхов и мулл. Всего в этих учебных заведениях обучались более 2300 учащихся (Мугуев 1931. С. 93). Всего же в Чечне и Ингушетии в конце 1920-х гг. более 40 % взрослых входили в категорию мюридов и по-прежнему подчинялись шейхам своих вирдов (Ланда 1995. С. 231). Для сравнения в 1921 г. в Ингушетии насчитывалось всего 199 коммунистов (0,33 % всего населения), а в 1931 г. их стало 1306 (1,6 %), причем лишь 932 из них были ингушами по национальности. Еще хуже дело обстояло в Чечне, где в 1924 г. было всего 27 членов ВКП(б), в 1927 г. — 308, а к началу 1933 г. — 3621 (Мартиросиан 1933. С. 294-295). Иными словами, даже в начале 1930-х гг. в Чечне и Ингушетии образованные правоверные мусульмане по своей численности значительно превышали число местных коммунистов. Мало того, многие местные коммунисты были крестьянами и не порывали с исламом (Летифов 1972. С. 142, 159). Поэтому ни о каком упадке ислама говорить не приходится, и власти Чечено-Ингушетии безуспешно пытались бороться с ним и в 1970-1980-е гг. Например, в 1979 г. на 5 зарегистрированных мечетей там приходилось 292 незарегистрированных, а в 1981 г. там все еще насчитывалось до 10 тыс. мюридов (Ланда 1995. С. 248; Малащенко 2001. С. 50). Тем не менее остается фактом, что в 1930-х гг. политика советской власти к исламу ужесточилась: были окончательно закрыты все мечети и медресе, а многие их служители были арестованы (Керимов 1999. С. 22; Малащенко 2001. С. 41).

Осенью 1929 г. Северокавказский край был объявлен зоной сплошной коллективизации. Во многих местных республиках ускоренная коллективизация вызвала протест, вылившийся в декабре в большое крестьянское восстание [18]. Его удалось подавить с большим трудом с помощью армейских подразделений. В марте 1930 г. Карачай был снова охвачен восстанием, и там на время была свергнута советская власть. В Чечне повстанцы продержались до апреля 1930 г., а весной 1932 г. восстание вспыхнуло там с новой силой. Тем временем в Ингушетии органы ГПУ провели грандиозную провокацию и сфабриковали «заговор против советской власти». За этим последовали массовые аресты, обрушившиеся, в частности, и на некоторых местных руководителей (Авторханов 1991. С. 22-26. 28-30; 2003. С. 196-198, 206-208; Avtorkhanov 1992. Р. 157-163; Хожаев 1991а. С. 3-4; Данлоп 2001. С. 56-58). Главным среди них оказался Зязиков, который, несмотря на свое пребывание в Москве, был обвинен в «моральной и политической подготовке убийства своего преемника» и отдан под суд, проходивший в мае-июне 1932 г. Одновременно его сторонники и родственники подверглись травле. С тех пор ингушей и начали преследовать подозрения в неблагонадежности (Ерешенко 1991 б; 1995. С. 129-130; Чахкиев 1991а, 1 мая).

Осенью 1932 г. в результате новой провокации чекисты сфабриковали дело о «Чеченском националистическом центре». Аресты охватили до 3000 чел., в числе которых оказались видные представители чеченской политической и интеллектуальной элиты; некоторые из них были расстреляны (Авторханов 1991. С. 34-36; Avtorkhanov 1992. Р. 167-168).

После удаления с политической сцены Зязикова и расправы с другими наиболее упорными противниками центральная власть вернулась к вопросу о Владикавказе, именовавшемся с августа 1931 г. городом Орджоникидзе. Под давлением сверху Ингушский обком вынужден был снять свои прошлые возражения, и 1 июля 1933 г. город был включен в состав СО АО. Правда, поначалу в нем остались все основные учреждения Ингушетии (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 559, 567; Ерешенко 1995. С. 131; Костоев 2003), однако уже летом 1936 г. было принято решение о выведении учреждений принадлежавшего Чечено-Ингушетии Пригородного района из Владикавказа, и в феврале 1937 г. его центр был перенесен в село Шалхи (Кокорхоеva 2002. С. 103).

Северный Кавказ в 1936-1944 гг. (по Р. Конквесту)

Уступчивость ингушей показалась властям многообещающим знаком, и в декабре 1933 г. они смело вернулись к планам слияния Ингушетии с Чечней. Действительно, пережив волну суворых репрессий, местные коммунистические руководители уже не осмеливались возражать Центру, и вопрос был решен положительно. На состоявшемся 15 января 1934 г. I съезде Советов Чечено-Ингушской АО объединение обеих областей было завершено (Ерешенко 1995. С. 131-134; Яндиев 1999. С. 113-115; Кокорхоеva 2002. С. 97-98, 103-107) [19]. Приговоренный вначале к расстрелу, а затем к 10 годам лагерей Зязиков уже в 1934 г. получил разрешение жить в Ульяновске, а в 1935 г. был полностью освобожден от наказания (Чахкиев 1991г., 1 мая). Некоторые ингушские авторы не без основания считают, что фабрикация уголовного дела понадобилась властям лишь для того, чтобы изолировать Зязикова на время упомянутых кардинальных политico-административных преобразований в крае (Вацуев, Чапанова 1991).

После принятия новой Советской Конституции 5 декабря 1936 г. Кабардино-Балкария, Северная Осетия, а 25 декабря и Чечено-Ингушетия обрели статус Автономных Советских Социалистических Республик и получили право на свои республиканские органы власти — Верховный Совет и Совет министров. Черкесия, Адыгея и Карачай остались автономными областями. Незадолго до этого акта секретарь северокавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов (1891-1940) писал о блестящем разрешении советской властью национального вопроса и установлении подлинной дружбы народов. Он противопоставлял происходившее при царе покорение Кавказа как «дискую, зверскую, кровавую расправу над свободолюбивыми горцами» завоеваниям Октябрьской революции: решению земельного вопроса, подъему сельского хозяйства, превращению Грозного в промышленный город, распространению грамотности на родном языке (Евдокимов 1936).

Действительно, все эти мероприятия, как и повышение политического статуса, были позитивно восприняты населением республик. Однако спокойная жизнь там продлилась лишь полгода. В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. Чечено-Ингушетия снова подверглась массовым арестам. По словам Авторханова, тогда были арестованы до 14 тыс. чел., что составляло 3 % всего населения республики. Осенью

республику посетил секретарь ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов (1883-1954), принявший участие в работе Второго пленума Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), проходившего 8-10 октября. Там он обнародовал решение ЦК ВКП(б) о снятии со своих постов и аресте всех руководителей республики, объявленных «врагами народа». Фактически почти все они были взяты под стражу тут же в зале заседания. Аресты продлились до ноября 1938 г., причем они обрушились не только на руководителей республики, но и на местных писателей, музыкантов, ученых. Тогда в Чечено-Ингушетии была арестована почти вся национальная интелигенция (Авторханов 1991. С. 47-53; 2003. С. 482-483).

Одновременно репрессии прокатились и по другим республикам Северного Кавказа. Они начались в 1935-1936 гг. кампанией против руководителей местных автономий, в результате чего везде, кроме Кабардино-Балкарии, место первых секретарей обкомов ВКП(б) заняли русские. Кампания приняла поистине массовый характер в 1937 г., и в ходе нее были окончательно ликвидированы те, кто устанавливал советскую власть на Северном Кавказе (Догуж 1936 б; 1936 в; 1937 а; 1937 б). Всех арестованных обвиняли в заговоре, будто бы возникшем еще в 1926 г., когда они якобы договорились отторгнуть республики от СССР и создать независимую Северокавказскую федерацию под протекторатом Турции и Англии. Людей арестовывали и за пределами Северного Кавказа, в частности в Москве, где чекисты сфабриковали дело о «Московском межнациональном центре», якобы занимавшемся координацией действий заговорщиков. В числе других был снова арестован Зязиков, погибший под пытками 4 июля 1938 г. (Авторханов 1991. С. 47-53; Avtorkhanov 1992. Р. 174-179; Ерешенко 1989; 1991б; 1995. С. 136; Чахкиев 1991а, 1 и 5 мая: 1991б. С. 39-44; Вацуев, Чапанова 1991; Хожаев 1991а. С. 6). Только после проведения массовых акций по уничтожению местных элит в 1937-1938 гг. в СССР был проведен перевод всех местных письменностей на кириллицу — это и стало важнейшей вехой на пути к русификации (Алпатов 1997. С. 82-83).

Зимой 1940 г. в горах Чечено-Ингушетии вновь началось восстание. На этот раз им руководил писатель Х. Исраилов (Терлоев), неоднократно судимый в 1930-х гг. за выражение публичного несогласия с жестокой политикой советской власти в республике. Поначалу восстание развивалось очень успешно: уже в феврале в руках повстанцев оказались высокогорные районы Чечни, где они провозгласили «временное народно-революционное правительство Чечено-Ингушетии» во главе с Исраиловым. В феврале 1942 г. к восставшим присоединилась группа юриста М. Шерипова, брата погибшего в августе 1919 г. героя Гражданской войны, начавшая борьбу на юго-востоке Чечни. В июне 1942 г. повстанцы выступили с возвзванием, где обещали оказать гостеприимство германской армии, но взамен требовали признания независимости Кавказа. В августе-сентябре в горы Чечено-Ингушетии были заброшены несколько германских диверсионных групп, однако они были немногочисленными. Для борьбы с восставшими в Чечено-Ингушетию были брошены войска НКВД и армейская авиация, и осенью 1942 г. основные очаги сопротивления были подавлены [20]. Хотя активное участие в восстании принимало относительно небольшое число чеченцев и ингушей [21] и несравненно большая их часть героически сражалась в рядах Красной армии или участвовала в борьбе с повстанцами (Абазатов 1973; Филькин 1989. С. 29-33; Smith 1998. Р. 63), оно было использовано как удобный предлог для полной депортации обоих народов, осуществленной 23 февраля 1944 г. с особой жестокостью (Ибрагимбейли 1989 а; 1989 б; Бугай 1990. С. 36-40; Авторханов 1991. С. 56-63; Avtorkhanov 1992. Р. 181-183; Гакаев 1997. С. 97-101; Flemming 1998; Данлоп 2001. С. 63-70; Яндиева 2002 б. С. 99-107).

Если Чечено-Ингушетия и Северная Осетия почти не пострадали от германской оккупации, то иной была судьба Кабардино-Балкарии и Карачая, осенью и зимой 1942 г. испытавших на себе все тяготы оккупационного режима. Там немцы пытались опираться на созданные ими местные административные структуры — Карабаевский и Балкарский национальные комитеты. Между тем коллаборационистами пожелали стать очень немногие: среди карабаевцев таковых оказалось не более 270 человек (Тебубев, Хатуев 2002. С. 157-158).

Однако после освобождения Северного Кавказа от немецких оккупантов все эти народы оказались под подозрением и решением Президиума Верховного Совета СССР подлежали полному выселению за пределы своего региона. Первыми депортации подверглись карачаевцы (2 ноября 1943 г.), за ними последовали чеченцы и ингуши (23 февраля 1944 г.), а затем и балкарцы (8 марта 1944 г.). Истинные причины депортации до сих пор остаются неясными, и разные авторы высказывали на этот счет разные соображения. Например, по мнению ряда западных авторов, Сталин, во-первых, хотел раз и навсегда покончить с чеченским бунтарским духом, а во-вторых, не доверяя Турции, стремился подорвать

основы для ее возможных альянсов с местными тюркскими народами (Goldenberg 1994. P. 42, 194-195; Lieven 1998. P. 316; Smith 1998. P. 64).

Всего, по сообщению Л. Берия, к середине марта 1944 г. с Северного Кавказа в Казахстан и Киргизию были переселены 602 193 чел. (496 460 чеченцев и ингушей, 68 327 карачаевцев и 37 406 балкарцев) (Бугай 2000) [22]. По другим данным, за период с ноября 1943 до конца 1944 г. в одну лишь Киргизскую ССР было переселено 137 298 горцев, включая 88 890 чеченцев и ингушей, 22 749 карачаевцев и 15 048 балкарцев. При этом из-за ужасающих бытовых условий и слабой приспособленности к местному климату с 1944 до середины 1946 г. умерло 26,2 % переселенцев, причем максимальная смертность приходилась на первые полтора года (Зумакулов 2001. С. 203-204. См. также: Бугай 1990. С. 33). К октябрю 1946 г. всего среди спецпоселенцев насчитывалось 400 478 чеченцев и ингушей, 60 139 карачаевцев и 32 817 балкарцев (Зумакулов 2001. С. 213). Советские чиновники делали все, чтобы стереть эти народы из памяти советских людей, и они превратились в «ненации» (Conquest 1970), или «народы-фантомы» (Яндиева 2002 б. С. 88).

Депортация не смогла положить конец повстанческому движению в горах Чечни. Напротив, некоторые из тех, кто сумели от нее укрыться, возродили традиции абреческого движения. И понадобилось еще 10 лет, прежде чем НКВД силами нескольких дивизий его окончательно подавил (Музаев 1995. С. 155). Чтобы ослабить роль этнического фактора, власти десятилетиями проводили такую демографическую политику в Северокавказских республиках, которая снизила бы в них долю коренного населения. В частности, этому способствовало перекраивание границ в ходе восстановления упраздненных в 1943-1944 гг. автономий. В итоге к 1959 г. почти во всех республиках коренные жители превратились в меньшинство. По данным, приводимым А. А. Цуциевым, за период 1926-1959 гг. их доля снизилась в Адыгее с 55,7 % до 23,1 %, в Карачаево-Черкесии с 81,3-70,3 % до 39,6 %, в Кабардино-Балкарии с 76,3 % до 54,4 %, в Северной Осетии с 84,2 % до 47,8 % и в Чечено-Ингушетии с 94 % до 41,1 % (Цуциев 1994 б. С. 119).

Примечания

1. Ее название происходило от имени популярного народного героя второй половины XVIII в. По сути, это была очень многочисленная группа, куда в 1919 г. входили всего 155 человек, преимущественно крестьян.
2. О нем см.: Баммат 1937
3. После этого Карапулов стожил свои полномочия, но 13 ноября Войсковой круг снова избран его своим атаманом.
4. О нем см.: Яндиева, 2001.
5. О нем см.: Берсанова, 1997.
6. Весной 1918 г. он перешел в лагерь социалистов и встал на сторону советской власти. См.: Гаджиев 1964; Туркаев 1988.
7. Карабаевы в этом уже не участвовали. В апреле они вошли в состав Советской Кубанской республики, а затем – Кубанско-Черноморской советской республики.
8. В последние годы высказываюсь мнение о том, что, решив земельный вопрос в пользу горцев, именно большевики положили начало их вражде с казаками. См.: Цветков 1998. Однако, как мы видели, вражда началась много раньше, и не только из-за решения земельного вопроса, сколько из-за самого его наличия.
9. С декабря 1918 г. по май 1919 г. во главе терско-дагестанского правительства стоял П. Коцев.
10. Сходное соотношение отмечалось и в 1906 г. См.: Цуциев 1998. С. 45.
11. Иногда это утверждение озвучивается и современными лидерами северокавказских народов. См., напр.: Шахбиев 1996. С. 201; Карабай 2002. С. 433.
12. В этих настроениях отражалось наследие Горской республики 1918 г., где главными языками были арабский и турецкий. См.: Данлоп 2001. С. 41. Любопытно, что северокавказский эмигрантский журнал «Северный Кавказ», выходивший в Варшаве, публиковал статьи на двух языках – турецком и русском.
13. О разных мнениях на этот счет см.: Кокорхоеva 2002. С. 43-44.
14. Северокавказский край был создан 26 января 1925 г.
15. Сходным образом племена и этничности создавались, например, в колониальной Африке. См.: Lenz 1997.

16. О нем см.: Чахкиев 1991 а; 1991 б; Яндиев 1996; 2003. С. 8-38.
17. Авторханов ошибочно полагал, что Зязикова сняли с поста секретаря обкома еще в 1926 г. См.: Авторханов 1991. С. 26. Этой версии следовал и современный чеченский историк Дж. Дж. Гакаев. См.: Гакаев 1997. С. 90.
18. В Баксане в Кабардино-Балкарии крестьяне восставали еще в 1928 г.
19. Т. Мартин видит в этом начало поворота сталинской политики от поддержки этнической дифференциации к конструированию более крупных этнонациональных единиц. См.: Martin 2001. Р. 409.
20. Об освещении этих событий работниками НКВД см.: Логинов 1993 а; Бугай 1990. С. 36-38; 1994 а. С. 34-38; 2000. Об иной интерпретации движения Исаилова как чудовищной провокации, осуществленной органами НКВД, см.: Акаев 2003.
21. О том, что их численность намеренно завышалась сотрудниками НКВД, и именно эти завышенные цифры и искаженные представления о происходящем фигурировали в советской исторической литературе при поддержке партийных органов, см.: Катышева, Озиев 1990, 14 ноября; Богатырев, Костоев 2000. С. 98, 105-106; Акаев 2003. Действительно, сравнение статистических данных, приводимых различными источниками, показывает их существенные расхождения. Ср., напр., данные в: Бугай 1994 б. Правда, в современной вайнахской литературе встречается и романтизация повстанцев. См., напр.: Яндиева 2002 б. С. 108-110.
22. Полян дает другие цифры: 478 479 чеченцев и ингушей, в том числе 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей. См.: Полян 2001. С. 122.

Часть II

В ПОИСКАХ СУДЬБЫ (ОСЕТИНЫ)

Глава 1.

Открытие осетинской древности и романтический национализм

Ко времени присоединения Северного Кавказа к Российской империи понятие «Осетия» уже имелось — так центральный регион Северного Кавказа назывался грузинами и вслед за ними русскими. Сами же осетины чаще называли себя по ущельям; имелись и более инклюзивные самоназвания — дигорцы (дыгорон) у западных осетин, иронцы (ирон) — у восточных и туальцы (туалтое) — у южных (Волкова 1973. С. 106-107, 109). Русские впервые официально использовали понятие «Осетия», организовав в 1746 г. Осетинскую духовную комиссию для обращения осетин в православие.

Название «Осетия» впервые появилось на карте Грузии только в начале XIX в. Оно получило поддержку у царской администрации, в особенности после 1842 г., когда на севере Тифлисской губернии был образован Осетинский округ (Гвасалиа 1990а; 1990 б. С. 35). В него входили южные осетины, и, как показал Ю.С. Гаглоити, термин «Южная Осетия» широко использовался в официальных документах, массовой печати и даже грузинской историографии второй половины XIX — начала XX в. (Гаглоити 1993).

Осетины рано попали в поле зрения любознательных иностранцев, которых привлекали прежде всего две их особенности: во-первых, их язык резко отличается от языков всех других кавказских горцев, а во-вторых, в отличие от своих соседей-мусульман, многие из них были христианами. В XIX в. осетинами заинтересовались немецкие путешественники и исследователи. Первым, кто установил ираноязычие осетин и связал их со средневековыми аланами, был известный кавказовед Г.-Ю. Клапрот (1783-1835), полагавший, что их отдаленными предками были мидийцы, приведенные скифами в Сарматию по возвращении их из переднеазиатских походов (Klaproth 1822; Клапрот 1967. С. 156, 175-176, 179).

Некоторые другие шли дальше и пытались видеть в осетинах родственников германцев. Одним из них был барон А. фон Гакстгаузен (1792-1866), ненадолго заехавший в Осетию в завершение своего длительного путешествия по Закавказью. Пускаясь в увлекательную поездку по экзотическому краю, дотошный немец предварительно познакомился с записками других путешественников и исследователей. От них он узнал, что осетины могли находиться в каком-то дальнем родстве с древними германцами. Ведь Клапрот относил осетинский язык к индогерманским языкам (Клапрот 1967. С. 176). т. е. к индоевропейским, по современной классификации. К близкому выводу склонялся академик Л.М. Шегрен, издавший первую грамматику осетинского языка. По мнению француза Дюбуа де Монпера, осетины представляли осколок индогерманского массива и осели на Кавказе после того, как основная масса их сородичей ушла в Европу (цит. по: Гакстгаузен 1857. С. 123). Правда, мимо внимания А. фон Гакстгаузена прошла идея Клапрота о принадлежности осетинского языка к «мидийско-персидской ветви» индогерманских языков (Клапрот 1967. С. 180), и он увлекся мыслью о возможном родстве осетин с германцами. Поэтому-то он с упоением искал у них культурные особенности, способные подтвердить это предположение. Действительно, на взгляд любознательного путешественника, в осетинской культуре можно было обнаружить черты, живо напоминавшие ему родную Германию [1]. К таковым он отнес висящий на цепи надочажный котел, квашню для изготовления масла, обычай пивоварения, плут своеобразной формы, а также ряд обрядов и обычаев [2]. Правда, для него не составляло тайны, что осетинский язык был ближе к иранскому, нежели к германскому. Однако он полагал, что этот язык не был исконным: по его мнению, речь могла идти о группе готов, которые, скрываясь от гуннов, ушли на Кавказ и смешались с осетинами-аланами, перейдя на их язык (Гакстгаузен 1857. С. 82-118). Идеи А. фон Гакстгаузена относятся к тому периоду, который В. И. Абаев назвал «периодом предварительных путевых заметок», не имевшим большого научного значения (Абаев 1932).

Первый значительный этап в познании осетин, их истории, языка и культуры связан с именем замечательного ученого Вс. Ф. Миллера (1848-1913), который окончательно доказал связь осетинского языка с древним иранским миром и сделал ею равноправным членом индоевропейской языковой семьи (Миллер 1881-1887). Он же первым попытался прочесть известную Зеленчукскую надпись и определил, что та была сделана на аланском языке в греческой графике (Миллер 1893).

Наконец, к началу XX в. было выяснено, что во-первых, в языке и культуре осетин прослеживались не только индоевропейские, но и иные черты, полученные от контактов с соседями, а во-вторых, осетины не представляли гомогенного культурного единства, так как их северная часть существенно отличалась от южной (Ган 1905. С. 265-268).

О своем прошлом задумались и сами осетины, воодушевленные мыслью о том, что когда-то их предки «составляли сильную нацию, владения которой простирались от Кавказского хребта к северу до устьев Дуная и Волги». Так в конце XIX в. писала либеральная газета «Новое обозрение» (1891, № 2756). Осетины представлялись крупным сильным ираноязычным «арийским народом», «рассеянным по трем частям Старого Света». Об этом повествовал директор Никольского реального училища в Тифлисе А.Н. Кодзаев (ум. в 1924 или 1925), отождествлявший осетин с аланами и повторявший с радостью, что когда-то им принадлежала вся южнорусская равнина от низовий Волги до устья Днепра и Днестра. Он изображал древних предков могущественным племенем, способным своей древностью поспорить с грузинами. Ведь в X-XI вв. они обладали своим царством Аланией, с которым должны были считаться Византия, Хазария и другие соседи. Однако, сокрушался он, позднее осетины были оттеснены тюрками в горы, и «уцелевшие в горных трущобах Кавказа современные осетины — не более как жалкий осколок некогда могущественного племени алан» (Кодзаев 1903. С. 1, 55-58, 73-81) [3].

В начале XX в. идея великой древней Осетии вдохновляла осетинских националистов (Вано Темирханов, Г.В. Баев и др.), стремившихся, по крайней мере в своем воображении, максимально расширить ее территориальные пределы и возвеличивавших своих далеких предков, которых они связывали со скифами и сарматами. В частности, в своей изданной в 1913 г. на осетинском языке книге «История осетин» (Иры история) Темирханов представлял осетин «тем народом, который впервые открыл огонь и вследствие того занял господствующее положение среди народов». Он настаивал на том, что когда-то именно осетины принесли плоды цивилизации в Индию и Европу (об этом см.: Кокиев 1944. С. 46: Джанаев 1952: История 1954. С. 277: Новосельцев 1987. С. 489-490). В те годы такие взгляды были достаточно популярны среди образованных осетин, продолжавших хранить им верность и в 1920-е гг.

В дореволюционное время во Владикавказе имелось лишь одно просветительское учреждение, знакомившее общественность с историей края. Это был Естественно-исторический музей, образованный при Терском областном статистическом комитете в 1893 г. и доступный для ограниченных посещений с 1897 г. Свое собственное здание он получил только в 1907 г., когда его двери широко открылись для публики. Своей задачей музей ставил охрану памятников старины в Терской области, проведение археологических и этнографических исследований, а также просветительскую работу. Однако собственных средств ему не хватало, и поэтому в декабре 1911 г. он был передан в ведение Терского казачьего войска, получив название Терского областного музея. Его финансовое положение улучшилось, но теперь ему пришлось сместить акцент своей деятельности — главным объектом изучения и пропаганды стала история Терского казачества и колонизации Кавказа (Семенов 1925. С. 3-4: Семенов, Каствуев 1948. С. 18-25).

В первой половине 1909 г. во Владикавказе на осетинском и русском языках выходила националистическая газета «Хабар» («Весть»), писавшая об Осетии и осетинах, о происхождении и традиционной культуре осетинского народа. Эта газета занималась поисками славных предков и нередко распространяла о них самые фантастические небылицы типа происхождения осетин от карфагенян (см.. напр.: Зомбарт 1909). С ней сотрудничали такие видные представители демократической интеллигенции, как Б.А. Алборов. Е.Ц. Бритаев, А. Кануков, Г. Малиев. Некоторые из них позднее участвовали в работе Общества защиты и охраны памятников искусства и старины, созданного во Владикавказе 13 января 1915 г. и пользовавшегося поддержкой городского головы Г.Б. Баева (1868-1938) [4].

Осенью 1919 г. осетинские интеллектуалы учредили Осетинское историко-филологическое общество (ОИФО), первым председателем которого стал Г.А. Дзагуров (1888-1979). а секретарем Б.А. Азборов (1886-?) [5]. Его костяк состоял из преподавателей средних школ, но туда также входили местные политические деятели и представители творческой интеллигенции — А. и К. Бугаевы, Е. Бритаев, С. Мамсиров, М. Авсарагов, И. Баев, М.Ю. Галиев и др. Оно работало с октября 1919 г. до марта 1925 г. и стало фактически первым научным учреждением горских народов. Его создатели подчеркивали своеобразие осетинской культуры, пропагандировали самобытную историю осетинского народа и мечтали о его свободном развитии. Задуманное как научно-просветительское, ОИФО с 1920 г. занималось прежде всего вопросами осетинского языка, письменности и фольклора. Огромные усилия прилагались к сбору произведений устного народного творчества — именно ОИФО положило начало систематизации нарт-

ского эпоса. ОИФО организовывало публичные лекции по истории Осетии. Благодаря его усилиям, во Владикавказе был открыт Горский педагогический институт, где началось преподавание краеведческих дисциплин и осетинской истории (Отчеты 1925: Дзагуров 1928а. С. 5: Джанаев 1971. С. 125: Козырева 1971. С. 290-291: Цибиров 1989. С. 179-180: Гуриаты 1995. С. 38-44).

Глава 2. Земельный вопрос и наследие предков

В годы Гражданской войны власть на территории Северного Кавказа неоднократно менялась, но в каждом случае управление регионом старалось учесть этнополитический фактор и предоставить местным народностям определенные политические и культурные права. Так, уже Терская республика декларировала предоставление каждому из местных народов возможность самостоятельно устраивать свою жизнь, в частности вводить школьное обучение на родном языке. На II съезде народов Терека в выступлении по национальному вопросу делегата Д.З. Коренева подчеркивалось, что как туземные народы (чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы, кумыки), так и терские казаки издавна живут на своей земле, и поэтому здесь речь идет о «территориальном союзе народов». Однако, так как земля была поделена между разными народами неравномерно, ее следовало разделить справедливо среди трудящихся вне зависимости от каких-либо исторических прав. Соответственно установление границ территорий отдельных народов следовало бы отложить до окончания земельной реформы; никакие исторические права этому мешать не должны. Все эти предложения были сочтены делегатами съезда и вошли в его резолюцию (Джанаев 1977. Т. 1. С. 129-137, 157-158). К земельному вопросу снова вернулись на V съезде по настоянию ингушей и чеченцев, ибо все понимали, что корни противостояния между ними и казаками лежали в неравномерном распределении земельных ресурсов (см., напр.: Джанаев 1977. Т. 2. С. 93-95, 106). Действительно, как показало детальное изучение состояния земельного фонда, казаки и кабардинцы обладали значительными излишками земли, тогда как большинство горских народов испытывали земельный голод (Авторханов 1933. С. 39-41; Джанаев 1977. Т. 2. С. 226-237; Цуциев 1998а. С. 45).

Между тем, когда дело дошло до практических решений, оправдались пророческие слова большевика И.В. Малыгина о том, что признание национальных территорий приведет к всплеску национализма и бесконечным земельным распрям (Джанаев 1977. Т. 1. С. 138-139). При этом, предъявляя территориальные претензии к соседям, отдельные делегаты не избежали искушения апеллировать к истории: требуя передачи летних пастбищ, прежде арендемых у кабардинцев, карачаевцы вспоминали, что когда-то их предки обитали в районе Кисловодска, но затем были загнаны высоко в горы; кабардинцы протестовали, говоря, что они отняли эти земли у помещиков; ингуши и чеченцы вспоминали о своих регулярных выступлениях против царского режима и указывали, что зато кабардинцы верой и правдой служили царю; чеченцы напоминали о том, что в прошлом казаки поселились на их землях, что и привело к земельному голоду среди горских народов; в свою очередь гребенские казаки утверждали, что ихстари живут на своих землях, зато царское правительство начало переселять туда чеченцев (Джанаев 1977. Т. 1. С. 289, 309-310, 334-335). Всех перещеголял один из активных организаторов съездов, бывший комиссар Владикавказского округа (при Временном правительстве) и будущий видный государственный и партийный деятель Северной Осетии С.А. Такоев (1876-1937). Протестуя против ссылок на исторические границы территорий, он все же не упустил возможности напомнить о былой славе Осетии: «Границы ее то доходили до Дуная и Днестра, то сокращались в рамках гор» (Джанаев 1977. Т. 2. С 238).

Ко времени установления советской власти по распространению грамотности осетины намного превосходили своих соседей-горцев (Антонов 1928. С. 30-31; Жак 1928. С. 188): лишь они обладали своей письменной традицией [6] и интеллектуальной элитой, у них уже имелись свои художественная литература и поэзия [7], театральное искусство и даже своя местная пресса (Калоев 1971. С. 296-299, 309-312; Новосельцев 1987. С. 348-354, 360-374, 471-506; Бугай, Мекулов 1994. С. 91; Даудов 1997. С. 25). Правда, уже в 1920-е гг. грамотность на русском языке была у осетин гораздо больше распространена, чем на своем родном (Антонов 1928. С. 35-36). Ведь еще в 1897 г. русский язык хорошо знали более 92 % осетин, тогда как среди идущих вслед за ними карачаевцев этот показатель составлял 32 %, а у занимавших последнее место чеченцев — 8,8 % (Жак 1928. С. 189).

К середине 1920-х гг. у осетин быстро росла грамотность и на своем родном языке. Это объяснялось тем, что к тому времени у них имелось значительно больше начальных школ, чем у других народов

Северного Кавказа (Жак 1928. С. 190). Во Владикавказе с 1920 г. располагался Терский институт народного образования; в 1921–1924 гг. он назывался Горским институтом народного образования, первым директором которого был Г.М. Кесаев. Затем он превратился в Горский пединститут, сыгравший большую роль в подготовке горских учителей. В 1932 г. он был реорганизован во второй Северо-Кавказский педагогический институт, и его статус повысился (Каймаразов 1988. С. 65, 82). Наконец, в 1938 г. произошло его слияние с открытым в 1932 г. Северо-Осетинским педагогическим институтом, что превратило его в крупнейший педагогический вуз на всем Северном Кавказе (Каймаразов 1988. С. 130). Кроме того, осетины преобладали среди горцев, обучавшихся в советских образовательных учреждениях за пределами своих республик в 1920–1930-х гг. (Каймаразов 1988. С. 58, 64, 104). Это еще больше усиливало разрыв в образовательном уровне между осетинами и их северокавказскими соседями, в особенности если учесть, что образование на местах в 1920-х гг. ограничивалось по большей части краткосрочными курсами (Каймаразов 1988. С. 61–62). Поэтому если в 1939 г. из тысячи человек, занятых в сфере экономики, в Северной Осетии 191 чел. имел высшее и среднее образование, то в Кабардино-Балкарии эта цифра составляла 97, а в Чечено-Ингушетии – 87 (Каймаразов 1988. С. 286). На протяжении всего XX в. по уровню образования осетины продолжали лидировать среди народов Северного Кавказа, намного опережая своих соседей (Кошев 1994. С. 110; Овхадов 2001. С. 213, табл. 2). Однако в начале 1930-х гг. общий уровень образования горцев был еще невысок, и даже многие местные учителя не имели специального педагогического образования. В вузы приходилось принимать слабо подготовленных абитуриентов, и это затем сказывалось на невысоком профессионализме выпускников (Каймаразов 1988. С. 93, 96–97).

В революционные годы осетины проявляли высокую социальную активность и по числу членов РКП(б) занимали в Терской области, а затем и в Горской АССР второе место после русских (соответственно 27,7 % против 59,9 % и 32,7 % против 49,7 %) (Бугай, Мекулов 1994. С. 92; Даудов 1997. С. 29). Позднее, в 1925 г., по числу коммунистов осетины вышли в Северо-Кавказском крае на первое место (1744 чел.), за ними шли русские (1525 чел.), кабардинцы (1188 чел.), ингуши (341 чел.), чеченцы (219 чел.), балкарцы (201 чел.), черкесы (118 чел.), и этот список замыкали карачаевцы (78 чел.) (Летифов 1972. С. 159). Неудивительно, что осетины играли большую роль в руководстве ГАССР: в ее аппарате в 1922–1923 гг. они устойчиво занимали второе место после русских, в Горском комитете РКП(б) было 6 русских, 3 осетина, 1 ингуш и 1 армянин, а среди 89 членов Владикавказского горсовета насчитывалось 74 русских и 6 осетин. Зато местная власть во Владикавказском округе была представлена почти исключительно осетинами. Так, в исполнком Владикавказского окружного совета в конце 1921 г. входили 24 осетина и 1 русский, а делегаты Владикавказского окружного съезда Советов, состоявшегося в конце 1921 г., были представлены исключительно осетинами (Бугай, Мекулов 1994. С. 56–57, 86, 92).

В то же время осетинские крестьяне были одними из наименее обеспеченных земельными наделами (Бугай, Мекулов 1994. С. 302–303; Сланов 1995. С. 149; Даудов 1997. С. 22–23), и в начале 1920-х гг. неурегулированность земельного вопроса неоднократно приводила к кровавым междоусобицам. Поэтому, как мы знаем, одной из главных целей создания Горской АССР был передел земель в пользу немимущих и малоимущих. Первой мерой на этом пути, осуществленной в 1920–1921 гг., стало отселение казачества и переселение горцев (в первую очередь чеченцев и ингушей) на изъятые у него плоскостные земли (Бугай, Мекулов 1994. С. 311–312; Сланов 1995. С. 145–146; Даудов 1997. С. 23–24, 112–113, 150–152; Гонов 1997. С. 13–15; Полян 2001. С. 53–54). Следующим шагом должен был стать передел земель среди самих горцев, что прежде всего означало раздачу значительной части кабардинских земель соседним народам. Как мы видели, кабардинцы этому воспротивились, положив начало постепенному распаду ГАССР на отдельные этнические автономии. Это лишь обострило земельную проблему, ибо, например, осетины потеряли доступ к 40 тыс. десятинам земли, арендаемым ранее у кабардинцев. Число малоземельных в Северной Осетии составляло 84 % (Сланов 1995. С. 149–150).

Получение автономии заставило осетинские власти задуматься о политической роли местной истории и о сохранении исторических ценностей. Определенный опыт, как мы знаем, у осетин уже имелся. Вскоре после установления на Северном Кавказе советской власти во Владикавказе 3 июня 1920 г. был создан Северо-Кавказский институт краеведения, располагавшийся там до 24 ноября 1926 г. (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 420, 950). С 1922 г. во Владикавказе работало также Бюро обследования Горской АССР. Все эти учреждения должны были обслуживать культурные запросы ее населения. Параллельно во Владикавказе продолжало успешно работать ОИФО, в частности занимавшееся выработкой осетинской письменности на латинской основе. Наибольшим энтузиастом этого был А. Тиболов, предлагавший

создавать единый литературный язык на основе «иронского говора» для сплочения всех осетин в единую осетинскую нацию (Тибилов 1925). В начале 1930-х гг. за это он был обвинен в национализме и «социал-фашизме» и подвергся репрессиям (Козырева 1971. С. 291-292; Гуриаты 1995. С. 42, 49). А пока что работники ОИФО успешно занимались просвещением осетинского народа и были в почете. Один из них, Б.А. Алборов, был в первой половине 1920-х гг. заместителем наркома просвещения Горской АССР, а затем — директором Горского пединститута. Другой, Г.А. Дзагуров, стал в 1925 г. заведующим Северо-Осетинским областным Отделом народного образования.

После распада Горской АССР и образования Северо-Осетинской автономной области, Северо-Осетинский областной ревком принял 14 октября 1924 г. постановление о ликвидации ОИФО и передаче всего его имущества Осетинскому центральному научно-исследовательскому институту краеведения (ОНИИК) (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 509). Этот институт, куда в качестве одного из подразделений влился ОИФО, был создан 1 марта 1925 г. (Дзагуров 1928 б. С. 438), и его первым директором стал Б.А. Алборов. Другие активные деятели ОИФО (Г.А. Дзагуров и др.) тоже получили в нем руководящие должности и продолжали там успешно работать до 1928 г. Первоначально ОНИИК состоял из трех отделений: экономического, культурно-исторического и филологического. Его научная деятельность значительно расширилась, хотя большую роль в ней продолжал играть сбор народного эпоса. Объясняя произошедшие структурные перемены, Г. А. Дзагуров обращал внимание на огромную социокультурную роль советского краеведения: «Советское краеведение должно явиться основой для выявления и построения национальной культуры отдельных народностей, которым Октябрьская революция дала возможность национального развития... При старом строе не могло быть и речи о национальной культуре; не могло быть и речи о праве отдельных народностей на самостоятельное национально-культурное развитие» (Дзагуров 1926. С. 7). Он подчеркивал растущий интерес горцев к своей истории, удовлетворить который, на его взгляд, могли только местные краеведы. Ему вторил В.И. Абаев, призывающий горцев взять в свои руки изучение своей культуры и истории (Абаев 1926).

Однако энтузиазм работников ОНИИК недолго встречал понимание во властных структурах. На заре марксистского переворота, пережитого советской наукой на рубеже 1920-1930-х гг., ОНИИК подвергся резкой критике за «грубые политические ошибки», в частности предоставление трибуны «представителям контрреволюционной части староосетинской национальной интеллигенции для антисоветских клеветнических выпадов против партии и советской власти» (О работе СОНИИ 1932). Его деятельность была временно заблокирована; в частности, в 1928 г. прервался выпуск «Известий ОНИИК», которые статьи вновь выходить только в 1932 г. В результате чисток произошла полная смена руководства института, и в 1930 г. он был преобразован в Северо-Осетинский НИИ истории, экономики, языка и литературы, находившийся с 1936 г. в подчинении Совета министров СО АССР. После этого в соответствии с новыми партийными директивами главным направлением в деятельности института стало изучение классовой борьбы, Гражданской войны, истории большевизма в Осетии, построения социализма и развития социалистической культуры (Тотоев 1995. С. 10-16). Однако эта работа двигалась с трудом, так как в середине — второй половине 1930-х гг. ее основные исполнители подверглись репрессиям (Тотоев 1995. С. 17-18). В числе них пострадали заведующий литературным отделом института Г.А. Дзагуров и заведующий лингвистическим отделом Б. А. Алборов, обвинявшиеся в поддержке «врагов народа», претаскивании «буржуазно-националистической контрабанды», гонениях на коммунистов и развале работы по подготовке кадров. Кроме того, им вменяли в вину саботирование создания научной истории Осетии. Алборов подвергся резкой критике за приверженность идеи «происхождения осетинского языка от мифического индоевропейского прайзыка» (Лурье 1937).

В годы Гражданской войны Естественно-исторический музей во Владикавказе счастливо избежал разграбления. В августе 1918 г. он попал в ведение Терской комиссии народного просвещения, и в нем произошла полная смена штатных сотрудников. Тогда по предложению вновь созданной Особой Комиссии по охране культурных ценностей города Владикавказа он должен был быть преобразован в Дом науки и краеведения. Но в феврале 1919 г. город оказался в руках Добровольческой армии, и музей снова на время стал Терским областным музеем. Затем в мае 1921 г. он был введен в состав Северо-Кавказского института краеведения под названием Государственного научного музея города Владикавказа. Тогда он состоял из двух отделений — антропо-географического (с подотделами — военно-историческим, археологическим, художественным и этнографическим) и естественно-исторического (с подотделами — зоологическим, ботаническим, геологическим и экономическим). В 1926-1928 гг. музей оказался в подчинении Ингушского института краеведения и получил название Ингушо-осетинского

музея, а в 1928 г. он был поделен между Ингушской и Северо-Осетинской областями — первая получила естественно-историческую часть, а антрополого-географический отдел сохранился за Северной Осетией. Поэтому в 1928–1930 гг. осетинская часть носила название Осетинского музея материальной и духовной культуры. С 1930 г. он стал называться Северо-Осетинским областным краеведческим музеем, а в 1936 г. получил статус республиканского. Любопытно, что в 1920–1930-х гг. археологическая, историческая и этнографическая экспозиции никак не были связаны между собой. Первая демонстрировала находки бронзового и раннего железного века, вторая была посвящена эпохе Кавказской войны, а третья представляла традиционный быт отдельных народов Северного Кавказа (Семенов 1925. С. 4–8; Дзагуров 1928а. С. 8; Семенов, Каствуев 1948. С. 28–40). Никакой идеи этногенеза эти экспозиции не содержали. Она появилась там лишь во второй половине 1940-х гг., когда было признано, что историю края следует начинать не с XVIII в., а с гораздо более отдаленных времен. Поэтому по указанию Северо-Осетинского обкома экспозиция была в 1946 г. кардинально перестроена: археология, история и этнография были увязаны вместе единой концепцией непрерывного исторического развития от кобанской культуры до Северо-Осетинской АССР (Семенов, Каствуев 1948. С. 56–58).

Глава 3. Междунационализм и интернационализм

После революции 1917 г. неутолимая страсть осетинских интеллектуалов к поиску великих древних предков не угасла, тем более что, как мы видели, это теснейшим образом увязывалось с решением земельной проблемы. По их словам, в этом выражалось «стремление обосновать свое право на самостоятельное национальное бытие» (Кокиев 1926. С. 3). Неустойчивое положение Горской АССР, где, как было показано, осетины занимали далеко не последнее место, нерешенность земельного вопроса, постоянные территориальные споры с соседями и разделенность осетинского массива на две части — все это порождало у осетин чувство неудовлетворенности сложившимся положением. В своем желании переломить ситуацию они искали опору в славе своих далеких прародителей. Такие поиски велись поначалу в рамках ОИФО, где, как мы уже знаем, в центре внимания находились фольклорные произведения, главным образом нартский эпос. В те годы предполагалось, что самые полные версии последнего сохранились у осетин и кабардинцев. И осетинские энтузиасты считали своим долгом доказывать, что нартский эпос был создан именно их предками, которые и принесли его на Кавказ, познакомив с ним другие местные народы (Туганов 1925) [8].

При этом А.З. Кубалов пересматривал популярную версию о приходе древних иранцев из северных степей и доказывал, что песни о нартах отражали бытую борьбу Ирана с Тураном, где первый был представлен предками осетин, а второй — кабардинцев. Ему казалось, что предки осетин могли прийти на Северный Кавказ из Ирана, а предки кабардинцев — из Турции (Кубалов 1925). В свою очередь, Г.А. Дзагуров излагал понравившуюся ему теорию академика Н.Я. Марра о том, что осетинский язык возник из слияния иранского с яфетическим и что яфетические народы переселились на Кавказ из Месопотамии под давлением «ариоевропейцев», которые последовали за ними, став второй волной древних переселенцев. Как и Марру, ему оставалось неясным, произошло ли смешение языков до переселения или после него и были ли осетины потомками иранизированных яфетидов или же ираноязычных пришельцев, попавших под некоторое влияние аборигенов (Дзагуров 1924). Как мы увидим далее, этот вопрос играл ключевую роль во всех спорах о происхождении осетин и продолжает до сих пор вызывать болезненные эмоции. Дзагуров дал ему весьма остроумное решение, представив предков осетин «одновременно и пришлым, и коренным элементом» (Дзагуров 1924. С. 72). В любом случае дебаты, начатые в рамках ОИФО, отражали стремление осетин обрести свою самобытную древнюю историю и утвердить свое лидирующее положение среди народов Северного Кавказа.

Если в других Северо-Кавказских республиках историческими штудиями занимались в основном любители — партийные деятели, учителя, священники и т. д., то у осетин уже имелись свои профессионалы, и написание первой советской работы по истории Осетии было поручено молодому сотруднику Центрального музея народоведения в Москве, будущему профессору МГУ Г.А. Кокиеву (1896–1955). Кокиев был уроженцем Диории. Он родился в с. Христиановском (совр. г. Диорга), получил духовное образование и начал свою карьеру учителем в одной из школ Балкарии в 1915–1917 гг. В начале 1920-х гг. он учился в Московском археологическом институте, затем в 1926–1930 гг. прошел курс аспирантуры в Институте народов Советского Востока при РАНИОН. По окончании аспирантуры он был приглашен в

МГУ читать курс лекций по истории народов Кавказа. В 1930-1940-х гг. он работал в ряде престижных московских институтов — вначале в Институте филологии, литературы и истории, затем в 1941-1943 гг., будучи в эвакуации, он обучал студентов в Казахском государственном педагогическом институте. По возвращении в 1943 г. в Москву он заведовал сектором ХХ в. в Институте истории АН СССР, затем работал в Институте этнографии АН СССР. Одновременно он выполнял обязанности заместителя директора, затем заведующего сектором истории в Кабардинском НИИ в Нальчике, а также числился сотрудником СО НИИ во Владикавказе. Кабардинцы высоко ценят его вклад в изучение истории Кабарды, а осетины с благодарностью отзываются о его работах по истории осетин (Улигов 1966; Тотоев 1967; Анчабадзе 1999).

Поначалу Кокиев не желал углубляться слишком далеко в историю и разбираться во всех тонкостях проблемы происхождения осетин. Главным для него было то, что они, безусловно, вели свою родословную от ираноязычных алан (самоназвание «ас») — коренных обитателей равнин и нагорий Северного Кавказа, создателей раннесредневекового Аланского царства (X-XI вв.), которым он искренне восхищался. Древних алан Кокиев изображал отважными степными кочевниками, пасшими табуны лошадей между Черным морем и р. Урал, и полагал, что они оставались кочевниками вплоть до XVI-XVII вв. Он, разумеется, упоминал о знаменитой Зеленчукской надписи, свидетельствующей о тождестве осетинского языка с аланским, и о широких пределах территории алан в домонгольский период. Кокиев относил Золотой век алан-осетин к V-XI вв., когда они были в зените могущества, вели победоносные войны, приняли христианство и основали свое государство. Позднее они были, по его словам, вытеснены со своих земель вначале гуннами, затем татарами и, наконец, кабардинцами: их ареал резко сузился, и их бывшие земли были заняты другими народами.

Среди последних назывались тюркоязычные балкарцы, пришедшие сюда достаточно поздно и смешавшиеся с потомками алан, многое от них позаимствовав. В частности, по утверждению Кокиева, балкарский язык был до того насыщен прежней «асской» лексикой, что осетину не представляло труда его выучить. Этим и объяснялся тот факт, что осетины называли балкарцев «ассон» — ведь поначалу этот термин, звучавший как «Асси», относился к территории, ранее принадлежавшей одному из подразделений алан; а затем он был перенесен на новых обитателей того же самого района, что нередко встречалось в истории. Короче говоря, Кокиеву представлялось очень важным отстоять от балкарцев право осетин на алансое наследие, и он вновь и вновь повторял, что если термин «алан» теми и использовался, то не в этническом значении, а в смысле «друг», «товарищ».

Повествуя об отступлении алан-осетин в горы, Кокиев рисовал несколько волн этих перемещений: одна из ранних групп перевалила через Кавказский хребет и расселилась по его южным склонам — с ней Кокиев связывал сведения о двалах, содержащиеся в «Армянской географии» VII в.; затем в ущельях Центральной части Северного Кавказа расселились предки дигорцев, и лишь потом туда пришли иронцы. Этим дигорец Кокиев, во-первых, как бы подчеркивал приоритет земельных прав дигорцев, а во-вторых, что было еще важнее, пытался обосновать исконные права южных осетин на земли Шида Картли. Ведь он говорил о давних «посягательствах» грузин на эти земли, что якобы нашло свое завершение в завоевании Грузией юго-осетинской территории при царице Тамаре (XII в.). Вот почему, объяснял Кокиев, южные осетины встретили татар как своих избавителей от грузинского гнета. Однако в начале XIV в. грузинскому царю Георгию V Блистательному удалось окончательно покорить южные осетинские земли — с этого якобы и началось разделение Осетии на Северную и Южную [9].

Тем временем Предкавказье подверглось нашествию кабардинцев, осетины были окончательно оттеснены в горы, а затем и порабощены кабардинскими князьями. Лишь приход русских позволил осетинам вновь спуститься на равнины и обрести часть своих древних земель. Однако здесь их ждала новая напасть — русификация и новая волна христианизации (Кокиев 1926. С. 5-95).

Повествуя о древних предках, Кокиев невольно воспроизводил накопившиеся к соседям претензии, содержащие зерна этнических конфликтов. Балкарцам он пенял на их посягательство на алансое наследие, а грузинам — на их страсть к территориальным захватам. Все это отражало реальную напряженность, эндемичную на Северном Кавказе и связанную с земельным голодом. Поэтому многие местные версии этногенеза подспудно содержали идеи территориальных притязаний.

Хотя в самой Северной Осетии Кокиева воспринимали как подающего большие надежды «серъезного исследователя родной старины» (Дзагуров 1928 б. С. 438), независимая исследовательница оценила его книгу весьма невысоко. Будучи удивлена почти полным отсутствием у автора интереса к ар-

хивным данным, она увидела в его книге достаточно тенденциозную компиляцию, отвечающую «осетинскому духу» своего автора (Пчелина 1928а) [10].

К началу 1930-х гг. преобладало мнение, что осетины были «чужаками» на Кавказе, куда их предки пришли из восточноевропейских степей. Считалось, что среди местных кавказских народов они являлись «осколком» ираноязычного населения, оттесненного в горы тюркскими кочевниками (см., напр.: Плисецкий 1931. С. 140).

На рубеже 1920-1930-х гг. советская наука вступила в эпоху марксизма, и на короткое время в ней возобладал безбрежный интернационализм, настаивавший на смешанном характере всех народов, языков и культур. Ведь в эти годы для советской власти классовая солидарность была бесконечно важнее этнической. Тогда полагали, что установка на общее происхождение соседних народов поможет преодолеть межэтническую напряженность. Основы нового подхода сформулировал академик Н. Я. Марр, рисовавший эволюцию человеческих языков в виде пирамиды, в основании которой лежали многочисленные родо-племенные группы, самой своей судьбой обреченные на скрещивания и образование более крупных интегрированных общностей со смешанной культурой (Алпатов 1991; Шнирельман 1993; Shnirelman 1995). Этот подход безраздельно господствовал в советской науке в 1930-е гг., идеально соответствствуя планам по интеграции «социалистических наций» и по формированию в конечном итоге единой социалистической культуры [11]. В применении к осетинам это означало, что речь шла о древних контактах кавказских аборигенов с иранцами, которые наградили их иранской речью, тогда как те сохранили свою исконную культуру и «духовный склад» (Марр 1918). Поэтому Марр полагал, что, несмотря на свое ираноязычие, осетины принадлежали к коренным жителям Кавказа. Правда, поначалу он вынужден был признать, что вопрос о том, идет ли речь об «иранизированных яфетидах» или об «арииевропейцах, усвоивших некоторые местные обычаи и реалии», оставался нерешенным (Марр 1920. С. 24-25). Но в своей сводной таблице он все-таки причислял осетин к «чистым ариевропейцам» (Марр 1920. С. 47). Впрочем, в 1930-е гг. ни о каких «чистых» этнических группах уже не могло быть и речи. Теперь недавние попытки сблизить осетин с «арийцами» трактовались как рецидив «расовой теории» и вызывали резко негативное отношение (Кулов 1935. С. 159-161). Принято было писать о том, что только осетинские шовинисты могли гордиться своим индоевропейским происхождением (Плисецкий 1931. С. 140).

Дальнейшее развитие идеи Марра нашли у его талантливого ученика, тогда еще молодого осетинского языковеда В. И. Абаева (1900-2001), выпускавшего свои первые работы под псевдонимом В. Зорати. Абаев родился в горском селе и получил начальное образование в сельской церковно-приходской школе. Затем он успешно окончил 6-ю классическую гимназию в Тбилиси и в 1918-1921 гг. учительствовал в родном селе Коби. Став активным участником ОИФО, он понравился Г. А. Дзагурову, давшему ему рекомендацию в Петроградский государственный университет (ПГУ). Но, приехав в Петроград по разнарядке, Абаев вначале вынужден был поступить в политехнический институт и лишь в 1922 г. перевелся на этнолингвистическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета. Закончив его в 1925 г., он был принят в аспирантуру Научно-исследовательского института сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока при ПГУ. Пройдя курс аспирантуры, он был в 1928 г. направлен на работу в Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе, но уже через два года был приглашен Н. Я. Марром в Яфетический институт АН СССР, вскоре преобразованный в Институт языка и мышления. Талантливые работы молодого ученого быстро получили признание, и в 1935 г. ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. Тогда же он стал заведующим иранским кабинетом Института языка и мышления, энергично занимаясь осетинской филологией и сравнительным анализом ряда северокавказских языков.

Одновременно Абаева интересовали вопросы осетинского фольклора, ставшие в конце 1930-х гг. весьма актуальными в связи с подготовкой издания нартского эпоса. Для консультаций, связанных с этим изданием, Абаев в январе 1941 г. был командирован в Орджоникидзе. В связи с началом Великой Отечественной войны вернуться в Ленинград ему тогда не удалось, и в 1941-1945 гг. он работал в Северо-Осетинском и Юго-Осетинском НИИ, а также в 1944 г. заведовал кафедрой языкоznания в Северо-Осетинском педагогическом институте. Лишь осенью 1945 г. он вернулся в Ленинград, где и опубликовал свой основополагающий труд по осетинскому языку и фольклору, содержание которого будет проанализировано ниже. В 1950-1952 гг. за свои научные взгляды, не укладывавшиеся в рамки официальной доктрины, Абаев подвергался жесткой критике, о чем речь еще впереди. Стойко перенеся все нападки и сохранив верность своим научным убеждениям, Абаев с честью вышел из этой кампании, что

значительно подняло его авторитет среди ученых. В 1952 г. он получил престижное место в московском Институте языкоznания АН СССР, в стенах которого и прошла вторая часть его научной карьеры. В 1960-е гг. за большие заслуги перед наукой ему без защиты диссертации была присвоена степень доктора филологических наук (Исаев 2000. С. 18-19, 161-165; Калоев 2001. С. 21-34).

Славу и одновременно, как мы увидим, неприятности принесли ему исследования языкового субстрата, чем, по признанию современного лингвиста, он «ликвидировал односторонность в изучении осетинского языка» (Исаев 2000. С. 51). С одной стороны. Абаев подвел солидную научную основу под выдвинутую ранее В.Ф. Миллером идею ираноязычия алан и аланско-осетинского родства (Абаев 1935), но, с другой, окончательно сформулировал идущее от Марра понятие языкового субстрата (Абаев 1932: 1949. С.109-122; 1956) и прилагал все силы для выявления такового в осетинском языке. Важно подчеркнуть, что это было вызвано не только политической конъюнктурой, но и новыми поворотами научной мысли. Например, в те годы генетикам удалось установить, что по генетическим маркерам ингуши были близки горным и южным осетинам (Иосифов, Проценко 1926).

Идея «неарийских элементов» в осетинском языке заинтересовала Абаева еще в середине 1920-х гг., когда, как мы знаем, её начал пропагандировать Г.А. Дзагуров (Дзагуров 1924). Абаев увидел здесь нарождающееся многообещающее направление, связанное с поиском неиндоевропейских субстратов в индоевропейских языках (Зорати 1925. С. 491-492). В частности, обнаружив, что лишь 20 % осетинской лексики имеют четкие индоевропейские этимологии, а ещё 20 % могут объясняться заимствованиями из соседних языков, Абаев выражал надежду на то, что многое из оставшейся лексики (до 50 %) можно будет объяснить, обратившись к кавказскому субстрату. Осетинско-яфетические схождения он представлял целой системой и замечал, что «кавказский вклад в осетинский язык не так незначителен, чтобы его можно было игнорировать» (Абаев 1932. С. 70; 1940) [12]. В частности, вслед за Марром (Марр 1918. С. 2077; Дзагуров 1924. С. 67-68) он полагал, что племенные названия отдельных ветвей осетинского народа (ir, digor, tual) могли быть наследием, доставшимся осетинам от их кавказских предков (Абаев 1927: 1932. С. 73: 1949. С. 79, 245-247; 1958. С. 545-546) [13].

В дальнейшем он еще не раз обращался к исследованию этой увлекательной проблемы и утверждал, что было бы неверным говорить лишь о внешнем кавказском влиянии на осетинский язык. Напротив, он всеми силами стремился показать, что осетины были не чужаками на Кавказе, а типичными носителями «горской» культуры (Абаев 1932. С. 80). В 1930-1931 гг. Абаев участвовал в научной экспедиции, организованной по инициативе Марра для обследования горцев верховьев р. Кубани и Приэльбрусья с целью выяснения местной этнокультурной и этнолингвистической ситуации. В его задачу входило изучение связей балкарского и карачаевского языков с осетинским, и он блестяще с ней справился, обнаружив у балкарцев десятичный счет, когда-то заимствованный от соседних иранцев и уже почти совершенно забытый самими осетинами. Он также подтвердил вывод Вс. Миллера об остатках иранской топонимики в нынешних районах расселения балкарцев и карачаевцев. Детальное изучение позволило ему сформулировать идею иранского (аланского) субстрата в балкарском и карачаевском языках. Мало того, ему удалось обнаружить и языковые следы местного доаланского населения, позднее вошедшего в состав средневековых алан, а еще позднее — балкарцев и карачаевцев (Абаев 1933; 1949. С. 271-290). В ходе археологических исследований, проведенных в Северной Осетии в 1935-1938 гг., эти лингвистические предположения получили материальное подтверждение, ибо выяснилось, что создатели местной кобанской культуры дожили до скифского времени и установили тесные взаимоотношения с пришлыми ираноязычными кочевниками (Крупнов 1938 а: 1938 б).

Новые веяния не обошли стороной и Кокиева. Вначале его «осетинское видение истории» получило жесткую оценку в ходе обсуждения горских школьных учебников, когда осетинский учебник был обвинен в национализме и разжигании национальной розни. Последнюю критик усмотрел в упоминании об изъятии казачьих земель и в изображении кабардинцев угнетателями осетин (Бунегин 1930. С. 72-73). В конце 1931-го — начале 1932 г. кампания «против извращений в истории горских народов» продолжилась [14], и «Очерки» Кокиева подверглись резкой критике со стороны нового директора Северо-Кавказского горского НИИ Н.Г. Буркина в ряду других произведений горских авторов, посвященных истории Северного Кавказа. В частности, в вину Кокиеву вменялось преувеличение роли национальной вражды за счет классовой (Буркин 1931. С. 56-57; 1932. С. 148-149, 158), что уже звучало в отношении осетинского учебника. В январе 1932 г. книга Кокиева была осуждена обкомом ВКП(б) Северо-Осетинской автономной области за национализм и изъята из обращения. А сам он вынужден был покаяться в подмене классовой борьбы национальной. Правда, он снимал с себя обвинение в национализме,

но признавал, что его «ошибки могли использоваться осетинскими националистами для своих вредных национал-шовинистических теорий» (Кокиев 1932; 1933. С. 6). Впрочем, признание своих «ошибок» не уберегло Кокиева от новых обвинений в недооценке классовой борьбы (см., напр.: Гарданов 1935 б. С. 283).

Пережив эпоху введения марксизма в советскую науку, будучи свидетелем нескольких волн репрессий, затронувших и его самого, и дожив до эры «дружбы народов», Кокиев в 1930-х гг. резко изменил свой взгляд на аланскую проблему. В своей неопубликованной рукописи, хранившейся в ЮО НИИ, он теперь доказывал, что термин «алан» был собирательным понятием и покрывал ряд неродственных народов. Поэтому многие горские народы имели право претендовать на историческое наследие алан (Санакоев 1971. С. 17-18). Следя римскому автору IV в. Аммиану Марцеллину (Римская история, XXXI, 2, 13), он утверждал, что если аланы и были племенем, пришедшем на Северный Кавказ из Средней Азии, то, подчинив местные племена, они распространяли на всех них (за исключением кабардинцев) свое название. Тем самым предки балкарцев и карачаевцев стали одной из ветвей аланской семьи. Теперь Кокиев выступал против идеи об их позднем приходе на Кавказ в XVI в. и находил их следы в местных древних топонимах, восходивших к IX в. Следовательно, утверждал он, балкарцы и карачаевцы могут по праву гордиться своими связями с аланами, хотя они и не были их единственными потомками (Кокиев 1941). Так аланы обратились в дружную семью северокавказских народов, чем-то напоминавшую будущий советский народ.

Тем не менее это не уберегло Кокиева от наветов. В апреле 1941 г. газета «Социалистическая Осетия» по инициативе местных органов НКВД опубликовала злобный политический донос, где среди прочих прегрешений Кокиеву припоминали его «Очерки», обвиняя его в фальсификации истории, прославлении осетинской аристократии и разжигании межнациональной розни (Погребенко 1941).

В предвоенные годы в СССР при активной поддержке государства развернулись работы по написанию региональных историй, выглядевших прежде всего историями титульных народов и призванных обосновать справедливость принципов советского этнофедерализма. Это движение не обошло стороной и Северную Осетию. Еще в начале 1930-х гг. Кокиев выражал желание написать историю Осетии с марксистских позиций. Новая дирекция СО НИИ включила это в план работы на 1934 г., предполагая уже в 1935 г. подготовить школьный учебник и научно-популярный очерк по истории Осетии. Однако репресии, обрушившиеся в середине 1930-х гг. на руководство республики и захватившие значительную часть ее интеллигенции (Догуж 1936а; 1936 б: 1937 б), спутали все карты. Тем не менее в 1938 г. Северо-Осетинский обком вернулся к идеи написания истории СО АССР, и был создан авторский коллектив под руководством Г.А. Кокиева и Б.В. Скитского (Тотоев 1939; Джанаев 1971. С. 130; Тотоев 1995. С. 19-22). К лету 1939 г. был разработан план-проспект этого издания, призванного охватить всю историю «территории, населенной осетинами», от первобытной эпохи до победы советской власти. Тем самым авторы ограничивали себя лишь рамками Северной и Южной Осетии. Тогда они еще не отождествляли осетин с аланами и в соответствии с доктриной советского интернационализма намеревались писать лишь об «осетинах в составе алано-яссского союза племен». Они также планировали отразить историю взаимоотношений осетин с соседями: грузинами, кабардинцами, чеченцами, ингушами, ногайцами, дагестанцами, терско-гребенскими казаками (Тотоев 1939).

Первым опытом стал политico-экономический очерк «Северная Осетия», выпущенный под редакцией секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Н. Мазина к 15-летию автономии. Его историческая часть следовала указанию Мазина о том, что, «чтобы правильно оценить наше прекрасное настоящее, мы должны знать и мрачные страницы прошлой жизни осетинского народа». Поэтому никакой речи о славе древних предков там не шло. Зато разоблачались ужасы царского гнета и с порога как «шовинистическая» отметалась версия о «добровольном» присоединении Осетии к России; она называлась «выдумкой и клеветой на осетинский народ». Не было брошено ни одного упрека в адрес кабардинских князей; зато подчеркивалась совместная борьба осетин и кабардинцев против царского владычества. А все трения между соседними народами списывались на счет искусственного раздувания вражды между ними царскими чиновниками. Дореволюционная история Осетии представлялась не иначе как череда постоянных восстаний против царской власти (Викторов 1939. С. 1-38).

В предвоенный период такой подход к истории народов Северного Кавказа считался единственным верным и ни у кого сомнений не вызывал. Он пропагандировался в трудах осетинских ученых (Гарданов 1935а; Гусалов 1935. С. 3) и на страницах газеты «Социалистическая Осетия». Там яркими красками рисовалась упорная борьба горцев за свободу и независимость против захватнических устремлений

царских генералов, доказывалось, что Северная Осетия была насильственным путем включена в состав Российской империи лишь по окончании героической Кавказской войны, и утвердившаяся тогда политическая система называлась «колониальным владычеством» (Тотоев 1939; Ревазова 1941). Практически вся первая половина XIX в. изображалась в виде бесконечных осетинских восстаний против царизма, и доказывалось, что осетины сочувствовали движению имама Шамиля и некоторые из них даже присоединялись к нему, переходя из христианства в ислам (Тотоев 1939; Тедтоев 1941). Один из осетинских авторов даже призывал изучать «русско-осетинскую войну», якобы начавшуюся в 1769 г. (Гарданов 1935 б. С. 286-287).

Вместе с тем сведение истории к одной лишь национально-освободительной борьбе против царской России, очевидно, не могло удовлетворить социальный запрос, и весной 1940 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) снова предложил Северо-Осетинскому НИИ и Северо-Осетинскому педагогическому институту взяться за подготовку тома по истории Осетии (Ревазова 1941). В рамках этой программы в 1940-1941 гг. в североосетинских средствах массовой информации началась популяризация народного эпоса, герои которого, по словам тогдашних идеологов, демонстрировали лучшие черты осетинского народа (Кулов 1941). В печати превозносились сказители, называвшиеся «певцами народных дум и чаяний» (Мамиев 1941). По решению Северо-Осетинского обкома и Совнаркома Северо-Осетинской АССР в ноябре 1940 г. под руководством В.И. Абаева и И.В. Джанаева был создан Государственный нартовский комитет, призванный руководить изучением и изданием «Сказаний о нартах» (Мазин 1941; Газзаев 1947. С. 127; Джанаев 1971. С. 130; Хамицаева 1995. С. 69-70). Ведь за отсутствием необходимых письменных источников о ранних периодах истории осетин ее создатели отводили большую роль фольклорной традиции (Тотоев 1939).

Приглашенный из Москвы дирекцией Северо-Осетинского НИИ для руководства работой по написанию истории Осетии Г.А. Кокиев выехал в Орджоникидзе, но, ознакомившись с направленной против него упомянутой выше статьей, решил не рисковать и вернулся обратно в Москву (Анчабадзе 1999. С. 140-141). Ведь из памяти еще не изгладились аресты руководства СО АССР и осетинской интеллигенции в 1937-1938 гг., когда ее лучшие представители обвинялись в участии в антисоветских националистических организациях. Всего тогда было репрессировано 2300 человек; 1100 из них были расстреляны (см., напр.: Сидаков 1989; Костоев 1990. С. 100; Бетоева, Бирюкова 1991. С. 584-585; Малиев и др. 1993. С. 77).

Таким образом, на рубеже 1920-1930-х гг. в осетинской историографии произошла смена парадигм, вызванная наступлением коммунистической идеологии. Теперь место более ранних этноцентристских концепций заступили идеи всеобщего равенства и братства, ищащие опору в происхождении от общих предков и опирающиеся на понятие общей исторической судьбы. Немаловажную роль в этих новых представлениях играл и образ общих врагов, заставлявший братские народы крепить свою солидарность. При этом главным врагом изображался царизм, и, касаясь дореволюционного прошлого, историки концентрировали свое внимание на изучении национально-освободительной борьбы горцев в XIX в.

Любопытно, что обе рассмотренные тенденции — этноцентристская и интернационалистическая — были свойственны и общественно-политической мысли северокавказского зарубежья, но в отличие от СССР там они развивались параллельно в диалоге друг с другом. Мечтая о политической самостоятельности, осетины-эмигранты подчеркивали, что культура и цивилизация появились у их предков задолго до прихода русских и что еще в X-XII вв. на Северном Кавказе процветало «осетинское царство» (Елекхоти 1936 а. С. 36-37). При этом некоторые из осетинских эмигрантов демонстрировали крайний этноцентризм. Один из них, А. Кундух, убежденный в культурном приоритете «арийцев» перед всеми другими народами, стремился всеми силами доказать, что именно «ироны (осетины)» сохранили в наиболее чистом виде исконный «арийский язык», «арийское культурное наследие» и «расовый тип» (Кундух 1934; 1935а; 1937а; 1937 б). Утверждая, что «наличие письменности, несомненно, является одним из главных моментов, венчающих понятие о культуре», он доказывал, что «ироны» были «пионерами изобразительного письма среди арийцев», а в том, что именно арийцы изобрели древнейшую письменность, у него сомнений не было (Кундух 1934). Кроме того, возражая Кубалову, он категорически отвергай идею прародины в Иране и пытался доказать, что «алано-сарматы (осетины)» занимали восточноевропейские степи еще в конце ледникового времени. Связывая заселение Кавказа с периодом таяния ледника, он рисовал фантастическую картину встречного движения «алано-сарматов» с севера и яфетидов (прежде всего «адыгейцев») с юга. По его мнению, именно «адыгейцы» и «арийцы» были самыми

ранними обитателями Северного Кавказа, причем первых он размещал в лево-бережье Кубани, а вторых в ее правобережье (Кундух 1935 б; 1936 а. С. 21; 1936 б; 1937 а; 1937 б). Этую стройную картину, казалось бы, нарушали чеченцы и ингуши, но Кундух и их включал в категорию исконных «кавказских арийцев», доказывая, что они перешли на свой нынешний язык под влиянием неких дагестанцев (Кундух 1935 в. № 15. С. 20). Говоря о взаимоотношениях между «арийцами» и «адыгейцами». Кундух изображал их исключительно односторонними как влияние первых на вторых. Северокавказских тюрков (к ним он ошибочно причислял и аварцев) Кундух рисовал поздними пришельцами, занявшими бывшие аланские земли после опустошения, причиненного монголами (Кундух 1936 а. С. 21-22). Вместе с тем, разделяя эмигрантскую идею «северокавказской нации», Кундух изображал историю существования северокавказских народов в эпоху Средневековья в идиллических тонах: «Гармоничное дружественное сожительство аланско-сарматов и адигейцев было отличительной чертой их древнего политического быта». А главными врагами горцев на протяжении веков, начиная с эпохи князя Святослава, он видел русских и Россию (Кундух 1936 а. С. 22-23). Он доходил до утверждения о том, что не Тимур, а именно русские дружины окончательно разгромили аланов и загнали их высоко в горы (Кундух 1935 в. № 15. С. 22).

Однако не все осетинские эмигранты заходили так далеко. Некоторые из них критиковали Кундуха за мегаломанию и гипермиграционизм, объявление осетин «прародителями всех вообще арийских языков и народов» и отчетливо ощущавшийся у него «комплекс арийского превосходства» (Æsson 1935 б; Байтуган 1937. С. 13-14). Все это способно было подорвать идею солидарности северокавказских эмигрантов, и поэтому против построений Кундуха выступил видный общественный деятель северокавказской эмиграции, редактор выходившего в Польше журнала «Северный Кавказ» Барасби Байтуган. На его взгляд, идея северокавказской солидарности больше соответствовала подход В.И. Абаева, говорившего о многочисленных кавказских элементах в осетинском языке. Он также подчеркивал связь осетинской культуры с Древним Востоком (Байтуган 1937. С. 16-17). Кроме того, критикам Кундуха было не по душе умаление им дигорского культурного наследия, и они напоминали, что наиболее многочисленной и могущественной частью аланов были западные аланы (асы), оставившие знаменитую Зеленчукскую надпись и давшие начало дигорцам (Æsson 1935а; Байтуган 1937. С. 17-18).

Вопросы древней этнической истории Северного Кавказа представлялись Байтугану настолько животрепещущими, что он посвятил им специальную работу. В ней он доказывал единство культуры на Северном Кавказе в раннем железном веке и в эпоху раннего Средневековья, несмотря на многоязычие, своеобразное местному населению. В частности, признавая языковые различия между меотами, савроматами, зихами и апсилами на северо-западе Кавказа, Байтуган подчеркивал, что всех их объединял «единый культурно-бытовой и политический комплекс». В то же время, соглашаясь с мнением многих ученых об ираноязычии скифов, сарматов и аланов, он допускал, что в Скифии имелось мощное «туркское ядро», благодаря которому скифы познакомились с коневодством и кочевым бытом. И хотя, по его мнению, исконными обитателями Чечни и Ингушетии были предки осетин, чеченцы и ингуши также не представлялись ему чуждыми Кавказу пришельцами; ведь они просто сдвинулись на запад из соседних районов Дагестана (Байтуган 1938 а; 1938 б).

Иными словами, подобно советским идеологам, духовные лидеры северокавказской эмиграции также пытались мобилизовать социальную память для создания единой «северокавказской нации» (Биллатти 1937). Тем самым они пытались создать надежный исторический фундамент для своего проекта политической независимости горцев Северного Кавказа. Ради его реализации они вместе с грузинскими и азербайджанскими эмигрантами подписали 14 июля 1934 г. в Брюсселе Пакт Кавказской Конфедерации, служивший наброском будущего независимого государства, о котором все они мечтали [15]. Идеологи этого проекта делали все возможное для того, чтобы преодолеть междуусобицы и привить кавказцам идею общекавказской солидарности. Идея общего древнего происхождения или, по крайней мере, единого исторического наследия была для них поэтому столь же соблазнительной, как и для советских авторов 1930-х гг. Вот почему наиболее дальновидным из них идея осетинского «арийства» казалась весьма сомнительной, подрывающей северокавказское единство. Вместе с тем и они не могли обойтись без образа врага. Но если для авторов советской версии истории таким врагом служил царизм, то северокавказские эмигранты связывали его с Россией, будь то царской или советской. Иными словами, создавая политизированные версии истории, как советские авторы, так и их оппоненты использовали, в сущности, одни и те же методические приемы.

Глава 4.

Конец осетинского «арийства» и поиски новых предков

Война привела к существенным изменениям этнополитической ситуации на Северном Кавказе и заставила заново оценить факты далекой старины. После депортации балкарцев, чеченцев и ингушей в 1944 г. часть их земель была передана Северной Осетии. Среди них от Чечено-Ингушетии к ней перешли г. Малгобек, Пригородный район и ряд других, а от Кабардино-Балкарии — восточная часть Курпского района (Бугай, Гонов 1998. С. 203; Полян 2001. С. 123). Вскоре после этого 8 мая 1944 г. Северо-Осетинский обком во главе с К.Д. Куловым (1907-?) [16] вынес решение о замене топонимики в бывших чеченских и ингушских районах (Бугай, Гонов 1998. С. 207). Тогда же началось уничтожение чеченских и ингушских кладбищ, надгробные камни с которых были переданы Управлению дорожно-мостового строительства для использования в качестве строительного материала (Алиева 1993 а. Т. 2. С. 150-151; Цуциев 1998 а. С. 71). А на территорию Пригородного района были переселены 25-35 тыс. осетин из Грузии (Цуциев 1998 а. С. 71).

Все это было важным знаком близившихся перемен в историографии. Действительно, теперь тюркская тема потеряла былую актуальность. Зато после передачи ряда бывших балкарских районов Грузии (они были включены в состав Сванетии) и Северной Осетии гораздо более насущной стала тема сванско-осетинских взаимоотношений. Для ее изучения Абаев посетил в 1944 г. Сванетию, где обнаружил массу сванско-осетинских лексических схождений, подтвердивших уже высказывавшуюся им ранее мысль о том, что в домонгольский период аланы непосредственно граничили со сванами. При этом он уточнял, что речь идет о той группе алан, которая была предками дигорцев, и это хорошо соответствовало тому выявленному им факту, что следы осетинского в балкарском и карачаевском языках имели дигорский облик. Все это означало одно — то, что до прихода тюркоязычных кочевников аланский ареал простирался гораздо западнее современных пределов расселения осетин (Абаев 1949. С. 291-308). В этой мысли Абаева укрепила поездка в Абхазию в 1945 г., после чего он с еще большей уверенностью помещал центр средневековой Алании в верховья р. Кубани и по ее притокам (Абаев 1949. С. 309-322).

Вместе с тем выселение соседей не прошло для осетин безболезненно, и они также имели основания опасаться за свою часть. Ведь иранство осетин и приход их предков из далекой Согдианы подозрительно напоминали миграционистские идеи и «арийскую теорию», которыми руководствовалась нацистская идеология. Мало того, некоторые немецкие ученые того времени стремились выдавать осетин за близких родственников германцев и даже называли их единственными «арийцами» среди народов Северного Кавказа. Осетинские коллаборационисты входили в состав северокавказского и грузинского национальных легионов, воевавших на стороне вермахта в годы Второй мировой войны (Яндиева 2002 а. С. 67-68, 79).

Все это бросало тень на осетин и требовало решительного опровержения, тем более что перед глазами у них разворачивалась трагедия депортированных народов. Поэтому в марте 1944 г., т.е. сразу же после депортации соседей, Кокиев подготовил статью, которая была срочно опубликована в текущем номере «Исторического журнала». Ссылаясь на авторитет Н.Я. Марра и В.И. Абаева, он делал все возможное, чтобы отмежеваться от ираноязычных предков и доказать, что осетины были не «яфетизированными иранцами», а «иранизированными яфетидами». При этом, как выяснялось, в их языке преобладала местная доiranская лексика, что делало их истинными автохтонами. С «арийцами» им было явно не по пути (Кокиев 1944). Аналогичные идеи сразу же после войны развивал известный археолог-кавказовед Е.И. Крупнов, делавший алан кавказскими аборигенами и избегавший говорить об их иранском языке (Крупнов 1946. С. 34-43). Борьба с «арийством» окрашивала советскую науку и в последующий период (см., напр.: Струве 1947: Читая 1955. С. 376-377: Крупнов 1961. С. 12-13; Тотоев 1967 а. С. 243-244; Чомаев 1972. С. 171-172; Пиотровский 1995. С. 272-273). И даже Абаев в своей известной статье о Зеленчукской надписи ухитился ни разу не упомянуть названия «иранский». Зато он писал там о тождестве осетин и алан и безоговорочно называл аланский язык осетинским (Абаев 1944).

В конце 1940-х гг., пытаясь спасти термин «арийские языки», он объяснял ошибочность его применения ко всем индоевропейским языкам: ведь «арийцами» (агуа), т. е. «детьми неба», называли себя только древние иранцы и индийцы (Абаев 1949. С. 17, примеч. 1). На этом фоне выделялась опубликованная в марте 1944 г. в газете «Социалистическая Осетия» статья историка Б.В. Скитского, где осетины представлялись продуктом смешения местных кавказских «яфетидов» с пришлыми иранцами (скифами и сарматами), однако и там кобанская археологическая культура прямо приписывалась предкам совре-

менных осетин (Скитский 1944). Показательно, что, говоря о братском единении осетин с соседними народами, автор так и не назвал ни одного из них по имени.

Тревога не оставляла осетин и в первые послевоенные годы. Поэтому они очень остро реагировали на любые попытки подорвать свой имидж в глазах советского руководства. В 1947 г. к 30-й годовщине Октября на сцене Большого театра была поставлена опера В. Мурадели «Великая дружба», где речь шла о драматических событиях на Северном Кавказе в годы Гражданской войны. К большому неудовольствию осетин, они, наряду с грузинами, изображались там контрреволюционными элементами, находившимися во вражде с русскими. Как мы видели выше, осетинские офицеры действительно сыграли большую роль в контрреволюции, составив летом 1918 г. костяк отрядов Г. Бичерахова, захвативших красный Владикавказ. В то же время, как неоднократно свидетельствовали участники событий, в те драматические дни именно ингуши поддержали большевиков и помогли освободить город (см., напр.: Бугаев 1922. С. 19-22; Яковлев 1925. С. 7; Такоев 1926. С. 334-362) [17]. В 1930-х гг. об этом открыто сообщалось в Большой советской энциклопедии (БСЭ, 1934. Т. 61. С. 530-536), в юбилейном томе «Северная Осетия» (Викторов 1939. С. 131-133, 148-149) и других пропагандистских изданиях (см., напр.: Родов, Шапиро 1938. С. 14).

Однако после 1944 г. политическая конъюнктура резко изменилась: ингуши и чеченцы были депортированы, и у осетин имелись основания опасаться той же участи. Поэтому осетины с удовлетворением встретили постановление ЦК ВКП(б), резко осудившее оперу Мурадели, реабилитировавшее грузин и осетин и вместо этого объявлявшее, что в годы Гражданской войны помехой для дружбы народов на Северном Кавказе были ингуши и чеченцы (Об опере 1948. С. 10) [18]. Это было подхвачено председателем Совета министров СО АССР А. П. Газзаевым, протестовавшим на страницах газеты «Правда» против отнесения грузин и осетин к «контрреволюционным народам» и перекладывавшим всю вину за борьбу с советской властью на депортированных ингушей и чеченцев (Газзаев 1949). Позднее этот мотив еще не раз звучал в ходе дискуссий о концепции истории Осетии (см., напр.: Джанаев 1952). В те годы, описывая события Гражданской войны на Тереке, осетинские авторы представляли главной силой бичераховского мятежа исключительно белоказаков и ни слова не упоминали об осетинских офицерах. В их изображении именно «отряды осетин и кабардинцев отважно дрались с мятежниками». О роли ингушей и чеченцев в защите советской власти летом 1918 г. они хранили гробовое молчание (см., напр.: Кулов 1956. С. 129-133). В том же духе в Северной Осетии тогда защищались диссертации, авторы которых иной раз называли чеченцев и ингушей «бандитскими народностями» (Дешериев 1995. С. 38).

Тем временем руководство Северной Осетии вернулось к планам создания общего исторического очерка. Вначале планировалось написать лишь краткий курс истории осетинского народа с древнейших времен, но уже в июле 1947 г. Северо-Осетинский обком и Совет министров СО АССР издали постановление о написании полного курса осетинской истории. Возглавить авторский коллектив снова было поручено Г.А. Кокиеву. Однако в апреле 1949 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и «буржуазно-националистических» настроениях. Выйти из заключения ему уже не довелось; он умер в 1955 г. в лагере от разрыва сердца, чуть-чуть не дожив до своей реабилитации (Тотоев 1995. С. 24; Анчабадзе 1999. С. 149). Его научное наследие долго замалчивалось, а самого его в 1950-х гг. было принято считать врагом марксизма-ленинизма и называть «фальсификатором истории» (см., напр.: Смирнов, Крупнов 1949. С. 315). Научная реабилитация Кокиева произошла лишь в середине 1960-х гг., когда его большие научные заслуги начали открыто признаваться как в Кабардино-Балкарии, так и в Северной Осетии (Улигов 1966; Тотоев 1967 а).

Между тем осетинские ученые продолжали усиленно трудиться над созданием обобщающего труда по истории Осетии, и подготовительные материалы регулярно печатались во второй половине 1940-х гг. в изданиях Северо-Осетинского НИИ. Ранним периодом истории осетин (до 1867 г.) занимался профессор Б.В. Скитский (1884-1959). Он был родом из Украины, и его детство прошло в с. Яцыни Полтавской губернии. После окончания в 1907 г. историко-филологического факультета Киевского университета он около 20 лет проработал школьным учителем истории. В 1925 г. он оказался во Владикавказе, где в полной мере проявилась его склонность к исследовательской работе. Получив место в Горском педагогическом институте, он создал там кафедру истории народов СССР и стал ее первым заведующим. Одновременно он занимался исследовательской работой в СО НИИ, где ему и удалось опубликовать свои основные научные труды (Скитский 1960; Джанаев 1972).

Его «Очерки по истории осетинского народа», выпущенные к 30-летию Октябрьской революции, были встречены в Северной Осетии с большим подъемом. По сути, после дискредитации книги Кокиева

это была первая вышедшая в советское время обобщающая работа, где снова самыми яркими красками рисовался Золотой век осетин, связанный с господством на Северном Кавказе ираноязычных кочевников [19]. Наставая вслед за Марром и Абаевым на «двуприродности» осетин, Скитский обогащал эту лингвистическую идею данными археологии и физической антропологии (Скитский 1947. С. 5-8). Тем не менее иранская линия наследования в его книге явно перевешивала: если местной кобанской культуре при всей ее важности автор уделил всего лишь 7 страниц, то на долю скифов, сарматов и алан приходилось 50 страниц. Среди важнейших идей, содержавшихся в его монографии и имевших большое значение для осетинского самосознания, следует отметить следующие: во-первых, ираноязычные кочевники непрерывно в течение двух тысячелетий были ведущей силой на Северном Кавказе; во-вторых, включая в свой союз чужеродные общности, они все же сохраняли свое этническое своеобразие; в-третьих, «аланы — предки современных осетин»; в-четвертых, хотя нартский эпос и встречался у различных народов Кавказа, он был творением непосредственных предков осетин, передавших его соседним народам [20]; в-пятых, в X-XI вв. аланы обладали собственной сильной державой, с которой должны были считаться их могущественные соседи (Византия, Хазария и Русь, не говоря уже о Грузии); в-шестых, в период раннего Средневековья земли алан на Северном Кавказе простирались на запад до верховьев Кубани и Эльбруса, и лишь в XIV в. аланы-осетины были вытеснены оттуда тюркскими народами. Упадок Алании автор связывал с монголо-татарским нашествием и в особенности с последующими походами Тамерлана, в результате чего предгорные области запустели, а остатки алан были заперты в горных ущельях (Скитский 1947. С. 10-69).

Любопытно, что, вопреки грузинской историографии, автор отваживался писать едва ли не об исконном присутствии предков осетин в Южной Осетии. Действительно, в его расширительном понимании кобанская культура покрывала огромную территорию от Северного Кавказа на севере до Гурии и Аджарии на юге, и аланы проникали к югу от Кавказского хребта несколькими волнами в течение всего раннесредневекового периода. Таким образом, Двалетия оказывалась издавна населенной предками осетин, политическое влияние Грузии установилось там только в XIII в., набеги осетин на Северную Грузию на рубеже XIII-XIV вв. изображались как сопротивление крепостнической политике грузинских феодалов, а последнее массовое переселение осетин на юг датировалось XV-XVI вв. (Скитский 1947. С. 11, 68-69, 139-140).

Наконец, Скитский с подозрением относился к идее «добровольного вхождения Осетии в состав России» и рассматривал его как некий временный компромисс между российской дипломатией и осетинскими старшинами, преследовавшими свои корыстные интересы. В конечном итоге, учитывая все нюансы этого сложного процесса, он даже осмеливался писать о «завоевании Северной Осетии царизмом» (Скитский 1947. С. 129-33).

Другим признанным авторитетом в области осетинского языка, фольклора и истории стал в 1940-х гг. В.И. Абаев. По просьбе руководства Северной Осетии его фундаментальный труд, охватывавший все эти вопросы, был в 1949 г. выпущен престижным издательством АН СССР. Эта книга начиналась с воспроизведения осетинского исторического мифа в его классическом виде, включавшего как Золотой век, так и катастрофу: осетины объявлялись потомками скифских, сарматских и аланских племен, которые «в течение двух тысячелетий не сходили со страниц истории» и «внесли существенный вклад в культурное развитие юга России и Северного Кавказа в древний период» (Золотой век); затем «осетинский народ оказался замкнутым в нескольких горных ущельях Центрального Кавказа, и над ним нависла угроза полного вымирания и исчезновения» (Катастрофа) (Абаев 1949. С. 4). Абаев доказывал, что изолированное положение осетинского языка на Северном Кавказе ярко свидетельствовало о том важнейшем историческом факте, что его носители пришли туда с севера из степной зоны; в пользу этого он приводил массу убедительных лингвистических материалов (Абаев 1949. С. 36-47). В частности, он проделал грандиозную работу по созданию и анализу словаря скифского языка, убедительно продемонстрировав его иранскую принадлежность (Абаев 1949. С. 147-244). Описывая алан, он возражал тем исследователям, кто хотел видеть в них «собирательное название» или «географическое понятие». По-своему интерпретируя Аммиана Марцеллина, Абаев отмечал, что если аланы и распространили свое имя на соседние племена, то от этого они сами не перестали существовать, а значит, были не фантомом, а конкретным народом (Абаев 1949. С. 43-45) [21]. Абаев также затрагивал интригующий вопрос о том, что будто бы осетины не сохранили у себя название «аланы». Он оспаривал этот вывод и находил воспоминание об аланском родстве в фольклорном выражении «дух аллона-биллона», где, безусловно, имелись в виду осетины (Абаев 1949. С. 45, 246).

В то же время Абаев никогда не отказывался от идеи субстрата и заявлял, что «осетинский язык — это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате» (Абаев 1949. С. 11, 363). Мысль о смешении пришлых иранцев с местными кавказскими аборигенами проходила красной нитью через всю его книгу (Абаев 1949. С. 13, 75-80, 112-122, 129-137, 518-525). На его взгляд, осетино-кавказские параллели «затрагивают самые глубинные и интимные стороны языка и свидетельствуют о том, что осетинский во многих существенных отношениях продолжает традицию местных кавказских языков, совершенно так же, как в других отношениях он продолжает традицию иранскую» (Абаев 1949. С. 111, 115). Он утверждал, что в осетинском языке «кавказский элемент занимает особое место, не столько по количеству... сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей» (Абаев 1949. С. 76). И он доказывал, что сам строй иранского языка, на котором говорили далекие предки осетин, существенно изменился под воздействием местных северокавказских языков. Речь, следовательно, шла не просто о внешнем влиянии вследствие языковых контактов, а о чем-то гораздо большем. И читатель был вправе сделать вывод о том, что на Северном Кавказе в состав алан влилась масса местных аборигенов, — именно об этом и говорили все построения Абаева, относящиеся к проблеме субстрата.

Действительно, сам Абаев был убежден в том, что «доиранское население Алании-Осетии... смешалось с пришельцами-иранцами, и этим смешением и было положено начало современному осетинскому этническому типу». При этом местное население усвоило алансскую речь, чему предшествовал долгий период билингвизма, когда и происходило взаимопроникновение языков (Абаев 1949. С. 78-79). Развивая мысль Марра (Mapp 1918. С. 2077), Абаев настаивал на том, что субстратные кавказские явления лучше всего сохранились в осетинских диалектах, а иранская речь, игравшая роль межплеменного языка, закрепилась прежде всего на «национальном» уровне. Так в «осетинском языке и соединились две линии преемственности, одна — идущая от древнеиранского и другая — идущая от субстратных, кавказских языков» (Абаев 1949. С. 115, 122). Абаев не ограничивался фактами языка и пытался обнаружить подтверждение своим идеям в материальной культуре, обычаях, фольклоре, верованиях осетин, на его взгляд, ясно указывавших на огромную роль кавказского элемента в формировании осетинского народа (Абаев 1949. С. 75-80).

В своих построениях Абаев не оставлял без внимания и археологию. Опираясь на работы советских археологов тех лет, он ссылался на выявленное ими «кобанско-колхицкое единство» конца бронзового — начала раннего железного века и видел в нем подтверждение своим выводам о тесных ранних контактах предков осетин с мегрелами, сванами и абхазами (Абаев 1949. С. 328).

Абаев был одним из тех немногих, кто в период позднего сталинизма осмеливался вспоминать о депортированных народах, которых власти тогда пытались вычеркнуть из истории; и на страницах его книги находили место чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы (Абаев 1949. С. 11, 35, 85, 87). Он, в частности, обращал особое внимание на влияние тюркских языков на осетинский (Абаев 1949. С. 85). В разгар кампании борьбы с «бездонными космополитами» он отваживался упоминать о влиянии иудаизма на алан (Абаев 1949. С. 36, 331-332). Он даже осмеливался говорить о влиянии на них готов (Абаев 1949. С. 340-342) в те годы, когда готская тематика, скомпрометированная связями с нацистской наукой, была фактически табуирована в СССР. Все это, разумеется, свидетельствовало о его личном бесстрашии, порядочности и бесконечной преданности научной истине. Впрочем, при переиздании в 1949 г. ранних работ Абаева из них были убраны излишние напоминания о довоенном политическом статусе карачаевцев и балкарцев: карачаевские районы, вошедшие в 1944 г. в состав Грузии, фигурировали теперь под именем Клухорского района, столица Карабаевского АО, г. Микоян-Шахар, выступала под своим новым названием г. Клухори, а Кабардино-Балкария представлялась Кабардинской республикой (ср.: Абаев 1933; 1935. С. 882-883 и Абаев 1949. С. 249-250, 272-274).

Как Абаеву удалось опубликовать свою работу, полную достаточно сомнительных, с точки зрения правящего тогда режима, предположений, в престижном издательстве АН СССР в суровом 1949 г.? По-видимому, то, что режим считал ее достоинствами, перевешивало все ее «недостатки». О каких же достоинствах, разумеется политического плана, могла идти речь? Еще в 1930-х гг. Сталин задумался об интегрирующем стержне, который мог бы сплотить все разнозычное и разнокультурное население страны в единую советскую общность. Наиболее популярной идеей, широко использовавшейся тогда националистами, была идея общей генетической или культурно-исторической основы нации. В частности, к ней еще в 1920-х гг. прибегали евразийцы; ее же нещадно эксплуатировали германские нацисты в форме расового подхода. Нет оснований думать, что она осталась не замеченной советским руководством [22], и щедрое финансирование этногенетических исследований, начатое в конце 1930-х гг., бы-

ло тому ярким свидетельством (Шнирельман 1993; Аксенова, Васильев 1993).

К тому времени учеными было надежно установлено, что огромную роль в ранней культурной истории Евразии сыграл иранский пласт, ярко представленный скифами и сарматами. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. некоторые советские авторы даже делали попытки выводить славян из скифского мира. Поэтому скифская тема была необычайно популярна, к ней присматривались политики, и скифо-сарматские исследования тогда получали всемерную поддержку властей [23]. В этой обстановке книга Абаева пришла как нельзя более кстати. Ведь он ставил скифо-сарматские исследования в прямую связь «с узловыми вопросами становления и развития народов Советского Юга», доказывая что иранский мир древней Средней Азии веками служил «неугасающим очагом высокой культуры» и что «ираноязычные народы древнего нашего юга внесли заметный вклад в языки и культуру многих народов Советского Союза»; в частности, он подчеркивал тесные взаимоотношения между скифами и славянами (Абаев 1949. С. 238-241).

Кроме того, если в своих работах Абаев и упоминал карачаевцев и балкарцев, то не иначе как поздних пришельцев на тех землях, где до них веками жили ираноязычные аланы, предки осетин, и где до ислама господствовало христианство. Абаев был убежден в том, что вплоть до XIII-XIV вв. аланская территория охватывала и регионы, примыкающие к Осетии с запада. Конкретно имелись в виду, во-первых, горный район, отторгнутый от Карачая в пользу Грузии в 1944 г., а во-вторых, территории, где до депортации проживали балкарцы (Абаев 1949. С. 45-46). Абаев был прав в том, что эти районы действительно когда-то были населены ираноязычными аланами, но в условиях, сложившихся после депортации балкарцев и карачаевцев, его вывод приобретал для последних зловещий смысл. Все это звучало достаточно соблазнительно для советского руководства и позволяло ему прощать Абаеву его мелкие прегрешения перед советской идеологией. Правда, это не избавило ученого от нападок его коллег, тотчас же заметивших его склонность опираться на сравнительно-исторический метод, против которого столь неистово боролись Марр и его последователи. В 1949-1950 гг. идея «праязыка» по-прежнему определялась марристами как «реакционная лжетеория» и «идеологическая дребедень», а сравнительно-исторические исследования обвинялись в посягательстве на национальные особенности языков и народов. За все эти прегрешения Абаев был занесен марристами в черный список (Современное положение 1949. С. 505-506: Никольский, Яковлев 1949. С. 278-279; Спиркин 1949. С. 331) [24], не смог опубликовать вторую часть своей монографии «Осетинский язык и фольклор» (против этого бурно возражал С. П. Толстов) и был лишен возможности получить Государственную премию (Калоев 2001. С. 7-9).

Глава 5. *Борьба с марризмом и конец «двуприродности» осетин*

Вскоре для Абаева настали еще худшие времена. Летом 1950 г. вышла работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», направленная против учения Марра. Абаев был одним из лучших учеников Марра, и хотя он избегал его крайностей и не разделял наиболее одиозных его идей, развернувшаяся кампания поношений не обошла и его. Тем более что он воздержался от присоединения к хору бывших марристов, тут же «осознавших» свои прошлые ошибки и начавших славить мудрость вождя (Илизаров 2004. С. 184-186). В Северной Осетии за него вступился его ученик, заведующий кафедрой общего языкознания Северо-Осетинского пединститута К. Гагкаев. В марте 1951 г. он опубликовал в газете «Социалистическая Осетия» статью к 50-летию Абаева, где называл того «крупнейшим исследователем осетинского языка». Он пытался всячески дистанцировать его от наследия Марра и подчеркивал, что именно Абаев восстановил в правах сравнительно-исторический метод. Признавая, что Абаев не порвал полностью с наследием Марра, Гагкаев вместе с тем указывал, что тот зато давно отказался от «догматических установок вульгаризаторов Марра». Он отдавал должное большому вкладу Абаева в осетинское языкознание и в особенности высоко оценивал его подход к вопросу о происхождении осетин. Он, правда, не упоминал приверженности Абаева к теории субстрата и его положений о «двуприродности» осетинского языка, но фактически одобрительно относился к идее о том, что осетины сформировались из смешения пришлых степняков с кавказскими аборигенами (Гагкаев 1951а).

Однако тучи над головой бывших марристов уже сгущались, и под нажимом Гагкаеву пришлось повиниться в своем чересчур либеральном отношении к творчеству Абаева. В своей новой статье в той же газете он уже пунктуально перечислял все просчеты и «антимарксистские ошибки», допущенные Абаевым на протяжении предшествовавшего двадцатилетия. Теперь он припомнил Абаеву его симпа-

тии к стадиальной теории Марра и именно с этой теорией связывал любимую идею Абаева о субстрате и двуприродности осетинского языка. «Нет ничего ошибочнее этой точки зрения В. И. Абаева», — воскликнул он, — ведь она противоречила словам Сталина о том, что при столкновении языков побеждал только один из них, а второй бесследно исчезал (Гагкаев 1951 б). С этих пор мысль о тесной связи теории языкового субстрата с марровской идеей о стадиальности развития языков была подхвачена практически всеми, кто брался критиковать Абаева. Осетиноведам снова предлагалось ограничить себя лишь рамками иранистики, которая будто бы только и могла дать правильное понимание процессов развития осетинского языка (Козырева 1951; Джанаев 1952; Сухотин 1952; Черкасова 1952). Так в условиях сталинского догматизма могла погибнуть блестящая идея, уже начавшая давать богатые научные плоды (Абаев 1956; 1967. С. 18-19).

Между тем выступление Гагкаева в печати было, очевидно, дежурным ритуалом для того, чтобы несколько успокоить критиков. В кругу коллег он вел себя иначе. В сентябре на заседании ученого совета СО НИИ и в октябре на собрании работников историко-филологического факультета Северо-Осетинского пединститута Гагкаев продолжал защищать Абаева и доказывал, что тот никогда не был настоящим марристом.

Однако противников марризма все это не устраивало. Они хотели видеть в Абаеве одного из виднейших учеников Марра, не спешившего наравне с другими раскаяться в своих ошибках [25]. Они не только припомнили ему симпатии к «палеонтологическому» методу Марра, но и упрекали в верности идеи «двуприродности» осетинского языка. Кроме того, они усматривали в построениях Абаева небезопасные идеи, способные возбудить осетинский национализм. От них, разумеется, досталось и Гагкаеву, который, восхваляя заслуги Абаева, будто бы вводил читателей в заблуждение. Все это стоило Гагкаеву места заведующего кафедрой (Сухотин и др. 1951; Сухотин 1952; Черкасова 1952; Ряшенцев 1952).

Вопрос об «ошибках» Абаева рассматривался на специальном заседании ученого совета Института языкознания АН СССР 17-18 января 1952 г., где среди критиков Абаева были такие влиятельные лингвисты, как ученый секретарь Президиума АН СССР В.П. Сухотин, директор Института языкознания АН СССР академик В.В. Виноградов и его заместитель Б.А. Серебренников. Отвечая своим критикам, Абаев доказывал, что он никогда не был последовательным марристом и всегда занимал достаточно независимую позицию. Кроме того, он написал письмо в Северо-Осетинский НИИ, где отказывался от некоторых своих ранних идей, связанных с теоретическими установками Марра (Сухотин 1952; Черкасова 1952; Исаев 2000. С. 163-164).

Пока филологи занимались «ошибками» марристов, в стране разворачивалась другая кампания, затрагивавшая прежде всего национальных историков, не заметивших резкого идеологического поворота. Они продолжали настаивать на идее насильтственного включения национальных окраин в состав Российской империи и в русле школы М.Н. Покровского делали акцент на национально-освободительной борьбе с колонизаторами. Однако на беду таких историков руководство страны обуревали уже совсем иные идеи. Они были озвучены в 1950 г. могущественным партийным функционером, первым секретарем ЦК КП Азербайджана М.Д. Багировым, доказывавшим, что у народов Кавказа не было иного выхода, кроме вхождения в состав России. Поэтому он видел в этом прогрессивное явление. Зато Шамиля он рассматривал как иностранного шпиона, работавшего на Турцию и Англию, и его движение характеризовал как целиком реакционное (Tillett 1969. Р. 140-142). Чувствуя одобрение из центра, Багиров и его подручные набросились на советских историков, обвиняя их в искажениях «исторической правды». Одним из таких ученых оказался молодой осетинский специалист, сотрудник кафедры истории СССР Северо-Осетинского педагогического института А.К. Джанаев, незадолго до того написавший диссертацию о присоединении Осетии к России. Резко критикуя азербайджанских историков, лингвистов и литературоведов за неверную оценку присоединения Кавказа к России и движения Шамиля и другие «искажения», секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Г. Гасанов заявлял, что работа Джанаева была написана с «буржуазно-националистических позиций» и «идеализировала» борьбу горских феодалов с Россией (Коренным образом 1950. Об этом см.: Tillett 1969. Р. 144).

Реакция осетинских властей последовала ровно через год. В ноябре 1951 г. в центральной осетинской газете появилась большая статья первого секретаря Северо-Осетинского обкома К.Д. Кулова, предъявившего осетинским историкам суровые обвинения в искажении истории и «буржуазном объективизме». В центре его внимания были вопрос о присоединении Осетии к России и оценка осетинских восстаний XIX в., а одним из объектов его критики была диссертация Джанаева, к тому времени уже потерявшего работу. Кулов разъяснял осетинским историкам, что восстание тагаурских феодалов в 1830 г.

нельзя было рассматривать как «национально-освободительную борьбу», что оно имело антироссийский характер, было направлено на отделение Осетии от России и опиралось на поддержку Ирана, Турции и Англии. Ошибку историков он видел и в том, что они датировали окончательное присоединение Осетии к России 1830 годом. Со своей стороны он доказывал, что осетинское общество конца XVIII – начала XIX в. не было единым и вхождение отдельных осетинских обществ в Россию не могло быть единовременным актом. Присоединение началось в 1770-х гг., когда старейшины ряда осетинских сел присягнули на верность России. Вслед за Багировым он называл это прогрессивным шагом, и историкам надлежало следовать тому же [26]. Разобравшись с историческими проблемами, Кулов переходил к лингвистике и объявлял теорию Абаева о «двуприродности» осетинского народа «антин научной» (Кулов 1951).

Среди историков, испытавших всю тяжесть этих обвинений, оказался один из ведущих специалистов, работавших в СО НИИ, Б.В. Скитский. Ведь если еще недавно благожелательные рецензенты его «Очерков» советовали ему детальнее остановиться на событиях 1830 г., когда, по их мнению, «Осетия окончательно превращалась в колонию царской России» (Тотоев, Джанаев 1948), то лидер осетинских коммунистов требовал от него прямо противоположного. Скитскому, хорошо знакомому с новыми веяниями в советской историографии начала 1950-х гг., пришлось публично покаяться в своих «ошибках». Признавая своевременность выступления Кулова и его правоту, он оправдывал свои прошлые взгляды тем, что еще совсем недавно их разделяло большинство советских историков и деятелей сферы образования (Скитский 1951).

Однако остановить набиравшую обороты кампанию было уже невозможно, и дело приняло дурной оборот после постановления ЦК ВКП(б) от 4 марта 1952 г. «О руководстве Северо-Осетинским обкомом ВКП(б) идеологической работой в республике». Это постановление было частью широкой кампании борьбы с «националистическими извращениями», проходившей в 1951-1952 гг. по всей стране. Она была направлена прежде всего против национальной интеллигенции (ученых, писателей, поэтов), которая, подхватив патриотическую риторику времен Великой Отечественной войны, продолжала по инерции воспевать своих национальных героев и славные страницы истории своих народов. Однако настала новая эпоха, и все это теперь трактовалось как «буржуазный национализм», с которым следовало решительно покончить. Отныне борьба с ним становилась святой обязанностью любого советского ученого, и постановление ЦК ВКП(б) должно было побудить осетинскую интеллигенцию активнее принимать в ней участие. Ответ последовал незамедлительно. Уже в марте прошли совместные заседания двух главных североосетинских научных центров – СО НИИ и Пединститута, где ряд историков подверглись резкой критике за «грубые ошибки в освещении истории Осетии»; там звучали обвинения и в адрес нераскаявшихся марристов-языковедов (Дядькин 1952).

А вскоре и руководство Северо-Осетинского обкома ВКП(б) обрушилось с резкой критикой на местных историков и лингвистов, обвиняя их в «грубых политических ошибках»: идеализации патриархально-феодального прошлого, игнорировании реакционной роли сultанской Турции на Северном Кавказе, отрыве истории Осетии от истории России и русского народа, прославлении прутурецки настроенных представителей осетинской знати конца XVIII-XIX в., противодействовавших присоединению Осетии к России, и пр. Эти грозные обвинения прозвучали на V пленуме Северо-Осетинского обкома 16 апреля и на XV областной партконференции в сентябре 1952 г. Обвинения адресовались, в частности, Северо-Осетинскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории, затягивавшему работу по подготовке труда по истории Осетии и осетинского народа. Среди проштрафившихся звучали имена двух ведущих осетинских ученых, В.И. Абаева и Б.В. Скитского, говорилось о засилье марристов в научных учреждениях и вузах республики, что якобы обрекало исследовательскую работу на застой и вредило школьному делу (Пятый пленум 1952; Кулов 1952 а). Материалы обоих партийных форумов широко обсуждались во всех партийных, комсомольских и профсоюзных организациях, а также на общем собрании членов Союза советских писателей Северной Осетии.

Кампания против марристов и «буржуазных националистов» совпала в Северной Осетии с другой, направленной против «вредных обычай» и пережитков патриархального прошлого – купли-продажи невест, умыкания девушек, религиозных обрядов и обременительных для семейного бюджета народных ритуалов и праздников. Среди таких пережитков назывался и национализм (Тотоев 1951; Дубцов 1952; Гробер 1952). В ходе этой борьбы досталось и Северо-Осетинскому Дому народного творчества за то, что его сотрудники собирали «похоронные причитания, плачи, религиозные песни и сказы», не представлявшие, по словам бдительных корреспондентов, научного интереса, но зато «идейно

вредные». Ведь они, в частности, воспевали феодальные набеги на соседние народы, а это подрывало советскую дружбу народов (Собиратели 1951). Об «извращениях» в работе краеведов и фольклористов говорилось и на V пленуме Северо-Осетинского обкома. Их обвиняли в излишней увлеченности нартским эпосом, восхвалении родовой аристократии и любовании обычаями кровной мести и грабительскими набегами на соседей. В частности, первого секретаря Северо-Осетинского обкома К. Д. Кулова возмущало то, что осетинских школьников учили героизму на примере нартов, а не на основе марксизма-ленинизма (Пятый пленум 1952) [27]. Все эти кампании давали обильную пищу критикам Абаева, и они обвиняли его не только в приверженности марризму и возведении препятствий для подлинно научного изучения языка (Козырева 1952), но и в «идеализации феодальных мотивов, восхвалении старины и патриархальных обычаем» (Сухотин и др. 1951; Джанаев 1952). Фактически удар наносился по нартovedческим исследованиям, в течение десятилетий составлявшим основное поле деятельности многих осетинских исследователей [28].

Однако устроителям очередной идеологической кампании всего этогоказалось мало. Чтобы побудить историков, языковедов и писателей быстрее осознать свои «ошибки» и «заблуждения», Северо-Осетинский обком инициировал проведение научной конференции по истории Осетии, языкоzнанию и литературе. Она проходила в конце апреля 1952 г., т. е. через десять дней после V пленума обкома. В течение трех дней, 25-27 апреля, ученые каялись в своих ошибках и уличали своих коллег в «националистических измышлениях», уверяли друг друга в своей приверженности дружбе народов и хором обличали реакционную политику сultанской Турции. Курировавший конференцию секретарь обкома по пропаганде И.А. Гапбаев остался доволен ее ходом и призвал научную и творческую интеллигенцию еще скорее устранять свои ошибки (Социалистическая Осетия, 26, 27, 29 апреля 1952).

Наиболее важные доклады, прозвучавшие на конференции, наряду с информацией о широком обсуждении итогов V пленума Северо-Осетинского обкома были напечатаны газетой «Социалистическая Осетия». Так практически все население Северной Осетии оказалось вовлеченным в споры о ключевых моментах истории Осетии и осетинского народа и о том, что и как должны изучать языковеды. В частности, в докладе историка А. Джанаева ведущие осетинские ученые, включая Абаева и Сkitского, прямо обвинялись в неизжитом марризме, «буржуазно-националистических извращениях» и следовании духу разоблаченной в 1930-х гг. школы М.Н. Покровского. Развивая отдельные положения доклада Купава, Джанаев упрекал своих коллег в чрезмерном увлечении древностью за счет современной истории, а также в акценте на исторические моменты (упоминались осетинско-кабардинские отношения XVII-XIX вв.), разделяющие, а не сближающие народы. Резко выступая против Абаева, он навязывал ему именно те упрощенные взгляды, против которых тот годами боролся, — о том, что осетины были будто бы единственными наследниками скифов, сарматов и алан, что они обладали культурным превосходством над своими соседями, что нартский эпос принадлежал только осетинам [29] и мог служить полноценным историческим источником. Но, решая вопрос о происхождении осетин, автор фактически воспроизводил идею Абаева о том, что аланы были лишь одним из их этнических предков. Упоминая работы арестованного к тому времени Г. Кокиева, этот автор прямо называл его «буржуазным националистом» (Джанаев 1952) [30].

В докладе В.П. Сухотина подчеркивалось, что Абаев все еще не отказался от основных принципов марризма, и в пример приводились теория субстрата и понятие о «двуприродности» осетинского языка. Этот автор также находил «националистические ошибки» в представлениях Абаева об истории осетин (Сухотин 1952).

Еще одно выступление, показавшееся властям Северной Осетии достойным публикации в республиканской газете, принадлежало видному археологу-кавказоведу Е.И. Крупнову. В духе времени выступая против марризма и упрекая Абаева в «искажении» вопроса о происхождении осетин, он, по сути дела, лишь подтверждал то, что годами отстаивал Абаев. Действительно, если Абаев говорил о «двуприродности» происхождения осетин и смешении кавказских аборигенов с пришельцами, то Крупнов обосновывал это археологическими данными. Ведь он показывал, что в течение I тыс. до н. э. Северный Кавказ неоднократно подвергался нашествиям ираноязычных кочевников, вначале скифов, затем сарматов, которые вначале оказывали большое культурное влияние на местное население, а позднее стали массами оседать среди него. В итоге аборигены центральных районов Северного Кавказа были ассимилированы и перешли на иранский язык. Однако, настаивал Крупнов, материальная культура этой новой общности складывалась на местной кавказской основе и еще долго хранила живые следы кобанской

культуры. «Поэтому, — писал он, — нет никакой нужды отрывать оседлый осетинский народ от северокавказской культурной среды и выдавать за его прямых предков степных кочевников-скифов, которых страшились народы древнего мира как всеразрушающих варваров». Оригинальным вкладом Крупнова в разработку проблемы осетинского этногенеза было то, что он отождествил рассматриваемую новую общность с аланами, тем самым сделав их исконными кавказцами. Именно эти аланы, будучи «местным северокавказским населением», и стали прямыми предками современных осетин. Между тем, критикуя Абаева за приверженность марристской идеи о «скрещении» языков, Крупнов и сам прибегал к этому термину, указывая на то, что «момент скрещивания местного кавказского языка с иранским закончился победой пришлого иранского (сарматского) языка». В итоге он утверждал, что осетины по языку относятся к иранцам, а по культуре являются типичными кавказцами. Иными словами, он доказывал, что предки осетин были исконными кавказцами, перешедшими на принесенный извне иранский язык (Крупнов 1952; 1953. С. 145-163). Любопытно, что впоследствии на этом основании уже Абаев упрекал Крупнова в приверженности марризму (Абаев 1967 а. С. 15).

Вместе с другими критиками восхваляя сталинское выступление против «двуприродности» языка, Крупнов игнорировал лингвистические тонкости и вводил резкое различие между языком и культурой, хотя и в осетинской культуре можно было бы найти эту «двуприродность» — синтез местных культурных элементов со степными кочевническими. Разумеется, пойти на такое огрубление ситуации Крупнова заставило стремление превратить осетин в коренной кавказский народ. В то же время, соблюдая осторожность, он, говоря о происхождении северокавказских народов, ни словом не обмолвился о предках депортированных чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев, будто в домонгольское время их там вовсе не было. Все это свидетельствует о существовавших тогда серьезных политico-идеологических преградах для написания правдивой истории народов Северного Кавказа. Характерно, что с изменением политического климата в стране Крупное отошел от своего резко критического отношения к концепции Абаева. В 1960-х гг. он писал, что «в вопросе формирования осетинского языка и роли в нем кавказского субстрата надо согласиться с В.И. Абаевым» (Крупнов 1960 а. С. 394; 1967. С. 36-37).

На V пленуме Северо-Осетинского обкома в докладе К.Д. Кулова прозвучали и критические замечания в адрес председателя Совета министров СО АССР А.П. Газзаева (Пятый пленум 1952), выпустившего к 30-летию Октябрьской революции книгу, изображавшую дореволюционную Осетию колонией русского царизма и прославлявшую советскую власть за создание условий для «возрождения осетинского народа». В этой книге не было сказано ни слова о «добровольном» вхождении Осетии в состав Российской империи; напротив, речь шла о «завоевании и покорении», об установлении «колониального господства», против которого осетины вели нескончаемую борьбу. Любопытно, что, говоря о событиях Гражданской войны и о советском периоде, автор ни словом не упомянул чеченцев, ингушей или балкарцев. Зато он превозносил нартский эпос как исключительно осетинский и, говоря о достижениях осетинской науки, называл прежде всего имена Абаева и Скитского (Газзаев 1947). Однако в ходе кампании борьбы с «буржуазным национализмом» все это было сочтено недопустимым для высокого советского чиновника. Теперь Газзаева обвиняли в том, что он пошел на поводу у Абаева, Скитского и ряда других осетинских историков. Ведь он идеализировал нартов и приписывал их наследие одному только осетинскому народу, умудрился написать о насильственном покорении Осетии Россией и о потере Осетией самостоятельности под российским владычеством, расценивал феодальный мятеж 1830 г. как национально-освободительное движение, игнорировал классовую борьбу в осетинской деревне, хвалил осетинских писателей и ученых, допускавших «буржуазно-националистические извращения» (Против фальсификации 1952).

Любопытно, что поводом к выступлениям против Газзаева стала его попытка возвеличить Темирболата Мамсурова (1843-1899), осетинского офицера, эмигрировавшего в Турцию вместе с другими осетинскими мусульманами в 1865 г. (Газзаев 1947. С. 105). Имя этого поэта стало известно в Осетии в 1922 г., когда приехавший из Турции Бекир-бей Сами Кундухов, председатель Турецкой миссии по заключению союза с Советской Россией, выступил на заседании ОИФО с докладом о его поэзии и передал его стихи в фонд ОИФО. После этого Темирболат Мамсуров был объявлен «первым осетинским поэтом» (Алборов 1926; Гадиев 1926), и до конца 1940-х гг. его имя пользовалось в Осетии почетом и даже фигурировало в осетинских учебниках по литературе. Его в своей книге упоминал и Скитский (Скитский 1947. С. 190-191). Однако в эпоху официального патриотизма более удачным кандидатом на место классика осетинской литературы оказался Коста Хетагуров, и об этом публично возвестил первый секретарь

Северо-Осетинского обкома ВКП(б) К.Д. Кулов в своей речи в Дзауджику 7 мая 1947 г. (Кулов 1948). Двум поэтам на одном постаменте места не было, и к началу 1950-х гг. Мамсиров оказался «реакционным поэтом», «религиозным фанатиком» и знаменем «буржуазных националистов». По решению бюро Северо-Осетинского обкома он был выведен из рядов великих осетинских писателей (Кайтуков 1951; Джикаева 1952; История 1954. С. 145) [31]. Пропагандировавшие его творчество осетинские ученые (Б. Алборов, Г. Дзагуров) были обвинены в антисоветской деятельности и подверглись гонениям (Хадарцева 1995. С. 86). Участь Газзаева была решена на заседании Политбюро ВКП(б), где его персональное дело рассматривалось еще 25 марта 1952 г., т. е. до начала V пленума Северо-Осетинского обкома (Политбюро 2001. С. 880). На следующий день после этого пленума Газзаев был снят со своей должности, а еще раньше та же судьба постигла его единомышленника, бывшего секретаря Северо-Осетинского обкома по пропаганде С.Н. Битиева.

Между тем власти Северной Осетии торопили историков, и во второй половине 1940-1950-х гг. ученые из Северо-Осетинского научно-исследовательского института и Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К. Хетагурова продолжали заниматься подготовкой «Истории Северо-Осетинской АССР» в двух томах. В те годы в Северной Осетии и в соседних районах археологи со всей страстью вели поиски алан и всего того, что могло бы быть связано с ранней историей осетин. Сенсацию вызвали результаты работ ленинградских ученых в Алагирском ущелье в 1946 г. О том, что там рядом с селом Нузал располагалась уникальная часовня предмонгольской эпохи, ученые знали давно. Столь же хорошо им было известно о находившихся там фресках и грузинских надписях. Но более всего их привлекали портреты бывших владельцев Нузала, в которых отдельные авторы усматривали изображения самого Давида Сослана и его предков. Среди таких энтузиастов была и археолог из Эрмитажа Е.Г. Пчелина (1895-1972) [32], предположившая, что умерший в 1207 г. Давид Сослан, муж царицы Тамары, мог повелеть похоронить себя в родовой усыпальнице. 2 июня 1946 г. она вскрыла пол часовни и обнаружила там каменный гроб. Открытие обещало стать столь значимым для осетин, что раскопки были приостановлены и для наблюдения за их дальнейшим ходом были приглашены председатель Совета министров СО АССР А.П. Газзаев и секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) по пропаганде С.Н. Битиев. Здесь же присутствовали ведущий специалист по ранней истории осетин проф. Б.В. Скитский, сотрудники СО НИИ и Музея краеведения. Во вскрытой гробнице ученые обнаружили скелет 35-летнего мужчины [33], рядом с которым лежала сабля. Когда-то в часовне в виде реликвий хранились кольчуга, шлем и наручьи, приписывавшиеся местной легендой осетинскому царю Ос-Багатару [34]. Было предположено, что все это принадлежало погребенному, в котором Пчелина хотела видеть Давида Сослана [35].

Новость об открытии была тут же опубликована газетой «Социалистическая Осетия» (Новикова 1946) и имела в Северной Осетии большой отзвук. Между тем из Грузии последовали комментарии вице-президента АН ГССР, академика С.Н. Джанашиа, призванные охладить энтузиазм осетин. По его утверждению, Давид Сослан происходил из боковой ветви династии грузинских Багратидов и не имел ничего общего с селом Нузал. Его смущал и возраст погребенного, ибо, будь Пчелина права, Давид должен был жениться на Тамаре в 16-17-летнем возрасте, что представлялось Джанашиа невероятным. Наконец, погребальный инвентарь казался ему чересчур бедным для грузинского царевича (Раскопки 1946). Выступление уважаемого академика заставило осетинских ученых осторожнее судить о сделанной находке. Не без сожаления многие из них отказались от ассоциации ее с именем Давида Сослана, но предположение о важном осетинском вожде, или царе, сохранилось (Скитский 1947. С. 69, 117-119; Семенов 1948. С. 107-108; Семенов, Каствуев 1948. С. 47, 53; История 1954. С. 63; Ванеев 1956. С. 11-22; Бушуев 1959. С. 76; Новосельцев 1987. С. 146-147; Кузнецов 1990а. С. 77) [36]. Впрочем, некоторые авторы не нашли в себе сил расстаться с романтической версией, высказанной Пчелиной (см., напр.: Гаглоити 1969; Гольдштейн 1977. С. 289). А осетинский врач Т.Б. Мамукаев даже предпринял медико-антропологическое исследование найденных в гробнице костей с целью доказательства их принадлежности Давиду Сослану. Однако во всех своих исторических рассуждениях он послушно следовал неопубликованной рукописи Пчелиной (Мамукаев 1969). Со своей стороны грузинские авторы столь же последовательно отвергали версию Пчелиной как малоправдоподобную (Думбадзе 1966; Лолашвили 1971). Наконец, детальное изучение архитектуры Нузальской часовни и ее фресок показало, что она была построена лишь в конце XIII — начале XIV в. Это позволило отвергнуть гипотезу о тождестве погребенного воина с Давидом Сосланом (Кузнецов 1996а. С. 57, 75-77).

В то же время осетин вряд ли устраивало утверждение авторов юбилейного тома «Северная Осетия» о том, что «культура осетин целыми столетиями оставалась в зачаточном состоянии, на первой ступени развития» (Баландин и др. 1939. С. 453). Они испытывали нужду в исторических героях и без устали занимались их поиском. К началу 1950-х гг. это стало неизмеримо трудной задачей, так как потенциальные герои прошлого оказывались либо противниками присоединения Осетии к России, либо злейшими врагами советской власти, либо, если речь шла о более ранних временах, руководителями грабительских набегов на соседние племена. Таких героев творцам советской дружбы народов было не нужно, и выбора осетинам почти не оставалось. Одним из своих героев они пытались сделать Дзауга Бугулова, легендарного основателя аула Дзауджикуа, недалеко от которого впоследствии возникла столица Северной Осетии. Популярности Дзауга способствовало то, что по указу Верховного Совета СССР от 28 февраля 1944 г. город Орджоникидзе был переименован в Дзауджикуа (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 744). Это вызвало интерес к личности Дзауга, рисовавшегося выдающимся охотником [37]. Однако в исторических документах он оказывался убийцей, вынужденным бежать из родных мест, спасаясь от кровной мести. Так он и стал основателем нового аула. Для романтизации этого славного деяния была создана легенда о том, что он основал его в том самом месте, где когда-то стоял славный аланский город Дедяков, разрушенный Тамерланом. Осетинам предлагалось тщательно охранять памятники, связанные с именем Дзауга, в частности его родовой склеп, где располагалась его могила (Наниев, Мякинин 1951а: 1951 б) [38].

Впрочем, 24 февраля 1954 г. город вернул себе прежнее название Орджоникидзе (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 784), и интерес к Дзаугу пропал так же быстро, как и возник. Северной Осетии по-прежнему приходилось довольствоваться одними лишь советскими героями, о чем свидетельствовало появление в центре ее столицы памятника Серго Орджоникидзе — правда, он был возведен 28 апреля 1949 г., хотя решение об этом было принято еще 25 сентября 1938 г. (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 587, 971). Другим источником гордости стала запредельная древность, недоступная советской идеологии, — в 1950 г. в районе г. Малгобека геологи обнаружили ручные рубила эпохи палеолита, тем самым резко раздвинув рамки обитания человека в Северной Осетии. О них было сообщено в Москву, и они были выставлены на всеобщее обозрение в местном краеведческом музее (Кастуев 1951).

Глава 6.

Какой быть новой концепции истории осетинского народа?

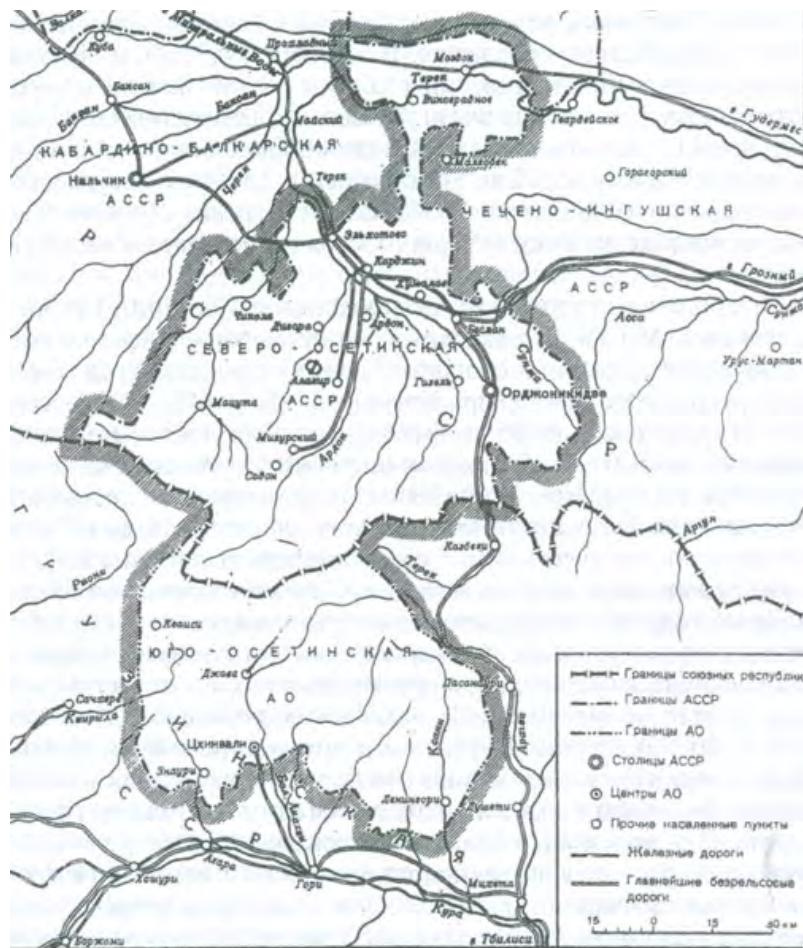
В течение двадцати послевоенных лет Северная Осетия преодолела рубеж модернизации. Если в 1920-1930-х гг. она была в основном аграрным регионом, то к концу 1950-х гг. по своей численности (52,7%) горожане впервые перевесили сельское население, а к 1980 г. подавляющее большинство (68,9 %) населения республики уже обитало в городах. Самой представительной этнической группой были осетины, но в 1959 г. они составляли менее половины (47,8 %) всего населения Северной Осетии; второй по численности группой были русские (39,6%) (Атаманчук 1977. С. 9-12). В 1960-1970-х гг. это соотношение менялось в пользу осетин, и к 1979 г. они уже являлись абсолютным большинством в республике (50,5 %), тогда как численность русских снизилась (33,9 %) (Северная Осетия 1982. С. 5). При этом если в 1959 г. большую часть городского населения составляли русские (55,4 %), тогда как осетины составляли менее одной трети (28,8 %), то к 1979 г. доля русских упала до 40,5 % и основу городских жителей составили осетины (44,4 %). Иными словами, урбанизация охватила основной массив осетин в 1960-1970-х гг., когда доля горожан среди них поднялась с 31,8 % до 59,4 %, т. е. увеличилась почти вдвое (Дзадзиев 1990. С. 46-47).

К концу 1970-х гг. около половины населения республики (46,6 %) обитали в ее столице. Мало того, если в 1959 г. русских там было в 2,5 раза больше, чем осетин (соответственно 59,4 % и 23,6 %), то через 20 лет их доли почти сравнялись (42,9 % и 40,0 %) (Дзадзиев 1990. С. 48-49). Урбанизация значительно повлияла на уровень образования: если в 1926 г. на 1000 человек старше 5 лет приходилось лишь 326 грамотных (Антонов 1928. С. 25), то к концу 1970-х гг. среди лиц старше 10 лет каждые 645 из 1000 имели высшее и среднее (полное или неполное) образование (Северная Осетия 1982. С. 6; Дзадзиев 1990. С. 53). При этом на вузовском уровне гуманитарное образование пользовалось не в пример более высоким спросом, чем другие отрасли знаний (Северная Осетия 1982. С. 106).

В те же годы осетины заняли ключевые позиции в управлении республикой и ее экономикой. Специалисты объясняют это не только их высоким уровнем образования, но и значительным членством в рядах КПСС (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 1. С. 19). Кроме того, в 1970-1980-х гг. наблюдался отток русского населения из северокавказских республик, включая Северную Осетию, и осетины занимали освободившиеся места (Дзадзиев 1990. С. 9, 17, 35. 39). В особенности резко усилилось представительство осетин в сферах торговли и общественного питания, где их доля в 1959-1979 гг. выросла с 37,3 % до 65,2 % (Дзадзиев 1990. С. 29. 58).

Наряду с указанными процессами в Северной Осетии, как и в других регионах СССР, в 1960-1980-х гг. под лозунгом «формирования новой исторической общности» происходила русификация. Если до конца 1950-х гг. подавляющее число осетинских школьников (84 %) обучались на родном языке, то школьной реформой 1959 г. все начальные школы республики были переведены на русский язык обучения и родной язык перестал изучаться даже как предмет. В 1980-1981 гг. осетинскому языку был возвращен статус школьного предмета, но этого было явно недостаточно, и у молодых осетин явственно ощущалось падение интереса к своим языкам и традиционной культуре. Учителя жаловались на оторванность школы от национальной (этнической) культуры (Концепция 1992; Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 1. С. 28-29). К началу 1990-х гг. в городской среде русский язык значительно потеснил осетинский, и компетентность городских осетин в родном языке резко упала: она составляла в 1990 г. 76,6 %, а в 1994 г. упала до 66,6 % (Дзуцев 1995а. С. 65-68). Нужно ли удивляться, что все это порождало у осетинской интеллигентской элиты жгучий интерес к основам своей идентичности — языку, культуре, истории?

Однако, как мы знаем, к началу 1950-х гг. официальный список народных героев Осетии весьма оскудел. Не лучше обстояло дело с концепцией истории Осетии и осетинского народа. Во второй половине 1940-х гг. осетинские историки уже немало сделали для подготовки обобщающего труда, но, как мы видели, их усилия были обесценены новым идеологическим поворотом на рубеже 1940-1950-х гг. И многие их построения были признаны «грубыми ошибками» и «националистическими извращениями». Всю работу пришлось начинать заново, что ее снова затянуло. Таким образом, в период поздних сталинских десятилетий, решая проблему своих предков, осетинам приходилось делать сложный выбор между «арийством» и «двуприродностью». После сталинских депортаций 1943-1944 гг. и успешно проведенной Сталиным кампании против марксизма, жертвами которой стали лучшие осетинские ученые, выбора уже не оставалось — ведь «двуприродность» означала признание осетинами близкого родства с соседними горскими народами, обвиненными в «бандитизме» и отправленными в ссылку. Зато акцент на ираноязычных предков дистанцировал осетин от остальных горцев и позволял вновь почувствовать себя причастными к славе древних степняков-кочевников. Возвращение бывших спецпоселенцев на родину и восстановление их автономий в 1957 г. не только не изменило отношение осетин к своему далекому прошлому, но, напротив, укрепило их в своем упорном желании отделить себя от соседей-кавказцев. Ведь взаимоотношения с теми, особенно с ингушами, были теперь отягощены территориальными претензиями. Среди осетин снова ожили дореволюционные стереотипы, придававшие образу ингушей исключительно негативные черты, к которым теперь добавилось клеймо «государственных преступников» (Цуциев 1998 а. С. 45-46, 76, 79).

*Северо-Осетинская АССР и Юго-Осетинская АО
(по Б. А. Калоеву)*

Ни о каком родстве с такими соседями речи, разумеется, быть не могло. Зато снова резко возрос интерес к истории алан и аланскому историческому наследию. В сентябре 1957 г., т.е. именно тогда, когда реабилитированные соседи осетин начали возвращаться на свои исконные земли, в газете «Социалистическая Осетия» была опубликована заметка, где сообщалось о найденной таджикской рукописи X в., включавшей в Аланское государство значительную часть Северного Кавказа от аварских пределов (Серир) на востоке до берегов Черного моря («море Карз») на западе (Агнаев 1957).

Завершение первого тома долгожданной «Истории Северо-Осетинской АССР», неоднократно подвергавшегося переделкам в соответствии с новыми поворотами идеологического курса советского руководства (см., напр.: Крупнов 1953. С. 149-150), постоянно откладывалось. В 1954 г. был наконец подготовлен его макет, предназначенный для обсуждения широким кругом специалистов. Несмотря на недавние поношения, написание глав по ранней истории снова было доверено Скитскому, попытавшемуся по мере возможности так учесть новые советские идеологические клише, чтобы не повредить своей концепции. С одной стороны, он теперь клеймил теорию о «двуприродном» происхождении осетин как антинаучную и заявлял, что «предки осетин корнями уходят в скифо-сарматский мир», но, с другой, показывая, что осетинский язык впитал немало местных кавказских элементов (История 1954. С. 26, 29). Проявляя требуемый интернационализм, он также уточнял, что скифо-сарматское наследие разделили многие народы Восточной Европы и что осетины могут вести свою родословную не от всех алан, а лишь от северокавказской их группы. Он также был готов поделиться нартским эпосом с другими северокавказскими народами, но заявлял, что у осетин он встречается в наиболее полном виде [39]. Он даже допускал, что Аланское государство было многоэтничным (История 1954. С. 27, 38-39, 51). Отдавая дань эпохе, Скитский теперь подчеркивал давние связи осетин с русским народом — ведь аланы участвовали в походах русов на Каспий, а позднее установили тесные взаимоотношения с Тмутараканским княжеством и Киевской Русью (История 1954. С. 64-66). Объясняя судьбу термина «аланы», он сообщает, что лишь

после XIV в. это название перешло на тюркское племя, поселившееся в центре бывшей Алании после ухода оттуда истинных алан (История 1954. С. 73). Наконец, он считал уместным упомянуть о «реакционной роли» ислама, служившего в XVIII-XIX вв. символом борьбы с Россией. Повторяя новый советский штамп, прозвучавший из уст азербайджанских партийных лидеров (Коренным образом 1950), в исламе он видел тормоз, затруднявший осетинам сближение с русской культурой (История 1954. С. 91). Все перечисленные уточнения были вызваны критикой, прозвучавшей в его адрес в 1951-1952 гг. (Скитский 1951).

За время подготовки первого тома в стране произошли важные события, фактически сменилась целая эпоха. Поэтому если после консультаций с ведущими учеными страны он был в 1955 г. признан завершенным, то по получении в 1958 г. сигнального экземпляра в нем снова были обнаружены «многочисленные ошибки», не учитывавшие кардинальных изменений политической ситуации в 1956-1957 гг. Срочно была сформирована новая группа специалистов, которым было поручено внести в него соответствующие исправления (Тотоев 1995. С. 25-26). Том вышел только в 1959 г., т. е. вскоре после реабилитации и возвращения на родину репрессированных народов.

Как все это отразилось на страницах этого престижного издания? Вопрос о предках осетин решался достаточно однозначно — уже на первых страницах объявлялось, что «современные осетины являются прямыми потомками средневековых северокавказских алан», занимавших до XIV в. «более обширную территорию, вплоть до Эльбруса и верховьев Кубани» (Бушуев 1959. С. 11). Исходя из ираноязычия осетин, авторы искали их предков среди скотов и сарматов, ираноязычных степных кочевников раннего железного века. Местная кобанская культура позднего бронзового — раннего железного века признавалась уникальным явлением на Центральном Кавказе, но никаких попыток навязать ей ираноязычие не предпринималось. Напротив, автор археологического раздела, ветеран северокавказской археологии Л. П. Семенов, подчеркивая возможное проникновение на Северный Кавказ скифских элементов, оговаривал, что это «не означало кардинального изменения этнического состава коренного населения»: «На этом раннем этапе скифская культура и иранский язык лишь вошли в соприкосновение с носителями кобанской культуры». Ассимиляция местных обитателей ираноязычными пришельцами происходила позднее — в сарматский и особенно аланский период (Бушуев 1959. С. 27). В то же время отмечалась «преемственность кобанской, скифской, сарматской и аланской культур», причем в кобанской иконографии обнаруживались параллели мотивам нартского эпоса (Бушуев 1959. С. 30-31) [40]. Тем самым за местным древним населением доскифского времени также признавался большой вклад в культуру осетин.

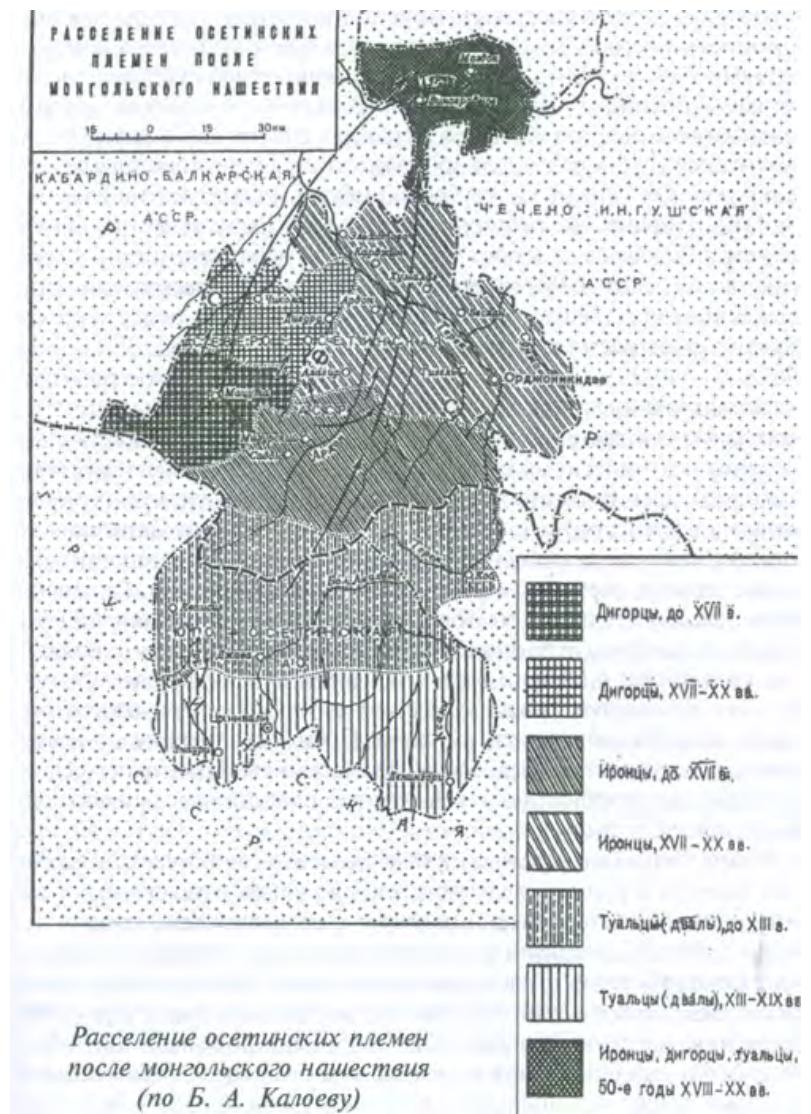
Последнее в особенности акцентировало снова включенный в авторский коллектив В.И. Абаев, настаивавший в своем разделе на том, что «образование осетинской народности рисуется как длительный и сложный процесс, в котором большое значение имело взаимодействие и взаимопроникновение двух этнических групп: североиранской (скифо-сармато-аланской), с одной стороны, и местной, кавказской — с другой». Называя иранский язык победителем, он отмечал, что «культура и быт местного населения сохранили свои старые традиционные кавказские формы» (Бушуев 1959. С. 34).

Однако если память об ираноязычных предках хорошо сохранилась в самых разнообразных письменных источниках, то о местных кавказских предках могла поведать только археология, а ее данные отличались скучностью и фрагментарностью. И все же скифо-сарматским древностям теперь пришлось несколько потесниться перед кобанскими: кобанской культуре в книге отводилось 14 страниц, а аланам — 36 страниц (а вместе со скотами и сарматами — все 40). Характерно, что только повествуя об аланах, авторы книги выходили далеко за рамки Северного Кавказа, и в их поле зрения попадали и Средняя Азия, и Крым, и даже Западная Европа (этот раздел написал Б.В. Скитский). Речь шла о Золотом веке, когда аланы устраивали победоносные походы в Крым и Закавказье и с ними должны были считаться даже могущественные Парфия и Римская империя. Однако гуннское нашествие положило этому конец, и части алан пришлось искать убежище за Кубанью и Тереком. Имелся в виду не только широкий наплыв алан в долины и предгорья Северного Кавказа в V-VII вв., но и их переселение на южные склоны Центрального Кавказа. Иными словами, Скитский не забывал об интересах южных осетин и утверждал, что их предки поселились на территории Южной Осетии еще в раннем Средневековье (Бушуев 1959. С. 45). «Алан», обнаруженных средневековыми авторами в Приэльбрусье и в верховьях р. Кубань, он однозначно связывал с ираноязычными предками осетин; именно они, утверждал он, и обитали первонациально на территории Балкарии под именем «асов». И хотя в VI-VII вв. аланы испытали влияние мощных тюркских империй (см., напр.: Абаев 1949. С. 35-36, 42, 84-85), никаких тюрков на этой территории

Скитский в отличие от Кокиева уже не находил (Бушуев 1959. С. 45-48). Не было в книге и речи о контактах алан с иудеями, о которых когда-то упоминал Абаев (Абаев 1949. С. 36. См. также: Коковцов 1932. С. 116-117) [41].

Особое внимание в книге уделялось Аланскому государству, возникновение которого Скитский датировал X веком, а центр помещал в верховьях р. Кубань на землях асов (Бушуев 1959. С. 55-57). Со ссылкой на археолога Т.М. Минаеву (Минаева 1951) он утверждал, что тогда в верховьях р. Кубань и по Зеленчуку жило этнически однородное население; никаких этнических изменений в течение всей эпохи раннего Средневековья он там не замечал (Бушуев 1959. С. 65). У Скитского не вызывает сомнений, что этот важнейший центр развития аланская культуры был связан «с древней историей осетинского народа» (Бушуев 1959. С. 72). Мало того, к «этнически однородным» аланам он безоговорочно причислял и все памятники салтовской культуры (Бушуев 1959. С. 66-67), в результате чего в Приазовье и Предкавказье вовсе не оставалось места для тюрков — мельком упоминавшиеся им болгары и хазары не находили места на археологической карте Восточной Европы. Принятие аланами христианства объяснялось византийским влиянием, шедшим через Абхазию. Именно оттуда аланы позаимствовали греческую письменность и архитектурный стиль, в котором были выполнены их самые лучшие храмы, расположенные в верховьях р. Кубань (Бушуев 1959. С. 68-71). Знаменитая Зеленчукская надпись трактовалась в книге однозначно как «аланско-осетинская» (Бушуев 1959. С. 32-33, 70). Не считая нужным останавливаться на взаимоотношениях алан с тюрками, рядом с которыми они постоянно обитали в раннем Средневековье, Скитский зато нашел необходимым обратить внимание на их «близкие добрососедские отношения с русским народом» в X-XII вв. В пример, в частности, приводился яс Амбал, служивший ключником у Андрея Боголюбского (Бушуев 1959. С. 79), однако его участие в убийстве своего князя обходилось молчанием. Скитский также не упускал возможности изобразить поход Святослава против хазар как важнейший шаг в деле освобождения народов Северного Кавказа от «тягостного господства» (Бушуев 1959. С. 76-78). Это был, разумеется, ритуальный жест, которого требовала эпоха [42], ибо представленные материалы говорили скорее о спорадических столкновениях между русскими и «ясами», нежели об их горячей дружбе. Не меньше внимания автор уделил и осетино-грузинской дружбе, храня полное молчание о набегах осетин на Грузию на рубеже XIII-XIV вв. и о борьбе с ними царя Георгия V (Бушуев 1959. С. 74-76, 101-104).

Начало упадка алан Скитский связывал с татаро-монгольским завоеванием, причем в духе времени утверждал, что «татаро-монголы установили режим систематического террора» (Бушуев 1959. С. 81). Довершило дело нашествие Тимура, окончательно разгромившего алан и остановившего процесс их прогрессивного развития. Именно после этого аланы окончательно отступили в труднодоступные горные ущелья и их территория резко сократилась. В это время произошло новое переселение алан-осетин на южные склоны Кавказского хребта (Бушуев 1959. С. 84-87). А бывшие аланские земли начали заселять совсем другие племена. Среди них были и балкарцы, поселившиеся в центре бывшей Алании и с XV в. также получившие традиционное для этих мест название алан (Бушуев 1959. С. 87). Это — единственный случай, когда авторы книги вспомнили о тюркоязычных балкарцах. Зато они пространно повествовали об осетино-кабардинских отношениях (Бушуев 1959. С. 104-109). Наконец, следуя указаниям Кулова, Скитский писал теперь о добровольном вхождении Осетии в состав России и отмечал прогрессивную роль этого акта. Он замечал при этом, что фактически Осетия была присоединена к России в составе Кабарды, куда она формально входила в XVIII в. Этой линии в 1950-х гг. придерживались все осетинские историки (см., напр.: Дзокаев, Тотоев 1954. С. 6). Выход рассмотренного издания был позитивно встречен осетинскими историками. При этом критики использовали термин «аланы-осетины», показывая, как следует расставлять акценты, повествуя о происхождении осетин. Кроме того, они сетовали на то, что из-за отсутствия нужных источников в томе слабо был отражен период XV-XVIII вв. (Блиев, Гиоев 1960 а; 1960 б).

В 1960-х гг. археолог Е.И. Крупнов выступил с детальным изложением своего подхода к решению проблем этногенеза кавказских народов, до боли напоминавшего концепцию субстрата, долгие годы защищавшуюся Абаевым. В отличие от многих других советских археологов Крупнов призывал отказаться от распространенного заблуждения, однозначно отождествлявшего язык с культурой. Он считал это грубой ошибкой и ссылался на известные этнографические примеры, шедшие вразрез с этим представлением. Он добавлял, что археологическую преемственность культуры также нельзя безоговорочно трактовать как преемственность языка, не имея на то подтверждений со стороны родственных наук, прежде всего лингвистики (Крупнов 1960 а. С. 378-380; 1967 а. С. 38-39). Сам он был убежден, что выявленное родство материальной культуры на Кавказе позволяет говорить о едином кавказском субстрате, восходящем к общекавказскому («иберо-кавказскому») этническому единству, дожившему до начала раннего железного века. В частности, он находил однородную культурную среду на всем Северном Кавказе от Прикубанья до Дагестана и полагал, что она-то и дала начало адыгам, вайнахам, дагестанцам и даже аланам-осетинам (Крупнов 1960а. С. 384-385). Развивая в дальнейшем эту идею, он отнес эпоху общекавказского этнического родства к неолиту-энолиту, отождествив его с тем субстратом, на котором в III тыс. до н. э. выросли куро-аракская культура и, по его мнению, родственные ей культуры северо-востока и северо-запада (майкопская) Кавказа. Появление этих культур ознаменовало начало распада общекавказского единства, но его следы устойчиво сохранялись и в течение последующих тысячелетий (Крупнов 1963; 1964).

Рассматривая культурный процесс в центральной части Северного Кавказа в раннем железном веке, Крупнов отмечал, что, несмотря на появление здесь ираноязычных степняков, коренной смены материальной культуры не наблюдалось и традиции кобанской культуры оказывались очень живучими. По его словам, «это обстоятельство органически связывает осетинский народ с родной для него кавказ-

ской почвой». Следовательно, доказывал он, осетины были в основе своей коренными кавказцами, по-заимствовавшими язык у пришельцев (Крупнов 1960а. С. 387-391). Но почему это произошло только в центральной части Северного Кавказа? Ведь, несмотря на столь же мощный наплыв кочевников, жители Прикубанья (синды и меоты, предки адыгов) и обитатели Северо-Восточного Кавказа сохранили свои исконные языки. Пытаясь ответить на этот вопрос, Крупнов предполагал, что там местная языковая среда оказалась, видимо, более устойчивой в связи с тем, что местные языки были более развитыми и более богатыми, чем в центральной части Северного Кавказа (Крупнов 1960а. С. 393-395) [43]. Что же касается термина «алан», то, по словам Крупнова, пришедшие из степи иранцы наградили им самые разные племена, вошедшие в аланско-кавказское единство, — среди них были не только предки осетин, но и чеченцы, ингуши, адыги (Крупнов 1960а. С. 392; 1961. С. 43). Многие из этих рассуждений имели достаточно прочные научные основания. Однако они вряд ли могли воодушевить осетинских авторов, ибо это не только лишало их славных ираноязычных предков, но наделяло их вовсе уж ущербными кавказскими предками с «недоразвитым» языком [44].

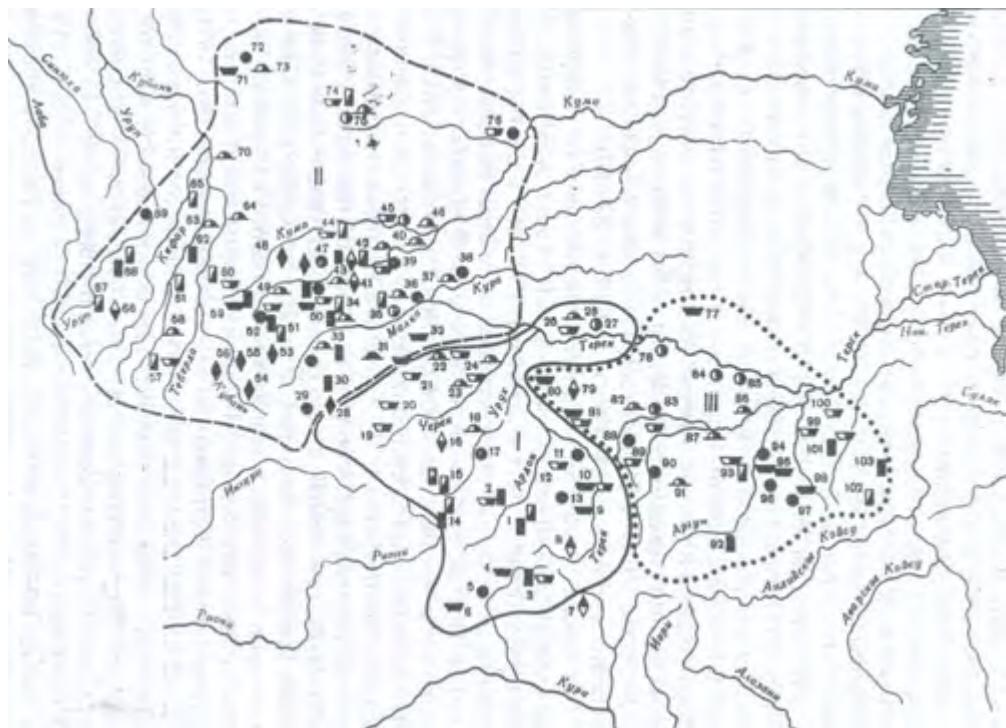
Следовательно, к началу 1960-х гг. сложились два принципиально разных подхода к решению вопроса о происхождении осетин: один из них исходил прежде всего из языковой идентичности осетин и называл их главными предками ираноязычных кочевников раннего железного века, другой делал акцент на культурном факторе, в соответствии с которым предками осетин оказывались местные кавказские аборигены, перешедшие на принесенный извне иранский язык (ко второму подходу тяготела и концепция языкового субстрата Абаева). Первый подходкоренился в дореволюционной националистической осетинской историографии, а его возрождению способствовала советская внутренняя политика конца 1930-х — 1940-е гг., особенно депортация ряда северокавказских народов, что заставляло осетин всячески дистанцироваться от своего кавказского культурного наследия. Второй подход был связан с советской идеологией интернационализма, культивировавшейся в первой половине 1930-х гг., когда было принято подчеркивать родство соседних народов.

Оба подхода нашли свое выражение на научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин, происходившей в Орджоникидзе 6-8 октября 1966 г. по инициативе Северо-Осетинского НИИ при Совете министров СО АССР и Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. В ней принимали участие более тридцати специалистов из обеих Осетий, соседних кавказских республик, а также из Москвы и Ленинграда. Все они были согласны в том, что осетины возникли из смешения двух компонентов — местного кавказского и пришлого иранского. Разногласия касались лишь относительной роли того или иного компонента в становлении осетинского народа, но именно этот вопрос вызвал оживленную полемику, оказавшись едва ли не центральным для идентичности как осетин, так и их соседей.

Подчеркивая преемственность материальной культуры и физического типа, отмечавшуюся на Северном Кавказе с доскифского времени, Е.И. Крупнов отводил первостепенное место аборигенному кавказскому элементу. Он доказывал, что нашествия степных кочевников не привели к полной смене населения; они лишь наделили его своим иранским языком. Он писал: «Можно полагать, что пришельцы-кочевники лишь политически подчинили себе местную этническую среду, сами перешли на новые оседлые формы хозяйства и восприняли материальную культуру и быт аборигенов» (Крупнов 1967а. С. 33). Обращаясь к этнографии, он отмечал живучесть кобанских мотивов в традиционной бытовой культуре северокавказских народов, включая осетин. Тем самым, заключал он, «и материальная, и духовная культура осетинского народа недавнего прошлого формировалась на местной кавказской основе» (Крупнов 1967а. С. 36. См. также: Кузнецова 1962. С. 114-119; 1992. С. 219-220; Алексеева 1967). Это казалось ему неопровергимым доказательством прежде всего кавказского происхождения осетин, и он отмежевал идею об их якобы прямой генетической связи со скифами или сарматами.

Напротив, придавая первостепенное значение языковому фактору, южноосетинский историк Ю.С. Гаглоити делал все возможное для углубления истории ираноязычия на Кавказе. Ему представлялось важным доказать, что начиная с киммерийцев и скифов, т.е. задолго до алан, ираноязычные кочевники постоянно появлялись на Кавказе. При этом он подчеркивал два важных момента: во-первых, они, по его мнению, продвигались на юг через перевалы именно Центрального Кавказа, а во-вторых, оседали на склонах Северного Кавказа. В итоге основными компонентами формирования осетин оказывались ираноязычные племена — вначале скифы, затем аланы. Кроме того, он настаивал на том, что аланы обитали в Предкавказье много раньше, чем стал известен сам термин «аланы». По его словам, «начиная, по крайней мере, с VII в. до н. э., когда часть скифов прочно обосновалась на Северном Кавка-

зе, мы сталкиваемся в этом районе с непрерывной цепью ираноязычных племен, остатком которых являются современные осетины» (Гаглойти 1967. С. 86).

Три варианта Кобанской культуры Кавказа (по В.И.Козенковой)

Интересно, что если Крупнов, наряду с выступавшими на сессии физическими антропологами (Абдушлишили 1967. С. 141; Алексеев 1967; Шарашидзе 1967. См. также: Герасимова 1994), обосновывал принадлежность осетин к местным кавказцам ссылкой на антропологические материалы (Крупнов 1967а. С. 32-33, 40-41), то Гаглойти использовал те же самые данные для доказательства прямо противоположной идеи (Гаглойти 1967. С. 89-92). Кроме того, возражая Крупнову и Кузнецовой, Гаглойти писал, что «преемственность в развитии материальной культуры на данной территории не является еще доказательством непрерывности развития на той же территории одного и того же этноса». Культурные сходства осетин с окружающими народами он объяснял не этническим родством, а сходной адаптацией к физико-географическим условиям и уровнем социального развития (Гаглойти 1967. С. 88-89).

Тем самым в концепции Гаглойти ираноязычие на Северном Кавказе обретало запредельную древность — ведь он относил его появление к II тыс. до н. э. (Гаглойти 1967. С. 96), и для претензий осетин на автохтонный статус кавказский субстрат оказывался ненужным. Правда, отдавая должное советской «дружбе народов», Гаглойти еще не отваживался полностью от него отказываться. Его позиция нашла определенную поддержку в выступлении ленинградского эпиграфиста Г.Ф. Турчанинова, прямо называвшего древнюю восточноиранскую речь не скифской или сарматской, а осетинской. Тем самым, по его словам, осетинский язык существовал едва ли не с самого начала раннего железного века. К тому же времени он относил и возникновение осетинской письменности на арамейской основе. Никакой разницы между аланами и «средневековыми осетинами» он не видел (Турчанинов 1967; 1971. С. 43-67; 1990). Вместе с тем выступавшие на сессии археологи убедительно продемонстрировали всю сомнительность попыток утверждать широкую распространенность ираноязычия на Северном Кавказе в раннем железном веке (Виноградов 1967. С. 179-185; Алексеева 1967. С. 257; Абрамова 1967; Крупнов 1967 б. С. 318. См. также: Виноградов 1972. С. 285-294), но Гаглойти упорно стоял на своем (Гаглойти 1975).

Вслед за Гаглойти уже известный нам осетинский лингвист К.Е. Гагкаев также стремился всячески преуменьшить роль кавказского субстрата в этногенезе осетин (Гагкаев 1967). В свою очередь, историк Т.Н. Кибизов утверждал, что иранцы были основным компонентом в этногенезе осетин в силу своей многочисленности (Кибизов 1967). Того же мнения придерживалась и археолог Л.Г. Нечаева (Нечаева 1956; 1972. С. 286-288). Разделяя эту позицию и выражая недовольство мнением антропологов, заведующий кафедрой истории СССР Северо-Осетинского государственного педагогического института профессор М.С. Тотоев (1910-1979) напоминал Крупнову, что в начале 1950-х гг. тот отстаивал концеп-

цию, прямо противоположную той, которую он излагал на сессии 1966 г. (Тотоев 1967 б). Крупнов с этим не согласился и еще раз призвал осетин не отказываться от богатого наследия кобанской культуры и не искать своих основных предков за пределами Кавказа (Крупнов 1967 б. С. 317).

Кабардинский историк Т.Х. Кумыков отмечал политическую актуальность занятой Крупновым позиции и пенял «аланской теории» на ее несоответствие «интернациональному воспитанию трудящихся» (Кумыков 1967). В то же время в эти годы в «интернационалистическом» подходе некоторые представители нерусских этнических групп усматривали попытку стереть с лица земли этническое многообразие, обезличить этнические культуры. Именно в этом В.И. Абаев упрекал Е.И. Крупнова (Абаев 1967 а. С. 16-17), отстаивавшего, как мы знаем, идею древнего общекавказского культурного и этнического единства (Крупнов 1963; 1964; 1966; 1967. С. 28). Если для Крупнова в таком единстве виделось основание для советской дружбы народов, то Абаев усматривал в нем намек на культурную унификацию, угрожающую неповторимому культурному облику местных нерусских народов. И нет никаких сомнений, что тем самым Абаев бросал дерзкий вызов советской установке 1960-1970-х гг. на формирование «новой исторической общности — советского народа».

Сессия выявила не только отмеченное выше расхождение между «националистическим» и «интернационалистическим» подходами, но и разногласие в понимании сути самой аланская общности. Если для осетинских ученых она выглядела бесспорным культурно-языковым единством и на этом весьма энергично настаивал Абаев (Абаев 1967а. См. также: Гаглоити 1967. С. 81-83; Кулаев 1967; Гуриев 1967), то некоторые другие специалисты (Крупнов 1960а. С. 392; 1961. С. 43; Кузнецов 1962. С. 132; 1967. С. 63; Алексеева 1967) рассматривали алан как конгломерат разных по происхождению племен. Сторонниками второго подхода оказались, в частности, соседи осетин, желавшие видеть в составе аланского племенного союза и своих собственных предков (Лайпанов 1967; Чеченов 1967. С. 241; Кумыков 1967; Умаров 1975). Для них оба положения — о значительной роли кавказских аборигенов в формировании осетин и о гетерогенном составе аланская общности — представлялись важным символом и залогом дружбы северокавказских народов. Кроме того, признание алан гомогенной этнической общностью автоматически делало значительные территории Северного Кавказа историческим наследием осетин и создавало психологический дискомфорт их соседям, лишая их статуса «коренного населения». Ведь в СМИ время от времени публиковались сообщения о великолепных аланских памятниках на территориях соседних с Северной Осетией республик, где такие памятники связывались с историей осетин (Польская 1960).

Видимо, с этой точки зрения следует рассматривать и ведущийся вот уже около четырех десятилетий спор о языковой принадлежности знаменитой Зеленчукской надписи XI в., оставленной аланами. Помимо осетин ее авторство оспаривают четыре других северокавказских народа — кабардинцы (Кафов 1963. С. 4-23), чеченцы (Вагапов 1980; Хизриев 1992 б), карачаевцы (Хаджилаев 1970. С. 9-12; Байрамкулов 1996. С. 202-204; Ахматов, Койчуев, Лайпанов 1997; Тебуев, Хатуев 2002. С. 72) и балкарцы (Алишев 1988). Недавно в этот спор включился и татарский автор из Кыргызстана, убежденный в том, что надпись надо читать по-турецки (по-ногайски) (Фаттахов 1990; 1995. С. 130). Все это вызывает досаду у специалистов, неоднократно указывавших на то, что надпись уже давно и вполне надежно идентифицирована как древнеиранская (Лавров 1966. С. 17; Турчанинов 1967. С. 271; Гуриев 1967. С. 299-300; 1995. С. 18; Чеченов 1988. С. 5; Алексеева 1990. С. 31, примеч. 27; Виноградов 1991; Кузнецов 1992. С. 273; 1997. С. 50; Кузнецов, Чеченов 2000. С. 80-83).

Интересно, что из всех участников рассматриваемой сессии лишь В.И. Абаев (Абаев 1967а; 1967 б) и Б.А. Калоев (Калоев 1967; 1971. С. 15, 18-31) пытались отстаивать сбалансированный подход, учитывавший равным образом как большой вклад скифо-сарматских племен в формирование осетин, так и влияние местного кавказского субстрата (Исаев 2000. С. 51-52). В частности, Абаев с сожалением отмечал наблюдавшуюся у некоторых осетинских филологов тенденцию полностью игнорировать кавказский субстрат или принижать его роль (Абаев 1967а. С. 18-19). Ведь именно в середине 1960-х гг. появились интересные лингвистические аргументы, свидетельствующие о реальности такого субстрата. Кабардинский лингвист нашел в осетинском языке и фольклоре адыгские субстратные элементы (Балков 1965. С. 79-95), а чеченский установил широкий ареал древней вайнахской топонимики, захватывавший Осетию и достигавший на западе Балкарии (Чокаев 1964). Хотя все это требует уточнений, имеются все основания верить в продуктивность поиска в осетинском языке субстрата, связанного с языками северокавказской языковой семьи [45].

Но, как мы знаем, к игнорированию субстратных явлений осетинских ученых склоняли, во-первых, установка, выработавшаяся в начале 1950-х гг. в ходе борьбы с марризмом, а во-вторых, как мы увидим далее, напряженные отношения с ингушами, вернувшимися из депортации и требующими восстановления своих прав [46]. В частности, еще за несколько лет до рассмотренной сессии североосетинский лингвист Т.А. Гуриев отказывался от абаевской трактовки термина *ir*. Ведь, хотя Абаев выдвинул веские аргументы в пользу того, что по лингвистическим законам в своем развитии агуана может давать только *allon*, а не *ir* (Абаев 1958. С. 545-546), оставалась возможность, что агуа преобразовалось в *ir* в не-осетинской среде и затем в такой форме вернулось к осетинам (Ахвlediani 1960. С. 33). Поэтому Гуриев возвращаясь к утверждению о его генетической связи с термином агуа. В его представлении, осетинская общность сформировалась на основе главным образом ираноязычных алан; роль местных племен в этом оказывалась незначительной (Гуриев 1962; Созаев 2000. С. 41-42).

Сколь бы горячими ни выглядели выступления отдельных докладчиков и сколь бы ни были велики расхождения между разными позициями, рассмотренная сессия приняла достаточно умеренную компромиссную резолюцию. В ней говорилось о том, что «участники сессии пришли к выводу об участии в этногенезе осетин двух основных компонентов — скифо-сармато-аланского и кавказского» (Резолюция 1967). Между тем ничего нового в этом выводе не было; он разделялся многими советскими специалистами задолго до сессии. Очевидно, итоги сессии вряд ли смогли удовлетворить национальные

Поэтому в школьном учебном пособии, выпущенном Северо-Осетинским государственным педагогическим институтом в 1968 г., осетины связывались генетически с ираноязычными кочевниками (скифами, сарматами), а их непосредственными предками назывались аланы. Эта книга была подготовлена в соответствии с приказом министра просвещения РСФСР от 4 ноября 1959 г., где говорилось о необходимости школьного изучения истории местного края и особенно истории автономных республик. В написании учебника участвовали сотрудники Северо-Осетинского государственного педагогического института и Северо-Осетинского научно-исследовательского института, в основном осетины. Из 250 страниц учебного пособия 25, т.е. 10 %, были посвящены древности и раннему Средневековью. Эти страницы отводились прежде всего для описания славной истории алан, представлявшихся единым гомогенным народом, предками осетин. Предков балкарцев или вайнахов среди них авторы пособия не обнаруживали. Говорилось о том, что скифы смешивались с кобанцами, но скифо-сарматское наследиеказалось авторам не в пример важнее. Отвечая призыву центральной власти воспитывать у школьников интернационализм, авторы пособия писали об одних лишь дружественных контактах и взаимоотношениях алан, а затем и осетин с соседними народами в течение веков. Особенно подчеркивалась их солидарность в общей борьбе за независимость и против феодального гнета (Тотоев 1968. С. 5-29). Болезненный вопрос о добровольности вхождения Осетии в состав России авторы искусно обходили, утверждая, что это произошло автоматически после того, как Турция подтвердила права России на Кабарду, которой тогда и принадлежала Осетия. Все же, по их словам, осетины встретили это «с удовлетворением» (Тотоев 1968. С. 41). Правда, вскоре началась череда крестьянских восстаний против феодального гнета и царского режима (Тотоев 1968. С. 43-55).

Аналогичная версия происхождения и ранней истории осетин содержалась и в пособии по этнографии осетин, предназначавшемся для школьных факультативных занятий по краеведению. В нем изложение этнографических материалов предварялось экскурсом в историю осетин до Октябрьской революции. Почти две трети соответствующей главы (25 страниц из 41) были посвящены блестящему прошлому скифов, сарматов и алан. И хотя упоминался процесс смешения пришлых ираноязычных кочевников с аборигенами, подчеркивалась «генетическая связь» осетин со скифами и постоянно говорилось не об аланах, а об «аланах (осетинах)». Тем самым аланы представлялись единой этнической общностью, доминировавшей в раннем Средневековье над остальными народами центральной части Северного Кавказа, и аланское прошлое прочно закреплялось за осетинами (Магометов 1970. С. 9-48).

В частности, осетины постоянно подчеркивали, что это их предки создали нартский эпос и познакомили с ним своих соседей (см., напр.: Магометов 1982. С. 53; Джоев 1982 б; Дзиццойты 1992). Это, однако, не встречало понимания у последних, и они всячески доказывали самобытность своего собственного нартского эпоса (см., напр.: Эльмурзаев 1964. С. 135; Мальсагов 1970. С. 21).

Укреплению «националистической» версии древней истории осетин способствовали работы лингвиста Г.Ф. Турчанинова (1902-1989), всеми силами стремившегося доказать наличие у предков осетин письменной традиции как на заре эпохи Средневековья, так и в еще более ранний период. Турчанинов родился в 1902 г. в Петербурге. В молодости он увлекся лингвистическими теориями Н.Я. Марра,

казавшимися тогда новаторскими и прогрессивными. Познакомившись с Марром в 1928 г., он по его совету пошел учиться на славяно-русское отделение факультета языка и материальной культуры ЛГУ. По окончании университета он в 1930 г. поступил в аспирантуру, а в следующем году получил работу в Яфетическом институте (Институте языка и мышления с 1932 г.), который основал и возглавлял Марр. Марр поручил ему заняться кабардинским языком. С 1934 г. Турчанинов проводит научные исследования в Кабардино-Балкарии, а в 1936–1940 гг. работал над составлением грамматики кабардинского языка. В предвоенные годы он руководил работой по изучению кабардинских диалектов, но все материалы этих экспедиций погибли вместе с архивом Кабардино-Балкарского НИИ во время немецкой оккупации. С большим трудом Турчанинову удалось во время спешной эвакуации спасти некоторые материалы о кабардинской культуре и истории.

После войны Турчанинов снова работал в Ленинграде, но лингвистическая дискуссия 1950 года, направленная против учения Марра, привела к гонениям на его чересчур преданных учеников. Тогда Турчанинов на время потерял любимую работу, и ему пришлось сменить несколько профессий (преподавание в Майкопском учительском институте, работа библиотекарем в Библиотеке АН СССР и пр.), прежде чем он в 1958 г. был снова зачислен в штат Ленинградского филиала Института языкознания АН СССР. В 1966 г. он защитил докторскую диссертацию по филологии народов Северного Кавказа (Турчанинов 1982).

Изучением эпиграфики Турчанинов впервые занялся в 1944 г. По его собственным словам, он верил, что малочисленные народы Кавказа должны были в прошлом делать попытки создать свою письменность (Турчанинов 1982. С. 9). И он прилагал все усилия, чтобы обнаружить следы этой подвижнической деятельности.

Впервые он заинтересовался проблемой древней осетинской письменности в конце 1950-х гг. в связи с изучением найденного в окрестностях Сухуми сердоликового украшения (инталии) позднеантичного времени, хранившегося в Эрмитаже. Внимание ученых к этой находке привлек Р.В. Кинжалов, отметивший типично античную стилистику изображений на камне и датировавший его последней четвертью III — первой четвертью IV в. Однако ему не удалось прочесть надписи, выполненные греческими буквами, и он предположил, что они означали имена изображенных на камне персонажей (Кинжалов 1960). Турчанинов же смело прочел их по-осетински, причем на иронском диалекте. Будь его чтение правильным, это означало бы, что осетинский язык разделился на диалекты еще к концу античного времени, что уже тогда аланы имели письменность, а их территория достигала на юге раннесредневековой Абазгии (Турчанинов 1960 в; 1971. С. 101–103).

В 1959 г. Турчанинов обрадовал осетин новой находкой. За два года до этого экспедиции Северо-Осетинского краеведческого музея, обследовавшей средневековое кладбище в Трусовском ущелье в горном Казбековском районе Северной Грузии, посчастливилось обнаружить каменное надгробье с загадочными знаками. За чтение надписи взялся Турчанинов, определивший ее как осетинскую, записанную сирийско-несторианским письмом. Надпись датировалась 1637 годом по несторианскому стилю, что означало 1326 год по греко-православному календарю (Турчанинов 1960а). Правда, осетинские этнографы, объявившие в прессе об этом открытии, не поняв этой тонкости, датировали надпись XVII веком. Тем не менее они определяли ее как ценное свидетельство высокой культуры осетин в труднодоступном ущелье в самом сердце Кавказа (Калоев 1959; Кулов 1959). Позднее осетинский лингвист добавил, что надпись служила важным документом о приходе осетин в горы Грузии сразу же после монгольского завоевания (Гагкаев 1982. С. 37). Действительно, будь Турчанинов прав, его открытие могло бы служить южным осетинам веским аргументом в их территориальном споре с грузинами (об этом см.: Шнирельман 2003. С. 471–503). Между тем для Турчанинова значение надписи определялось вовсе не этим. Ведь из нее следовало, что несториане жили в Средние века в глубинах Кавказа, что средневековые осетины пользовались не только греческим (Зеленчукская надпись), но и сирийско-несторианским письмом, а судя по найденной Турчаниновым приписке к надписи, им была известна еще и пехлевийская письменность. Все это было ново и необычно, возбуждало воображение (Турчанинов 1960 а; 1960 б). Однако возникало и немало вопросов о том, почему ранее не было ничего известно об осетинском несторианстве и как вглубь Кавказа попало пехлевийское письмо (оно встречалось в Дербенте до VII–VIII вв., но ни позднее, ни севернее не фиксировалось). К сожалению, с тех пор все эти вопросы так и не получили ответа, а построения Турчанинова не были подтверждены ни одним исследователем.

Тогда же Турчанинов выступил на заседании лингвистического отделения Северо-Осетинского НИИ с сенсационным сообщением об обнаружении в Подонье в средневековом Саркеле (Белой Веже)

аланских надписей, выполненных «арамейско-еврейским шрифтом» (Хроника 1962). В дальнейшем, развивая эту идею, он утверждал, что эта «аланская письменность» заложила основу более поздним письменным традициям ряда других народов, в частности докириллическому восточнославянскому письму. Он даже настаивал на том, что хазары и касоги (предки адыгов) позаимствовали письменность у алана (Турчанинов 1971. С. 66-99; 1990. С. 31-33, 78-102). Мало того, взявши ся за разгадку тайны знаков на сосудах степных культур позднебронзовой эпохи (срубной и андроновской), Турчанинов не только смело «читал» их по-осетински, но и омолодил их на несколько веков, полностью игнорируя датировки, полученные археологами. Встречая недоверчивое отношение других ученых к своим интерпретациям, он сетовал на «скепсис и недоверие», распространенные в научном мире (Turchanyanov 1971. С. 43-59; 1990. С. 8-16). Действительно, отдавая должное его самоотверженному труду, другие специалисты отмечали небесспорность и даже неубедительность его построений, а также его нетерпимость к мнению своих коллег, проявлявших здравую настороженность в отношении «необузданной фантазии» (Лавров 1966. С. 18: Исаев 1990: Кузнецова, Чеченов 2000. С. 76-78).

Любопытно, что Турчанинов призывал отказаться от деления древних ираноязычных кочевников на киммерийцев, скифов, сарматов. Для него все они были носителями «древнеосетинской речи», или попросту «древними осетинами». Нет сомнений, что все эти построения существенно повлияли на ту версию древней осетинской истории, которая отказывалась от теории субстрата и отдавала приоритет древним ираноязычным кочевникам. Действительно, некоторые осетинские филологи провозгласили Турчанинова создателем северокавказской эпиграфики, отмечали его «неоценимый вклад» в развитие осетинских исследований и называли его «открывателем древней и средневековой осетинской письменности» (Джиоев 1982а; Гагкаев 1982). Надо ли говорить, что при обсуждении его эпиграфических работ они вовсе не упоминали о том, что у его оппонентов было иное мнение об этом?

Глава 7. Дружба народов

Официально в 1960-х — начале 1980-х гг. в республике по-прежнему процветала дружба народов, и чтобы придать ей дополнительную материальность, в г. Орджоникидзе был торжественно открыт монумент дружбы. Решение о сооружении в столице Северной Осетии мемориала в честь 200-летия ее «добровольного» вхождения в Россию было принято Советом министров РСФСР в декабре 1974 г., и памятник был торжественно открыт 24 апреля 1982 г. (Бетоева. Бирюкова 1991. С. 861, 885-886). Тем самым была отдана дань официальной идеологии, требовавшей крепить дружбу народов и подчеркивать добровольность присоединения северокавказских народов к России. Во имя этой «дружбы» осетинские власти время от времени устраивали кампании борьбы с «буржуазным национализмом». Одна из них была развернута по инициативе Северо-Осетинского обкома КПСС в 1973 г., и среди ее жертв оказались некоторые осетинские писатели и ученые (Дзидзоев 1995. С. 38-40).

В то же время историки, и в особенности археологи, открывали все более богатые пласти древней и средневековой истории, свидетельствовавшие о том, что история местных народов начиналась отнюдь не с их вхождения в состав России и что они имели славное прошлое задолго до установления советской власти. В частности, усилиями археологов было изучено множество аланских памятников, неизменно вызывавших большой интерес у осетинской общественности. В 1976 г. газета «Социалистическая Осетия» сочла необходимым поместить статью местного археолога В.А. Кузнецова, где говорилось об остатках аланского городища и могильников VII-IX вв., обнаруженных на территории кирпично-го завода, расположенного на окраине г. Орджоникидзе. Следовательно, история города начиналась во-все не с русской крепости, основанной на его месте в 1784 г., а на тысячу лет раньше (Кузнецов 1976).

Влечение осетин к своему далекому прошлому проявилось в том, что в 1960-1970-х гг. в осетинской литературе и драматургии впервые появился живой интерес к истории. Одним из первых произведений об Алании стала трагедия Г. Плиева «Сослан-Царазон», созданная в 1968 г. За ней последовала целая серия исторических романов (Хадарцева 1995. С. 100). Социологические исследования, проведенные в 1980-х гг., показали, что такая литература пользовалась небывалым спросом у студентов Владикавказа (Бадальян, Костюченко 1993. С. 75).

Как уже отмечалось, итоги конференции 1966 г. оставили у многих ее участников чувство неудовлетворенности. 12-13 октября 1971 г. по инициативе СО НИИ в Орджоникидзе состоялась специальная археологическая конференция, ставившая своей задачей более четко определить культурную

принадлежность северокавказских памятников эпохи раннего Средневековья, чтобы проследить процессы проникновения алан на Северный Кавказ, особенности их смешения с местными обитателями и взаимоотношения с соседними группами местного населения. Для этого главный организатор конференции В.А. Кузнецов попытался ввести более строгий подход к идентификации аланских древностей, отказавшись от чересчур инклузивного, на его взгляд, подхода Е.И. Крупнова, приписывавшего аланам весьма разнообразные погребальные сооружения (Крупнов 1946. С. 35; 1960. С. 359). Кузнецов признавал, что в прошлом этим грешили и его собственные работы (см., напр.: Кузнецов 1962. С. 12, 118). Теперь же он предлагал связывать с аланами только катакомбные (земляные или скальные) и подбойные погребения, в которых он усматривал устойчивую характеристику аланской культуры, долго сохранявшуюся даже вопреки условиям горной местности (Кузнецов 1975. С. 24–25, 29). Однако вскоре обнаружилось, что и катакомбные погребения не были строго связаны с аланами (Абрамова 1978). На беду археологов, строгости погребального обряда не было и у сарматов. Говоря о проникновении сарматов на Северный Кавказ к рубежу н. э., ведущий советский специалист по сарматской археологии К.Ф. Смирнов подчеркивал, что «многообразие форм погребальных сооружений у сарматов... вероятно, говорит о большой сложности происхождения сарматов от различных родоплеменных групп, в основном ираноязычных или со временем перешедших на иранский язык» (Смирнов 1975. С. 15. См. также: Нечаева 1956. С. 19).

Как бы то ни было, В.А. Кузнецов отмечал постепенность процесса проникновения алан на Северный Кавказ — до V в. н. э. они все еще занимали его предгорно-равнинную часть, и лишь в V–IX вв. отмечалось их широкое распространение в горной области. Их интенсивное смешение с местными горцами Кузнецов относил к эпохе Аланского государства, а завершение этого процесса датировал послемонгольским временем (Кузнецов 1975). Некоторые археологи даже выступили с предположением о медленных изменениях аланской погребальной обрядности в горах: погребения в скальных катакомбах со временем сменились устройством каменных ящиков и склепов, сходных с теми, которыми пользовались кавказские аборигены. По этой версии, такой процесс происходил в горах в X–XIV вв. (Кузнецов 1975. С. 29–31; Нечаева 1972. С. 282–288: 1975. С. 38–39; Уарзиати 1985. С. 93). По мнению этнографа Б.А. Калоева, о том же говорили некоторые фольклорные материалы (Катаев 1971. С. 226). Правда, Е.И. Крупнов, убежденный в исключительно местном и гораздо более древнем происхождении склеповой архитектуры, этого не поддерживал (Крупнов 1971. С. 81). Но, по мнению Л.Г. Нечаевой, он включал в категорию склепов такие погребения, которые по формальным критериям им не соответствовали (Нечаева 1972).

Вместе с тем само по себе определение специфики погребальных сооружений не снимало вопрос об этнической принадлежности тех археологических материалов, которые археологи обычно приписывали аланам. Чеченские археологи утверждали, например, что в аланскую эпоху на территории Чечено-Ингушетии как в горах, так и на плоскости обитали предки вайнахов (Багаев 1975; Умаров 1975), хотя Кузнецов включал Терско-Сунженскую равнину в восточный ареал аланской культуры (Кузнецов 1962). В свою очередь, балкарский археолог И.М. Мизиев высказал соображение о том, что западных алан следовало бы отождествлять с тюркоязычными балкарцами (Мизиев 1975).

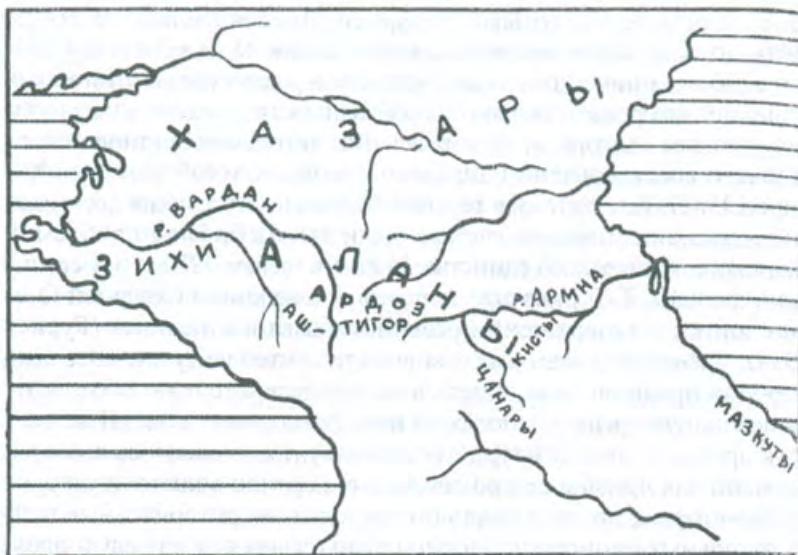
Иными словами, у соседей осетин наблюдалось очевидное желание перенести современную этническую ситуацию на раннесредневековую древность: в их устах, западные аланы оказывались тюркоязычными балкарцами, а восточные — вайнахами. Почувствовавший эту опасность осетинский историк Ю.С. Гаглоити выступил с возражениями против стремления археологов дробить аланскую культуру на локальные варианты. Он усмотрел в этом «попытку придать понятию аланской культуры расплывчатый характер». В то же время он снова выступил с предположением о древних корнях ираноязычия на Северном Кавказе (Гаглоити 1975. С. 94). В этом его поддержал осетинский археолог В.Х. Тменов, поставивший вопрос о том, что кобанцы Центрального Кавказа «издревле обладали рядом черт иранства» (Тменов 1975. С. 103).

Три варианта аланской культуры Северного Кавказа (по В. А. Кузнецову 1962)

Для понимания сути позиций заинтересованных сторон следует учитывать полное различие их помыслов, выходивших далеко за пределы науки. Как отмечалось выше, у осетин не было собственного инклюзивного термина для описания всей своей общности: название «осетины» было дано им русскими и грузинами, а сами себя они называли тремя разными терминами — иронцы (восточные осетины), дигорцы (западные осетины) и туальцы (южные осетины). При этом за годы существования югоосетинской автономии в составе Грузии у южных осетин нарастали культурные отличия от северных (Дзуцев 1975 в. С. 133). Не было полного единства и между иронцами и дигорцами — во-первых, у них издавна имелись земельные споры: во-вторых, в отличие от иронцев, у дигорцев в прошлом был силен ислам; в-третьих, литературный осетинский язык был создан на основе иронского диалекта, и дигорцы видели в этом ущемление своих прав. Поэтому с января 1921 г. по апрель 1922-го существовал отдельный Дигорский округ, тут же затеявший земельную тяжбу с Владикавказским округом. Вопрос был решен слиянием обоих округов в 1922 г., но трения между дигорцами и иронцами сохранялись и позднее (Бугай, Мекулов 1994. С. 132; Даудов 1997. С. 157-163).

На сессии 1966 г. обнаружилось стремление ряда специалистов вычленять внутри крупных археологических культур локальные варианты, за которыми они пытались видеть отдельные племенные общности. Когда-то этот подход уже встречался в «Очерках» Кокиева и ранних работах Абаева. Но к 1960-м гг. для этого появились новые лингвистические и археологические основания. В своем выступлении Абаев говорил о гораздо более глубоких расхождениях между иронским и дигорским диалектами, чем казалось ранее, — он предполагал, что они могли наметиться еще в недрах скифо-сарматской языковой среды и что «дигорская» миграция могла происходить отдельно и предшествовать «иронской» (Абаев 1967 а. С. 21). Кузнецов пытался подкрепить это предположение археологическими данными (Кузнецов 1962; 1967) [47]. Развивая в 1990-х гг. свой дифференцированный подход, он разделял аланский массив на Северном Кавказе, во-первых, на собственно алан в предгорьях и на равнине (катаомбные могильники IV-XII вв.) и три варианта «горнокавказской культуры» в горах, а во-вторых, на алан в верховьях Кубани и асов в верхнем течении Терека. Разумеется, речь шла о гетерогенном населении, получившем инклюзивное название «аланы» в поздний период — очевидно, после возникновения Аланского царства. Однако, как настаивал Кузнецов, даже ираноязычные «аланы» не представляли какой-либо единой нерасчлененной массы. Он делил их на две более или менее четкие общности, из которых лишь восточная, смешавшаяся с кавказскими аборигенами, дала жизнь осетинскому народу (Кузнецов 1999 б).

Аланы на Кавказе

В свою очередь, Крупнов уверенно делил кобанскую культуру на три локальных варианта (Крупнов 1967а. С. 28-29), что позволяло искать корни такого разделения едва ли не в бронзовом веке. Еще дальше шел Турчанинов, заявлявший, что ему удалось дешифровать надписи времен «срубной культуры», якобы связанные с диорским диалектом осетинского языка (Турчанинов 1971. С. 44; 1990. С. 9, 49-51). Однако, оперируя хорошо датированными археологическими материалами, Турчанинов произвольно менял даты интересующих его предметов, не считаясь с мнением археологов. И, видимо, не случайно мало кто из советских специалистов, включая осетинских, заинтересовался его «открытиями». Даже редактор одной из его последних книг, известный лингвист М.И. Исаев, назвал его работу «небесспорным трудом», основанным на весьма скучных материалах. Это, разумеется, вызывало у Турчанинова досаду (Турчанинов 1990. С. 16-17).

В годы интенсивной русификации и нивелировки этнических культур, когда отдельные этнические группы были озабочены сохранением символов своей самобытности, научные споры не могли оставить безучастными диорцев. Действительно, в конце 1980-х гг. среди них вновь вспыхнули надежды на обретение своего особого этнического лица. Появились разговоры об этнических отличиях диорцев от осетин, о необходимости учитывать в паспортах этноним «диорец», об учреждении диорских органов печати и даже о восстановлении диорской автономии (об этом см.: Хачиров 1989). Вот почему в течение последних советских десятилетий многие осетинские ученые были так озабочены проблемой аланско-этнического единства. И еще в начале 1970-х гг. осетинский филолог Т. Гуриев ставил перед руководством Северной Осетии вопрос о возвращении осетинам названия «аланы» (Гуриев 1994). В свою очередь, как мы видели, интеллектуалы соседних народов предпочитали видеть в аланах гетерогенную общность, включавшую предков многих из них. Во-первых, возведение всех их к древнему этнокультурному единству представлялось хорошей основой для дружбы северокавказских народов в настоящую эпоху. Во-вторых, это позволяло подкреплять территориальные права отдельных национальных республик ссылками на седую древность — ведь представление о гомогенной аланской общности заставляло уступать все плоскостные земли древним иранцам и их прямым потомкам, которыми считали себя осетины.

Поэтому аланская проблема имела большое политическое значение. Власти, стремившиеся всеми силами пресекать любые проявления местного национализма, хорошо это понимали. В 1984 г. в Орджоникидзе вышла книга В.А. Кузнецова «Очерки истории алан», но, несмотря на высокий спрос, она так и не появилась на прилавках книжных магазинов. Ее тираж был арестован, ибо местные власти сочли ее подрывающей дружбу кавказских народов. Еще до публикации рукопись этой книги попала на рецензию археологу из Грозного В.Б. Виноградову, к тому времени уже прославившемуся своими публикациями о «добровольном» вхождении Чечни в состав России и отрицающему понятие «Кавказская война» [48]. Проявив «бдительность», он сообщил о «порочности» книги Кузнецова первому секретарю Северо-Осетинского обкома В.Е. Одинцову [49] и начальнику КГБ СО АССР генералу Гусеву.

Назначенный на свою должность после осенних волнений 1981 г. (см. ниже), Одинцов был особенно чувствительным к «проявлениям национализма». Между тем скандал придал книге дополнительный вес, и она поступила со склада на черный рынок, где, несмотря на высокую цену, ее охотно раскупали. В городе состоялось собрание общественности, где участвовавший в нем секретарь Северо-Осетинского обкома по идеологии Ю.И. Кониев так и не смог убедительно объяснить ситуацию, сложившуюся вокруг книги. После этого Кониев провел беседу с автором книги, и тот спокойно объяснил ему суть фактов, вызвавших подозрительное отношение высоких инстанций (походы русов на Каспий, роль ключника Анбала, служившего Андрею Боголюбскому, и пр.). Спустя некоторое время книгу пустили в официальную продажу, а Кузнецов в возмещение «понесенного ущерба» получил звание заслуженного деятеля науки РСФСР [50].

Тем временем по постановлению бюро Северо-Осетинского обкома КПСС ученыe Северной Осетии занялись подготовкой второго переработанного и дополненного издания «Истории Северо-Осетинской АССР». Это двухтомное сочинение было подготовлено сотрудниками СО НИИ истории, филологии и экономики при Совете министров СО АССР и вышло в 1987 г. Среди его авторов были как осетинские, так и русские исследователи. По сравнению с предыдущим изданием авторская концепция не претерпела больших изменений: в ее основе по-прежнему лежало представление о двух компонентах, пришлых иранцах и аборигенах-кавказцах, сыгравших важнейшую роль в формировании осетин. Главу о доиранском населении, представленном кобанской культурой XII-IV вв. до н. э., подготовил Б.В. Техов. Он еще не решался делать окончательное заключение по вопросу о языковой принадлежности ее создателей, но подчеркивал, что «эта культура является автохтонной и ее создатели были кавказскими аборигенами, испытавшими влияние культуры индоевропейцев еще во II тыс., а затем ираноязычных киммерийцев и скифов в первой половине I тыс. до н. э.». Кроме того, он отмечал ее необычайно широкие внешние контакты — от гальштатской культуры Центральной Европы до населения Луристана в Западном Иране (Новосельцев 1987. С. 28-29). Подобно своим предшественникам, в изобразительных мотивах кобанской культуры он видел некоторые переклички со скифскими обычаями, а также с традиционной культурой осетин. Подытоживая свои рассуждения, он называл кобанскую культуру «субстратной основой, на которой формировались последующие культуры предков ряда народов Центрального Кавказа, в том числе осетин» (Новосельцев 1987. С. 35).

Как и в первом издании, раздел о кобанской культуре по своему объему (11 страниц) значительно уступал последующим разделам, посвященным ираноязычным предкам осетин — скифам, сарматам, аланам (98 страниц). Если в первом издании можно было говорить о троекратном различии, то во втором — уже о девятикратном. Это, разумеется, свидетельствовало о том, что образ ираноязычных предков со временем занимал все большее место в сознании осетин. Проблема кавказского субстрата постепенно отходила на второй план.

Вместе с тем авторы раздела о скифах и сарматах (В.Б. Виноградов, Т. А. Гуриев) все еще проводили резкое различие между кавказскими аборигенами и скифами, пришедшими в Предкавказье извне. Больше того, упадок кобанской культуры и запустение ряда процветавших ранее районов они ставили в прямую связь со скифскими походами VII в. до н. э. Вместе с тем они отмечали заметную трансформацию кобанской культуры, начавшуюся с этого времени под очевидным влиянием скифов. Этот процесс наблюдался, в частности, и в Южной Осетии. Иными словами, в данном издании иранизация местного населения относилась к гораздо более раннему времени, чем допускали археологи в 1960-1970-х гг. По словам авторов, взаимопроникновение культур достигло кульминации еще в VI-IV вв. до н. э., и по многим параметрам кобанцы и скифы стали мало различимы (Новосельцев 1987. С. 38-42). Окончательно могущественные ираноязычные кочевники покорили кобанцев после прибытия на Северный Кавказ сарматов в III в. до н. э., и начиная с этого времени археологи фиксируют высокую культурную гетерогенность в Предкавказье, характерную для процесса интенсивного смешения соседних групп населения. Теперь кобанские традиции сохранялись лишь высоко в горах (Новосельцев 1987. С. 48-50).

Глава о господстве алан в Предкавказье в I-IV вв. была написана Гаглоити и Абаевым. Они всеми силами пытались сделать алан аборигенами Центрального Предкавказья, которые сформировались в среде местных сарматских племен внутри племенного объединения, возглавлявшегося ранее аорсами (Новосельцев 1987. С. 53-55), хотя имеются веские основания считать алан племенем, пришедшим из волгодонских степей (Кузнецов 1992. С. 20) или даже из глубин Средней Азии (Габуев 1999). И эти авторы начинали этногенез осетин с VII в. до н. э., связывая его с «непрерывной цепью скифоязычных племен, остатком и потомком которых являются современные осетины». Тем самым последние станови-

лись «результатом длительного внутреннего развития скифо-сармато-аланских племен Северного Кавказа». Вместе с тем признавалось, что этногенетический процесс включил и ассимилированные иранцами «племена кобанской культуры предположительно абхазо-адыгского этноязыкового круга». Поэтому, подчеркивали авторы, «генетическая связь осетин с аланиями не противоречит их кавказскому происхождению», и кавказский субстрат занимал причитающееся ему место в этногенезе осетин (Новосельцев 1987. С. 64-65).

Гуннское нашествие внесло значительные изменения в расстановку сил в Предкавказье и разместило алан по различным регионам Европы. Те из них, кто остались в Северокавказском регионе, сдвинулись в горные местности, и в VI-VII вв. аланы занимали территорию между р. Большая Лаба на западе и Восточной Чечней на востоке. С этих пор отмечалось деление алан на западных, ориентировавшихся на Византию, и восточных, поддерживавших тесные связи с Персией. Эту свою давнюю идею в книге отстаивал В.А. Кузнецов (Новосельцев 1987. С. 75-79). Ему же принадлежал важный раздел, посвященный контактам атан с тюркским миром в эпоху Хазарского каганата. Именно этот раздел радикально отличался от первого издания книги большим вниманием к тесным тюрко-аланским связям, которые было уже невозможно игнорировать. Ведь часть восточных атан вошла непосредственно в состав каганата, а остальные находились в зависимости от него. Тогда же в верхнем течении р. Кубани появились тюркоязычные болгары, оставившие после себя рунические письмена. Иными словами, теперь признавалось, что аланы были не единственными обитателями Западной Алании; наряду с ними там в хазарское время расселилось и древнейшее в этих местах тюркоязычное население (Новосельцев 1987. С. 82-85). Трудно переоценить значение этого установленного археологами факта для балкарцев и карачаевцев. Вместе с тем, говоря о проникновении в Аланию христианства, авторы хранили гробовое молчание по поводу иудаизма, зафиксированного у части алан письменными источниками (Коковцов 1932. С. 117) и обнаруженного Абаевым лингвистическим путем [51].

Перу В.А. Кузнецова принадлежал и важнейший раздел, посвященный Аланскому государству XII вв. Описывая территорию Алании и ее население, он прямо писал о его сложном составе — ведь в него входили не только ираноязычные аланы, но и тюрки, следы которых обнаруживались в принципиально важном районе, в верховьях р. Кубани (Новосельцев 1987. С. 99-100). Такое отношение к аланам в те годы демонстрировали немногие. Ведь для осетинских авторов включение в состав алан каких-либо других иноязычных групп звучало кощунственно. Говоря о сложении «алано-осской народности», Кузнецов фактически разделял представления Абаева о «двуприродности» осетинского языка: он доказывал, что местные кавказские племена вошли в состав формирующегося осетинского народа в виде субстрата, а их язык оказал влияние на осетинский (Новосельцев 1987. С. 121-122).

Кузнецов показывал, что продвижение алан в горные ущелья происходило в VII-IX вв. — оно фиксировалось серией характерных катакомбных могильников (Новосельцев 1987. С. 101). Он также отождествил известную по письменным источникам столицу Алании Магас, где располагался и центр Аланской епархии, с Нижне-Архызским городищем в ущелье р. Большой Зеленчук, а славный город Дедяков вслед за Е.И. Крупновым — с городищем Верхний Джулат на р. Терек недалеко от с. Эльхотово (Новосельцев 1987. С. 107, 116-117, 133) [52]. Касаясь проблемы христианизации Алании, Кузнецов, впервые, датировал ее X в., а во-вторых, связывал с действиями византийских миссионеров, опиравшихся в этом на абхазского царя. Поэтому неудивительно, что знаменитые аланские храмы верховий р. Кубани в Западной Атании были выполнены в восточновизантийской традиции и походили на абхазские. Зато Восточная Алания в большей мере испытывала грузинское влияние, и там строились церкви в грузинском стиле (Новосельцев 1987. С. 114-115, 117-118). В главах, написанных Кузнецовым, отчетливо звучала мысль о постепенном нарастании различий в культурном развитии между Западной и Восточной Аланией — они восходили к разделению алан на западных и восточных еще в VI в. и, в частности, объяснялись значительными потерями, понесенными Восточной Аланией во время арабского нашествия. Кузнецов предполагал, что западные аланы стали родоначальниками современных дигорцев (древние «ас-тигор»), а восточные — иронцев (Новосельцев 1987. С. 79, 86-87, 119-120).

Упадок Аланского государства и культуры авторы книги связывали с монголо-татарским нашествием, последствия которого они рисовали в самых черных тонах: с независимостью алан было покончено, их города были разрушены, сами они были вынуждены платить непосильную дань захватчикам и даже участвовать в их завоевательных походах, плодородные предкавказские равнины обезлюдили, а остатки аланского населения нашли приют в неприступных горных ущельях (Новосельцев 1987. С. 123-132). Описывая эти события, авторы не упускали случая упомянуть, что именно тогда, т. е. во второй

половине XIII в., часть алан переселилась на южные склоны Главного Кавказского хребта, положив начало формированию южных осетин (Новосельцев 1987. С. 131, 141). Подчеркиваюсь, что эти переселения приняли массовый характер в XVI-XVII вв., когда Двалетия вошла в Картлийское царство (Новосельцев 1987. С. 157-158).

В XIV в. Северная Осетия подверглась исламизации, и кое-где мусульмане жили бок о бок с христианами (Новосельцев 1987. С. 132-133). Жизнеспособность аланского общества была окончательно подорвана нашествием Тимура в 1395-1396 гг., после чего остатки алан влачили жалкое существование в горных ущельях, а на их бывших плоскостных землях в XIV-XV вв. начали и расселяться кабардинцы (Новосельцев 1987. С. 138-139).

В книге утверждаюсь, что «об осетинах как сложившейся устойчивой этнической общности со своей четко очерченной территорией, языком, экономикой и культурой» ученые вправе говорить с XIV в. (Новосельцев 1987. С. 141). Археологические данные позволяют судить о том, что ранее всего аланы проникли в Дигорское ущелье (VII-IX вв.), а в остальных ущельях осетинские общества сложились в основном в XIII-XIV вв. (Новосельцев 1987. С. 142-143).

Глава 8.

Осетино-ингушские споры и культурный расизм

Новые времена в Северной Осетии наступили осенью 1989 г. В сентябре была создана первая неформальная общественная организация «Адамон цадис» (Народный союз). В 1990 г. город Орджоникидзе восстановил свое исконное название, что далось не без труда. Публичное обсуждение этого вопроса на страницах газеты «Социалистическая Осетия» раскололо осетин на две партии — одни желали возродить историческое название города «Владикавказ» (Частные эмоции 1989), а другие считали, что он должен иметь истинно осетинское название, и доказывали, что изначально он звался Дзауджикуа. Среди последних был известный осетинский историк М.М. Блиев (Блиев и др. 1989 а).

История этого названия восходит к осетинской версии возникновения русского форпоста. Причиной путаницы послужила статья П. Ницика, опубликованная в 1885 г. в «Терских ведомостях» в связи со столетней годовщиной основания крепости. В одной части статьи Ницик со ссылкой на историка, академика П.Г. Буткова (1775-1857), писал, что та была основана при ингушском урочище Заур (Ницик 1885а), а в другой объяснял, что место для нее было выбрано близ старой осетинской деревни Дзаук-Кау (Дзаук — имя, Кау — деревня), известной ногайцам под именем Капкай (Ницик 1885 б). Проблема получила особый резонанс сразу же после депортации ингушей, когда газета «Социалистическая Осетия» одобрила переименование города Орджоникидзе в Дзауджикуа, объявив его «находящимся на исконной территории осетинского народа». В этой статье возникновение города связывалось с предшествующим якобы осетинским «селением Дзауга» и еще более ранним аланским городом Дедяковом (Скитский 1944). После войны эту версию подхватил Л.П. Семенов (Семенов 1947. С. 6, 8; Семенов, Тедтоев 1957. С. 8), и в 1951 г., как мы уже знаем, ее снова активно популяризовала «Социалистическая Осетия» (Наиниев, Мякинин 1951а). В 1958 г. в Северной Осетии отмечали столетие Владикавказской крепости (т.е. со временем постройки каменной стены с бойницами и башнями). К этой дате в серии «Исторические памятники Северной Осетии» Министерством культуры СО АССР был выпущен буклет, а газета «Социалистическая Осетия» посвятила этому событию специальную статью. В обоих случаях предшественником крепости назывался осетинский аул (Владикавказская крепость 1959; Смычников 1959).

В 1960 г., описывая историю возникновения городов Северной Осетии, В.И. Ларина поступала более осторожно. Также ссылаясь на Буткова, она сообщала, что крепость была основана при селении Заур, и отмечала, что в 1780-х гг. в тех местах жили ингуши и осетины (Ларина 1960. С. 64-65, 69). Однако 24 года спустя в юбилейном издании, посвященном 200-летию города, она уже утверждала, что своим местоположением он был связан со «старинным осетинским селением» Заур (Ларина 1984. С. 11). Несколько ранее осетинский историк Б.П. Берозов вновь вспомнил легенду об осетине Дзауге, якобы основавшем этот аул (Берозов 1980. С. 42-43). В опубликованной к юбилею города статье осетинский краевед Г.И. Кусов, с одной стороны, писал, что к 1780-м гг. в ауле Заурово совместно обитали осетины и ингуши, а с другой, вспоминал о том, что одним из первых у стен крепости поселился якобы осетин Дзаур Бугулов (Кусов 1983). Еще через несколько лет газета «Социалистическая Осетия» опубликовала подробную статью о г. Орджоникидзе и его жителях, где вопрос об ауле Заурово и его исконных обитателях, равно как и об обстоятельствах передачи города Северной Осетии, изящно обходился. Не говори-

лось там и о роли ингушей в его истории, в особенности в годы Гражданской войны. Зато подчеркивалось, что «Владикавказ сыграл исключительно важную роль в судьбе осетинского народа» (Алешкин 1987). В выпущенном в юбилейном году по решению Северо-Осетинского обкома КПСС сборнике документов приводилось лишь сообщение из «Кавказского календаря» за 1852 г.. где местоположение крепости связывалось с «осетинским аулом Капкай» (Бетоева, Бирюкова 1985. С. 38). В дополненном переиздании этого сборника, вышедшем в 1991 г., цитировались дневник Л. Штедера, побывавшего в том районе в 1791 г.. и исторический труд историка В.А. Потто, опубликованный в 1912 г. Оба этих автора якобы называли Заурово «осетинским селом». Вместе с тем составители книги опубликовали также выдержки из труда Г.Ю. Клапрота, навестившего район Владикавказа в 1807 г. и сообщавшего о том, что в селе Заурово жили «ингуши вместе с осетинскими беженцами» (Бетоева, Бирюкова 1991. С. 14, 17,21-22).

Та же тенденция господствовала в осетинской литературе в 1990-х гг., где почти не обходилось без упоминания имени осетина Дзауга Бугурова как основателя села Заурово, якобы давшего начало Владикавказу (Казоев 1994. С. 46; Кусов 1998. С. 15: Торчинов 1999. С. 13, 18; Soldatova 1995. Р. 88; Дзидзоев 2000 а. С. 192) [53]. Осетинскую версию озвучил и Председатель Верховного Совета Северной Осетии А.Х. Галазов в своей исторической речи «О вероломной агрессии ингушских национал-экстремистов», произнесенной 10 ноября 1992 г. на сессии ВС Северной Осетии (Галазов 1992). Так в течение последних пятидесяти с лишним лет осетинский читатель был приучен к мысли о том, что Владикавказ изначально был связан с осетинской землей; других версий он просто не знал. Лишь начиная с 1990 г. осетинские авторы попытались скорректировать эту версию, но еще более запутали дело. Они утверждали, что село Заурово располагалось много южнее будущей крепости и что там якобы всегда вместе обитали ингуши и осетины, причем доминировали осетины. К северу оттуда был установлен русский военный пост, получивший название «Капкай», — его-то историки якобы и считали осетинским аулом Дзауджикуа. Однако крепость изначально располагалась не там, а в урочище «Эльхотово», откуда позднее была перенесена в начало Дарьяльской (Военно-Грузинской) дороги (Северная Осетия 1990). Затем эти рассуждения были включены в сборник, специально посвященный осетино-ингушскому конфликту (Тамарин, Земфиров 1994. С. 14-16). Та же версия воспроизводится и в осетинском школьном учебнике истории, где говорится о том, что Владикавказ был построен на месте осетинского села Дзаут, которое не следует путать с якобы расположенным в стороне оттуда «осетинско-ингушским поселком Заурово» (Блиев, Бзаров 2000. С. 227).

Однако ингуши однозначно расценивали все это как фальсификацию истории, ибо они были убеждены, что село Заур было основано ингушом Дзавгом (Костоев 1990. С. 16-18, 162-163, 188-189; Богатырев 1990 б; Катышева, Озиев 1991. С. 19: Чахкиев 1991 б. С. 59; Мужухоев 1995. С. 21-22, 94; Хамчиеv 1996. С. 7; Албагачиев, Ахильев 1997. С. 22-25; Яндиев 1999. С. 7-8; Патиев 2002 а. С. 24. См. также: Галгай 1924. С. 49). Они опирались на многочисленные документы и исследования, в том числе книги П.Г. Будкова и Д.В. Раковича, где говорилось об изначальной принадлежности села Заур ингушам, о том, что Владикавказ был основан на ингушских землях и что первые осетины появились там лишь в год учреждения крепости (Бутков 1869. С. 131, 165-166; Ракович 1911. С. 3-4) [54]. Кроме того, ингушские историки настаивали на том, что Штедер называл Заурovo ингушским селом и осетин в нем не упоминал (Катышева, Озиев 1991. С. 24; Костоев 2003). В этом их поддержали и чеченские историки (Ахмадов, Хожаев 1992, 14 января).

Впервые официально вопрос о возвращении столице Северной Осетии исконного названия встал 15 мая 1990 г. на 2-й сессии городского Совета народных депутатов. Затем компромиссное решение о восстановлении старого названия в двойной форме, Владикавказ-Дзауджикуа, было 20 июля подтверждено Верховным Советом СО АССР, 7 октября был устроен День города, где жители выразили свою полную поддержку такому решению, и лишь 22 октября ВС РСФСР наконец это утвердил. Тем временем 31 августа жители города демонтировали памятник Орджоникидзе, а незадолго до этого, 20 июля, ВС СО АССР провозгласил государственный суверенитет Северной Осетии.

Одновременно вновь обострились взаимоотношения с ингушами, которые и ранее не отличались стабильностью. Начиная с 1987-1988 гг. ингуши все настойчивее требовали вернуть им Пригородный район. С 1989 г. это стало лозунгом ингушского национального движения «Нийсхо» (Справедливость), который поддержали народные депутаты ВС СССР от Чечено-Ингушской АССР. Обстановка стала накаляться, в особенности после 7 марта 1991 г., когда Президиум Верховного Совета СССР принял постановление об отмене статьи 2 Указа Президиума ВС СССР от 16 августа 1956 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой

Отечественной войны». Она еще больше обострилась после принятия 26 апреля 1991 г. закона «О реабилитации репрессированных народов», так как, оставаясь благим пожеланием, этот закон не содержал в себе механизма своей практической реализации. Тем временем еще до принятия этих законодательных актов ВС Северо-Осетинской АССР ввел дополнительные меры, направленные на дискриминацию ингушей. Своим Указом от 14 сентября 1990 г. он установил на территории республики запрет на прописку вновь прибывавших в нее граждан и куплю-продажу жилых домов, что противоречило Конституциям как РСФСР, так и СО АССР (Огоев 1992; Политическая оценка 1994). Ситуацию усугубил массовый исход осетин из Грузии, последовавший за кровавыми грузино-осетинскими столкновениями зимы 1990-1991 гг. К осени 1992 г. Грузию покинули 100 из 168 тыс. южных осетин, причем многие из этих беженцев переселились в Пригородном районе Северной Осетии (Огоев 1992) [55].

Неудивительно, что лето 1991 г. ознаменовалось всплеском взаимных упреков и обвинений. Осетины доказывали, что ингушки по заслугам были в свое время высланы Сталиным, а ингушки обвиняли осетин в злоупотреблениях сталинского режима (см., напр.: Открытое письмо 1993. Об этом см.: Ковальская 2003. С. 13). Этим и была вызвана состоявшаяся 14 сентября 1992 г. чрезвычайная сессия ВС СО АССР, заявившая о незаконности территориальных притязаний ингушей.

Открытое столкновение осетин с ингушами произошло 31 октября — 5 ноября 1992 г. Существенно, что в нападении принимали участие в основном назрановские ингушки, тогда как ингушки Пригородного района старались не вмешиваться и даже иной раз спасали своих соседей-осетин. Тем не менее Пригородный район был полностью очищен войсками от ингушей. А 6 марта 1993 г. ВС Северной Осетии по инициативе своего лидера А. Галазова, ссылающегося на мнение общественности, принял расистское по своему духу постановление о «невозможности совместного проживания» осетин и ингушей (Пригородный район 1997. С. 25. См. также: Джатиев 1994. С. 155) [56]. Он же придал легитимность формуле об «ингушской агрессии» против миролюбивых осетин (Tishkov 1997. С. 180; Ковальская 2003. С. 15) [57]. По свидетельству западного журналиста, все эти идеи действительно разделялись многими осетинами в середине 1990-х гг. (Smith 1998. Р. 112). У ингушей же это постановление не вызывало никаких иных эмоций, кроме негодования (см., напр.: Костоев 1995. С. 23; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 142-143, 157; Богатырев, Костоев 2000. С. 10-11; Патиев 2002 б. С. 17). Р. Ш. Албагачиев и М. А. Ахильгов даже замечали с горькой ironией, что «аланы легко принимали в свою среду ираноязычных предков осетин и тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев. Но решений о невозможности совместного проживания с другими народами, как это сделали в Осетии, они не принимали» (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 71-72).

Установка, данная лидером республики, была тут же подхвачена одним из крупнейших республиканских общественно-политических движений «Хистарты ныхас» и растиражирована газетой «Северная Осетия» (Открытое письмо 1993), причем в осетинских СМИ вновь ожила сталинская ложь об измене всего ингушского народа в годы Великой Отечественной войны (Обращение писателей 1993: Открытое письмо 1993; Тамарин, Земфиров 1994. С. 30-31; Цариев 1994. С. 59; Тотоев 1994. С. 83-84). 23 февраля 1994 г., т. е. в день 50-летия депортации чеченцев и ингушей, официальная республиканская газета «Северная Осетия» не только вновь опубликовала данные НКВД о размахе бандитизма в Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны, но и напомнила о выселении казаков в 1918-м и начале 1920-х гг. В этих публикациях ингушки были изображены патологическими разбойниками и грабителями, что вызвало у тех справедливое возмущение (см., напр.: Патиев 2002 б. С. 33).

«Научной» основой этой антиингушской кампании послужила теория ведущего осетинского историка М.М. Блиева, провозгласившего «набеговую систему», коварство и жестокость «этногенетическими» особенностями ингушей, связанными с «определенной формационной стадией» (Блиев 1993). Еще в 1983 г. Блиев впервые заявил о том, что агрессивность была будто бы обусловлена формационной принадлежностью горских «вольных» обществ, лишь недавно расставшихся с родоплеменным строем. С тех пор он регулярно воспроизводил эту концепцию в своих работах (Блиев 1983; 1989 б; 1991. С. 72-75; 1997; 1999. С. 90-106, 175-209; 2004; Блиев, Дегоев 1994. С. 109-146. Об этом см.: Bryan 1992. Р. 207; Gokay 1998. Р. 48). Нет сомнений, что большое влияние на ее сложение оказал рост напряженности в осетино-ингушских отношениях в начале 1980-х гг., о чем речь пойдет ниже. Однако Блиев категорически возражает против таких параллелей (Блиев 1999. С. 104).

М.М. Блиев родился в 1929 г. в североосетинском селении Средний Урух. Закончив в 1951 г. исторический факультет Северо-Осетинского государственного педагогического института (СОГПИ, затем СОГУ), где его наставником был Б.В. Скитский, Блиев затем обучался в аспирантуре на кафедре истории

СССР периода капитализма исторического факультета МГУ. Иными словами, его приобщение к исторической науке совпало с очередной кампанией борьбы с «буржуазным национализмом», когда советские идеологи, включая его научного руководителя С.К. Бушуева, всячески настаивали на концепции «добровольного присоединения» нерусских народов к России. По окончании аспирантуры Блиев защитил в 1956 г. кандидатскую диссертацию по теме «Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение», где восстановил в правах идею добровольного вхождения Осетии в Российскую империю, развивавшуюся до революции царскими историками и отвергнутую осетинскими советскими учеными в 1930-х гг. (об этом см.: Гарданов 1935а). После этого он вернулся в Северную Осетию, где достаточно уверенно продвигался по служебной лестнице. До 1964 г. он работал в СО НИИ ИЯЛ (в 1958-1963 гг. он заведовал там отделом истории), затем перешел в СОПГИ, где в 1967 г. стал профессором, а в 1969-1974 гг. работал деканом исторического факультета. С 1980 г. он заведовал там кафедрой истории СССР дореволюционного периода, переименованной в 1992 г. в кафедру российской истории и кавказоведения. Начав свою научную карьеру специалистом по вопросам добровольного присоединения народов Северного Кавказа к России, Блиев во второй половине 1970-х гг. заинтересовался аланской проблемой. С 1978 г. он возглавил археологическую экспедицию СОГУ, создал университетский Археологический музей и лабораторию по изучению памятников истории и культуры и стал их первым директором. В 1993 г. на их базе по его инициативе был создан Институт фундаментальных исследований, преобразованный в 1996 г. в Институт истории и археологии РСО-Алания при СОГУ (Бзаров 1999. С. 3). Позднее этот институт под руководством М.М. Блиева был включен в состав Владикавказского филиала РАН.

В первой половине 1990-х гг. Блиев выступал с лекциями о проблемах кавказоведения в ряде университетов Ирландии (Магометов 1998. С. 252). Принимая участие в конфликтологических конференциях в Северной Ирландии в 1992 и 1997 гг., Блиев доказывал там, что Южная Осетия является «неотъемлемой провинцией единой страны под названием Осетия», что до советского периода она будто бы никогда не входила в состав Грузии и что она оказалась там лишь благодаря решению Советского правительства (Блиев 1999. С. 263-264, 319) [58]. Кроме того, полностью отождествляя осетин со средневековыми аланами, он пытался повысить их престиж в глазах европейцев, напоминая, что они «оставили значительный след в истории и ономастике Западной Европы» (Блиев 1999. С. 247). Руководствуясь той же логикой при обсуждении осетино-ингушского территориального спора, он настаивал на том, что речь шла «о возвращении небольшой части утерянной к XV в. исторической территории (предгорной равнины Северного Кавказа), которая позволила бы осетинам сбалансировать демографические процессы и открыть для себя новые возможности хозяйственного прогресса». В его выступлениях звучал и термин «жизненное пространство», которое, по его словам, осетины должны были сохранить во избежание деградации и исчезновения. Он даже настаивал, что эту задачу осетинам следовало возвести «в ранг государственной идеологии» (Блиев 1999. С. 322). Иными словами, высказывая опасение в отношении «русского фашизма» (Магометов 1998. С. 198-200) и справедливо упрекая президента З. Гамсахурдия в использовании нацистских лозунгов (Блиев 1999. С. 248, 251, 264-265, 327), Блиев и сам был не прочь воспользоваться сходной фразеологией [54]. Общественно-политические выступления Блиева в 1990-х гг. показывают, что его исторические построения отнюдь не были лишены политического подтекста. Действительно, на рубеже 1980-1990-х гг. Блиев принимал активное участие в осетинском национальном движении.

По замечанию его биографа, главными научными достижениями Блиева считаются выработка двучленной периодизации присоединения северокавказских народов к России и изучение «набеговой системы» как важнейшего фактора Кавказской войны: «Лучшим объяснением чеченских событий оказалась описанная М. Блиевым Кавказская война» (Бзаров 1999. С. 4-5). Изучение «набеговой системы» признано в Северной Осетии выдающимся вкладом Блиева в конфликтологию и едва ли не ключом к объяснению многих межнациональных конфликтов в России (Магометов 1997. С. 12, 19; Бзаров 1999. С. 5-6; Дегоев 2000. С. 239) [60]. Между тем в своей недавно вышедшей фундаментальной работе о Кавказской войне Блиев снова пытается проводить прямую параллель между событиями XIX и XXI вв., объясняя их якобы «веками выработанными поведенческими особенностями» чеченского народа, полностью снимая какую-либо вину с действий российских властей (Блиев 2004. С. 44) [61].

Вслед за Блиевым среди осетинских интеллектуалов стало популярным представление об «избыточной пассионарности чеченцев [и ингушей. — В.Ш.] с их реликтовым менталитетом, законсервиро-

вавшим уровень сознания эпохи «военной демократии» (Гатагова 1999 а. С. 260; 2001. С. 49. См. также: Тамарин. Земфиров 1994. С. 37-38; Тотоев 1994. С. 84) [62].

Похоже, что эту концепцию усвоили российские военные и журналисты, усматривающие причину Кавказской войны в столкновении державных российских интересов с традиционным укладом жизни горцев (абречество, похищение людей, работоговля, заложничество), которые якобы «терроризировали все прилегающие области» (Азаров, Марущенко 2001; Ротарь 2001. С. 25). Подхватили ее и некоторые российские историки (Трепавлов 1998. С. 10-12, 36, примеч. 14; 2000. С. 12; Матвеев 2002). Последняя книга Блиева (Блиев 2004), вновь излагающая концепцию «набеговой системы» и ставящая ее в прямую связь с современными событиями на Северном Кавказе, удостоилась положительных рецензий в ведущих российских исторических журналах (Трепавлов 2004; Бзаров 2005). Вслед за Блиевым Гатагова провела параллель между осетино-ингушским конфликтом 1992 г. и ингушскими набегами в XIX в. (Гатагова 2001. С. 53-54). Эта концепция находит место даже в новых федеральных учебниках истории России (Зырянов 1999. С. 66-68; Сахаров, Боханов 2003. С. 319-320). Идею Блиева о «горской экспансии» и «набеговой системе» с благодарностью подхватывают авторы шовинистических произведений, изображающие чеченцев «варварами» и доказывающие, что русским якобы «свойственно чувство принципиальной несовместимости с чеченцами» (Кольев 1997. С. 260-267, 280-281, 285-286). Подобного рода исторические построения убеждают казаков в том, что их предки когда-то заселили пустынные земли, а Кавказскую войну спровоцировали горцы (Ханаху, Цветков 1995. С. 61).

В популистских терминах такое отношение к чеченцам выразил бывший директор ФСБ, генерал М.И. Барсуков, представивший всех их «либо убийцами, либо бандитами, либо ворами» (Минкин 1996; Lieven 1998. Р. 350). Этот стереотип подхватил и московский писатель В.М. Логинов, побывавший в Северной Осетии вскоре после осетино-ингушского столкновения. Фактически он воспроизводил осетинскую версию событий и называл ингушей «одним из наиболее диких чеченских племен», «более всех горских племен преуспевшим в воровстве, грабежах, разбоях, убийствах» (Логинов 1993 б. С. 406). Такое отношение к чеченцам и ингушам он популяризовал в своем журнале «Шпион», где вдбавок обвинял ингушскую культуру в моральном оправдании преступности и бандитизма (Погребнов 1993; Документы 1994. С. 26-27). Его рассуждения об ингушах с благодарностью перепечатала газета «Северная Осетия» (17-18 июня 1993).

Во второй половине 1990-х гг. такие взгляды нередко воспроизводились российскими СМИ (см., напр.: Ротарь 2000) [63] и популярной литературой (Зверева 2005. С. 307-310). А после бесчеловечного захвата террористами школы в Беслане 1 сентября 2004 г. провокаторы начали возбуждать народ против ингушей, хотя, по признанию спланировавшего теракт Ш. Басаева, группа террористов была многоэтничной и включала даже двух осетин. В результате взаимоотношения между осетинами и ингушами вновь накалились. В Беслане на стенах домов появились надписи «Смерть ингушам», и вновь стали популярны воспоминания о сталинской депортации [64]. Лишь вмешательство республиканской власти и сил правопорядка смогло предупредить акты возмездия со стороны осетин.

Чеченские авторы совершенно справедливо квалифицировали приведенные выше представления о «народе-дикаре» как расизм (Усманов 1997. С. 58, 193-196; Умалатов 2001. С. 132-133. См. также: Lieven 1998. Р. 336; Toltz 2001. Р. 248). Для противодействия этим нездоровым настроениям в Чечне была издана специальная брошюра, предназначенная для российских военнослужащих, где рисовалась великая и славная история чеченского народа (в том числе их предки объявлялись создателями хуррито-урартских государств), говорилось об особенностях его культуры. В частности, там делался акцент на древних мирных контактах с русскими, и обвинения в «агgressivnosti» и «горской экспансии» отвергались как надуманные (Чечня и чеченцы 2001).

Между тем современные российские ученые показывают, что концепция Блиева имела существенные недостатки, в частности слабо учитывала некоторые общекавказские культурные особенности (Керашев 1994; Бобровников 2000. С. 20-23, 34) [65]. В частности, когда в беседе с ингушскими учеными Блиев снова начал объяснять причины Кавказской войны якобы вполне легитимными действиями российского правительства против набегов со стороны чеченцев, те убедительно продемонстрировали, что при желании элементы «набеговой системы» можно было найти и у осетин. И Блиеву тогда пришлось с этим согласиться (Катышева, Озиев 1991. С. 23. См. также: Ахмадов, Гапуров 2005). Мало того, даже его соавтор В. Дегоев отмечает, что казаки в не меньшей степени, чем горцы, прибегали к жестоким набегам (Дегоев 2001. С. 263-264) и что современное чеченское общество кардинально отличается от того, каким оно было 150-200 лет назад (Дегоев 2001. С. 368-369, 378). А чеченский автор Л. Усманов доказы-

вает, что именно русские в XVIII в. досаждали чеченцам набегами, что и вызвало понятное сопротивление (Усманов 1997. С. 68-69).

Тем не менее в своей публицистической работе об осетино-ингушском конфликте Блиев писал, что «современный ингушский тайп еще недавно обладал всеми признаками классического ирокезского рода... и многое из происходящего сегодня в Ингушетии объяснимо именно этими признаками». Он убеждал читателя в том, что причиной конфликта была «стадиальность» ингушского общества, будто бы жившего по законам «военной демократии» и обладающего «особой агрессивностью». В подтверждение своих слов он ссылался на набеги ингушей на казачьи станицы в конце XIX и начале XX в., ни слова не говоря о том, что казаки силой заняли земли, ранее принадлежавшие ингушам [66]. Все это должно было продемонстрировать, что кровавое осетино-ингушское столкновение осени 1992 г. было лишь следствием очередного ингушского «набега». В то же время Блиев хвалил Дж. Дудаева за проявленную мудрость, позволившую ему уберечь Чечню от участия в конфликте (Блиев 1993).

Зато в своих теоретических рассуждениях Блиев ограничился только чеченцами, продолжая настаивать на том, что именно «набеговая система», жестко связанная с тайповой структурой, приводила к неизбежным войнам с соседями. Он даже пытался ссылаться на этот «архетип» для объяснения событий в Чечне в 1990-х гг. (Блиев 1997; 2004; Атаев 2002). При этом он, во-первых, игнорировал данные о том, что накануне и в период русской колонизации набеги столь же часто совершались ингушами и осетинами, и не объяснял, почему эти народы остались в основном в стороне от участия в Кавказской войне. Во-вторых, противореча своим утверждениям о связи «набеговой системы» с традиционными тайпами, он возлагал всю вину за ее расцвет на ислам, ибо, по его утверждению, «язычество осуждало жестокости» [67]. В-третьих, он видит в «набеговой системе» некий архетип, неизвестно каким образом сохранившийся в период советской модернизации и в неизменном виде доживший до конца XX в. Однако, как справедливо пишет В. А. Тишков, только культурный фундаментализм низводит современный народ до уровня общества «военной демократии». Он напоминает, что американские ученые при изучении современных ирокезов и их интеграции в американское общество вовсе не апеллируют к трудам Л. Г. Моргана (Тишков 2001а. С. 504-506; 2001 б. С. 64-65). В 1991 г. мне довелось проводить полевые исследования у индейцев-тлингитов на Аляске. В XIX в. они были известны как один из самых воинственных народов в Северной Америке и переживали период военной демократии. Они до сих пор сохранили свою клановую систему, играющую важную роль в их современном развитии. Однако в XX в. они ни разу не поднимали восстаний против правительства США и не занимались никакими набегами. Борьбу за свои гражданские права они вели вполне легальными способами. Поэтому объяснение различий в поведении чеченцев и тлингитов следует искать не в каких-то присущих их культурам архетипах, а в государственной политике, с одной стороны, России и СССР, а с другой — США.

Интересно, что Блиев полностью обошел вопрос о том, почему же «набеговая система» не заставила генерала Дудаева вмешаться в осетино-ингушский конфликт. Блиев также утверждает, что якобы архаичная социальная структура, противящаяся принципу единонаучания, не позволяет чеченцам принять президентскую форму правления.

Между тем, развивая идеи Блиева, его близкий коллега и соавтор Р.С. Бзаров перенес его концепцию на ингушей, архаизировал их социальное устройство в 1920-1930-х гг. и на этом основании заявил, что «ингушское общество не смогло найти своего места в Отечественной войне» и это будто бы привело к катастрофическому развитию событий и депортации (Бзаров 1997. С. 135). Правильно отмечая наличие дискриминации в отношении ингушей в течение последних советских десятилетий, Бзаров делает обескураживающий и бездоказательный вывод о том, что якобы объективной основой осетино-ингушского конфликта послужило «резкое социально-историческое несоответствие ингушского социума тем процессам, которые определяют политическую и социально-экономическую жизнь окружающих народов и государства (СССР, а затем РФ) в целом» (Бзаров 1997. С. 137. См. также: Soldatova 1995. Р. 100). Сходных взглядов, похоже, придерживается и Л.С. Гатагова, убежденная в «стойком взаимном антагонизме» между осетинами и ингушами (Гатагова 2001. С. 53-54).

Такое суждение мало соответствовало данным, полученным осетинскими социологами, о том, что осетины и ингуши разделяли идентичные этнокультурные ценности (Декинова 1994; 1997. С. 204; Хадиков, Декинова 1997. С. 452-454). Этот вывод вряд ли может считаться неожиданным, ибо осетины и ингуши столетиями жили рядом, часто вступали в браки друг с другом и обменивались культурными достижениями. О какой-либо перманентной вражде или ненависти между ними говорить не приходилось (Магометов 1982). Кроме того, сама по себе культурная дистанция не объясняет враждебности

(Horowitz 2001. Р. 190-191). Поэтому речь должна идти не об этнокультурных ценностях, а о кардинально различном историческом и политическом опыте в XX в. у осетин, с одной стороны, и у чеченцев и ингушей — с другой (Хадиков, Декинова 1997. С. 455). Именно этот опыт заставляет обе стороны давать диаметрально противоположные оценки жизни при советской власти. Осетины в основном позитивно оценивают советскую национальную политику (Магометов 1998. С. 12-14, 187) [68], и это приводит к популярности среди них конспирологической версии о злых внешних силах, разваливших Советский Союз и ныне управляющих миром (Мамсиров 1994. С. 164; Кучиев 1997; Магометов 1998. С. 3-40). В этой своей позиции они смыкаются с русскими националистами (Dawisha, Parrott 1994. Р. 61). Зато чеченцы и ингуши нередко представляют Чечено-Ингушскую АССР «колонией» и требуют суда над «советской империей» (Тернистый путь 1992. С. 12-13, 15, 21. См. также: Аслаханов 1994. С. 43-44; Усманов 1997. С. 104, 220-221; Абубакаров 1998. С. 13; Умалатов 2001. С. 19; Ибрагимова 2003. С. 11-13).

Как бы то ни было, в 1990-х гг. в риторике некоторых осетинских авторов появились элементы «культурного расизма» и конфликт фактически переводился из области политики (Tishkov 1997. Р. 169-170) в область культуры. Образцом «культурного расизма» служат следующие слова осетинского публициста: «Этническая психология — это образ и уровень мышления, складывающиеся у того или иного народа тысячелетиями и определяющие нормы его поведения, категории нравственности, отношение к общественным процессам, его способность и желание давать критическую оценку прошлому и настоящему во имя собственного становления как народа (нации), уважаемого другими и способного к существованию с окружающими его народами... Но когда народ, нация игнорирует общепринятые в цивилизованном мире нормы поведения, но не делает выводов и оценок своему преступному поведению, когда таковое поощряется и становится символом нравственного воспитания сменяющихся поколений нации, то такие нормы поведения рано или поздно переходят на ее генетический уровень и коррекции внешними факторами воздействия не поддаются». В соответствии с платформой «культурного расизма» автор этих рассуждений убеждал читателя в том, что ингушам не сможет помочь и рост образования (Цариев 1994. С. 58. См. также: Логинов 1993 б. С. 406) [69]. Та же логика нашла свое отражение в откровенно расистских справках российского МВД, где заявлялось, что «чеченцы по своим национальным особенностям есть прирожденные партизаны, диверсанты» (об этом см.: Арутюнов 1995. С. 14; Гакаев 1997. С. 196).

Фактически речь идет о «стереотипах, приписывающих нам добродетели, которые отрицаются у других: мы цивилизованны и уравновешенны; они — варвары и фанатики или примитивны и слепы» (Lowenthal 1994. Р. 46). Такие стереотипы нередко составляют важный компонент идентичности, требующей противопоставления себя другим. Однако описанные выше взгляды на «варварство» чеченцев и ингушей содержат в себе нечто большее и вполне совместимы с расовыми установками, развивавшимися, например, в ЮАР (Spiegel 1994). Опираясь на этнопсихологию, некоторые осетинские интеллектуалы пытались доказать, что осетинам и ингушам свойственны едва ли не противоположные психологические установки, опирающиеся якобы на вековую культурную традицию (Гиоева 1997) и, как настаивал один автор, доставшиеся осетинам от «скифов-сарматов и алан» (Дзугаев 1997). Все это, разумеется, никак не способствовало ослаблению осетино-ингушского конфликта, и в начале осени 1994 г. ситуация снова грозила выйти из-под контроля; тогда с большим трудом удалось предотвратить новое кровавое столкновение. Режим чрезвычайного положения в зоне конфликта был отменен только в феврале 1995 г. (Гостиева и др. 1996. С. 104-105).

Между тем опрос 26 представителей североосетинской элиты, проведенный в 1994 г., показал, что, считая осетино-ингушский конфликт одной из самых болезненных проблем, они подчеркивали прежде всего его политическую и территориальную составляющие. Никто из них, включая Бзарова, даже не вспомнил о «культурных стереотипах» и «взаимном антагонизме». Некоторые с гордостью отмечали, что в период грузино-осетинского противостояния ни один из местных грузин не подвергся нападению на территории Северной Осетии. В то же время все они видели в Пригородном районе землю Северной Осетии и возмущались тем, что Республика Ингушетия была создана до строгого определения ее территориальных границ (Дробижева 1996) [70].

Глава 9. Быть аланами

Обострение взаимоотношений с соседями и рост осетинского национализма вновь поставили на повестку дня вопрос о происхождении осетинского народа и его древних предках. И хотя 18 октября 1990 г. вся Северная Осетия торжественно отметила 90-летие своего великого ученого В.И. Абаева, считая научным подвигом его вклад в изучение этногенеза осетинского народа (Джусойты 1990. См. также: Исаев 2000. С. 21-67), его теория субстрата вновь попала в положение изгоя. Любопытно, что и сам Абаев уже не вспоминал о ней, называя осетин «реликтом скифского мира» (Абаев 1992). В условиях эрозии советской идеологии и обострения межэтнических взаимоотношений осетины настоятельно нуждались в новой национальной идеи, способной обеспечить их сплоченность и сохранить территориальную целостность Северной Осетии. Многоэтничный конгломерат в качестве предков их мало устраивал, ибо прочное единство нации требовало, чтобы у ее истоков стояла самобытная единая общность, четко отличавшаяся от всех своих соседей. Ничто не могло служить этому лучше, чем «аланская идеология», о большой политической роли которой впервые написал как будто бы журналист В. Огоев. Он метко назвал «аланство» «признаком несоветского и в то же время легитимного политического величия». По его словам, именно образ славных «алан-осетин» способствовал возникновению союза оппозиционной интеллигенции с бывшими советскими аппаратчиками на почве этнического национализма (Огоев 1992).

События конца XX в. ярко демонстрируют, как накал национальных страстей выражается в обсуждении вопросов о самоназвании народа и его пересмотре, затрагивающем глубинные чаяния народов или их элит (Horowitz 1985. P. 33; Shnirelman 1996; 2005; Tishkov 1997. P. 104) [71]. Поиск новой идентичности не обошел и осетин, и это еще раз доказывает «магическую силу слов» (Пьер Бурдье). Как подчеркивают британские социальные антропологи, «акты присвоения имени и окружающие их классификационное, когнитивное и символическое блага тут же отражаются в наиболее чувствительной материальной и политической реальности» (Chapman, McDonald, Tonkin 1989. P. 2).

Еще во второй половине 1980-х гг. некоторые осетинские интеллектуалы предлагали заменить иноязычное название «Осетия» на осетинское «Иристон». Однако дигорцы, составляющие примерно пятую часть всех осетин, усмотрели в этом посягательство на свои права, так как в самосознании осетин «Иристон» прочно ассоциируется с «землей иронцев», куда не входит Дигория. В начале 1990-х гг. дигорские интеллектуалы создали общественно-политическое движение «Ираф», требовавшее признания дигорского диалекта самостоятельным языком и придания ему статуса государственного языка наряду с иронским. Под их давлением в республике было введено школьное обучение на дигорском диалекте; на нем появились журнал и газета (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 1. С. 30-31; Т. 2. С. 255-260). В 1992 г. в связи с обсуждением языковых проблем перед осетинами встал вопрос о том, составляют ли они единый народ или два разных народа, иронский и дигорский (см., напр.: Джусойты 1992). Вначале председатель дигорского общественно-политического объединения «Ираф», писатель В. Малити, убеждал, что приданье официального статуса двум осетинским литературным языкам вовсе не создает угрозы раскола для нации (Малити 1994) [72].

Однако, встретив сопротивление со стороны ряда иронских интеллектуалов, дигорцы заняли более радикальную позицию [73]. Не без влияния работ Г.Ф. Турчанинова, утверждавшего, что «дешифрованные» им древнейшие «древнеосетинские» надписи оказались выполненными на дигорском диалекте (Турчанинов 1971. С. 44; 1990. С. 9, 49-51), они заявили, что именно их язык является «языком алан в чистом его виде», и пригрозили «борьбой дигорского народа за свои права» в том случае, если власти не пойдут на уступки (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 2. С. 255) [74]. Поэтому среди осетинских интеллектуалов начался лихорадочный поиск нового инклузивного самоназвания. Некоторые предлагали такие названия, как «осаг» или «осиаг», другие считали необходимым вернуться к овеянному славой старому названию «аланы» (Хачиров 1989; Хачирти 2002. С. 53).

Среди последних своим высоким авторитетом выделялся известный осетинский филолог, президент Ассоциации ученых Северной Осетии Т.А. Гуриев, настоятельно рекомендовавший осетинам ввести в качестве самоназвания этноним «алан» и незамедлительно переименовать Северную Осетию в Северную Аланию. Подчеркивая уникальность истории осетинского народа, он указывал на то, что в его культуре, фольклоре и языке сохранилось много живых черт скифского наследия, что скифы создали древнейшее царство в Восточной Европе и оказали большое влияние на народы Европы в целом, что язык осетин близок языку, на котором были записаны гимны Авесты. Идентифицируя осетинский язык

со скифским, Гуриев полностью отбрасывал идею Абаева о «двуприродности» осетинского языка, намекая на то, что в свое время единственным ее оправданием был конъюнктурный политический заказ (Гуриев 1989). Если осенью 1989 г. Гуриев ограничивался лишь ссылкой на скифское наследие, то весной 1991 г. он заговорил уже об «арийском происхождении» осетин. Сетуя на дискредитацию термина «арийцы» германскими нацистами, он вспоминал о благословенных временах XIX — начала XX в., когда этим термином широко пользовались филологи, и утверждал, что тот до сих пор используется в Индии, не имея там никаких негативных коннотаций [75]. Подчеркивая, что оба термина, *dan* и *iron*, происходят от агуа, Гуриев напоминал, что в раннем Средневековье имя «алан» было известно от Китая и Монголии до Западной Европы. В то же время он отвергал право карачаевцев и балкарцев тоже использовать этноним алан в качестве самоназвания. В итоге он настаивал на том, что этот термин является наиболее подходящим самоназванием, способным объединить всех осетин (Гуриев 1991).

Гуриева поддержат осетинский историк Ф.Х. Гутнов. Соглашаясь с тезисом о двухкомпонентном составе осетинского народа и относя завершение сложения «аланской народности» к VIII-X вв., он полностью отождествил алан с осетинами. Доказывая, что «наши предки как народность сформировалась в Аланском государстве», он считал это хорошим основанием для осетин изменить свое самоназвание на «аланы» (Гутнов 1990 б; 1993а. С. 9-13). Название «Алания» пришло по душе и дигорцу А.А. Рамонову, возглавлявшему Союз национального возрождения Алании и входившему в руководство дигорского движения «Ираф». Выступая за равноправие дигорского языка, он со ссылкой на дешифровки, сделанные Турчаниновым, утверждал, что на нем писали еще 2500 лет назад (Рамонов 1992). Осенью 1990 г. в газете «Социалистическая Осетия» даже звучало предложение поставить памятник аланам на площади Свободы во Владикавказе (Кудзаев 1990).

После принятия Северной Осетией в 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете» обсуждение национальной идеи получило там особую актуальность. С тех пор вопрос о смене этнонима достаточно регулярно ставился в местных средствах массовой информации, причем в дискуссии участвовали как ведущие учёные республики, так и любители (Созаев 2000. С. 4-6, 77). За изменение этнонима стояли такие организации осетинских интеллектуалов, как Ассоциация учёных Республики Северная Осетия и Ассоциация творческой и научной интелигенции Северной Осетии «Ир», а также I Чрезвычайный съезд патриотической молодежи Осетии (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 1. С. 57-58; Т. 2. С. 63-64; Гостиева и др. 1996. С. 120-121). Вместе с тем если осетины радостно приветствовали издание на русском языке книги известного французского ученого Ж. Дюмезиля (1898-1986), где доказывались скифские корни осетинского народа (Гуриев 1990 а; 1990 б), то ингуши подвергли ее публичному сожжению (Иванчик 1994).

Водка «Алания»

Масло в огонь подлила грузино-осетинская война начала 1991 г., вызвавшая появление в Северной Осетии десятков тысяч беженцев из Южной Осетии. После этого дальнейшее использование термина «осетины», возникшего на грузинской основе, показалось ряду осетинских интеллектуалов особенно «неудобным» (см., напр.: Гуриев 1991). Теперь доводы сторонников прежнего названия, указывающих на то, что термин «осетины» происходит от грузинского «осы» [76], в свою очередь связанного с древним аланским самоназванием «асы» (Кузнецов 1989; 1990), уже не казались убедительными. Поэтому, чтобы избежать «постыдного» использования этнонима, данного «кровными врагами» (т.е. грузинами),

в 1990-х гг. среди осетин искусственно внедрялся в качестве самоназвания термин «алан/алон», который в прошлом не служил единым самоназванием, да и вообще использовался крайне редко (Цуциев 1995. С. 45; Гостиева и др. 1996. С. 121). Правда, некоторые осетинские ученые всеми силами опровергали связь терминов «ас», «ос» с грузинским наследием и доказывали, что они достались осетинам от их древних предков (см.. напр.: Созаев 2000. С. 23-24).

Весной 1991 г. обострились взаимоотношения между осетинами и ингушами, и 19 апреля дело дошло до их вооруженной стычки в селе Куртат. Это заставило власти республики ввести на месяц чрезвычайное положение, и дискуссия об этнониме в республиканской газете «Социалистическая Осетия» была на время свернута. Тем не менее термин «Алания» активно входил в современный осетинский быт через названия всевозможных фирм, телекомпании, издательства, футбольной команды и т. д. (Баскаев 1995 б; Созаев 2000. С. 73). С 1989 г. в Осетии стали появляться кооперативы общественного питания с названием «Алания». В сентябре 1991 г. во Владикавказе возник прокоммунистический «Союз национального возрождения Алании», выпускающий с 1994 г. газету «Аландре». В 1992 г. во Владикавказе был создан танцевальный ансамбль «Амазонки», а в 2000 г. открылся супермаркет «Алан». В Северной Осетии даже возникла военно-патриотическая организация «Аланское казачье войско», а на прилавках магазинов появилась осетинская минеральная вода со звучным названием «Алания». Существенно, что созданный в октябре 1991 г. фонд поддержки осетинских беженцев из Грузии также получил это название, лишний раз подчеркивая единство всех осетин (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 2. С. 76-79). Параллельно у осетин стало модным давать детям имена, связанные с аланской историей или нартским эпосом, такие как Алан, Сослан, Азамат, Скиф, Сармат для мальчиков и Алана, Зарина для девочек (Исаева 1997. С. 377; Созаев 2000. С. 73).

Предложение о смене этнонима встретило аргументированную критику со стороны уже известного нам археолога В.А. Кузнецова, ставшего к тому времени народным депутатом РСФСР и с тревогой следившего за политизацией аланской тематики. Имея в виду разгоревшиеся к тому времени страсти вокруг понятий «мигрант» и «коренной житель», он настоятельно рекомендовал осетинам делать упор на своей кавказской родословной. С этой точки зрения ему казалось важным еще раз подчеркнуть большую роль кавказского субстрата в их формировании. В то же время он доказывал, что термин «аланы» вовсе не являлся самоназванием, а служил инклузивным названием ираноязычных племен эпохи раннего Средневековья, широко использовавшимся для них их соседями и иноземцами (Кузнецов 1990 б; Баскаев 1995 б). Но осетинская элита рассуждала иначе.

Тяготение осетинской власти к аланскому наследию впервые проявилось на официальном уровне 2 октября 1991 г., когда на сессии Верховного Совета единогласно был принят новый бело-красно-желтый флаг республики. Его три цвета должны были символизировать трехчастное деление аланского общества (жрецы, воины и земледельцы), доставшееся ему в наследство от скифов и сарматов (Челехсаты 1994. С. 16-19). Выступая по этому случаю на сессии, заместитель председателя Совета министров Э.К. Каргиев назвал это событие восстановлением в правах аланского флага. Таким образом, парламентарии сознательно выразили свою заинтересованность в древнеаланской символике (Сапрыков 1995). На пятом заседании 18-й сессии Верховного Совета Северо-Осетинской ССР, состоявшейся 10 ноября 1992 г., т. е. в разгар осетино-ингушского конфликта, тогдашний Председатель Верховного Совета этой республики А.Х. Галазов, ссылаясь на наличие средневековых аланских поселений в Пригородном районе, безоговорочно отождествлял алан с осетинами (Галазов 1992. Об этом см. также: Tishkov 1997. Р. 15). 14 октября 1994 г., выступая на торжественном заседании в честь 220-летия присоединения Осетии к России и 210-летия Владикавказа, Галазов снова подчеркнул, что «Осетия — древняя страна, наследница скифо-сарматской цивилизации» (Цалиев, Келехсаты 1996. С. 9-11) [77]. Того же мнения придерживался и советник Галазова, философ А.К. Хачиров (Хачирты), для которого термины «аланы» и «осетины-асы» были идентичны (Хачиров 2002. С. 53). Осетинские политические декларации начала 1990-х гг. иной раз сопровождались апелляцией к наследию «скифо-сармато-аланского мира» (см., напр.: Декларация 1991; Обращение писателей 1993).

Начиная с 1991 г. различные осетинские организации и движения, включая II съезд осетинского народа, состоявшийся 21-22 мая 1993 г., выступали с требованием объединения двух Осетий в одно государство (Декларация 1991: Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 2. С. 55-56, 60-62, 95-96; Блиев 1999. С. 329). В начале 1993 г. Межпарламентской комиссией Северной и Южной Осетии была подготовлена Концепция социально-экономической и культурной интеграции СО ССР и РЮО (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 3. С. 176-179). Выдвигаясь в январе 1994 г. кандидатом на пост первого президента Северной Осетии, А.Х.

Галазов называл «национальной идеей осетинского народа» «создание на базе двух республик единой демократической Республики» (Галазов 1994) [78]. Весной 1995 г. во время республиканских парламентских выборов многие кандидаты также включают в свою программу пункт об объединении двух Осетий (Гостиева и др. 1996. С. 130). Естественно, что и эта задача не могла быть выполнена без введения нового, более инклюзивного названия и без широкой популяризации славного аланского прошлого.

С новой силой дискуссия о названии республики вспыхнула в 1994 г. в ходе обсуждения проекта ее новой конституции (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 1. С. 57-58). В это время особую активность снова проявил Т.А. Гуриев, выступивший в серии телепередач с призывом «возвратить осетинскому народу его историческое название “алан”». Он доказывает, что республику следует называть Северная Алания, а язык «аланским» (Гуриев 1994а). Незадолго до принятия конституции это требование прозвучало в Заявлении творческой и научной интеллигенции Северной Осетии, подписанном 21 известным представителем осетинской интеллигенции во главе с Гуриевым (Гуриев и др. 1994 б. См. также: Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 2. С. 252-253).

Таким образом, с точки зрения сторонников смены названия, настоятельная потребность в этом вызывалась рядом обстоятельств. Во-первых, само по себе учреждение суверенной республики, повысившей свой статус в рамках Российской Федерации, нуждаюсь в новой национальной идеологии. Во-вторых, только новое инклюзивное название могло успокоить дигорцев, отождествлявших «осетин» с «иронцами». В-третьих, неурегулированность грузино-осетинского и осетино-ингушского конфликтов требовала сплочения нации. В-четвертых, на название «аланы» уже начали открыто претендовать соседние балкарцы и карачаевцы, и осетины опасались, что это может поставить под угрозу их права на историческое наследие — не только символическое, но и территориальное. В-пятых, как бы подтверждая эти опасения, весной 1994 г. ингуши объявили о том, что их новая столица будет называться Магас, т.е. по имени столицы исторической Алании (Бальбуров 1997; Созаев 2000. С. 44, 75-76). В связи с осетино-ингушским конфликтом осетин особенно беспокоила проблема пересмотра сложившихся государственных границ. Поэтому один осетинский автор заявлял: «...связь истории предков осетин и ингушей не дает основания последним приписывать себе в глазах многих имя могущественных некогда алан» (Созаев 2000. С. 48). Все это было учтено конституционной комиссией (Цалиев 1994; Келехсаев 1994), а затем и Верховным Советом Республики Северная Осетия, когда в ноябре 1994 г. к титулу республики было официально добавлено название «Алания» и была окончательно утверждена ее государственная символика (Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 1. С. 259-267). Последняя включала герб с изображением аланского золотого барса на фоне серебряных гор (Сапрыков 1995) [79].

Герб Северной Осетии-Алании

Правда, как предупреждал председатель Комитета по законодательству, законности и общественной безопасности ВС РСО С.М. Кесаев, сама по себе смена названия без принятия специального закона о языке не могла решить дигорскую проблему. Кроме того, он напоминал, что Алания была средневековой империей, а перед современными осетинами стоит задача строительства демократической

республики. Поэтому для него название «Алания» имело смысл лишь как символ богатой древней истории осетин; никакие территориальные или политические претензии из этого не вытекали (Есиев 1994). Ему вторил осетинский историк, бурно возражавший сторонникам смены этнонима: «Уж не воображаем ли мы себя (как осетины, так и балкарцы, карачаевцы, ингуши) чистейшей воды аланами в образе Homo sapiens — царей природы, воителей и искусных стрелков и щитоносцев, поклоняющихся мечу — богу войны, стопроцентных «голубоглазых», «светловолосых», с удлиненными черепами, наследников арийцев?» (Созаев 2000. С. 76).

В то же время выступление народного художника Северной Осетии Заур-Бека Абоева показало, что, по крайней мере, для части осетинских интеллектуалов скифо-аланское наследие имеет прежде всего нравственное значение, — он призывал прислушиваться к мудрому голосу древних предков и следовать их моральным устоям. В частности, «осетинским феноменом» он называл интернационализм, якобы доставшийся осетинам от скифо-аланских предков (Абоев 1993). С ним соглашался историк К.Г. Созаев, считавший, что «наш этоним «аш», «асу», «осетин» — это наше национальное лицо, которое включает в себя не просто белокурый или светлоглазый тип людей, как нередко толкуют термин «ас», «оси», и даже не понятия «святой», «сильный», «мужественный», а указание на свойства и особенности характера народа — эталона его мировоззрения и культуры, одного из ранних и ярких представителей человека разумного» (Созаев 2000. С. 81). Он даже заявлял, что «термин «ас» подчеркивает характер и ум этноса, в котором природа, эволюция заложила генетическую предрасположенность к развитию высших психических свойств — интеллекта, мышления, речи и т. д.». Соответственно он писал о якобы «особо высоком уровне одаренности» осетин, доставшемся им от скифов (Созаев 2000. С. 82-84). Зато носители имени «алан», по его мнению, не отличались высокой культурой и нравственностью, были чересчур воинственны и имели массу предрассудков. Мало того, он даже настаивал на том, что в раннем Средневековье асы и аланы постоянно враждовали как носители соответственно светлого и темного начал (Созаев 2000. С. 90). Как бы то ни было, его рассуждения возрождали расовый подход, получивший, как мы видели, определенное распространение в современной Северной Осетии — Алании.

Между тем, как мы знаем, на государственном уровне была подчеркнута линия преемственности между осетинами и аланами, включавшая притязания осетин на алансое наследие, в том числе территориальное. Важно, что это было сделано вскоре после кровавых событий в Северной Осетии, заставивших осетин драматизировать отстаивание территориальной целостности республики и трактовать это как спасение народа от распада и исчезновения (см., напр.: Блиев 1999. С. 322). Мало того, не оставлялись и надежды на воссоединение с Южной Осетией, вхождение которой в Грузию рассматривалось как «антинациональная политика» (Северная Осетия 1995. Подробно см.: Шнирельман 2003. С. 469-470) [80]. Поэтому все этногенетические схемы, создаваемые и используемые в последние годы лидерами осетинского национального движения, неизбежно поднимают территориальный вопрос и, кроме того, подчеркивают наличие древней иранской по происхождению государственности на Северном Кавказе и в соседних с ним районах. Именно эти мотивы подспудно присутствуют в книге осетинского этнолога А. Чочиева, доказывающего, что «в регионе (от Крыма и Подонья до Северного Кавказа. — В. Ш.) всегда присутствовал скифо-нарто-асский этнос», и намекающего на то, что там постоянно сохранялись какие-то формы иранской государственности, хотя они и не всегда достаточно явно фиксировались источниками (Чочиев 1996. С. 251).

Итак, в 1990-е гг. стало очевидно, что едва ли не главной причиной популярности аланского мифа является больной территориальный вопрос, подспудно присутствующий во многих из упомянутых выше этногенетических версий. Надо сразу отметить, что и в Северной Осетии (Кузнецов 1990 г), и в Чечено-Ингушетии (Вагапов 1991 б) раздавались трезвые голоса, предупреждавшие против опасности обращения к далекой истории при решении территориальных споров. Однако на общественное мнение это не подействовало. Так, скажем, прямая преемственность от алан к осетинам однозначно воспринимается и осетинами, и их соседями как полное право РСО-Алании на все занимаемые ею земли. Именно такой подход демонстрировался в вызвавшей скандал у ингушей статье «Северная Осетия: на перекрестке эпох» (1990), где наряду с описанием отступления алан в горы от наседавших татаро-монгольских полчищ говорилось о том, что эти события никак не затронули предков ингушей, живших в труднодоступных горах. С тех пор это утверждение стадо аксиоматичным для осетинской пропаганды (см., напр.: Тамарин, Земфиров 1994. С. 13).

В то же время, имея в виду все тот же сложный территориальный вопрос, ингуши не склонны ставить знак равенства между аланами и осетинами и утверждают, что аланская общность представляла

собой многоязычный конгломерат самых разных народов (см., напр.: Катышева, Озиев 1991. С. 34; Мухуев 1995. С. 11-12). Как показал А. Цуциев, взаимная аргументация сторон напоминает игру в настольный теннис — любой аргумент встречает контраргумент. Когда ингуши ссылаются на то, что земли Пригородного района вплоть до депортации в 1944 г. принадлежали им, осетины отвечают, что ранее, до 1918-1922 гг., на этой территории проживали казаки [81]; если же ингуши возражают, что казаки поселились там только в 1859-1861 гг. после насильтственного выселения оттуда ингушей, осетины обращаются к эпохе раннего Средневековья, когда все спорные земли входили в состав Аланского государства. Тогда-то ингушам не остается ничего иного, как заявлять о гетерогенном характере аланской общности и утверждать, что на всей территории Чечено-Ингушетии всегда жили вайнахи (Цуциев 1994а. С. 182-185; 1998а. С. 84-86) [82]. В любом случае обе стороны убеждены в своих собственных исключительных правах на земли Пригородного района и вовсе не считают их «спорными» (Дзуцев 1995 в. С. 132).

Как эта идея прививается осетинам? Как уже отмечалось, в течение всего XX века осетины отличались высоким уровнем образования. Они сохранили эту особенность и в 1990-х гг., когда по этому показателю они лидировали не только на Северном Кавказе, но и в целом в Российской Федерации (Гостиева и др. 1996. С. 94, табл. 3; Tishkov 1997. Р. 166-165). Это означает, что основными источниками информации им служат разнообразная печатная продукция, материалы СМИ и различные разработки местных интеллектуалов. Действительно, судя по результатам социологического опроса, проведенного в 1994 г. среди горожан и сельчан, знания о героях нартского эпоса подавляющее большинство осетин (79,0-79,4 %) получают из печатной продукции, а не из устной традиции, как в прошлом (Дзуцев 1995 б. С. 73-74). То же самое, очевидно, касается и аланской проблематики, ибо, как правильно отмечает В.А. Тишков, в обществе высокой грамотности создаваемые элитой мифы без труда подхватываются массами (Tishkov 1997. Р. 165). Например, по воспоминаниям западного журналиста, осетинский шофер во Владикавказе рассказывал ему о былом величии алан и осетинских корнях Сталина, перед которым тот благоговел (Smith 1998. Р. 107). Поэтому важно проанализировать, как аланская идея была в 1990-х гг. представлена в осетинских СМИ и как ее использовали местные политики.

Но прежде следует отметить, что к 1990-м гг. осетины стали наиболее русифицированным и сеуляризованным народом на Северном Кавказе. По данным социологов, их идентичность стала опираться уже не на язык, как это следовало бы из общесоветской модели, а на этикетное поведение и традиционный празднично-ритуальный комплекс (Магометов 1997. С. 25-26; Цуциев 1998 б. С. 64). Эта тенденция всячески поощрялась осетинскими властями в период президентства А. Галазова (Черчесов 1998. С. 133). Однако и приверженность осетин своим этнокультурным ценностям также снижалась (Кибизова 1994; Хадиков 1997. С. 195, 199-200; Магометов 1997. С. 20-21; 1998. С. 172. См. также Дзуцев 1994. С. 92, 104; Крицкий 1997. С. 45). Параллельно в 1980-1990-х гг. падали темпы естественного прироста осетинского населения, хотя и не столь катастрофически, как у русских. Зато в те же годы отмечался высокий рост численности соседних мусульманских народов, в частности ингушей (Каберты 1997).

Все это немало беспокоило осетинских интеллектуалов, и они требовали решительных мер по «расширению этнокультурной базы развития сознания народа» (Хадиков 1997. С. 201; Дзугаев 1997. С. 296). Одни предлагали прививать в школе национальное сознание путем широкого использования образцов осетинского нартского фольклора (Александров, Еманова 1997; Туаева 1997). Другие высказывали мысль о создании национальной идеологии, опирающейся на этнический миф осетин («арийский миф») (Газданова 1997). Третьи писали об острой необходимости выработки «единой системы религии на основе традиций осетин», способной спасти их от ассимиляции. Ректор СОГУ А.А. Магометов писал о необходимости возрождения осетинских ритуалов и праздников (Магометов 1997. С. 24; 1998. С. 190).

На этом фоне в Северной Осетии стали искусственно культивироваться пышные семейные ритуалы [83] и оживился интерес к дохристианскому наследию, представлявшемуся некоторыми интеллектуалами едва ли не важнейшей частью «историко-культурного генофонда». Они потребовали свободы проведения ритуалов и праздников в языческих святилищах, одно из которых было связано с рощей Хетага на Алагирской трассе (Блиев 1989 в).

В советское время такая деятельность не поощрялась. Тогда поклонения в роще Хетага всячески пытались отлучить от народной традиции, а ее посетителей изображали «пьяницами и бездельниками». Утверждалось также, что отправление этого ритуала отрывало колхозников от производственного труда и наносило ущерб сельскому хозяйству (Магометов 1959; Решительно бороться 1960; Сергеев 1960). Поэтому раньше там полулегально проводились лишь общинные празднества. Но в 1989 г. роща Хетага

впервые за многие десятилетия стала местом массового праздника, собравшего вместе осетин из Северной и Южной Осетии и немало способствовавшего их консолидации. Позднее праздник в честь Хетага (второе воскресенье июля) был утвержден президентом РСО-Алании в качестве единственного национального и тем самым получил официальный статус как «один из самых почитаемых в Осетии праздников» (Северная Осетия, 8 июля 1995) [84]. Весной 1994 г. начались работы по восстановлению исторической формы священной рощи при поддержке благотворительного фонда «Спасение рощи Святого Хетага»: были построены удобные павильоны, и в частности молитвенный зал с деревянной скульптурой и красочным портретом легендарного Хетага на стене. Наряду с другими осетинскими этнографами, социологами и историками (см., напр.: Блиев 1989 в; Магометов 1997. С. 24) эту деятельность поддержал и авторитетный в республике профессор М.И. Гиоев. В советские годы он заведовал кафедрой истории КПСС СОГУ и занимался проблемами национальных отношений, а в 1993 г. возглавил Стыр-ныхас (Большой Совет) — общественный орган Съезда осетинского народа, ответственный, в частности, за проведение общеосетинских ритуалов и сохранение священной рощи (Шнирельман 2001а. С. 158. См. также: Smith 1998. Р. 81-82).

Бывший в 1990-х гг. советником президента Галазова, философ А. Хачиро (Хачирти) доказывает, что суть приверженности осетин политеистическим верованиям состоит не в поклонении идолам, а в «выражении более высоких духовных ценностей». Наставая на том, что осетины лишь поверхностно восприняли христианство и ислам и что «в крови осетинского народа — его исконные верования», он подчеркивает в то же время, что последние ушли далеко от «естественной религии древних арийцев». По его словам, речь идет о «национальной религии», делающей установку на человека, заслуживающего достойную жизнь на земле. Он считает, что «этую веру надо развивать по пути канонизации ее существенных признаков, воспитывать священнослужителей, способных нести высокую духовность, культуру в массы людей» (Хачирти 2002. С. 204, 211-215, 228). Иными словами, занимаясь созданием современной осетинской национальной идеи, он стоит за формирование «этнической религии», способной усилить этническую идентичность осетин. Похоже, в этом он находит поддержку у части осетинской элиты (см., напр.: Чибиров 2003). Нельзя не заметить сходства этой идеологии и практики с ревитализационными движениями, хорошо изученными специалистами в разных регионах мира (Wallace 1956).

Правда, это «обрядово-тостовое» отношение к национальной культуре, большим энтузиастом которого и был Хачиро (см., напр.: Хачирти 2002. С. 374-378), встретило критическое отношение у другой части осетинских интеллектуалов, ориентированных на европейские ценности (Черчесов 1998). Некоторые пытаются искать компромисс между языческим и христианским наследием и бросают укор православной церкви за пренебрежение осетинскими народными традициями: «Догматы христианства не позволили и, видимо, не позволяют и поныне признать святыни как филиалы святой церкви, хотя абсолютное большинство из них было возведено в честь христианизированных божеств (святых) осетинского пантеона. Представляется, что такое невосприятие осетинских культовых мест православной церковью наносит ущерб в укреплении позиций христианства в современном обществе» (Тменов и др. 2003. С. 18-19).

В рамках этого интеллектуального движения актуализировалась идея аланских предков. Действительно, с сокращением сферы применения осетинского языка и утратой традиционной культуры миф о древних предках стал едва ли не важнейшей основой осетинской идентичности. В последние годы средства массовой информации всех северокавказских республик как бы соревновались в том, кто обнаружит более древних, более славных и более могущественных предков. В этом участвовали как дилетанты (учителя, журналисты), так и профессионалы (историки, археологи, искусствоведы, философы), но именно последние обеспечивали дискуссию научными или псевдонаучными аргументами (Кузнецова, Чеченов 2000). По свидетельству осетинского исследователя, в Северной Осетии и в постсоветское время продолжалось соперничество двух известных нам теорий — «двуприродности» осетин и «иранской генеалогии» (Цуциев 1998 а. С. 85-86). При этом по рассмотренным выше причинам вторая из них кажется многим тем более предпочтительной, что она, во-первых, обеспечена славным скифо-сарматским прошлым и ее поддерживает правящая элита, а во-вторых, способна возвести прочный культурный барьер между осетинами и их беспокойными соседями.

Большим энтузиастом этого подхода является А.К. Хачирти. Своими размышлениями он делится в книге «Аланика — культурная традиция». В ней он разражается гневными филиппиками в адрес «разрушительной перестройки» и в то же время сокрушается по поводу запретов обсуждения проблемы древней истории осетин в советское время [85], против чего, собственно, и была направлена перестрой-

ка. Он объявляет себя приверженцем подхода В.И. Абаева и при этом посвящает свой труд «генетически неразрывному ряду: арии-скифы-сарматы-аланы-асы» (Хачирти 2002. С. 5-6) 86, против чего и была направлена теория «двуприродности» осетин. В упрек историкам Хачиров пишет: «Открыто признать осетин прямым, зримым, наконец, безоговорочным наследником скифо-сарматов не хватает мужества, принципиальности и элементарной последовательности» (Хачиров 2002. С. 46). Того, что это — прямой выпад против абаевской теории субстрата, он как будто не замечает. Мало того, не будучи лингвистом, он с необычайной легкостью перечеркивает само понятие субстрата как «неконструктивное» и объявляет положение о «двуприродности» осетинского языка «грубой, неуклюжей установкой» (Хачирти 2002. С. 72-74). Такие противоречия — не редкость у создателей националистических мифов о далеких предках.

Вместе с тем обе соперничающие концепции имеют свои недостатки. Действительно, если осетины делают акцент на генетической преемственности с древним ираноязычным населением, им приходится соглашаться с тем, что их предки являлись относительно недавними пришельцами в регионе, где предки многих других северокавказских народов поселились много раньше. Тем самым в силу архаического права первопоселения, популярного у традиционных народов (см., напр.: Boyarin 1994. Р. 17; Malkki 1995. Р. 60-67; Karakasidou 1997. Р. 152), под вопросом оказываются их территориальные права [87]. Если же они выводят себя прежде всего из местного кавказского субстрата, то тем самым как бы признают, что их предки сменили язык, и это заставляет их чувствовать снижение своего статуса среди многих других кавказцев, гордящихся тем, что, какими бы ни были обстоятельства, их предки сохранили свои исконные языки (Шнирельман 1996; Shnirelman 2003a; Хадиков 1997. С. 198, 201). Ведь в народных представлениях переход на чужой язык означает подчинение, а сохранение своего языка — сопротивление (Cimet 2002. Р. 146). Например, в песне индейцев-кайова говорится: «Они забрали у нас землю. Они забрали все, что могли... Но я никогда не отдаю им мой язык» (Lassiter 2002. Р. 131). Балкарский писатель выражает это следующими словами: «Если народ по небрежности своей не уберег свой язык — свое сокровище и сейчас нищенствует, живет лишь на подаяние — пользуется чужим языком, — хоть и жалко его, но пусть будет ему стыдно!» (Кучинаев 2001. С. 41-42) [88]. Иными словами, если оторванные от своих корней беженцы и эмигранты нередко рассматриваются как «социальная патология» (Malkki 1992. Р. 31-32), то нечто подобное содержится в народном сознании в отношении смены языка. Поэтому в течение последних 15 лет в Северной Осетии создавалась третья теория, пытавшаяся совместить ираноязычие с аборигенностью.

Осетинским ученым кажется несомненным, что именно язык «является решающим признаком этнической общности» (см., напр.: Гаглоити 1966. С. 6; Джусойты 1990; Исаенко, Кучиев 1994 а). Поэтому самый трудный вопрос, стоящий перед ними, касается автохтонности осетин. Стратегия, которую в этих обстоятельствах выбирают некоторые из них, заставляет их стремиться к совмещению обоих факторов, а это означает, что они должны не только настаивать на приоритете ираноязычных предков в этногенезе осетин, но и удревнять ираноязычие в горах Северного Кавказа. Именно такой линии и придерживались один из основателей осетинской исторической школы З.Н. Ванеев (Ванеев 1959; 1989) и его последователи (Гаглоити 1966; 1967; Гагкаев 1967; Исаенко 1993; Исаенко, Кучиев 1994 а; 1994 б; Гуриев 1995; Хачирти 2002) [89], связывавшие формирование осетинского народа с иранским пластом по преимуществу и игнорировавшие кавказский субстрат или отводившие ему второстепенное место, о чем с тревогой и недоумением писали некоторые специалисты (Кузнецов 1994; Баскаев 1995 б; Цуциев 1995. С. 45; Гостиева и др. 1996. С. 121).

Так, Ванеев утверждал, что одно время ираноязычные племена составляли большинство среди горцев Кавказа (Ванеев 1989. С. 346-347). Он настаивал на том, что не пришлые алано-сарматы растворились в среде местного населения в центральной части Северного Кавказа, а, напротив, они сами ассимилировали и иранизировали последнее. Причем это произошло, по его мнению, еще на рубеже новой эры (Ванеев 1989. С. 133-134, 145-146). Иначе говоря, осетины — это не иранизированные автохтоны, а прямые физические потомки пришлых алан (Ванеев 1989. С. 139). Ванеев фактически отождествлял осетин с аланами и сарматами, что и позволило ему значительно углубить их историю (подробно об этом см.: Шнирельман 2003. С. 479-482). К тому же приему, как мы видели, прибегал и Ю.С. Гаглоити, выступавший против деления народов Северного Кавказа на «пришлые» и «аборигенные» и указывавший на условность самого понятия аборигенности (Гаглоити 1967. С. 96).

Одновременно ведется пересмотр этнической атрибуции кобанской культуры. Начиная с 1987 г. известный югоосетинский археолог Б.В. Техов доказывает, что эта культура была создана «индо-

иранцами (ариями)» или просто «иранцами» (Техов 1993; 1994 а. С. 65-66; 1994 б; Челехсаты 1994. С. 30. См. также: Исаенко 1993; Медойти, Чочиев 1994; Чочиев 1996. С. 247; Хачирти 2002. С. 63) [90]. Он пишет: «В течение тысячелетий не было такого периода времени, когда бы на территории Кавказа, особенно в его центральной части, не обитали племена индоевропейцев и иранцев, носителей ираноязычной традиции» (Техов 1993. С. 8) [91]. Тем самым достигается полное совмещение ираноязычия с автохтонностью, ибо иранцы оказываются едва ли не исконными обитателями Северного Кавказа [92].

Своего верного последователя Техов нашел в лице профессора Северо-Осетинского государственного университета А.В. Исаенко, имеющего смешанное казачье-осетинское происхождение (Smith 1998. Р. 107). Не занимаясь прежде ни археологией, ни историческим языкоизнанием, Исаенко с энтузиазмом включился в обсуждение аланской проблемы, имея в виду изменение названия республики, о чем уже шла речь выше. Исходя из представления о тождестве алан с осетинами, он всеми силами пытался углубить историю алан на Северном Кавказе. Для этого он сперва сконструировал особую «прааланскую общность», якобы возникшую из смешения самых ранних скифов с местными кобанцами. Тем самым он отнес начало формирования этого «нового этноса» к VII в. до н. э. Затем в той же самой газетной статье он высказал предположение о том, что какие-то «иранцы» присутствовали еще среди кобанцев и что они стали смешиваться со степными пришельцами (тоже иранцами!) еще в конце бронзового века. В итоге, забывая о своих предшествующих рассуждениях, он приходил к выводу о том, что новая «территориально-этническая общность» сформировалась уже в конце II тыс. до н. э. Почему-то представив ее «савроматами», он утверждал, что именно от нее отделились двалы (туалы), оказавшиеся тем самым тоже иранцами, т. е. «древнеосетинским племенем» [93]. Это помогает ему не только заселить предками осетин южные отроги Центрального Кавказа, но и заявить, что у истоков грузинских правящих династий стояла «савроматская аристократия» (Исаенко 1993).

Ровно через год, возвращаясь все к тому же вопросу о происхождении осетин, Исаенко признавал, что им движет не столько чисто научный интерес, сколько стремление участвовать в процессе национального возрождения, требующего обращения к своим корням. Если в рассмотренной выше статье Исаенко оперировал прежде всего данными археологии, то теперь он обратился к лингвистике, давшей ему возможность с легкостью отказаться от идеи «кавказского этнического субстрата». Следует отметить, что он совершенно правильно связывал преувеличенное внимание к «общекавказскому субстрату» с идеей «советского интернационализма», которая, как мы видели выше, в особенности активно навязывалась властями начиная с 1950-х гг. [94] Однако он полностью игнорировал тот факт, что у нее имелись и научные основания. Примечательно, что, всячески подчеркивая заслуги В.И. Абаева и в то же время возмущаясь резолюцией сессии 1966 г., говорившей о «двуприродности» осетин, Исаенко даже не упоминал о том, что эта идея принадлежала именно Абаеву (Исаенко, Кучиев 1994а; 1994 б) [95]. Все это было с горечью отмечено В.А. Кузнецовым, продолжавшим подчеркивать, что теория кавказского субстрата подтверждается данными археологии и физической антропологии (Кузнецов 1994).

Однако концепция Кузнецова не устраивала сторонников «осетинского возрождения». Среди них оказались и некоторые археологи, например Р.Х. Гаглоиты, пытавшийся проследить прямую преемственность между кобанской культурой, скифо-сармато-аланами и осетинами (Гаглоиты 1994). Лингвист Ю.А. Дзиццойты ищет новые подтверждения гипотезе Техова о доскифском ираноязычии на Северном Кавказе. Для этого он прибегает к гипотезе известного русского лингвиста О.Н. Трубачева, раздивившего идею об индоарийстве синдов. Для Дзиццойты это означает, что доскифское население Северного Кавказа говорило на индоевропейских языках; они-то и стали тем самым «кавказским субстратом» в осетинском языке, о котором писал Абаев (Дзиццойты 1992. С. 178, 252-253) [96]. Поддержанная уважаемыми учеными версия о том, что предками осетин являлись одновременно кобанцы, сарматы и аланы, воспринимается теперь в Северной Осетии-Атании как расхожая истина (см., напр.: Попов 1996. С. 48-49).

Особый импульс этой тенденции в осетинской науке придали трагические события начала 1990-х гг. — события в Южной Осетии и осетино-ингушский конфликт (Гостиева и др. 1996. С. 121). С тех пор, безусловно, имея в виду территориальный вопрос, осетинские ученые не просто настаивают на проникновении ираноязычных кочевников в горы Центрального Кавказа на начальных этапах раннего железного века, но в особенности делают упор на их раннем проникновении на южные отроги Кавказского хребта (Догузов 1992; Исаенко 1993; Гутнов 1993а. С. 10-11; 1995в. С. 69-70; Гаглоити 1994; Дзиццойты 1994; Гаглоиты 1994; Техов 1994 б; 1995; Медойти, Чочиев 1994). Своих крайних форм эта тенденция достигает у некоторых югоосетинских авторов, обнаруживающих «древних осетин» в Южной Осетии

еще в эпоху ранней бронзы, т. е. в III тыс. до н. э. (Чичинадзе, 1993. С. 8). Один из таких авторов, сотрудник республиканского краеведческого музея П.К. Козаев, отождествляет закавказскую алазано-беденскую культуру конца III тыс. до н. э. с индоариями и приписывает последним цивилизаторскую миссию не только на Кавказе, но и в Передней Азии (Козаев 1994). Он, в частности, выступил с предположением о том, что в древнейшем ядре нартского эпоса якобы отложились воспоминания о борьбе между индоариями-сираками и кавказскими автохтонами (хурритами, хаттами, кашками, халибами и др.), ареной которой он считал Закавказье (Козаев 1989). Правда, это предположение было отвергнуто другим осетинским ученым как надуманное (Дзиццойты 1992. С. 18, 27).

Тем временем осетинский историк Ф.Х. Гутнов публикует в осетинской печати серию статей о славных страницах истории скифов, сарматов и алан (Гутнов 1990 а; 1993 б; 1995 а; 1995 б; 1995 в; 1996; 1997), тем самым оттеняя непреходящую ценность древнеиранского политического и культурного наследия для осетин. Не забывает он и о туальцах, доказывая, что они еще в VII в. входили в «восточно-аланское протогосударство», а в X в. стали «этнической частью алан» (Гутнов 1994 а). Вместе с тем, оставаясь в рамках научной парадигмы, Гутнов не отказывается от идеи «кавказского субстрата» и, говоря о происхождении осетин, стремится соблюсти необходимый баланс, следя традиции, идущей от Абаева (Гутнов 1993. С. 12-13). Хачирти также признает, что пришлые ираноязычные кочевники включили в свою среду местных кобанцев, но, в отличие от Абаева, он отдает приоритет первым и настаивает на том, что именно они доминировали в образовавшемся конгломерате племен. В то же время, вслед за Теховым, он тоже предполагает, что кобанцы могли быть «представителями арийского мира» (Хачирти 2002. С. 38, 53, 59-63, 287). Даже не пытаясь вникнуть в аргументы ученых, не согласных с этой идеей, он с ходу отметает предположение лингвистов (среди которых был и Абаев!) о принадлежности кобанцев к древней северокавказской лингвистической общности (Хачиров 2002. С. 56). К этому его обязывает чувство патриотизма: «Наше патриотическое чувство не должно при этом ущемляться, ибо арийское начало на Ближнем Востоке двигаюсь из глубин Средней Азии и переднеазиатские арии (индоиранцы) делали намного раньше то же дело, мы не знаем, мирными или немирными средствами, что потом делали киммерийцы, скифы и другие в Центральном Кавказе» (Хачиров 2002. С. 63).

Наконец, логика ему вовсе отказывает, когда он, с одной стороны, пишет о гармоничном вхождении кобанцев-кавказцев и ряда других местных групп в алансскую общность, а с другой, эмоционально возражает против попыток глубокого изучения влияния на пришлых алан со стороны кавказских аборигенов: «Они, как иберийско-кавказские племена, со своими языками и другими особенностями, не могли играть активной роли в формировании другого этноса-народности, но могли мешать этому процессу» (Хачирти 2002. С. 53-55). Вообще в своем отношении к неиранским народам он придерживается двойного стандарта. Например, расселение тюркских племен он представляет как «омерзительные сквозняки чудовищных разрушительных сил в облике разных завоевателей» (Хачирти 2002. С. 45), как будто скифские и сарматские вторжения не играли столь же разрушительной роли. И в то же время далее он признает факт тесного контакта осетин и их предков с соседними народами, что выражалось в межэтнических браках и взаимовлиянии культур (Хачиров 2002. С. 55-56, 76-78). Как совместить все эти противоречивые утверждения, рассеянные по страницам его объемистого труда, читателю остается неясно.

В ряде публикаций осетинские авторы пытаются продемонстрировать влияние, оказанное древними иранцами на европейскую античную и средневековую культуру (см., напр.: Чочиев 1996. С. 248-250; Лебединский 1996; Козонти 1997 а; 1997 б; Хачирти 2002. С. 35-37), а также на культуру и общество Ближнего Востока, включая Египет. Один из таких авторов, прославляя алано-асских военачальников средневекового Египта, даже характеризует ираноязычных аланов и асов в Египте как «расу господ» (Самир 1995. С. 212).

Мало того, недавно прокоммунистическая газета «Алантæ» объявила о появлении еще одной, гораздо более экзотической, версии истории, согласно которой древние осетины были создателями некоей первоцивилизации, щедро снабжившей своими оригинальными достижениями цивилизации Египта и Междуречья. Автор этой гипотезы смело идентифицирует праиндоевропейский язык с «реликтовым осетинским языком», а загадочную первоцивилизацию помещает в Египет. Он утверждает, что «основное ядро нартовского эпоса осетин формировалось на берегах Нила» и что этот эпос сохранил память о строительстве пирамиды Хеопса (Н. Абаев 1996). А осетинский журналист-международник, ныне работающий в Анголе, пытается доказать, что аланы даже ухитрились сыграть определенную роль в этногенезе центрально-африканских племен (Козонти 1997 б). Ныне в Северной Осетии встречается и

идея о том, что в своих странствиях древние иранцы достигали Америки, и в частности дали начало ацтекам (Созаев 2000. С. 56-59).

У некоторых осетинских авторов мегаломания находит и иное отражение — она проявляется в грэзах о Великой Скифии, лежавшей якобы между Волго-Окским междуречьем и Черным морем. Тем самым русские объявляются потомками скифов, а следовательно, младшими родственниками осетин (Хетагуров 1996). В Осетии сейчас реанимируется и давно отброшенная наукой гипотеза о генетических связях славян с сарматами (см., напр.: Бзаев 1995). Аргументы такие авторы находят в работах Гутнова, доказывающего большую роль сарматов в этногенезе не только народов Кавказа, но и русских (Гутнов 1995 б. № 12); в этом нетрудно увидеть намек на статус «старшего брата», который по праву должен принадлежать осетинам. А. Хачирти жестко критикует такого рода фантастические построения, обвиняя их авторов в «национальной ограниченности мышления» (Хачирти 2002. С. 48-49), не замечая, что и самому ему не удается избежать этого греха.

Конфликты с грузинами на юге и с ингушами на востоке в обстановке общей нестабильности заставляли осетин искать надежного сильного союзника. Таковым для них оказалась Россия, и они делали все, чтобы сохранить с ней добрые отношения. Как мы уже знаем, 14 октября 1996 г. во Владикавказе торжественно отметили 220-летие присоединения к России и 210-летие основания Владикавказа. Выступая на торжественном заседании, президент Галазов всячески подчеркивал необычайно глубокие корни близости между Осетией и Россией. Он, в частности, сказал: «Общая история Осетии и России восходит ко времени скифского царства...» Вхождение Осетии в состав России во второй половине XVIII в. он назвал «восстановлением» прежних тесных взаимоотношений (Цалиев, Келехсаев 1996. С. 9-11). К этому юбилею Гутнов опубликовал в газете «Северная Осетия» статью, где в унисон с президентом доказывал, что корни русско-осетинского боевого братства уходят к тем временам, когда в X-XI вв. восточные славяне вместе с алантами осуществляли совместные набеги на соседей (Гутнов 1994). Очевидно, без таких аргументов Галазову трудно было доказывать, почему Осетии было суждено вечно быть с Россией (Галазов 1999). А его советник настаивал на том, что в прошлой истории осетин было два судьбоносных события — присоединение к России, наделившее осетин своей собственной территорией, и Октябрьская революция, создавшая основы для современной осетинской нации (Хачирти 2002. С. 44-45).

Со временем определенную популярность у осетин начал приобретать аланско-арийский миф, хорошо отвечающий задачам этнической консолидации, а также всеобщей мобилизации осетин для отстаивания своих территориальных прав. Действительно, при наличии у осетин нескольких разных диалектных и конфессиональных групп, а также многолетнем отрыве Южной Осетии от Северной осуществлять консолидацию путем апелляции к относительно недавнему прошлому было бы затруднительным. Кроме того, романтический арийский миф в отличие, скажем, от христианского делает акцент на мускулинистических рыцарских ценностях, а также помогает искать союзников, пусть отчасти и мифических, среди германцев и славян. Одновременно этот миф как бы легитимизирует седой древностью и выдающимися достижениями далеких предков [97] претензии осетин на более высокий статус по отношению к ингушам, что, естественно, включает и решение болезненного территориального вопроса. Но, как полагает осетинский исследователь А. Цуциев, самой важной частью арийского мифа является его нравственно-этическое начало, рыцарский кодекс, способный, по мнению его адвокатов, помочь осетинам преодолеть моральный упадок (Цуциев 1995. С. 45-47). Это представляется им весьма насущной задачей, и об утрате традиционной этики, росте индивидуализма и моральном кризисе у осетин уже неоднократно писали осетинские интеллектуалы, включая первого президента Северной Осетии (Блиев 1993; Тамарин, Земфиров 1994. С. 39; Галазов 1999. С. 14-15; Хачирти 2002. С. 369). Поэтому в своем недавнем труде Хачирти посвящает десятки страниц тому, что он называет «освобождением традиции скифского мира от поздних извращений». Исходя из «ревитализационной» логики, он полагает, что лишь возвращение к «неиспорченным» скифским и аланским традициям позволит осетинам преодолеть все современные трудности и невзгоды (Хачирти 2002. С. 373-378) [98].

В 1990-х гг. большим энтузиастом «арийской идеи» показал себя один из лидеров национального движения южных осетин этнограф А.Р. Чочиев, сотрудник Центра культурной антропологии СОИГИ (Чочиев б. г. С. 81-84) [99]. Он не только объявляет кобанцев «ариями», но и пытается выработать общенациональную «арийскую идеологию», изображая индоевропейцев культуртрегерами, во главе которых стояли «ас-аланские» правители и наставники. Арийская идея популярна не только у маргиналов. Об арийском происхождении осетин пишет, например, А. Хачиров, хотя он и предупреждает против спекуляций на эту тему, возрождающих нацистские расовые мифы (Хачирти 2002. С. 263). Мало того, положе-

ние об арийском происхождении осетин уже вошло в осетинский школьный учебник истории (Блиев, Бзаров 2000).

Герб Юго-Осетии со «скифско-арийскими» символами

Арийский миф, развивающий Чочиевым и рядом других осетинских авторов, не столь уж безобиден. Не случайно некоторые его поклонники с благоговением называют имя классика европейского антисемитизма Хьюстона Чемберлена и заявляют, что «историю нации и ее будущее невозможно осознать, опираясь на марксистские идеи и мертвые догмы Моисеева закона» (Хамицев, Каргаев 1993). Как и во времена Чемберлена, арийский миф не свободен от расизма, и его адвокаты заявляют, что «три цвета аланско-флага: белый, красный, желтый — символизируют не только кастовое деление идеального арийского общества на жрецов, воинов и производителей материальных ценностей, но и определяют иерархическую общность рас земли...» (Хамицев, Каргаев 1993) [100]. Еще один осетинский поклонник арийства подхватывает старый антисемитский миф о том, что будто бы древние евреи в корыстных целях похитили у ариев тексты Священного Писания, якобы первоначально записанные на «арийском (осетинском) языке» (Уа'ларий 1997). В этом нетрудно обнаружить идею «арийского христианства» [101], которая была так дорога Чемберлену и к которой в начале XX в. питали страсть германские шовинисты и расисты. Арийскому мифу также присущи мегаломания и мессианский заряд — ведь Чочиев утверждает, что «в весьма значительной степени история цивилизации — это индоевропейская история». А «ас-алан» он представляет носителями высшей культуры, приобщившими народы Старого Света к цивилизации; причем все древние столицы евразийских государств превращаются под его пером в резиденции «ас-аланских» правителей и наставников (Чочиев 2000. С. 430-431, 447, 468, 486; 2001. С. 17-18) [102].

То, что в течение раннего железного века Северный Кавказ неоднократно подвергался нашествию кочевых скифов и сарматов и что они были в основном ираноязычны, вряд ли может подвергаться сомнению. Столь же бесспорно, что они сыграли немалую роль в этногенезе осетинского народа. Однако бесспорная в научном отношении, эта модель, если она игнорирует определенную роль местного кавказского субстрата, открывает возможности для расистской интерпретации древней истории, утверждающей политическое и культурное превосходство пришельцев и игнорирующей культурный вклад северокавказцев. В этом отношении она воспроизводит «арийскую модель» истории сложения европейской цивилизации, сформулированную в XIX в. и содержавшую очевидные зерна расизма (Bernal 1994). Вот почему «арийская идея», культивируемая некоторыми осетинскими интеллектуалами, небезопасна.

Глава 10. Некоторые итоги

В начале XX в., когда Осетия была частью Владикавказского округа и не представляла отдельной административной единицы, осетинская идентичность питалась романтическими идеями, напоминающими о великом прошлом ираноязычных предков, бесстрашных воинов-завоевателей, покорителей безбрежных просторов, выступавших на равных с древнейшими государствами и империями. Существенно, что такие представления лишь в малой степени были связаны с традиционными фольклорными образами, берущими начало в нартском эпосе. В гораздо большей мере речь шла о проникновении в массовое сознание научной информации о скифских, сарматских и аланских древностях, о которых археологи и филологи начали активно писать в XIX в. Это стало возможным с появлением своих печатных изданий и распространением формального образования, которое, как мы знаем, было поставлено у осетин много лучше, чем у соседних северокавказских народов. Тем самым, обращаясь к теме предков и золотого века, социальная память апеллировала не столько к живой народной традиции, сколько к книжному знанию, ставшему в XX в. ее важнейшей основой.

Идея аланских (арийских) предков вдохновляла осетин и в течение первого советского десятилетия, когда у них еще была жива память о Гражданской войне, где им пришлось вести вооруженную борьбу против чеченцев и ингушей. Однако с наступлением эпохи советского интернационализма такая память оказалась не ко двору и на время потеряла свою былую привлекательность. Теперь, по представлениям советских идеологов, не было ничего, что бы подпитывало дружбу народов лучше, чем идея их кровного родства. Это создало мощный стимул для изучения взаимоотношений народов в истории, и приоритетной стала идея формирования современных этнических групп на основе смешения самых различных древних общностей. «Чистым культурам» и «чистым расовым типам» наступил конец. Зато не в пример привлекательнее выглядела идея субстрата, пропагандировавшаяся академиком Марром. Так на смену «арийским предкам» пришла гипотеза о «двуприродности» осетин, возникших на местном кавказском субстрате под влиянием пришлых ираноязычных кочевников. Она в буквальном смысле включала осетин в дружную семью северокавказских народов, делая всех их ближайшими родственниками, несмотря на языковые расхождения.

Однако этот период безмятежной дружбы оказался непродолжительным. Война с нацизмом и депортация соседних народов внесла важные, хотя и неоднозначные, корректизы в социальную память. С одной стороны, с темой «арийских предков», так полюбившейся нацистской пропаганде, приходилось окончательно расстаться. Но с другой стороны, теперь не могло быть и речи о каком бы то ни было родстве с соседями, отправленными в депортацию. Напротив, следовало от них как можно дальше дистанцироваться. Поэтому славное скифо-сарматское прошлое снова обрело былую актуальность. Оно не только снабжало осетин захватывающей дух историей великих миграций и военных побед, но и легитимизировало их права на территорию Центрального Кавказа и его историческое наследие, которое в отсутствие депортированных народов свободно приписывалось исключительно ираноязычным аланам. Все же научная добросовестность и преданность идеологии интернационализма не позволяли ни Абаеву, ни Скитскому отказываться от идеи кавказского субстрата в этногенезе осетин.

Тем не менее советская идеология начала 1950-х гг., связавшая идею языкового субстрата с именем попавшего в немилость Марра, требовала с ней расстаться и настаивала на изучении «чистых языков». Начало этой кампании положил сам Сталин, которого, очевидно, не устраивали интернационалистические установки Марра. Ведь, сколь бы эксцентричными ни выглядели лингвистические построения Марра, тот был последовательным борцом против колониализма за права малочисленных коренных народов. Поднявший в конце 1940-х гг. волну государственного шовинизма Сталин вряд ли мог и далее терпеть подобные идеи. Не случайно его выступление против Марра совпало по времени с кампаниями против Шамиля и народных эпосов. Удивительным может показаться другое — то, что гонения на теорию субстрата проходили под лозунгом борьбы с «буржуазным национализмом». Однако знакомство со сталинским «новоязом» (термин Оруэлла) убеждает в том, что в эти годы национализмом называлось все то, что могло противостоять сталинскому тоталитаризму.

Все же тогда теории субстрата удалось выжить. Этому в немалой степени способствовала противоречивость советской идеологии, которая, искусно ведомая Сталиным, пыталась выковывать имперское единство, но в то же время не могла порвать с марксистской догмой, требовавшей преданности лозунгам интернационализма. Такая противоречивость была свойственна и тем представлениям о сво-

ем происхождении, которые бытовали у осетин в послесталинские десятилетия. С одной стороны, им по-прежнему официально навязывалась версия о двуприродности, но, с другой, их теперь постоянно мучил вопрос о Пригородном районе, повисший над ними дамокловым мечом. После 1957 г. неразрешимая территориальная проблема стала для них кошмаром, и они пытались всячески откращиваться от какого бы то ни было родства со своими ближайшими соседями. В этом и состоял секрет борьбы за этническую «чистоту» аланская общности. Теперь патриотически настроенные осетинские ученые уже не желали ни с кем делиться аланским наследием. Мало того, еще в советские годы некоторые из них начали задумываться об изменении названия своего народа на «аланы». Однако этого советская идеология им тогда не позволяла. И все же, как бы ни спорили ученые, версия, делавшая основными предками осетин ираноязычных кочевников, постоянно фигурировала в республиканских школьных учебниках и местных СМИ. Так в республике и формировалась социальная память, делавшая акцент на скифском, сарматском и аланском наследии. Не будем забывать, что основные знания осетин об истории своего народа были связаны с научными достижениями и оставались по преимуществу книжными.

По мере нарастания в 1980-х гг. напряженности в осетино-ингушских и осетино-грузинских взаимоотношениях аланская идентичность оказывалась все более соблазнительной для осетинских интеллектуалов. Отличаясь от своих северокавказских соседей более высоким уровнем образования и будучи в значительной мере русифицированными, осетины чувствовали себя среди них чужаками. Вражда с грузинами и ингушами только обострила это чувство, а возвращение религии в северокавказский дискурс еще больше его укрепило. Не менее сложной оставалась ситуация и внутри осетинского общества, солидарность которого подрывали противоречивые устремления отдельных осетинских групп (дигорцев, южных осетин). В то же время на федеральном уровне обсуждалась судьба национальных образований, и отдельные политики настаивали на их распуске. Все это требовало отстаивания своей «самобытности» и «的独特性» со ссылкой на специфику исторического пути и заслуги древних предков. Аланская идентичность как нельзя лучше подходила для решения такой задачи.

Вместе с тем высокий уровень русификации осетин привел к резкому падению роли осетинского языка. Поэтому ряд видных представителей осетинской элиты попытались сделать основой осетинской идентичности традиционные обряды и ритуалы и сконструировать из них этническую религию, базирующуюся на дохристианских народных верованиях. Это также оживило память об аланах, наследием которых и считались такие верования. Одновременно изменилась функция осетинского языка, и из живого инструмента он превратился в символ идентичности.

Поэтому крах коммунистической идеологии и распад СССР сопровождались возвратом к аланской идентичности, о которой мечтали осетинские националисты еще в начале XX в. Хотя одним из ее компонентов был, безусловно, традиционный нартский эпос, в целом она не имела никакого отношения к народной культуре и основывалась на интерпретации научного знания современными образованными людьми. Столь же современным было и представление о национальной территории и ее жестких границах, также составляющее неотъемлемую часть аланской идентичности. По сути, к такой же инновационной деятельности в духе «изобретения традиции» можно отнести и использование реконструированной аланской символики в государственных символах Северной Осетии. Наконец, еще одним важным компонентом аланской идентичности в представлении части осетинских интеллектуалов является арийский миф с его идеологемами иерархии рас, народов и культур. Парадокс заключается в том, что именно относительно высокий образовательный ценз открыл осетинским интеллектуалам путь к книжной расовой теории и научному расизму. Хотя в работах некоторых из них расовые представления вуалируются псевдонаучными рассуждениями, они достаточно заметны и хорошо распознаемы. Итак, круг замкнулся, и осетины вернулись к «аланско-арийской» идентичности столетней давности.

Эта идентичность призвана преодолеть локальные культурные и языковые различия между разными группами осетин, в том числе переквалифицировать «чужих» южных осетин, переселившихся на территорию Северной Осетии двумя воинами в 1945 и 1991 гг., в «своих». В то же время она возводит барьер между осетинами и ингушами, которые становятся до такой степени «чуждыми», что теряют в глазах осетин статус «коренного» народа на территории Пригородного района. Подчеркивание особых заслуг «скифской цивилизации» оправдывает заселение Северного Кавказа предками осетин, якобы принесшими сюда «цивилизацию и культуру». Это символически ставит осетин в привилегированное положение перед соседними народами, не имевшими таких «престижных» предков.

Таким образом, в течение десятилетий осетинские ученые при поддержке местных властей выковывали у осетин идентичность, противопоставлявшую их соседним горским народам. Попытки пре-

одолеть эту тенденцию с помощью теории «двуприродности» оказались малоэффективными, ибо они шли вразрез с устремлениями осетинской интеллектуальной и политической элиты. Все это возмущало соседей осетин, видевших в построениях осетинских ученых фальсификацию истории с целью дистанцирования себя от горцев и обретения престижных предков, наделявших осетин ореолом исключительности. Ингушский историк увидел здесь определенную опасность, связанную с тем, что идеология исключительности, создававшаяся в научных кабинетах, широко распространялась среди осетинской общественности, включая молодежь, и прививала ей этноцентристское мировоззрение и антиингушские настроения (Мужухоев 1995. С. 98-101. См. также: Костоев 2003). Справедливости ради следует отметить, что и с осетинской стороны раздавались слова сожаления по поводу неблаговидной роли отдельных интеллектуалов в провоцировании межэтнических конфликтов (об этом см.: Беджанов 1997. С. 56).

Примечания

1. О том же писал и его более осторожным современник К. Г. Кох, однако он не рискнул на этом основании творить о родстве осетин с германцами. См.: Кох 1967. С. 251-252.
2. О неправомерности этих поверхностных выводов см.: Кодзаев 1903. С. 5-6; Кокиев 1944. С. 44; Скитский 1947. С. 6; Калоев 1971. С. 12.
3. В советское время Кодзаев слыл «буржуазным националистом». Он также считался «клерикалом и мракобесом», так как его книга была посвящена укреплению позиций христианства на Северном Кавказе. См., напр.: Кулов 1935. С. 174-175; История 1954. С. 276-277; Новосельцев 1987. С. 486, 489. Но в постсоветское время он называется в осетинском школьном учебнике создателем «патриотической концепции осетинской истории». См.: Блиев, Бзаров 2000. С. 336.
4. О нем см.: Гаппо Байати 1938. В советское время Г. Баев, в последние годы своей жизни преподававший историю осетин в нацистской Германии, подвергался всческим познаниям как монархист, антисоветчик и предатель родной земли. См., напр.: Такоев 1926. С. 320; Гусалов 1935. С. 4: Обращение 1942; Кокиев 1944: Тотоев 1967а. Но в 1990-х гг. он был в Северной Осетии полностью реабилитирован и внесен в список выдающихся деятелей. См.: Цаллаев 1991: Бзаров 1995.
5. О нём см.: Гагкаев 1962.
6. Первые попытки ее создания были предприняты еще в конце XVIII – начале XIX в. в Северной Осетии моздокским архиепископом Гаем Бараташвили на основе кириллической графики, а в Южной Осетии И. Ялгузидзе (Габараевым) на грузинской основе в первую очередь для печатания церковной литературы. См.: Скитский 1947. С. 185; Бигулаев 1948. С. 248-249; Калоев 1971. С. 302; Новосельцев 1987. С. 261-262.
7. Первыми осетинскими поэтами считаются И. Ялгузидзе (1770-1830) и Коста Хетагуров (1859-1906).
8. Так же решали вопрос о происхождении нартского эпоса и осетинские эмигранты. См.: Кундух 1935в. № 15. С. 20; Åsson 1935 b; 1936.
9. На самом деле все обстояло ровным счетом наоборот: на рубеже XIII-XIV вв. Шида Картли подверглась массовым набегам осетин, и царю Георгию V пришлось приложить немало усилий, чтобы положить им конец. См.: Ванеев 1959. С. 144.
10. Между тем именно в 1927-1928 гг. Кокиев проделал огромную работу, обнаружив в архивах Москвы и Ленинграда множество неизвестных материалов по истории Северного Кавказа.
11. Так теорию Марра и воспринимали северокавказские эмигранты. См., напр.: Б. К. 1934. С. 17-18.
12. Правда, в дальнейшем выяснилось, что основным в осетинском языке являлся все же иранский пласт, давший до 60 % осетинских этиологии. См.: Абаев 1967а. С. 20.
13. Много позднее появились новые основания для такого предположения: выяснилось, что *digor* могло происходить от западнокавказского племенного названия. См.: Балкаров 1965. С. 92. Ср.: Шамирзов 1994.
14. Об этой кампании см: Догуж 1936 б.
15. Правда, этот проект был неприязненно встречен парижским эмигрантским журналом «Кавказ», редактор которого, бывший министр горского правительства Г. Баммат, оказался за бортом этого проекта и чувствовал себя ущемленным.
16. Бывший работник областной прокуратуры, исполнявший обязанность первого секретаря Северо-Осетинского обкома в 1944-1953 гг.
17. Правда, сегодня осетинский политолог пытается это опровергнуть, но и ему приходится признать, что в отрядах Бичерахова находилось немало осетинских офицеров. См.: Дзидзоев 2000 б.
18. Об этом см.: Хожаев 1991 а. С. 16-17. Постановление было отменено лишь 28 мая 1958 г.
19. Это с восторгом было встречено рецензентами книги. См.: Тотоев, Джанаев 1948.
20. Вскоре Скитский посвятил этому специальную работу. См.: Скитский 1949. С. 22.

21. Но здесь надо иметь в виду следующие два момента. Во-первых, речь идет о восприятии алан внешними наблюдателями, которые могли использовать термин «аланы» для самых различных степных кочевников той эпохи. Ведь хорошо известно, что византийцы называли скифами раннесредневековых тюркских кочевников. См., напр.: Малахов 1992. Действительно, армянские источники называли «аланами» военный союз северокавказских народов, возглавляемый аланиями. См.: Габриелян 1989. С. 34-37. Во-вторых, разные по языку и культуре группы могли генеалогически привязывать себя к самому воинственному и удачливому в степях племени, что имело высокий престиж. Такие случаи хорошо известны в истории.
22. Недавно убедительные доказательства этому привел Б. С. Илизаров. См.: Илизаров 2004. С. 207-209.
23. О знакомстве Сталина с трудами Марра на эту тему см.: Илизаров 2003. С. 126-128.
24. Об этом см.: Аллатов 1991. С. 165-166.
25. Действительно, в своей основополагающей статье по истории языка Абаев предпочел не каяться в мифических грехах, а продемонстрировать особенности научного подхода к языку как историческому источнику. См.: Абаев 1952.
26. Вопрос о присоединении Осетии к России представлялся Куллову в тех условиях настолько важным, что через год он посвятил ему особую статью, но опубликован ее только на осетинском языке. См.: Кулов 1952 б.
27. А ведь еще совсем недавно сам Кулов говорил о большом воспитательном значении «Нартского эпоса», главным героем которого он тогда считал народ, чьи лучшие качества закрепились в эпосе. Тем самым, доказывал он тогда, эпос оказывал благотворное влияние на молодежь. См.: Кулов 1941; 1949. С. 6. 18.
28. На счастье, эта кампания вскоре была свернута, и уже в 1956 г. нартский эпос был восстановлен в своих правах. Тогда Абаев смог ответить своим недоброжелателям, указав, что к эпосу следует относиться исторически, а не зачислять его огульно в «реакционный» или «прогрессивный». Он был одним из первых, кто тогда выступил против гонений на народные эпосы и в защиту сравнительного метода их исследования. См.: Абаев 1957. С. 25-27.
29. Как мы знаем, споры о принадлежности нартского эпоса начались еще в 1920-е гг. См.: Жантиева 1929. Их на время приглушила стадиальная концепция Марра, по которой близость фольклорных сюжетов у народов Северного Кавказа объяснялась «сходством путей мысли и языка» в сходных социально-экономических условиях. См., напр.: Соколов 1936. С. XI; Крупнов 1946. С. 42.
30. Любопытно, что всего лишь за четыре года до этого выступления Джанаев не только хвалил книгу Скитского, но в особенности подчеркивал позитивное значение идеи о «двуприродности» осетин. См.: Тотоев, Джанаев 1948. По-видимому, история с его «неудачной» диссертацией сделала свое дело, и теперь он вынужден был следовать в русле новой советской идеологической линии.
31. Он был реабилитирован лишь в 1980-х гг., когда в престижном издании по истории Северной Осетии он снова был назван «первым профессиональным осетинским поэтом», «гуманистом и патриотом». См.: Новосельцев 1987. С. 360-361.
32. О ней см.: Калоев 2004.
33. В дальнейшем при более детальном изучении его возраст был оценен в 40-45 лет. См.: Мамукаев 1969. С. 63.
34. Термин «ос-багатар» происходит из грузинских летописей, называвших так представителей осетинской знати. См.: Новосельцев 1987. С. НО; Кузнецова 1990а. С. 85.
35. Подробно об этом см.: Кузнецова 1990а. С. 53-54.
36. В последние годы некоторые осетинские историки хотят видеть в нем царевича Багатара, возглавлявшего набеги на Грузию на рубеже XIV-XV вв. См.: Блиев, Бзаров 2000. С. 111.
37. Цуциев видит подоплеку этого переименования в том, что основание аула осетином должно было навсегда исключить ингушские претензии на город Владикавказ. См.: Цуциев 1998а. С. 19. Действительно, как мы увидим ниже, ингуши постоянно напоминают о том, что в конце XVIII в. этот район принадлежат им.
38. На самом деле Дедяков/Тютяков, скорее всего, следует отождествлять с городищем Верхний Джулат в левобережье Терека недалеко от с. Эльхотово. См.: Крупнов 1960 б; 1960в; Новосельцев 1987. С. 107.
39. А ведь еще недавно он объявлял нартский эпос творением осетинских предков, познакомивших с ним соседние кавказские народы. См.: Скитский 1949.
40. Эта идея была достаточно популярной у археологов и этнографов, работавших в районах Центрального Кавказа. См.: Скитский 1947. С. 16-17; Семенов 1949. С. 58-61, 76-77; 1957. С. 83-84; Крупнов 1966. С. 38-39; 1967 а. С. 35; Берладина 1960; Калоев 1971. С. 18-19.
41. Вновь о тесных взаимодействиях предков осетин с евреями и тюрками некоторые осетинские ученыe заговорили только в 1990-х гг. См., напр.: Дзицойты 1992. С. 22, 115-116, 183-197.
42. В эти годы Е. И. Крупнов подчеркивал что Алания была обязана своей христианской традицией не столько Грузии, сколько «византийско-русскому» влиянию. При этом последнее в конечном итоге оказывалось влиянием из Киевской Руси. См.: Крупнов 1960 б; 1960 в. Об этой тенденции см.: Tillett 1969.
43. Любопытно, что позднее Крупнов избегал такого оценочного подхода к языкам. Ср.: Крупнов 1967а. С. 40.

44. О резкой реакции осетинского автора на приведенные слова Крупнова см.: Гаглойти 1967. С. 95. Встречались и более умеренные оценки, но и они сводились к тому, что Крупнов неправомерно преувеличивал вклад местных племен в этногенез осетин. См., напр.: Калоев 1971. С. 15.
45. Правда, карачаевский лингвист С. Я. Байчоров находит там «протобулгарский» субстрат. См.: Байчоров 1994.
46. Любопытно, что в те годы лишь грозненский археолог В. Б. Виноградов осмелился намекнуть на политическую подоплеку позиции осетинских ученых. См.: Виноградов 1972. С. 285, 290.
47. Впервые этноним «дигор» упоминается «Армянской географией» VII в. См.: Волкова 1973. С. 110-111; Габриелян 1989. С. 38.
48. В этом он опирался на поддержку первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС А. В. Власова. См.: Виноградов 1980. С. 79-114. Об этом см.: Музаев, Тодуа 1992. С. 34; Тишков 2001а. С. 132, 206.
49. Одинцов был первым секретарем Северо-Осетинского обкома в 1982-1988 гг. За шовинистическую политику его прозвали в народе «генератором Одинцовым». См.: Дзидзоев 1995. С. 35-36.
50. Благодарю В. А. Кузнецова за эту информацию.
51. Очевидно, борьба с сионизмом, целенаправленно проводившаяся в 1960-1980-е гг., сделала свое дело. Об этом см.: Shnirelman 2002а. Р. 62-65. О роли иудаизма у аланс осетинские авторы вновь вспомнили лишь сравнительно недавно. См.: Тменов и др. 2003. С. 42.
52. Правда, в более ранней работе Кузнецовых пытались гипотетически отождествлять Магас с городищем Алхан-Кала на территории Чечено-Ингушетии. См.: Смирнов 1967. С. 37.
53. Но осетинская исследовательница показала, что название села по мужскому имени было поздним переосмыслением, т. е. фольклорной версией. См.: Исаева 1997. С. 374-375.
54. О подборке документов см.: Газиков, Тангиев 1999. С. 6-29.
55. Тишков дает несколько более низкие цифры в 60-70 тыс. чел. См.: Tishkov 1997. Р. 163.
56. Аналогичные заявления о «невозможности проживания», основанные на ксенофобных мифах и носившие откровенно расистский характер, раздавались и во время недавних межэтнических войн в бывшей Югославии. См.: Eriksen 1993. Р. 39; Almond 1994. Р. 195-207; Bowman 1994. Р. 160-161; Bennett 1995. Р. 91-92, 97-98; Ignatieff 1999. Р. 56, 176. Лишь 4 апреля 1997 г. парламент РСО-Алания отказался от этой формулы. См.: Пригородный район 1997. С. 28, 156.
57. Здесь мы встречаемся с ярчайшим примером ритуализации бюрократического языка, о чем писан М. Эдельман. См.: Edelman 1971. Р. 73-74.
58. Это полностью противоречит имеющимся историческим документам.
59. Термин «жизненное пространство» был создан немецким географом Ф. Ратцелем и был с жаром воспринят германскими колонизаторами и расистами. От них его унаследовали нацисты. См.: Lange 1965; W. Smith 1986. Р. 83-111, 203-213, 219-258.
60. Дегоев даже пытается доказать, что Блиев стремился «вывести проблему Кавказской войны из сферы политico-идеологических спекуляций в пространство «чистой» науки». См.: Дегоев 2001. С. 256.
61. Между тем, противореча самому себе, далее Блиев взваливает весь груз ответственности на ислам, якобы втянувший дружелюбный чеченский народ в тяжелую многолетнюю войну. Он как будто бы забывает свою концепцию «небеговой системы», никак не связанной с исламом. Кроме того, делая акцент на «поведенческих особенностях народа», он не объясняет, почему часть чеченских тайпов перешла на сторону русских. Он также навязывает чеченцам XIX в. идеи этнической исключительности и мессианства, свойственные национализму, которого у чеченцев тогда не могло быть, исходя из его же собственной оценки их уровня развития. См.: Блиев 2004. С. 32-33, 61-62, 796.
62. Такие настроения не были специфичными лишь для Северной Осетии. В середине 1990-х гг. отмечался рост примордиалистских взглядов у студентов российских вузов, веривших в некую исконную агрессивность, якобы присущую людям некоторых национальностей. См.: Бугаева 1997. С. 190.
63. Об этом см.: Тишков 2001а. С. 186-189; Дзидзоев 2000 а. С. 257.
64. Можно вспомнить, что именно в Беслане находится единственный в Северной Осетии бюст Сталину. По справедливому замечанию А. Г. Здравомыслова, осетины сами оказались «духовной жертвой сталинизма», что выражалось, в частности, в их склонности оправдывать депортацию. См.: Здравомыслов 1998. С. 38-39.
65. Кроме того, критики упрекают Блиева в искаженном изображении ислама. См., напр.: Акаев 1999. С. 21. Ср.: Gammer 1994. Р. 43-45.
66. Этот факт признает даже российский военный историк. См.: Петрович 1994.
67. К сожалению, создавая свою концепцию, Блиев не знал теоретической литературы о роли и характере войны в традиционных «языческих» обществах. См., напр.: Першиц, Семенов, Шнирельман 1994.
68. Все бюсты и памятники Владикавказа, взятые на учет в 1996 г., являлись исключительно советским наследием. См.: Цалиев, Келехсаев 1996. С. 33.

69. Такие крайние взгляды, возникшие в Северной Осетии в отношении ингушей, легко объяснимы. По словам американского психоанализтика, если к ненависти примешивается чувство вины, то это ведет к еще большей ненависти. См.: Jones 1961. Р. 305-308.

70. О настроениях среди осетин см. также: Дегоев 2001. С. 342.

71. Об интересном случае отказа австралийскихaborигенов от привнесенного термина «aborигены» см.: Archer 1991. Р. 167.

72. На том же сейчас настаивает А. К. Хачирти. См.: Хачирти 2002. С. 110-111.

73. Следует иметь в виду, что, будучи, по словам очевидцев, «самой революционной частью осетин», дигорцы и в 1923 г. были самыми активными сторонниками осетинской автономии. См.: Летифов 1972. С. 70, 72-73.

74. Впрочем, в юбилейных изданиях, посвященных истории своих основных населенных пунктов, города Дигора и села Чиколы, дигорские авторы ни словом не обмолвились о былой дигорской автономии и даже о трудной судьбе ислама в Дигории. См.: Кучиев 1992; Малиев и др. 1993.

75. Гуриев умалчивал о том, что, скрестившись с расовым подходом, термин «арийцы» еще во второй половине XIX в. широко использовался в Европе для шовинистической пропаганды сторонниками расовой теории и антисемитами. См.: Поляков 1996. Не говорил он и о том, что с начала XX в. термин «арийцы» был подхвачен в Индии радикальными националистами, впоследствии поддержавшими Гитлера. См.: Goodrick-Clarke 2002. Р. 91-95. Следует также иметь в виду, что «арийский миф» уже используется для шовинистической пропаганды и в современной России. См.: Шнирельман 2004 а. С. 123-225. В то же время видная индийская исследовательница убедительно развенчивает «арийский миф» и доказывает, что индуистская идентичность была изобретением XIX в. См.: Thapar 2000. Р. 3-5, 28-31, 81-86.

76. Грузинский термин «Осети» означает «страна осов».

77. Ингушская общественность восприняла эти празднования как вызов ингушскому народу. См.: Костоев 1995. С. 28; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 440-443.

78. Правда, в народе эта идея не пользовалась широкой поддержкой. См.: Дзуцев 1994. С. 92.

79. Единственное изображение этого герба сохранилось на карте, составленной грузинским историком Вахушти в 1735 г. Хотя истоки этого геральдического знака неясны, осетинские авторы считают его аланским и пытаются искать корни его символики в скифо-сакском мире. См.: Уарзиати 1996.

80. Этот вопрос получил особую остроту в июне 2004 г. Тогда, опасаясь грузинской агрессии, власти Южной Осетии обратились к России с просьбой принять непризнанную республику в свой состав, и в июле-августе Грузия и Россия оказались на пороге войны. Одним из поводов к этому послужил провокационный подъем грузинского национального флага 20 июля в одном из сел Цхинвальского региона, контролируемом Тбилиси. Когда в ответ на это командующий Смешанными миротворческими силами в зоне грузино-осетинского конфликта Святослав Набздоров потребовал его снять, президент Грузии М.Саакашвили пригрозил разорвать Дагомысские соглашения 1992 г., установившие мир в регионе. Это лишний раз показывает огромную мобилизующую роль государственной символики в современном мире.

81. Кстати, указывая, что ингуши способствовали выселению казаков в 1921-1922 гг. и заняли их земли, осетинские авторы умалчивают о том, что среди получивших эти земли были и сами осетины. Об этом см.: Моисеев 1971. С. 93-94.

82. Об осетинской точке зрения см.: Тамарин, Земфиров 1994: Гостиева, Дзадзиев 1995. Т. 1. С. 22; об ингушской – Катышева, Озиев 1991; Мутатиев 1991; Патиев 2002 а.

83. Но это вызвало оживленную полемику в прессе, ибо далеко не все осетины поддерживали такое расточительство или некритическое увлечение «обычаями и традициями предков». См., напр.: Кусраев, Цагоев 1993. С. 18: Дзалаев 1997. С. 347-348.

84. Действительно, такого рода праздники объединяют группу, убеждают ее в аутентичности своей особой культурной традиции и ее отличии от «других». Сам сценарий такого ежегодного массового праздника рождает чувство причастности, возбуждает позитивные эмоции, способствующие укреплению сплоченности. См., напр.: Noyes, Abrahams 1999.

85. По словам автора, «интерес к историческому прошлому народов СССР не считали актуальным, согласно идеологическим штампам, определяющим направление советской науки». См.: Хачирти 2002. С. 33. Это, конечно же, не так, иначе философу Хачирти было бы не на что опираться в своих пространных размышлениях о далеком прошлом осетин.

86. Он даже убежден в том, что когда-то реально существоват «скифо-сармато-аланский этнос». См.: Хачирти 2002. С. 52. В этом его недавно поддержат бывший президент Южной Осетии этнограф Л. А. Чибиров. См.: Чибиров 2003.

87. За упоминание об этом праве Хачирти обвиняет меня едва ли не в раздувании межэтнической розни. См.: Хачирти 2002. С. 66. Но не сам ли он вместе с рядом других своих коллег фактически исходит из этого права, безосновательно настаивая на ираноязычии кобанцев? Именно об этой нездоровой тенденции идет речь в моих работах.

88. Эксперимент, проведенный Д. Лейтином, показал, что в постсоветском пространстве люди больше уважают тех, кто говорит на своем родном языке, чем тех, кто перешел на чужой. См.: Laitin 1998. Р. 239-240.

89. Далеко не все из них являются специалистами по данной проблеме. Например, Исаенко в прошлом занимался научным атеизмом, Кучиев был специалистом по отечественной истории XX в. и в начале 1990-х гг. возглавлял движение «Адамон цадис», а Хачиров, как мы знаем, является философом. Именно такие патриоты-неофиты очень часто склонны создавать мифы о древнем и славном прошлом.

90. На самом деле кобанцы были аборигенами, говорившими, скорее всего, на одном из северокавказских диалектов. Много позднее, смешавшись с пришлыми ираноязычными аланами, они сыграли немалую роль в формировании осетинского народа. Об этом см.: Кузнецов 1989.

91. Так далеко не шел даже осетинский эмигрант А. П. Зураев, хотя и наделявший кобанцев ираноязычением, но видевший в них потомков срубно-андроновского населения, пришедшего на Северный Кавказ в конце бронзового века и смешавшегося с аборигенами. См.: Зураев 1966. С. 25-33.

92. О критике этого подхода см.: Кузнецов 1996; 1997; Шнирельман 2003. С. 488-489. На самом же деле кобанцы, по-видимому, долгое время составляли особую ремесленную касту в скифском обществе, снабжая скифов оружием. Тогда-то они, надо полагать, и начали владеть иранским языком. См.: Ковалевская 1985.

93. На самом деле этническая принадлежность двалов до сих пор вызывает разногласия у специалистов. Осетинские авторы склонны считать их осетинами. См., напр.: Калоев 1971. С. 53. Но наиболее обоснованной считается идея об их принадлежности вайнахам. См.: Волкова 1973. С. 115-116, 124-125. Те с благодарностью воспроизводят эту идею. См., напр.: Мужухоев 1995. С. 87-93.

94. Аналогичные упреки в адрес Крупнова и его последователей бросает и Хачирти. См.: Хачирти 2002. С. 50, 67-69.

95. Как мы уже видели на примере Хачирти, Исаенко в этом не одинок.

96. Но, во-первых, идея Трубачева так и остается гипотезой, а во-вторых, синды обитали на северо-западной окраине Северного Кавказа и никогда не появлялись в его центральных районах.

97. О «жизни ираноязычных ариев XI-I тыс. до н. э.», о создании ими «высокой культуры» и о «трехтысячелетнем пути развития нашего этноса» пишет Чибиров. См.: Чибиров 2003.

98. Недавно эти «арийские» рассуждения были поддержаны Чибировым. См.: Чибиров 2003.

99. О нем и его взглядах см.: Шнирельман 2003. С. 495-499, 502-503.

100. Рассуждения об «иерархии рас» и «цивилизационной миссии» безошибочно указывают на расистские коннотации. См., напр.: Ballinger 2003. Р. 66.

101. Об этом см.: Шнирельман 2003. С. 496.

102. Видимо, не случайно А. Р. Чочиев был 13 октября 2003 г. задержан правоохранительными органами (МВД) Северной Осетии по предварительному обвинению в клевете на президента РСО-Алании А. Дзасохова и разжигании межнациональной розни. См. сайт kavkaz.memo.ru

Часть III

Преодоление судьбы (чеченцы и ингуши)

Глава 1.

О конструктивной роли этнонимов

Чеченцы и ингуши консолидировались в отдельные этнокультурные общности сравнительно недавно. Один из первых чеченских интеллектуалов У. Лаудаев (1827—?) [1], описавший жизнь чеченцев в 1860-х гг., признавал отсутствие у них единого самоназвания. Он отмечал, что самоназвание «начхой» [2] относилось лишь к населению бывшего (до 1862 г.) Чеченского округа, охватывавшего только плоскостную Чечню. Горные обитатели бывшего Ичкерийского округа назывались «начхой-моххой», т. е. относящиеся к исконной, «земле чеченцев», ведь переселившиеся с гор на плоскость чеченцы, по словам Лаудаева, полагали, что плоскостная территория принадлежала русским, и не считали ее своей собственностью. Жители другого горного округа, Аргунского, носили название «шотой», т. е. «живущие на высоких местах». Ауховцы, обитавшие прежде в этом округе, называли себя «аккий» по преобладавшей среди них Аккинской фамилии. Наконец, обитателей высокогорий, живших у южных окраин Чечни, плоскостные чеченцы называли «ламорой», т. е. горцами. Ингушей чеченцы называли в XIX в. «несерхой», т.е. назрановцами, по названию их самого крупного поселка на плоскости (Лаудаев 1872. С. 4-5).

У ингушей в те годы тоже еще не сложилось сознания своего единства и не было единого самоназвания. Побывавший у них в 1920-1922 гг. лингвист проф. Н.Ф. Яковлев отмечал, что в ингушском языке не было понятия о народности, и обитатели Ингушетии иной раз определяли свою идентичность по аулам или жившим там фамилиям. Он признавал, что ингуши имели самоназвание «галгай», но отмечал, что у них не было специального этнического названия для своего языка, и они называли его просто «наш язык» (Яковлев 1925. С. 36-37). А еще раньше Лаудаев сообщал, что ингуши прежде назывались по фамилиям: галгай, галой, ингуш (ангушт) и пр., а после того, как спустившиеся па плоскость ингуши основали аул Несер (Назрань), они стали называть себя по его имени (Лаудаев 1872. С. 4-5). В 1930 г. один из первых крупных советских кавказоведов А.Н. Генко также не обнаруживал у ингушей сознания этнического единства (Генко 1930. С. 684-685). Известный русский археолог Е.И. Крупнов считал, что никакого единого названия у ингушей в XVII в. еще не было, и даже в 1832 г. царские чиновники не считали их единой общностью (Крупнов 1939. С. 83. В первой половине и середине XIX в. русские документы называли их то «ингушским», то «назрановским народом» (Мартиросиан 1933. С. 47-52, 77-79).

Правда, этноним «галгай» в форме «калкан» встречался и русских источниках конца XVI-XVII в. (Генко 1930. С. 701; Кушева 1963. С. 65-66; Волкова 1973. С. 154-157), а в форме «глигви» и грузинских источниках XVII в. (Волкова 1973. С. 158-159). Однако, как отмечали специалисты, первоначально термин «галгаи» означал родовую территорию трех крупнейших и уважаемых тейпов из галгаевских аулов Ассинской долины Эги-кала, Хамхи и Таргима, выходцы из которых в конце XVII в. инициировали колонизацию плоскостных земель, оставленных кабардинцами (Яковлев 1925. С. 98-99; Христианович 1928. С. 68; Генко 1930. С. 700; Шиллинг 1931. С. 9; Вартапетов 1932. С. 64-65; Далгат 1934. С. 37; Скитский 1959. С. 169, 174) [3]. Поэтому вполне вероятно, что внешние наблюдатели, имевшие дело с самой сильной ингушской группой, искусственно переносили ее название на остальных ингушей. Ведь жившие около удобного перевала через Кавказский хребет галгаевцы были первыми, с кем знакомились пришельцы (Крупнов 1971. С. 24-25, 171; Виноградов 1979. С. 31). А для самих ингушей этноним «галгай» стал общим самоназванием лишь после того, как галгаевцы возглавили их движение на плоскость (Мартиросиан 1933. С. 13; Скитский 1959 С. 174). По словам чеченского исследователя Н. Ахриева, конец изоляции отдельных ингушских горных обществ положила Военно-Галгаевская дорога, построенная во второй половине XIX в., а завершилась консолидация ингушей в единую общность только в 1920-х гг. с интеграцией джераховцев и орстхойцев. Только тогда все юго-западные вайнахи стали называть себя «галгаями» (Ахриев 1992).

Один из первых исследователей чеченцев А.П. Берже, описавший их в 1850-х гг., не делал различия между ними и ингушами и делил всех их на несколько племен — назрановцев, карабулаков, галашевнев, джерахов, кистов, галгаевцев, цоринцев, акинцев, пшхой, шатой, шаро, джан-бутри, чабирлой, ичкеринцев, качкалыков, мичиковцев, ауховцев, а также терских, сунженских и брагунских чеченцев.

Берже отмечал, что все эти локальные названия были даны отдельным группам по аулам или горам и рекам. В отличие от Лаудаева он полагал, что у чеченцев уже имелся единый этноним «нахче» (Берже 1859. С. 9, 65-67), но подчеркивал, что горных чеченцев у них было принято называть «таули» (горцы) (Берже 1859. С. 103). Это подтверждает, что название «нахчой» было принято в основном у плоскостных чеченцев. Кроме того, Берже тоже утверждал, что название «нахчи-мокх» относилось лишь к горной части Чечни (Берже 1859. С. 101). Тяготение названия «нохи» к жителям лишь плоскостной части подтверждала и Н. Г. Волкова. Однако она же подчеркивала, что в наше время все чеченцы использовали его как общее самоназвание, тогда как более локальные названия, известные Берже, были связаны с отдельными тейпами (Волкова 1973. С. 165). Впрочем, В.П. Пожидаев свидетельствовал, что и в начале 1920-х гг. чеченцы предпочитали называть себя по своим аулам; инклузивный термин «нохи» они использовали много реже, а термин «чеченцы» не любили (Пожидаев 1926. С. 15-16). А видный чеченский исследователь начала XX в. Б.К. Далгат разделял мнение Лаудаева о том, что чеченцы стали использовать для себя инклузивное название «нахчой» только после переселения на плоскость. По его мнению, в период жизни в горах и чеченцы и ингуши предпочитали пользоваться локальными названиями (Далгат 1934. С. 4-5, 14. См. также: Виноградов. Чокаев 1966. С. 72; Чеснов 1999. С. 67).

Так как Берже опирался в основном на сведения, полученные от русских военных, не вполне ясно, какие из перечисленных им названий действительно использовались чеченцами, а какие были условно даны русскими. Ясно лишь, что названия назрановцы, галашевцы, джерахи, кисты, галгаевцы и цоринцы относились к отдельным ингушским, а не чеченским группам (Тусиков 1926. С. 7; Мартиросиан 1928. С. 15-16; Крупнов 1939. С. 83. Волкова 1973. С. 151).

Хорошо известно, что название «чеченцы» было русской транслитерацией кабардинского названия «шашан» и происходило от села Большой Чечень, где русские впервые встретились с чеченцами в конце XVII в. (Берже 1859. С. 107; Лаудаев 1872. С. 3; Пожидаев 1926. С. 15; Ошаев 1928. С. 6; Далгат 1934. С. 4). Название села восходило к XIII в., когда в этом месте находилась ставка монгольского хана Сечена (Алироев 1978. С. 10; 1990 а. С. 13). Вначале русские называли так лишь обитателей этого села, и лишь позднее название «чеченцы» было перенесено на всех чеченцев (Далгат 1934. С. 4). Впервые это имя начало встречаться в русских и грузинских источниках в самом начале XVIII в. (Берже 1859. С. 107; Волкова 1973. С. 144-145), а до этого русские документы знали чеченцев лишь по названиям их отдельных обществ (Кушева 1963. С. 62, 69-74, 76; Волкова 1973. С. 146-148). В то же время, как было известно уже Далгату, еще в 1607 г. чеченцы, наряду с кумыками и ногайцами, осадили построенный казаками Терский городок и тем самым впервые заявили о себе в истории (Далгат 1934. С. 8). Впрочем, даже в XX в. не наступило полной этнической консолидации чеченцев, и, по признанию самих чеченских ученых, во время Чеченской войны 1994-1996 гг. некоторые из них при заполнении документов отказывались от чеченской идентичности и записывали название своего тейпа (Яндаров, Заурбекова 2001. С. 158).

В свою очередь, этноним «ингуши», введенный русскими, происходит от аула Ангушт, одного из первых ингушских сел, основанных ингушами на плоскости в конце XVII в., когда и началось заселение ими плоскостных районов (Тусиков 1926. С. 7; Генко 1930. С. 686; Далгат 1934. С. 5; Крупнов 1939. С. 82; Кушева 1963. С. 68; Волкова 1973. С. 159) [4]. Чеченцам ингуши представляются хотя и особой группой, но находящейся с ними в близком родстве; некоторые чеченцы считают ее одним из своих тейпов (Волкова 1973. С. 167). В начале 1920-х гг. ингушский эмигрантский автор тоже соглашался с тем, что «народ галгай» был «одним из колен чеченского племени» (Галгай 1924. С. 49).

На этом основании в конце 1920-х — начале 1930-х гг. советские чиновники испытывали желание искусственно подтолкнуть процесс слияния ингушей с чеченцами, видя в этом объективный и закономерный процесс. Еще в декабре 1928-го — январе 1929 г. был подготовлен план слияния Чечни с Ингушетией, но, как мы знаем, тогда из-за протестов властей обеих автономий он не был реализован (Ерешенко 1995. С. 128-129; Мужухоев 1995. С. 25).

Одним из первых на этот запрос откликнулся известный советский лингвист Н.Ф. Яковлев, предложивший ввести для чеченцев и ингушей инклузивное название «вейнахи» (т. е. «наш народ»). Он предполагал, что урбанизация чеченцев и ингушей и их слияние в одной республике могли бы стимулировать сложение общих культуры и языка и образование единого «вейнахского» народа (Яковлев 1927. С. 7-8; 1928. С. 195-196, 200-204). В 1928-1932 гг. были проведены несколько конференций, посвященных выработке единого литературного языка для чеченцев и ингушей (Мартиросиан 1933. С. 311). Похоже, чеченца Далгата это мало устраивало, и он предпочитал считать ингушей частью чеченского народа, хотя при этом и использовал термин «чеченцы» в узком смысле только для обитателей Восточной Чечни

(Далгат 1934. С. 3-4). Тем не менее накануне объединения Чечни и Ингушетии советские ученые начали доказывать, что чеченцы и ингуши составляли «единую нацию» и даже имели один язык (Мартиросиан 1933. С. 311). В середине 1930-х гг. молодой ингушский исследователь М.М. Базоркин принял название «вейнахи» как «собирательный термин для всех племен Чечни и Ингушетии». Он даже утверждал тогда, что «так зовут себя все этнические ветви чеченских и ингушских народов» (Базоркин 2002. С. 113, примеч. 1, и 209). После образования Чечено-Ингушской автономии чеченцы и ингуши стали считаться частями единого «чечено-ингушского народа», и к 1970-м гг. некоторые из них признавали термин «вайнахи» своим самоназванием, что сохранялось и в 1990-х гг. (см., напр.: Мальсагов 1970. С. 3; Далгат 1972. С. 5; Мужухоев 1977. С. 3. примеч. 1: Великая и др. 1990. С. 8, 11; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 13; Боков 2000).

В 1920-1930-х гг. даже не сложилось еще унифицированного названия Ингушской автономии. Если в официальных документах она называлась Ингушетией, то некоторые ученые настаивали на том, что ее правильным названием является Ингушия (Яковлев 1925. С. 3: Мартиросиан 1928; 1933: Христианович 1928; Семенов 1928 б. С. 215; Куркиев 2002; Крупнов 1939).

Среди вайнахов выделяют также орстхойцев, фигурировавших в исторических документах как «карабулаки». В советское время их официально включали в состав ингушей, фиксируя это в их паспортах. Однако сами орстхойцы отличали себя от остальных вайнахов; ингуши и западные чеченцы также видели в них отдельную, хотя и родственную, группу, но в Восточной Чечне их считали потомками какого-то особого народа (иногда — легендарных богатырей «нарт-орстхойцев»), населявшего эти земли до прихода чеченцев (Генко 1930. С. 685—686; Волкова 1973. С. 162, 170-172).

Наконец, еще одна родственная группа представлена аккинцами. В русских источниках XVI-XVII вв. они известны как «окочане», «ококи», а их территория — как «Акоцкая земля» (Волкова 1973. С. 163-164). В последние столетия они занимали несколько селений Северо-Западного Дагестана, куда переселились из бывшего Аргунского округа; русские и кумыки нередко называют их ауховцами по поселению Аух (Берже 1859. С. 9; Лаудаев 1872. С. 4; Волкова 1973. С. 172).

Несмотря на свое культурное и языковое родство, в последние столетия чеченцы и ингуши развились в неодинаковых условиях, что привело к нарастанию между ними существенных различий. Во-первых, как мы уже знаем, после включения в Российскую империю при всех административных перекройках они неизменно оказывались в разных округах, что создавало разные интересы и препятствовало чувству общности. Во-вторых, Чечня была исламизирована значительно раньше Ингушетии: если в первую ислам проник еще в XVII в., создав там сильную традицию, то вторая начала знакомиться с ним лишь с конца XVIII в., и там еще долго держалась языческая вера. Укреплению ислама в Чечне способствовал тот факт, что все народно-освободительные движения, от шейха Мансура до Шамиля, происходили под исламскими лозунгами; но ингуши, менее вовлеченные в эти движения, оказались вне процесса интенсивной исламизации. Позднее это повлияло на то, что ингуши еще в 1923 г. охотно приняли письменность на латинской графике, а чеченцы, у которых было популярно исламское образование, долго ей противились, ссылаясь на традиции арабского письма (Алиев 1929. С. 222-223; Хамидова 1999. С. 136). В-третьих, судя по материалам переписей 1897 и 1926 гг., среди ингушей было в три раза больше грамотных людей, чем среди чеченцев, по уровню грамотности отстававших от всех других народов Северного Кавказа. В частности, по знанию русского языка чеченцы занимали среди них последнее место (Жак 1928. С. 188-189; Хамидова 1999. С. 136). Исследователи объясняют это давними тесными связями ингушей с русскими и с Владикавказом, издавна служившим важнейшим культурным центром на Северном Кавказе. Например, еще в 1764 г. дети ингушских старейшин получили возможность обучаться в Духовной осетинской школе вместе с осетинскими детьми (Ахмадов 2001 б. С. 370). Кроме того, в Ингушетии, поздно принявший ислам, роль шейхов и мулл была много слабее, чем в Чечне (Виноградов, Лосев, Саламов 1963. С. 16; Джамбулатова 1964. С. 113). В-четвертых, различие в уровне грамотности и близость ингушей к Владикавказу, видимо, повлияли на то, что еще в начале 1920-х гг. среди них было значительно больше членов партии, чем среди чеченцев: достаточно сказать, что в парторганизации Горской АССР ингуши занимали третье место (7 %) после русских и осетин, тогда как среди чеченцев коммунистами были единицы (Мартиросиан 1933. С. 294-295; Кокорхова 2002. С. 40). В-пятых, по своей общей численности чеченцы значительно преобладали над ингушами. По переписи 1939 г., в Чечено-Ингушской АССР чеченцы составляли 52,9 % населения, а ингуши — лишь 12 % (Кокорхова 2002. С. 121).

Глава 2.

Легендарная традиция и становление советской науки

Обитая в неприступных горных ущельях вдали от основных торговых путей, чеченцы и ингуши дольше других северокавказских народов оставались неизвестными внешним наблюдателям. Поэтому их история оказалась менее всего обеспечена надежными документами. О том, что происходило на их территории до начала XVIII в. и кто там тогда обитал, в начале XX в. почти ничего не было известно. Имелись лишь легенды, дававшие весьма противоречивое представление о происхождении чеченского и ингушского народов. Впервые такие легенды начал публиковать живо интересовавшийся этнографией своего народа царский чиновник ингушского происхождения Чах Ахриев (1850-1914) [5]. Введенные им в научный оборот предания о появлении ряда ингушских обществ и основании некоторых аулов (Ахриев 1875), наряду с материалами, собранными Берже и Лаудаевым о чеченцах (Берже 1859. С. 96-106; Лаудаев 1872. С. 8-13), были едва ли не единственными источниками, которыми за неимением других оперировали первые советские авторы для суждения об истории формирования чеченцев и ингушей. Никакой единой картины из этих преданий не складывалось, ибо у каждой общины, каждого тейпа имелись свои предания, не связанные друг с другом. Из них следовало, что, во-первых, чеченцы и ингуши в эпоху Средневековья пришли на свои современные земли откуда-то из других мест, а во-вторых, что предки отдельных тейпов были выходцами из очень разных регионов. Одни из них пришли якобы с юга, из Грузии, другие с востока, из Дагестана. Кроме того, предания упорно говорили о предках, происходивших из более отдаленных южных земель — не то из Сирии, не то из Персии. Например, составленная в 1828 г. арабская рукопись ичкерийского кадия Шамиля Каратаева выводила предков чеченцев (нахчу) из Нахчуvana (неясно, города на Араксе или села в Карской области), куда они якобы попали из Сирии. В рукописи рисовался их витиеватый путь в Чечню, лежавший через Абхазию и Балкарию. Но публикатор рукописи предупреждал читателя о том, что все такого рода письменные документы, составлявшиеся дагестанскими муллами, не внушали большого доверия (Семенов 1895. С. 214-222). Имея дело с такими материалами, Лаудаев приходил к выводу о том, что в течение столетий горы давали приют остаткам очень разных народов, потерпевших поражение от более сильных врагов. Их смешение и дало в конечном итоге чеченцев и ингушей; так как, по его мнению, народ образовался относительно поздно, то никакого общего предания о происхождении у него не выработалось (Лаудаев 1872. С. 9-11).

Того же взгляда придерживались и первые советские авторы, интересовавшиеся происхождением чеченцев и ингушей. Правда, они предполагали, что у истоков стоят местные аборигены, одни из древнейших обитателей Кавказа (Тусиков 1926. С. 7-16; Пожидаев 1926. С. 10-11; Мартиросиан 1928. С. 34-44; 1933. С. 16-24; Ошаев 1928. С. 4; Семенов 1928. С. 212; 1930. С. 392-393; Авторханов 1930. С. 5-7; Далгат 1934. С. 12-13, 16-25). Между тем еще в 1927-1928 гг. Яковлев предупреждал о необходимости соблюдать предельную осторожность при работе с фольклорными источниками, нередко отражавшими более поздние влияния. Тогда он более других делал акцент на сугубо местном формировании чеченцев и ингушей и высказывал догадку, что легенды о приходе из Сирии распространялись в Чечне первыми мусульманскими миссионерами, прибывшими из Дагестана (Яковлев 1927. С. 36. См. также: Умаров 1988. С. 33; Ахмадов 2001 б. С. 62). Он полагал, что местом формирования ингушской общности было Ассинское ущелье, население которого на рубеже I-II тыс. н. э. испытывало значительное воздействие со стороны грузинской культуры. На этой основе в XIV-XV вв. и могли сформироваться ингуши. Во второй половине XVI в. они начали переселяться на плоскость, где отдельные группы горцев смешивались и испытывали влияние соседних народов. Именно в результате этих процессов, на его взгляд, и сложилась чеченская общность (Яковлев 1928. С. 197). Между тем, соглашаясь с тем, что ингуши и чеченцы жили на своей нынешней территории с конца I тыс. н. э., а возможно, еще с эпохи античности, В.П. Христианович, вслед за Марром, допускал, что их далекие предки могли прийти туда с юга, из Передней Азии (Христианович 1928. С. 68-70. См. также: Пожидаев 1926. С. 11-12; Анисимов 1930. С. 114, 205). Напротив, Г.К. Мартиросиан находил упоминание о вайнахах в «Армянской географии» VII в. и, предполагая, что эти сведения были почерпнуты ее автором из античных источников, доказывал, что чеченцы и ингуши представляли собой потомков древнейших обитателей Северного Кавказа (Мартиросиан 1933. С. 16-17).

Однако наличие разнообразных аульных преданий о происхождении подтверждало мнение Яковлева о том, что к началу 1920-х гг. представления о единстве народа у местных обитателей еще не было. Действительно, как мы знаем, по Лаудаеву, общее самоназвание плоскостных чеченцев «нахчой»

появилось только в конце XVII в. (Лаудаев 1872. С. 8). Правда, Волкова предпочитала более раннюю дату «не ранее XII-XIII вв.», указывая на тюркский суффикс «-чи», по ее мнению, занесенный в горы в эпоху монгольского завоевания (Волкова 1973. С. 176, примеч. 1).

В 1920-х гг. еще оставалось неясным, кем были построены самые впечатляющие местные архитектурные сооружения — боевые башни. Одни авторы, следуя ингушским преданиям, связывали их с какими-то иными народами, предшественниками ингушей (Тусиков 1926. С. 13-14; Христианович 1928. С. 71) [6], другие оставляли вопрос об их строителях открытым (Ошаев 1928. С. 9), третьи со ссылкой на исторические предания приписывали строительство башен самим ингушам (Яковлев 1925. С. 88: 1927. С. 21-23; Мартirosian 1928. С. 39, 43-45; Семенов 19286. С. 212, 215: Щеблыкин 1928. С. 280: 1930. С. 395-396: Генко 1930. С. 703; Базоркин 2002. С. 78-81, 222, 250).

Прояснить этот непростой вопрос было суждено русскому ученому Л.П. Семенову (1886-1959), местному уроженцу, унаследовавшему от своих родителей любовь к литературе и местному фольклору [7]. Получив среднее образование во Владикавказе, Семенов закончил в 1912 г. историко-филологический факультет Харьковского университета. С 1918 г. он преподавал литературу вначале во Владикавказском учительском институте, затем в Северокавказском горском педагогическом институте, где он заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы и одно время исполнял обязанности декана филологического факультета. Он также увлекался археологией и этнографией и в 1925-1932 гг. возглавлял первую археолого-этнографическую экспедицию, занимавшуюся систематическим изучением памятников старины Северной Осетии и Ингушетии. Именно ему наша наука обязана детальным обследованием местных башен, склепов и святилищ.

Боевая и жилая башни в с. Озми. Фото И. П. Щеблыкина. 1928 г.

*Средневековые памятники на территории Ингушетии (XII—XVII вв.)
(по Е. И. Крупнову)*

В результате археологических исследований ему удалось проследить непрерывную линию развития местной средневековой архитектурной традиции и доказать ее принадлежность предкам ингушей (Семенов 1930. С. 389; 1934. С. 146-147, 169, 174-175; 1988. С. 26-27). Но он же отмечал, что ряд средневековых храмов XII в. были построены в горной Ингушетии грузинскими зодчими (Семенов 1934. С. 150; 1963. С. 97-98, 137). Колыбелью ингушской культуры Семенов считал Ассинскую котловину, густо покрытую разнообразными памятниками древней ингушской культуры (Семенов 1934. С. 176-177). Вместе с тем он признавал, что в северном районе Ассинского ущелья были обнаружены остатки аланской культуры VI-XI вв. (Семенов 1934. С. 188. См. также: Захаров 1934).

Таким образом, оказывалось, что регион имел очень сложную древнюю историю и предки чеченцев и ингушей («яфетидов», в терминах Марра) отнюдь не были изолированы от соседних народов. Вопрос об их давнем прошлом оставался открытым и вызывал живой интерес у археологов (Артамонов 1937). Тот же Семенов одной из перспективных задач называл изучение «расселения ингушей с древнейших времен до настоящей эпохи» (Семенов 1934. С. 191). За решение этой задачи во второй половине 1930-х гг. взялся работавший когда-то в его экспедициях молодой тогда русский археолог Е.И. Крупнов. Излагая в предварительном виде схему развития культуры на территории Ингушетии в древности и раннем Средневековье, он исходил из того, что до XI в. там обитали ираноязычные аланские племена и только с XII в. появлялись памятники, связанные с чечено-ингушским населением. Признавая боевые башни продуктом самобытной ингушской культуры, он предполагал что ингуши переселились на Северный Кавказ с юга только в начале II тыс. н. э. (Крупнов 1939. С. 81-85; 1941. С. 121-122). В 1941 г. он писал: «Нет оснований искать прямых истоков особенностей ингушской культуры в более ранних культурных элементах Северного Кавказа раннего Средневековья» (Крупнов 1941. С. 124). До него сходного мнения придерживался и ряд других советских авторов (см., напр.: Христианович 1928. С. 70; Джавахишвили 1939. С. 46). В частности, А.Н. Генко помещал ранний очаг обитания чеченцев и ингушей в Тушетии (Генко 1930. С. 710). А грузинский исследователь С.И. Макалатия писал о раннем переселении хев-

суров с территории Грузии на Северный Кавказ (Макалатия 1940. С. 23). Гипотеза о миграции с юга до-жила до последних советских десятилетий (см., напр.: Волкова 1973. С. 124-125).

Впрочем, в ранние годы советская власть еще мало интересовалась происхождением народов Северного Кавказа. Достаточно сказать, что специально созданное в 1925 г. для просвещения народов Северного Кавказа на местных языках Краевое национальное издательство не опубликовало в 1925-1928 гг. ни одной книги по истории местных народов (Алиев 1928). Гораздо важнее тогда казалось подчеркивать коренной перелом в их жизни, произошедший после Октябрьской революции (Евдокимов 1936). Поэтому в стандартных официальных изданиях более ранняя история сводилась к национально-освободительной борьбе местных народов против царизма, оправдывавшей установление власти большевиков (Авторханов 1931). Надо ли говорить, что в таких изданиях Шамиль неизменно изображался народным героем, предтечей революции 1917 г.? По воспоминаниям Авторханова, портреты Шамиля и его наибов развесивались по приказу властей во всех государственных учреждениях и школах еще во времена Горской республики (Авторханов 1991. С. 18).

Позднее, в 1930-х гг., на Северном Кавказе сложился даже культ Шамиля как великого вождя национально-освободительного движения (Дегоев 1997. № 9-10. С. 109-110; 2000. С. 232; 2001. С. 244-246; Gökay 1998. Р. 35, 38), и в 1936 г. московский Государственный исторический музей организовал специальную научную экспедицию для обследования резиденции Шамиля в Чечне около селения Ведено (Закс 1994) [8]. Образ тяжелой борьбы с могущественным врагом призван был сплотить народ, и в литературе, выпущенной в Чечено-Ингушетии во второй половине 1930-х гг., последний неизменно назывался «чечено-ингушским народом» (см., напр.: Родов, Шапиро 1938. С. 5-11), что приучало людей к этой инклюзивной идентичности.

Глава 3. Создание первых научных центров

Своебразие ситуации, сложившейся на Северном Кавказе сразу же после революции 1917 г., заключалось в том, что отдельные высокие национальные культуры здесь еще не сформировались; их надо было создавать заново. При этом среди местных интеллектуалов не было единства в отношении того, как это делать и нужно ли это делать вообще. Некоторых вполне устраивала традиционная ориентация на арабскую средневековую культуру с ее богатой мусульманской литературной традицией и арабской графикой; другие в большей мере упирали на русскую культуру. Но ни те ни другие даже и не помышляли о введении своего письменного языка, не говоря уже о высокой культуре на этом языке.

Интенсивная разработка местных литературных языков началась после введения латиницы — в 1923 г. у ингушей и в 1925-1927 гг. у чеченцев. С этих пор, и в особенности после введения всеобщего начального образования в СССР в 1930 г., начался быстрый рост местной интеллигенции. У ингушей, имевших возможность обучаться в Горском педагогическом институте во Владикавказе, этот процесс начался раньше. Даже в 1930-х гг. учебные заведения г. Орджоникидзе продолжали готовить учителей для Чечено-Ингушетии (Каймаразов 1988. С. 99). Первые два педучилища, готовившие чеченских учителей, открылись в г. Грозном только в 1929 г. И лишь в сентябре 1938 г. Грозный обрел свой собственный Педагогический институт с тремя факультетами: физико-математическим, историческим и филологическим (Хамидова 1999. С. 136, 139). Все же по уровню образования чеченцы и ингуши в 1930-х гг. отставали от осетин: если к 1938 г. основная их часть (более 60 %) обладала неполным средним образованием, то большинство образованных осетин (более 65 %) имели за плечами среднее образование (Каймаразов 1988. С. 103). В конце 1930-х гг. более 30 % учителей в Чечено-Ингушетии обнаруживали нехватку профессионализма (Каймаразов 1988. С. 128).

Интересные различия отмечались и в профессиональной специализации: если по числу специалистов в области просвещения и здравоохранения чеченцы и ингуши лишь ненамного отставали от осетин, то в промышленно-экономической сфере (промышленность, строительство, транспорт, связь, сельское хозяйство, финансы) различия между ними достигали внушительных размеров [9]. Иными словами, у чеченцев и ингушей наблюдался существенный перекос в сторону гуманитарного образования (Каймаразов 1988. С. 108), что вообще свойственно колониальной модели.

Как бы то ни было, в 1930-х гг. в ЧИ АССР проходила коренизация, и к началу 1937 г. 70 % работников властных структур республики были выходцами из чеченцев и ингушей. Однако сталинские репрессии не позволили им воспользоваться этими позитивными изменениями во благо своих народов. К

концу 1938 г. республика лишилась практически всего своего образованного слоя (Хамидова 1999. С. 138-139). И в дальнейшем по уровню образования чеченцы и ингуши отставали от многих других северокавказских народов (Кошев 1994. С. 110).

До второй половины 1920-х гг. ни у чеченцев, ни у ингушей не было своих научных центров, занимавшихся изучением их прошлого, и исследования, о которых говорилось выше, проводились в основном русскими учеными (Багаев 2003). Лишь в декабре 1926 г. во Владикавказе возник Ингушский научно-исследовательский институт краеведения (ИНИИК). Его директором стал заведующий Ингушским областным отделом народного образования О.С. Ахриев. Одновременно он принял на себя управление Ингуше-осетинским музеем, доставшимся ему в наследство от Северокавказского института краеведения, переехавшего в Ростов-на-Дону. В таком виде музей просуществовал до 1928 г., когда был разделен на два — Ингушский и Осетинский. В первые же годы своего существования ИНИИК развернул бурную деятельность по изучению этнографии и археологии республики, сбору фольклора (совместно с Ингушским литературным обществом, возникшим в 1924 г.), изучению ингушского языка и пр. Но среди его штатных и нештатных сотрудников ингуши представляли незначительное меньшинство (всего 3 сотрудника из 19) (Хроника 1928).

Чеченский НИИ краеведения был организован в июне 1931 г. на базе работавшего с 1929 г. Научного общества Чеченского автономного округа. Но вскоре он подвергся чистке (Данлоп 2001. С. 60) и 7 сентября 1932 г. был преобразован в Чеченский НИИ национальной культуры. В 1934 г. после слияния Ингушского и Чеченского автономных округов в Чечено-Ингушскую автономную область Ингушский НИИ был объединен с Чеченским в единый Чечено-Ингушский НИИ, первым директором которого стал видный ингушский филолог и писатель З.К. Мальсагов (1894-1935) (Авторханов 1931. С. 45; Джамбулатова 1964. С. 117-118).

В 1928-1934 гг. Ингушский научный музей включает отделы природы, культуры (с подотделами археологии и этнографии), экономики и историко-революционный отдел. Благодаря неутомимой энергии и высокому профессионализму Л.П. Семенова, в начале 1930-х гг. Ингушетия была одной из наиболее изученных в археологическом отношении областей Северного Кавказа.

Созданный в 1925 г. в Грозном на основе коллекции оружия частного собирателя Полозова и пополнявшийся во второй половине 1920-х гг. из случайных источников Чеченский областной музей, возглавляемый коллекционером Б. Скилиотти, не мог похвастаться такими успехами (Ингушский научный музей 1930; Джамбулатова 1964. С. 114). Основные разделы его экспозиции включали этнографию, историю Кавказской войны, историю революционного движения и коллекцию изобразительного и прикладного искусства. В 1934 г. его витрины освещали такие темы, как военная история, революционное движение, этнография, оружие, художественное творчество, нумизматика. Несмотря на регулярные археологические исследования в Чечне, музей до середины 1940-х гг. вовсе не имел археологической коллекции (Пономарева 1975. С. 5-8). Таким образом, в 1920-х и даже 1930-х гг. в области развития национальной культуры и подготовки кадров интеллектуальной элиты Ингушетия заметно опережала Чечню. Благодаря тесной связи с ИНИИК, экспозиция Ингушского музея отличалась большей продуманностью, и в нем трудились более квалифицированные сотрудники, чем в Чеченском (Пономарева 1975. С. 13-14).

После образования Чечено-Ингушской автономии оба музея еще несколько лет развивались порознь. Но в 1936 г. изменился их статус: Чеченский музей стал Чечено-Ингушским музеем краеведения, а Ингушский превратился в Ингушский районный краеведческий музей, принадлежавший Пригородному району. Так продолжалось до 1940 г., когда произошло их слияние. Тогда все коллекции Ингушского музея были переданы Чечено-Ингушскому музею краеведения (Пономарева 1975. С. 14-15).

Долгое время оба музея испытывали нехватку кадров. До 1934 г. единственными штатными научными работниками там были их директора, и лишь с этого года им в помощь была добавлена еще одна штатная единица научного работника. После смерти Мальсагова в штате музеев долго не было ни чеченцев, ни ингушей; они появились лишь в 1960-х гг. В 1970-х гг. в Чечено-Ингушском музее краеведения трудились двенадцать научных работников; пять из них были чеченцами и ингушами (Пономарева 1975. С. 12-13, 16).

Глава 4. Поиски золотого века

Идея национального самоопределения, охватившая в 1917 г. многие народы России, заставила представителей интеллектуальных элит задуматься о самобытности и корнях своих этнических культур, о славе предков, способной втянуть массы в «возрожденческое движение». Эта тенденция не обошла и ингушей с чеченцами. В 1918 г. энтузиаст ингушского просвещения, автор азбуки и первого букваря на ингушском языке работник Алагирского и Сунженского лесничества Ф.И. Горепекин (1874-?) [10] выступил с сенсационной концепцией происхождения ингушского народа. Проведя любительские раскопки в Ингушетии, он без каких-либо серьезных оснований настаивал на том, что предки ингушей пришли на Кавказ из Индии через Армянское нагорье и едва ли не с самого начала обладали письменностью. Справедливости ради следует отметить, что автором двигало благородное желание наделить ингушей славной древней историей, которая помогла бы им выбраться из вековой отсталости (Горепекин 1997) [11]. Впрочем, идея прихода предков чеченцев и ингушей (яфетидов) с юга из переднеазиатских областей высоких цивилизаций, пропагандировавшаяся академиком Н.Я. Марром, была в те годы достаточно популярной (см., напр.: Туманов 1913. С. 9-40, 117; Пожидаев 1926. С. 11-12, 17) и, как мы уже знаем, вполне соответствовала местным родовым преданиям. Похоже, в 1920-е гг. она нашла благожелательный прием у местных интеллектуалов. Один из них, филолог Х. Яндаров, рассматривая вопрос о создании чеченской письменности, включал чеченцев в число творцов древней средиземноморской культуры и помешал их древнюю прародину в район озера Ван. У него не было сомнений в том, что они могли участвовать в составлении урартских надписей. Впрочем, он соглашался, что своей письменности у чеченцев в прошлом не было (Яндаров 1929. С. 263).

Развитие археологии позволяло проверить надежность всех этих спекулятивных рассуждений. Интересные перспективы для этого открывали находки Л.П. Семенова, обнаружившего ряд надписей XII-XIV вв., сделанных грузинской графикой, но не имевших отношения к грузинскому языку. Он предложил видеть в этом попытки ингушей использовать грузинскую графику для выработки своей письменности (Семенов 1930. С. 385-387, 408; 1934. С. 185: 1963. С. 151. См. также: Яковлев 1927. С. 20; Генко 1930. С. 733; Чентиева 1958. С. 14).

Тем не менее средневековая история чеченцев и ингушей, не говоря о более ранних временах, оставалась туманной. Поэтому даже питавшим особую страсть к древним временам эмигрантам эта область знаний особых надежд не оставляла. Бывший в 1920-х гг. корреспондентом польской газеты «Справы общее» В.-Г. Джабагиев составил для нее в 1930 г. экскурс в историю Кавказа. Единственное, что он смог сообщить о древнейшей истории северокавказских народов, это то, что они жили там с первой половины I тыс. до н. э. Ничего больше он к этому добавить не мог и ограничился самыми общими сведениями о появлении в регионе хазар, гуннов, арабов, половцев и монголов (Джабаги 2001. С. 319-320). В своих мемуарах, написанных в послевоенные годы, А.Г. Авторханов также давал краткий экскурс в далекое прошлое чеченцев и ингушей. Упоминая о том, что их предки жили на Северном Кавказе с античных времен, он считал необходимым подчеркнуть, что они веками сохраняли свою независимость, мужественно отражая все нашествия, начиная со скифского [12], и что они якобы отвергли христианство, навязывавшееся им Византией. Правда, он признал, что они приняли христианство из Грузии, а затем к ним пришел ислам (Авторханов 2003. С. 15-16).

Самую впечатляющую концепцию происхождения ингушей создал в середине 1930-х гг. тогда еще молодой ингушский исследователь М.М. Базоркин (1902-1965), старший брат будущего ингушского писателя И.М. Базоркина. Он родился в селе Базоркино Пригородного района Ингушетии в семье потомственных военных, служивших в царской армии. Его дед, Бонухо Базоркин (1830-1906), был первым ингушским генералом, отличившимся в годы Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., а отец командовал Уланским казачьим полком. Дед Базоркина по материнской линии был швейцарским инженером. Начальное образование Мурад Базоркин получил в гимназии г. Владикавказа в 1910-1917 гг. Затем в составе вначале отряда самообороны Владикавказа, а затем Ингушской народной армии он участвовал в боях с бичераховцами и Добровольческой армией Деникина. С 1925 г. он обучался на рабфаке, затем в Горском педагогическом институте. Закончив там курс аспирантуры, Базоркин с 1936 г. работал в Чечено-Ингушском НИИ и регулярно участвовал в научных экспедициях в Горную Ингушетию. В конце 1943 г. он стал сотрудником Чечено-Ингушского краеведческого музея, а 22 февраля 1944 г. был назначен его директором. Но в этой должности ему довелось проработать лишь один день, ибо 23 февраля произошла

депортация ингушей и чеченцев. На чужбине работа по специальности оказалась для него недоступной, и более десятка лет он проработал простым каменотесом. После возвращения на родину он в 1958-1962 гг. был сотрудником Чечено-Ингушского краеведческого музея, после чего ушел на пенсию (Базоркина 2001. С. 7-8; Куркиев 2002. С. 278-279).

Свои основные труды о происхождении ингушского народа Базоркин подготовил в 1934-1936 гг., будучи аспирантом Горского педагогического института. Хотя углубленное изучение этой темы не вписывалось в вузовскую программу и молодой исследователь не имел ни подходящего научного руководителя, ни доступа к нужной литературе, он видел в занятиях этой проблемой свой гражданский долг и испытывал желание «заполнить белые пятна истории своего народа». При этом он искренне полагал, что «знание далекого прошлого даст предпосылки для успеха в развитии отсталых национальных областей» (Базоркин 2002. С. 207-208). Будучи аспирантом первого года обучения, он подготовил рукопись «История ингушей по известиям Вахушти о дзурдзуках», а в следующем году начал самостоятельно разрабатывать тему «Хетто-вайнахская проблема, или Происхождение ингушей».

Подобно другим кавказским ученым 1920-1930-х гг., Базоркин находил вдохновение в двух популярных тогда идеях. Во-первых, вслед за академиком Марром он связывал этногенез кавказских (яфетических, по Марру) народов с мощным импульсом, полученным из древней Передней Азии, а во-вторых, отождествлял носителей этого влияния с хеттами, чья вновь открытая цивилизация привлекала в те годы внимание ученых всего мира. По Марру, хетты включались в яфетическую общность, и Базоркин готов был с энтузиазмом отстаивать эту гипотезу против чешского ученого Б. Грозного, обнаружившего связь хеттского языка с индоевропейскими. Базоркин даже считал, что «Грозный чуть не увел хеттологию с правильного пути» (Базоркин 2002. С. 213) [13]. Отождествляя хеттов с хатами [14] и всеми силами стремясь обнаружить в ингушской культуре и языке связи с хеттским миром, Базоркин восхищался могуществом древнего Хеттского государства и, называя хеттов одними из главных предков ингушей, делал последних наследниками высоких достижений хеттской культуры. По его мнению, потерпев поражение от могущественных соседей, хетты в течение I тыс. до н. э. продвигались по Кавказу, ассилируя местное население и передавая ему свои религиозные и культурные ценности. В этом отношении Базоркину казалось естественным утверждение о том, что «ингуши и грузины есть потомки хеттов», и он даже пытался ввести в оборот неологизм «хетты-ингуши» (Базоркин 2002. С. 254-256).

Полагая, что эти «хетты» пришли на Северный Кавказ в VI в. до н. э., Базоркин предпринимал все усилия для того, чтобы обнаружить там следы ингушей во второй половине I тыс. до н. э. Их он находил у античных авторов (Страбона, Феофана, Арриана, Птолемея и др.), в «Армянской географии» VII в., в рукописи грузинского царевича Вахушти (XVIII в.) и в грузинской летописи «Картлис Цховреба» в виде этонимов «гелаи», «дзурдзуки», «глигви», «кисты», «цови», «туши», «туски», «гаргари». В них он видел воспоминания об ингушских племенах, якобы господствовавших в центральной части Северного Кавказа до возникновения древнейшего грузинского царства и затем взаимодействовавших на равных с первыми грузинскими царями. Он полагал, что тем самым ему удалось углубить прошлое ингушей на Северном Кавказе вплоть до IV в. до н. э., т. е. на 1000 лет (Базоркин 2002. С. 92-93, 218-225).

Поднимая престиж ингушей в первые же годы после слияния Ингушской и Чеченской автономных областей в единое политico-административное образование, Базоркин обращал внимание на то, что Вахушти, во-первых, уделял большое внимание ингушам, почти не упоминая о чеченцах, а во-вторых, размешал ингушей («дзурдзуков») на значительной территории между верховьями Терека и Дагестаном. Это представление нашло свое отражение на карте «Древней Ингушии», составленной Базоркиным (Базоркин 2002. С. 10, 204). Любопытно, что он не был склонен придавать этониму «дзурдзук» слишком широкое значение. Он полагал, что так арабы IX в. называли вначале лишь обитателей Джераковского ущелья, но в силу могущества последних их имя было со временем перенесено на всех вайнахов (Базоркин 2002. С. 20-21). В то же время, следуя грузинской легендарной традиции, Базоркин доказывал, что Дзурдзукетия как территория обитания вайнахов существовала еще во второй половине I тыс. до н. э., и с ней тогда должны были считаться первые грузинские цари (Базоркин 2002. С. 48-52). Не остался Базоркин в стороне и от спора о нартском наследии: в своей работе он утверждал, что нартский эпос был создан аборигенами Центрального Кавказа, двалами, по его мнению, «родственными грузино-вайнахам», и именно от них его получили предки осетин (Базоркин 2002. С. 42).

С конца I тыс. до н.э., по Базоркину, начался постепенный закат прежнего могущества древних ингушей. Вначале Дзурдзукетия распалась на ряд самостоятельных обществ, затем она попала под влияние аланс-овсов, еще позднее ей пришлось стать хазарской данницей, после чего Ингушетия на

время была включена в Кахетинское княжество. Окончательный ее упадок Базоркин связывал с монгольским нашествием и походами Тамерлана, хотя и подчеркивал, что в силу своей относительной изоляции она пострадала от этого меньше, чем соседние народы. Все же она была отброшена назад к родовому строю. Описывая длительный период регресса, Базоркин находил предмет для гордости в том, что никто так и не смог ассимилировать «дзурдзуков». Он даже благодарил «татар» за то, что те якобы спасли ингушей от «поглощения грузинским государством» (Базоркин 2002. С. 42, 95–99).

Рассмотренные работы молодого аспиранта отличались ярко выраженным этноцентризмом и достаточно вольным обращением с историческими источниками, не отвечающим требованиям профессионализма. Он и сам сознавал, что они нуждаются в доработке (Базоркин 2002. С. 7, 58, 207–208). Неудивительно, что при его жизни они оставались неопубликованными.

Создание региональной истории требовало привлечения более подготовленных научных кадров. Во второй половине 1930-х гг. местные власти поставили перед исследователями задачу написания истории чечено-ингушского народа, и с 1936 г. в ЧИ НИИ шел сбор необходимых для этого документов. Одновременно была продолжена работа по систематизации и изучению чечено-ингушского фольклора, с 1935 г. в области ежегодно проводились археологические исследования, началась систематическая публикация работ по археологии и истории Чечено-Ингушетии. Правда, во избежание неприятностей археологи тщательно обходили позднесредневековые памятники, связанные с исламом (Джамбулатова 1964. С. 124–125; Виноградов, Лосев, Саламов 1963. С. 17–19). Однако вскоре события обернулись таким образом, что чеченцам и ингушам пришлось надолго отбросить мысль об обретении своей собственной истории.

Глава 5. Народы-фантомы

Планы по депортации чеченцев и ингушей из Чечено-Ингушетии стали разрабатываться еще осенью 1943 г., и 29 января 1944 г. их утвердил Л.П. Берия. Сама депортация произошла в День Красной армии 23 февраля 1944 г. Она была осуществлена с крайней жестокостью; те, кого по причине труднодоступности их сел не могли депортировать, были заживо сожжены в своих аулах. Наибольшую известность получила трагедия в ауле Хайбахой, где были сожжены несколько сотен человек (Костоев 1990. С. 82; Хожаев 1991а. С. 10–13, 33–45; Чагаева 1993; Хамидова 1998. С. 55–56; Бугай, Гонов 1998. С. 147; Полян 2001. С. 122; Тимофеева 2004) [15].

Северный Кавказ в 1944–1957 гг.

Северная Осетия в 1944–1957 гг. (по А. Цущеву)

Сама республика была ликвидирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г., но «Закон об упразднении Чечено-Ингушской АССР» был утвержден ВС РСФСР лишь 25 июля 1946 г. Основная часть ее территории была Постановлением ВС СССР от 22 марта 1944 г. преобразована в Грозненский округ (позднее — область) Ставропольского края, включивший 2/3 территории бывшей Чечено-Ингушской АССР, а также ряд северо-восточных земель Ставропольского края (Бугай 1994. С. 81-82.) Остальная часть территории упраздненной республики была передана в состав соседних республик. Северная Осетия получила большую часть бывших ингушских земель — три целых района (Ачалукский, Назрановский и Пседахский), северную и центральную части Пригородного района, западную часть Сунженского района и г. Малгобек. Некоторые восточные районы (Веденский, Ножай-Юртовский, Саясановский, Чеберлоевский и значительные территории Курчaloевского и Шароевского (кроме их северо-западной части), а также восточная часть Гудермесского района вошли в состав Дагестана, а пять южных высокогорных районов (один полностью и четыре частично), включая такие значимые для вайнахов, как Ассинское и Джераховское ущелья, получила Грузия. Туда в приказном порядке срочно начали переселять жителей из соседних республик, а в Грозненскую область направился поток переселенцев из РСФСР. Украины и Молдавии (Хожаев 1991а. С. 48-50; Алиева 1993 а. Т. 2. С. 87; Бугай 1994. С. 76-77; Бугай, Гонов 1998. С. 201, 203-207; 2003. С. 473-474; Полян 2001. С. 121-123). Обсуждая причины депортации, современные чеченские ученые, подобно карачаевским и балкарским, называют ее причинами планы создания «Великой Грузии» (см., напр.: Тернистый путь 1992. С. 19; Гакаев 1997. С. 104; Лорсанукаев 2003. С. 187), а также территориальные интересы соседних республик — Северной Осетии и Дагестана (Абдулаев 1991. С. 5-7; Хатаев 1997. С. 167-168). В свою очередь, некоторые ингушские лидеры обвиняют в экспансионизме руководство Северной Осетии (Костоев 1990. С. 13-15; Костоев 1995. С. 7, 63, 65; Патиев 2002а. С. 29-30) и даже высказывают предположение о том, что своей трагедией они обязаны якобы осетинским корням Сталина (Костоев 1990. С. 120-123; Богатырев, Костоев 2000. С. 28, 44-45, 107, 109) [16].

После депортации чеченцы и ингуши были вычеркнуты из списка народов СССР, и делалось все, чтобы стереть саму память о них (Виноградов, Лосев, Саламов 1963. С. 7): уничтожались редкие книги и

архивы, записи фольклорных текстов, практически любая литература и периодические издания с упоминаниями чеченцев и ингушей, в горах взрывались средневековые башни, гробницы и святыни, с землей сравнивались кладбища, а надгробия разбивались и использовались для строительных работ, демонтировались все памятники чеченским и ингушским героям революции и Гражданской войны. В частности, в Грозном были уничтожены памятники легендарному борцу за советскую власть А. Шерипову и чеченским партизанам из отряда Н.Ф. Гикало (Айдамиров 1989; Костоев 1990. С. 82; Хожаев 1991а. С. 13, 16, 73; Яндарбиев 1988. С. 1991; Бугай 1990. С. 44; Костоев 1995. С. 9; Джургаев, Джургаев 1989. С. 63-64; Базоркина 2001. С. 36, 67; Умалатов 2001. С. 44-45; Лорсанукаев 2003. С. 201; Осмаев, Алироев 2003. С. 8), хотя еще недавно чеченцев и ингушей призывали равняться на А. Шерипова (Обращение 1942). По решению Северо-Осетинского обкома от 8 мая 1944 г. в переданных Северной Осетии районах была заменена чеченская и ингушская топонимика, в том числе бывший Пседахский район превратился в Аланский, а священное для ингушей село Ангушт, по которому они получили свое имя и где в 1770 г. они подписали присягу на верность России, получило название Тарское (Костоев 1990. С. 84, 129; Чахкиев 1991 б. С. 53; Бугай, Гонов 1998. С. 207; Полян 2001. С. 123). Вслед за этим Указом ВС РСФСР от 30 августа 1944 г. были переименованы все районы и районные центры в Грозненском округе (Полян 2001. С. 123; Данлоп 2001. С. 77). Затем с исторических карт Грозненской области исчезли все упоминания о чеченцах и ингушах (Дешериев 1995. С. 160, 245). Похоже, такое полное уничтожение следов пребывания прошлого населения и «присвоение ландшафта» является постоянным спутником этнических чисток. Например, заняв некоторые районы Боснии, сербские боевики не только уничтожили мечети, но и посадили на их месте деревья и устроили детские площадки (Bowman 1994. Р. 159). Все такие действия можно квалифицировать как «репрессии против культуры» (Assmann 1995. Р. 366).

Темы, связанные с депортированными народами, оказались для историков закрытыми [17]. Власти Грозненской области пошли даже на то, что в 1951 г. уничтожили часть архивных документов (Катышева 1996). Даже в 1954 г. после смерти Сталина пришлось вести сложные переговоры о включении информации о депортированных народах в готовящиеся к выпуску очередные тома Большой советской энциклопедии (БСЭ). Но такие материалы были опубликованы только после возвращения тех на родину в 1957 г., для чего редакции БСЭ пришлось срочно подготовить дополнительный 51-й том (Дешериев 1995. С. 232-234, 273).

По словам ингушской правозащитницы, в годы депортации чеченцы и ингуши стали «народами-фантомами» (Яндиева 2002 б. С. 88). Самы их названия и производные от них полностью исчезли из советской лексики. Ими нельзя было пользоваться даже ученым. Мало того, не желая разделить участь своих сородичей, жившие на территории Северной Грузии кистинцы вынуждены были всячески подчеркивать свои отличия от чеченцев (Дешериев 1995. С. 44, 51, 246).

Одновременно для создания образа векового врага в лице чеченцев и ингушей была развернута мощная пропагандистская кампания, опиравшаяся на партийные документы и государственные постановления. Для оправдания своих кровавых действий на Северном Кавказе сотрудники НКВД во много раз преувеличили численность действовавших там банд и их размеры [18]. Это и служило основой для таких документов, как Указ ВС РСФСР от 25 июня 1946 г. о якобы массовом пособничестве фашистам со стороны чеченцев и крымских татар и Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. об опере В. Мурадели (1908-1987) «Великая дружба», огульно обвинявшее чеченцев и ингушей в нелояльности советской власти (Виноградов, Лосев, Саламов 1963. С. 34; Хожаев 1991 а. С. 9, 13, 16-17). В итоге репрессии против «наказанных народов» были закреплены и даже ужесточены Указом ВС СССР от 26 ноября 1948 г., объявлявшим депортацию вечной и вводившим уголовную ответственность за побеги из мест спецпоселений (Хожаев 1991 а. С. 50-51; Бугай 1994. С. 163-165; Дешериев 1995. С. 134). С 1949 г. на всех спецпоселенцев заводились личные дела с определенным номером. Там, в частности, должна была иметься справка, обосновывавшая выселение, где говорилось: «В соответствии с постановлением ГКО от 31 января 1944 года как лицо чеченской национальности 23 февраля 1944 года из бывшей Чечено-Ингушской АССР переселен(а) ... и оставлен(а) навечно в местах обязательного поселения выселенцев без права возврата к прежнему месту жительства» (Шаова 1993). Во исполнение Указа 1948 г. около 2 тыс. спецпоселенцев, самовольно покинувших место ссылки, были приговорены к 20 годам каторжных работ (Козлов 2003).

Дело доходило до того, что местные власти не только настраивали окружающее население против ссыльных, но и провоцировали нападения на них со стороны уголовников (Дешериев 1995. С. 205). Еще при транспортировке чеченцев и ингушей к местам высылки их вагоны украшались надписями

«Враги народа», «Людоеды», что должно было вызывать к ним враждебные чувства (Джургаев, Джургаев 1989. С. 17; Базоркина 2001. С. 20). В местах их поселений в Казахстане и Киргизии местные власти убеждали жителей в том, что с ними рядом поселились опасные государственные преступники или даже каннибалы (Дешериев 1995. С. 119; Зумакулов 2001. С. 801; Лорсанукаев 2003. С. 92). Известны случаи нападения местных жителей и специально выпущенных для этой цели из тюрьмы уголовников на чеченцев и ингушей и их убийства как «предателей Родины» (Дешериев 1995. С. 205; Зумакулов 2001. С. 802). Наибольшую известность получили трагические события в расположеннном у отрогов Алтайских гор восточноказахстанском городе Лениногорске, где накануне праздника рамадана был пущен слух о том, что чеченцы якобы используют для своих ритуалов кровь младенцев [19]. В результате 16-18 июня 1950 г. там был устроен настоящий чеченский погром, вылившийся в трехдневные уличные схватки (Насардинов 1991; Хожаев 1991 а. С. 21, 52-56). В Лениногорске, по официальным данным, погибли 34 человека, причем все они были чеченцами. Однако власти изобразили это заурядной дракой между спецпоселенцами и рабочими (Бугай 1994. С. 87; Бугай, Гонов 2003. С. 719).

После начала «покорения целины» в 1954 г. погромы, похоже, участились, но теперь в них участвовали в основном целинники, не отказывавшие себе в удовольствии расправиться с «предателями Родины». В 1954-1957 гг. в Акмолинской области отмечалось до 135 стычек с применением насилия, зачинщиками которых чаще всего были целинники. Одно из самых массовых избиений ингушей, в котором участвовали десятки человек, произошло в с. Елизаветинка в декабре 1954 г. (Поль 2002. С. 186-188; 2004. С. 12-16; Зубкова 2004. С. 14). Вместе с тем местные жители часто с сочувствием относились к ссыльным чеченцам и ингушам. По воспоминаниям очевидцев, даже сосланные ранее казаки оказывали им материальную помощь (Умалатов 2001. С. 43).

Расселенные в Казахстане и Киргизии, чеченцы и ингуши в полной мере познали всю тяжесть этнической дискриминации: школьники не могли учиться на родном языке, юношам и девушкам было запрещено поступать в вузы за пределами Казахстана и Киргизии, высокообразованные люди не могли получить работу по специальности, и им нередко приходилось довольствоваться малоквалифицированной и низкооплачиваемой работой, за самый незначительный проступок они могли быть уволены, а временами они подвергались кампаниям массовых увольнений. О повышении в должности не могло быть и речи. Люди были резко ограничены в передвижении, и для временного выезда за пределы своего поселка или города (даже в случае острой нужды, связанной с тяжелой болезнью) им требовалось получить разрешение от коменданта. Спецпоселенцы подвергались унизительным облавам на базарах. Раз в месяц в строго указанные дни все они должны были посещать комендатуру и получать отметки в паспортах. Им нельзя было свободно встречаться и развивать свою культуру. Достаточно сказать, что лезгинка была запрещена как «контрреволюционный танец» [20]. Тем самым дискриминация была распространена на народную, а также на профессиональную культуру, и та постепенно приходила в упадок. Людям негде было знакомиться со своей историей, тем более что она в те годы откровенно фальсифицировалась. Мало того, в некоторых произведениях советских авторов чеченцы и ингуши представлялись «по природе своей порочным народом» (об этом см.: Боков 1992. С. 11; Бугай 1994. С. 142; Зумакулов 2001. С. 800; И. М. Базоркин 2003 б. С. 172-189). Впрочем, нередко спецпоселенцев заботили гораздо более прозаические проблемы: в 1949 г. те из них, кто оказался в северных и северо-восточных районах Казахстана, пережили страшный голод (Бугай 1994. С. 174-178).

Так что «повседневность депортации» была тяжелым физическим и нравственным испытанием (Flemming 1998. Р. 78-81). Вместе с тем нельзя не учитывать замечание В.А. Козлова о том, что «строгость законов компенсировалась необязательностью их исполнения» (Козлов 2003). Действительно, местные власти иной раз смотрели сквозь пальцы на нарушения режима спецпоселения, допускавшиеся депортированными. И это несколько облегчало суровую жизнь последних, что и зафиксировал в своих интервью В.А. Тишков (Тишков 2003. С. 315).

Вместе с тем трагедия депортации, трудности быта и ощущение совершенной несправедливости сплачивали народ, заставляли людей постоянно поддерживать друг друга и чувствовать свое единство перед лицом жестокой власти. По словам одной исследовательницы, «депортация усилила национальные чувства ингушского народа, очертив еще более жесткие границы этнической группы, которая в нормальной общественной среде была бы способна на подвижность, ситуативную изменчивость» (Кокорхоеева 2002. С. 135). То же самое можно было бы сказать о чеченцах и других депортированных народах (Ormrod 1997. Р. 99; Fowkes 1998. Р. 10-11; Lieven 1998. Р. 332-333; Фурман 1999. С. 12; Tishkov 1997. Р. 166; Тишков 2001а. С. 83-89; 2003. С. 315; Карпов 2001. С. 197). Политологи неоднократно подчеркивали,

что внешняя угроза или общая беда сплачивает людей, даже если прежде они не имели между собой ничего общего (Lake, Rothchild 2001. P. 141). Действительно, как показывают исследования среди беженцев и насилиственных переселенцев, нарративы об утраченной родине, истории народа и пережитых страданиях служат мощной основой этнической консолидации (Malkki 1992. P. 35; 1995. P. 52-104; Ballinger 2003. P. 170-203). Память о депортации до сих пор выполняет эту роль у вайнахских народов (см., напр.: Lieven 1998. P. 321; Кодзоев 2000).

В изгнании для чеченцев и ингушей заново открылось значение их традиционных институтов и народных обычаяев; они начали возвращаться к полуза забытой религии (Поль 2002. С. 179-185; 2004. С. 18-19). Возросло доверие к старикам, и люди вновь стали прибегать к авторитету народного суда «кхел». Ради выживания народа старики ввели строгий обычай эндогамии. Кроме того, для поддержания морального духа люди обращались к образам далёкого прошлого и народных героев. Предки представлялись теперь истинными аборигенами Кавказа, обитавшими там в течение тысячелетий. Все это помогают людям верить в то, что возвращение на родину неотвратимо (Абдулаев 1991. С. 170-171; Базоркина 1993. С. 118-120; 2001. С. 36-38; И. М. Базоркин 2002. С. 190; Ланда 1995. С. 234-235; Усманов 1997. С. 61; Акаев 1999. С. 6; Дерлугъян 1999. С. 207; Арапханова 2003; Головлев 2003). Поэтому, когда летом 1956 г. им был предложен компромиссный план создания автономии в Талды-Курганской области Казахстана у советско-китайской границы (Джургаев, Джургаев 1989. С. 46-49; Бугай 1994. С. 204; Базоркина 2001. С. 59) [21], они категорически это отвергли (Бугай, Гонов 2003. С. 480, 743).

Тем временем после ликвидации Чечено-Ингушской АССР и преобразования ее в Грозненскую область бывший Чечено-Ингушский НИИ был реорганизован и на его месте был создан Грозненский областной НИИ, куда вошел и краеведческий музей. Их деятельность также была полностью переориентирована — теперь в центре исторических и этнографических исследований вместо горских народов оказались казаки и отчасти ногайцы и туркмены. О чеченцах и ингушах, об их автономии и связанных с ними учреждениях в эти годы было приказано забыть, и статьи о них полностью отсутствовали в выходившем тогда втором издании БСЭ.

Поэтому в первом выпуске «Известий Грозненского областного института», вышедшем в 1948 г., говорилось, что «настоящее издание не имеет предшественников, на опыт которых можно было бы опереться» (Известия Грозненского областного института и музея краеведения, 1947. Грозный, 1948. Вып. 1. С. 4). В краеведческом музее историческая экспозиция, освещавшая эпоху до 1917 г.. состояла из одиннадцати разделов: первобытное общество (до конца эпохи бронзы), скифо-сарматское время, эпоха раннего феодализма (аланско-хазарские древности IV-IX вв.), Грозненская область в X-XII вв. (здесь экспонировались славянские сосуды, а также грузинские храмы XII в.), Грозненская область в эпоху татаро-монгольского ига XIII-XIV вв., Грозненская область в XIV-XVII вв. (история ее заселения грекенскими казаками, их дружбы с кабардинцами и совместных военных действий против турок), Грозненская область в XVIII в. (от Петра I до Пугачева), Грозненская область в первой половине XIX в. (Кавказская война), Грозненская область во второй половине XIX в. (о развитии местной промышленности, особенно нефтепромыслов), первая русская революция 1905-1907 гг., Февральская революция 1917 г. В лучшем случае посетитель мог узнать, что в прошлом южные районы области были заселены горцами, с которыми и сражались русские в годы Кавказской войны, но никакой информации о том, кем были эти горцы, он не получал. В Советском отделе музея не было, разумеется, и речи об истории Чечено-Ингушской автономии, но зато там прославлялись такие культовые советские вожди, как Сталин; Орджоникидзе и Киров (Белогуров 1950). В годы депортации в местных северокавказских музеях предметы материальной культуры «наказанных народов» потеряли четкую атрибуцию и экспонировались в лучшем случае как вещи анонимных «горцев». Такое подавление памяти обычно в условиях диктатуры. Например, в чилийских музеях не найти «арпильерас», вышивок, изготовленных в память о недавнем страшном времени ближайшими родственницами людей, замученных при диктатуре Пиночета. Зато эти изделия выставляются на обозрение во многих других странах мира (Natzmer 2002. P. 177). Однако иногда музей подвергается цензуре и в условиях демократии. Например, в Национальном музее Мадрида предметы баскской культуры хранятся в запаснике и без пояснительных этикеток.

В 1950 г. в Грозном вышла пропагандистская брошюра, посвященная Грозненской области. Беспрецедентность этого издания заключалась в том, что, во-первых, оно было выпущено анонимно (никто не желал подвергать себя позору), а во-вторых, в отличие от всех других подобного рода брошюр, в ней не было ни одной главы, посвященной истории или этническому составу населения области. Весь исторический экскурс, по сути, сводился к двум фразам о том, что «из отсталой окраины дореволюционной

России Грозненская область, вместе с другими республиками, краями и областями СССР, стала после Великой Октябрьской социалистической революции областью передовой социалистической культуры» и что «плановое переселение крестьян-колхозников в Грозненскую область было начато в 1944 г. во время Великой Отечественной войны» (Грозненская 1950. С. 10, 45). Стоит ли говорить о том, что в ней изящно обходилась любая информация, способная напомнить читателю о чеченцах или ингушах?

В связи с тем что главными историческими обитателями области теперь были назначены казаки, ставшие основным объектом научных исследований, изменилось отношение к казачьей тематике. Если в первые послереволюционные десятилетия казаки рассматривались не иначе как верная опора царизма и, следовательно, враждебная сила, то уже с середины 1930-х гг. отношение властей к ним изменилось. Постепенная реабилитация казачества началась в СССР в 1933-1935 гг. После длительного забвения в оборот снова стал возвращаться термин «казак», началось возрождение казацкого спорта (джигитовки), журналисты и ученые вспомнили о казачьем фольклоре, и были восстановлены казачьи хоровые ансамбли, в казачьем быту вновь появилась традиционная казачья форма. Постановлением ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. для казачества отменялись все бытые ограничения в отношении службы в рядах Красной армии. Некоторые наблюдатели усматривали в этом стремление заручиться поддержкой казачества перед лицом надвигающейся войны. Другие подозревали советских руководителей в желании восстановить полицейскую силу для наведения порядка на неспокойном юге (Чукуа 1936). Похоже, разочаровавшись в коммунистических методах наведения порядка, Сталин пытался опереться на кажущийся более надежным опыт царской империи.

Действительно, после депортации народов Северного Кавказа к казакам стали относиться с особой симпатией, видя в них надежных защитников южных рубежей Отечества. В первом же выпуске «Известий Грозненского областного института» любовно была выписана фигура жестокого завоевателя Северного Кавказа генерала А.П. Ермолова (1772-1861). Автор статьи, местный краевед, сочувственно цитировал его слова о правобережье Терека как о «землях, издавна принадлежавших первым основавшимся здесь нашим казачьим поселениям». Опираясь на них, он доказывал, что Ермолов будто бы не считал занятие Сунжи завоеванием новых земель и что речь шла лишь о восстановлении справедливости — возвращении этих земель их прежним владельцам, т.е. казакам (Штанько 1948. С. 92) [22]. В своем описании Кавказской войны этот автор вернулся к канонам русской дореволюционной историографии — в его работе прославлялись подвиги казаков в борьбе с безымянными «горцами». Фигура Шамиля как руководителя «национально-освободительного движения», о чем еще продолжали тогда писать некоторые советские авторы, явно не вписывалась в этот новый-старый образ Кавказской войны. Впрочем, некоторые неудобства с образом Шамиля возникли еще в годы войны. Вовсе не случайно, когда в условиях быстрого продвижения германских войск к Северному Кавказу советскому руководству понадобилось вдохновлять горцев на защиту своей родной земли путем апелляции к героизму предков, места Шамилю среди этих героев прошлого не нашлось. Если, обращаясь к народам Закавказья, советские идеологи взвывали к их славной вековой истории (Клятва 1942), то в отношении народов Северного Кавказа использовалась иная риторика. Их убеждали в том, что именно советская власть принесла им культуру и избавила от чужеземных захватчиков, а их герои либо оставались безымянными, либо связывались с борьбой за установление советской власти в годы Гражданской войны. При этом первое место среди этих героев занимали С. Орджоникидзе и С. М. Киров (Обращение 1942; Северный Кавказ 1942; Кумехов 1942; Линкуй 1942; Обращение старейших представителей 1942).

Ясно, что герои с сомнительной репутацией советской историографии были уже не нужны, и до окончательного свержения Шамиля с пьедестала оставалось недолго (Tillett 1969. P. 133-147; Conquest 1970; Некрич 1979. С. 43, 83-84; Gökyay 1998. Р. 41-43; Дегоев 2001. С. 246-250. 290-292) [23] Зато в 1949 г. по указанию Берия в г. Грозном напротив Дома политического просвещения был восстановлен бюст А.П. Ермолова, ликвидированный большевиками в 1922 г. У его подножия размещались чугунные плиты, на одной из которых можно было прочитать высказывание самого Ермолова о чеченцах: «Народа сего под солнцем нет коварней и подле» (Джургаев, Джургаев 1989. С. 63-64).

В те годы местным фольклористам не оставалось ничего другого, как заняться давно забытым фольклором терских и гребенских казаков. При этом казаки изображались «защитниками Кавказа от вероломных врагов», ведущими «оборонительную войну». Говорилось об их подвигах, мужестве, самоотверженности в «отстаивании нашего края», тогда как их противники выступали «реакционным движением мюридов» с «антинародной разбойничьей сущностью», «грабителями и разбойниками», «ненавистниками русского народа» (Путилов 1948; 1953). Иными словами, возрождался дух старой царской

историографии, и горцы выступали в образе «абсолютного зла». Тем самым местному населению прививалась нетерпимость к чеченцам и ингушам.

В свою очередь, политico-административные преобразования на Северном Кавказе, произведенные в 1944 г., побудили некоторых грузинских авторов заняться присвоением горского культурного наследия. Один из них заявил, что тип многоэтажных боевых башен, которыми так гордились ингуши, сформировался будто бы на территории Грузии и представлял образец «самобытного грузинского зодчества». Он утверждал, что именно из Грузии этот тип архитектуры распространился по всему Северному Кавказу (Закария 1952. С. 128-129; Закарая 1969. С. 68) [24]. Впоследствии специалисты по северокавказской археологии неоднократно протестовали против этого (см., напр.: Марковин 1962. С. 51-52; Марковин, Кузнецов 1961. С. 107; Виноградов, Саламов 1966. С. 174-175; Крупнов 1971. С. 77; Мужухоев 1977. С. 45-46; 1995. С. 28-45; Чахкиев 1979. С. 151-152; 1985; Виноградов 1980. С. 38-41).

Тем временем археологи потеряли возможность идентифицировать средневековые памятники с предками чеченцев и ишушей. В ответ на принятые 14 октября 1948 г. Постановление Совета министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» в Грозненской области заговорили о более бережном отношении к памятникам древности, и значимость археологических исследований повысилась. Однако при этом не было и речи о народах, которым принадлежало местное историческое наследие (Штанько 1950). Все это, безусловно, формировало у местного славянского населения враждебные чувства к горцам. Это было одним из решающих факторов того, что, как писал в 1970-х гг. А. Некрич, «последствия депортации оказывали и продолжают еще оказывать свое негативное влияние на межнациональные отношения в Чечено-Ингушетии» (Некрич 1978. С. 128).

И хотя советские авторы подчеркивали, что в те годы лишь археологи имели возможность успешно работать (Виноградов, Лосев, Саламов 1963. С. 34), те также попадали в трудное положение, даже занимаясь ранними этапами истории Северного Кавказа. Начиная с 1935 г. эти работы возглавлял Е.И. Крупнов (1904-1970). Уроженец Моздока, он после окончания в 1924 г. Моздокской средней школы обучался на этнологическом отделении Северокавказского педагогического института во Владикавказе, где испытал огромное влияние Л.П. Семенова. В 1927 г. он перевелся на историко-археологическое отделение факультета общественных наук 1-го Московского университета, где учился у крупнейшего российского археолога того времени В. А. Городцова. В 1930 г., закончив обучение, Крупнов поступил на работу в Государственный исторический музей (ГИМ) в Москве, с которым он сотрудничал до 1951 г. С 1937 г. он работал по совместительству в Институте истории материальной культуры (затем Институте археологии) АН СССР, где в 1951-1960 гг. был заместителем директора, а затем в 1962-1970 гг. — заведующим сектором неолита и бронзы. Одновременно он в 1947-1949 гг. заведовал сектором археологии в Кабардинском НИИ.

Его научные интересы были прочно связаны с Северным Кавказом, и первая его научная работа была посвящена родовому строю чеченцев и ингушей. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. он участвовал в работе археологической экспедиции Ингушского НИИ под руководством Л.П. Семенова, а затем с 1935 г. руководил самостоятельными экспедициями в Ингушетию и Северную Осетию. Осенью 1941 г., находясь в Москве после боевого ранения, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «История Ингушии с древнейших времен до XVIII в.», после чего снова ушел на фронт. Депортация ингушей и чеченцев в 1944 г., по его собственному горькому признанию, в течение долгих лет сделала невозможной дальнейшую разработку этой тематики (Крупнов 1971. С. 13). С 1945 г. Крупнов возглавлял Объединенную северокавказскую экспедицию ИИМК, ГИМа и ряда местных музеев, чьи отряды работали во многих районах Северного Кавказа. Сам Крупнов в 1946-1949 гг. вел исследования в Кабардино-Балкарии, затем проводил раскопки в Северной Осетии и Ингушетии, а с 1957 г. занимался также и исследованиями в горной Чечне. В 1960 г. вышла его фундаментальная монография «Древняя история Северного Кавказа», которая не только стала его докторской диссертацией, но и была в 1963 г. оценена престижной Ленинской премией. В 1950-1960-х гг. Крупнов являлся ведущим специалистом по археологии Северного Кавказа, и к его мнению прислушивались. Имея множество учеников, Крупнов уделял особое внимание подготовке национальных кадров, и многие из местных северокавказских археологов второй половины XX в. вышли из его школы. Среди них были чеченские и ингушские археологи С.Ц. Умаров, М.Х. Багаев, М.Б. Мужухоев, М.Х. Ошаев, И.Д. Магомадов, Т.С. Магомадова, Р.А. Даутова (Мунчаев 1964: 2004; Виноградов 1970. С. 8-18; 1972 б: 1988. С. 119-126; Кузнецов 1973).

Определяя стратегию северокавказской археологии в 1950-е гг., Крупнову приходилось о многом умалчивать или высказывать весьма противоречивые суждения, следуя официальному курсу советской

политики. Так, в одной из своих установочных статей он объяснял скромные достижения местной археологии «националистическими ошибками» осетинских и дагестанских специалистов, храня полное молчание о том, что к таким «ошибкам» археологов толкала политика властей; он призывал срочно готовить очерки по истории отдельных народов Северного Кавказа и проводить углубленные исследования средневековой эпохи, но не объяснял, как это возможно в условиях строгих запретов на изучение любой тематики, связанной с депортированными народами и их предками; он предупреждал о неправомерности использования современных этнических понятий дня описания древних периодов и в то же время требовал от археологов обнаружения славянских древностей на Северном Кавказе (Крупнов 1955). В 1940-1950-е гг. сам Крупнов вынужден был называть горские земли «территорией, лежащей к северу от Главного Кавказского хребта» или «областью центральной части Северного Кавказа». Если еще совсем недавно он не боялся связывать позднесредневековые памятники Ингушетии с предками ингушей (Крупнов 1939; 1941), то теперь, устанавливая непрерывную культурную преемственность с эпохи поздней бронзы до позднего Средневековья, он ограничивался терминами «местное общество», «местные племена» и «горская культура». И оставалось неясным, кто же обитал в регионе после исчезновения аланс (Крупнов 1947. С. 116; 1948а. С. 7,47-48; 1948 б).

Еще в предвоенные годы акад. И. А. Джавахишвили, проанализировавший множество эпиграфических источников, племенных названий и топонимов, пришел к неожиданному и достаточно оригинальному выводу о том, что кавказский скифо-сарматский мир был наполнен северокавказской лексикой — прежде всего адыгской, но также чеченской и лезгинской. Он даже утверждал, что «скифы и сарматы принадлежали к северокавказской адыго-чеченско-лезгинской народности» (Джавахишвили 1939; 1950). Появилась возможность рассматривать сармато-аланскую общность Северного Кавказа как конгломерат полизначного населения, включавшего местных аборигенов, влившихся в состав сарматских племен (Крупнов 1940. С. 25-27; 1941. С. 120). Однако депортация чеченцев и ингушей полностью блокировала какое-либо обсуждение этой гипотезы в советской науке, и она долгие годы оставалась невостребованной [25]. К ней вернулись лишь после их возвращения из депортации. При этом если чеченский лингвист Ю.Д. Дешериев, стремясь расчистить место в древней истории для предков чеченцев и ингушей, был склонен понимать сарматскую общность Северного Кавказа расширительно, предполагая участие в ней местных неиранских народов (Дешериев 1963. С. 22-23), то археолог В. Б. Виноградов, напротив, не видел в идее Джавахишвили ничего позитивного (Виноградов 1963. С. 177). В последние советские десятилетия многие ученые вообще избегали обсуждать такие проблемы, так как, по словам чеченского филолога Я. Вагапова, «рискованно было говорить о существовании за пределами административных границ ЧИ АССР вайнахского по происхождению названия местности». Он хорошо помнил о санкциях, полагавшихся тем, кто отваживался нарушить этот негласный запрет (Вагапов 1990. С. 12).

В 1940-1950-х гг. за невозможностью использовать местные этнические названия дня средневековых памятников горных районов Чечни и Ингушетии археологи нередко были вынуждены описывать их как вариант аланской культуры. Они писали об «алано-хазарской культуре» и связывали с ней не только катакомбные захоронения, но и погребения в каменных склепах и каменных ящиках (в том числе XIII-XIV вв.), явно принадлежавшие местным горным обитателям (Смирнов 1950. С. 119; Семенов 1952; 1963. С. 147). Эта традиция возникла в советской археологии еще во второй половине 1920-х гг., когда раннесредневековые памятники Северного Кавказа были изучены недостаточно, и специалисты полагали, что тогда вся его территория была покрыта единой «алано-хазарской культурой». Понимали ее по-разному: одни археологи полагали, что создателями однородной по многим показателям культуры были разнозычные племена (Пчелина 1928 б) [26], а другие связывали ее исключительно с ираноязычными аланами (Готье 1930. С. 54-61, 85-86).

Той же традиции следовал и Е.И. Крупнов, включавший погребения местного населения в виде каменных ящиков и склепов в алансскую культуру (Крупнов 1930-е гг.). Он характеризовал ее в целом как конгломерат разнозначных племен, что, с одной стороны, опиралось на высказывания Аммиана Марцеллина, но, с другой, вполне соответствовало популярной тогда концепции универсальных «социально-экономических стадий», выдвинутой Марром [27]. Действительно, в одной из своих ранних обобщающих работ Крупнов целиком стоял на позициях теории стадиальности и представлял эволюцию местных северокавказских культур как органичный переход от кобанской «стадии» к сарматской, а затем — к аланской; массовые миграции извне эта концепция исключала [28]. Тем самым он изображал алан исключительно местным населением, занимавшим как равнину, так и горы. Поэтому неудивительно, что их погребальный обряд оказывался крайне разнообразным, включая как катакомбы, так и каменные

ящики и склепы. В этом, по Крупнову, отражалась «этническая пестрота, которая отличала аланские племена Предкавказья» (Крупнов 1946. С. 31-35). Любопытно, что, обращаясь к периоду позднего Средневековья и рассматривая вопрос о кабардинской экспансии на восток, Крупнов называл коренных обитателей гор «аланами» (Крупнов 1946. С. 45-46).

В то же время он писал: «Применительно к Северному Кавказу категорическое отрицание несомненной связи археологического материала с этносом мне кажется неуместным» (Крупнов 1948а. С. 48). Этим его взгляды тогда мало чем отличались от тех, что исповедовал один из ведущих советских археологов К.Ф. Смирнов, полагавший, что «из современных народов Советского Союза лишь осетины являются прямыми потомками северокавказской группы сарматских (аланских) племен» (Смирнов 1953. С. 133). Другой крупный советский скифолог Б.Н. Граков, рисуя длительную линию культурной преемственности у иранских степняков-кочевников от раннего железного века до Средневековья, венчал ее аланским массивом, в составе которого никаких неиранцев не видел. Однако он связывал с алантами только катакомбный погребальный обряд (Граков 1947). Такой подход разделял и один из крупнейших советских археологов того времени А.П. Смирнов, ассоциировавший каменные ящики, каменные гробницы и грунтовые погребения с северокавказскими аборигенами и связывавший алан только с катакомбными захоронениями Кубани и Предкавказья (Смирнов 1948. С. 79-87). Однако, отмечая большое культурное влияние алан на местное население, он все же находил возможным включать все такие памятники в «аланскую культуру» (Смирнов 1948. С. 88).

Все это создавало почву для разнотечений, что и находило свое отражение в работах Крупнова. В 1940-х гг. ему представлялось несомненным, что центральная часть Северного Кавказа с ее горами и предгорьями была в VI-XI вв. занята исключительно алантами (Крупнов 1946. С. 35; 1948а. С. 38-44). Остается лишь догадываться о том влиянии, которое оказала на эту интерпретацию археологических материалов депортация ряда горских народов, включая чеченцев и ингушей. Ведь если вспомнить о том, что, как мы знаем, тогда Крупнов считал вайнахов пришельцами с юга, появившимися на Северном Кавказе не ранее начала II тыс. н. э. (Крупнов 1939. С. 1941), то все это означало, что именно ираноязычные осетины были истинными аборигенами центральных областей Северного Кавказа. Иными словами, этот подход фактически приписывал сарматам (алантам) раннесредневековые памятники предков вайнахов, лишал последних истории и легитимизировал передачу осетинам бывших ингушских и чеченских земель, включая Пригородный район.

Правда, сам Крупнов так не думал. По-видимому, в эти годы он уже отказался от своих ранних идей о происхождении вайнахов, восходивших к советской историографии 1920-х гг. Теперь он разделял представление об этнической гетерогенности аланской общности на территории Северного Кавказа, что отразилось уже в плане-проспекте «Очерков по истории Кабарды» (Смирнов, Крупнов 1949. С. 317). Крупнов писал тогда, что, несмотря на единство материальной культуры, аланы включали в себя разные «этноплеменные образования» и сам термин «аланы» был собирательным. Вместе с тем алан наряду с савирами и адыго-черкесскими племенами он рассматривал как основное население Северного Кавказа в эпоху раннего Средневековья, от которого в дальнейшем и произошли современные народы Адыгеи, Черкесии, Кабарды, Осетии и Дагестана. Именно с этим населением он связывал формирование типичного горского костюма, горской архитектуры (каменных жилищ, башен, склепов), а также сложение нартского эпоса (Крупнов 1946. С. 42; 19516. С. 9-10). Вайнахских народов в этом списке не было, так как они были вычеркнуты властями из истории края и их участие в сложении горской культуры не признавалось. Вместе с тем, демонстрируя свое несогласие с жестокой политикой властей в отношении чеченцев и ингушей, Крупнов на следующей странице той же статьи все же включил вайнахские народы в список тех, кто создавал нартский эпос (Крупнов 1951 б. С. 11). В середине 1950-х гг., анализируя материалы из Лугового поселения VI-V вв. до н. э., раскопанного в Ассинском ущелье, Крупнов связывал его с местным населением, родственным племенному миру Северного Кавказа от Дагестана до верховьев Кубани, и предполагал, что его обитатели «говорили на языке, относившемся к сугубо местной, древней, так называемой, «иберо-кавказской» семье языков» (Крупнов 1956. С. 49). Этим он давал понять читателю, что не разделяет позиции властей [29], но больше этого в те годы он сделать не мог (Виноградов 1988 а. С. 124).

Как бы то ни было, подход к аланской культуре, сложившийся в 1940-е гг., еще долго влиял на ее интерпретацию. Ведь и сам Крупнов, и некоторые его ученики, полагая, что в основе осетинского этногенеза лежат местные иранизированные племена, причисляли к аланской культуре не только катакомбные погребения, но и каменные ящики и склепы, оставленные местными горцами. Разумеется, о том,

что аланы предшествовали на Северном Кавказе вайнахам, речи после 1957 г. уже не было. Но сохранился вывод о гетерогенности аланской общности, включавшей как ираноязычных алан, так и кавказских аборигенов. Он был основан не только на интерпретации слов Аммиана Марцеллина, но и на чесречур широком понимании особенностей аланских памятников (Крупнов 1960 а. С. 359; Кузнецов 1962. С. 12, 118).

В итоге к рубежу 1950-1960-х гг. сложились два разных подхода к аланской археологической культуре. Одни археологи связывали с ней только катакомбные захоронения, другие включали туда также каменные ящики и склепы. У первых отмечалась тенденция видеть в аланах однородную иранскую этническую общность, а вторые часто говорили о конгломерате разноэтнических племен, объединенных историческими аланами. Однако второй подход открывал возможность приписывать ираноязычным аланам археологические памятники местных кавказских племен, в частности предков вайнахов, и расселять ираноязычных алан по их территориям. Похоже, что именно это и происходило в годы депортации, причем некоторые осетинские авторы разделяли эту идею и позднее [30].

Именно из нее исходил осетинский эмигрант А.П. Зураев, заселявший Северный Кавказ в эпохи раннего железного века и раннего Средневековья исключительно ираноязычными племенами. Он даже специально подчеркивал что, хотя аланская общность и включала разные племена, среди них не было ни одного неираноязычного. Иными словами, ни тюрки, ни адыги, ни чеченцы или ингуши в ее не входили. Зато он представлял иранцами исторических двалов, а в кобанцах видел смесь пришлых иранцев с кавказскими аборигенами. При этом он ссылался на работы советских археологов, причислявших к аланской культуре разнообразные памятники, упоминавшиеся выше (Зураев 1966). Поэтому со своей стороны вайнахские интеллектуалы настаивали на гетерогенности аланского массива и стремились видеть среди алан своих собственных предков.

Лишь во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. молодые советские археологи стали вслед за Граковым и Смирновым активно пересматривать этот подход, связывая аланские могилы лишь с катакомбным обрядом захоронения, а грунтовые погребения и каменные ящики — с местными обитателями (см., напр.: Нечаева 1956. С. 16-18; Виноградов 1963. С. 95-102; 1966. С. 98; 1970. С. 49-52; Кузнецов 1992. С. 41). В 1970-х гг., когда среди вайнахов появились свои археологи, пытавшиеся расчистить в истории место и для своих собственных предков, захоронения в каменных ящиках и склепах специалисты все чаще ставили отождествлять не с аланами, а с аборигенами Северного Кавказа (Кузнецов 1975. С. 24-25, 29; Виноградов, Мамаев 1979. С. 77-78; Петренко 1979; Савенко 1979; Чахкиев 1998). Мало того, вскоре московский археолог М. П. Абрамова выступила с предположением о том, что и часть катакомбных могил тоже могла принадлежать не аланам, а местным обитателям (Абрамова 1978).

Глава 6. *Возвращение в историю и возвращение истории*

24 ноября 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальных автономий калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» (Артизов 2003. С. 199-203). Указом от 9 января 1957 г. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, однако ее территориальная конфигурация изменилась. Так как чеченцам было запрещено возвращаться в три своих исконных района (Галанчожский, Шатоевский и Итум-калинский), то в виде компенсации им помимо прежних территорий были переданы и населенные казаками и ногайцами Шелковской, Каргалинский и Назурский районы, принадлежавшие ранее Ставропольскому краю [31]. Ингуши настоятельно просили оставить им Пригородный район, отмечая, что вместе с историческим центром в с. Ангушт он являлся их древней родиной, где, собственно, и сформировался ингушский народ. Они напоминали, что там в момент депортации обитали 40 % всех ингушей, там же концентрировались все промышленные предприятия, с которыми был связан ингушский рабочий класс, там лежали и самые богатые ингушские земли. В передаче Пригородного района и г. Орджоникидзе в безраздельное владение осетин ингуши видели беззаконие и притеснение ингушского народа. В 1956 г. множество писем такого рода было отправлено в адрес высшего руководства страны (И.М. Базоркин 2002 б. С. 196-204). 9 июня 1956 г. в переговорах с А.И. Микояном об условиях возвращения участвовала делегация из наиболее авторитетных представителей чеченской и ингушской интелигенции (Дешериев 1995. С. 236-239). Однако все это не помогло, и Пригородный район остался в составе Северной Осетии (Хожаев 1991а. С. 67-70; Цуциев 1998. С. 73-74; Бугай, Гонов 1998. С. 308-312; Полян 2001. С. 160-161; Зубкова 2004. С. 6) [32]. Иными словами, 1/6 часть

бывших ингушских земель (Патиев 2002 а. С. 30) сохранялась за Северной Осетией. Ситуация усложнялась тем, что на этих землях уже были размещены южные осетины, прибывшие сюда ранее из Грузии, и, по их словам, до 99 % построек там были возведены после 1944 г. Осетины утверждают также, что мощная местная промышленность была создана в основном после 1944 г. (Пригородный район 1997. С. 14-15, 17; Tishkov 1997. Р. 169).

Восстановление Чечено-Ингушской АССР стало результатом сложных переговоров, в которых чеченцы и ингуши проявили всю свою настойчивость в отстаивании территориальных прав восстанавливаемой республики. Ведь, как мы знаем, поначалу власти вовсе не были настроены возвращать депрессированные народы назад, и указами Верховного Совета СССР от 28 апреля и 16 июля 1956 г. чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы хотя и были освобождены от административного надзора, но не получили права на возвращение на родину (Дешериев 1995. С. 231; Артизов 2003. С. 79-80, 162-163). Затем власти попытались узаконить передачу пяти районов Чечено-Ингушетии Дагестану, а значительной части горной зоны — Грузии. Встретив горячие протесты со стороны представителей чеченской и ингушской общины, власти Дагестана и Грузии нашли в себе силы отступиться, и лишь представитель Северной Осетии оставался непреклонным. Так Пригородный район и очутился в составе Северной Осетии (Мальсагов 1993. С. 145-146; Бугай, Гонов 1998. С. 308; Базоркина 2001. С. 66-67).

Северный Кавказ в 1957-1991 гг.

Мало того, сразу же после восстановления ЧИ АССР из нее произошел массовый отток осетинского населения обратно в восточные районы Северной Осетии. В итоге осетинам и ингушам пришлось жить там чересполосно (Цуциев 1998. С. 74; Полян 2001. С. 161). А в 1963 г. в результате административных преобразований в Северной Осетии в состав Пригородного района были включены земли левобережья Терека (Беляков 1991. С. 55), что нарушило исторические территориальные границы и подрывало легитимность претензий ингушей на этот район.

Если к 1 марта 1944 г. с Северного Кавказа были депортированы 478-496 тыс. чеченцев и ингушей (Бугай 2000; Полян 2001. С. 122), то назад в 1957 г. в Чечено-Ингушетию вернулись 432 тыс. чел. (356 тыс. чеченцев и 76 тыс. ингушей), в Дагестан — 28 тыс. чел. и в Северную Осетию — 8 тыс. чел. (Бугай, Гонов 1998. С. 295). По другим данным, в конце 1950-х гг. в Чечено-Ингушетии насчитываются 48,3 тыс. ингушей, а в Северной Осетии — 6,1 тыс. (Кокорхоеева 2002. С. 133).

Бывшие спецпоселенцы встретили настороженное и даже враждебное к себе отношение, ибо они повсюду требовали возвращения жилищ и имущества, давно переданных другим людям (Тишков 2001а. С. 98; Зубкова 2004. С. 18-19). Судя по данным статистики, в 1944 г. у ингушей было конфисковано около 4 тыс. принадлежавших им ранее построек, доставшихся русским, осетинам, аварцам и лицам других национальностей (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 69; Пригородный район 1997. С. 18). Несмотря на принятые решения о помощи возвращенцам по трудуоустройству и получению жилья (Бугай, Гонов 1998. С.

291-293), местные власти не провели надлежащей подготовки к их приему, и их массовый поток, по сути, застал тех врасплох. Все это вызывало имущественные споры и столкновения ингушей и чеченцев с представителями других народов, что нередко кончалось кровавыми разборками. Ответственность за это несут прежде всего местные власти, делавшие все для того, чтобы не допустить возвращения ингушей и чеченцев или, по крайней мере, затруднить им это возвращение. В частности, сознательно муссировались слухи об антисоветских настроениях среди бывших спецпоселенцев (Костоев 1990. С. 84-85; Куриев 1991: Бугай, Гонов 1998. С. 305-306). 31 октября 1956 г. председатель Коста-Хетагуровского райисполкома [33]. С. Хадарцев получил следующий приказ от председателя Совета министров Северо-Осетинской АССР Б. Зангиева: «Совет министров СО АССР предлагает категорически запретить учреждениям и частным лицам продавать или сдавать жилплощадь под квартиры ингушам, возвращающимся из поселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома, аннулировать документы купли и продажи» (Базоркина 1993. С. 133; 2001. С. 67). Мало того, в конце 1956-го — первой половине 1957 г. власти Северной Осетии пытались задерживать эшелоны с возвращавшимися на родину спецпоселенцами и даже поворачивать их назад в Среднюю Азию (Базоркина 1993. С. 134; 2001. С. 68; Мальсагов 1993. С. 146-147). Все это делалось по распоряжению МВД СССР, где пытались силовыми способами сдерживать «неорганизованное возвращение чеченцев и ингушей» (Артизов 2003. С. 176-178, 246-248).

Многих вернувшихся в 1957 г. чеченцев, мечтавших поселиться в горах в своих прежних селениях, обязали жить на равнине. Особую роль в этом сыграло постановление 1958 г. «О ликвидации хуторской системы». В соответствии с ним части бывших спецпоселенцев пришлось осесть в трех казачьих районах, переданных Чечено-Ингушетии из Ставропольского края в 1957 г. (Сайдуллаев 2002. С. 65-67).

По свидетельству очевидцев, создавая всяческие препоны возвращению бывших спецпоселенцев и затрудняя возвращение им прежнего жилья и земельных угодий, местные власти сознательно сеяли межэтническую рознь (Некрич 1978. С. 113-114; Хожаев 1991а. С. 70-75; Базоркина 2001. С. 67). Известно, что первый секретарь Грозненского обкома КПСС А.И. Яковлев и секретарь Северо-Осетинского обкома Б. Кабалоев были решительными противниками возвращения чеченцев и ингушей (Некрич 1978. С. 113; Дешериев 1995. С. 245; Сайдуллаев 2002. С. 74-75). Немалую роль в разжигании вражды к ингушам сыграли работники КГБ, не только затруднявшие им возвращение, но и настраивавшие против них местных русских. Именно так, по мнению ингушской правозашитницы, был инспирирован «русский бунт» в Грозном 26-28 августа 1958 г., вылившийся в разгром обкома партии под лозунгами «За Сталина и Берия», избиение его работников чеченской и ингушской национальности и требования новой высылки чеченцев и ингушей (Яндиева 2002 б. С. 112. Ср.: Некрич 1978. С. 126-128, 148-149; Чахкиев 1991 б. С. 54-55; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 69; Хамидова 1998. С. 58; Козлов 1999. С. 144-145; Данлоп 2001. С. 83-84; Базоркина 2001. С. 82-83; Базоркин 2002 б. С. 275; Сайдуллаев 2002. С. 75-77). По данным МВД, в период 1958-1972 гг. за уголовные преступления в Чечено-Ингушетии были привлечены 115 455 человек, т. е. каждый шестой из местного взрослого населения (Политическая оценка 1994; Прозуменщиков 1997; Цуциев 1998. С. 75, 79).

После августовских событий Яковлев был отправлен послом в Аргентину, и первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС стал Ф.Е. Титов. Время его правления ознаменовалось гонениями на ислам и всевластием органов КГБ (Хамидова 1998. С. 59). Чеченцы, вернувшиеся из депортации, за немногими исключениями не допускались к властным позициям. Партийные чиновники должны были придерживаться строгих правил, нарушение которых вело к потере должности. Так, секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии Б.Г. Габисов, осмелившийся открыто говорить о депортации и дискриминации чеченцев, был понижен в должности и отправлен секретарем в Урус-Мартановский райком КПСС (Сайдуллаев 2002. С. 78-86).

В таких непростых условиях сотрудникам восстановленного 7 июня 1957 г. Чечено-Ингушского НИИ пришлось быстрыми темпами наверстывать упущенное. В первом же его издании говорилось о том, что история чеченцев и ингушей остается наименее изученной по сравнению с соседними народами, и настоящей задачей называлось написание истории «чечено-ингушского народа» (Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1959. Т. 1. Вып. 1 (история). С. 3).

Тогда местный русский историк-ветеран Н.П. Гриценко напоминал об успехах чечено-ингушской культуры, достигнутых благодаря советской власти и помощи «великого русского народа», — о развитии экономики, введении письменности, обучении на родном языке. Он сетовал на отсутствие у чеченцев и ингушей письменной истории своего прошлого. Это вызывало у него досаду в связи с тем, что советским историкам нечего было противопоставить «фальсификациям прошлого», выходившим,

как он настаивал, из-под пера антисоветских западных («англо-американских») и турецких авторов. Примерами таких «фальсификаций» он называл описание традиционных обычаев («пережитков») и изучение средневековой эпохи («восхваление феодального прошлого»), а также игнорирование «огромной прогрессивной роли русского народа на Кавказе». Он, безусловно, имел в виду и обращение западных авторов к теме репрессий и депортации. Сам он старательно избегал касаться этой болезненной темы, вызывавшей много эмоций и портившей красивую картину прогрессивного развития советского общества. Он предлагал местным ученым взяться за написание очерков истории Чечено-Ингушетии, рассматривавших узловые моменты местной истории. К таковым он относил древнее и средневековое прошлое, проблему русско-чеченских отношений в XVI-XVIII вв., Кавказскую войну, а также оценку социального строя чеченцев и ингушей в XIX в. (Гриценко 1959). В начале 1960-х гг. было принято решение о написании «Очерков истории Чечено-Ингушетии», и к этому тогда призывали ученых секретарь обкома КПСС Б. Г. Габисов (Габисов 1964) и директор Чечено-Ингушского НИИ А. А. Саламов (Саламов 1964).

Вместе с тем задачей первостепенной важности чеченцам и ингушам представлялась необходимость смыть с себя клеймо «предателей» и доказать свою лояльность советской власти. Поэтому основное содержание первого выпуска «Известий Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ» составляли работы о доблестном поведении чеченцев и ингушей во время Гражданской и Великой Отечественной войн. Здесь доказываюсь их значительный вклад в победу над бичераховшиной в августе-сентябре 1918 г. и их активное участие в борьбе против белогвардейцев (Киреев 1959; Гойгова 1959. С. 93-94). При этом опорой Бичерахова назывались исключительно белоказаки; об участии осетин не упоминалось. Мало того, признаюсь даже, что часть чеченцев поддержали Бичерахова.

Говорилось также о героизме чеченцев и ингушей в годы Великой Отечественной войны, а о «предательстве» и «бандитизме» хранилось полное молчание (Джамбулатова 1959; Мальсагов 1969). Все же наиболее актуальной и выигрышной для себя темой чеченцы и ингуши считали эпоху Гражданской войны, и первая научная конференция по истории края, проведенная ЧИ НИИ в июле 1962 г., была посвящена периоду 1860-1940 гг. Тем самым удалось избежать небезопасных споров о событиях Кавказской и Великой Отечественной войн, получавших весьма неоднозначную оценку как у советских чиновников, так и у ученых. И хотя на конференции обсуждались различные проблемы, начиная с вопроса о социальном расслоении в дореволюционный период и кончая эпохой коллективизации начата 1930-х гг., центральное место в дискуссии заняла трактовка событий Гражданской войны (Саламов 1962; Саламов и др. 1964). Эти события затрагивались в 8 из 22 выступлений, и докладчики приводили множество примеров, опровергавших популярные еще недавно обвинения в адрес чеченцев и ингушей в выступлениях против советской власти. Впрочем, открыто выразить возмущение такими обвинениями и прямо сказать о трагедии депортации позволил себе только участвовавший в конференции секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Б.Г. Габисов (Габисов 1964). Но, как мы знаем, вскоре он за это поплатился.

Любопытно, что из 115 научных и научно-популярных публикаций о советском периоде, вышедших из-под пера местных ученых в 1956-1969 гг., 68 были посвящены периоду Гражданской войны, а 13 — подвигам чеченцев и ингушей в годы Великой Отечественной войны (рассчитано по Гриценко, Саламов 1971).

Другой не менее важной задачей было доказательствоaborигенного статуса вайнахов на Северном Кавказе. Ведь, как показали предшествующие годы, чтобы чувствовать себя полноправными хозяевами своей земли, чеченцы и ингуши должны были считаться коренными народами центральных районов Северного Кавказа. Поэтому в своем письме, направленном в ЦК КПСС в 1956 г., среди прочих причин, заставлявших их стремиться назад на родину, лидеры чеченцев отмечали, что их народ жил на Северном Кавказе не менее 3000 лет (Хожаев 1991а. С. 60-67). Любые иные предположения воспринимались ими очень болезненно. Когда вскоре после возвращения чеченцев и ингушей из депортации В.И. Абаев выступил с рассуждениями о том, что как осетинский, так и чечено-ингушский язык формировались едва ли не одновременно на основе местного кавказского языкового субстрата, чеченский писатель Х.Д. Ошаев (1898-1977) нашел нужным снабдить это высказывание комментарием, где указал, что чечено-ингуши жили на этой территории задолго до алан (Абаев 1959. С. 112-113). Он сделал это, несмотря на то что в той же статье сам Абаев называл чечено-ингушей местным населением, а ираноязычных кочевников — пришельцами (Абаев 1959. С. 115). Писатель И.М. Базоркин также подчеркивал, что если осетины, потомки алан, были на Кавказе «пришлым народом», то ингуши являлись тамaborигенами (И.М. Базоркин 2002 б. С. 339).

На беду чеченцев и ингушей, их средневековая и более ранняя история были обеспечены источниками значительно хуже, чем история многих других народов Северного Кавказа. Поэтому им приходилось опираться на косвенные данные, почерпнутые из археологии, исторической лингвистики, этнографии и этнонимики. Данные о далеком прошлом приходилось собирать по крупицам, и для чеченцев и ингушей комплексный междисциплинарный подход имел даже большее значение, чем для их соседей. Ситуация усугублялась отсутствием специалистов. Ведь если уровень образованности среди осетин в 1940-1950-х гг. непрерывно повышался, то у депортированных народов ситуация была обратной — многие из них начали получать систематическое образование только после возвращения на родину (см. Каймаразов 1988. С. 208, 227, 246, 249). Поэтому в последние советские десятилетия в области изучения далекого прошлого чеченцев и ингушей царили русские ученые и отчасти ученые из соседних кавказских республик. Они склонны были минимизировать роль горских народов в историческом процессе. Даже чеченский специалист тогда писал, что «представители малых народов сами признают, что не только вредно, не только нет необходимости идеализировать прошлое их далеких предков, но и нет повода, оснований для такой идеализации». Он отмечал, что горцы веками страдали от посягательств извне и вынуждены были скрываться в ущельях, где их жизнь была неимоверно тяжела. Поэтому, заключал он, «они не смогли сыграть сколько-нибудь существенной роли в мировой истории, внести сколько-нибудь значительный вклад в историю мировой культуры» (Дешериев 1963. С. 15). И «представителям малых народов Северного Кавказа и Дагестана особенно нечего искать в дебрях древней истории» (Дешериев 1963. С. 42, 56-57). Зато им предлагалось направить свое основное внимание на историю сравнительно недавнюю, связанную с присоединением Северного Кавказа к России, которое, как мы увидим ниже, с конца 1970-х гг. по решению местных партийных властей стали преподносить исключительно в терминах добровольности.

Нет нужды говорить о том, что такой подход мало устраивал самих горцев, жаждущих иметь великих предков и гордиться их достижениями. Вот почему людей, побывавших на Северном Кавказе, постоянно поражала неистребимая жажда местных жителей к знаниям о давней истории, о своих предках и их происхождении. Это было особенно заметно археологам, неоднократно отмечавшим тягу тех к древностям: даже простые обитатели отдаленных горных аулов с ненасытным интересом следили за любой появлявшейся в прессе информацией о новых археологических изысканиях. Они и сами нередко держали в домах найденные в поле древние предметы, причем у некоторых археологи обнаруживали весьма богатые коллекции, которым могли бы позавидовать музеи. Многочисленные археологические находки содержались и в школьных краеведческих музеях. Местные археологи неоднократно с благодарностью вспоминали о неоценимой помощи, оказанной им краеведами, учителями сельских школ, студентами, школьниками и просто местными жителями. Многие из них хорошо понимали все значение археологии для восстановления своего отдаленного прошлого и с энтузиазмом оказывали археологам всяческую поддержку (Виноградов 1964; 1966 в; 1970; 1980 а; Дадаев 1993).

Популяризации археологии немало способствовал организованный В.Б. Виноградовым в Чечено-Ингушском государственном университете историко-археологический кружок, помогавший студентам ориентироваться в археологии края и пропагандировать полученные знания (Алироев, Павлов 1985. С. 64-67). Там их учили тому, что вайнахи являлись потомками древнего местного населения, жившего на Северном Кавказе еще в бронзовом веке. Виноградов с удовлетворением вспоминал, как в одном из аулов его студентка с жаром оспаривала традиционное представление местных жителей о приходе предков вайнахов из Сирии в эпоху Средневековья (Виноградов 1980. С. 16). Так археологи помогали чеченцам и ингушам осознать себя истинными аборигенами края. Те высоко это ценили и окружали археологов почетом и уважением (см., напр., Мальсагов 1969. С. 19).

В 1961 г. по решению Чечено-Ингушского обкома в республике начала выходить серия книг и брошюр под общим названием «К истории народов Чечено-Ингушетии» (Виноградов, Лосев, Саламов 1963. С. 47; Саламов 1964. С. 6). Между тем ранние периоды этой истории оставались слабо изученными, и главное слово здесь предстояло сказать археологам. Мы уже знаем, что в довоенные годы считалось, что высокогорья Северного Кавказа были освоены только в эпоху бронзового века (см., напр., Артамонов 1938; Крупнов 1938а), и специалисты не прослеживали следов предков чеченцев и ингушей в Чечено-Ингушетии ранее XII-XIII вв. Считалось, что до этого рубежа регион находился в руках алан, и где тогда обитали древние вайнахи, оставалось неясным. А как мы видели, в 1944-1957 гг. вопрос об их предках был вообще снят с повестки дня. После 1957 г. все это уже не отвечало запросам дня, и ученые

принялись искать факты, доказывающие присутствие здесь предков чеченцев и ингушей в самой глубокой древности.

Пальма первенства в этом принадлежала археологам, по-прежнему возглавлявшимся Е.И. Крупновым. Сразу же после восстановления Чечено-Ингушской АССР он стал самым активным исследователем и пропагандистом ее богатой древней истории (Мунчаев 1996). Отмечая, что эта история, в особенности история горной Чечни, оставалась наименее изученной на Северном Кавказе, он доказывал, что Чечено-Ингушетия является собой бесценную археологическую сокровищницу. Опираясь на свои глубокие познания в местной археологии, он обращался через газету «Грозненский рабочий» к местному руководству и общественности, разворачивая перед ними широкое полотно весьма привлекательного древнего прошлого. Оказалось, что местный регион вовсе не был затворками человеческой цивилизации, а активно участвовал в широкой сети международных контактов, охватывавшей когда-то как Восточную Европу, так и Ближний Восток. Привлекая археологические данные, Крупнов доказывал, что местные обитатели всегда были способны развивать свою самобытную и оригинальную культуру. Он писал, что «чечено-ингушский народ, как и другие народы Советского Союза, должен знать свою действительную, не мифологическую, а строго научную историю, историю, богатую достоверными фактами и событиями... Но эта история полностью, к сожалению, еще не написана» (Крупнов 1957 б). Вряд ли надо сомневаться в том, что для вернувшихся только что из депортации и годами отлученных от своей истории чеченцев и ингушей призыв к изучению своего происхождения, прошлого своих далеких предков, из века в век населявших горные районы, звучал очень убедительно. Того же мнения придерживались и ученики Крупнова, всеми силами пытавшиеся вернуть чеченцам и ингушам отнятое у них прошлое. Один из них особенно подчеркивал, что «вклад чеченского и ингушского народов в создание горской архитектуры несомненен» (Марковин 1962. С. 52). Одновременно о средневековых корнях культуры чеченцев и ингушей на территории Чечено-Ингушетии написал в 1957 г. и Л.П. Семенов, но его небольшая статья об этом тогда не была опубликована (Семенов 1988).

Только благодаря самоотверженным работам Крупнова и его учеников оказалось возможным уже в конце 1950-х гг. представить впечатляющую картину эволюции древней и средневековой культуры на территории Чечено-Ингушетии в сверстанном в срочном порядке дополнительном томе БСЭ, выпущенном в 1958 г. Нарисованная там последовательность археологических культур, начиная от энеолита и вплоть до позднего Средневековья, звучала убедительным аргументом в пользу необычайно древних корней вайнахских племен. Простое сравнение статей о чеченцах, опубликованных в первом издании БСЭ и в дополнительном томе ее второго издания, показывает, что именно археологи сумели показать чеченцев и ингушей подлинными аборигенами Северного Кавказа, его коренными обитателями (ср.: БСЭ, 1934. Т. 61. С. 530-536; БСЭ, 1958. Т. 51. С. 307-312. См. также: Виноградов, Лосев, Саламов 1963. С. 48-56). Ясно, что на таком фоне депортация этих народов выглядела особенно чудовищной несправедливостью.

Обладая тридцатилетним опытом археологических исследований в центральных районах Северного Кавказа, Крупнов, как мы знаем, был ревностным сторонником идеи древнего общекавказского единства, связанного с «иберокавказской языковой семьей». В бронзовом веке он находил однородную культурную среду на всем пространстве от Прикубанья до Дагестана и связывал ее с непосредственными предками северокавказских народов. Это единство начало, по его мнению, распадаться лишь в раннем железном веке в связи с появлением на Северном Кавказе волн ираноязычных степных кочевников и сложными процессами взаимодействия с ними местных племен. Тем не менее, доказывал Крупнов, культурные традиции позднего бронзового века (кобанская культура) у местных племен еще долго сохранялись, а некоторые из них дожили до этнографической современности (Крупнов 1960а. С. 382-396; 1961. С. 38-39). Поэтому, полагал он теперь, корни многих современных народов Северного Кавказа уходят в I тыс. до н. э., когда с появлением первых письменных источников «начинается, в буквальном смысле, историческая эпоха» (Крупнов 1960а. С. 5-6).

Археология позволяла обнаруживать преемственность материальной культуры, но, как справедливо отмечал Крупнов, этого было еще недостаточно, чтобы быть уверенным в этнической преемственности. Поэтому он пытался опираться на древние этнонимы, упоминавшиеся античными авторами. В частности, он высказывал догадку о том, что во второй половине I в. до н. э. — начале I в. н. э. Страбон знал о северокавказских племенах, скрывавшихся за такими племенными названиями, как «гаргары, хамекиты, исадики, набианы, панксаны» и пр. (Латышев 1947. С. 283-284). По мнению Крупнова, имелись все основания отождествлять «гаргаров» Страбона с ингушами, имевшими самоназвание «галгаи»

(Крупнов 1960 а. С. 72-74; 1961. С. 43; 1971. С. 25-28), а позднее вайнахские племена фигурировали в средневековых грузинских источниках как «нахчаматьяне», «кисты/кусты», «дзурдзуки» и «глигвы» (Крупнов 1960 а. С. 396; 1971. С. 28-35) [34]. По тому же пути двигался чеченский специалист по вайнахским языкам Ю.Д. Дешериев, стремившийся наделить вернувшихся из депортации чеченцев и ингушей достойными аборигенными предками. Обращаясь к этнонимам, зафиксированным в античной и раннесредневековой литературе, он доказывал, что нахские народы испокон веков жили на своих нынешних территориях (Дешериев 1963. С. 18-19, 22, 25-27, 66). Мало того, в своей фундаментальной работе о нахских языках он отстаивал уже известную нам идею о том, что «чечено-ингушский народ» как отдельная этническая общность существовал не менее 3000 лет (Дешериев 1963. С. 78).

Вместе с тем все эти догадки требовали дополнительных обоснований. За дело взялись исследователи следующего поколения — археолог В.Б. Виноградов и филолог К.З. Чокаев. В. Б. Виноградов (р. 1938), уроженец г. Грозного, сын известного литературоведа, с малых лет «заболел» романтикой Кавказа. От отца он унаследовал жадный интерес к русской литературе, а от матери, школьной учительницы истории, тягу к истории. Высшее образование он получил вначале на кафедре истории СССР Чечено-Ингушского педагогического института, затем на кафедре археологии исторического факультета МГУ, где его учителями были такие выдающиеся советские археологи, как Е.И. Крупнов, Б.Н. Граков и К.Ф. Смирнов. Свой первый археологический опыт тогда еще первокурсник Виноградов получил в археологической экспедиции, руководимой Крупновым. Вернувшись в 1961 г. по окончании МГУ в г. Грозный, Виноградов со всей присущей ему энергией занялся археологическими исследованиями в Чечне. В центре его интересов лежала археология раннего железного века, ибо он верил, что именно в ту эпоху предки нынешних народов Северного Кавказа начали выходить на историческую сцену и упоминания о них можно было обнаружить в трудах античных авторов. С 1961 г. Виноградов работал археологом в ЧИ НИИ ИЯЛ, а в 1973 г. перешел в образованный в 1972 г. на базе бывшего педагогического института Чечено-Ингушский государственный университет (ЧИГУ), где в 1982-1987 гг. возглавлял кафедру всеобщей истории. С педагогическим институтом он сотрудничал с начала 1960-х гг. Тогда он организовал там историко-археологический кружок и долгие годы руководил им, подготовив множество учеников, будущих школьных учителей, унесших с собой в местные школы любовь к археологии и древней истории (Дударев и др. 1998. С. 3-4).

Занимаясь главным образом скифским и сарматским периодами на Северном Кавказе, Виноградов ставил своей целью прежде всего изучение вопросов этногенеза местных народов. Поэтому, в отличие от многих других советских специалистов по скифо-сарматскому времени, он всеми силами пытался отличать археологические материалы, оставленные ираноязычными кочевниками, от памятников местного северокавказского населения. Еще в своей кандидатской диссертации он доказывал, что сарматам не удалось вытеснить кобанцев полностью с плоскости в горы и что некоторые кобанские общины, оставшиеся на равнине, были сильно сарматизированы и в конечном итоге растворились в сарматском море. По его мнению, такие сарматизированные группы сохраняли свои особенности даже в раннеаланское время в первых веках н.э. В то же время он показывал, что в тот период аланы не только заняли все равнинные земли, но и проникали в горные ущелья, устанавливая контроль над важнейшими перевалами через Большой Кавказский хребет (Виноградов 1963. С. 64, 101-102, 106-107). Тем не менее в горах Северного Кавказа, как и прежде, обитали местные горцы, наследники трех культур — прикубанской на западе, кобанской в центральных районах и каякентско-харачоевской на востоке (Виноградов 1963. С. 134-137).

Возражая некоторым осетинским исследователям, позднее Виноградов приводил многочисленные археологические свидетельства в пользу того, что ассимиляция местного населения ираноязычными кочевниками началась только в сарматский период и только на плоскости. О сколько-нибудь заметном оседании скифов на Северном Кавказе в первой половине I тыс. до н. э., по его мнению, говорить не приходилось. Смешение местной и пришлой культур началось на плоскости и в предгорьях лишь в середине I тыс. до н. э. и продолжалось в течение последующих веков. Все же до начала сарматского времени, т. е. до III в. до н. э., степняки еще не оказывали существенного влияния на аборигенов (Виноградов 1972 а. С. 26-33, 78-181).

Если, как мы видели, Крупнов делал акцент на культурном единстве Северного Кавказа, то Виноградова гораздо больше интересовали культурные варианты, которым он придавал этническое значение (Виноградов 1972а. С. 184-283; Виноградов, Мамаев 1979. С. 81). Полагая, что на Северном Кавказе издавна обитали различные группы племен, он прилагал все усилия для того, чтобы они обрели кон-

крайние имена. Поэтому он уделял особое внимание интерпретации этнонимов, упоминавшихся античными авторами (Страбоном, Плинием и т. д.). Этому и была посвящена его работа, написанная вместе с К.З. Чокаевым. Отмечая, что предки адыгских народов и ряда народов Дагестана прослеживались историками с несравненно более раннего времени, чем предки вайнахов, они делали все возможное, чтобы исправить эту «историческую несправедливость». Действительно, термину «хамекиты» находились аналогии в ингушских названиях села Хамхи и тейпа Хамхоевых, термин «исадики» возможно было отождествить с известными Плинию (I в. н. э.) и Птолемею (II в. н. э.) названиями «соды» или «сонды», а также с чеченской тейпом Садой, пользовавшимся в прошлом высоким уважением (Виноградов, Чокаев 1966. С. 51-62; Виноградов 1966 а. С. 115-126). Набианов и панксанов Виноградов отождествлял с сильно сарматизированными аборигенными племенами равнин, вошедшими в конфедерацию сираков (Виноградов 1963. С. 158-159). В то же время, как поначалу вслед за Дешериевым (Дешериев 1963. С. 53-54, 69-70) считали Виноградов и Чокаев, для отождествления «гаргаров» с ингушским самоназванием «галгай» не имелось столь же веских оснований (Виноградов, Чокаев 1966. С. 64. См. также: Виноградов 1963. С. 156; 1966. С. 120-122, 125; Волкова 1973. С. 152-153). Но позднее Виноградов пересмотрел эту точку зрения и согласился считать гаргареев отдаленными предками нынешних вайнахов (Виноградов 1972а. С. 24-25, 309); в них он усматривал равнинных жителей, смешавшихся с пришлыми сарматами, а хамекитов, исадиков и аккисов считал горцами, в меньшей степени затронутыми влиянием со стороны степняков (Виноградов 1988а. С. 128-129).

Названия нахских племен обнаруживались также в средневековых армянских и грузинских источниках. Так, «Армянская география» VII в. н.э. знала такие нахские этнонимы, как «нахчаматьяне», «кисты/кусты» и «щаваты», а в грузинской средневековой традиции нахи часто фигурировали под названием «дурдзуки/ дзурдзуки» [35]. В грузинском документе XIII в. был также обнаружен термин «мелки/малхи», хорошо увязывавшийся с названием района Малхиста, расположенного в предгорьях Восточной Чечни (Виноградов, Чокаев 1966. С. 70-86) [36].

Проведя все эти изыскания, Виноградов и Чокаев приходили к выводу о том, что предки чеченцев и ингушей, обитавшие в центральных районах Северного Кавказа, были известны как средневековым, так и античным авторам в течение всего I тыс. н. э. А основываясь на археологических данных, они соглашались с Крупновым в том, что в еще более раннее время нахские племена были представлены восточным вариантом кобанской культуры. В раннем Средневековье их можно было отождествлять с выделенным В.А. Кузнецовым восточным вариантом аланской культуры (Кузнецов 1962. С. 89-119). Тем самым Виноградов и Чокаев ставили себе в заслугу то, что им удалось на тысячу лет углубить тот рубеж, когда предки нахов появлялись на исторической сцене (Виноградов 1963. С. 157-159; Виноградов, Чокаев 1966. С. 86-88). «Итак, исадики-соды и хамекиты на самом деле являются самыми древними (из всех известных) предками определенных вайнахских племенных групп», — писал Виноградов (Виноградов 1966 а. С. 124). Вайнахские авторы, немало беспокоившиеся о месте своих предков в древней и раннесредневековой истории Северного Кавказа, с энтузиазмом встретили такое значительное удревнение своей истории (Багаев, Петренко, Умаров 1968. С. 313).

Одновременно Чокаев попытался обосновать значительную древность и автохтонность вайнахов с помощью чисто лингвистических методов. Занимаясь структурой вайнахских топонимических названий, он заинтересовался суффиксом -ка(и). в котором В.И. Абаев видел следы «доисторического» периода (Абаев 1949. С. 290). Обнаружив такие топонимы в Дигории и Балкарии, Чокаев выступил с предположением, что в абаевском кавказском субстрате следует видеть нахоязычное население, обитавшее в горных районах Северного Кавказа до осетин, балкарцев и карачаевцев (Чокаев 1964. С. 61-63) [37]. Позднее эту идею подхватил Виноградов. Если Абаев, говоря о роли кавказского субстрата в этногенезе осетин, находил его в кобанской культуре конца II — первой половины I тыс. до н. э., если многие археологи соглашались видеть в ней основу, на которой сформировалось большинство северокавказских народов (Крупнов 1960 а; 1967. С. 27-28; Батчаев 1973; 1986), то, соглашаясь с этим и опираясь на работу Чокаева, Виноградов предположил, что ее носители могли говорить на «протовайнахском языке» (Виноградов 1972а. С. 304-305, 309, 311).

В эти годы и Крупнов отказался от своей ранней гипотезы о появлении вайнахских племен на Северном Кавказе лишь к началу II тыс. н. э. Не отрицая полностью определенной роли влияний и переселений с юга, он приходил к выводу о том, что «более глубокие корни вайнахского этноса и его культуры прослеживаются на этой же горной и предгорной территории (в Чечено-Ингушетии. — В.Ш.) вплоть до I тысячелетия до н. э.» (Крупнов 1971. С. 42-54).

Правда, некоторые советские авторы не считали отождествление хамекитов и исадиков с предками нахов вполне убедительным, а в названиях «нахчаматьяне» и «кусты» видели поздние вставки в «Армянскую географию» (см., напр.: Волкова 1973. С. 124, 134-135, 140). Кроме того, новые исследования показывали, что ареал предков чеченцев и ингушей был в раннем Средневековье уже, чем позднее, когда в XI-XIII вв. предки ингушей продвинулись на запад и заняли примыкавшее к Дарьяду Джераховское ущелье, ранее принадлежавшее аланам, — о последнем говорило, в частности, само название Дарьядского ущелья «Дар-иль-Алан», т. е. «ворота алан» (Виноградов 1979; 1985 а. С. 9; Виноградов, Мамаев 1979. С. 78). Правда, полной смены населения не произошло, и пришедшие с востока вайнахи смешались с обитавшими там аланами. Предполагается, что в условиях христианизации края аланы могли сменить конструкцию своих погребальных сооружений и перейти от прежних катакомб к захоронениям в каменных ящиках, как это было принято у местных горцев (Виноградов 1985 а. С. 10, 18-19; Мамаев 1988. С. 145-146).

Тем не менее именно автохтонная версия этногенеза отвечала потребности чеченцев и ингушей, стремившихся после возвращения на родину видеть своих предков абсолютными аборигенами Северного Кавказа, жившими там с глубокой древности (см., напр., Абазатов 1960). Поэтому многие чеченские и ингушские интеллектуалы с воодушевлением подхватили рассмотренные выше предположения Крупнова, Дешериева и Виноградова. Ведь им было важно сознавать себя не просто коренными жителями Северного Кавказа, но прямыми потомками тех, кто жил там еще 2000 лет назад (Мальсагов 1970. С. 3). Это позволяло им писать свою самобытную историю, независимую от аланской.

Не менее соблазнительной для них выглядела идея о родстве вайнахских языков с хуррито-урартским (Мальсагов 1970. С. 4), что позволяло рассматривать своих предков в престижном контексте древнейших ближневосточных цивилизаций. Эта гипотеза, неоднократно высказывавшаяся различными лингвистами на протяжении XX в., долгое время вызывала к себе настороженное отношение, ибо характер «родства» оставался необъясненным (Дешериев 1963. С. 43-51). Лишь в середине 1980-х гг. советскими лингвистами было показано, что речь действительно идет о генетическом родстве, позволявшем говорить о единых языковых предках (Дьяконов, Старостин 1988).

После 1957 г. республиканский краеведческий музей, превратившийся из Грозненского в Чечено-Ингушский, снова начал пропагандировать средневековые древности чеченцев и ингушей — жилые и боевые башни, склепы, святилища. Они выступали яркими образчиками «вайнахского архитектурного стиля», классическим выражением которого назывались боевые башни. В том, что они создавались ингушскими мастерами, уже не было ни тени сомнения; отмечалось, что те познакомили с ними обитателей Осетии и горной Грузии (Базоркин 1964).

Глава 7. Обретение официальной истории

Многие из рассмотренных выше идей нашли свое место в первом обобщающем труде по истории Чечено-Ингушетии — первом томе «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», изданном в 1967 г. Там говорилось о том, что далекие предки чеченцев и ингушей обитали на большей части территории республики, включая ее горные и степные районы, с эпохи раннего бронзового века, когда, как писали авторы, началось выделение вайнахских языков из «иберо-кавказской общности» (Смирнов 1967. С. 8-9, 12). Предполагалось, что позднее их носители стали создателями кобанской культуры и, возможно, каякентско-харачоевской культуры, выделенной археологами в Северном Дагестане и восточных районах Чечни (Смирнов 1967. С. 16-18, 22). В раннем железном веке под давлением степных ираноязычных племен они были вынуждены покинуть предгорную полосу и отступить выше в горы. Этот процесс шел особенно интенсивно в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.), когда в Предкавказье произошла полная смена населения. В «Очерки» вошла версия Виноградова и Чокаева о принадлежности терминов «гаргареи», «исадики» и «хамекиты», равно как и грузинского термина «дурдзуки», древним горным нахским племенам (Смирнов 1967. С. 24-25). Авторы также предполагали, что местные вайнахские группы тесно контактировали с аланами и были включены в возникший в первых веках н.э. аланский союз (Смирнов 1967. С. 28).

Ссылаясь на «Армянскую географию», авторы «Очерков» сообщали читателю, что вайнахи были известны своим соседям в том же горном районе и во второй половине I тыс. н. э., выступая под именами «нахчаматьянов», «кистов» и «дурцков/дурдзуков». Это позволяло отвергнуть довоенную версию об

их позднем переселении в Чечено-Ингушетию с юга из-за Кавказского хребта (Смирнов 1967. С. 30-31). Археологические данные говорили о том, что в VIII-IX вв. некоторые аланские группы проникали высоко в горы, чего в более ранние периоды не наблюдалось. В то же время такие группы оказывались там в численном меньшинстве и со временем ассимилировались местным вайнахским населением, причем чем дальше к востоку от Дарьяльского ущелья, тем более интенсивно шел этот процесс (Смирнов 1967. С. 32, 40). Страна вайнахов называлась тогда Дурдзукетией, и, судя по сообщению средневековой грузинской летописи, вайнахи вместе с аланами отважно защищали ее в VIII в. от нашествия арабов (Смирнов 1967. С. 35). В «Очерках» отмечалось, что столица Аланского государства Магас могла располагаться на территории Чечено-Ингушетии (Смирнов 1967. С. 37, 43). По мнению одного из авторов, археолога В.А. Кузнецова, лишь западная часть вайнахов входила в состав Аланского государства, а обитатели Чечни могли сохранять независимость (Смирнов 1967. С. 38).

Как мы уже видели, живой интерес у чеченцев и ингушей вызывал вопрос о появлении письменности, позволявшей говорить о наличии высокой культуры. После 1957 г. этот вопрос постоянно был в центре внимания местных ученых, предполагавших, что еще в эпоху Средневековья у их предков могли появиться зачатки письма в виде пиктографических знаков, оставленных на стенах башен и склепов (Чентиева 1958. С. 11-12; Алироев 1990 а. С. 74, 83). Однако смысл этих знаков до сих пор остается загадкой (Крупнов 1971. С. 188), и приходится признать, что древнейшей настоящей письменностью, использовавшейся на территории Чечено-Ингушетии, была грузинская, проникшая сюда вместе с грузинскими христианскими миссионерами не ранее XII в. Эта версия и содержалась в рассматриваемом труде (Смирнов 1967. С. 38-39. См. также: Крупнов 1971. С. 56-57, 86-87, 106-107, 195-196; Мужухоев 1977. С. 114-121).

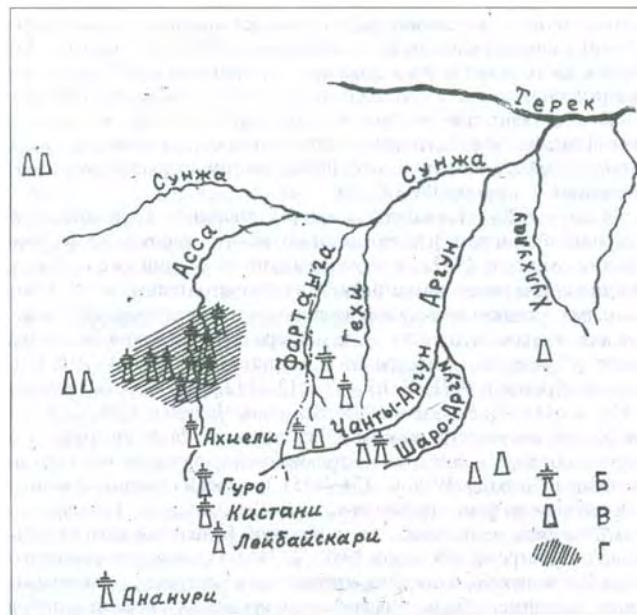
Правда, некоторые чеченские авторы пытались углубить эту дату до VIII в. (Чентиева 1958. С. 13-16; Алироев 1990 а. С. 85), что было связано со спорами о хронологии уникального грузинского храма Тхаба-Ерды, расположенного в Ингушетии. Вначале Н.Ф. Яковлев и Л.П. Семенов, доверившись авторитетному мнению грузинского палеографа Н.Э. Бакрадзе, датировали этот храм 830 годом, а в 1950-х гг. и Крупнов считал, что христианство утвердилось на Северном Кавказе еще в VI-VII вв. (Яковлев 1927. С. 17; Семенов 1928 в. С. 454-455; Крупнов 1951 б. С. 10). Исследования 1970-х гг. показали, что храм неоднократно перестраивался, и там следует различать три основных строительных периода, первый из которых относится к VIII-IX вв.. а второй – к X-XI вв. (Бараниченко 1979). В последние годы высказывается предположение о том, что базилика на месте будущего храма Тхаба-Ерды была построена во второй половине X в. (Марковин, Мунчав 2003. С. 250), а в Грузии христианизацию Северного Кавказа относили к X-XI вв. (об этом см.: Крупнов 1971. С. 195).

В эпоху расцвета средневековой грузинской государственности в XI – начале XIII в. археологи отмечают большое влияние Грузии на горную Чечено-Ингушетию, и некоторые предполагают, что местные племена могли находиться с ней в «вассальных союзнических отношениях». Тогда-то в Ассинской котловине и появились грузинские христианские храмы. В то же время равнинные районы в домонгольский период продолжали входить в состав Алании (Смирнов 1967. С. 39-40). Именно они более других пострадали от монгольского нашествия и от последующего похода Тимура. Вместе с тем вайнахские предания сохранили память о разрушительных набегах степных кочевников во главе с монгольскими вождями. Видимо, не случайно именно в этот период в горах стали строиться классические многоэтажные боевые башни, чем, как мы видели, особенно славилась Ингушетия (Смирнов 1967. С. 46).

После того как степные пространства Предкавказья в результате монгольского нашествия запустили, они были временно заселены кабардинцами. Но, как писали авторы «Очерков», уже в XV в. вайнахи начали снова заселять предгорья, а в следующем столетии в Северо-Западном Дагестане обосновались пришедшие из Ичкерии предки будущих аккинцев (Смирнов 1967. С. 48, 52-53). Одновременно в XVI в. произошло движение кистинцев (бацбийцев) из верховьев Аргуна на юг в Тушетию, где они получили название цова-тушин (Смирнов 1967. С. 51).

С севера навстречу вайнахам двигались русские казаки. Падение Астрахани в 1556 г. открыло им путь в Предкавказье, и во второй половине XVI в. на Тереке стали формироваться общины терских и гребенских казаков, а в 1588 г. в устье Терека был построен Терский городок, сыгравший большую роль в освоении русскими Северного Кавказа. Любопытно, что авторы «Очерков» не говорили ни слова о военных стычках между казаками и вайнахами. Зато читатель узнавал, что между теми установились добрососедские отношения и они вместе защищали южные рубежи России от персов и турок (Смирнов 1967. С. 53, 68-70). Сообщалось также, что официально Ингушетия вошла в подданство России в 1810 г.,

а Чечня — лишь по окончании Кавказской войны в 1859 г. (Смирнов 1967. С. 78), причем это оправдывалось защитой местных народов от «происков иранских и турецких завоевателей и англофранцузских колонизаторов» (Смирнов 1967. С. 84-89). Правда, авторы оговаривали, что присяги на верность России, принимавшиеся чеченскими и ингушскими обществами, часто имели навязанный характер, не сопровождались государственными актами и не означали добровольного согласия подчиниться гнету царского самодержавия. В то же время они подчеркивали положительное значение вхождения Северного Кавказа в состав России (Смирнов 1967. С. 90-91, 115-117).

Ареал пирамидальных башен на Кавказе
(по М.Б. Мужухоеву)

При оценке того, какое место в «Очерках» отводилось движению Шамиля, следует иметь в виду, что они писались в период оттепели, когда в историографии все еще господствовал достаточно либеральный климат, возникший после ХХ съезда КПСС. Поэтому здесь отметилась характеристика движения Шамиля как клерикального и агентурного, получившая хождение в начале 1950-х гг. Напротив, авторы видели в нем антиколониальное и антифеодальное выступление, направленное не против русских, а против царских сатрапов, хотя и под флагом «реакционного мюридизма» (Смирнов 1967. С. 96-114).

Если в 1920-х гг. некоторые авторы, писавшие о вайнахах, еще сомневались в том, что те могли возводить высокие каменные башни, то после 1957 г. в этом ни у кого сомнений уже не было. Авторы «Очерков» представляли их самостоятельным и оригинальным вкладом вайнахских мастеров в мировую культуру. Говорилось и о том, что ингушские мастера строили такие башни на заказ в Тушетии и Хевсуретии (Смирнов 1967. С. 274-276. См. также: Крупнов 1971. С. 63-78, 112-113, 134-137; Мужухоев 1977. С. 41-42; Чахкиев 1985: Великая, Чахкиев 1988. С. 139). Впрочем, ингушский археолог Чахкиев готов был признать, что строители башен имелись не только среди ингушей, но и среди чеченцев (Чахкиев 1979. С. 154-155). Со своей стороны чеченцы настаивали на том, что Чечня могла не меньше, чем Ингушетия, претендовать на то, чтобы быть родиной башенной архитектуры (Багаев, Петренко, Умаров 1968. С. 316). Однако эта чеченско-ингушская версия встретила возражение у осетинских исследователей, которые либо полностью игнорировали участие ингушей в строительстве осетинских башен (Калоев 1971. С. 147-149), либо доказывали, что у осетин могли иметься свои строители, использовавшие ингушские навыки и технику (Магометов 1982. С. 55; Уарзиати 1985. С. 91). Между тем в популярных книгах по истории и археологии Чечено-Ингушетии их авторы неизменно выказывали гордость местными башнями и их искусными строителями, возводившими такие башни и для своих соседей. Башни играли настолько важную роль в жизни чеченцев и ингушей, что, желая унизить человека, про него говорили, что «у него нет ни башни, ни склепа» (Мальсагов 1969. С. 64-66; Виноградов 1966 а. С. 139-141, 157-161; 1970. С. 112-125; 1980 а. С. 38-41).

Глава 8. Сага о «добровольном вхождении»

В начале 1970-х гг. в СССР усиленно выковывалась идеологема «новой исторической общности — многонационального советского народа», сопровождавшаяся усилением пропаганды интернационализма и борьбы с национализмом. Тогда партийные чиновники требовали от историков направить все усилия на изучение исторических корней дружбы народов СССР, их сближения с русским народом и процесса вхождения их в состав России (Всесоюзное совещание 1964. С. 29; Шерстобитов 1974. С. 3-8). Это представлялось тем более важным, что еще на рубеже 1960-1970-х гг., по воспоминаниям выросшего в Грозном ингушского бизнесмена М. Гуцериева, в пионерском лагере местные дети предпочитали петь песни о легендарном Шамиле и его борьбе с царскими войсками, переосмысливая это как борьбу с русскими (Поэгли 1996). А еще раньше едва не был исключен из школы девятиклассник Джохар Дудаев, представивший в своем сочинении Шамиля руководителем национально-освободительного движения (Умалатов 2001. С. 12). Вряд ли он был такой один. Действительно, интерес к личности Шамиля и событиям Кавказской войны не оставлял горцев и в последние советские десятилетия (Дегоев 2001. С. 279, примеч. 61). В Чечено-Ингушетии это становилось все более актуальным в связи с быстрым ростом численности коренного населения, постепенным отъездом русских из республики и прогрессивным изменением демографического баланса в пользу чеченцев и ингушей, происходившим в 1970-1980-х гг. (Soldatova 1995. Р. 96-97; Fowkes 1998. Р. 11-12). Наряду с ростом образования, этот фактор заставлял чеченцев и ингушей стремиться к более активному участию в делах республики и требовать уважения к своей истории и ее героям. Еще в середине 1960-х гг. некоторые интеллектуалы выражали недовольство «колониальным статусом» своей республики, «русским засильем» и «эксплуатацией» со стороны Центра (Тишков 2001а. С. 118-119). Еще одним фактором была предпринятая Советским руководством в начале 1970-х гг. попытка поставить ислам под свой контроль, что неизбежно вело к конфронтации с суфийскими братствами Северного Кавказа, считавшимися «фундаменталистами» и «фанатиками» (Gökay 1998. Р. 45-46).

Поэтому с целью снизить накал нарастающих межэтнических трений и воспитывать у местного населения лояльность к советской власти руководство Чечено-Ингушетии начало в 1970-х гг. усиленно выковывать дружбу народов. Это было также ответом американскому историку Л. Тиллетту (Tillett 1969), чью книгу советские рецензенты заклеймили как фальсификацию истории дружбы народов России и СССР. Их особенно возмущали утверждения Тиллетта о том, что советские историки искусственно углубляли историю контактов северокавказских народов с русскими, трактовали царскую колониальную политику в терминах «добровольного присоединения» иискажали историю движения Шамиля (Магомедов 1973; Каймаразов 1988. С. 30. Об этом см. также: Дегоев 2001. С. 279, примеч. 62). Одним из первых на это откликнулся грозненский историк Н.П. Гриценко, утверждавший, что христианство могло рано (в VIII в.) проникнуть на Северный Кавказ не только из Грузии, но и со стороны Крыма, и стремившийся всеми силами доказать, что еще в VIII-XIII вв. северокавказские народы тесно общались вначале с восточными славянами, затем с Древней Русью. Для этой цели он максимально расширял границы Тмутараканского княжества, опираясь на устаревшие работы советских авторов конца 1940-х гг. (Гриценко 1975. С. 15-19) [38].

Любопытно, что, несмотря на всю патетическую риторику «дружбы народов», пропаганда древнего грузинского влияния на Северном Кавказе не приветствовалась. Если в 1940 г. грузинский автор свободно писал о подчинении средневековых христиан Чечни и Дагестана грузинской церкви и о вхождении чеченцев в грузинские феодальные образования (Макалатия 1940. С. 24, 28-29), то в 1960-е гг. его последователь был подвергнут жесткой критике за то, что должным образом не отразил борьбу свободолюбивых горцев против посягательств Грузии (Виноградов, Саламов 1966). Иными словами, историкам было предписано говорить о «добровольном присоединении» только в отношении России.

В 1970-х гг. в основу советской пропаганды была положена идея о прогрессивности вхождения северокавказского региона в состав Российской империи. Впервые руководители Чечено-Ингушетии применили этот прием во время научно-теоретической конференции, посвященной обсуждению «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», состоявшейся в Грозном в июле 1973 г. Там, говоря о недостатках этого издания, секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии Х. Х. Боков [39] отмечал, что авторы должны были более четко показать якобы смертельную опасность, нависшую над некоторыми народами Кавказа со стороны Турции и Ирана. По его мнению, вхождение в состав России

было для них «спасением от физического уничтожения». Поэтому они «искали покровительства у России, а затем ставили вопрос о вхождении в нее». Кавказскую войну он предлагал объяснять провокационной деятельностью турецких и иранских агентов, а также интригами Англии и Франции. Действия русских экспедиционных сил были якобы лишь вынужденным ответом на эти враждебные происки. Фактически то, что советские историки ранее трактовали как национально-освободительную борьбу, Боков объявлял происками агентов зарубежных держав. Ничего народного в таких движениях он не обнаруживал (Советский историк 1973. С. 2). Через год эти идеи подхватил другой местный партийный функционер М.О. Бузуртанов (Повышать действенность 1974. С. 2), и они получили одобрение у заместителя директора Института истории СССР АН СССР В.П. Шерстобитова (Шерстобитов 1974. С. 13-14). Во всем этом А.М. Некрич справедливо усмотрел попытки возрождения шовинистических подходов к истории Кавказской войны, практиковавшихся местными историками во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. (Некрич 1978. С. 135. См. также: Айдамиров 1989).

Таким образом, в выступлениях местных партийных идеологов все настойчивее звучала мысль о том, что любой иной исторический путь грозил бы северокавказским народам полной деградацией и даже физическим уничтожением. Поэтому вопрос об обстоятельствах вхождения этих народов в Россию стал в 1970-х гг. едва ли не ключевым моментом их истории. Между тем к тому времени в историографии царила полная разноголосица, связанная с тем, что ни Чечня, ни Ингушетия не представляли в прошлом политических единств. Их население входило во множество отдельных общин, чьи лидеры проводили свою собственную политику, искусно играя на интересах Османской империи, Ирана и России. Заявления о подданстве воспринимались ими как покровительство и союзнические отношения, которые они в любой момент могли разорвать, а затем через несколько лет вновь восстановить. Кроме того, они могли делать такие заявления одновременно представителям двух соперничающих держав (Гаджиев 1979; Новосельцев 1989 а; Ахмадов 1995. С. 59; Маршаев 1995: Кудрявцев 1996. С. 97; Трепавлов 1998. С. 8). Поэтому у советских авторов 1960-1970-х гг. можно было обнаружить очень разные суждения относительно того, когда тот или иной регион «окончательно» вошел в состав России (Блиев 1970; Крикунов 1977).

Например, в 1960-х гг. многие ученые Чечено-Ингушетии разделяли мнение о том, что Чечня вошла в состав Российской империи лишь по окончании Кавказской войны в 1859 г. Эта концепция нашла отражение в отчете директора ЧИ НИИ А.А. Саламова о конференции 1962 г. (Саламов 1962. С. 3) и в «Очерках истории Чечено-Ингушской АССР» (Смирнов 1967. С. 78). В свою очередь в тех же «Очерках» говорилось о том, что ингуши добровольно приняли подданство России в 1810 г., и в октябре 1972 г. писатель И.М. Базоркин даже выступил с инициативой поставить в честь этого памятник в г. Орджоникидзе (И. Базоркин 2002 б. С. 137).

Между тем, чтобы внести ясность и преодолеть разноголосицу, в 1970 г. осетинский историк М.М. Блиев предложил различать два разных периода: а) установление российско-кавказских связей и вхождение местных народов в состав России с сохранением определенной самостоятельности и б) практическое установление власти русской военной администрации. Все, что было связано со вторым периодом (колониальная политика и национально-освободительные движения), приходившимся на первую половину XIX в., он относил к внутреннему далу России, когда Северный Кавказ уже окончательно стал частью ее территории. Ни о каком «вхождении» тогда уже не могло быть и речи (Блиев 1970). В соответствии с этим подходом Блиев делал акцент на ингушских («киштинских») посольствах к коменданту г. Кизляра в 1750-х гг., просивших российского подданства. Договор о таком подданстве действительно был подписан летом 1770 г. между кизлярским комендантом и 24 ингушскими старшинами (Блиев 1979).

В принципе соглашаясь с Блиевым, дагестанский историк В.Г. Гаджиев показывал, что во второй половине XVIII в. чеченские и ингушские старшины по несколько раз принимали присягу на верность России, и, хотя многие из них признали ее главенство в 1781 г., им вновь пришлось повторить это в 1807 и 1810 гг. (Гаджиев 1979. Ср.: Мартиросиан 1933. С. 45-53). В то же время грузинский историк Т.Д. Боцвардзе считал, что имелись все основания говорить об окончательном включении Чечено-Ингушетии в Россию в 1781 г. (Боцвардзе 1974. С. 66). Будучи готов принять эту дату, грозненский историк Н.П. Гриценко полагал, что она еще требует обоснования (Гриценко 1975. С. 50). В те же годы появилось и более радикальное предложение считать датой «добровольного вхождения» Чечено-Ингушетии в Россию 1588 год, когда на верность ей одновременно присягнули владетельный князь ококов Ших-Мурза Окуцкий и глава ингушского селения Ларс в Дарьальском ущелье Султан-Мурза (Сангариев 1976).

В Чечено-Ингушетии подход Блиева развивали проф. В.Б. Виноградов и его ученики. Им казалось, что концепция «добровольного вхождения» данного региона в состав России во второй половине XVIII в. лучше способствует развитию дружбы советских народов, чем идея о том, что Чечня была покорена силой в результате Кавказской войны. Как признают ученики Виноградова, разработчики концепции «хотели исследовать положительный потенциал русско-северокавказских контактов для сближения народов на современном этапе» (Дударев и др. 1998. С. 6). Поэтому одна из его учениц Т. Магомадова подчеркивала роль Султан-мурзы как одного из первых чеченских владетелей, кто положил начало «прогрессивному процессу вхождения чеченско-ингушского народа в состав России» (Магомадова 1976).

Вообще В.Б. Виноградов был одним из немногих советских историков и археологов, кто рано понял политическую подоплеку исторических концепций и их роль в идеологической пропаганде и открыто заговорил об этом (Виноградов 1972. С. 285, 290; Виноградов, Мамаев 1985). По-видимому, он полагал, что акцент на мирных взаимоотношениях и боевом содружестве русских с местными народами Северного Кавказа в XVI-XVIII вв. поможет преодолеть межэтнические трения и забыть о былых распраях и обоюдных претензиях. Именно такой линии он и придерживался в своих работах конца 1970-х – 1980-х гг., обосновывая «взаимное тяготение» русских и северокавказских народов настоятельной необходимостью противодействия враждебным устремлениям Османской империи, Крымского ханства и шахского Ирана. Последние рисовались смертельными врагами и отсталыми «восточными деспотиями», а их политика описывалась в таких терминах, как «агgressия», «вторжения», «резня», «работорговля», «религиозная нетерпимость», «религиозный фанатизм», «антирусская пропаганда». Для читателя эти термины звучали убедительно, так как многие из них постоянно фигурировали в выступлениях партийных чиновников на пленумах Чечено-Ингушского обкома и относились к явлениям, с которыми власть призывала бороться.

Кроме того, умелое использование исторических документов открывало возможность отпраздновать круглую дату – 200-летие принятия Чечено-Ингушетии в состав России, тем более что в соседней Северной Осетии такую дату уже отметили в 1974 г. [40], а Кабарда, Адыгея и Черкесия даже ухитрились в 1957 г. отпраздновать 400-летие вхождения в Россию. Поэтому Чечено-Ингушский обком КПСС не хотел упускать представившуюся ему возможность не только громко заявить о себе и своей республике, но и получить награды и щедрые финансовые вливания, обычно сопровождавшие такого рода юбилеи (об этом см.: Новосельцев 1989 а). Впервые о предстоящем юбилее публично заговорили на Всеобщей конференции по историографии истории народов Северного Кавказа и Дона, состоявшейся в г. Грозном 21-22 сентября 1978 г. Выступая на ней с вступительным словом, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС А.В. Власов [41] подчеркнул необходимость более пристального внимания ученых к истокам «тесных связей русского народа с народами Кавказа», их «нерушимой дружбы», и в частности, прогрессивному процессу вхождения местных северокавказских народов в состав России. Он посетовал на то, что в научных трудах все еще встречались противоречивые суждения о времени вхождения Чечено-Ингушетии в состав Российской империи. В то же время он отметил ценность упомянутого выше подхода М.М. Блиева, задав тем самым ориентиры для местных историков (Власов 1978. С. 7-10). Выступавший вслед за ним директор Института истории СССР АН СССР, акад. А.Л. Нарочницкий, обратил внимание на большое политическое значение празднования юбилеев «добровольного присоединения» отдельных республик к России и заявил о том, что «ныне встал вопрос о приближающемся юбилее 200-летия вхождения Чечено-Ингушетии в Россию». Он не сомневался в том, что празднование такого юбилея «будет иметь большое общественное значение» (Нарочницкий 1978. С. 23-24).

Однако ни Власов, ни Нарочницкий еще не решались назвать окончательную дату вхождения чеченцев и ингушей в состав России. За несколько дней до конференции это сделали В.Б. Виноградов и С.Ц. Умаров, объявившие, что оно произошло в январе 1781 г. (Виноградов, Умаров 1978) [42]. По свидетельству очевидцев, именно Виноградов стал главным инициатором кампании по празднованию 200-летия «добровольного вхождения» (Новосельцев 1989 а; Кушева 1993. С. 149).

С тех пор средства массовой информации республики упорно навязывали местному населению представление о преимущественно мирных взаимоотношенияхaborигенных племен с русскими казаками в XVI-XVIII вв., о совместной борьбе против «турецко-крымской» и «иранской» агрессии и о присяге на верность России, якобы принятой большинством местных обществ в 1781 г. (см., напр.: Мугалиев 1979; Сулаев 1979). Развивая все эти темы, Виноградов делал акцент на совместных действиях горцев и казаков против турецких, крымских и иранских нашествий и, следуя рекомендации Власова (Власов 1978. С. 9), всячески затушевывал роль трений между ними, объясняя их своекорыстными интересами

феодалов и антирусской агитацией иностранных агентов. В его работах и работах его последователей «феодалы» противопоставлялись «горцам» — большинство первых якобы всячески мешали сближению с Россией, а вторые только о том и мечтали (Виноградов, Умаров 1978; 1979; 1982; Даугава, Магомадова 1978; Бузуртанов, Виноградов, Умаров 1980; 1982).

Далеко не все специалисты разделяли эту концепцию. Когда в начале 1979 г. написанная для советских чиновников справка с обоснованием необходимости празднования юбилея «200-летия вхождения» попала на отзыв к известному ленинградскому кавказоведу Л.И. Лаврову, тот высказал сомнения в разумности предложения Виноградова. Ведь, во-первых, не все чеченские общества принесли в 1781 г. присягу России, а во-вторых, такие присяги не вели к автоматическому вхождению в состав России и русские чиновники не отваживались появляться в расположении таких обществ без предварительного договора и надлежащей охраны. По-этому, по мнению Лаврова, невозможно было считать, что после 1781 г. Чечено-Ингушетия стала органичной частью России. Он обращал внимание на то, что хорошо зная ситуацию царские офицеры и чиновники писали только о военном покорении Чечни. Кроме того, он предупреждал о негативной реакции на проведение такого юбилея со стороны чеченцев и ингушей. Однако чиновники благополучно затеряли записку Лаврова, не отвечавшую их намерениям (Крикунов 1990).

Зато концепция Виноградова получила полное одобрение А.В. Власова, и тот не только воспринял ее в своем выступлении на III пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС 14 июля 1979 г. в подтверждение давнего сотрудничества чеченцев и ингушей с русскими, но дал указание широко пропагандировать ее в местных СМИ и положить в основу научной конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» (Выше уровень 1979. С. 2). Такая конференция состоялась в г. Грозном 2-3 октября 1979 г., причем выступления там А.В. Власова и М.О. Бузуртана, а также присутствие многих руководителей республики говорили о том, что ее значение выходило далеко за рамки рутинного научного диспута. Действительно, в своей речи Власов пытался на примере Чечено-Ингушетии показать, что «новая историческая общность — советский народ» имеет глубокие исторические корни; он говорил о вековой дружбе народов Северного Кавказа с русским народом, оказавшим им бесценную помощь в отражении иноземной агрессии. В заслугу Виноградову онставил документальное обоснование тезиса о «добровольности» вхождения Чечено-Ингушетии в Россию, позволившее обкому рассмотреть вопрос о праздновании 200-летнего юбилея этого события. Любопытно, что в этой небольшой речи термины «дружба» и «дружба народов» были упомянуты 10 раз, «русский народ» — 8 раз, а «чечено-ингуши» и «Родина» — по 4 раза, что свидетельствует о приоритетах выступавшего (Власов 1979) [43].

Основной доклад на конференции, осветивший этапы «добровольного вхождения», был сделан М.О. Бузуртановым. В подготовке этого доклада участвовали зам. председателя Совета министров ЧИ АССР Н.К. Байбулатов (бывший директор ЧИ НИИ ИЯЛ), а также такие ведущие северокавказские учёные, как М.М. Блиев, В.Б. Виноградов и В.Г. Гаджиев (Виноградов, Умаров 1979. С. 13-14). В газете «Грозненский рабочий» этот текст появился за именем одного лишь М.О. Бузуртана (Бузуртанов 1979), но позднее он неоднократно дорабатывался и переиздавался (Байбулатов и др. 1980; Бузуртанов и др. 1982) и был даже развит в нескольких книжных версиях (Виноградов, Умаров 1979; Бузуртанов, Виноградов, Умаров 1980; 1982).

От имени АН СССР концепцию «добровольного вхождения» одобрил директор Института истории СССР, акад. А. Л. Нарочницкий (Нарочницкий 1979). Затем в Москве на базе Института истории СССР была создана научная межинститутская комиссия, куда, наряду с московскими историками, вошли и северокавказские авторы концепции. Там она также получила одобрение (Бузуртанов, Виноградов, Умаров 1980. С. 15). Все это было сочтено достаточным научным основанием для празднования 200-летия вхождения в Россию, однако бюрократические причины заставили власти Чечено-Ингушетии совместить этот юбилей с 60-летием республики, и оба события были торжественно отмечены в 1982 г. (Бенкевич, Куприянова 1982). По этому случаю республика была награждена орденом Трудового Красного Знамени; награды получили и ее руководители. В частности, Власову был вручен орден Ленина. А Виноградов за свои старания получил в 1978 г. звание «Заслуженный деятель науки ЧИ АССР», затем в 1982 г. — звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» (Алироев, Павлов 1985. С. 67; Дударев и др. 1998. С. 4).

Любопытно, что оживленное обсуждение вопросов недавнего прошлого чеченцев и ингушей, связанное с этими датами, почти полностью обходило своим вниманием события Кавказской войны.

Авторы концепции писали даже об «изобретении понятия «Кавказская война»» (Бузуртанов, Виноградов, Умаров 1980. С. 7), о «мифе о «Кавказской войне»», будто бы созданном царскими историками и генералами (Виноградов 1988 б. С. 6). Иногда Виноградов позволял себе писать даже о «так называемой «Кавказской войне»» (Виноградов 1987. С. 95). Он доказывал, что идея насилиственного присоединения чеченцев и ингушей была якобы создана буржуазными националистами [44] «для взращивания ненависти к русскому народу» (Виноградов 1988 б. С. 7). В учебном пособии, изданном под руководством Виноградова в 1988 г., вообще не нашлось места для понятия «Кавказская война» (Виноградов 1988 б). Все это обнаруживало укоренившуюся в советской науке 1960-х — первой половины 1980-х гг. тенденцию избегать проблемы Кавказской войны, способной доставить историку одни лишь неприятности со стороны партийных и административных органов, о чем в один голос свидетельствуют очевидцы (Закс 1989. С. 168; Пикман 1990. Об этом см.: Дегоев 1997. № 11/12. С. 34-37; 2000. С. 237-238; 2001. С. 252-255, 278. 293-294).

Стоит ли говорить, что такие публикации вовсе игнорировали проблему депортации и ингушский вопрос? По свидетельству ингушского писателя, в 1970-1980-х гг. существовал негласный запрет на тему депортации, и написанные о ней романы чеченских и ингушских писателей не печатались (Чахкиев 1991. С. 56-57). Правда, в книге чеченского историка М.А. Абазатова, специально посвященной периоду 1941-1945 гг., говорилось не только о героизме большинства чеченцев и ингушей, отважно и самоотверженно защищавших Родину, но и о борьбе с бандитизмом в горах Чечено-Ингушетии в 1942 г. Однако из раздела, описывавшего восстановление региона из разрухи в 1943-1945 гг., читателю так и не суждено было узнать о том, что чеченцев и ингушей тогда там уже не было (Абазатов 1973). Тем же самым отличалось и исследование грозненского историка Н.П. Гриценко, посвященное истории вайнахско-русских отношений (Гриценко 1975. С. 175-176). В свою очередь, знакомя подростков с героическими страницами истории вайнахов, ингушский писатель А.П. Мальсагов уделял много внимания героям Гражданской и Великой Отечественной войн, но также хранил молчание о депортации (Мальсагов 1969). Не было принято много говорить и о фактах героизма чеченцев и ингушей в годы Великой Отечественной войны. Когда известный чеченский писатель Х.Д. Ошаев, обнаруживший среди участников обороны Брестской крепости немало чеченских и ингушских имен, попытался опубликовать об этом книгу, ее издание всячески затягивали вплоть до того, что ее рукопись была выкрадена из стола редактора (Шайхиев 1993) [45]. Самого престарелого Ошаева исключили из партии, заставили написать покаянное письмо и перестали публиковать (Сайдуллаев 2002. С. 44). По словам известного историка Ю.А. Полякова, даже во второй половине 1980-х гг. при подготовке академического издания «История народов Северного Кавказа» его авторы ощущали сильное давление со стороны тех, кто полагал неуместным «возвращать прошлое» и писать о депортации народов (Меликянц 1988).

Виноградов отважился упомянуть о депортации лишь в 1989 г. (Виноградов 1989 а. С. 10-11). А до этого, не вникая в тонкости ингушской проблемы, он активно боролся с «претензиями на «свои земли» с экскурсом в историю» и с рассуждениями о территориях, отгоргнутых в пользу соседей (Виноградов, Мамаев 1985). Зато он с благодарностью подхватил рассуждения Блиева о «набеговой системе», якобы имманентно свойственной горцам, и о «горской экспансии», будто бы ответственной за обострение русско-вайнахских отношений (так он теперь предпочитал называть Кавказскую войну). Памятуя о многолетней борьбе Чечено-Ингушского обкома с исламской религией, он добавил к этому такой фактор, как «антирусские» действия исламского духовенства и «разгул мюридского террора» накануне выступления Шамиля. Пытаясь вычеркнуть из списка народных героев руководителей народно-освободительных движений, он изображал шейха Мансура «проводником османской политики на Северном Кавказе», а имама Шамиля — реакционером, создателем «теократической деспотии». В то же время он призывал отказаться от терминов «колониализм» и «колониальная политика» при анализе действий царской администрации на Северном Кавказе и изобретал некое «боевое содружество» северокавказцев и русских «против реакционной политики имама Шамиля». Правда, Виноградов предупреждал от односторонних трактовок и подчеркивал справедливость борьбы горцев против царского гнета (Виноградов 1985 б: 1987. С. 95-98; 1988 б. С. 34-37, 41-47; Виноградов, Умаров 1983) [46]. Однако это нисколько не уменьшило очевидного родства его концепции с худшими образцами дореволюционной шовинистической историографии и идеологическими подходами эпохи позднего сталинизма. И дело было не только в сомнительности ряда идей, присущих обсуждаемой концепции [47], но и в той политике местных властей по дискриминации ингушей и чеченцев и их исламской религии (Bryan 1984: 1992. Р. 211-212), которую она фактически прикрывала и оправдывала. Как полагают специалисты, антиисламские настроения властей

в начале 1980-х гг. были впрямую связаны с революцией в Иране, афганской кампанией и появлением исламского радикализма (Геккай 1998. Р. 47-48; Малащенко 2001. С. 47-49).

Все это хорошо сознавали многие местные интеллектуалы. В частности, ингуши вряд ли могли согласиться с утверждением Виноградова о том, что современные политico-административные границы служили «целям максимального обеспечения поступательного развития северокавказских народов» (Виноградов, Мамаев 1985). Возмущение чеченцев и ингушей нарастало в особенности в преддверье приближавшихся торжеств, и побывавший в Грозном в 1981 г. американский профессор остро ощутил очевидную напряженность во взаимоотношениях чеченцев с русскими (Трани 2003. С. 153). Однако в 1980-1988 гг. концепция Виноградова находилась под жесткой опекой обкома; она наводнила СМИ и пропагандистскую литературу, ее широко популяризировано местное отделение Всесоюзного общества «Знание», возглавлявшееся В.Б. Виноградовым (Ахмадов 1990. С. 80-81) [48], и ее преподавали в вузах и школах (Виноградов 1988 б). В эти годы Виноградов стал главным советником обкома КПСС по идеологии и общественным наукам, что фактически сделало его первым цензором научной и издательской деятельности в республике и позволило оказывать огромное влияние на работу по отбору научных кадров (Андрусенко 1989; Костоев 1990. С. 50, 130-131; Музаев, Тодуа 1992. С. 33-34; Музаев 1995. С. 156; Боков 1994. С. 56; Ахмадов 1995. С. 57; Гакаев 1997. С. 133; 1999. С. 150; Дерлугъян 1999. С. 212). По признанию бывшего сотрудника газеты «Грозненский рабочий», Виноградов сам заказывал статьи ученым, редактировал их по своему усмотрению и сдавал в редакцию (Сайдуллаев 2002. С. 122). Зато его оппоненты были лишены возможности высказать свое мнение; наиболее активные из них обвинялись в национализме, отстранялись от научных исследований или же вообще теряли работу. Травле подверглись такие чеченские и ингушские историки, как М.Н. Музаев, А.З. Вацуев, Я.З. Ахмадов, Х. Акиев, Я.С. Вагапов, Х.С. Ахмадов и др. (Музаев 1995. С. 156; Сайдуллаев 2002. С. 120-121; Лорсанукаев 2003. С. 181). В этих условиях под флагом «дружбы народов», по словам одного чеченского ученого, в республике осуществлялся «настоящий этноцид» (Ахмадов 1995. С. 57). Одна из немногих публичных форм протesta в 1960-1980-х гг. выражалась в многократных попытках взорвать памятник генералу Ермолову или облить его красной краской (Джургаев, Джургаев 1989. С. 55; Lieven 1998. Р. 307).

Среди гонимых оказался и бывший соавтор Виноградова, чеченский лингвист К.З. Чокаев, жизнь которого складывалась драматически. В годы депортации он оказался в киргизском городе Токмак. Там он закончил школу рабочей молодежи, а затем и заочный Государственный педагогический институт в Бишкеке. После возвращения из депортации ему посчастливилось поступить в аспирантуру в Институт языкоznания АН СССР, где под руководством Ю. Дешериева он защитил в 1963 г. диссертацию, посвященную особенностям чеченского литературного языка. В 1960-1970-х гг. он, как мы уже знаем, попытался использовать лингвистические реконструкции для освещения древнейших эпох в истории вайнахов. В начале 1975 г. он подготовил докторскую диссертацию по этой тематике. В 1977 г. на основе этой работы он выпустил книгу «Язык и история вайнахов», но в обкоме ее признали образцом «махрового национализма», и весь тираж был тут же уничтожен [49]. После этого его лишили возможности публиковаться, а в начале 1980-х гг. он был уволен из Чечено-Ингушского НИИ (Айдаев 1999).

Идеологический прессинг и преследования не только вызывали протест у многих чеченских и ингушских интеллектуалов, но и заставляли их активно работать над созданием альтернативных версий исторического прошлого [50]. В частности, их идеи были представлены в школьных учебниках истории, изданных на чеченском и ингушском языках. Однако это встретило гневное осуждение со стороны руководителей Чечено-Ингушского обкома, нашедших там «искажение глубоких взаимосвязей исторических судеб братских народов» (Фотеев 1985. С. 2). Тем не менее сопротивление концепции «добровольного вхождения» было столь велико, что и в 1988 г. Виноградов сетовал на трудности ее внедрения в общественное сознание. Он выражал сожаление тем, что пропагандировавшие ее издания стали во второй половине 1980-х гг. библиографической редкостью, и признавался, что наиболее интенсивно «история добровольного вхождения» изучалась лишь в 1978-1982 гг., т. е. в преддверии празднования юбилея (Виноградов 1988б. С. 5, 9). Трудно придумать более красноречивое признание конъюнктурного характера такого «изучения».

Открытое обсуждение концепции «добровольного вхождения» стало важным испытанием для гласности и перестройки [51]. Однако первые гневные голоса, осуждавшие концепцию «горского экспансионаизма», выдвинутую М.М. Блиевым (1983), прозвучали из Дагестана еще раньше. Дагестанские историки М. Магомедов и В. Гаджиев отправили в ЦК КПСС письмо, где выразили протест против этой явно политизированной концепции. Однако тогда Блиев объяснил свои мотивы «интернациональным

долгом» и заявил, что его идеи «объективно снимают с России обвинения в том, что будто бы именно она вызвала на Северном Кавказе тяжелую и затяжную войну» (Блиев 1999. С. 104). Нет оснований сомневаться в том, что такое объяснение было с пониманием встречено тогдашним партийным руководством. Однако северокавказские оппоненты Блиева не успокоились. Уже в ноябре 1983 г. на Всесоюзном совещании заведующих вузовскими кафедрами Блиев почувствовал холодок в отношениях с коллегами (Блиев, Гаджиев, Джендубаев 1994. С. 21). А вскоре в печати появились и их весьма негативные отзывы, где его концепция определялась как подрывавшая дружбу народов (Халилов 1984. С. 67-68) и превращавшая экспанссионизм в якобы врожденное свойство горцев (Абдуллаев 1983. С. 117-118). Во второй половине 1980-х гг. гневные голоса по поводу его концепции все громче слышались из Дагестана (Гамзатов 1986. С. 37-38, примеч. 49; 1989; Халилов 1988. С. 36-37) и Северной Осетии (Ортабаев, Тотоев 1988. Об этом см.: Bryan 1992. Р. 208; Гай 1998. Р. 51). Последняя книга М. Блиева (2004), где он снова выступал с концепцией «грабительских набегов» и настаивал на «дикости» чеченцев, встретила гневную отповедь со стороны чеченских ученых (Ахмадов, Гапуров 2005).

Местные ученые подчеркивали как ее научную несостоятельность, так и бес tactность. Они убедительно демонстрировали, что Блиев архаизировал социальный строй горцев, искусственно делил северокавказцев на «мирных» (равнинных) и «экспансивных» (горных), неверно представляя участие их различных групп в движении Шамиля и фактически обвиняя самих горцев в развязывании Кавказской войны. Важным переломным этапом стала конференция «Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана», проведенная в Махачкале 26-27 ноября 1987 г. Там концепции «добровольного вхождения» (В. Б. Виноградов) и «горской экспансии» (М.М. Блиев) были квалифицированы как попытка партийных чиновников оживить шовинистические взгляды 1940-1950-х гг. Авторы этих концепций были обвинены в необъективном, антинаучном и конъюнктурном подходе, в фальсификации горского народно-освободительного движения и отсутствии научной этики (Магомедов 1990 а; Ибрагимбейли 1990 а. См. также: Ибрагимбейли 1990 б; 1997. С. 15). А чеченский историк Я.З. Ахмадов выражал тревогу по поводу размаха кампании, направленной на внедрение концепции «добровольного вхождения» в общественное сознание (Ахмадов 1990. С. 80-81).

Следующей вехой стала проведенная 20-22 июня 1989 г. в Махачкале представительная конференция, посвященная народно-освободительному движению горцев первой половины XIX в. (Bryan 1992. Р. 208). Многие ее участники решительно высказались против основных постулатов концепций М.М. Блиева и В.Б. Виноградова, характеризуя их как оправдание царской захватнической политики на Кавказе (Рамазанов, Шигабудинов, Шихсаидов 1990; Гаджиев 1994. См. также: Кумыков 1994. С. 4-5; Дзидзоев 1995. С. 34-35, 43). Академик Г.Г. Гамзатов справедливо усмотрел в этой концепции благоприятную почву для весьма сомнительных и опасных рассуждений о «генетической несовместимости горцев и русских» (Гамзатов 1989; 1990 б. С. 53-54. См. также: Акаев, Хусаинов 1994. С. 127-128). А дагестанский историк Р.М. Магомедов убедительно продемонстрировал связь таких взглядов с идеологической кампанией начала 1950-х гг., инициированной Сталиным и М. Багировым (Магомедов 19906; 1994. Ср.: Tillett 1969. Р. 133-135). В резолюции конференции подчеркивался освободительный, антиколониальный характер борьбы горцев и в то же время отмечалось, что, вопреки Блиеву, она была направлена против царизма, а не против русского народа. Подходы Блиева и Виноградова однозначно отвергались (Гамзатов 1990 а. С. 7). Встретив массовое публичное осуждение, Виноградов считал это «запрограммированной травлей» и покинул конференцию, не дождавшись ее окончания.

Вместе с тем в первые годы перестройки в Чечено-Ингушетии несогласие с концепцией «добровольного вхождения» по-прежнему приравнивалось к «антисоветским выступлениям», и сторонники таких взглядов не имели публичной трибуны. Ведь, как отмечал В.В. Дегоев, взгляды многих северокавказских историков способствовали росту национального самосознания местных народов, но были направлены «против формирующейся государственной доктрины на русско-православной основе» (Дегоев 2000. С. 241; 2001. С. 259). В любом случае дебаты о Шамиле и Кавказской войне не теряли своей высокой идеологической нагрузки (Дегоев 2001. С. 257-258).

Однако, когда летом 1988 г. был образован Народный фронт Чечено-Ингушетии (НФЧИ) и одним из его требований стала историческая правда, концепция «добровольного вхождения» перестала быть монополией официальной пропаганды. И хотя на первых порах лидеры НФЧИ сурово преследовались местными властями, табу перестало действовать. В феврале 1988 г. при Чечено-Ингушском обкоме ВЛКСМ молодые историки создали научно-просветительское общество «Кавказ», где начали поднимать острые вопросы истории и культуры чеченцев и ингушей. Критическое обсуждение ими концепции

«добровольного вхождения» вызвало недовольство у местной правящей элиты, однако все попытки запретить деятельность клуба были успешно отбиты обкомом ВЛКСМ. С января 1989 г. Народный фронт содействия перестройке начал выпускать свой бюллетень «Нийсо» (Справедливость), где местные ученые, в том числе профессора ЧИГУ, жестко критиковали концепцию Виноградова и в противовес ей пытались создавать привлекательный образ древней истории, в том числе искать корни вайнахской культуры в мире хурритов и в древнем государстве Урарту (Музаев, Тодуа 1992. С. 34-35).

В ответ на это Виноградов в 1987 г. основал в университете межвузовскую кафедру по истории народов Северного Кавказа, где стремился культивировать и пропагандировать версии истории, способные, на его взгляд, создавать позитивные настроения между русскими и чеченцами. Едва ли не главная роль в этом отводилась концепции «добровольного вхождения» (Дударев и др. 1998. С. 5-6). В мае 1989 г. на оппозиционных профессоров было оказано беспрецедентное давление со стороны парткома ЧИГУ. И некоторые из них вынуждены были отказаться от своих публикаций в «Нийсо».

Между тем перемены не могли обойти Чечено-Ингушетию стороной. Одним из их первых знаков стало перенесение бюста генерала Ермолова с площади г. Грозного в городской музей, осуществленное в январе 1989 г. по решению обкома КПСС республики [52]. Идеологический климат окончательно смягчился в июне 1989 г., когда первым секретарем Чечено-Ингушского обкома был впервые избран чеченец, Доку Завгаев, и во властных органах чеченские либералы начали теснить бывших партийных функционеров. И хотя Виноградов по-прежнему получал поддержку со стороны секретаря Чечено-Ингушского обкома по идеологии П.Н. Громова, его монополия на историческую истину была основательно подорвана. Зато неограниченный доступ к идеологическим каналам получили его противники — ранее гонимые преподаватели ЧИГУ и созданного в 1981 г. Чечено-Ингушского педагогического института, принявшиеся яростно критиковать прежние официозные концепции, включая и концепцию «добровольного вхождения» (см., напр.: Крикунов 1989; Бугаев 1989. С. 88; Боков 1990. Об этом см.: Музаев, Тодуа 1992. С. 35; Гакаев 1997. С. 136-137; 1999. С. 152-153). По словам экспертов, в 1988-1989 гг. отмена последней и прекращение гонений на историков были одними из главных требований набиравшего силу национального движения (Ахмадов 1995. С. 56-58; Музаев 1999. С. 34).

9-10 сентября 1989 г. в г. Грозном прошел II съезд ингушского народа, где ингуши впервые публично и официально заявили о десятилетиями практиковавшейся против них дискриминации и потребовали от властей принять срочные меры по исправлению положения. Некоторые из выступавших квалифицировали концепцию Виноградова как «антин научную, оскорбительную дня чеченского, ингушского и других народов Северного Кавказа» и требовали лишить его и Умарова полученных ими наград (Костоев 1990. С. 130-131, 184). Позднее на съезде чеченского народа радикалы потребовали лишить Виноградова гражданства. Их в особенности возмущали его попытки объявить гребенских казаков «аборигенами чеченской земли», что давало казакам основания требовать отторжения Наурского и Шелковского районов от Чеченской республики (Шамаев 1992). Перед домом Виноградова была проведена демонстрация, и он был объявлен «врагом чеченского народа».

Осенью 1989 г. состоялось заседание Общественного совета содействия Чечено-Ингушскому краеведческому музею, где известные чеченские и ингушские ученые с горечью вспоминали о тяжелом моральном климате в республике в недавнем прошлом и связывали его в первую очередь с монопольным господством концепции «добровольного вхождения». Они говорили о гонениях на несогласных, об уровне идеологическому климату и об обострении межнациональных отношений (Гришин 1989). Концепция «добровольного вхождения» рассматривалась и на собрании партийной организации ЧИГУ, где против нее высказались все выступавшие без исключения (Романов 1989). В том же ключе эта тема звучала и на VIII съезде журналистов ЧИ АССР, проходившем 19 декабря 1989 г. в г. Грозном (Накал 1989). В газете «Грозненский рабочий» появилась статья, где концепция Виноградова называлась конъюнктурной, созданной по заказу Чечено-Ингушского обкома КПСС. По словам журналиста, в этой концепции были «в научообразную форму облечены стереотипы эпохи сталинизма во взглядах на историю». Признавая благие намерения Виноградова, он писал, что «святая ложь во благо может обернуться бедой» (Андрусенко 1989).

Затем газета предоставила трибуну оппоненту Виноградова, философу Х. Магомаеву, жестко критиковавшему его подход, хотя все еще с позиций «марксистско-ленинской методологии». Используя такой часто звучавший из уст советских партийных идеологов фразеологический штамп как «идеализация и субъективизация истории», он теперь направил его против Виноградова, упрекая того в бесактности. Говоря, что вхождение одного народа в состав другого предполагает подчинение первого второму

му, он настаивал на том, что ни один народ никогда и нигде на это добровольно не соглашался. Поэтому, утверждал он, концепция «добровольного вхождения» принесла больше зла, чем пользы, вызывая у народа негативные эмоции. По его словам, «если ученые не только ошибаются, но откровенно ориентируются на политическую конъюнктуру, то это усугубляет отрицательную реакцию». Поэтому концепция, направленная на дружбу народов, оказалась «идеологической сказкой, идущей вразрез с исторической правдой» и привела, по сути, к прямо противоположному эффекту. Неумеренное восхваление этой концепции в республиканских СМИ больно ранило чувство национального достоинства чеченцев и ингушей, заставляя их помимо собственной воли отказываться от славных страниц своей истории и почитаемых национальных героев (Магомаев 1989. См. также: Айдамиров 1989).

Обрушившийся на них девятый вал народного возмущения заставил авторов концепции оправдываться. Первым выступил С.Ц. Умаров, признавший, что авторам концепции приходилось тщательно сортировать факты, отказываясь от самых неудобных из них. Если ранее они с Виноградовым делали акцент на боевом содружестве русских с чеченцами, то теперь он показывал, что как в начале, так и в конце XVIII в. чеченцы вынуждены были неоднократно отбиваться от напора царских войск и что акты о «добровольном подданстве» фактически маскировали стремления российских властей захватить предгорные равнины. С этой точки зрения, вопреки официальной концепции, движение шейха Майсура 1785-1787 гг. вовсе не являлось кардинально новым феноменом, а продолжало непрерывную борьбу горцев за свободу и независимость (Умаров 1989. См. также: Умаров 1994). Тем самым популярный ранее подход М.М. Блиева о двух этапах в истории сближения северокавказцев с русскими радикально пересматривался и отвергался.

Со своей версией случившегося выступил и Виноградов. По его словам, до 1979 г. в историографии господствовал плюрализм мнений, но затем концепция «добровольного вхождения» была взята на вооружение властями республики, объявлена «единственно верной» и использована для празднования юбилея в 1982 г. Она не только наводнила СМИ, но и активно внедрялась в сферу образования. По сравнению с ней тематика Кавказской войны находилась на отшибе и не пользовалась расположением руководства республики. По словам Виноградова, «кто-то принимал происходящее, искренне заблуждаясь, а кто-то самым грубым образом, из чисто конъюнктурных соображений «подпевал», беспринципно заискивая перед «официальной историей»». Он сообщал, что теперь в условиях перестройки эта концепция его уже не устраивала. Беря на себя определенную долю ответственности, он писал: «Я со всей строгостью стремлюсь изжить в себе и хотел бы предостеречь других от излишней поспешности, монопольной безапелляционности, партнерской глухоты, чуждых настоящей науке мстительности и истерии...» Между тем о своей решающей роли в создании и отстаивании «официальной концепции» Виноградов благородно умалчивал (Виноградов 1989 б). Он попытался публично пересмотреть свои прежние взгляды (Виноградов, Дударев 1995), однако это уже не помогло ему изменить свой имидж в глазах местных историков. Любопытно, что в учебном пособии по этнографии чеченцев и ингушей, подготовленном им совместно со своими учениками, Виноградов уже не только не рассматривал обстоятельства вхождении Чечено-Ингушетии в Россию, но вообще обошел свою излюбленную тему ранних контактов местных народов с русскими и полностью отказался от освещения событий последних 250 лет (Великая и др. 1990. С. 19).

В новых условиях М.М. Блиеву тоже пришлось признать дефекты концепции «добровольного вхождения», в которой он теперь усмотрел идеализацию истории. Однако он продолжал настаивать на том, что различная степень феодализации северокавказских народов оказывала в первой половине XIX в. существенное влияние на их внешнеполитические ориентации. На его взгляд, «демократическим» горским племенам был присущ «экспансионизм», делавший их противостояние с Россией непримириимым, тогда как «аристократические» равнинные общества относились к ней более благосклонно (Блиев 1991. С. 72-75) [53]. И хотя реакция северокавказских коллег обеспокоила Блиева [54], она нисколько не поколебала его веры в истинность своего подхода (Блиев, Дегоев 1994. С. 109-146; Блиев 1997; 1999). Между тем его коллега по круглому столу, устроенному журналом «Родина», говорил о том, что некоторые новые оценки исторических событий «опасны для судеб народов» (Блиев, Гаджиев, Джендубаев 1994. С. 22). и В. В. Дегоев не без оснований усмотрел в этой фразе намек на концепцию Блиева (Дегоев 1997. № 11/12. С. 59). Однако сам Дегоев, похоже, не видит в ней ничего, кроме «научности» (Дегоев 1997. № 11/12. С. 41-47; 2000. С. 239). Между тем, делая основанием конфликта этнокультурные особенности, эта концепция, по сути, привнесла в советскую, а затем и российскую науку элементы «культурного расизма», с позиций которого Блиев фактически и пытался анализировать роль чеченцев в Кавказ-

ской войне (Блиев 1997). В 1990-х гг. такой подход, акцентирующий некие культурные инварианты, мешающие чеченцам строить нормальные отношения с Россией, получил широкое распространение, но не стал от этого более убедительным (об этом см.: Гакаев 2003. С. 58, 99, 111-112, 127-130, 132, 150).

В августе 1990 г. на сессии Верховного Совета Чечено-Ингушетии был поднят вопрос о «виноградовщине» и была сформирована депутатская комиссия «По правомерности присуждения В. Виноградову званий «Заслуженный деятель науки ЧИ АССР» и «Заслуженный деятель науки РСФСР», а С. Умарову – звания «Заслуженный деятель науки ЧИ АССР» и по оценке концепции 200-летия добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России». Комиссия предлагала, в частности, восстановить на работе уволенных из ЧИИИ и ЧИГУ в 1984-1985 гг. известных ученых. Существенно, что в то время даже республиканская партийная конференция выступила против концепции Виноградова, и в ноябре 1990 г. это поддержал съезд чеченского народа. Однако ВС ЧИР так и не рассмотрел предложения комиссии (Тишков 2001а. С. 208; Сайдуллаев 2002. С. 117-120) [55].

В 1989 г. наряду с Виноградовым резкой критике со стороны местной общественности подверглось руководство ЧИГУ во главе с ректором В.А. Кан-Каликом, также несшее ответственность за расцвет и преподавание его концепции в стенах университета, за связанную с этим кадровую политику и за гонения на несогласных, среди которых было немало чеченских и ингушских ученых. Все это теперь воспринималось как злоупотребление властью (Андрусенко 1989; Костоев 1990. С. 48, 53-54; Сайдуллаев 2002. С. 125). Руководство ЧИГУ отвечало на это гневными протестами и подчеркивало благотворность деятельности молодого ректора, занявшего свою должность лишь три года назад и тем самым не причастного к злоупотреблениям эпохи «развитого социализма» (Гришин 1989; Романов 1989). Тем не менее чеченские радикалы включили его, наряду с Виноградовым, в список «врагов народа», и в начале 1992 г. он был похищен, а затем убит неизвестными злоумышленниками (Butkevich 2002. Р. 23).

Сразу после этого Виноградову, почувствовавшему реальную угрозу своей жизни, пришлосьспешным порядком переехать подальше от Чечни в Армавир (Виноградов 1996. С. 37), где он стал профессором кафедры отечественной истории Армавирского государственного педагогического института, а с 1993 г. заведует кафедрой всеобщей истории, а затем кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин. Туда же за ним потянулись и некоторые из его учеников. Там они продолжают разрабатывать концепцию «державного российского присутствия в регионе как гаранта мирного совместного проживания народов, их хозяйственного и культурного сотрудничества» (Дударев и др. 1998. С. 6). Одновременно они приветствуют возрождение территориальных казачьих формирований для поддержания общественного порядка и охраны государственных границ России (Виноградов, Великая 2001. С. 153). Пытаясь также вернуть казакам их «славное прошлое», они прославляют царских генералов, отличившихся своей патологической жестокостью во время Кавказской войны (Виноградов 1992; 2000 а; 2000 б; Матвеев 2001) [56]. Свои такого рода брошюры они предназначают для «патриотической пропаганды» в кубанских школах и вузах.

Между тем вайнахи тоже помнят о жестокости царских генералов, и те вовсе не кажутся им героями (см.. напр.: Катышева, Озиев 1991. С. 21-22; Богатырев, Костоев 2000. С. 74-75). Например, в ноябре 1998 г. в Институте российской истории РАН состоялась защита докторской диссертации чеченским историком С.-А. А. Исаевым «Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.», где он снова доказывал несостоятельность концепции «добровольного вхождения» Чечни в состав Российской империи, протестовал против навязывания им «родового строя», провозглашал имамат Шамиля Чеченским государством и детально анализировал борьбу чеченцев во второй половине XIX в. против колониального режима. Он не соглашался датировать присоединение Чечни к России 1781 годом и относил это к окончанию Кавказской войны (Исаев 1998).

Впрочем, на этот счет имеется и другое мнение, принадлежащее кабардинцу А.М. Гонову, начальнику кафедры государственно-правовых дисциплин Нальчикского факультета Ростовской высшей школы МВД. По его мнению, «вряд ли сегодня будет способствовать улучшению взаимоотношений, связей между народами вытаскивание на поверхность действий в прошлые времена русских царских генералов» (Гонов 1997. С. 6). Имея в виду более свежие события советского времени, его соавтор Н.Ф. Бугай также задается вопросом: «Надо ли реанимировать ту историческую память, которая идет во вред народам, возрождению республики, развитию культуры, заставляет усиленно цепляться за негативное прошлое?» (Бугай 2000. С. 9). Между тем так и не получившее однозначной оценки со стороны российских интеллектуалов это «негативное прошлое» продолжает отдаваться острой болью в сознании тех северокавказцев, которые либо сами, либо через своих предков пострадали от несправедливостей режима.

Мало того, распространенная ныне в России кавказофobia, нередко апеллирующая все к тому же «негативному прошлому», показывает им, что последнее не преодолено и самой российской интеллектуальной элитой [57]. Поэтому-то и местные северокавказские интеллектуалы не спешат отбросить это тяжелое интеллектуальное наследие, придавая ему свое значение, существенно отличающееся от версий прошлого, культивирующихся в федеральном центре.

Глава 9. Ингушский вопрос

Возвращение на родину в 1957 г. не решило многих проблем, стоявших перед ингушами, и даже породило новые. В 1960-1980-е гг. ингуши Пригородного района страдали от безработицы и жесткого паспортного режима, ограничивавшего свободу передвижений. Им даже невозможно было честно и открыто обсуждать проблему сталинских депортаций. Когда в 1963 г. студенты историко-филологического факультета Чечено-Ингушского педагогического института Иса Кодзоев и Али Хашагульгов (1943-2003) рискнули написать о сталинских репрессиях, они были арестованы и вынуждены были провести четыре года в известных своей жестокостью мордовских лагерях (Костоев 1990. С. 28; Яндиева 2002 б. С. 113).

Ингуши чувствовали себя неуютно в составе Северной Осетии и жаловались на дискриминацию, в частности, при приеме на работу. У них не было доступа к властным должностям, их дети не могли в школе учить ингушский язык и не знали ингушской литературы и истории. Кроме того, ингуши страдали от местных органов правопорядка, где их подозревали в преступных наклонностях и пытались искусственно приписать им любые совершенные в республике преступления (И. М. Базоркин 2002 б. С. 216-217, 297-299). Проведенный в Северной Осетии в мае 1992 г. социологический опрос показал, что 67,7 % опрошенных ингушей страдали от недоброжелательности со стороны окружающих (Дзуцев 1995 а. С. 18). Судя по более раннему опросу осени 1991 г., одной из причин этого был ислам, отличавший их там от окружающего населения (Декинова 1997. С. 206). Однако, чтобы не портить отношения с Северной Осетией, власти Чечено-Ингушетии не предпринимали никаких протестных действий и осуждали тех ингушских интеллектуалов, которые пытались поднимать вопрос о положении ингушей в соседней республике.

Между тем ингуши не чувствовали себя дома и в составе Чечено-Ингушской АССР, где они находились в численном меньшинстве и опасались ассимиляции [58]. Они отмечали, что после их отрыва от Владикавказа и объединения с Чечней в 1934 г. у них упал уровень культуры и образования (И.М. Базоркин 2002 б. С. 208-211). Когда в конце 1960-х — начале 1970-х гг. местные ученые начали выдавать термин «вайнахи» за традиционное самоназвание чеченцев и ингушей (Мальсагов 1970. С. 3; Далгат 1972. С. 5), когда ингушский писатель объявил этот этоним их древним самоназванием (Мальсагов 1969. С. 5-6), что было подхвачено местными газетами (см., напр.: Виноградов 1972 б; Калита 1972), все это вызвало возмущение у ингушского писателя И.М. Базоркина. В рассуждениях о «вайнахском народе» он увидел стремление стереть этнические различия между чеченцами и ингушами, что, по его мнению, шло во вред ингушам, обрекая на исчезновение их язык, литературу и их самих. В 1972 г. он отправил несколько писем руководству республики и местным ученым, протестуя против «эпидемии обвайнахивания» (И.М. Базоркин 2002 б. С. 64-79).

Однако все его выступления остались безответными. Вайнахская идентичность десятилетиями продолжала навязываться чеченцам и ингушам [59], и в 1989 г. даже один из лидеров ингушского национального движения Б.Б. Богатырев утверждал, что «чеченцы и ингуши сами дали себе название вайнахи» (Костоев 1990. С. 156). На II съезде ингушского народа в сентябре 1989 г. некоторые из выступавших использовали инклузивные термины «вайнахский народ» и «вайнахская нация»; там даже звучал термин «Вайнахия» (Костоев 1990. С. 140, 150-151, 220). Даже известный чеченский общественный деятель в эмиграции А.Г. Авторханов был убежден в том, что чеченцы и ингуши составляли один народ с самоназванием «вайнах» (Авторханов 2003. С. 8).

Между тем, по свидетельству тонкого знатока местной этнографии Я.В. Чеснова, термин «вайнах» используется основной массой населения только в особой этикетной ситуации: «Так обращаются друг к другу люди, когда они находятся вне Чечни или Ингушетии, друг друга не знают, но предполагают, что они из этих республик» (Чеснов 1999. С. 68). По его наблюдениям, «простые» люди стояли за единство чеченцев и ингушей. Но у многих представителей ингушской интелигенции условия существования ингушей в Чечено-Ингушской АССР вызывали постоянную тревогу. В частности, на том же II

съезде ингушского народа в речах отдельных делегатов выражалось беспокойство тем, что ингуши рассматривались в республике лишь как часть вайнахского народа, и звучали заявления о том, что «ликвидация ингушей как самостоятельной нации принимает... угрожающие размеры» (Костоев 1990. С. 22, 33, 105, 113, 164). Поэтому представители творческой интеллигенции, причем как ингуши, так и чеченцы, всегда стремились подчеркивать культурные различия между своими народами, сколь бы незначительными эти различия ни казались (Чеснов 1999. С. 68, 85).

Напряжение достигло кульминации в 1972 г., когда в Чечено-Ингушетии, наряду с другими республиками, готовились торжественно отпраздновать 50-летие СССР. По словам писателя И.М. Базоркина, взрыв возмущения был спровоцирован секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии Х.Х. Боковым. Тому удалось узнать, что 27 чечено-ингушских коммунистов отправили в ЦК КПСС письмо «О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР» с критикой недостатков в республике. Там, в частности, говорилось о дискриминации чеченцев и ингушей в отношении получения высшего образования и высококвалифицированной работы (Багаев 1993). Ясно, что такое письмо никак не вязалось с активно культивируемыми праздничными настроениями и бурно начатой кампанией по укреплению «дружбы народов». Ведь в ходе этой кампании утверждалось, что в СССР удалось ликвидировать социальную базу для «национальной вражды» (см., напр.: Этенко 1972).

Самого письма Боков не видел, но его осведомители сообщили ему, что там якобы шла речь о Пригородном районе. Тогда 11 апреля 1972 г. он выступил на V пленуме Чечено-Ингушского обкома, посвященном подготовке чествования 50-летия СССР. В своей речи он призывал к усилению борьбы с проявлениями национализма и шовинизма и против «очернения советской действительности» (Идеологическую работу 1972). По словам писателя И.М. Базоркина, он, в частности, нападал на неких «махровых националистов», якобы требовавших возвращения ингушей в Пригородный район. Решение пленума живо обсуждалось во всех низовых парторганизациях, и весть о том, что нерешенная территориальная проблема стала предметом внимания, быстро разнеслась по Ингушетии. Ингуши начали устраивать публичные выступления, где выражали неистребимое желание вернуться на «землю предков» (И.М. Базоркин 2002 б. С. 221-224, 267, 300-304).

Тогда пять авторитетных представителей ингушской интеллигенции — председатель Сунженского райисполкома С.Х. Плиев, зам. начальника управления по использованию трудовых ресурсов при Совете министров ЧИ АССР А.М. Газдиев, писатель И.М. Базоркин, а также Дж. Картоев и А. Куштов — подготовили обстоятельное письмо (в черновом варианте оно называлось «О судьбе ингушского народа») с требованием о возвращении Пригородного района ингушам. В письме предлагалась альтернатива — либо восстановить самостоятельную Ингушскую АССР, либо, чтобы не нарушать территориальной целостности Северной Осетии, создать Осетино-Ингушскую АССР. Авторы письма собрали 4500 подписей и после некоторых колебаний отправились в декабре 1972 г. в Москву, чтобы передать письмо в ЦК КПСС. Однако по звонку из Грозного они были по дороге задержаны, и их настоятельно уговаривали вернуться обратно в республику. Тем временем в Москву срочно отправился Х.Х. Боков. На Курском вокзале он обратился с речью к толпе ингушей, приехавших поддержать тех, кто вез письмо, и уговорил их вернуться. После этого он побывал в ЦК КПСС, где представил дело так, будто речь идет о кучке возмутителей спокойствия, выдвигавших надуманные требования. Поэтому ингушские интеллектуалы встретили там весьма прохладный прием и ничего не добились (Костоев 1995. С. 49; Базоркина 2001. С. 110-111; И. М. Базоркин 2002 б. С. 212, 254, 268, 305 314-315).

Затем 14 января 1973 г. пронесся слух о том, что республику для вручения ей ордена и обсуждения ингушской проблемы посетит М.А. Суслов (1902-1982), и в середине января 1973 г. на встречу с ним в Грозный стали съезжаться ингуши из всех районов республики. Суслов не приехал, но ингуши все же организовали 16-19 января многотысячный митинг на площади Ленина. Митинг имел мирный характер; он проходил под лозунгами дружбы народов, «восстановления ленинских норм», и сами ингуши поддерживали на нем порядок. Они недвусмысленно потребовали от властей решить проблему Пригородного района, в частности обеспечить ингушам социальное равенство с осетинами. Однако отклика со стороны властей они не получили, и митинг закончился столкновениями с милицией и осуждением его наиболее активных участников (Некрич 1978. С. 131-132. 149; Пономарев 1990. С. 7; Куриев 1991; Базоркина 1993. С. 138-139; 2001. С. 112-113; Прозуменников 1997. С. 61-63; Цуциев 1998. С. 80; Патиев 2002 а. С. 30-31; И. М. Базоркин 2002 б. С. 255-256, 269, 305-307; Костоев 2003). Мало того, приехавший в Грозный дня улаживания конфликта председатель Совета министров РСФСР М.С. Соломенцев заявил,

что чеченцы и ингуши были не реабилитированы, а помилованы. И это вызвало у чеченцев и ингушей бурю возмущения (Костоев 1990. С. 85).

Никакого отзыва в официальной республиканской печати все эти события поначалу не получили. Видимо, властям республики не хотелось портить лубочную картинку всеобщего благополучия сразу же после пышного празднования 50-летия СССР и в канун 50-летнего юбилея республики, празднование которого тогда усиленно готовилось. Вместе с тем в докладе первого секретаря Чечено-Ингушского обкома С.С. Апряткина [60] на состоявшемся 6 февраля 1973 г. IX пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС шла речь о «живучести националистических и религиозных предрассудков» и прозвучал призыв давать им более энергичный отпор (Всю энергию 1973. С. 2). Более пространная трактовка недавних событий давалась в материалах, с которыми коммунистов республики знакомили на закрытых партсобраниях. Там события 16-19 января назывались «националистическим выступлением», «проповедью махрового национализма», «разжиганием религиозного фанатизма». Жалобы ингушей на притеснения со стороны осетинских властей отмечались как «демагогические», а требования вернуть ингушам Пригородный район назывались незаконными (Пригородный район 1997. С. 80-84).

Все эти грозные обвинения были многократно повторены на пленуме Грозненского горкома КПСС (Лавриненко, Гогун 1973) и проходивших вслед за тем пленумах республиканских райкомов. Но только на пленуме Назрановского райкома (т. е. района компактного проживания ингушей) были впрямую названы и исключены из рядов КПСС некоторые местные коммунисты (У. Даурбеков, Я. Халмурзаев, З. Мальсагова и др.), уличенные в приверженности этим «предрассудкам» (Валентинов 1973). За канцелярским языком кратких сообщений о рутинных партийных собраниях скрывалось начало кампании по преследованию инакомыслящих ингушей (Некрич 1978. С. 132-137). Действительно, не только участвовавшие в митинге, но и сочувствующие им подвергались гонениям — если не прямым арестам, то исключению из рядов КПСС, увольнению с работы или отчислению из вузов. Именно тогда писателя И.М. Базоркина перестали печатать и его произведения были изъяты из библиотек и школьных программ. Все осетинские учреждения получили от КГБ инструкции, требовавшие «нейтрализации» недовольных. По словам очевидцев, в Чечено-Ингушском университете надолго поселились доносительство и страх (Костоев 1990. С. 85; Базоркина 1993. С. 139-140; 2001. С. 118; Яндиева 2002 б. С. 84-85; Патиев 2002 а. С. 31; Лорсанукаев 2003. С. 141-151).

Особый заряд кампания получила в конце марта 1973 г. на X пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС, специально посвященном идеально-политической работе. Там говорилось о необходимости улучшения интернационалистического воспитания масс и борьбы с «национализмом, идеализацией исторического прошлого и спекуляцией на национальных чувствах». Отмечая отсутствие объективных основ дня национализма в советском обществе, участники пленума возлагали вину за него на «служителей культа», выступавших против «обрусения» чеченско-ингушской молодежи и тем самым якобы разжигавших «религиозный фанатизм и межнациональную рознь». Говорилось и о том, что «националистические предрассудки» использовались ведущейся из-за рубежа антисоветской пропагандой. В борьбе с этим партийным органом предлагалось более активно пропагандировать идеи дружбы народов, советского патриотизма и социалистического интернационализма. Любопытно, что критика недостатков идеально-политической работы адресовалась прежде всего Назрановскому, Малгобекскому и Сунженскому райкомам, т. е. руководству тех районов, чьи жители (ингуши) активно участвовали в январских событиях, а также Грозненскому горкому, их допустившему (Организаторскую и политическую работу 1973). Сразу же после X пленума его решения обсуждались во всех райкомах и горкомах республики, причем в центре пристального внимания обкома снова оказались Назрановский, Малгобекский и Сунженский райкомы (Пленумы 1973). Их названия звучали и на совещании в Совете министров ЧИ АССР, где говорилось о нарушении законодательства в отношении религиозных культов и практик, о вреде паломничества к святым местам, а духовенство снова обвинялось в «разжигании межнациональной розни» (Строго 1973).

В мае на собрании партактива республики в числе «вредных явлений» были упомянуты те традиционные социальные институты и практики, которые помогали чеченцам и ингушам выжить в условиях депортации (Базоркина 2001. С. 36-38). Помимо исламских братств в этом списке значились обычай эндогамии, общинные суды «кхел», обычаи кровной мести, стремление сохранить свою «самобытность» и пр. Докладчики с досадой говорили о том, что, несмотря на активную атеистическую пропаганду, в республике сохранялся высокий уровень религиозности, причем «немало школьников [были] подвержены влиянию религиозных и националистических пережитков» (Улучшить 1973) [61].

Большое место в борьбе с национализмом партийные идеологи уделяли «теории единого потока», представлявшей чеченские и ингушские общества дореволюционной эпохи социально однородными и не желавшей видеть гам классового расслоения, требуемого марксистской доктрины. Разумеется, представление о таких этнических целостностях, готовых в едином порыве решать актуальные политические задачи, идеально соответствовало идеологии национализма. Поэтому термин «теория единого потока» стал в устах местных партийных лидеров и идеологов эвфемизмом для национализма и часто звучал в их обличительных выступлениях. Следует отметить, что еще в начале 1930-х гг. ряд северокавказских авторов, не усматривавших глубокого социального расслоения в местных горских обществах, были обвинены в симпатиях к кулачеству и «буржуазном национализме» (Кундухов 1930; Буркин 1931; 1932). Позднее эта тема была надолго оставлена, и в начале 1960-х гг. «теория единого потока» упоминалась лишь как давно отброшенное наследие дворянско-буржуазной историографии, не имевшее почвы в советском сознании (см., напр.: Саламов 1962; 1964. С. 3; Габисов 1964. С. 151). Между тем начиная с 1973 г. она вновь сделалась актуальной как «вредная националистическая теория», вновь возрождаемая рядом интеллектуалов. Об этом говорилось на X и XIII пленумах Чечено-Ингушского обкома в 1973 г. (Организаторскую и политическую работу 1973; Партийная забота 1973), на II пленуме Чечено-Ингушского обкома в 1974 г. (Повышать действенность 1974), на собрании партактива республики (Улучшить 1973), при обсуждении «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР» в июле 1973 г. (Советский историк 1973), а также в откликах на решения X пленума, опубликованных в газете «Грозненский рабочий» (Овчаров 1973; Ефанов 1975 [62]. См. также: Абазатов 1973. С. 137; Гриценко 1975. С. 9-10). В частности, в приверженности «теории единого потока», а тем самым и в национализме был обвинен писатель И.М. Базоркин (Мамакаев 1973), и пресса делала все, чтобы его опорочить (Феникс 1973) [63].

В июне 1973 г. были поименно названы и исключены из партии все те, кому инкриминировались «националистические антиобщественные проявления». Ими помимо И. М. Базоркина, оказались уже известные нам представители ингушской интеллигенции — С.Х. Плиев, А.М. Газдиев, Д. Картоев и А. Куштов (Организаторскую и политическую работу 1973; Дело 1973; Айдаев 1973; Повышать боеспособность 1973) [64]. Но только в ноябре 1973 г. на XIII пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС власти отважились наконец публично сказать о главном содержании национализма, к борьбе с которым они беспрестанно призывали. Речь шла о «несостоятельности и вредности националистических требований в отношении Пригородного района» со стороны «жалкой кучки националистических элементов» (Партийная забота 1973).

Понимая, что одними репрессиями дела не исправишь, местные власти начали судорожно искать выход из сложившейся ситуации. Вначале они попытались опереться на уважаемых стариков-ветеранов, рассчитывая, что те своим авторитетом поддержат их борьбу с «негативными явлениями» (Дело 1973). Однако мало кто из ветеранов откликнулся на этот призыв: большинство просто ушли от прямого ответа. Хорошо помнившие сталинские репрессии старики были запуганы (Айдамиров 1989) и, соблюдая понятную осторожность, не спешили делиться с властью своими суждениями о происходящем. Не лучше обстояло дело с чеченскими и ингушскими учеными, писателями и художниками, проявлявшими, по признанию С. С. Апряткина, пассивность и безучастность в отношении борьбы с «вредными идеями» (Партийная забота 1973).

Тогда власть попыталась запугать ингушей, напомнив им о выступлениях чеченцев и ингушей против советской власти в период Гражданской войны, об антисоветских восстаниях эпохи колLECTIVизации и о действиях повстанцев в годы Великой Отечественной войны. Вина за все это возлагалась на «некоторую часть чеченско-ингушской интеллигенции и руководящих работников», а также на «контрреволюционные [мусульманские] секты» и давалось понять, что такие люди, мешающие «ленинской дружбе народов» и готовящие «преступление против своей нации», еще не перевелись (Айдаев и др. 1973; Улучшить 1973; Овчаров 1973; Советский историк 1973; Партийная забота 1973; Филькин 1974). Чтобы заставить видных деятелей науки, литературы и искусства подписывать такие статьи, на них оказывалось давление, а за сотрудничество с властью им сулились материальные блага и привилегии (Базоркина 2001. С. 113-114). По словам И.М. Базоркина, этой кампанией руководил Х.Х. Боков (И.М. Базоркин 2002 б. С. 277. См. также: Сайдуллаев 2002. С. 103).

В чиновничьем новоязге вопрос о Пригородном районе получил кодовое название «культ земли предков», в котором местные власти пытались видеть корни всех негативных явлений в республике. В своем докладе на XIII пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС С.С. Апряткин говорил, что «культ земли предков является питательной средой для оправдания самозахватов земли, якобы принадлежав-

шей предкам, закрепления родовых отношений, тейповых обособлений и других отрицательных явлений в семейно-бытовых отношениях» (Партийная забота 1973). Развивая его мысли, сменивший Х.Х. Бокова новый секретарь по идеологии Чечено-Ингушского обкома М.О. Бузуртанов заявлял, что именно «на этом культе спекулируют националистические элементы», и призывал к его развенчанию (Повышать действенность 1974. С. 1). Одновременно для укрепления дружбы с соседними осетинами власти Назрановского района начали организовывать совместные праздники и фестивали с жителями Пригородного района. Однако это слабо помогало в борьбе с «приверженцами культа земли предков», мешавшими местным чиновникам выделять земельные участки приезжим (Гадаборшев 1973).

Все же, по словам И.М. Базоркина, после событий 1973 г. положение ингушей в Пригородном районе несколько улучшилось: на радио и телевидении начались передачи на ингушском языке, ингушский язык появился в школах, в район начала поступать литература на ингушском языке, и ингуши впервые появились среди депутатов Орджоникидзевского горисполкома и Пригородного райисполкома (И. М. Базоркин 2002 б. С. 257). Однако многое осталось прежним: чиновники продолжали чинить препятствия для прописки ингушей, ингушские дети не могли получить нормального образования, продолжалась дискриминация в сфере занятости, и ингуши получали негативное отображение в исторической и художественной литературе. Так, в 1981 г. бывший следователь В. Петухов издал книгу «Следствием установлено», где ухитрился выставить весь ингушский народ преступником едва ли не по натуре, а ислам представить преступной религией. Ингушский писатель И.М. Базоркин воспринял эту книгу как проповедь шовинизма и биологического расизма (И. М. Базоркин 2002 б. С. 96-102).

Не получая удовлетворительного решения, обстановка в Пригородном районе постепенно накалялась. В 1981 г. дело дошло до стычки и целого побоища. Все началось с того, что в марте в селе Чермен [65] была вырезана осетинская семья, а в октябре ингушем был убит осетинский таксист. Его похороны вылились в многолюдный митинг в Орджоникидзе под лозунгами «Осетия без ингушей». Разгоряченная толпа захватила здание обкома и потребовала положить конец «ингушской преступности» и даже снова выслать ингушей в Казахстан. Осетины устремились было в ингушский район, но были остановлены бронетранспортерами. Больших усилий местным властям Чечено-Ингушетии и уважаемым старикам стоило успокоить ингушскую молодежь, готовую броситься навстречу осетинам. Говоря об этом, ингуши с благодарностью вспоминают о решительных действиях первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС А.В. Власова, предотвратившего межэтнические столкновения (И. М. Базоркин 2002 б. С. 341; Базоркина 1993. С. 141; 2001. С. 138). Беспорядки длились три дня (24-26 октября), и для их прекращения против осетин были использованы курсанты Высшего военного командного училища МВД и воинские части, что привело к человеческим жертвам. Всего в октябрьских событиях с осетинской стороны участвовали около 4500 человек, более 800 из них были задержаны, а несколько десятков (по разным источникам, 26 или 40) получили различные сроки наказания (Пономарев 1990. С. 8; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 107; Цуциев 1998. С. 81; Шубин 2001. С. 140-141; Зубкова 2004. С. 20) [66].

Произошедшее обеспокоило власти Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. 8 июня 1982 г. в г. Орджоникидзе произошло совместное заседание бюро Северо-Осетинского и Чечено-Ингушского обкомов КПСС и в торжественной обстановке был подписан план совместных мероприятий по идеино-политическому, интернационалистическому и атеистическому воспитанию трудящихся. В выступлениях руководителей соседних обкомов говорилось об общей судьбе братских народов и о необходимости крепить дружбу на основах «советского патриотизма и пролетарского интернационализма». План мероприятий включал обмен производственным опытом, а для усиления идеино-воспитательной работы предполагалось организовывать слеты ветеранов партии, войны и труда, совместно обсуждать актуальные научные проблемы, проводить обмен лекторами и студентами, устраивать вечера дружбы, обязать СМИ более энергично вести пропаганду дружбы народов. В частности, по случаю приближавшегося 60-летия СССР было решено провести Дни Чечено-Ингушетии в Северной Осетии и Северной Осетии в Чечено-Ингушетии (Семибраторов, Катыхин 1982). После этого в ингушских селах Пригородного района стали уделять больше внимания изучению ингушского языка и развитию ингушской культуры, а некоторые ингуши даже получили доступ к руководящим должностям в СО АССР (Пригородный район 1997. С. 19). И все же ингуши оставались дискриминированным меньшинством (Tishkov 1997. Р. 163).

В Северной Осетии было решено положить конец «территориальным притязаниям», идущим якобы от «националистически настроенных руководителей религиозных экстремистских групп». Одной из таких мер стало «управление некоторыми демографическими процессами», выражавшееся в установлении жесткого контроля за миграцией (Шанаев 1988). В 1982 г. Совет министров РСФСР принял поста-

новление, ограничивавшее прописку в Пригородном районе. Его направленность против ингушей не составляла ни для кого большого секрета (Костоев 1990. С. 30-31, 123; Чахкиев 1991 б. С. 56; Базоркина 1993. С. 141: 2001. С. 141; Алиева 1993. Т. 3. С. 247; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 108; Tishkov 1997. р. 169; Cornell 2001. Р. 253; Ковальская 2003. С. 13). Между тем осетины оправдывали введенные ограничения перенаселенностью района, создающей экологические и экономические проблемы (Галазов 1992; Пригородный район 1997. С. 18-19). Разумеется, все это не могло не сказаться на осетино-ингушских отношениях. Согласно расследованиям, проведенным властями, в 1984-1986 гг. в Северной Осетии были зафиксированы не менее 100 «националистических проявлений» — убийств, осквернений кладбищ, хулиганских действий, связанных с осетинско-ингушским противостоянием (Шубин 2001. С. 141).

Одновременно в осетинской литературе начали проскальзывать заявления о том, что в правобережье Терека ингуши являлись будто бы пришлым населением. Так, в своем исследовании истории осетинских аулов на плоскости осетинский историк Б.П. Берозов вновь вспоминал осетинскую легенду об основании аула Дзауджикуа Дзауагом Бугуловым, бежавшим от кровной мести. И хотя автор объяснял, что тот нашел приют у ингушей и что аул был основан им на стыке Ингушетии и Малой Кабарды, он все же делал упор на том, что в начале XIX в. там совместно жили и осетины и ингуши. По его словам, аул изначально назывался Дзауджикуа по имени своего основателя, и лишь чужеземцы знали его как Заур (Берозов 1980. С. 42-43) [67]. Одновременно формирование осетин этот автор представлял таким образом, будто бежавшие в горы от ужасов монголо-татарского нашествия, а затем и нашествия Тимура, аланы смешивались там с «коренным горным населением (горными аланами)», что и привело к появлению осетинских горных обществ (Берозов 1980. С. 16). Места для субстрата, о котором писал В. И. Абаев, эта версия не оставляла.

Определенную роль в этнической политизации процесса в СССР сыграла конституция 1977 г., предоставившая союзным республикам статус национальных государств, отстаивавших интересы прежде всего титульных наций, т. е. «коренных народов» (Аствацатурова 1997. С. 182). Такого рода рассуждения, отождествлявшие лишь титульную нацию с «коренной», неоднократно повторялись осетинскими учеными (см., напр.: Магометов 1998. С. 62) и подхватывались школьными учителями (об этом см., напр.: Костоев 1990. С. 124). Они-то и позволяли осетинским политикам называть ингушей «представителями некоренной национальности», как это сделал секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС Ю.И. Кониев в своем интервью корреспонденту газеты «Грозненский рабочий» (Шанаев 1988). Одновременно некоторые осетинские ученые называли требование возвращения «так называемых исконных земель» лозунгом, подрывавшим дружбу народов (см., напр.: Дзидзоев 1997; Магометов 1998. С. 54).

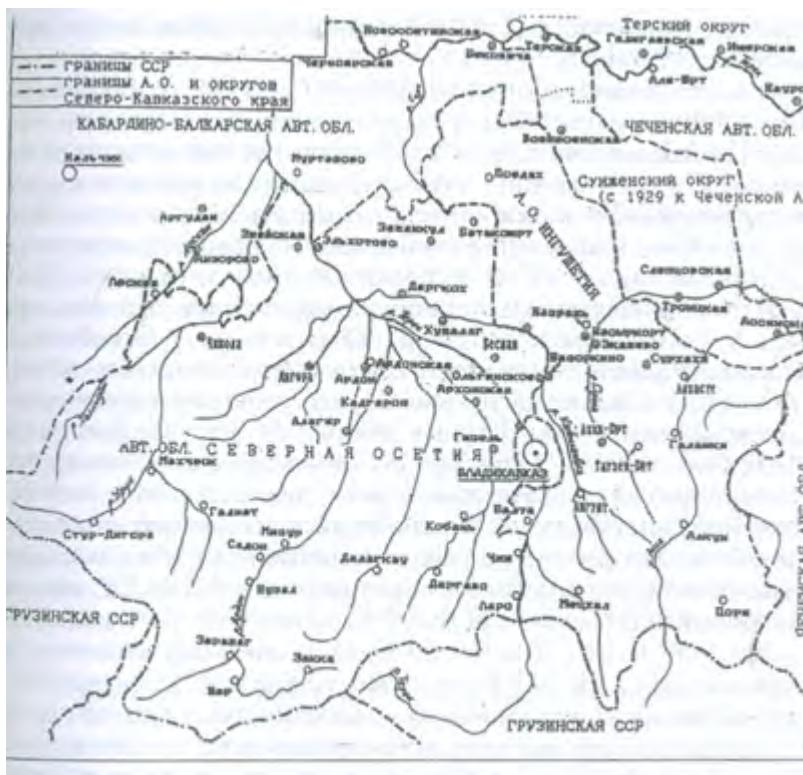
Разумеется, такие заявления возмущали ингушей и вызывали у них бурю протesta [68]. В ответ они заявляли, что «ингуши — коренные жители Северного Кавказа, а осетины — пришельцы» и что Владикавказ был основан на месте ингушского аула (Костоев 1990. С. 16-19, 31-32, 107, 113, 117-118, 120, 141, 190; Чахкиев 1991 б. С. 58; Базоркина 2001. С. 143).

Еще больше ингушей и чеченцев возмутило выступление известного осетинского историка М.М. Блиева. Его статья, вышедшая в 1983 г., произвела эффект разорвавшейся бомбы. Ведь он попытался доказать, что агрессивность, свойственная, по его мнению, чеченцам и ингушам, была будто бы обусловлена формационной принадлежностью горских «вольных» обществ, лишь недавно расставшихся с родоплеменным строем. По его мнению, к началу XIX в. горные жители только еще начали переходить от родового строя к феодализму, и это заставляло их лидеров организовывать грабительские набеги на русские поселения, что будто бы и понуждало царские власти к карательным акциям. Напротив, у обитателей плоскости и предгорий он находил сложившийся феодализм, который, на его взгляд, не только раскалывал общество, но и создавал у большей его части прорусскую ориентацию (Блиев 1983; 1989 б) [69]. По признанию одного из его коллег, тем самым Блиев снял вопрос об «антicolonиальном» движении, и горцы оказались агрессорами, а Россия — оборонявшейся стороной (Дегоев 1997. № 11/12. С. 41-42; 2000. С. 239) в соответствии с известным принципом, обвиняющим жертву в агрессивности. Позднее Блиев как будто бы сделал шаг к отказу от этой концепции. В выпущенном им школьном учебнике говорилось, что именно царское правительство попыталось возложить ответственность за Кавказскую войну на горцев, объявив их склонными к грабежу и хищничеству. Ему же эти обвинения представлялись огульными (Блиев, Бзаров 2000. С. 274). Однако в своей новой книге, выпущенной в 2004 г.. он снова воспроизвел свою любимую концепцию о «дикости» горцев и «грабительских набегах», якобы связанных с их «национальным характером». Вслед за известным своими расовыми представлениями французским автором конца XIX в. Г. Лебоном Блиев заявил, что «веками выработанные поведенческие осо-

бенности народа обычно придают неповторимость его историческому пути». Это якобы и давало ему право писать о «неизменности неординарных волевых и поведенческих качеств чеченского народа», выражавшихся в набегах и похищениях людей равным образом как в XIX, так и в XXI в. (Блиев 2004. С. 43-44). В известном смысле такие настроения стимулировались этнографизацией горцев в советском искусстве, о чем с болью писал И.М. Базоркин (И. М. Базоркин 2002 а. С. 15-16) [70]. Но еще больше они питались романтическими идеями дореволюционной историографии, подновленными марксистской фразеологией [71]. Похоже, что Блиеву и его последователям обвинение ингушей в якобы внутренне присущей им жестокости казалось удачным ходом, способным освободить советских чиновников от ответственности за создание территориальной проблемы. Кроме того, рисуя контрастные образы «мирных» равнинных народов (т. е. осетин) и «воинственных» горцев (т. е. ингушей и чеченцев), Блиев, по сути, пытался взвалить весь груз ответственности за рост межэтнической напряженности на ингушей. Со своей стороны чеченцы и ингуши видели во всех этих взглядах не что иное, как фальсификацию своей истории и культуры (см., напр.: Айдамиров 1989; Бугаев 1989; Акаев, Хусаинов 1994; И. М. Базоркин 2002 б. С. 96-102; Базоркина 2001. С. 137, 143, 164; Ахмадов, Гапуров 2005). Мало того, как мы уже знаем, своей концепцией Блиев фактически возрождал шовинистические взгляды дореволюционных историков Кавказской войны, отвергнутые осетинскими марксистами еще в 1930-е гг. (см., напр.: Гарданов 1935 а).

В октябре 1988 г. протесты ингушей против дискриминации вылились в «Обращение ингушского народа к руководителям ЦК КПСС и Советского правительства», под которым стояло более 50 тыс. подписей. С этим письмом делегация ингушей ездила в Москву, где пыталась ознакомить с ним высших партийных и советских руководителей (Богатырев, Костоев 2000. С. 97-98; Базоркина 2001. С. 144). По словам ингушской правозащитницы М. Яндиевой, в те годы идея полного возвращения этнической территории была лучше осознана ингушами, чем идея обретения собственной государственности. Борьба за Пригородный район стала тогда для них сутью национальной идеи (Яндиева 2002 б. С. 87). В дополнение к этому Р.Ш. Албагачиев и М.А. Ахильгов отмечают, что, во-первых, «для вайнахов своя земля, отчий дом, родные могилы — основополагающие духовные ценности», а во-вторых, Пригородный район является для ингушей не только родиной, но и «символом попранной национальной гордости», что связано с воспоминаниями об ужасах депортации (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 6, 106). Иными словами, борьба за Пригородный район приобрела в глазах ингушей ценностный характер. Важным этапом политической мобилизации ингушей стали митинги в Назрани в феврале 1989 г. в связи с 45-летней годовщиной депортации.

29 мая 1989 г. на заседании I съезда народных депутатов СССР в Москве выступил ингушский учитель истории Х.А. Фаргиеев, напомнивший о геноциде ингушского народа и впервые на таком представительном форуме высказавшийся за восстановление ингушской автономии (Фаргиеев 1989). Затем в ноябре того же года на сессии Верховного Совета СССР он познакомил депутатов со страшными деталями депортации чеченцев и ингушей и потребовал отменить направленное против ингушей постановление 1982 г., запрещавшее прописку в Пригородном районе и г. Орджоникидзе (Алиева 1993 а. Т. 3. С. 247). Ингуши с благодарностью встретили его выступления как первые публично произнесенные слова правды о горькой части своего народа (Базоркина 1993. С. 143; 2001. С. 145; Яндиева 2002 б. С. 87) [72]. В ответ на это представители североосетинской интеллигенции направили в адрес высшего руководства СССР письмо, где перспективы создания ингушской автономии подвергались сомнению, а претензии на Пригородный район с ходу отмечались [73].

*Северная Осетия, Ингушетия и Сунженский округ в 1924—1929 гг.
(по А. Цуцеву)*

Одновременно еще одно письмо было отправлено по тому же адресу от имени жителей с. Сунжа Пригородного района. В нем скрупулезно описывалась история заселения Пригородного района с первобытных времен до XX в., однако наследниками кабардинцев были названы казаки — о том, что в XVIII в. район активно заселялся ингушами, не было сказано ни слова. Выселение казаков в 1918 и 1921 гг. связывалось с давлением ингушей, хотя это делалось на основании общего решения съезда народов Терской области, принятого при активном участии осетинских представителей. Жители с. Сунжа жаловались, что в феврале и мае 1989 г. ингуши проводили демонстративные акции с целью вынудить русских и осетин его покинуть. В частности, говорилось об уничтожении осетинских и русских кладбищ в Назрановском районе (В тумане 1994. С. 129-135).

Вскоре претензии ингушей публично прозвучали на состоявшемся 9-10 сентября 1989 г. в г. Грозном II съезде ингушского народа. Вкратце они сводились к следующему. Ингуши сетовали на то, что после восстановления ЧИ АССР основные промышленные предприятия нефтегазовой отрасли находились на территории Чечни, и поэтому Ингушетия развивалась однобоко и превратилась в аграрный придаток Грозного и Орджоникидзе (Костоев 1990. С. 37) [74]. Они говорили об отставании в образовании, культуре, науке и социальном развитии, о том, что из-за высокой безработицы ингуши вынуждены были искать работу вне республики, в частности в Орджоникидзе, где им приходилось заниматься малоквалифицированным трудом (Костоев 1990. С. 158, 192, 200; Богатырев 1990 б; Патиев 2002 а. С. 29-30). Они приводили факты блокирования выдвижения национальных кадров, принадлежащих к этническому меньшинству, и указывали на дискриминацию коренных жителей в вопросах трудоустройства и особенно доступа к высоким должностям [75]. Это относилось к ингушам как в ЧИ АССР, так и в еще большей степени в СО АССР (Костоев 1990. С. 46-54, 125; Tishkov 1997. Р. 160). Действительно, из-за своей малочисленности (они занимали в ЧИ АССР третье место после чеченцев и русских), ингуши неизбежно оказывались в меньшинстве, даже если им и удавалось занимать высокое положение во властных структурах. Поэтому они не были способны оказывать существенное влияние на принятие решений (Кокорхоева 2002. С. 122; Патиев 2002 а. С. 31; Сампиев 2002. С. 43). Говорилось о том, что после 1934 г. перестал существовать ингушский театр; ингушские актеры дискриминировались (Костоев 1990. С. 66-67). Ингуши Пригородного района также жаловались на дискриминацию (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 75-82). В частности, они выражали недовольство тем, что не имели возможности смотреть телевизион-

ные программы из Грозного и плохо знали о достижениях науки, литературы и искусства Чечено-Ингушетии (Чахкиев 1988).

Ингуши настаивали на восстановлении ингушской топонимики в Пригородном районе и на необходимости поддерживать в порядке памятники ингушским героям Гражданской войны, пришедшие в запустение (Костоев 1990. С. 191). Ингушей Пригородного района обижало то, что им назойливо напоминали об «измене» в годы войны (Костоев 1990. С. 125; Богатырев 1990 б) и априорно обвиняли их в причастности к росту преступности (Костоев 1990. С. 31, 116, 166-167) [76]. Ингуши также протестовали против многолетней антиингушской пропаганды в газете «Грозненский рабочий» (Костоев 1990. С. 108), а также против культивации антиингушских настроений в Северной Осетии (Костоев 1990. С. 116-117, 125). Они с горечью вспоминали о гонениях на лучших представителей ингушской интеллигенции в СО АССР и ЧИ АССР в годы застоя (Костоев 1990. С. 173-174). Ингушей раздражало и демонстративное использование осетинскими радикалами аланской символики (Костоев 1990. С. 118, 146).

Но главным был вопрос о Владикавказе и Пригородном районе, считавшихся ингушами своим историческим и культурным центром, равноценную замену которому они в Чечено-Ингушской АССР так и не обрели (Здравомыслов 1998. С. 41; Кокорхова 2002. С. 139) [77]. Они выражали возмущение фальсификацией истории со стороны осетинских ученых, доказывавших, что предки осетин якобы с древнейших времен проживали там, где сейчас расположены столица Северной Осетии и Пригородный район (Костоев 1990. С. 15-16, 148-149, 162-162. 187-190), или что будто бы ингуши сами по доброй воле отдали их осетинам (Костоев 1990. С. 144-146). Общее чувство, разделявшееся делегатами съезда, выразил С. М. Оздоев: «После восстановления Чечено-Ингушской АССР ингушам не вернули половину исконных земель их предков, оставив эти земли в составе СО АССР» (Костоев 1990. С. 97). В унисон ему один из лидеров ингушского национального движения Б.Б. Богатырев доказывал, что «250 лет назад в равнинной части Северного Кавказа не было ни одного осетина», и заявлял: «Ингушская земля должна принадлежать ингушам, осетинская — осетинам» (Костоев 1990. С. 154).

В резолюции съезда было записано: «В результате длительного игнорирования национальных интересов над ингушским народом нависла угроза его исчезновения как этноса. Отсутствует территориальная целостность, что привело к резкому социально-экономическому отставанию, в зачаточном состоянии находится формирование национального отряда рабочего класса, нет условий для нормального развития национальной культуры, языка, литературы, искусства». Поэтому съезд обращался к высшему руководству СССР с просьбой о «восстановлении автономии ингушского народа в его исконных исторических границах — Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики со столицей в правобережной части г. Орджоникидзе» (Костоев 1990. С. 208-209). Имелось в виду образование отдельной Ингушской республики в составе шести районов традиционного проживания ингушей, включая Пригородный (Костоев 1990. С. 34-35, 157). Побочным результатом такой позиции стало разрушение былого единства с чеченцами, и с этих пор ингуши все реже вспоминали о вайнахской общности [78].

Съезд избрал Оргкомитет по восстановлению Ингушской автономии. Вначале его председателем был избран руководитель народного союза «Нийсхо» (Справедливость) поэт Иса Кодзоев. Однако уже в декабре он был смешен с этого поста и заменен более умеренным лидером, профессором права Б. Сейнароевым (Музаев, Тодуа 1992. С. 35; Гакаев 1997. С. 141).

Весной 1990 г. в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии находилась специальная комиссия, сформированная ВС СССР под руководством А. Белякова для выработки приемлемого решения ингушского вопроса. По итогам своей работы она рекомендовала восстановить Ингушскую Республику, включить в нее Пригородный район и отменить постановление Совета министров СССР от 1982 г. об ограничении в нем прописки. Но А.Х. Галазов, участвовавший в работе комиссии, отказался подписать такое заключение (Беляков и др. 1991).

В Северной Осетии решения ингушского съезда были восприняты как путь к конфронтации (Костоев 1990. С. 228-230; Пригородный район 1997. С. 20). Там отвергали все упреки в дискриминации ингушей, указывали, что более 50 ингушей работали во властных органах СО АССР и 67 — в руководстве органов внутренних дел, заявляли, что у ингушской молодежи имелись льготы при поступлении в североосетинские вузы, и напоминали, что законодательные акты 1957 г. отводили ингушам для проживания территории в пределах Чечено-Ингушской АССР, а о каком-либо возвращении прежних жилищ там речи не было. Тем самым, по осетинской версии, возвращение ингушей в Пригородный район оказывалось нарушением закона, и осетинские власти якобы шли на это из человеколюбивых побуждений. Мало

того, осетинские авторы пытались представить возвращение ингушей как «ползучую оккупацию Северной Осетии» и, напоминая о депортации 1944 г., намекали на то, что она была небезосновательной, ибо среди ингушей было якобы «много предателей». Кроме того, отмечалось, что мощный промышленный комплекс был создан во Владикавказе и Пригородном районе только в послевоенные годы, что лишало требования ингушей реальных оснований (Разум 1990: Логинов 1993 б. С. 407-408, 410-412; Тамарин, Земфиров 1994. С. 30-36; Тотоев 1994. С. 84; В. Д. Дзидзоев 1997; Пригородный район 1997. С. 17-20).

Один из аргументов осетин гласил о том, что в Пригородном районе 70 лет жили казаки, 23 года — ингуши и 45 лет — осетины. А до казаков там якобы последовательно жили ногайцы, кабардинцы и русские. О том, что казачьи станицы были основаны в середине XIX в. в районе, силой очищенном от ингушей, даже не упоминалось. О Владикавказе говорилось лишь то, что там изначально обитали лишь осетины и русские, а ингуши появились якобы лишь после Гражданской войны. Когда эта аргументация была воспроизведена в газете «Правда» (Грачев, Халин 1990) [79], это вызвало бурю возмущения у ингушей, и они даже устроили в Назрани восемидневный митинг протеста (Богатырев 1990 а; Базоркина 1993. С. 144; 2001. С. 153; Мужухоев 1995. С. 93-97; Костоев 1995. С. 21-22; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 30). Выступая на I съезде народных депутатов РСФСР 23 мая 1990 г. и требуя восстановления ингушской автономии, один из ингушских лидеров, Б.Б. Богатырев, заявил в запальчивости, что город Орджоникидзе «был основан ингушами 3,5 тыс. лет назад» (Богатырев 1990 а). Для придания ингушским требованиям особого веса он заявлял, что «Пригородный район — колыбель ингушского народа, его родина», и утверждал, что ингуши жили на месте г. Орджоникидзе с эпохи неолита (Богатырев 1990 б).

В ответ на это осетины в свою очередь устроили 24 мая 100-тысячный митинг протеста в г. Орджоникидзе и осудили то, что они называли территориальными притязаниями ингушей (Кузнецов 1990 в; Катышева, Озиев 1991. С. 15, 31; В тумане 1994. С. 136-138; Мамсиров 1994. С. 165). Затем эти протесты повторились на Чрезвычайной сессии Верховного Совета Северо-Осетинской АССР 14 сентября 1990 г. (Об общественно-политической ситуации 1990). Кроме того, там ингушам вновь напомнили о действиях многочисленных банд в горах Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны, об их связях с вермахтом и о зверских расправах над красноармейцами. А трагедия в Хайбахе называлась «клеветой на советскую армию» [80]. Более всего в этом усердствовал бывший секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС по идеологии Ю.И. Кониев, ставший председателем Комитета по вопросам законодательства ВС Северной Осетии. Он же призывал формировать в Пригородном районе отряды самообороны из осетин и русских (Об общественно-политической ситуации 1990. С. 2) [81].

Напряжение нарастало, и в марте-апреле 1991 г. в Назрани состоялись многотысячные митинги с единственным требованием возвращения Пригородного района. В середине апреля радикальные лидеры «Нийсхо» попытались устроить «мирный поход на Владикавказ», и хотя вскоре им пришлось от этого отказаться, власти Северной Осетии были не на шутку встревожены. После столкновения осетин с ингушами в селении Куртат 19 апреля 1991 г. они ввели с санкции Москвы чрезвычайное положение в Пригородном районе и г. Владикавказе, и дискриминация ингушей усилилась (Музаев, Тодуа 1992. С. 38; Гакаев 1997. С. 146; В тумане 1994. С. 7).

Тем временем в Москве проходил II Внеочередной съезд народных депутатов, где развернулись бурные дебаты по поводу текста закона о реабилитации репрессированных народов. Наибольшие разногласия вызвали его 3-я и 6-я статьи, говорившие о территориальной реабилитации. Их противники, среди которых наиболее активными были осетинские делегаты, предупреждали, что новый передел территорий приведет к обострению межэтнических отношений. В лучшем случае они были готовы принять эти статьи с поправкой, требовавшей предварительно согласовать такую передачу земель с теми, кто там обитает в настоящее время. Противники спорных статей отмечали, что они противоречат конституционному положению о незыблемости государственных границ и готовят новую несправедливость для людей, ныне живущих на спорных территориях (см., напр.: Галазов 1992; В тумане 1994. С. 5; Джатиев 1994. С. 140-141; Кучиев 1997. С. 115). В ответ их оппоненты утверждали, что речь идет, во-первых, не о государственных, а об административных границах внутри единого государственного пространства, а во-вторых, о территориях, которые исконно принадлежали репрессированным народам (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 93, 97-98, 105; Богатырев, Костоев 2000. С. 4). Поэтому ингуши наотрез отказывались принимать поправки к этим статьям. Однако в те годы отдельные российские республики уже начали воспринимать себя как особые государства, хотя и входящие в состав России. Отдавать свою территорию соседям никто не хотел. Все же после бурных дебатов закон был принят 26 апреля 1991 г. на

сессии ВС РСФСР безо всяких поправок [82]. Это вселило в ингушей надежду на то, что их проблема вскоре будет позитивно решена (Богатырев 1991).

Однако сразу же после принятия этого закона в ЦК КПСС стали поступать многочисленные письма, с одной стороны, от граждан, живших на спорных территориях и опасавшихся новых этнических чисток, а с другой, от лидеров самых разных национальных движений, выдвигавших территориальные требования, нередко конфликтующие друг с другом. Эти письма были рассмотрены отделом национальной политики ЦК КПСС, который еще раз поставит вопрос о выработке законодательных механизмов защиты жителей спорных территорий и предупредил о вероятности межэтнических конфликтов, провоцировавшихся законом (Алиева 1993 а. Т. 3. С. 267-271; Артизов 2003. С. 610-611). Однако никаких действенных мер против возможных конфликтов интересов принято не было, и в этом отношении Постановление Верховного Совета РСФСР о переходном периоде (Артизов 2003. С. 611) помочь не смогло.

После осетино-ингушского конфликта, о котором речь еще впереди, все недостатки закона «О реабилитации репрессированных народов» стали очевидны (Здравомыслов 1998. С. 50-53). С тех пор он неоднократно обсуждался и перерабатывался российскими парламентариями (см., напр.: Ас-Алан, 2001. № 1. С. 191). Однако его новой редакции так и не появилось. Ведь, как справедливо пишет западный автор, «этнические чистки обычно проводятся в условиях войн или диктатуры, и восстановление прежней ситуации при демократии мирного времени оказывается чрезвычайно трудной задачей». По его словам, это — «ящик Пандоры, дающий пищу для пограничного спора» (Smith 1998. Р. 91).

Впрочем, и среди ингушских политиков не было единого понимания дальнейшей политической судьбы своего народа. В соответствии с договоренностью с властями Северной Осетии ингуши подготовили документы по реализации закона «О реабилитации репрессированных народов», и 18 августа 1991 г. представители Чечено-Ингушетии прибыли во Владикавказ для переговоров, однако там выяснилось, что осетинская сторона еще не была к этому готова. Попытка путча, происходившего в последующие дни, спутала все карты, и радикально изменившаяся в стране обстановка позволила североосетинскому руководству затягивать решение вопроса (Боков, Чабиев 1994. С. 22-23). Это заставило активизироваться радикально настроенных ингушских лидеров и привело к расколу в среде ингушских политиков. 15 сентября 1991 г. на съезде депутатов от Ингушетии, созванном лидерами «Нийсх», было объявлено о создании отдельной Ингушской республики в составе РСФСР. Устроители этого съезда И. Кодзоев и глава администрации Назрановского района А.-Х. Аушев (бывший первый секретарь Назрановского рай-

кома КПСС) тут же отправились в Грозный и передали решение съезда в руки деятелей ОКЧН [83]. Против этого тогда выступил Оргкомитет по восстановлению Ингушской государственности, организовавший 6-7 октября 1991 г. III съезд ингушского народа. Этот съезд высказался против выделения Ингушетии из состава Чечено-Ингушской республики до возвращения всех «аннексированных земель» и объявил решение от 15 сентября лишь «декларацией о намерениях». На съезде был также избран Народный Совет Ингушетии (НСИ) (Костоев 1995. С. 13-14; Гакаев 1997. С. 199; Богатырев, Костоев 2000. С. 8, 22).

Положение вновь изменилось после драматических событий начала ноября, выявивших курс Чечни на полную независимость от России. В середине ноября Богатырев провел переговоры с Ельциным о дальнейшей судьбе ингушей, и российский президент поддержал план создания Ингушской Республики с включением в ее состав Пригородного района и части г. Владикавказа. После этого 30 ноября и 1 декабря 1991 г. в ингушских районах Чечено-Ингушетии по инициативе НСИ был проведен референдум, показавший, что подавляющее большинство ингушей поддерживало планы создания отдельной Ингушской республики в составе РСФСР. Тем самым ингуши надеялись на поддержку российских властей в получении Пригородного района и стремились избежать ассимиляции с чеченцами. Результаты референдума сыграли ключевую роль в принятии 4 июня 1992 г. закона РФ «Об образовании Республики Ингушетия» (Костоев 1995. С. 14; Богатырев, Костоев 2000. С. 8. 23, 35; Данлоп 2001. С. 129; Lieven 1998. Р. 70; Smith 1998. Р. 108). Однако среди ингушских лидеров произошел раскол: И. Кодзоев поддержал Дж. Дудаева, а Б. Богатырев и Б. Сейнароев стояли за создание Республики Ингушетия в составе России (Тернистый путь 1992. С. 84).

20 октября 1992 г. после переговоров с лидерами НСИ Государственная комиссия РФ вынесла решение о проведении границы между Северной Осетией и Ингушетией по состоянию на 23 февраля 1944 г. Иными словами. Пригородный район должен был войти в состав Республики Ингушетия, и это следовало сделать до 31 декабря 1992 г. Однако осетинские власти выступали категорически против передачи ингушам территории, которые они считали своими (Костоев 1995. С. 16: Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 103).

О дальнейшем развитии событий у ингушской и осетинской сторон имеются свои диаметрально противоположные версии: обе стороны обвиняют друг друга в заранее спланированной агрессии, обе обвиняют федеральные власти в поддержке противоположной стороны [84]. Ясно лишь одно, что в России имелись силы, заинтересованные в том, чтобы раздуть осетино-ингушский конфликт, втянуть в него Чечню и под этим предлогом положить конец «чеченской революции» (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 124, 127-130). Однако, предвидя такой оборот, Дж. Дудаев благоразумно устранился от участия в надвигающемся конфликте.

Между тем после серии убийств на территории Пригородного района граждан ингушского происхождения ингушские депутаты обратились 23-24 октября 1992 г. в Верховный Совет и правительство РФ с просьбой направить специальную комиссию в пограничную осетино-ингушскую зону, чтобы предотвратить надвигающийся конфликт, но ничего этого сделано не было. Тогда собравшиеся 24 октября в поселке Южном руководители Пригородного района призвали все местные сельсоветы к заявлению о выходе из состава Северной Осетии и вхождении в Ингушетию в соответствии с законом РФ. Кроме того, там была сделана попытка создания ингушских отрядов самообороны. В конце октября дело дошло до вооруженного столкновения, причем осетинская сторона опиралась на поддержку российской армии. 20 октября осетинским БТРом была задавлена ингушская девочка, а двумя днями позже работники осетинской ГАИ застрелили двоих ингушей (Албагачиев. Ахильгов 1997. С. 120-123). К этому времени обе стороны уже были хорошо вооружены, и 31 октября после провокационного обстрела ряда ингушских селений разгневанные ингуши ринулись на Владикавказ. Они были не без труда остановлены российскими войсками и осетинскими отрядами самообороны (Дементьева 1994: Ковальская 2003. С. 14; Tishkov 1997. Р. 178-179; Smith 1998. Р. 109).

1 ноября Богатыревым был организован Чрезвычайный комитет по спасению ингушского населения. Его деятельность спасла жизнь многим ингушам, вовремя эвакуированным из зоны боевых действий (Костоев 1995. С. 16-17). Столкновение длилось шесть дней (31 октября — 5 ноября) и происходило в очень жестоких формах. По официальным данным, в вооруженных стычках погибли 546 человек (среди них 407 ингушей и 105 осетин), более 650 человек были ранены (среди них 168 ингушей и 418 осетин), а более 49 тыс. ингушей оказались в положении беженцев (Цуциев 1998 а. С. 5) [85]. Поданным ингушских авторов, ингуши потеряли убитыми 434 человека, 240 человек пропали без вести, 24 500 человек оказались в заложниках. От 60 до 70 тыс. ингушей стали беженцами [86]. Несколько ингушских сел

были полностью уничтожены. Из 4 тыс. ингушских домов уцелели лишь около 800. Было утрачено до 90 % культурно-исторических ценностей ингушского народа (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 73-74, 132).

10 ноября на территорию Республики Ингушетия были введены российские войска. Они заняли позиции вдоль ее административной границы с Чечней, и это подтвердило предположения тех, кто видел в осетино-ингушском конфликте прелюдию к активным силовым действиям против Чечни (Goldenberg 1994. Р. 201-202; Богатырев, Костоев 2000. С. 37-39). О том, что конфликт имел скрытые пружины, свидетельствует и тот факт, что работа следственной группы, образованной 29 января 1993 г. для расследования его обстоятельств и привлечения виновных к суду, так и не дала никаких результатов (Патиев 2002 б. С. 16).

28 ноября 1992 г. главой Временной администрации Ингушетии был назначен генерал-майор Р.С. Аушев, готовый к компромиссам и больше устраивавший московские власти, чем непримиримый Богатырев. Чтобы снизить накал страстей, он временно запретил деятельность всех общественно-политических организаций ингушей [87]. Одновременно, опираясь на бывших ингушских партийных и комсомольских деятелей [88], а также выходцев из своего тейпа, он создал «Национальный фронт Ингушетии». 28 февраля 1993 г. в республике, насчитывающей около 200 тыс. человек, были проведены безальтернативные выборы президента Ингушетии, на которых абсолютным большинством голосов (99,94 %) победил Р. Аушев (Костоев 1995. С. 17-22, 30-31). Незадолго до этого Сейнароев добровольно сложил с себя полномочия председателя запрещенного к тому времени НСИ, что ослабило эту организацию и помогло победе Аушева (Костоев 1995. С. 32).

Пытаясь найти выход из тяжелого положения, сложившегося вследствие осетино-ингушского конфликта, Аушев вынужден был декларировать отказ от каких-либо претензий на Пригородный район. На этих основаниях он подписал 20 марта 1993 г. в Кисловодске соглашение с Северной Осетией о мерах по решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев, а затем 7 декабря 1993 г. подтвердил эту позицию на нальчикском совещании руководителей республик, краев и областей Северного Кавказа. Правда, Аушев не оставил идеи о возвращении Пригородного района (Зайнашев 1995), и позиция ингушей по вопросу о судьбе этой территории отличалась неустойчивостью и вызывала сложности на каждом этапе переговоров, которые поэтому шли с трудом (Пачегина 1994 б). Наконец, 11 июля 1995 г. президенты двух соседних республик, Аушев и Галазов, подписали соглашение об отказе от каких-либо территориальных притязаний друг к другу (Костоев 1995. С. 101-103). Всем этим Аушев навлек на себя гнев ингушских радикалов, обвинивших его в предательстве (Костоев 1995. С. 26-27, 42, 68-71; Богатырев, Костоев 2000. С. 50). Тем не менее миротворческая деятельность Аушева нашла поддержку у некоторых других ингушских политиков (см.. напр.: Кодзоев 2000) и положила начало решению проблемы беженцев и вынужденных переселенцев, возвращение которых шло с августа 1994 г. (Патиев 2002 б. С. 40). Эта политика увенчалась осетинско-ингушским договором «Об урегулировании отношений и сотрудничестве между Северной Осетией — Аланией и Республикой Ингушетия», подписанным Аушевым и Галазовым в Москве 4 сентября 1997 г. (Патиев 2002 б. С. 63). Правда, все это не привело к полному улаживанию конфликта, и эксцессы продолжались. Например, в сентябре 1998 г. снова происходили столкновения осетин с ингушами в Пригородном районе (Патиев 2002 б. С. 70-71). Все же ингуши стали возвращаться в свои прежние жилища. К 1997 г. вернулось 11-12 тыс. человек (Гаглоев 1997), но затем этот процесс, похоже, застопорился, так как к 2002 г. эта цифра не увеличилась (Ковалевская 2003). Однако возвращение ингушей вызывает тревогу у некоторых глашатаев осетинской национальной идеи, и они предсказывают новый всплеск межэтнической вражды (см., напр.: Блиев 1999. С. 324).

Между тем принятый ВС РФ 3 июля 1992 г. закон «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации», требовавший к 1 июля 1995 г. окончательно установить все административно-территориальные границы, так и не был выполнен. В мае 1993 г. этим вопросом занималась специальная комиссия Российской Федерации, а в июле 1993 г. в Грозном был подписан договор между Чечней и Ингушетией о принципах определения границ их территорий. С тех пор этим занимались несколько разных комиссий, но границы Республики Ингушетия остаются до сих пор неопределенными. Это касается не только Пригородного района, но и Сунженского района, на который претендуют одновременно и Ингушетия, и Чечня (Патиев 2002 б. С. 20, 24).

Вместе с тем, несмотря на все усилия Аушева, в Ингушетии не оставлены и надежды на возвращение Пригородного района. Статья 11 Конституции Республики Ингушетия, принятой в 1993 г., объявляла «важнейшей задачей государства» «возвращение полиглическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия». Этую

позицию разделяет и ингушский историк М.Б. Мужухоев, утверждающий, что «длительная борьба ингушей за возвращение отторгнутых в свое время сталинско-бсриевским режимом земель справедлива...» и что поэтому ингуши никогда не откажутся от своих земель (Мужухоев 1995. С. 109). В конце 2000 г. председатель парламента Республики Ингушетия Р. Плиев выступил от лица депутатов республиканского парламента с заявлением, где вновь объявил Пригородный район «не только родиной, но и собственностью ингушского народа», возвращения которой ингуши будут настойчиво добиваться (Плиев 2001). В апреле 2001 г. суд Сунженского района Республики Ингушетия принял обращение к Правительству Российской Федерации с просьбой приостановить «юрисдикцию органов исполнительной власти Республики Северная Осетия — Алания на территории Пригородного района и части Малгобекского района в границах 1944 г. до государственно-территориального разграничения между РИ и РСО-А». Тот же суд подчеркнул принадлежность указанных районов Республике Ингушетия, и в ноябре это было поддержано Верховным судом республики (Патиев 2002 б. С.95).

Правда, в октябре 2002 г. президентами Северной Осетии и Ингушетии Александром Дзасоховым и Муратом Зязиковым было подписано соглашение о добрососедских отношениях. Однако дискриминацию ингушей на территории Пригородного района это не устранило: некоторые села или даже улицы в отдельных селах остаются для них «закрытыми». Ингуши имеют право возвращаться лишь в четыре села Пригородного района (Дачное, Куртат, Чермен, Тарское), а также в поселок Карца Промышленного района Владикавказа. Кроме того, через два года в связи со зверским захватом боевиками, среди которых было несколько ингушей, школы в Беслане 1-3 сентября 2004 г. взаимоотношения осетин с ингушами вновь обострились. С большим трудом властям Северной Осетии удалось остановить осетин от ингушских погромов в селах Пригородного района, планировавшихся 5 сентября. Но 8 сентября демонстранты во Владикавказе потребовали выслать в трехдневный срок всех проживающих в республике ингушей. В результате если в первой половине 2004 г. в Северную Осетию вернулась 31 ингушская семья, то после событий в Беслане этот процесс снова остановился. 28 марта 2005 г. ингушская оппозиция сделала попытку вновь выступить с требованием возвращения Пригородного района, но власти республики резко ее пресекли (Максимов, Латышев 2005). Однако территориальные границы Республики Ингушетия до сих пор остаются неустановленными, и это создает почву для новых конфликтов.

Тем временем Республика Ингушетия живет своей жизнью и занимается созданием нормальной государственной инфраструктуры. В 1994 г. были принятые герб и гимн республики, заложена новая столица, получившая название Магас. Центральным элементом герба стала боевая башня, играющая, как мы знаем, важную роль в историческом сознании ингушей. Строительство столицы было завершено к концу 1998 г., и в январе следующего года туда переехали президент и правительство республики. Торжества по случаю открытия новой столицы республики проходили 11 июня 1999 г. В конце 2001 г. президент Аушев добровольно сложил с себя полномочия, и после новых выборов, состоявшихся в апреле 2002 г., новым президентом Ингушетии стал генерал-майор М. М. Зязиков (Патиев 2002 б. С. 98-101).

Герб Республики Ингушетия

В апреле 1994 г. в Назрани был открыт Исламский институт, а в сентябре — Ингушский государственный университет. Осенью было принято решение о создании Ингушского историко-архитектурного музея-заповедника под открытым небом. Одним из первых республиканских законов стал закон «Об охране, реставрации и использовании памятников истории и культуры», принятый 20 февраля 1995 г. За ним в августе 1997 г. последовал закон «Об археологическом наследии». В январе 2001 г. правительство Республики Ингушетия приняло постановление «Об отнесении памятников истории и культуры (археологии) Республики Ингушетия к памятникам республиканского значения». Все это показывает то большое значение, которое власти современной Ингушетии придают историко-культурному наследию (Патиев 2002 б С. 42, 46, 63, 94).

Подчеркивая свою приверженность исламу, ингуши открыли в августе 1996 г. центральную мечеть в Назрани. Однако их ислам явно отличается от канонического и скорее связан с идентичностью, как это уже отмечалось социологами для Северного Кавказа в целом (Крицкий 1995. С. 110). Ведь в сентябре того же года в Ингушетии был торжественно открыт бюст одного из первых ингушских советских политиков И.Б. Зязикова, что противоречит исламским нормам (Патиев 2002 б. С. 57). В то же время в Ингушетии принимаются суровые меры против ваххабизма. Его осуждение прозвучало на республиканской конференции, проходившей в Назрани 30 июля 1998 г., после чего за пропаганду идей ваххабизма была закрыта школа арабского языка в Малгобеке. Эти действия были легитимизированы 8 декабря 1998 г. законом, направленным против экстремистских религиозных организаций и разжигания религиозной розни (Патиев 2002 б. С. 69-70, 73).

Глава 10. Ревизионизм и его истоки

Как мы видели, возвращение из депортации не решило многих проблем чеченцев и ингушей, и в последние десятилетия СССР их не переставало мучить чувство ущемленности. Эти ощущения и обиды чеченский писатель С.-Х.М. Нунуев характеризовал следующими словами: «В республике не было ни одной мечети, но в центре города [Грозного] на проспекте Ленина стояла действующая православная церковь. Не было ни одного отдельного памятника чеченцу или ингушу, но в центре города были десятки памятников выходцам из России, включая памятник колонизатору Петру Ермолову. Оставил печальный след в душах населения шумное празднование псевдонаучной концепции 200-летия добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России...» (Магомедхаджиев, Ахмадов 1995. Вып. 2. С. 8).

В этих условиях чеченские и ингушские интеллектуалы весьма болезненно реагировали на любые высказывания, задевавшие, по их мнению, их национальное достоинство. Один из таких выпадов они усмотрели в книге искусствоведа А.Ф. Гольдштейна «Башни в горах», вышедшей в 1977 г. Хотя ее автор с большой симпатией писал о культуре чеченцев и ингушей, он отмечал, что их древнее прошлое было плохо известно, так как они находились на периферии цивилизации и мало общались с внешним миром. В его изложении они впервые вышли на историческую арену лишь в XII в. и тут же попали под сильное влияние Грузии; даже в XVIII-XIX вв. их культура, по его словам, была отсталой. Он также омолодил процесс проникновения ислама в плоскостную Чечню, отнеся его к XVIII в. Кроме того, он утверждал, что чеченцы и ингуши не знали классового расслоения (Гольдштейн 1977. С. 204-213). Все это было воспринято местными интеллектуалами с негодованием. Один из них, писатель Ю.А. Айдаев, работавший тогда редактором в газете «Комсомольское племя», написал рецензию, где ссылался на «вайнахские этнонимы», известные античным и раннесредневековым авторам, отмечал, что часть чеченцев приняли ислам еще в XVI в., и протестовал по поводу утверждения о бесклассности средневекового вайнахского общества (Айдаев 1991). Однако в те годы его рецензия, как и другие подобного рода рецензии его единомышленников, осталась ненапечатанной.

Невозможность правдиво описывать события недавнего прошлого, связанные с Кавказской войной, сталинскими репрессиями и депортацией, заставляла чеченских и ингушских историков искать славные страницы истории в отдаленном прошлом. Это и стало сверхзадачей для их нового поколения, которое в противовес официальной версии истории, принижавшей их далеких предков и фактически оставлявшей их без национальных героев, пыталось создавать свои альтернативные версии прошлого, рисовавшие притягательный образ золотого века. Кроме того, борьба с исламом, достигшая в Чечено-Ингушетии кульминации в 1970-х гг., самым парадоксальным образом также стимулировала местных

историков и интеллектуалов к поискам золотого века. Действительно, в центре официальной пропаганды лежала идея о том, что хорошие «жизнеутверждающие» национальные обычаи и обряды, «возвеличивающие силу и красоту человека», родились задолго до ислама и не были с ним никак связаны. В свою очередь, как доказывали пропагандисты, исламские праздники навязывали людям слепую покорность судьбе, пассивность и рабскую психологию (Ведзижев, Чахкиев 1973; Умаров 1978). Очевидно, то же самое относилось и к христианским праздникам. Поэтому «радость жизни» оставалось искать в далеком прошлом, не связанном с влиянием мировых религий. Отчаянная борьба Виноградова и его учеников (Виноградов, Мамаев 1985; Дударев 1988) с этой тенденцией большого успеха не имела.

Ревизионистское направление, призванное расчистить в глубоком прошлом место для вайнахских предков, возникло в научной мысли Чечено-Ингушетии в 1960-х гг., а его мужание происходило в 1970-1980-х гг. в борьбе с официозными концепциями истории. В центре внимания ревизионистов были вопросы эволюции и смены религии на Северном Кавказе, этноязыковой принадлежности его древних обитателей и их происхождения, а также история заселения плоскостной территории.

Одним из первых ревизионистские идеи стал выдвигать специалист по научному атеизму А.И. Шамилев. Еще в 1963 г. он выступил с предположением о том, что ислам появился в Чечне не в XVII в., как это было принято в науке (см., напр.: Базоркин 1964. С. 43; Смирнов 1967. С. 279; Крупнов 1971. С. 178-179), а в XV в. (Шамилев 1963. С. 24). В этом его убеждал прежде всего мавзолей Борга-Каш в Назрановском районе, датированный началом XV в. (Шамилев 1969. С. 240). Действительно, в довоенное время встречалось предположение о том, что строителями мавзолея были предки чеченцев (Соколов 1936. С. 627). Однако, во-первых, этот мавзолей располагался на плоскости, где в тот период ни чеченцев, ни ингушей еще не было, а во-вторых, как надежно установили специалисты, он был создан тюркскими племенами — либо ногайцами (Лавров 1964; 1966. С. 200-203; Виноградов 1982 а), либо крымскими татарами (Семенов 1928 г. С. 229; 1956; 1988. С. 29; Базоркин 1961; 1964. С. 47; 2002. С. 27-28) [89], и именно они были мусульманами на равнинной территории Ингушетии к началу XV в. Между тем Шамилев всеми силами стремился доказать, что мусульманство оказывало влияние на Чечню еще в эпоху Золотой Орды (Шамилев 1969. С. 239-240). Однако в 1970-х гг. в период активизации антиисламской пропаганды эти его взгляды не находили большой поддержки у чеченских и ингушских ученых. Напротив, ингушский археолог М.Б. Мужухоев показывал, что в XVI в. ислам мог проникнуть только к ауховцам, жившим в Дагестане; в горах Восточной Чечни он начал распространяться только в XVII в., а Чечня в целом была исламизирована лишь в XVIII в. Ингуши, жившие на плоскости, познакомились с ним в XVIII в., а их горные сородичи — веком позже (Мужухоев 1979). В конце 1960-х гг. по инициативе Чечено-Ингушского обкома КПСС Шамилев был уволен из Чечено-Ингушского НИИ за свои нетрадиционные взгляды, признанные националистическими. После этого ему пришлось работать грузчиком, и от непосильного труда он рано умер (Баталова 1999. С. 75).

Если в написании глав о происхождении и ранней истории чеченцев и ингушей в рассмотренных выше «Очерках» сами чеченцы и ингуши еще не принимали участия, то к 1970-м гг. среди них появились профессиональные археологи, бывшие ученики Е.И. Крупнова, жаждущие сказать свое слово о древности своих вайнахских предков. Одним из них был М.Б. Мужухоев, защитивший в 1972 г. в Институте археологии АН СССР кандидатскую диссертацию о средневековой материальной культуре горной Ингушетии. Его работа была в основном посвящена доказательству самобытности ингушской архитектуры, и он с гордостью называл боевые башни «высшим достижением народного зодчества» (Мужухоев 1977. С. 41). Исходя из этого, он вступал в спор с рядом грузинских авторов, пытавшихся, как мы знаем, оспорить у ингушей славу строителей этих величественных сооружений. У него же не было сомнений в том, что последние впервые возникли на территории Ингушетии, откуда впоследствии и шло их распространение в соседние районы (Мужухоев 1977. С. 45-48; 1995. С. 34-36, 42-44).

Доказывая самобытность вайнахской культуры, Мужухоев, вслед за своим учителем Крупновым (Крупнов 1971. С. 195-197), отмечает, что принесенное из Грузии в XII в. христианство было преходящим явлением и не проникло глубоко в толщу местной культуры. Оно затронуло ее лишь весьма поверхностно; чеченцы и ингуши остались верны своим исконным языческим традициям. По мнению Мужухоева, местная горская архитектурная школа даже повлияла на особенности самого замечательного из местных грузинских храмов, Тхаба-Ерды (Мужухоев 1977. С. 121-133, 140; 1995. С. 42). Любопытно, что, зная о грузинских надписях, обнаруженных в 1920-х гг. Семеновым, Мужухоев даже не пытался представить их первыми опытами по выработке вайнахской письменности (Мужухоев 1977. С. 135; 1989. С. 58). Как видно, грузинское влияние, в свое время подчеркивавшееся Крупновым (Крупнов 1971. С. 43-44, 49-52),

не казалось Мужухоеву сколько-нибудь важным фактором в средневековой истории вайнахов, и он ограничивался по поводу того лишь беглыми комментариями.

В своей новой книге, вышедшей в 1989 г., Мужухоев еще более решительно выступил против тех, кто пытался делать акцент на высокой роли христианства в прошлом у народов центральной части Северного Кавказа. Дискуссия об этом имеет свою историю. Вначале Л.П. Семенов предложил эволюционную схему, по которой древнейшими религиозными сооружениями на территории Ингушетии были христианские храмы, построенные грузинами. Затем с упадком христианства они перестраивались язычниками и превращались в «христианско-языческие» святыни, а еще позднее — в языческие капища (Семенов 1928 в). В 1957 г. он уточнил, что «двоеверие» вело к тому, что так называемые «христианские церкви», включая и Тхаба-Ерды, со временем превращались в святыни (Семенов 1988. С. 27-28). Развивая эту идею, некоторые советские исследователи писали о «христианско-языческих храмах», имея в виду тот факт, что в ингушских святынях сочетались языческие и христианские черты (Виноградов 1985 а. С. 14-16; Великая, Чахкиев 1988. С. 140; Мамаев 1988. С. 144-145). Мужухоев шел еще дальше и вовсе отвергал попытки интерпретировать ряд своеобразных святынь как изначально христианские постройки. Больше того, он объявлял некоторые расположенные в Северной Осетии ранние христианские церковные здания (Нузальскую часовню, Авд-Дзуар и пр.) [90] языческими строениями, которые лишь позднее были использованы христианами для своих нужд (Мужухоев 1985; 1989. С. 32-42; 1995. С. 77-84) [91].

Кроме того, Мужухоев брал под сомнение универсальную интерпретацию креста как символа христианства. Действительно, специалистов давно смущали крестовидные каменные надгробные стелы, расположенные над мусульманскими погребениями (Базоркин 1964. С. 37), и изучавший их московский археолог В.И. Марковин предполагал, что в них следует видеть не изображение креста, а стилизованные человеческие фигуры, оставшиеся в наследие от раннего ислама или даже от языческой эпохи (Марковин, Кузнецов 1961. С. 104-105; Марковин 1963. С. 277. См. также: Смирнов 1967. С. 278). Соглашаясь с этим, Мужухоев шел еще дальше и, ссылаясь на этнографические наблюдения, не без оснований доказывал, что и христианские распятия использовались местными горцами как «языческий» культовый инвентарь (Мужухоев 1977. С. 133-135; 1989. С. 52). Иными словами, следуя традициям советского атеизма, носившим в Чечено-Ингушетии особенно агрессивный характер, Мужухоев пытался всячески подчеркивать устойчивость языческого наследия и прижимать роль монотеистических религий, против которых было направлено жало советского атеизма.

Впрочем, стремление Мужухоева развенчать христианское прошлое восточных алан имело еще одну причину. Отказывая осетинам в праве на единоличное владение аланским историческим наследием, он хотел свести на нет какие-либо культурные различия между плоскостными аланами и горцами. Это давало ему возможность, во-первых, легитимизировать права вайнахов на участие в деле аланского прошлого, а во-вторых, подкрепить концепцию «двуприродности» осетин, местными предками которых, по его мнению, выступали древние нахские группы (Мужухоев 1995. С. 86-93). Тем самым осетины возвращались в лоно северокавказских горцев и теряли возможность претендовать на какие-либо особые права — политические или территориальные. Следовательно, по мысли ингушского ученого, концепция «двуприродности» осетин, говорящая о гетерогенности средневекового аланского массива и лишающая осетин чувства исключительности, была способна сгладить осетино-ингушские противоречия (см., напр.: Мужухоев 1995. С. 98-99).

Другая идея ревизионистов заключалась в том, что древнейшее население всех центральных горных районов Северного Кавказа было нахоязычным. Выше упоминалось о том, что в начале 1960-х гг. чеченский лингвист К.З. Чокаев предположил, что до появления на Северном Кавказе ираноязычных кочевников его центральные районы были населены нахоязычными группами, одни из которых были позднее иранизированы и стали предками осетин, а другие, претерпев серьезные культурно-языковые изменения, превратились в балкарцев и карачаевцев (Чокаев 1964). Мы видели также, что идея о древнейшем вайнахоязычном пласте была учтена авторами «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР». В начале 1970-х гг. ученик Крупнова чеченский археолог С.Ц. Умаров, ссылаясь на единые этнокультурные корни горцев, о которых писал его учитель, попытался в газете «Социалистическая Осетия» доказать близкое родство между осетинами и вайнахами. Делая акцент на общекавказском субстрате, создавшем основу для горской культуры, он отождествлял этот субстрат с «протовайнахской этнической средой» (Умаров 1988. С. 32). Между тем, включая территорию Чечено-Ингушетии в состав Аланского государства, он подчеркивал, что там и тогда обитали вайнахи (Умаров 1975).

К началу 1980-х гг. чеченский филолог Я.С. Вагапов (р. 1933) пошел еще дальше и начал доказывать, что аланы были нахоязычны. В детстве Вагапов испытал все тяготы депортации и рано потерял родителей. По возвращении на родину он учился на историко-филологическом факультете Чечено-Ингушского государственного педагогического института (ЧИГПИ). Затем он прошел там курс аспирантуры и защитил диссертацию по теме «Чечено-ингушские историко-этнические песни». И хотя он доказывал, что в песнях говорилось о дружбе с соседними народами, ему запретили их публиковать под предлогом их воинственного характера. Поэтому ему пришлось сменить тему и заняться творчеством современных чеченских писателей. Однако и это ему было непросто, так как с начала 1960-х гг. он заслужил славу «националиста». Поводом к этому послужило его выступление в защиту первого руководителя Чеченской автономной области Т. Эльдерханова, которого после 1925 г. в партийных кругах было принято обвинять в национализме. Это стоило Вагапову научной карьеры, и по окончании института он был отправлен учителем в сельскую школу. Однако вскоре ему все же удалось поступить в аспирантуру ЧИГПИ, но и это не принесло ему большого успеха. Ярлык «националиста» не позволил ему получить работу в институте, и он в течение ряда лет работал переводчиком в местной газете «Ленинский путь».

Лишь с большим трудом Вагапову удалось в 1967 г. вернуться в ЧИГПИ и получить доступ к преподавательской и научно-исследовательской работе. Однако вскоре он собрал данные о дискриминации чеченцев и ингушей в сфере науки и образования, и они были использованы в 1972 г. при составлении известного «письма 27». В последующие два года его постоянно обсуждали на партсобраниях, заставляя признать свои «ошибки». Так как он упорно отказывался это сделать, он был в 1974 г. уволен из ЧИГПИ, получив строгий выговор по партийной линии. После этого он не мог получить работу в Грозном, и ему пришлось на некоторое время стать сезонным рабочим строительной бригады, работавшей в разных регионах России за пределами ЧИ АССР. Все же в 1976 г. ему удалось снова вернуться в науку, получив место в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы. Однако вскоре он и там допустил «идеологическую ошибку», дав положительный отзыв на рукопись К.З. Чокаевой, признанную местным партийным руководством «порочной и ненаучной» [92]. С тех пор научные работы самого Вагапова стали подвергаться бдительному контролю. Наконец, выступив в 1983 г. наряду с рядом других чеченских ученых против концепции «добровольного вхождения», он снова потерял работу в научном институте. В течение нескольких лет ему пришлось работать вначале на консервном заводе, затем на нефтедобываче в Тюмени. Лишь в годы перестройки он получил работу в Государственном университете Чеченской республики, а затем стал заместителем директора по науке в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук Чеченской республики (Багаев 1993).

Вместе с тем, несмотря на все свои злоключения, Вагапов не бросал научной работы. С 1970-х гг. он заинтересовался историческим языкоизнанием. Он выступил с критикой идеи о том, что аланы могли прийти на Северный Кавказ откуда-то извне, и утверждал, что «термины алан и ас (аш) нахоязычны и не могут служить аргументами в пользу теории об ираноязычности алан Северного Кавказа» (Вагапов 1980 а; 1980 б. С. 80). В 1990 г. он издал целую книгу, где, развивая идею Джавахишвили, попытался доказать, что «сарматский» язык, по крайней мере частично, являлся нахским по происхождению (Вагапов 1990 а. См. также: Плиев 1995). Обнаружив «нахские термины» на всей сарматской территории, он пришел к выводу о большой роли «нахоязычного этнического компонента» в сарматской среде. Что же касается алан, то, по его мнению, среди них «нахоязычное население составляло основной костяк» (Вагапов 1990 а. С. 106-110). Он даже предполагал, что готский историк Иордан отчасти мог иметь алансское (т.е. вайнахское) происхождение (Вагапов 1990 а. С. 99-101) [93]. Идеи Вагапова о близости сарматов и алан к предкам вайнахов были поддержаны известным чеченским языковедом И.Ю. Алироевым, назвавшим книгу Вагапова «бестселлером» и «открытием в области языкоизнания» (Алироев 1990 б).

Тем временем чеченские и ингушские ученые начали доказывать, что первобытные поселения, раскопанные археологами на плоскости, были оставлены далекими предками вайнахов. Еще в конце 1960-х гг. известный нам Шамилев убеждал своих читателей в том, что горцы заселяли плоскость задолго до XVI-XVII вв., когда об их расселении с гор начали говорить письменные источники (Шамилев 1969. С. 238-239).

Чеченский археолог М.Х. Багаев ставил вопрос о смешанном характере населения Терско-Сунженской равнины, или плоскостной зоны Чечено-Ингушетии, в глубокой древности и в раннем Средневековье. Идею о том, что в домонгольский период на равнинах правобережья Терека могли обитать вайнахские группы, он высказал впервые в виде гипотезы в конце 1960-х гг. Все же тогда он признавал, что в V-XII вв. значительную часть плоскости занимали ираноязычные аланы, оставившие там

многочисленные археологические памятники. Однако он предполагал, что некоторые вайнахские группы тоже могли входить в аланский союз, а затем в Аланское государство. Он высказывал догадку о том, что вайнахи сохранялись на равнине и в XIII-XIV вв. (Багаев 1968. С. 59-61, 70-71; Багаев, Петренко, Умаров 1968. С. 313). Вместе с рядом других авторов он настаивал на том, что окончательное передвижение горцев на равнину началось в XV в., причем возглавляли его чеченцы, а ингуши присоединились к ним много позднее (Багаев, Петренко, Умаров 1968. С. 316-317).

В 1970-х гг. его взгляды сделались радикальнее, и он начал утверждать, что относительная однородность материальной культуры скрывала тот факт, что в Аланское царство входили и вайнахи. О них, на его взгляд, говорили некоторые специфические украшения, хранившие память о кобанской культуре. А наличие вещей, типичных для степной зоны Восточной Европы эпохи раннего Средневековья, он объяснял широкими внешними связями местных кавказских племен. На этом основании он делал вывод о том, что «во все эпохи, в том числе и в период раннего Средневековья, вся нынешняя территория Чечено-Ингушетии (как плоскостная, так и горная) была равномерно заселена местными племенами» (Багаев 1975). Однако, по мнению других археологов, никаких археологических данных о расселении вайнахов на плоскости в домонгольский период не обнаруживалось (Виноградов, Мамаев 1979. С. 79).

Представление об «алано-чеченцах» находило спрос у чеченских аспирантов. Один из них опирался на чеченское предание [94] о том, что их предки обитали в степной зоне вплоть до монголо-татарского нашествия. Он даже отважился предположить, что сам термин «чеченцы» мог возникнуть в домонгольскую эпоху (Хизриев 1974. С. 5-9). Его поддержала Т.А. Исаева, полагавшая, что при каждом крупном нашествии степных кочевников местные жители уходили с равнины в горы, но затем столь же регулярно возвращались назад. По ее мнению, так и происходило с вайнахами в монгольскую эпоху (Исаева 1974. С. 23). В рукописи своей кандидатской диссертации, подготовленной для защиты в Институте истории СССР в Москве в 1976 г., Т.А. Исаева, по слонам Е.Н. Кушевой, всеми силами пыталась доказать, что еще в XVI-XVII вв. чеченцы и ингуши жили в левобережье Терека (см. также: Исаева 1974) [95], т. е. на казачьих территориях, переданных Чечено-Ингушской АССР только в 1957 г., хотя это мало соответствовало историческим документам (Кушева 1993. С. 148). В окончательном тексте своей диссертации она от этого отказалась, но сохранила идею о том, что в XVI в. чеченцы обитали не только в предгорьях, но и в южной части плоскости вплоть до среднего течения Сунжи, где сейчас расположен г. Грозный (Исаева 1976. С. 13-14). Описывая историю карабулаков, сотрудница Чечено-Ингушского краеведческого музея Г.А. Гантемирова утверждала, что вайнахи жили на равнине вплоть до XIII-XIV вв., когда почти все они были там истреблены монголами (Гантемирова 1975. С. 68).

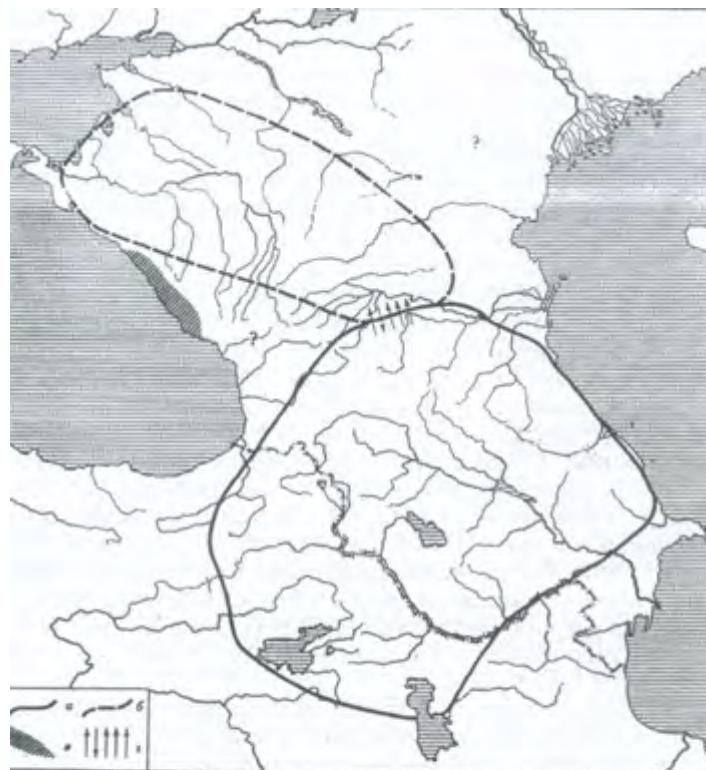
К началу 1970-х гг. такие представления были достаточно популярными и находили место даже в художественной литературе. Например, ингушский писатель А.П. Мальсагов называл Терек «древней рекой вайнахов» (Мальсагов 1969. С. 13, 97). Ясно, что во всем этом подспудно выражались те настроения, о которых ингуши открыто заявили в январе 1973 г.

Отчасти все указанные авторы опирались на работы В.Б. Виноградова, писавшего о том, что до нашествия сарматов местные кобанцы расселялись на плоскости вплоть до степных районов междуречья Кумы и Терека и что именно сарматы оттеснили предков вайнахов в горы (Виноградов 1963. С. 64, 134-135, 151; 1980 а. С. 15). Из его же популярных произведений следовало, что с восстановлением мирной обстановки предки вайнахов спускались с гор в предгорья и смешивались с пришельцами (Виноградов 1970. С. 45).

На самом же деле массовое передвижение горцев-кобанцев в предгорья и на соседние равнину фиксировалось только в самом начале I тыс. до н. э., вероятно, по хозяйственным мотивам в связи с развитием яйлажной системы скотоводства (Дударев 1979). Грунтовые погребения, связанные, по предположению ученых, со скифизированными кобанцами, встречались в Терско-Сунженском междуречье лишь до IV в. до н. э., после чего их ареал сдвинулся в горы, и на равнинах Центрального Предкавказья они больше не встречались (Ковалевская 1985. С. 50). В алансое время, как писал тот же Виноградов, характерных для горцев каменных ящиков и склепов на плоскости также не было; зато там обнаруживалась масса аланских катакомб. Специалисты полагали, что на плоскости тогда полностью доминировали аланы; зато в предгорьях происходило их смешение со спускавшимися с гор аборигенами, предками вайнахов (Виноградов, Мамаев 1979. С. 78-79). Дополнительные материалы о таком смешении, начавшемся еще в сарматскую эпоху, археологи получили во второй половине 1980-х гг. (Виноградов, Савенко 1988).

В поисках древних великих предков некоторые авторы шли еще дальше и пытались искать их в области становления древнейших цивилизаций. Пищу для этого давали сенсационные открытия советских лингвистов, установивших родство нахско-дагестанских языков с хуррито-урартскими (Дьяконов, Старостин 1988; Дьяконов 1989) и этрусско-урартским (Орел, Старостин 1989). а хаттского с абхазо-адыгскими (Иванов 1985). Выяснилось, что, вопреки более ранним представлениям, языки северокавказской семьи не находились в родстве с картвельскими. Однако где располагалась прародина северокавказских языков, лингвистам было неясно. И.М. Дьяконов, например, помещал ранних носителей хуррито-урартских языков к востоку от Тбилиси и полагал, что они расселялись на юг из Закавказья (Дьяконов 1989). Однако эта гипотеза была лишь одной из возможных и далеко не самой популярной.

Все эти идеи были озвучены на Всесоюзной конференции, состоявшейся в г. Орджоникидзе 14-16 сентября 1987 г., и с энтузиазмом восприняты чеченскими и ингушскими интеллектуалами как указание на участие своих отдаленных предков в создании древнейших переднеазиатских цивилизаций. Так, молодой сотрудник Чечено-Ингушского НИИ безоговорочно отождествлял предков нахов с «частью хурритов (нахаринцев)» и находил «дзурдзуков» в Урарту. При этом в отличие от М. Базоркина он видел предками ингушей только исторических кистов, а дзурдзуков зачислял в предки чеченцев (Джамирзаев 1980; 1991). В свою очередь, сотрудник Чечено-Ингушского государственного объединенного музея, краевед Л.О. Бабахян, населял Урарту и некоторые другие ранние государства Передней Азии предками вайнахов, которые будто бы под давлением киммерийцев и скифов переселились оттуда в первой половине I тыс. до н.э. на Кавказ, влившись в состав родственных им носителей «кобанской» и «куро-араксской» культур, появившихся там много раньше (Бабахян 1984; 1998). По мнению Бабахяна, поиски предков нахов в Передней Азии были способны подтвердить единство происхождения всех основных кавказских народов, доказать их родство и братские отношения (Бабахян 1990). Хотя в своей работе Бабахян опирался на целый ряд научно установленных фактов, он дал им достаточно вольную интерпретацию, не выдерживающую научной критики (Дударев 1988; Виноградов 1989 в. С. 65; Багаев 1998).

Основные культуры раннего бронзового века Кавказа
(по Р. М. Мунчаеву)

- а — куро-араксская
- б — майкопская
- в — очаковская
- г — зона взаимодействия куро-араксской и майкопской культуры

Тем не менее такие смелые построения оказывали магнитическое действие и находили спрос у широкой публики. В период перестройки они начали появляться на страницах местной прессы в виде утверждений о «переселении нахских племен из Урарту» (Яндарбиев 1988) или вообще о движении вайнахских культуртрегеров через Кавказ с юга на север (Бакаев 1989; Бакаев, Нуныев 1991. См. также: Баксан 1998; Нуныев 1998; 2003). Ведь родство вайнахских языков с хуррито-урартскими означало для некоторых чеченских и ингушских интеллектуалов подтверждение этнического родства вайнахов с хуррито-урартами. Об этом говорилось в докладе Х. Бакаева на Всесоюзной научной конференции «Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов», проходившей в октябре 1989 г. в г. Грозном (Григорьев 1989) [96]. В этой обстановке учеными из Чечено-Ингушетии был по-новому поставлен вопрос о происхождении нартского эпоса как хуррито-урартского наследия (Бакаев, Дударев 1989), хотя эта гипотеза не получила всеобщего признания (см., напр.: Дзиццойты 1992. С. 106).

В 1980-х гг. наметилось существенное разделение в понимании древней истории вайнахов между учеными из федерального центра (Москвы, Ленинграда) и русскими учеными Грозного, с одной стороны, и многими чеченскими и ингушскими специалистами, с другой. Если первые стремились проявлять максимум осторожности при работе с источниками, то вторые в той или иной мере находились под влиянием национальной идеи, заставлявшей их отступать от принятой ортодоксии и развивать достаточно рискованные ревизионистские подходы. Кроме того, параллельно начало формироваться направление, которое можно было бы назвать альтернативной историей. Оно было представлено увлеченными национальной идеей дилетантами и даже некоторыми местными учеными, подхватывавшими неортодоксальные идеи, упрощавшими их и выстраивавшими из этого великий этногенетический миф.

Разумеется, это деление не передает всех оттенков спектра, ибо, во-первых, с ростом новых данных представители первой группы корректировали свои теории, и уже поэтому их было бы неправомерно считать «упертыми ортодоксами». Во-вторых, в эту группу входили и некоторые чеченские и ингушские специалисты, для которых ценность научной методологии была выше национальной идеи. В-третьих, в стремлении решать насущные национальные задачи некоторые ученыe выходили далеко за рамки научных обсуждений и занимали место в третьей группе. Власти стремились всеми силами сдерживать развитие ревизионистского направления. Для этого использовались не только жесткая научная критика (Виноградов, Мамаев 1985; Дударев 1988), но и административные меры. Например, в 1976 г. власти наложили арест на подготовленную К. З. Чокаевым книгу «Язык и история вайнахов», названную А. В. Власовым «идеологически порочной и ненаучной». В свою очередь, все работы Я. С. Вагапова, доказывавшего нахоязычие сарматов, в обязательном порядке подлежали рецензированию осетинских ученыx, неизменно дававших отрицательные отзывы (Багаев 1993).

В 1970-1980-х гг. «Очерки» 1967 г. были сочтены устаревшими, и по заданию Чечено-Ингушского обкома КПСС ученыe республики готовили к изданию «Историю Чечено-Ингушской АССР» в нескольких томах. В конце 1980-х гг. этот труд был почти полностью завершен, однако революционные события рубежа 1980-1990-х гг. предрешили его судьбу, и он так и не появился в печати. Между тем в 1980-х гг. местные археологи во главе с В. Б. Виноградовым выработали новый подход к ранней истории вайнахов. Они постарались учесть надежно установленный лингвистами факт родства нахско-дагестанских языков с хуррито-урартскими и, со ссылкой на это, предполагали, что носители нахско-дагестанского праязыка пришли на Кавказ с юга. Однако оставалось неясным, можно ли связывать их передвижение с куро-аракской культурой III тыс. до н. э. или же последнюю следует отождествлять только с хуррито-урартами, допуская, что носители нахско-дагестанских языков продвинулись на Северный Кавказ за тысячу лет до их прихода. В любом случае они считали доказанным, что в эпоху ранней бронзы хуррито-урарты (т. е. носители куро-аракской культуры) продвинулись далеко на север и оказали влияние на носителей нахско-дагестанских языков. В эпоху среднего бронзового века археологи обнаруживали в Дагестане и Чечне культурное единство и связывали его с «прадагестанско-нахским этническим массивом», или «восточнокавказской культурно-исторической общностью». В позднем бронзовом веке это единство распалось: в восточном ареале возникла каякентско-харабаевская культура с локальными вариантами, причем дагестанские памятники этой эпохи уже отличались от памятников Восточной Чечни. Ситуацию усложняли импульсы с севера из степной зоны, которые археологи приписывали влиянию индоевропейцев. На рубеже II-I тыс. до н. э. в Чечено-Ингушетию проникли какие-то кобанские группы — их-то археологи и были склонны отождествлять с протовайнахами. Из смешения этих кобанцев с местными харабаевцами и возникла этническая среда, послужившая основой формирования протовай-

нахской общности на всей территории между верховьями Кубани и Юго-Восточной Чечней. В скифское время кобанская культура начала смешиваться с пришлыми иранскими элементами и претерпела большие изменения. Этот процесс активизировался особенно в сарматскую эпоху, когда часть прото-вайнахов («дзурдзуки») переселилась в горы Грузии, а их сородичи, жившие на плоскости, получили название «гаргареи». Теперь Виноградов уже не сомневался в принадлежности этого термина древним вайнахам и даже предполагал, что он отражает возникновение у них «элементов сознания своего родства» (Виноградов, Дударев, Бакаев 1985). Это предположение уже выходило за рамки допустимого, ибо термин «гаргареи» не являлся их самоназванием, и даже оставалось неясным, насколько он вообще применим к правайнахам.

Несколько лет спустя Виноградов внес в эту схему корректизы. Теперь он склонен был говорить об «индоевропейском (или сильно индоевропеизированном) облике куро-араксинцев (пракартвелов)» (как это следовало понимать и почему куро-араксинцы обязательно должны были быть «пракартвелами», оставалось неясным). Ко второй половине III тыс. до н. э. он относил появление в Закавказье хурритов, оттеснивших «часть куро-араксинцев» в центральные районы Северного Кавказа (не объяснялось, с какими именно археологическими памятниками следовало идентифицировать этих «хурритов»). Вместе с тем появление правайнахов он связал не с «куро-араксинцами», а с пришлыми хурритами в силу отмеченного выше языкового родства. Мало того, важнейшим фактом раннего этногенеза вайнахов называлось смешение хурритов с индоевропейцами, и оставалось неясным, куда же исчезли «пракартвелы» с их куро-аракской культурой. Зато протовайнахский язык теперь был назван ответвлением общехурритского (Великая, Виноградов, Хасбулатова, Чахкиев 1990. С. 14-16), чего не утверждал ни один из современных лингвистов. Язык носителей кобанской культуры теперь тоже был объявлен «близким хурритскому» (Великая, Виноградов, Хасбулатова, Чахкиев 1990. С. 17). Контактам кобанцев со степняками раннего железного века давалась прежняя характеристика, однако их результатом теперь называлось формирование «средневековой аланской народности, питавшей сложение большинства народов Северного Кавказа». Иными словами, специфическая связь алан с одними лишь осетинами отрицалась, хотя тут же говорилось о «чересполосном проживании алан и нахоязычного населения» (Великая, Виноградов, Хасбулатова, Чахкиев 1990. С. 18).

Таким образом, несмотря на все старания археологов, древняя и раннесредневековая история вайнахов оставалась весьма смутной и порождала больше вопросов, чем ответов. Однако рассмотренная схема содержала ряд положений, представлявших большую важность для самосознания чеченцев и ингушей. Это, во-первых, приход отдаленных предков с цивилизованного юга, в особенности тесная связь и даже близкое родство с хурритами; во-вторых, заселение предками вайнахов центральных горных районов Северного Кавказа еще в эпоху бронзы, т. е. раньше, чем там появились их современные соседи; в-третьих, их обитание на плоскости в сарматскую эпоху; в-четвертых, их генетическая связь, по крайней мере с частью алан, и равноправное участие в развитии Аланского государства. Кроме того, появилось новое положение о «царстве Симсим», якобы формировавшемся в Чечне накануне нашествия Тимура (Великая, Виноградов, Хасбулатова, Чахкиев 1990. С. 19), — речь шла будто бы о первом собственно чеченском государственном образовании [97].

Одним из первых среди чеченских историков вопрос о загадочной стране Симсим поднял Х. Л. Хизриев, скрупулезно проанализировавший сообщения о походе Тимура и попытавшийся доказать, что тот с боями прошел через всю территорию Чечено-Ишущетии до Дагестана. Встречавшийся в источниках термин «Симсим», вызывающий большие споры, Хизриев однозначно отождествил с Чечено-Ингушетией (Хизриев 1984. С. 27; 1992 а. С. 85-86). Между тем независимый анализ связывает страну Симсим времен Тимура с пограничной областью, охватывавшей равнину Восточной Чечни (Ичкерии) и примыкающую к ней часть Кумыкской равнины, где тогда правил мусульманский тюркоязычный правитель (Ртвеладзе 1976. С. 118-119) [98]. В ту эпоху Ичкерия находилась под сильным тюркским влиянием, и даже само ее название имеет тюркское происхождение и означает «внутреннее место». В Ичкерии до сих пор сохранилось немало тюркской топонимики. Некоторые исследователи объясняют это тесными контактами между чеченцами и кумыками в прошлом (Умаров 1968. С. 237—238), а другие даже предполагают, что в XIV в. Ичкерию занимали тюрки (Ртвеладзе 1976. С. 118-119).

2-6 сентября 1991 г. в Шатое (Чечня) проходила первая и последняя Всесоюзная научная конференция, специально посвященная происхождению нахских народов (Мужухоев 1991 б). Она отчетливо выявила расхождение взглядов между учеными из федерального центра, с одной стороны, и их чеченскими и ингушскими коллегами, с другой. Первые (В. П. Алексеев, Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин, В. И.

Козенкова) делали акцент на автохтонности предков вайнахских народов на Северном Кавказе, хотя и допускали определенную роль в их этногенезе пришельцев из Передней Азии. Но приход последних относился к такой древности (ранний бронзовый век), что не мешал представлению об автохтонности. Говоря об устойчивости правайнахского населения в Восточном Предкавказье, М. П. Абрамова допускала, что даже в раннем Средневековье, несмотря на наплыv ираноязычных алан, на плоскости Чечено-Ингушетии оставались анклавыaborигенных обитателей (Абрамова 1991).

Гораздо более смелые построения позволяли себе чеченские и ингушские ученые. М. Х. Багаева возмущало утверждение о том, что чеченцев как народности в Средневековье будто бы еще не было. По его мнению, носители нахско-дагестанских языков обитали в Чечено-Ингушетии и Дагестане еще в V-IV тыс. до н. э., а нахские племена отделились от этой общности в III тыс. до н. э. и сложились в «nahский этнический массив» в XIV-VII вв. до н. э. Он доказывал, что еще тогда возникли два союза племен — один в горах («ламарой»), другой («аараан nah») — на равнине в междуречье Сунжи и Терека. По его словам, появление степных кочевников заставило последних осознать себя «единым нахским народом». Мало того, он доказывал, что, наряду с возникшим на равнине Аланским государством, в предгорьях тогда же сложилось нахское государство Дзурдзукетия, население которого сознавало себя вайнахами (Багаев 1991. См. также: Багаев 2003. С. 333-334). М. Б. Мужухоев и Х. Бакаев отожествляли кобанскую археологическую культуру с древними вайнахами и находили вайнахов среди обитателей плоскости аланскоj эпохи. При этом если Бакаев ограничивался утверждением о том, что до появления осетин территорию Осетии населяли вайнахи, то Мужухоев видел в плоскостных жителях «племя орстхойцев», или «нахоязычных аргов», будто бы веками занимавших эти земли, пока их оттуда не вытеснили монголо-татары (Мужухоев 1991 в. С. 23; 1992 б; Бакаев 1991. См. также: Мужухоева 1991; 1995. С. 7-8; Танкиев 1991). С. М. Джамирзаев считал нахско-дагестанскую общность, материальное воплощение которой он видел в куро-аракской культуре, ответвлением более раннего хуррито-урартского массива (Джамирзаев 1991), а писатель С.-Х. Нуныев, исходя из языкового родства вайнахов с хуррито-урартами, доказывал, что предки вайнахов пришли из района древнейших переднеазиатских цивилизаций (Нуныев 1991. См. также: Нуныев 1998; 2003). Р. Д. Арсанукаев и Я. С. Вагапов предполагали участие древних нахов в развитии скифской, сарматской и аланскоj культуры (Арсанукаев 1991; Вагапов 1991 а). А. Х. Танкиев доказывал, что нартский эпос начал формироваться среди древних вайнахов, живших на равнине (Танкиев 1991).

Отвергнув некоторые радикальные суждения, участники конференции пришли к выводу о том, что чеченцы и ингуши были автохтонным населением, формирование которого шло на Кавказе непрерывно в течение тысячелетий, что в древности и в Средние века они обитали в Центральном Предкавказье, горах Центрального Кавказа и соседних районах южного склона Кавказского хребта. Было также подчеркнуто, что вайнахи, наряду с другими группами, активно участвовали в сложении и развитии кобанской и аланскоj культуры в горах и на равнине (Мужухоев 1991 г).

Таким образом, одной из главных идей ревизионистов была мысль о том, что предки вайнахов занимали равнину до прихода туда ираноязычных кочевников. Многие авторы упорно продолжают искать предков вайнахов на плоскости в раннем железном или даже в бронзовом веке (Багаев 1988; Хожаев 1993 б; Мужухоев 1995. С. 7-11), причем в зависимости от собственной этнической принадлежности некоторые из них стремятся к еще более точной идентификации и объявляют древнейших обитателей равнину предками ингушей (Кодзоев 1994 а) или даже орстхойцев (Мужухоев 1991 а; 1992 б; 1995. С. 14).

Из всего перечисленного очевидно, что ревизионистские концепции включали несколько принципиально важных идей: во-первых, большую древность вайнахов на их современной территории; во-вторых, представление об их гораздо более обширном ареале в древности (включая Осетию) и об их участии в качестве субстрата в формировании некоторых соседних народов; в-третьих, их тесную связь с древнейшими цивилизациями Передней Азии; в-четвертых, их обитание на плоскости в течение тысячелетий и участие в развитии аланскоj культуры; в-пятых, их едва ли не первостепенную роль в сложении нартского эпоса; наконец, в-шестых, наличие у них древней государственности. Все это возвышало их над соседними народами, создавая им образ «старшего брата», и, как мы увидим ниже, давало право новым чеченским политикам претендовать на главенство на Северном Кавказе, если не на Кавказе в целом. Наконец, созданный чеченским этнографом С. А. Хасиевым образ традиционной чеченской историософии, основанной на идеи циклического времени, позволял надеяться на возвращение золотого века, к чему чеченцам предлагалось всеми силами стремиться (Хасиев 1991). Все эти идеи пришли как

нельзя кстати и очень скоро стали востребованы чеченскими и ингушскими политиками. Зато вопрос о религии на этом этапе, похоже, еще не имел большого значения.

Прямая преемственность от алан к осетинам однозначно воспринимается и осетинами, и их соседями как легитимное право Республики Северная Осетия на все занимаемые ею земли. Это и имелось в виду осетинским руководством, добавившим к названию государства термин «Алания». Именно такой подход демонстрировался в вызвавшей скандал у ингушей статье «Северная Осетия: на перекрестке эпох», изначально подготовленной осетинскими историками в качестве справки дня комиссии Верховного Совета СССР, работавшей в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии в связи с обращениями ингушей. Там наряду с описанием отступления алан в горы от наседавших татаро-монгольских полчищ было подчеркнуто, что эти события никак не затронули предков ингушей, живших в труднодоступных горах. Доказывалось также, что земли Пригородного района с древнейших времен до XIV-XV вв. принадлежали аланам, а после монгольского нашествия там обитали кочевые кабардинцы и ногайцы. И хотя отмечаюсь, что в первой половине XIX в. там поселились ингуши, об этом говорилось скороговоркой, причем осетинские авторы настаивали на том, что это было незаконной акцией, и через несколько лет ингуши были выселены оттуда в Назрановский округ, а земли у Владикавказа были отданы казакам и до 1918 г. являлись собственностью Терского казачьего войска (Северная Осетия 1990). В ответ ингуши устроили многолюдный митинг в Назрани, где потребовали лишить М. М. Блиева и других авторов статьи в всех научных степеней и званий (Катышева, Озиев 1991. С. 23).

Тогда для обсуждения спорных проблем был проведен круглый стол, где встретились ведущие осетинские и ингушские историки. Ингушские историки вели себя более активно и приводили веские доводы против многих положений упомянутой статьи. В частности, они утверждали, что осетин нельзя безоговорочно отождествлять с аланами и что после длительного перерыва ингуши начали вновь заселять плоскость и, в частности, земли Пригородного района раньше, чем осетины. Они также вынудили М. М. Блиева признать, что в статье он искал реальную картину и что до казачьего заселения на равнине долго жили ингуши. Мало того, когда он попытался вернуться к своей любимой теме о «набеговой системе», ингушский ученый напомнил ему, что в конце XVIII — первой половине XIX в. осетины также занимались набегами и власти даже иной раз рекрутировали ингушей для их отражения. В итоге Блиев признал, что статья содержала «субъективные моменты» и отклонения от фактов, но он оправдывал это тем, что она была ответом на неудачные экскурсы Богатырева и некоторых печатных органов ЧИ АССР в древнюю историю, возбудившие осетин. Но, по словам ингушей, инициаторами борьбы за историю были осетины, предложившие переименовать свою столицу. Ингушские историки подчеркнули, что обсуждавшаяся статья, искажавшая исторические данные, фактически раздувала вражду между осетинами и ингушами (Катышева, Озиев 1991. См. также: Мужухоев 1995. С. 11-12) [99].

Глава 11. Чеченская революция

Если, как мы видели, после возвращения на Северный Кавказ в 1957 г. ингуши продолжали ощущать дискриминацию, то свои претензии к властям имели и чеченцы. Они тоже были недовольны невозможностью занимать ключевые должностные посты в Чечено-Ингушской АССР, которые по установленному в СССР порядку, как правило, доставались выдвиженцам центра, получавшим в Грозном лучшие квартиры. Чеченцев не удовлетворяли и ограничения на прописку в г. Грозном, запрет на восстановление ряда традиционных высокогорных районов, искусственное поддержание низкого уровня образования у чеченской молодежи, в особенности сознательное блокирование ее профессиональной подготовки для работы в местной нефтегазовой промышленности, медленные темпы урбанизации (среди горожан чеченцы составляли лишь 25 %) и высокая безработица, заставлявшая чеченцев заниматься отходничеством («шабашить») за пределами республики. Чеченцев тревожила политика их переселения с гор в традиционные казачьи районы, в особенности в 1959-1964 гг., это они расценивали как подготовку своей ассимиляции (правда, вместо этого наблюдался отток русского населения из этих районов). Их возмущало предвзятое отношение к себе со стороны правоохранительных органов, где чеченцы и ингуши получали гораздо более суровые наказания, чем русские. Не радовали их и постоянные кампании против ислама, а также запрет на восстановление мечетей, разрушенных в 1920-х гг. Их раздражало табу на обсуждение проблем депортации, оставившее их наедине с неразделенной болью и приводившее к нарастанию психологического дискомфорта (Салигов 1993; Коротков 1994. С. 105; Гакаев 1997. С.

107-110; Фурман 1999. С. 13; Дерлугъян 1999. С. 211; Ахмадов 2001 а. С. 116; Тишков 2001 а. С. 116-118, 127-130; German 2003. Р. 20-21). По словам М. Удугова; в советские годы чеченцы постоянно чувствовали себя ущемленными в правах гражданами «второго сорта» (Шевченко 1998).

В результате несбалансированной социальной политики в Чечено-Ингушетии в течение последних советских десятилетий возникло два разных хозяйственных сектора: в доминирующей нефтехимической отрасли были заняты в основном русские, а на долю чеченцев и ингушей оставались слаборазвитое сельское хозяйство, легкая промышленность и строительство. При этом узкая монопрофильная специализация экономики привела в конце 1980-х гг. к серьезным перебоям в снабжении продовольствием, завозившимся в Чечено-Ингушетию в основном из других регионов. Выход из бедности чеченцы искали в отходничестве («шабашка») и криминальной сфере (Тишков, Беляева, Марченко 1995. С. 15-16; Абубакаров 1998. С. 8-10; Данлоп 2001. С. 93-94). Социальное напряжение в республике достигло пика к середине 1991 г.. когда 20 % всего ее трудоспособного населения (более 100 тыс. чел.), преимущественно в сельских районах, страдало от безработицы. По словам экспертов, эта масса незанятого населения и составила социальную базу радикального движения (Музаев 1995. С. 162; Музаев, Тодуа 1992. С. 39; Магомедхаджиев, Ахмадов 1995. Вып. 2. С. 7; Гакаев 1997. С. 134). По мнению С.-Х. Нунуева, именно жестокая безработица стала детонатором социального взрыва (Нунуев 2003. С. 347).

Кроме того, как показала перепись 1989 г.. по уровню образования чеченцы отставали от всех автономных республик и областей СССР и даже от живущих в республике русских и ингушей. В Чечено-Ингушской АССР отмечалась и самая низкая доля научных работников. По числу лиц с высшим или неоконченным высшим образованием чеченцы занимали последнее место в РСФСР. В определенной мере все это было следствием депортации, однако чеченцы отставали и от всех остальных депортированных народов. Так, поданным 1989 г., на 1000 человек старше 15 лет лиц с высшим образованием приходилось среди балкарцев – 111, карачаевцев – 110, ингушей – 60, чеченцев – всего лишь 45 (Овхадов 2001. С. 202-205, 213).

В то же время к рубежу 1980-1990-х гг. в Чечено-Ингушетии сложился костяк либеральной интеллигенции, представленной вузовской профессурой и писателями; начал быстро формироваться и слой чеченских бизнесменов. Связывая свое будущее с Россией и придерживаясь более умеренных взглядов, они стали стержнем либерального движения, противостоявшего радикалам (Гакаев 1997. С. 139).

Как и во многих других регионах СССР, этнонациональное движение в Чечено-Ингушетии, набиравшее силу в 1988 г., на первых порах выступало под лозунгом борьбы против загрязнения природной среды [100]. Его боевым крещением можно считать волну протестов против строительства биохимического завода в Гудермесе, прокатившуюся по республике весной-летом 1988 г. к большому неудовольствию местных властей (Музаев, Тодуа 1992. С. 34; Музаев 1995. С. 157; German 2003. Р. 23) [101]. Тогда же началось публичное обсуждение «белых пятен» в истории края, включая вопрос о депортации, а также национальной и кадровой политики властей. Вначале это было воспринято партийными чиновниками как покушение на священные ценности, и инициаторы таких обсуждений получили клеймо «демагогов и болтунов» (Фотеев 1988 а). Однако остановить этот процесс было уже невозможно, и в обкоме быстро сменили тон и заговорили о «воспитании историей», о разоблачении допущенных в период сталинщины несправедливостей, и прежде всего о необходимости знать правду о депортации, чтобы противостоять «спекуляциям» на болезненных исторических сюжетах и «конъюнктурным поделкам» (Фотеев 1988 б. С. 3).

В связи с этим в 1988-1989 гг. на страницах главной официальной республиканской газеты «Грозненский рабочий» стали активно обсуждаться такие острые сюжеты, как поведение чеченцев и ингушей в годы Гражданской войны, сталинские репрессии 1930-х гг. и проблемы депортации. Началось восстановление памяти о местных политических деятелях, сыгравших большую роль в истории Северного Кавказа в первой половине XX в. Главным мотивом такого рода публикаций было обличение преступлений тоталитарного режима, установленного Сталиным (см., напр.: Демидов 1988; Ибрагимов 1989 б. См. также: Ибрагимбейли 1989 а; 1989 б).

Тема сталинизма расколола общество на тех, кто его защищал и оправдывал депортацию, и тех, кто вскрывал чудовищную сущность сталинских беззаконий (Погибель 1988). Однако любопытно, что среди читателей, пожелавших участвовать в обсуждении этой большой темы, защитники сталинщины оказались в незначительном меньшинстве: из 52 писем, полученных редакцией «Грозненского рабочего», лишь пять были написаны в защиту Сталина (Беловецкий 1988). Много эмоций вызывала тема уча-

стия чеченцев и ингушей в Гражданской войне на стороне большевиков, так как сразу же после депортации эта страница истории была переписана в первую очередь. Как нам уже известно, новый подход к истории Гражданской войны на Северном Кавказе, формировавшийся после 1944 г., получил широкую общественную огласку в связи с гонениями на оперу В. Мурадели «Великая дружба», где чеченцы и ингуши были показаны верными защитниками советской власти. Опера была написана к 30-летию Октябрьской революции, и ее премьера состоялась на сцене Большого театра в Москве. Однако она была тут же запрещена, и вскоре последовало печально известное Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г., обвинявшее создателей оперы вискажении истины (Об опере 1948). Последняя, по словам главного партийного идеолога А.А. Жданова, заключалась будто бы в том, что именно чеченцы и ингуши постоянно мешали дружбе народов.

Между тем, решившись сказать доброе слово о чеченцах и ингушах в годы их депортации, композитор Мурадели совершил поистине героический поступок и фактически рисковал своей головой. Они об этом не забыли и сразу же по возвращении на родину устроили в честь него митинг (Лорсанукаев 2003. С. 194). В годы перестройки чеченцы неоднократно тепло вспоминали о его гражданском подвиге (Старцева 1988; Калита, Сагаипов 1988; Ибрагимов 1989 а; Чахкиев 1991 б. С. 51). Тогда же началось возвращение забытых имен политических деятелей и героев времен Гражданской войны (Туркаев 1988; Боков 1988; Катышева 1988 а: Техиева, Хатуев 1988; Ведзижев 1989).

В свою очередь, сталинисты продолжали пользоваться тактикой обвинения самих жертв в том, что с ними произошло. Опираясь на антивойнахские постановления периода позднего сталинизма и советскую литературу, вышедшую в 1970-1980-х гг., они путали читателя небылицами о будто бы массовых антисоветских выступлениях и даже о «чеченском восстании» в годы Великой Отечественной войны — якобы оно-то и вызвало необходимость очистки стратегически важных районов Северного Кавказа от их прежних обитателей. Разумеется, такого рода домыслы, возбуждавшие общественность против чеченцев и ингушей в последние советские десятилетия, не вызывали у тех никаких иных эмоций, кроме раздражения и возмущения. В газете «Грозненский рабочий» разоблачалась ложь о «чеченском восстании», показывались беззаконность депортации и необоснованность утверждения о «вине народа», выражалось возмущение публикациями 1970-1980-х гг., оправдывавшими депортацию. Очевидцы напоминали о том, что все это создавало атмосферу недоброжелательности вокруг чеченцев и ингушей, полностью реабилитированных в конце 1950-х гг. (Старцева 1988; Калита, Сагаипов 1988; У истории 1989). Читатели писали о беззаконном присвоении жилищ и земельных участков теми, кто заселил Чечено-Ингушетию в годы депортации. Они напоминали о всяческих препонах, чинившихся им местными властями, в частности о запретах прописки ингушей на территории Пригородного района Северной Осетии, о невозможности там смотреть телевизионные передачи из г. Грозного и пр. (Погибель 1988; Чахкиев 1988).

Особое место в газете уделялось воспоминаниям тех, кто пережил времена депортации (Мусаев 1988; Боков 1989; Эсамбаев 1989). Кроме того, говорилось об огромных потерях, которые понесли при этом язык и традиционная культура (Катышева 1988 б). Вместе с тем чеченские и ингушские авторы проводили четкие различия между преступной властью и русским народом. Они с большой теплотой вспоминали о том, как русские люди оказывали им помощь и выручали в трудную минуту (Боков 1989; Эсамбаев 1989). Это было тем более актуально, что 14 декабря 1988 г. на пленуме правления Союза журналистов СССР выступили Х.Х. Боков и Д.К. Безуглый, пугавшие его участников тем, что в г. Грозном будто бы намечались антирусские выступления. Русское население города было этим встревожено (Чахкиев 1988; Фаргиев 1989).

Тем временем в Чечено-Ингушетии, как и во многих других регионах СССР, нарастал социальный протест, вылившийся в рост национально-демократического движения. О развитии этого движения, «чеченской революции» и ее последствиях уже много писалось (Коротков 1994; Перепелкин 1994; Паин, Попов 1995 а; Музаев 1995. С. 158-172; Музаев, Тодуа 1992. С. 34-43; Тишков, Беляева, Марченко 1995; Тишков 2001 а; Искандарян 1995: Гакаев 1997. С. 133-176; Умалатов 2001; Bennigsen Broxup 1992 б; Goldenberg 1994. Р. 183-190: Lieven 1998. Р. 56-101; Smith 1998. Р. 122-144; Knezy, Sedlickas 1999; Данлоп 2001; Лорсанукаев 2003. С. 17-38; German 2003. Р. 25-54). Поэтому здесь я ограничусь лишь самым общим обзором.

До осени 1990 г. главную оппозицию властям ЧИ АССР составлял Народный фронт ЧИ АССР (НФ) во главе с Х.-А. Бисултановым. Как мы уже видели выше, вначале его лидеры боролись за оздоровление экологической обстановки и ставили вопросы возрождения языка, национальной культуры и историче-

ской памяти. Но когда в марте 1990 г. председателем Верховного Совета ЧИ АССР был избран Д.Г. Завгаев, НФ начал устраивать массовые митинги, направленные против всевластия ВС и КПСС. Тогда-то и выявился впервые глубокий раскол в чеченском обществе, ибо ответом на митинги НФ стал митинг в поддержку Завгаева, проведенный 22 марта партийными организациями и так называемой конструктивной оппозицией, включавшей ряд демократических движений.

Мартовские митинги были, пожалуй, последними крупными мероприятиями, устроеннымими НФ. После этого его влияние пошло на убыль. Зато отмечался быстрый рост авторитета Вайнахской демократической партии (ВДП), созданной 5 мая Л. Усмановым и М. Темищевым. Если в марте эти лидеры входили в конструктивную оппозицию, то осенью они уже начали выступать против властей республики с национально-радикальных позиций. Их требованием было образование суверенной Вайнахской республики в составе СССР, восстановление Мехк-Кхел (Совета старейшин) и «отделение атеизма от государства».

23-25 ноября 1990 г. по инициативе грозненской интеллигенции и при поддержке Д. Завгаева состоялся I Чеченский национальный съезд, высказавшийся в пользу суверенной Чеченской республики Нохчи-чоь. Под его давлением ВС ЧИ АССР принял 27 ноября «Декларацию о суверенитете Чечено-Ингушской республики (ЧИР)», где декларировалось право подписания союзного и федеративного договоров на равноправной основе. При этом, по настоянию ингушей, оговаривалось, что республика не будет подписывать никакие союзные документы до положительного решения о передаче Пригородного района. Съезд продемонстрировал наличие в чеченском обществе сильного центристского ядра, стоявшего за независимое демократическое государство, но, в отличие от радикалов, видевшего его светским.

Недовольные половинчатыми решениями съезда и укреплением власти Д. Завгаева, радикальные партии (ВДП, Исламская партия возрождения, «Исламский путь», движение «зеленых» и др.) создали в декабре «Общенациональное движение чеченского народа» (ОДЧН), потребовавшее выхода республики из РСФСР и образования конфедеративного государства Северного Кавказа. Росту авторитета этого движения немало способствовали устраиваемые им зимой 1990/1991 гг. митинги в Грозном в поддержку Ирака, за возрождение ислама и за отставку правительства Завгаева. Одновременно радикалам удалось захватить власть в исполкоме Чеченского национального съезда. Формально главой исполкома был избран генерал-майор Дж. Дудаев (1944-1996), но предполагалось, что реальным руководителем будет его заместитель Л. Умхаев, человек умеренных взглядов. Однако радикализация общественных настроений позволила Дудаеву весной 1991 г. отстранить Умхаева и его сторонников от власти. 8-9 июня состоялась 2-я сессия Чеченского национального съезда, переименовавшая его в Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН). Она объявила о низложении ВС ЧИР и провозгласила суверенную Чеченскую Республику Нохчи-чоь. Умеренному крылу исполкома во главе с Умхаевым, пытавшемуся избежать конфронтации, не удалось переломить ситуацию, и в знак несогласия с решениями съезда оно вышло из состава исполкома.

17 июля либеральная интеллигенция и представители бизнеса создали Движение демократических реформ ЧИР, ставшее центристской оппозицией. Оно выдвинуло лозунг суверенной демократической республики, выступив одновременно против радикализма и самоизоляции.

Между тем авторитет Завгаева оставался высоким. Он еще более укрепил его, поддержав в июне Б.Н. Ельцина на выборах президента РСФСР и решительно выступив в июле против постановления Секретариата ЦК КПСС «О некоторых проблемах, связанных с реабилитацией репрессированных народов». Однако нерешительность властей ЧИР во время путча 19-21 августа резко изменила ситуацию и отдала инициативу радикалам из ОКЧН. Хотя 21 августа президиум ВС ЧИР осудил путч, на следующий день ОКЧН перешел к решительным действиям: он не только потребовал отставки членов ВС ЧИР, но захватил здание республиканского телевидения, предоставив Дж. Дудаеву трибуну для обращения к народу. Следует отметить, что неприятие ГКЧП разделялось широкими слоями чеченского общества, хранившего память о депортации и опасавшегося его повторения в случае захвата власти в стране шовинистами. В своих выступлениях того времени Дудаев нередко апеллировал к мнению стариков, усмотревших в действиях путчистов намек на новую депортацию (Тернистый путь 1992. С. 11-12, 40-41). Ведь тогда в Чечне распространялись слухи о том, что якобы московские державники разработали план «Миграция», согласно которому половине населения Чечено-Ингушетии суждено было погибнуть, а другим — снова отправиться в ссылку, на этот раз в Сибирь (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 101).

Попытавшийся было выступить против оппозиции, ВС ЧИР был резко одернут из Москвы, где его предупредили против применения силовых действий. В итоге деморализованный ВС подал в отставку, а тем временем национальные гвардейцы ОКЧН возводили в Грозном баррикады. Проходившая в Грозном 1-2 сентября 3-я сессия ОКЧН объявила о низложении ВС ЧИР. Тогда Завгаев созвал в Грозном в Доме политпросвещения совещание депутатов ЧИР всех уровней. Но вечером 6 сентября оно подверглось нападению боевиков ОКЧН и было разогнано, а 15 сентября ВС заявил о самороспуске. Такой ход событий был фактически поддержан Москвой, посланцы которой вынудили Завгаева подать в отставку и укрыться в родном ему Надтеречном районе.

После этого был сформирован Временный Верховный Совет (ВВС) [102], однако резкое выступление либерально-демократической оппозиции против узурпации власти лидерами ОКЧН привело к его расколу. Пять членов ВВС выступили против ОКЧН, а тем временем остальные четверо провозгласили 1 октября 1991 г. суверенную Чеченскую Республику Нохчи-чоь в составе РСФСР.

Разделение ЧИР на две части, нарушение законности и быстрый рост преступности в отсутствии дееспособной власти встретили сильное противодействие со стороны многих общественно-политических движений [103]. Поэтому противники неконституционных действий ОКЧН вскоре получили значительный перевес в ВВС (7 из 9 членов) и выступили с его критикой. В ответ на это ОКЧН своим волевым решением распустил ВВС, и на его членов началась настоящая охота. Вся власть в республике перешла к исполнку ОКЧН. Правда, 7 октября ВВС попытался возобновить свою деятельность, но той же ночью его резиденция была захвачена национальными гвардейцами, и членам ВВС пришлось скрываться.

Такой поворот событий немало обеспокоил федеральную власть, и 9 октября Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление «О политической ситуации в Чечено-Ингушской республике», призывающее к разоружению незаконных вооруженных формирований и признававшее единственным законным органом власти ВВС ЧИР. Исполнком ОКЧН немедленно объявил это постановление грубым вмешательством во внутренние дела республики и привел свои вооруженные отряды в состояние боеготовности, а З. Яндарбиев даже призвал к газавату. Однако полной поддержки в чеченском обществе это не нашло, что ярко продемонстрировали митинги 10 октября, когда сторонники ОКЧН, собравшиеся на площади Свободы, объявили готовность к противостоянию с Россией, а демократические силы выступили на площади шейха Майсура в поддержку ВВС и за распуск национальной гвардии. На этой основе к середине октября сформировалось мощное оппозиционное «Движение за сохранение Чечено-Ингушетии», куда вошли члены ВВС, Ассоциация интеллигенции и лидеры многочисленного вида шейха Дени Арсанова. Его поддержали Народный Совет Ингушетии и Временный комитет русскоязычного населения ЧИР [104].

Северный Кавказ сегодня

Однако 27 октября ОКЧН удалось провести под своим контролем выборы президента и парламента Чеченской Республики. И хотя в ходе выборов выявилось немало серьезных нарушений демократической процедуры [105], их результаты, по мнению независимого эксперта, отражали реальную расстановку сил, ибо тогда большинство населения поддерживали кандидатуру Дж. Дудаева (Арутюнов 1995. С. 12) [106]. Между тем ВВС ЧИР счел эти выборы нелегитимными, и в этом его поддержали не только некоторые общественно-политические движения ЧИР и ее Совет министров, но и Верховный Совет РСФСР. Оппозиция перешла к решительным действиям и начала создавать «народное ополчение» против ОКЧН. 1 ноября 1991 г. Дудаев объявил Чечню независимым государством, и на следующий день это было одобрено парламентом. Тем временем оппозиция готовила проведение новых выборов 17 ноября. Общество было расколото, и в те дни мало кто мог предсказать, на чьей стороне окажется победа.

Однако все изменилось 8 ноября, когда президент Ельцин ввел чрезвычайное положение в ЧИР, и в аэропорте Ханкала высадились российские десантники. Дудаев тут же выступил с резким протестом и призвал к единству нации перед лицом внешней агрессии. Это сплотило чеченцев, и даже оппозиции пришлось выступить против возможной интервенции в защиту суверенитета республики. В этих условиях демократическая оппозиция была дезориентирована и потеряла поддержку в народе. На устроенной 10 ноября пресс-конференции Дудаев еще раз высказался за полную независимость Чеченского государства.

Между тем в северных районах республики Дудаев не пользовался высоким авторитетом, и глава администрации северо-западного Надтеречного района У. Автурханов отказался подчиняться его распоряжениям [107]. С этих пор оппозиция концентрировалась в равнинных районах Чечни, а за Дудаева стояли менее образованные и более фанатичные горные жители. Оппозиция несколько раз пыталась переломить ситуацию. В феврале 1992 г. был создан «Координационный совет по восстановлению конституционного строя в Чечено-Ингушской республике» во главе с писателем В. Итаевым. 31 марта 1992 г. он организовал мятеж против режима Дудаева, и для его подавления тому понадобилось немало усилий [108]. 15 апреля 1993 г. оппозиция начала многотысячный митинг на Театральной площади в Грозном, длившийся до 4 июня, когда для его разгона Дудаеву пришлось применить силу. В тот же день он разгромил парламент (при этом было много жертв), изменил конституцию и ввел президентское правление, означавшее установление диктатуры, опиравшейся на радикальные силы. После этого многим лидерам оппозиции пришлось искать убежище в России, что дало право Дудаеву объявить оппозицию «рукой Москвы» (Goldenberg 1994. Р. 189). Летом 1993 г. верные Дудаеву вооруженные силы несколько раз проводили в равнинных районах карательные акции с применением танков и авиации. В ответ там был создан Комитет национального спасения, сформировавший свои вооруженные отряды. В январе 1994 г. они попытались нанести удар по дудаевским силам у Грозного, но потерпели поражение.

Последним мирным выступлением оппозиции был съезд всех чеченских тайпов, собравшийся в Грозном 18 сентября 1993 г. Когда Дудаеву было предложено стать имамом, он ответил: «На свете немало мусульманских стран, но лишь единицы из них живут строго по шариату. К тому же не каждый чеченец мусульманин... Если мы сегодня объявили жизнь по шариату, то завтра вы потребуете, чтобы я приступил рубить головы и руки грешникам... Вы к этому не готовы и я тоже. Давайте поэтому наводить порядок по Корану в душах, по Конституции в жизни» (Абубакаров 1998. С. 33-34). Тогда съезд обратился к Дудаеву с требованием сложить свои полномочия и провести новые парламентские выборы. Но против организаторов съезда было заведено уголовное дело, а Дудаев ввел в республике восьмимесячный режим чрезвычайного положения.

Так период мирного противостояния закончился, и начался последний период внутренней конфронтации, приведший летом 1994 г. к гражданской войне (Гакаев 1997. С. 236-237, примеч. 6; Stasys, Romanas 1999. Р. 23-32; German 2003. Р. 89-90, 99-110). 3-4 июня в станице Знаменская Надтеречного района по инициативе Автурханова состоялся Съезд народов Чечни, куда съехались более 2000 делегатов из всех районов республики. Они поддержали Временный совет Чеченской Республики (ВСЧР), или «правительство национального возрождения», созданный Автурхановым, и 30 июля ВСЧР объявил о смешении Дудаева с поста президента. Получив признание российских властей, ВСЧР сформировал свои вооруженные силы и в августе при участии российских военных начал открытую вооруженную борьбу с режимом Дудаева (Петровский 2004). В свою очередь, 10 августа Дудаев провел Народный съезд в Грозном, где Автурханов и другие члены ВСЧР были заочно приговорены к смертной казни, а в Надтеречном районе было объявлено чрезвычайное положение. Летом 1994 г. Дудаев организовал 11 кара-

тельных экспедиций против различных чеченских аулов. Во время боевых действий было убито 700 и ранено более 1500 человек (Ахмадов 2001 а. С. 118).

Между тем осенью авторитет Дудаева в народе резко снизился [109], и 15 октября практически без боя войскам ВСЧР удалось взять Грозный. Правда, они тут же покинули его по приказу из Москвы. Все же к ноябрю казалось, что дни Дудаева, отрезанного от всех основных территорий Чечни, были сочтены. Однако открытое военное вмешательство России, начатое 11 декабря 1994 г., было воспринято чеченцами как акт агрессии и снова заставило их сплотиться вокруг своего президента. По словам Дж. Гакаева, «если в сентябре-ноябре 1994 г. войну в Чечне вели две социально-политические, клановые группировки за власть (одну из них поддерживала официальная Москва), то после 11 декабря 1994 г. события стали рассматриваться в контексте исторического российско-чеченского конфликта, а война из гражданской стала превращаться в российско-чеченскую» (Гакаев 1997. С. 208. См. также: Аслаханов 1994. С. 57-58; Ротарь 1999. С. 26; Умалатов 2001).

Первая российско-чеченская война, закончившаяся подписанием Хасавюртских соглашений 29 августа 1996 г., имела страшные последствия (Тишков, Беляева, Марченко 1995. С. 36-48; Siren 1998. Р. 130-131). По оценкам экспертов, в ней погибло от 20 до 100 тыс. человек; от 380 до 500-700 тыс. человек оказались в положении беженцев и вынужденных переселенцев. Правда, отъезд чеченцев из республики начался еще в довоенные годы. По словам Я. Ахмадова, в 1992-1993 гг. уехали многие предприниматели, а в 1993-1994 гг. за ними потянулись управленцы, ученые, медики и другие специалисты. Так к 1994 г. Чечня фактически потеряла всю свою интеллектуальную элиту, вынужденную искать убежище в центральных районах России (Музаев 1995. С. 171; Костоев 1995. С. 46; Гакаев 1997. С. 50, 214; Ахмадов 2001 а. С. 118). Но война нанесла Чечне поистине невосполнимый культурный урон. Оказался полностью разрушенным Национальный архив Чеченской Республики; более 80 % находившихся в нем документов от середины XVIII в. до 1990-х гг., включая списки депортированных в 1944 г., погибло в огне. НИИ истории, социологии и филологии был по распоряжению новых властей закрыт еще до войны. Во время боевых действий он вместе с уникальным архивом и научной библиотекой оказался в развалинах. Пострадали также корпуса Грозненского нефтяного института вместе с его богатыми архивами и библиотекой. В горах были разрушены многие средневековые башни, склепы, мавзолеи.

Из работавших в Чеченской Республике 362 библиотек были уничтожены 198, включая одну из крупнейших на Северном Кавказе Национальную библиотеку Чеченской Республики с ее уникальной коллекцией книг и рукописей. Почти полностью было разрушено здание Чеченского республиканского краеведческого музея, что привело к утрате большинства его экспонатов. Под бомбежками погибли музыкальное училище, Русский драматический театр, Республиканский театр кукол. Были разрушены основные здания Чечено-Ингушского государственного университета с библиотекой, научными лабораториями и ботаническим садом. Правда, университет не прекратил своей работы, но из былого мощного отряда преподавателей (60 докторов и более 300 кандидатов наук в 1980-х гг.) в нем в 1998 г. оставались лишь 19 докторов и 140 кандидатов наук. Расположенное недалеко от президентского дворца в Грозном главное здание Чечено-Ингушского педагогического института было сожжено, и с марта 1995 г. занятия со студентами проводились в здании бывшего детского сада (Катышева 1996; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 282-284; Баталова 1999: Умалатов 2001. С. 164; Осмаев, Алироев 2003. С. 9-10). Фактически в 1990-х гг. были значительно подорваны основы системы образования в республике (Овхадов 2001. С. 208). Как пишет министр культуры Чеченской Республики М.К. Осмаев, «особенность ситуации в Чечне заключается в тотальности уничтожения культурного наследия. Здесь погибло все, что связывало народ с прошлым, что свидетельствовало о его историческом пути...» (Осмаев, Алироев 2003. С. 12).

Гибель генерала Дудаева весной 1996 г. и новые президентские выборы 26 января 1997 г. показали, что, несмотря на жесткое военное противостояние с Россией и правление радикалов, основная масса чеченцев осталась на умеренных позициях: 67 % избирателей, голосовавших за наиболее умеренного кандидата, бывшего советского полковника А. Масхадова, по сути, отдали свои голоса за мир и тесные экономические связи с Россией (Ахмадов 2001 а. С. 119; Evangelista 2002. Р. 48). 12 мая 1997 г. Л. Масхадов подписал с президентом РФ Ельциным договор «О мире и принципах сотрудничества» между РФ и Чеченской Республикой, призванный поставить символическую точку в истории «400-летнего противостояния».

К сожалению, мир продлился недолго. В августе 1999 г. произошло известное вторжение войск созданного М. Удуговым и Ш. Басаевым Конгресса народов Чечни и Дагестана в Дагестан с целью созда-

ния объединенного исламского государства, и с октября 1999 г. по март-апрель 2000 г. в Чечне снова шли активные боевые действия, позднее сменившиеся партизанской войной [110].

Глава 12.

Интеллектуальные споры и взрыв исторического мифотворчества

В конце 1980-х гг. в газете «Грозненский рабочий» несколько раз устраивались круглые столы с участием известных писателей, поэтов и историков. Они с тревогой говорили о неблагоприятной экологической обстановке, об упадке традиционной системы хозяйства, о репрессиях 1930-х гг., об ужасах депортации, о трагедии поколения 1930-х гг., оторванного от родины и культурных корней (Катышева 1988 б; Сагаипов 1989; У истории 1989). На этих обсуждениях в новом ракурсе звучала тема ислама, десятилетиями подвергавшегося гонениям. Теперь люди впервые открыто заговорили о своей мусульманской идентичности и начали выражать возмущение тупорной антирелигиозной пропагандой недавнего времени. Они требовали уважительного отношения к чувствам верующих (Калита, Сагаипов 1988) [111]. Вместе с тем речь не шла о полном отказе от антирелигиозной пропаганды: ее лишь предлагалось проводить более тонкими методами, делая ставку на просвещение (Сагаипов 1989). В частности, уже известный нам ингушский археолог М.Б. Мужухоев показывал, что в течение последнего тысячелетия вайнахи несколько раз сменили религиозную веру: вначале они были язычниками, затем в X-XIII вв. восприняли христианство из Грузии, после чего снова вернулись к языческой вере, и лишь в XVI-XIX вв. у них постепенно укоренился ислам, пришедший из Дагестана. При этом вначале он распространялся на востоке, прежде всего в равнинных и предгорных районах, и много позднее проник в горы, причем позднее всего к ингушам. Одновременно с севера наступало русское православие. Тем самым учёный демонстрировал, что исламская идентичность явилась новым явлением в истории вайнахов. В его изложении этничность оказывалась много прочнее какой-либо конкретной религиозной лояльности (Мужухоев 1988).

Однако что представляла собой эта этничность? Ведь, как мы знаем, она не оставалась неизменной: в 1920-х — начале 1930-х гг. чеченцы и ингуши представлялись отдельными этническими группами, и лишь после объединения их в одной республике в 1934 г. им навязывалась единая «чечено-ингушская» идентичность, долгое время встречавшая сопротивление. Зато после 1944 г. комплекс «коллективной вины» и депортация прочно спаяли их в единое целое. Мы уже знаем, что термин «вайнахи» появился лишь в конце 1920-х гг. В довоенные годы он большой популярностью не пользовался. Но начиная с 1960-х гг. этот термин был подхвачен чеченцами и ингушами (Виноградов 1966 а. С. 115) в такой степени, что, забыв о его недавнем происхождении, некоторые из них стали выражать уверенность в том, что он был их собственным самобытным термином. Так, в своей детской книжке писатель А.П. Мальсагов уверял юных читателей в том, что этот термин родился «в далекую старину», когда, видя друг друга, чеченцы и ингуши говорили «похожи на нас» (Мальсагов 1969. С. 5-6). Термин действительно прижился и даже претерпел некоторые лингвистические изменения: если до конца 1960-х гг. его вслед за Яковлевым произносили как «вайнахи», то позже он стал звучать «вайнахи» (см., напр.: Мальсагов 1970. С. 3). Однако с активизацией чеченского и ингушского национальных движений в конце 1980-х гг. и особенно с разделением Чечено-Ингушетии в 1991-1992 гг. снова на две республики с былым единством было покончено. В это время известный ингушский писатель уже заявлял, что объединение Чечни и Ингушетии было произведено в 1934 г. искусственно, и никакого «чечено-ингушского народа» никогда не существовало (Чахкиев 1991 б. С. 46).

Новые этнические идентичности требуют подпитки историей, и образы прошлого играют огромную роль в самосознании чеченцев и других горских народов. По словам известного чеченского политика Х.Х. Бокова, особую важность для горцев имеют, во-первых, память о Кавказской войне; во-вторых, представления о древней истории; в-третьих, родственные («родоплеменные») отношения: в-четвертых, следование правилам адата: в-пятых, память о депортации (Боков 1998. С. 54-55). Таким образом, социальная память служит одним из важнейших механизмов поддержания идентичности, причем один из существенных ее компонентов является образ древней истории и традиционных социальных институтов. Между тем, Боков полностью обошел тему ислама, в борьбе с которым он в свое время активно участвовал, будучи вначале секретарем Чечено-Ингушского обкома, а затем председателем Верховного Совета ЧИ АССР (об этом см.: Тишков 2001 а. С. 330-331). Действительно, как мы увидим ниже, до середины 1990-х гг. ислам не играл большой роли в новой чеченской идентичности. По мне-

нию В.А. Тишкова, это была прежде всего политическая идентичность, отталкивающаяся от травмы депортации (Тишков 2001 а. С. 148-149). В то же время Тишков считает, что «[Чеченская] война породила чеченцев в том их образе и роли, в которых они предстали перед внешним миром». По его словам, эта роль складывается из таких компонентов, как «националистический нарциссизм, комплекс жертвенности и мессианская идея «гробовщиков империи», «освободителей Кавказа» и «авангарда ислама»» (Тишков 2001 а. С. 501-502).

По словам одного из ингушских старцев, для победы надо было «сохранить в своей памяти героическое и во многом трагическое прошлое ингушей, как никогда, бережно относиться к обычаям предков» (Куриев 1991). Чеченские деятели образования тоже хорошо сознавали роль истории в деле воспитания патриотизма и любви к Родине (см., напр.: Арсалиев 1996. С. 38). Как мы видели, в дискуссиях конца 1980-х гг. основной акцент делался на ужасах и трагедиях недавнего прошлого [112]. Для их преодоления было произведено немало символических действий: например, в 1991 г. был разрушен ненавистный чеченцам памятник Ермолову; вместо него они воздвигли мемориал жертвам депортации, сложенный из намогильных плит, использованных после 1944 г. в качестве строительного материала (Умалатов 2001. С. 45, 51) [113].

Однако, как справедливо отметила Л. М. Дробижева, стереотип «жертвы» эффективен лишь на начальных этапах национального движения (Дробижева 1994. С. 78). Для дальнейшего продвижения вперед необходимы были уже позитивные образы. В недавнем прошлом их явно не хватало, и в поисках светлых образов приходилось обращаться к традиционной культуре и древней истории. Как отмечал преподаватель Чечено-Ингушского педагогического института Ш. М.-Х. Арсалиев, тогда повсюду отмечался рост интереса к истокам своего народа, к его фольклору, древним обрядам, традициям (Арсалиев 1996. С. 20).

Первое, что в связи с этим вспоминалось чеченцам и ингушам, были уже известные нам боевые башни и их строители, вызывавшие гордость и восхищение (Катышева 1988 б; Яндарбиев 1988; Арсалиев 1996. С. 51; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 15). По словам нынешнего директора Ингушского НИИ гуманитарных исследований, А.Б. Куркиева, ингушская архитектура — «это краеугольный камень ингушской цивилизации, маркер ее национальной идентичности» (Куркиев 2002. С. 282). Еще дальше идет другой популяризатор ингушской народной культуры: «Древние памятники ингушского народа, особенно башни, по своему значению не уступают известным египетским пирамидам» (Танкиев 1996. С. 3). Изображениями башен украсил свою книгу по истории ингушского народа писатель С. Хамчиеv (Хамчиеv 1996). И не случайно образ ингушской боевой башни оказался в самом центре герба Республики Ингушетия [114]. Вторя своим ингушским коллегам, чеченские интеллектуалы также заявляют, что «этот развитый здесь вид фортификационного искусства выдвинул Чечню, как и соседнюю Ингушетию, в разряд стран, имеющих уникальные памятники всемирного значения» (Осмаев, Алироев 2003. С. 7). Между тем самоуправство российских военных в республике, по своей прихоти разрушавших уникальные средневековые памятники, включая древние башни, грозило потерей этого ценного культурного достояния (Костоев 1995. С. 9; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 280-282; Патиев 2002 б. С. 42; Яндиева 2002 б. С. 137-138; Осмаев, Алироев 2003. С. 12; Пономарева 2003).

Но в еще большей степени обращения к национальной культурной традиции требовали быстрые политические изменения — слом советской системы управления и необходимость ее замены. В поисках политической модели местные лидеры обращались к традиционным формам самоуправления. Именно с этой точки зрения следует рассматривать бурное возрождение в Чечне тайпов и вирдов, восстановление Совета страны (Мехк-Хел), противопоставление горных и равнинных чеченцев, наблюдавшиеся в 1992 г. (Ланда 1995. С. 274-276; Гакаев 1997. С. 37-38; Данлоп 2001. С. 151; Lieven 1998. Р. 342-343; Тишков 2001 а. С. 143; German 2003. Р. 77-78) [115]. Чтобы не остаться в изоляции, во внешней политике Дудаев делал ставку на создание независимого Северокавказского государства, способного объединить народы Северного Кавказа в их противостоянии с могущественной Россией (Данлоп 2001. С. 145; German 2003. Р. 65-66). Во главе этого интеграционного процесса он видел Чечню, что диктовалось его общими представлениями о мире и истории, где чеченскому народу отводилась роль прирожденного лидера в борьбе за свободу и независимость. «С самой глубокой древности чеченский народ вынужден вести постоянные оборонительные бои за свободу и независимость против пришельцев», — писал Дж. Дудаев (Тернистый путь 1992. С. 15-16). По свидетельству своего министра экономики и финансов Т. Абубакарова, Дудаев «вполне серьезно представлял чеченцев пионерами во многих областях человеческой деятельности» (Абубакаров 1998. С. 16). Абубакаров вспоминал, что при посещении Баальбека (Ли-

ван) в 1993 г. Дудаев убеждал гидов, что величественные каменные сооружения там были построены вайнахами, ибо техника их строительства напоминала ему средневековые вайнахские башни. Мало того, будучи во Франции, он доказывал, что Ноев ковчег следовало бы искать на вершине чеченских гор. Из этого следовало, что своим спасением во время потопа человечество должно быть навек обязано вайнахам. Называя Дудаева «романтиком-максималистом», Абубакаров заключал: «Не знаю, верил ли он в собственные версии о месте и роли вайнахов в истории, но говорил он об этом с уверенностью человека, знающего нечто больше, чем другие» (Абубакаров 1998. С. 17) [116].

Впрочем, встретившись с мощной равнинной оппозицией, Дудаев, похоже, изменил свое мнение и в качестве лидера начал изображать не чеченцев вообще, а именно горцев, традиционно относившихся к более престижным тайпам (Гакаев 1997. С. 38). По словам Вахита Акаева, это и заставило его 19 января 1994 г. изменить название республики на Ичкерию (Ротарь 1997г; 1999. С. 13; Данлоп 2001. С. 155; Stasys, Romanas 1999. Р. 25). По наблюдениям Тишкова, война еще больше углубила раскол между горными и плоскостными чеченцами (Тишков 2001 а. С. 161-165).

Все это влияло на те версии истории, которые широко транслировались местными СМИ. Ведь, как признают даже западные авторы, «Дудаев и его соратники продемонстрировали неспособность управлять страной. Экономика Чечни потерпела почти полный крах» (Данлоп 2001. С. 131; Goldenberg 1994. Р. 188-189; Lieven 1998. Р. 74-80; Smith 1998. Р. 124-125, 129-133. См. также: Коротков 1994. С. 110; Паин, Попов 1995 б; Тишков, Беляева, Марченко 1995. С. 23; Тишков 2001 а. С. 218-219; Сусуев 1999). Правда, Абубакаров доказывал, что к кризису привел советский способ хозяйствования. Однако и он соглашался с тем, что генеральский опыт мало помогал Дудаеву руководить страной, что к концу его правления его власть ограничивалась пределами президентского дворца и что в стране царил «воинствующий правовой нигилизм» (см., напр.: Абубакаров 1998. С. 25, 30 и др.). В этих условиях, по мысли ее новых руководителей, спасти дело могла только идеология. В начале 1990-х гг. национальная идея переживала в Чечне подлинный бум, и СМИ, казалось, соревновались в том, кому удастся нарисовать более славную картину древнего прошлого вайнахов.

Как пишет В.А. Тишков, «чеченский кризис породил или актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и современном облике чеченского народа... Один из... доминирующих мифов – это миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве народа, которые тот демонстрирует на протяжении всей своей истории, особенно двухвековым сопротивлением русскому колониализму». Другим популярным в Чечне мифом он называет «миф об исключительной древности чеченского народа» (Тишков, Беляева, Марченко 1995. С. 32-33). В другой своей работе Тишков связывает это с «состоянием демодернизации», проявляющейся в «узурпации ментального мира упрощенными и ограниченными версиями происходящего, как в прошлом, так и в настоящем» (Тишков 2001а. С. 52). Однако имеется еще больше оснований видеть в этом именно спутника модернизации, связанной с массовым обществом или, как это называют некоторые авторы, «веком толпы» (Moscovici 1985). Это и определяет беспрецедентную роль СМИ, о которой пишет Тишков (Тишков 2001 а. С. 50, 54).

Крайние ревизионистские версии древней истории с самого начала поддерживались Дудаевым (Тишков 2001 а. С. 145) и были взяты на вооружение новым руководством Чеченской Республики во второй половине 1990-х гг. (Вахаев 1999. С. 324-325). Отчасти это было связано с низкой компетентностью новых руководителей, происходивших из социальных низов, и с социальной базой движения, опиравшегося на маргиналов. Действительно, как мы знаем, в 1930-х гг. действия НКВД нанесли непоправимый ущерб чеченцам и ингушам, фактически полностью уничтожив недавно возникший тонкий слой новой интеллигенции и советских и партийных чиновников. В годы депортации лишь немногие молодые люди смогли получить сколько-нибудь сносное образование. Положение не спасли и 1960-1980-е годы, когда чеченцам и ингушам, мечтавшим получить высшее образование и влиться в ряды советской элиты, чинились всяческие препятствия. Поэтому, по словам экспертов, немногочисленные чеченские интеллектуалы, тем более скомпрометированные своими прошлыми связями с режимом, оказались не способными возглавить национальное движение. Они нашли свое место в рядах оппозиции режиму Дудаева и вскоре вынуждены были покинуть республику и искать убежище в центральных областях России. Так во второй половине 1993-го и в 1994 г. Чечня лишилась своей интеллектуальной элиты (Гакаев 1997. С. 142-181, 234-235; Фурман 1999. С. 12-13). Деинтеллектуализации Чечни способствовал и сам Дудаев, фактически блокировавший научную деятельность Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, социологии и филологии, противившегося внедрению нужного тому политизированного мифотворчества (Тишков 2001 а. С. 455). Об интеллектуальном климате в Че-

ченской Республике в первой половине 1990-х гг. говорят социологические опросы, показывающие, что образование ценилось там весьма невысоко; на шкале ценностей оно занимало одно из последних мест, уступая более традиционным установкам на этикетное поведение, выдержку (терпение) и честь (Берсанова 1999. С. 228-232). Правда, в 1995 г. одной из причин развернувшихся вокруг трагических событий многие чеченцы называли невежество (Чокаев 1996; Берсанова 1999. С. 236-237).

Вместе с тем востребованность ревизионистских версий древней истории в еще большей степени объяснялась тем, что они отвечали задачам консолидации чеченцев в условиях жесточайшего кризиса. Той же цели служили образ тотемного предка (волка), ислам и ставший популярным с конца 1980-х гг. лозунг «Нас миллион» (Карпов 2001. С. 198). Последний позволял чеченцам считаться одним из крупнейших народов России и на этом основании требовать к себе уважительного отношения. Привившийся в постсоветской России презрительный и несущий явные расистские ассоциации термин «черные» для чеченцев заставляет некоторых из них идти на крайние интеллектуальные меры и доказывать свое «арийство», ссылаясь на работы нацистов (Баксан 1998) [117].

В 1990-х гг. рупорами новых чеченских мифов были, во-первых, местные СМИ, а во-вторых, публикации чеченских интеллектуалов за пределами Чечни. Местные СМИ активно действовали до начала первой чеченской войны, хотя некоторые из них были еще раньше закрыты местными властями (молодежная газета «Республика» в 1993 г., газеты «Голос Чечено-Ингушетии» и «Отечество» к лету 1994 г.) (Багалова 1999. С. 11, 37). Война фактически разрушила систему местных СМИ, но они возобновили свою деятельность во второй половине 1995 г. Затем новый перерыв в работе СМИ наступил с осени 1999 г. до 2001 г. Любопытно, что почти все местные СМИ использовали русский язык, а чеченоязычная газета «Даймохк» фактически не пользовалась спросом (Тишков 2001 а. С. 453-454; Гакаев 2003. С. 182, 188). Представители чеченской интеллектуальной элиты активно сотрудничали с местными СМИ в 1991-1994 гг., но затем, переехав в различные города Центральной России, они продолжали именно там развивать свои идеи о культуре и истории чеченцев или вайнахов в целом. При этом многие из них не избежали известного диаспорического синдрома (Шнирельман 1999 а), о чем пойдет речь ниже. Впрочем, в связи с гораздо более низкой долей образованных людей в сравнении с соседними народами и упадком системы образования в 1990-х гг. основная масса чеченцев оказалась, по-видимому, менее подверженной влиянию элитарных мифов, транслировавшихся местными СМИ. Судя по результатам опроса студентов Чечено-Ингушского педагогического института, проведенного в начале 1990-х гг., в подавляющем большинстве они находились под влиянием родителей и родственников, а не преподавателей (Арсалиев 1996. С. 67). Следовательно, базисные понятия о мире и культуре они получали все же традиционным путем, а не в школе и не из СМИ.

Как бы то ни было, в 1990-х гг. в Чечне было выдвинуто немало весьма экстравагантных по форме вариантов национальной идеи, многие из которых взвывали к великому национальному прошлому. При этом в разработке новой национальной идеологии участвовали не только многочисленные дилетанты, но и достаточно образованные люди. В частности, большую активность в этом проявил писатель С.-Х. Нуныев, занимавший в начале 1990-х гг. пост руководителя секции истории Комиссии Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики по национально-политическим и межнациональным отношениям (Нуныев 1998). Одновременно он представлял Чеченскую республику в парламенте РФ, будучи членом Комиссии по законности и правопорядку и выступая экспертом Совета по природному и культурному наследию. Иными словами, формирование образа славных предков вайнахов и их великой древней государственности было одобрено и санкционировано республиканскими властями. Все это получало одобрение со стороны генерала Дудаева, искренне полагавшего, что, будучи «древнейшим народом на Земле», чеченцы самим небом были призваны возглавить соседние кавказские народы и вести их к великому будущему. При этом, чтобы успешно справиться с возложенной миссией, каждому чеченскому ребенку вменялось в обязанность умение разбирать урартскую клинопись как ценное наследие предков (см., напр.: Дудаев 1991. Об этом см.: Минеев 1991; Тишков 2001 а. С. 144-145). Чеченские профессиональные историки не заходят так далеко. Но и они пишут о том, что «клинописи древнего государства Урарту... легко расшифровываются с использованием современного чеченского языка» (Айдаев 1996. С. 139).

Однако одна из главных идей, культивировавшихся чеченскими интеллектуалами в 1990-х гг., состояла в том, что чеченцы, с одной стороны, никогда не вели агрессивных войн и не посягали на чужие территории, а с другой, никому не давали себя покорить (Шахбиев 1996. С. 5; Хатаев 1997. С. 50; Дауев 1999. С. 17, 185-186; Чечня и чеченцы 2001. С. 5-8; Сайдуллаев 2002. С. 21, 23-25; Нуныев 1998. С.

407; 2003. С. 346). Чеченский революционер Леча Усманов даже доказывал, что «за все время своей географической истории, вплоть до 1859 г., чеченцы ни разу не теряли независимости». Они будто бы так и не признали двухсотлетнее господство русских на Кавказе (Усманов 1997. С. 36). С этой точки зрения показательным было чеченское пропагандистское издание, предназначенное для российской армии, где подчеркивалось свободолюбие чеченцев. Треть исторического очерка, включенного в эту тоненькую брошюру, была посвящена Кавказской войне как легитимному «народно-освободительному движению». Любопытно, что там ни слова не говорилось ни об участии чеченцев в Гражданской войне, ни о повстанческом движении в годы Великой Отечественной войны. Зато повествовалось об ужасах депортации (Чечня и чеченцы 2001). Акцент на трагическую историю чеченского народа должен был создать моральные основания для его реализации своего права на самоопределение и создание своей собственной государственности (см., напр.: Сайдзелиман 1996).

Идеал свободы и независимости был закреплен в государственной символике Чеченской Республики. По словам Л. Усманова, три цвета чеченского флага означали следующее: белый — свобода, зеленый — жизнь, красный — кровь. Это говорило о неизбытном стремлении чеченцев к свободе, которое и придавало трагические тона их истории. А на чеченском гербе был изображен волк — самый почитаемый зверь, «единственный из зверей, который осмеливается идти на более сильного, чем он сам» (Усманов 1997. С. 39, 42) [118].

Герб Республики Ичкерия

Понимая, что в одиночку Чечне будет трудно выстоять перед Россией, Дудаев пытался опираться на общекавказскую идею, идею «Кавказского Дома» (Анчабадзе 1997. С. 82; Абубакаров 1998. С. 23-24). В этом он стремился действовать через Конфедерацию народов Кавказа, с которой он установил самые теплые отношения, — достаточно сказать, что в руководстве этой организации одни из ключевых постов всегда занимали его верные сподвижники. Дудаев полагал, что при такой поддержке он сможет превратить Чеченское государство в региональную сверхдержаву, «Великую Чечню» (Игнатенко, Салмин 1993. С. 98; Карпов 1994. С. 17-18, 29; Паин, Попов 1995 б; Музаев 1999. С. 30; Тишков 2001 а. С. 466-469), тем более что у Чечни имелись geopolitические, экономические и религиозные основания претендовать на роль регионального лидера (Перепелкин 1994. С. 6). Но этот амбициозный план требовал идеологической подпитки. Для этого Дудаев и его последователи взвывали к наследию древнейших цивилизаций Передней Азии и настаивали на том, что именно чеченцы являются их законными правопреемниками (Тишков 2001 а. С. 455-462).

В 1990-х гг. прямая апелляция к славному хурритскому наследию была свойственна не только чеченской публицистике (Бабаян 1990; 1998; Бабаян, Хожаев 1991; Бакаев 1990; 1997; Куркиев 1997; Усманов 1997. С. 32-33), но и работам некоторых чеченских ученых (Алироев 1990 а. С. 133-136; Осмаев, Алироев 2003. С. 111-120; Джамирзаев 2005) [119]. Так, по словам Нунуева, следующего за своим соавтором Бакаевым (Баксаном) (Баксан 1998), «прямыми потомками хурритов из ныне живущих на земле народов являются чеченцы и ингуши, чудом выжившие в ущельях Кавказских гор и донесшие до наших дней антропологический вид, интеллектуальную, нравственно-генную память» (Нунуев 1998. С. 9-10, 32). Он делает все возможное, чтобы доказать, что именно хурриты одарили древний мир всеми великими достижениями цивилизации: создали письменность, ввели монотеизм (в форме ислама!), изобре-

ли колесо, стали пользоваться астрономическими обсерваториями. Некоторые чеченские авторы вновь обратились к легенде, записанной в начале XIX в. Шамилем Каратаевым, и стали доказывать, что учёные напрасно относились к ней с недоверием, ибо она лишь подтверждала идею о приходе предков нахов из Передней Азии (Усманов 1997. С. 33; Нуныев 1998. С. 409-412).

Впрочем, некоторые чеченские авторы предпочитают автохтонную гипотезу и утверждают, что и куро-аракская культура, и более поздняя кобанская были созданы предками вайнахов на Кавказе, откуда их отдельные группы и разносили великие культурные достижения (Габисов 1991. С. 13-14; Куркиев 1997; Багаев 1998; 2003. С. 333-334) [120]. Х.-А. Нухаев идет еще дальше и изображает чеченцев («нухитов») едва ли не прародом, от которого произошли все остальные народы мира (Нухаев 2001. С. 183). В некоторых публикациях чеченских интеллектуалов странным образом переплетаются обе прямо противоположные гипотезы — автохтонная и миграционная (см., напр.: Шахбиев 1996; Сигаури 1997; Алироев 1990 а. С. 12-13, 27-28, 131-142; Осмаев, Алироев 2003. С. 6, 18-19, 121). Мало того, чеченские мифы иной раз подхватываются и тиражируются некоторыми российскими экспертами, подхватывающими фантазии о преобладании предков чеченцев в Алании, о будто бы нахском языке знаменитой Зеленчукской надписи и т.д. (Беляков 1995. С. 69).

Впрочем, были ли вайнахи исконными аборигенами или пришельцами из южной зоны великих цивилизаций, неважно для гипотезы, объявлявшей их этногенетической основой для всех других народов Северного Кавказа. С такой идеей выступил писатель С.-Х. Нуныев, по словам которого нахи послужили «практической основой для возникновения в Центральном Кавказе новых народов и этнических групп, которые до тех пор вообще не существовали в природе. Нахский этнос лежит в основе возникновения осетин, хевсиров, двалов, сванов, тушина, удин и других племен и народов» (Нуныев 2003. С. 350-351). В свою очередь ингуши Р.Ш. Албагачиев и М.А. Ахильгов изображают осетин поздними пришельцами, которые «некогда захватили у ингушей современную часть восточной горной Осетии, а западная ее часть была отхвачена у балкарцев» (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 23).

Чеченские бизнесмены и интеллектуалы, оказавшиеся в 1990-х гг. за пределами Чечни, с благодарностью подхватили идею о родстве вайнахов с хурритами и урартами. Об этом с гордостью пишут чеченские историки (Айдаев 1996. С. 139). Однако отдельным авторам она сама по себе кажется недостаточной, и они настаивают на прямой преемственности между вайнахами и хуррито-урартами. Например, чеченский бизнесмен, президент Общего Евро-Азиатского дома З. Шахбиев, уверенный в том, что древняя история вайнахов злонамеренно замалчивается российскими учеными, считает Урарту «правайнахским государством» (Шахбиев 1996. С. 45). Правда, одновременно он выводит вайнахов напрямую из скифов, проводя параллель между их высокими моральными качествами, отвагой и военным искусством (Шахбиев 1996. С. 16-17, 23-33). Еще дальше идут С.-Х. Нуныев и И.М. Сигаури, поставившие своей целью доказать, что у предков чеченцев с глубочайшей древности имелась своя государственность: для них все древнейшие государства Передней Азии (Шумер, хурритские царства, Урарту) были созданы кавказцами, прямыми предками чеченцев (Сигаури 1997; Нуныев 1998) [121]. По этой миграционной версии, предки чеченцев в лице кобанских племен двигались с юга на север, основывая по пути города, крепости и даже государства. Тем самым вайнахам приписывается цивилизаторская миссия на Кавказе, а их становление как народа связывается с Закавказьем, Малой и Передней Азией (Шахбиев 1996. С. 66). Подчеркивается, что тем самым у чеченцев были периоды своей государственности (Сигаури 1997. С. 7), что должно легитимизировать современные претензии на независимость.

Живущий в Москве чеченский бизнесмен М.М. Сайдуллаев утверждает со ссылкой на Ю. Дешериева, что у чеченцев своя государственность имелась еще 3000 лет назад, но не уточняет ее локализации во времени и в пространстве. Зато, противореча сказанному, он заявляет, что чеченцы будто бы были впервые упомянуты в литературе в VI в. до н. э. Еще важнее ему представляется то, что «племя чеченцев было вольнолюбивым», «ни ассирийцы, ни урарты, ни римляне и греки не могли покорить их». Если у кого-либо возникали сомнения в этом, то он отмечал их, говоря, что «героическая история чеченского народа коммунистами вымарывалась, переписывалась на потребу строю и идеологии» (Сайдуллаев 2002. С. 22-23). О том же еще раньше писал Нуныев, доказывавший, что якобы большевики сознательно скрывали от вайнахов славные страницы их древней истории. Однако их старания оказались безуспешными, ибо «генная память, интуиция, подсознание всегда подсказывали нахским народам их прочную связь с чем-то изначальным, духовно великим, судьбоносным» (Нуныев 1998. С. 29-30, 80).

Зато для бывшего вице-премьера в правительстве З. Яндарбиева, Хож-Ахмета Нухаева, «великое и судьбоносное», на удивление, связано отнюдь не с примордиальной чеченской государственностью, а,

напротив, с исконной родоплеменной общиной. Он утверждает, что чеченцы никогда не знали государственности, а все попытки ее им навязать, будь то русские или имам Шамиль, вели к краху. Резко критикуя имамат Шамиля, Нухаев превозносит модель теократической безгосударственной нации во главе с вождем, что якобы изначально было свойственно чеченцам [122]. В городах он видит яркий символ ненавистной ему цивилизации и приветствует их уничтожение. Тем самым, как это ни парадоксально, он позитивно воспринимает разрушения, причиненные Чечне недавними войнами. Для него это — очищение, приближающее Чечню к вожделенному «варварству» (Нухаев 2001. С. 35).

Появление на политической карте Республики Ингушетия дало новое направление этой стратегии в этногенетических построениях. Ингуши придают своему далекому прошлому не меньшее значение, чем чеченцы, и на новом гербе Ингушетии можно видеть символический солярный знак, позаимствованный из граффити на средневековых памятниках (Албакова 1998. С. 84). Сразу же вслед за учреждением Республики Ингушетия ингушские газеты занялись активным поиском национальной идеологии, опирающейся на славное прошлое. В последние годы в них особой популярностью пользовались публикации, обсуждавшие проблему необычайной древности ингушского языка, который будто бы был широко распространен в ареале древнейших мировых цивилизаций и следы которого сохранили топонимы самых различных стран Азии, Африки, Европы и Америки. В частности, заявлялось, что «фундамент этого [ингушского. — В. Ш.] языка был использован при формировании индоевропейских и некоторых азиатских языков» (Хашиев и др. 1996) или что «ингушский язык — прайзик человечества» (Абадиев 2004). Для пущей убедительности ингушская газета «Сердало» («Свет») извлекает из архива давно устаревшую по методике и концепции написанную в 1918 г. упоминавшуюся выше работу энтузиаста ингушского просвещения Ф.И. Горепекина. Как отмечалось, обуреваемый патриотическими чувствами, он доказывал, что предки ингушей пришли на Кавказ из Индии через Армянское нагорье и едва ли не с самого начала обладали письменностью (Горепекин 1997). Но сегодня в Ингушетии больше популярна иная идея, о том, что цивилизация пошла с Кавказа, а ее исконными создателями были ингуши (Абадиев 2004).

Впрочем, не только дилетанты, но и ученые Ингушетии озабочены доказательством необычайной древности ингушского языка, культуры и государственности. В сентябре 1997 г. в Назрани была проведена научная конференция, на которой среди прочих проблем обсуждался вопрос об ингушском языке как «ключе к древним языкам мира (урартскому, хурритскому, этрусско-му и т. д.)». В 2002 г. по инициативе Ингушского НИИ гуманитарных исследований были опубликованы рассмотренные выше рукописи М.М. Базоркина, где предками ингушей назывались хетты и ингуши представлялись могущественным народом, господствовавшим в районе Центрального Кавказа в раннем железном веке (Базоркин 2002). В своем послесловии к этому изданию его редактор, директор Ингушского НИИ кандидат физико-математических наук А. Б. Куркиев, утверждал, что никаких алан на Кавказе до XV в. не было, что осетины получили нартский эпос от кавказских аборигенов и что предков ингушей следует наряду с грузинами считать основателями древнейшей грузинской государственности. При этом он называл классические работы Г.Ю. Клапрота и В.Ф. Миллера «псевдонаучными писаниями». Он хвалил Базоркина за его поиски истоков «ингушской цивилизации» в области древневосточных цивилизаций, доказывал, что до прихода осетин в горах Северной и Южной Осетии обитали предки ингушей, в частности известные осетинскому фольклору «царциаты» (Куркиев 2002. С. 281-286. Но осетинские ученые видят в последних «алан-осетин», проникавших в Закавказье в эпоху раннего Средневековья. См.: Бязыров 1980. С. 167-169; Дзаттиаты, 1980; 1986; Дзиццойты 1992. С. 254-257). В то же время ингушская пресса давала понять, что не все вайнахи, а именно ингуши были прямыми потомками «урартов-халдов», и именно они принесли государственность в Колхиду, а затем и на Северный Кавказ (Кодзоев 1994 а).

Для многих ингушских авторов является очевидным, что кобанская культура как в горах, так и на плоскости была создана их прямыми предками. Ссылаясь на армянские источники, они доказывают, что вайнахи не только жили там с глубокой древности, но и создали во второй половине I тыс. до н. э. «крупное политическое образование», простиравшееся от Приэльбрусья и р. Матки на западе до р. Аргун на востоке и от Главного Кавказского хребта на юге до р. Терек на севере (см., напр.: Патиев 2002 а. С. 21-22).

Не забыта и аланская проблема. Некоторые ингушские авторы настаивают на том, что прямыми потомками алан являются именно вайнахи, которые только и сохранили исконный аланский язык (см., напр.: Кодзоев 1994 а; 1994 б; Танкиев 2002. С. 95-97). Исходя из этого, еще в советские годы Я.С. Вагапов пытался прочесть известную Зеленчукскую надпись по-чеченски (Вагапов 1980 а).

В основе версии о гетерогенном составе алан в том ее виде, который ей придают вайнахские авторы, лежат прежде всего территориальные соображения. Вот почему они всеми силами стремятся связать предков вайнахов с теми древними народами, которые могли когда-то жить на равнинах Предкавказья, — будь-то кобанцы (Ахмадов и др. 1994. С. 399; Мужухоев 1995. С. 8-9, 60), аланы (Вагапов 1990 а. С. 106-109; Мужухоев 1995. С. 60-62; Плиев 1995; Шахбиев 1996. С. 52-53; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 14; Сигаури 1997. С. 6, 156, 202-204; Патиев 2002 а. С. 22), скифы (Измайлова 1991 а; 1991 б; Шахбиев 1996) или хурриты (Калойн 1992). Так, чеченский искусствовед Измайлова прямо заявляет, что чеченцев и ингушей нельзя называть «горцами» и что освоение ими плоскости в недавнем прошлом надо рассматривать не как переселение с гор, а как «возвращение на свою историческую родину» (Измайлова 1991 а: 1991 б). Этому в особенности соответствует аланская версия происхождения вайнахов, позволяющая утверждать, что в позднем Средневековье чеченцы пытались вернуться на равнины, захваченные карабдинскими и кумыскими князьями (Сигаури 1997. С. 230). Кроме того, как настаивают Р.Ш. Албагачиев и М.А. Ахильгов, «извращенное толкование истории Алании — одно из условий, возбуждающих осетинский экспанссионизм и поощрительное отношение к нему со стороны общественного мнения СНГ и мира» (Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 72).

Начиная с 1994 г. ингуши строили свою новую столицу, которой они после некоторых споров дали название Магас («Город солнца»), — так когда-то называлась столица Аланского царства. 11 июня 1999 г. строительство было окончательно завершено, и после торжественной церемонии новый город получил статус столицы (Патиев 2002 б. С. 79). Название будущей столицы было выбрано специальной конкурсной комиссией и утверждено указом первого президента Ингушской республики Р. Аушева. Место для нее было установлено по рекомендации сотрудника Ингушского государственного музея краеведения Н. Кодзоева, ссылавшегося на якобы неопровергимые археологические доказательства (Агасиев 1994) [123]. Это придало новый ракурс рассматриваемому спору, ибо между разными этнонациональными школами археологов имеются разногласия относительно локализации исторического Магаса.

Как уже отмечалось, один из наиболее авторитетных северо-кавказских археологов В.А. Кузнецовых вначале соглашался отождествлять Магас с городишем Алхан-Кала, расположенным на территории Чечни у слияния р. Ассы с р. Сунжей в 17-18 км к западу от г. Грозного (Смирнов 1967. С. 37). Позднее он идентифицировал его Нижне-Архызским городищем, находящимся в Карачае (Новосельцев 1987. С. 107. См. также: Марковин, Мунчаев 2003. С. 199, 234), а потом вообще отказался от таких попыток, признав их безосновательными до проведения новых исследований (Кузнецов 1992. С. 234-235; Кузнецов, Чеченов 2000. С. 66). В то же время грозненский археолог В.Б. Виноградов и его ученики, работавшие в Чечено-Ингушетии, продолжали отождествлять Магас с Алхан-Калинским городищем (Виноградов 1966 а. С. 22; 1966 б; 1970. С. 68-90; 1980. С. 27; 1989 а. С. 15; Мамаев 1979; Бузуртанов и др. 1980. С. 21. См. также: Гриценко 1975. С. 39; Ахмадов 2001 б. С. 189, 192). В частности, разделявший эту идею чеченский археолог М.Х. Багаев настаивал на том, что Магас был вайнахским городом (Багаев 1974). Чеченский лингвист Я.С. Вагапов был не только убежден в том, что Магас и другой известный аланский город Дедяков следовало искать в окрестностях Грозного, но доказывал, что сами эти названия были вайнахскими (Вагапов 1984). Особняком стоял лишь чеченский писатель Х.Д. Ошаев, убежденный в том, что Алхан-Калинское городище является остатками не Магаса, а Дедякова, где помимо алан жили адыги и вайнахи (Марковин, Ошаев 1978).

Этот вопрос приобрел политическое значение в 1990-х гг., когда ингуши задумали строить свою новую столицу. Тогда Н. Кодзоев, опираясь на предположение В.Б. Виноградова о том, что в Назрановском районе располагался крупный аланский центр (Виноградов 1980. С. 28-33), начал доказывать, что исторический Магас находился на территории между современными ингушскими селами Али-Юрт, Сурхахи, Яндырка, Плиево и Экажево, где были найдены несколько крупных средневековых городищ. Одно из них, Хатой-Боарз, он и считал историческим Магасом. Поэтому именно там к югу от Назрани и было решено возводить новую столицу Ингушетии (Кодзоев 1994 а; 2003. С. 7, 36-54). С. Хамчиев включил эту версию в свою хронологическую таблицу по истории ингушского народа (Хамчиев 1996. С. 5), а через несколько лет в ингушской газете Магас уже был назван «древней ингушской столицей» (Газгиреев 1998). Между тем некоторые чеченские авторы по-прежнему отождествляют его с Алхан-Калинским городищем (Сигаури 1997. С. 208; Ахмадов 2001 б. С. 192). Осетины, возмущенные посягательствами своих соседей на славный Магас, располагают его к западу от Владикавказа (см., напр.: Хачири 2002. С. 368), а карачаевцы помешают его в верховьях р. Кубани на месте Нижне-Архызского городища (Лайпапов 1995; Нахушев 1998. С. 240; Байрамкулов 1998. С. 47; Тебуев, Хатуев 2002. С. 49. Об этом см.: Бальбу-

ров 1997). Впрочем, поиски исторического Магаса пока что не увенчались успехом. Тем не менее ингуши даже западного журналиста заставили поверить в то, что их столица строилась на месте исторического аланского города Magas (Smith 1998. P. 117).

Интересно, что недавно появилась еще одна версия, ставящая целью обосновать неоспоримое право ингушей на земли Пригородного района. На этот раз заявляется о том, что Пригородный район – это «историческая родина ингушского народа» (Мужухоев 1995. С. 4, 109) или даже вайнахов в целом (Аушев 1997). Нетрудно догадаться, что эта версия опирается на все вышеупомянутые доводы, настаивающие на том, что первоначально вайнахи жили на плоскости.

Одновременно, вслед за некоторыми балкарскими авторами протестуя против засилья «ученых-иранистов» с якобы присущей им «тенденциозностью», некоторые представители вайнахской интелигенции оспаривают, казалось бы, устоявшийся в науке вывод об ираноязычии скифов и сарматов. З. Шахбиев настаивает на том, что генетически вайнахи напрямую связаны со скифами, причем никаких особых доказательств ему для этого не требуется (Шахбиев 1996. С. 23, 29-33). Эту концепцию с симпатией представляет широкому читателю профессор, доктор филологических наук Ю. Дешериев (Шахбиев 1996. С. 378).

Еще дальше идет ингушский краевед Н. Кодзоев, утверждающий, что «осетины не имеют никакого отношения к аланам» и что неотъемлемой частью последних являлись магалоны, предки ингушей (магалонами ингушей называли осетины) (Кодзоев 1994 а; 1994 б: 2003. С. 9) [124]. В начале 1990-х гг. утверждение о чеченцах-алахах, игравших ведущую роль в аланском союзе и государстве Алания, активно пропагандировалось в средствах массовой информации Грозного (Хожаев 1991 б; 1993 б; Хизриев 1992 б). Эта версия развивается как вполне надежная и в уже упоминавшейся книге Сигаури (1997. С. 6, 204, 210). В смягченном виде она попала даже в общероссийскую энциклопедию «Народы России», где Аланское царство называется полиэтническим государством (Ахмадов 1994. С. 399). Этой версии следует видный чеченский историк Я.З. Ахмадов, доказывающий, что «равнинные нахи» входили в аланский союз и даже пропитывали его «сильным северокавказским элементом». В его устах Аланское царство было «горско-аланским симбиозом» (Ахмадов 2001 б. С. 179, 190, 194). В чеченской прессе высказываются даже соображение о том, что не тюрки, а предки чеченцев играли ведущую роль в Хазарии. Тем самым опровергается представление о чеченцах как о безгосударственном народе – ведь по этой версии чеченцы неоднократно участвовали в формировании древних и средневековых государств от Урарту до Симсим (Хизриев 1992 б). Иной раз высказывается утверждение о том, что осетины происходили от алан и нахов (Вагапов 1990 а. С. 109; Сигаури 1997. С. 204, 213) и что от последних в значительной степени происходили даже тюркоязычные кумыки (Сигаури 1997. С. 216).

В то же время чеченскому искусствоведу Измайлова уже недостаточно объявить скифов, саков и сарматов предками вайнахов; для него все они – лишь этап на пути формирования чеченцев и ингушей, тогда как начало этого процесса он помешает в Древний Египет (Измайлов 1989; 1990; 1991 а; 1991 б; 1991 в). По мысли этого автора, предки чеченцев и ингушей не только создали государственность Древнего Египта, но уже там произошло их разделение, что якобы соответствовало Верхнему и Нижнему Египту, где они являлись привилегированными сословиями. Измайлов смело отправляет вайнахских предков в дальние странствия, и они путешествуют по Средиземноморью, Передней и Средней Азии, пока не попадают в Северное Причерноморье. Попутно они оставляют клинописные надписи, которые, по словам автора, легко расшифровываются с помощью нахских языков (при этом он как будто забывает, что сам же приписал им не клинописную традицию, а иероглифику!). Все это должно свидетельствовать об «исключительной древности чеченской и ингушской истории и государства, не говоря уже о древности истории нахов», – заключает автор одну из своих статей (Измайлов 1991 в) [125].

В сходном направлении движется мысль чеченского учителя истории Хадзиева, который, опираясь на последние достижения сравнительно-исторического языкознания, указывает на близость этрусков к нахским народам. Исходя из этого, он интерпретирует славные деяния этрусков в Италии, включая и основание Рима, как плод конструктивной энергии кавказских (вайнахских) народов. Иными словами, вайнахи оказываются творцами римской государственности, и автор смело интерпретирует «римско-этрусские слова», исходя из вайнахских языков. Не останавливаясь на этом, он, подобно Измайлова, объявляет египтян, скифов, саков, сарматов и массагетов носителями древней вайнахской культуры (Хадзиев 1991; 1992 а; 1992 б) [126].

В 1992 г. грозненские газеты восторженно рекламировали книгу Х.А. Закриева «Ключ к тайнам», где делались попытки доказать, что Ветхий Завет был написан на вайнахском языке, якобы родном

языке Авраама. Основная масса алан объявлялась вайнахоязычным населением, осетины назывались потомками скифоязычных аланс-осов, а казаки — потомками славяноязычных аланс-аорсов. Корреспондент писал с едва скрываемым ехидством: «Какой же должна быть радость братьев-осетин, если мы докажем им, что их героические предки вовсе не вымерли и не пропали без вести, а живы и здоровы, и живут рядом с ними?» (Куддузов 1992. См. также: Закриев 1991: На каком языке 1992). Надо ли удивляться, что Закриев объявил вайнахский язык одним из древнейших в мире (Закриев 1991)? Любопытно, что этот миф поддержат профессиональный чеченский филолог Х.З. Бакаев (Д. Баксан), один из главных идеологов небольшой группы современных чеченских радикалов, связанный с межтейповой организацией «Нохчи-Латта-Ислам», основанной Хож-Ахмедом Нураевым. По словам Бакаева, вайнахи донесли до наших дней древнейший язык «европеоидов-кроманьонцев», которых он к тому же причисляет к «арийцам» (Баксан 1998. Об этом см.: Тишков 2001 а. С. 461, 473-476).

Новый импульс подобного рода «изысканиям» задал застуженный учитель РСФСР А. Долатов, попытавшийся объявить вайнахский язык первоязыком мира и связать позднепалеолитические находки в Чечено-Ингушетии с непосредственными предками вайнахов, якобы давшими начало всем остальным народам Евразии (Долатов 1990. См. также: Алихаджиев 1992). В 1991-1992 гг. эту версию поддержала чеченская газета «Республика» (Газиев 1991), писавшая также о «протонахской прародине человечества» в Передней Азии, имея в виду знаменитую израильскую пещеру Схул, откуда бы и вышла древненахская общность, положившая начало шумерам, египтянам, хурритам и т.д. (Калаев 1991). В частности, древние нахи оказались тем субстратом, который породил индоевропейцев, и именно хурриты якобы были первыми обитателями причерноморских степей (Калойн 1992). Не менее популярной в Чечне и Ингушетии была в 1990-е гг. тема Атлантиды, причем жители Кавказа объявлялись прямыми наследниками атлантов (История Атлантиды 1992).

Следует отметить, что перечисленные выше интерпретации древней этнической истории далеко не новы и не оригинальны. Многие из них уже высказывались эмигрантами-горцами в 1920-е гг. (Цалыкката 1924). Однако мысль о необычайной древности чеченского языка не покидает чеченских авторов и в конце 1990-х гг. Чеченский язык снова объявляется «родоначальником всех остальных языков» (Путь Джохара. 1997. № 9). Кроме того, находившаяся под контролем официального идеолога чеченской революции М. Удугова газета «Путь Джохара» объявила чеченцев основателями государства на Руси (Мачигов 1997).

Лишь крайне редко в чеченских СМИ делались попытки с помощью иронии обуздать этот вал мифотворчества (см., напр.: Гудаев 1990; Р. Ибрагимов 1991; Мутотаев 1993. См. также: Боков 1998. С. 9). Сегодня молодой чеченский историк весьма негативно оценивает всю эту мифотворческую деятельность. По его мнению, «в прошлом униженному во всех отношениях чеченскому народу начали внушать идею национального превосходства, крайне опасную для любого этноса» (Гакаев 2003. С. 176). О том же, по сути, говорит и Тишков: «Северокавказское сообщество готово спорить о глубине культурных корней каждой этнической группы, но в понимании современных проблем, их причин, того, что нужно сделать для эффективного управления и развития общества, — большой провал» (Тишков 2003. С. 316).

Что движет чеченскими авторами, стремящимися всеми силами наделить свой народ великим историческим нарративом? Вот как они сами это объясняют. Писатель Нуруев полагает, что «наша древняя богатейшая история и культура накладывают на нас ответственность быть выше эгоистических сиюминутных интересов, думать не только о себе, но и о своих соседях — народах с не менее богатым прошлым». Прибегая к библейской лексике, он убеждает, что тяжелые испытания накладывают на чеченцев моральную ответственность и дают право выступать в роли миротворцев (Нуруев 2003. С. 352-353). Повторяя логику ревитализационных учений (Wallace 1956), он верит, что «эти истины [память о древней истории. — В. Ш.]», в случае глубокого беспристрастного осознания, могут помочь в формировании нового национального самосознания в новых исторических условиях, послужить основой зарождения новой идеологической концепции для вайнахов — концепции духовной нации» (Нуруев 1998. С. 10). Ислам для него — это религия примирения, призванная не только сплотить вайнахов и помочь им создать общество социальной справедливости, но и возвести мост для взаимопонимания между восточными и западными культурами (Нуруев 1998. С. 82-85). Сходной логики придерживается Л. Усманов. Правда, он оставляет в стороне религиозный фактор и настаивает на статусе Кавказа как особой самостоятельной цивилизации, являющейся естественным мостом между исламским и христианским мирами (Усманов 1997. С. 378-379).

Чеченский бизнесмен З. Шахбиев пытается самостоятельно написать великую историю чеченского народа, полагая, что «только тот народ, который имеет свою духовность, свои традиции и свои корни, может не беспокоиться о своей деградации и своем будущем» (Шахбиев 1996. С. 13). Еще дальше идет Сигаури. Подчеркивая якобы исконную приверженность чеченцев идею равенства и отсутствие у них идеи превосходства какой-либо нации, он тем не менее заявляет, что они стремятся стать лидерами среди других, так как их предки будто бы были «гегемоном среди кавказских народов» (Сигаури 1997. С. 7). А Дени Баксан заявляет, что «на народ нахский возложена в этом мире великая миссия Соответствия — своей крови, своему первозаряду, своему завету и энергии земли, на которой он обитает» (Баксан 1998). Наконец, чеченский политик З. Сусуев вспоминает о «предках-хурритах» для того, чтобы подчеркнуть самобытность чеченской культуры, которой негоже превращаться в «часть безликой исламской уммы» (Сусуев 1999).

Иными словами, тройная травма — отсутствие престижного древнего прошлого и упреки в «ди-кости» и «отсталости», воспоминания о депортации, а также неудачная попытка построения независимой государственности в 1990-х гг. — заставляет чеченских интеллектуалов тратить огромные усилия на конструирование картины славного древнего прошлого, включающего идеи свободолюбия, престижного родства с переднеазиатскими народами, древней государственности и ее преемственности во времени. У Баксана это доходит до мессианства, расизма и утверждения о чистоте крови, в чем он благодарно и вполне осознанно следует не только Л. Гумилеву, но и Гитлеру. Любопытно, что при этом он утверждает, что «миссия чеченцев заключена в сопротивлении мессианству других наций, с которыми сталкивают их исторические судьбы».

Глава 13. Возрождение орстхойцев

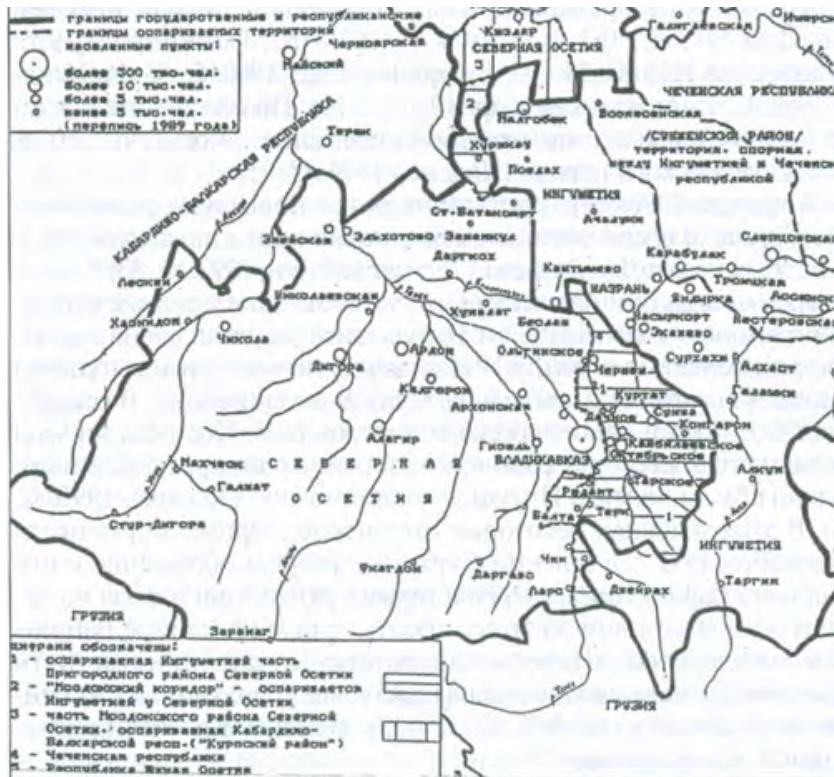
В начале 1990-х гг. движение за национальное возрождение охватило орстхойцев (карабулаков), активно ассимилировавшихся чеченцами и ингушами в течение последнего столетия. Большинство их жили в Назрановском и Малгобекском районах Ингушетии и Ачхой-Мартановском районе Чечни. Кроме того, как мы увидим ниже, они населяли Сунженский район, составляющий камень преткновения между Чечней и Ингушетией в наши дни. Одни из орстхойцев говорили по-чеченски и называли себя чеченцами, другие говорили по-ингушски и связывали себя с ингушами (Коригов и др. 1990; Юсупов 1999).

Орстхойцы занимают особое место в истории вайнахов. До Кавказской войны они были одним из самых крупных и сильных из их племен. Отличаясь воинственностью и непримиримостью, они отважно сражались с царскими войсками, а потерпев поражение, почти полностью эмигрировали в Османскую империю. Те из них, кто осталось на Северном Кавказе, были в советское время включены в состав частично ингушей, частично — чеченцев. Между тем память об их былом могуществе сохранилась, и в работах советских авторов они иной раз представлялись отдельной этнической группой, отличной как от чеченцев, так и от ингушей (Волкова 1973. С. 162-164; 1974. С. 163-167; Гантемирова 1975; Сулейманов 1978. С. 78-80; Бузуртанов и др. 1980. С. 55; Робакидзе 1986. С. 7-8; Великая и др. 1990. С. 10). Правда, не все с этим соглашались, и уже тогда некоторые чеченские авторы считали их частью чеченского народа (Хизриев 1974. С. 7).

В начале 1990-х гг. орстхойцы резко повысили свой социальный статус среди чеченцев, ибо именно к ним, по слухам, принадлежала семья Дж. Дудаева (Тернистый путь 1992. С. 83) [127]. В то же время тогда они опасались, что установление административной границы между Чечней и Ингушетией разрежет их на две части, тем более что с конца 1990 г. между чеченцами и ингушами назревал конфликт из-за земель Сунженского района. В сентябре 1989 г. устами одного из своих лидеров Б.У. Костоева ингуши назвали его в числе тех районов, которые, по их представлениям, должны были войти в Ингушскую автономию (Костоев 1990. С. 34). В этих условиях некоторые ингушские старцы, собравшиеся 26 декабря 1991 г. в селении Сурхахи, приняли обращение к ингушскому народу, предостерегая против разделения народа на части и рекомендую вместо этого строить единое неделимое Вайнахское государство. «Народ» они понимали как единство пяти народностей: чеченцев, ингушей, орстхойцев, мелхинцев и аккинцев (Тернистый путь 1992. С. 31-32). Однако мало кто прислушался к этому призыву.

Орстхойцы особенно остро почувствовали опасность раздела земель после того, как 8 января 1992 г. парламент Чеченской Республики принял постановление «О реорганизации Сунженского района

и установлении границы между Чеченской Республикой и Ингушетией», восстанавливающее в правах границы до 1934 г., когда Сунженский район входил в состав Чеченской автономной области. Правда, в ответ демократическая общественность Чечни выступила с призывом отказаться от проведения таких границ и строить единую независимую федеративную Вайнахскую республику (Гакаев 1997. С. 252-254), и уже 14 января президент Дж. Дудаев наложил вето на постановление парламента, ибо в Ингушетии еще отсутствовали ответственные органы власти, уполномоченные решать пограничный вопрос (Мужухоев 1992 а). Тем не менее, представляя себя отдельной этнической группой и считая сунженские земли своим историческим наследием, орстхойцы стояли за единство «вайнахского народа», распад которого на две части неминуемо обрекал их на разделение (Обращение к вайнахскому народу 1992).

*Спорные границы Северной Осетии, Ингушетии и Чечни
(по А. Цущеву)*

Второй звонок прозвенел 4 июня 1992 г., когда Верховный Совет РФ принял закон «Об образовании Ингушской Республики» и на повестку дня вновь встал вопрос о границах с Чечней. Поэтому 18 июля 1992 г. в станице Слепцовской Сунженского района состоялся сход орстхойцев, где было учреждено общественное движение «За возрождение орстхойского этноса». В сходе участвовали известные историки, писатели, религиозные деятели и представители местной администрации. Один из них рассказывал, как в советские годы участнику Гражданской войны С. Ж. Цечоеву удалось добиться записи «карабулак» в паспорте (Боков 1992). Обращаясь к истории, орстхойские интеллектуалы подчеркивали большие заслуги своих предков перед вайнахами и напоминали о прошлых границах орстхойских земель. В частности, преподаватель ЧГУ Л. Сумбулатов доказывал, что когда-то эти земли простирались от Хасавюрта (Дагестан) до Владикавказа (Северная Осетия) (Сумбулатов 1992). Кроме того, на сходе шел разговор о трагической части орстхойцев, переживших два геноцида (в результате Кавказской войны и сталинской депортации), и о том, что именно их земли были в первую очередь заняты казаками в XIX в. Поэтому, не желая разделения земель, где покоились кости их предков, выступавшие ставили перед собой задачу «соединить чеченцев и ингушей в один народ» (Мержоев 1992). В своем стремлении к этому они даже выступили в 1992 г. посредниками в решении пограничного спора между чеченцами и ингушами (Юсупов 1999; Тишков 2001 а. С. 142, 167). 28 августа 1993 г. в станице Орджоникидзевская состоялся I съезд орстхойского народа, выступивший за переименование Сунженского района в Орстхойский и потребовавший признания его исторической родиной орстхойцев «Орстхой-Мохк» (Патиев 2002 б. С. 26). С октября 1992 г. движение «За возрождение орстхойского этноса» выпускало свою газету «Орстхо». После

ноября 1994 г. она было переименована в «Вайнах» — этим орстхойцы подчеркивали свою преданность идею единства вайнахских народов. Этой установке они остались верны и во время III съезда движения «За возрождение орстхойского этноса», состоявшегося 31 июля 1999 г., где присутствовали делегаты из Грозного, а также из двадцати сел Чечни и Ингушетии. Там еще раз была подчеркнута недопустимость установления государственной границы между Ингушетией и Чечней. Делегаты высказались также в поддержку идеи единого Вайнахского государства, но на этот раз сделали акцент на его исламском характере (Юсупов 1999).

Последние пятнадцать лет ряд орстхойских интеллектуалов делали все для возрождения орстхойской идентичности. С особой энергией этим занимался заведующий кафедрой истории СССР Чеченско-Ингушского государственного университета, археолог М.Б. Мужухоев. Он доказывал, что орстхойцы являлись отдельным вайнахским народом и что, несмотря на ассимиляционные процессы XX в., они сохранили свою особую идентичность (Мужухоев 1991; 1992 б). Чтобы отстоять свое право на самобытность, орстхойские интеллектуалы пытались всеми силами наделить своих предков великой историей. При этом они опирались, в частности, на вайнахскую версию северокавказского нартского эпоса, где богатырям-горцам противостояли нарты-орстхойцы, обитатели равнин. По преданию, последние пришли с берегов Черного моря (Сулейманов 1978. С. 79). Эпос представлял их враждебной силой и наделял негативными качествами, что дает основания некоторым ученым видеть в нем отголосок вооруженной борьбы между горцами и пришлыми ираноязычными степными кочевниками (Мальсагов 1970. С. 24-32; Дзиццойты 1992. С. 35-38, 92-93). Фольклорист У.Б. Далгат считала, что в народной памяти произошло смешение эпических героев с этническими: «Пришлые [эпические] герои, воссоединившись с воинственными этническими орстхойцами, и создали нарт-орстхойцев, т.е. образы героического склада, но отрицательного действия» (Далгат 1972. С. 115).

Между тем, оспаривая осетинский подход, Мужухоев настаивал на том, что нартский эпос был создан горцами, а не ираноязычными степняками (Мужухоев 1995. С. 5, 14-15, 56-73). Он доказывал, что нарт-орстхойцы не имели ничего общего с алантами и что их следовало считать прямыми предками исторических орстхойцев. Мало того, он отождествлял их с доаланскими обитателями равнин, «кобанскими племенами на плоскости», и даже предполагал, что тогда, т. е. во второй половине I тыс. до н. э., у нахов имелось свое крупное политическое образование во главе с «аргами», т. е. орстхойцами (Мужухоев 1991: 1992б: 1995. С. 14, 61-62. См. также: Албагачиев, Ахильзов 1997. С. 14) [128].

В то же время чеченцы эти претензии не признают и представляют орстхойцев одним из тукхумов (Эльмурзаев 1964. С. 130) или одним из горных тейпов, из которых сформировался чеченский народ (Ахмадов 1992; 2001 б. С. 315). Некоторые чеченские авторы пишут о «чеченцах-орстхойцах» (см., напр.: Хамидова 1999. С. 132). На этом основании они считают орстхойские земли неотъемлемой частью Чеченской Республики и протестуют против их вхождения в «Российскую империю» (Чокаев 1992).

Детально вопрос об орстхойцах и их землях был проанализирован чеченскими историками Я. Ахмадовым и Д. Хожаевым в январе 1992 г., когда остро встал вопрос о чеченско-ингушской границе. Считая орстхойцев «чеченской этнической группой», они связывали их корни с чеченским тейпом галай, обитавшим когда-то в окрестностях Галанчожского озера. А их язык они, вслед за чеченским лингвистом М. Р. Овхадовым, признавали диалектом чеченского. По словам авторов, в середине XVIII в. территория орстхойцев размешалась между р. Фортангой и Сунжей, т. е. между чеченцами на востоке и ингушами на западе. В этот период орстхойцы двигались на северо-запад и вместе с ингушами заселяли также Малую Кабарду, откуда уходили кабардинцы. В то же время представление о культурно-языковой и политической близости орстхойцев с чеченцами позволяло авторам расширять границы чеченских земель вплоть до Сунжи. Они подчеркивали, что в начале XIX в. ингуши проявляли к тем враждебность, предпочитая опираться на поддержку царских властей. Однако вскоре орстхойцы, наряду с ингушами и осетинами, были включены в Военно-Осетинский округ и стали считаться «ингушским племенем». Но они отказались служить царю и вместе с чеченцами активно участвовали в Кавказской войне, войдя в состав имамата Шамиля. В наказание за это бывшие орстхойские земли были пожалованы царской властью казакам. То же произошло и с ингушскими землями после ингушского восстания 1858 г. В 1865 г. подавляющая часть орстхойцев была насильно выслана в пределы Османской империи, и их земли остались за казаками. С тех пор вплоть до эпохи Гражданской войны между ингушами и чеченцами на плоскости располагались казачьи земли. Лишь в 1920-1921 гг. часть этих земель была изъята у казаков и поделена между чеченцами и ингушами (Ахмадов, Хожаев 1992).

Фактически рассмотренная статья, вышедшая сразу же после решения чеченского парламента о проведении чечено-ингушской границы, была призвана обосновать законное право Чеченской Республики на территорию Сунженского района. Эстафету у авторов статьи тут же подхватил известный чеченский журналист и политик Л. Салигов, главный редактор газеты «Справедливость». Отвечая некоторым ингушским авторам (в их числе одному из ингушских лидеров, председателю Народного Совета Ингушетии Б. Сейнароеву), возмущавшимся претензиями новых чеченских властей на земли Сунженского и Малгобекского районов (Сейнароев 1992; Долов, Плиев 1992; Богатырев, Костоев 2000. С. 44-45), он прямо связал, на его взгляд, надуманную орстхойскую проблему с земельной тяжбой между ингушами и чеченцами и попыткой некоторых ингушских лидеров «отторгнуть часть чеченских земель в пользу России». Он напомнил, что нынешний Сунженский район был сформирован в конце 1950-х гг. из объединения исконного Сунженского района с Галашкинским (Первомайским), из которых первый принадлежал до 1934 г. Чечне, а второй — Ингушетии (Салигов 1992). Салигова поддержал чеченский историк Д. Хожаев, также усматривавший истоки «возрожденческого движения» орстхойцев в стремлении к отторжению части территории Чеченской Республики. Он не только повторял аргументацию Салигова, но и обращал внимание на то, что Сунженский район, вопреки Мужухоеву, никогда не был какой-либо этнотERRиториальной единицей и его границы неоднократно менялись. При этом его равнинная часть, по его словам, всегда принадлежала чеченцам (Хожаев 1993 а).

По словам Салигова, в 1990-1991 гг. местные власти Сунженского района всеми правдами и не-правдами стремились повысить долю проживавших в районе ингушей. Он тоже ссылался на историю, напоминая о том, что к 1840 г. орстхойцы вошли в имамат Шамиля. В конечном итоге он предлагал ингушам организовать для ингушских орстхойцев автономию в Галашкинском районе, оставив в покое Сунженский (Салигов 1992). В обоснование своей позиции Салигов опубликовал в газете «Справедливость» документы схода сунженских казаков, состоявшегося в январе 1991 г. В связи с обнародованием Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики те просили восстановить в ее рамках Сунженский административно-территориальный район, упраздненный в 1928 г. Кроме того, казаки жаловались на начавшуюся усиленную раздачу местных земель ингушам и силовое вытеснение русского населения из района (Справедливость. 1992. № 5. С. 5).

В начале 1992 г. бывшие советские руководители Сунженского района Р. Татиев и С. Маштагов объявили там чрезвычайное положение и стали создавать вооруженные формирования, отказываясь подчиняться административной власти Чеченской Республики (Салигов 1992) [129]. Однако когда ситуация изменилась и напряжение спало, местные чеченские власти Сунженского района даже организовали кампанию по смене записи о национальности в паспортах — с ингушской (речь шла об орстхойцах) на чеченскую (Костоев 1995. С. 52-53). Страсти несколько улеглись после того, как 23 июля 1993 г. Чечня и Ингушетия подписали договор «О принципах определения границ своих территорий» (Костоев 1995. С. 79-80).

Однако демаркация границ так и не была проведена, что постоянно вызывает трения между соседями. В мае 1999 г. президент Чечни А. Масхадов подписал указ о переименовании ряда населенных пунктов, среди которых значились и расположенные на территории Сунженского района. Ингуши восприняли это как посягательство на свою территорию (Патиев 2002 б. С. 78). Действительно, чеченцы считают Сунженский и Малгобекский районы частью Чеченской Республики; граница между ней и Республикой Ингушетия до сих пор остается недемаркированной. Любопытно, что в этих сложных обстоятельствах чеченский краевед А. Сулейманов изменил свою прежнюю точку зрения на орстхойцев как отдельный народ и представил его одним из чеченских обществ (Сулейманов 1997. С. 13). Между тем орстхойцы не намерены уступать. 31 июля 1999 г. они провели в Грозном свой III съезд, где вновь заявили о своей особой идентичности и поддержали идею единого Вайнахского исламского государства (Тишков 2001 а. С. 166-167).

Не урегулирован между соседями и спор о статусе ингушского народа. На I съезде чеченского народа, проходившем в г. Грозном 25-27 октября 1990 г., тот был объявлен чеченским тейпом (Костоев 1995. С. 52). Президент Дж. Дудаев называл предков ингушей «чеченским племенем». Он говорил, что ингуши как этнос сформировались лишь в XIX в. не без участия российских политиков. При этом он выражал надежду на то, что «братские племена одного народа» все равно когда-нибудь объединятся (Тернистый путь 1992. С. 30-31). Некоторые чеченцы считают ингушей, не говоря уже об орстхойцах, молодым народом, формирование которого на основе бывшего чеченского племени еще даже не закончилось (Тернистый путь 1992. С. 104: Сигаури 1997. С. 278: Хамидова 1999. С. 131-132). А чеченские поли-

тики мечтают о воссоединении с ингушами в рамках единой Вайнахской республики или Вайнахской федеративной республики (Мукаев 1993; Магомедхаджиев, Ахмадов 1995. С. 23, 96-99; Шахбиев 1996. С. 316) [130]. Такие планы озвучиваются и некоторыми российскими политиками: в связи с невозможностью провести строгую границу между Чечней и Ингушетией С. Шахрай выступил летом 2000 г. с предложением их нового объединения (Шахрай 2000). Эта тема звучала и в первой половине 2002 г. во время кампании по выборам нового президента Республики Ингушетия (Патиев 2002 б. С. 89-90).

Все это вызывает у ингушских интеллектуалов возмущение и побуждает некоторых из них настаивать на необычайной древности своего народа и протестовать против «присвоения» их наследия соседями (Долов, Плиев 1992). Некоторые ингушские интеллектуалы старательно доказывают, что не ингуши образовались из тухума, отделившегося от чеченского массива, а, напротив, чеченцы являются молодой общностью, недавно порвавшей со своими ингушскими родственниками (Абадиев 2004. С. 11, 27). Кроме того, этноним «вейнах» иной раз объявляется исконным ингушским термином. В то же время с сожалением отмечается, что в 1970-1980-х гг. общевайнахскому историческому и культурному наследию придавалось преувеличенное значение, оттеснившее на второй план изучение специфических особенностей ингушского и чеченского народов по отдельности (см., напр.: Танкиев 1996. С. 3, 10, 579, 582; 2002). Что же касается идеи нового объединения ингушей с чеченцами, то, судя по опросам ингушского населения в 1999-2000 гг., подавляющее его большинство возражают против такой инициативы (Сампиев 2002).

Глава 14. *Образ врага*

Чтобы придать конфронтации с Россией облик «цивилизационной» и тем самым заручиться поддержкой у финансовых и политических структур исламского мира, Чечня апеллировала к исламскому фактору. При этом некоторые чеченские интеллектуалы указывали на рост русского шовинизма, прославляющего исключительность и превосходство русской культуры. В качестве одной из таких концепций называется евразийство (см., напр.: Усманов 1997. С. 138) [131], что не вполне справедливо. Больше оснований имеет упрек в том, что в России идеология войны с чеченцами приобретает расовые черты (Усманов 1997. С. 193-196). Кроме того, в российской прессе время от времени появляются провокационные статьи, где весь чеченский народ вновь и вновь обвиняется в поголовной измене в годы Великой Отечественной войны (см., напр.: Крылов 2004). Чеченцев это не может не обижать (Абдулкадыров и др. 2004).

Разумеется, возмущение чеченцев имеет веские причины. Начиная со второй половины 1990-х гг., федеральные СМИ раздували в стране чеченофобию [132]. Показательно, что, если 50-летие депортации чеченцев и ингушей (23 февраля 1994 г.) было отмечено официальным извинением Президента РФ перед «наказанными народами» (Патиев 2002 б. С. 33), то десять лет спустя московские власти запретили какие-либо акции в связи с 60-летием этих скорбных событий.

Однако в отношении ряда чеченских интеллектуалов к нынешней чеченской войне выражаются не только антироссийские, но и антизападнические и антисемитские (против «мирового сионизма») настроения, и по жестокой иронии это заставляет их искать союза с русскими радикальными политическими движениями. Скажем, в конце 1990-х — начале 1991 г. в Грозном проходили митинги солидарности с народом Ирака против «американско-сионистской агрессии». А летом 1992 г. в газете «Ичкерия» была опубликована статья, защищавшая экс-президента Грузии З. Гамсахурдия от «просионистских кругов». Ее автор убеждал чеченцев в том, что «мировому еврейству, мировому сионизму не нравится любой национализм, кроме своего собственного» (Иванов 1992). В родственном ключе развивается и мысль Х.-А. Нураева, усматривающего главную интригу современного мира в экспансии «цивилизации Моря» («атлантической цивилизации»), якобы угрожающей Евразии. Поэтому в чеченской войне он видит не конфронтацию с русскими, а борьбу с универсальной цивилизацией, которая якобы ведется также и в интересах русского народа за восстановление «варварской Евразии» (Нураев 2000; 2002). Так формировался образ врага, обнаруженному Дудаевым и его сподвижниками в лице «нового мирового порядка» и «сионистов» (Васильева, Мурзаев 1994. С. 21; Фурман 1999. С. 17; Вахаев 1999. С. 327-328) [133]. Любопытно, что накануне первой чеченской войны в августе 1994 г. некоторые видные деятели Чеченской Республики (председатель ВДП З. Яндарбиев, председатель Совета старейшин ЧР-Ичкерия С.-А. Адизов, муфтий М.-Х. Алсабеков, ректор Исламского института М.-Х. Насуханов) подписали с ру-

ководителями ряда русских общественно-политических организаций (председателем Русского Национального Собора генералом А. Н. Стерлиговым, представителем казачьих войск Юга России И. П. Пузиковым, президентом Петровской академии наук и искусств Л. А. Майбородой, предводителем Московского дворянского собрания В. С. Лупандиным, председателем Совета православных братств Русской православной церкви Московской патриархии игуменом Кириллом и др.) совместное заявление, направленное против «нового мирового порядка», который в кругах радикальных русских националистов нередко ассоциируется с планами «сионистов». Именно его они винили в подготовке «новой русско-кавказской войны» (Совместное заявление 1994).

Правда, одновременно в Чечне и в России местными властями, политическими деятелями и некоторыми учеными культивировался миф о непрерывной 400-летней конфронтации с Россией (см., напр.: Богатырев, Костоев 2000. С. 70-75; Нураев 2001. С. 8, 29; 2002; 2003. С. 182) [134]. Он был подхвачен и рядом высших российских чиновников, включая президента Ельцина. Например, секретарь Совета безопасности РФ И.П. Рыбкин был убежден в том, что «противостояние началось с конца XVI в., когда рязанцы стали переселяться на Сунжу» (Рыбкин 1997) [135]. Есть и более «умеренные» концепции, сокращающие продолжительность конфронтации до 300 лет (Сайдзелиман 1996. С. 3; Усманов 1997. С. 68).

Однако несравненно более опасной некоторым чеченским политикам представляется «сионистская угроза». Во время первой чеченской войны в Грозном широко распространялись поддельные «Протоколы сионских мудрецов» (Буткевич 2000. Личн. сообщ. 24 апреля 2000). Летом 1999 г. их тираж ввозился в Чечню из соседнего Азербайджана (Butkevich 2000. Р. 22). Одновременно в газете «Великий Джихад» (1998. № 5. С. 17) была опубликована другая фальшивка «Катехизис еврея в СССР». Все такого рода действия и документы говорят о склонности новых чеченских лидеров к антисионистской «идеологии Третьего мира», характерной для поздней или «отложенной» модернизации. В. А. Тишков даже склонен говорить о «крайнем антисемитизме и расизме», свойственных Чечне второй половины 1990-х гг. (Тишков 2001а. С. 455).

Особенно активно радикальные издания начали внедрять в чеченское общество идеологемы антисемитизма в 1996-1999 гг. (Буткевич 2000; Ротарь 2001 б; Гакаев 2003. С. 186), что можно поставить в прямую связь с участием в первой чеченской войне наемников из арабского мира и получением оттуда значительной финансовой поддержки (Тишков 2002. С. 102). Действительно, в своих интервью полевой командир, иорданец Хаттаб, неоднократно изображал чеченскую войну цивилизационным конфликтом мусульман с иудеями и христианами и предсказывал грядущую битву с евреями (Butkevich 2000. Р. 21). К этому аргументу прибегали и такие чеченские лидеры, как З. Яндарбиев и М. Удугов (Ротарь 2001 б; Butkevich 2002. Р. 24-26. См. также: Тишков 2001 а. Р. 478). В 1999 г. радикальная чеченская газета с укоризной указывала на печальный пример Турции, где якобы «жиды» разлагали ислам (цит. по: Малашенко 2001. С. 152-153).

Еще осенью 1996 г. корреспондент «Московских новостей» М. Шевелев с удивлением отмечал популярность в Чечне слухов о «заговоре сионистов», будто бы мечтающих столкнуть христианский и мусульманский миры на чеченской земле. Он видел в этом скорее бытовое представление, чем политическую идеологию (Шевелев 1996). Однако, по признанию Ш. Басаева, А. Масхадов еще во время первой чеченской войны взял на вооружение антисемитскую риторику (Бальбуров 1996). Отчасти это могло объясняться тем, что Масхадов был недоволен активной поддержкой Б. Березовским своих соперников Басаева и Удугова (Evangelista 2002. Р. 49-50, 69). Говоря о второй половине 1990-х гг., чеченский историк Лёма Вахаев утверждает, что «антисемитизм привносится сегодня в чеченское общество правящей элитой, значительная часть которой находится под влиянием исламских радикалов-фундаменталистов». По его словам, «антисемитизм в последние годы буквально вдалбливается в чеченское сознание» (Вахаев 1999. С. 327-328. См., напр.: Ичкерия. 1999. № 8).

В этом в особенности преуспела газета «Кавказский вестник», издававшаяся М. Удуговым, одним из главных сторонников превращения Чечни в исламское государство. Удугов популяризовал в Чечне известную антисемитскую фальшивку «Катехизис еврея в СССР» и публиковал анонимный трактат с красноречивым названием «Зловещий иудаизм», говорящий о «еврейском засилье в современном мире» в стиле печально известных «Протоколов сионских мудрецов» (об этом см.: Тишков 2001 а. С. 477-479; 2002. С. 102-104). Среди чеченских сепаратистов популярна и конспирологическая теория, по которой чеченская война былавязана «семьей» (имеется в виду окружение президента Ельцина), Израилем и США для того, чтобы перессорить мусульман с православными и втравить их в кровавую бойню

(ср. Совместное заявление 1994). Исламские лидеры позабочились о том, чтобы предупредить об этой «опасности» бывшего губернатора Краснодарского края Н.И. Кондратенко и местных казаков (Аслаханов 2002. С. 120-121). Неутомимый борец с сионизмом, Кондратенко с большой охотой принял версию о том, что за кровавыми конфликтами последних 15 лет на Кавказе стоит «одна и та же агрессивная сила», имя которой «международный сионизм» (Кондратенко 2001. С. 58-59). В самой Чечне антисемитизм используется разными силами по-своему. Если в устах ваххабитов он означает солидарность с палестинцами, для чего они подхватывают лозунг «Будет наш Иерусалим!», то борющийся с ними президент А. Масхадов самих ваххабитов объявляет плодом привнесенной извне «еврейской [сионистской] идеологии» (Масхадов 1998; Хатуев 1999. Об этом см.: Вахаев 1999. С. 328).

Выступая в марте 1999 г. на митинге в Грозном перед 50-тысячной аудиторией, Масхадов обвинил «международный сионизм» в стремлении отлучить его от власти: он фактически отождествил иудаизм с ваххабизмом, якобы привнесенным в Чечню евреями через Саудовскую Аравию (Хатуев 1999: Bntkevich 1999. Р. 121; Бугкевич 2000). Позднее на чеченском веб-сайте в Интернете Ахмад Кадыров с явно провокационными целями был назван «не чеченцем, а евреем» (Butkevich 2000. Р. 22), на что тот ответил заявлением о том, что Хаттаб был не арабом, а йеменским евреем (Butkevich 2002. Р. 23) [136]. Среди чеченских противников Дж. Дудаева также не случайно ходило представление о его еврейских корнях (Butkevich 2002. Р. 23). Впрочем, как удалось выяснить Тишкову, подозрительность в отношении евреев не замыкается в элитарных группах, а встречается и у простых чеченцев (Тишков 2001 а. С 165).

В конце 1990-х гг. в Чечне и Дагестане ваххабиты начали целенаправленную охоту на евреев. Бывшие заложники [137] сообщали об особенно жестоком обращении боевиков с заложниками-евреями и о распространенности среди них представления о том, что чеченскую войну развязали якобы евреи, чтобы поссорить чеченцев с русскими (Бугкевич 2000: Butkevich 1999. Р. 121: 2000. Р. 22-23; 2001. Р. 25; Измайлов 2000; Петровский 2000; Ротарь 2001 б; Тишков 2001 а. С. 412-413). Похоже, антисемитизм искусственно культивируется у боевиков их лидерами. По словам одной из заложниц, недавно побывавшей в плену, боевик-чеченец настойчиво выспрашивал у нее, не еврейка ли она. Свой интерес он объяснил тем, что «нам за убийство еврея сорок грехов списывается» (Погосова 2004. С. 7). Действительно, еще в 2000 г. известный полевой командир Арби Бараев заявлял о необходимости убивать всех евреев, захваченных чеченцами (об этом см.: Тишков 2001 а. С. 479).

В устах некоторых чеченских интеллектуалов антисемитизм выходит далеко за рамки отдельных лозунгов и риторических приемов и превращается в целую историософскую концепцию, призванную объяснить ход мировой истории в целом и злосчастную судьбу чеченского народа в частности. Одна из таких книг была написана философом С.А. Дауевым, делавшим в советские годы успешную партийную карьеру. Закончив Высшую партийную школу в Ростове-на-Дону, он некоторое время работал в партийных органах Чечено-Ингушетии. Затем в конце 1970-х гг. он защитил кандидатскую диссертацию по научному атеизму и начал преподавать в ЧИГПУ, где стал секретарем институтской парторганизации. После «чеченской революции» он моментально отрекся от своего партийного прошлого и стал одним из первых организаторов тухумного движения. Однако, не добившись ожидаемого успеха, он вскоре покинул Чечню и перебрался в Москву, где и подготовил свое сочинение [138].

В своей книге он рисует вековые попытки неких вредоносных сил уничтожить чеченский народ, занимающий стратегически важное положение на Кавказе. Действия этих сил он прослеживает с хазарских времен, когда Чечню якобы наводнили некие горцы («тавлины»), генетически родственные не чеченцам, а населению Хазарского каганата. К ним он причисляет горских евреев, тюрков и персов. С ними он связывает обнаруживаемые им повсюду следы иудаизма и попытки навязать чеченцам якобы не- свойственные тем названия — такие как «Ичкерия», «вайнахи», «Ma(г)ас» [139] — и ввести чуждые символы типа «персидского волка» на новом знамени республики (Дауев 1999. С. 7-12, 45, 47, 151). По его мнению, все эти «чужаки», «привязанные корнями не к чеченцам, а к хазарам... сегодня ориентируются на свою историческую родину или этническую общность» (Дауев 1999. С. 16). Дауев утверждает, что «все кризисные ситуации в Чечне были инициированы тавлинами (горцами) Дагестана и Чечни, а также их хазарскими соплеменниками» (Дауев 1999. С. 139).

Он доказывает, что именно они («ичкеринцы» и «вайнахи») придерживаются сепаратистских устремлений и противостоят России в Чечне (Дауев 1999. С. 46, 169, 183). В попытках дистанцировать от них «истинных чеченцев» он доказывает, что те никогда не состояли ни в каком родстве ни с ингушами, ни с карабулаками, ни с населением Ичкерии (Восточной Чечни). Как это ни парадоксально, он таким образом и горцев (ламарой) противопоставляет «истинным чеченцам». Этих «горцев» он представляет

лишеными всякой культуры «деструктивными силами», будто бы всячески скрывающими свое истинное происхождение (т. е. связь с Хазарским каганатом) во имя достижения своих преступных целей (Дауев 1999. С. 36-43). Тем самым в этом новом мифе также отражается глубокий раскол на горных и плоскостных чеченцев, отмеченный Тишковым (Тишков 2001 а. С. 161-165). Но если повстанческий миф изображает злой силой именно плоскостных чеченцев, то конструкция Дауева рисует прямо противоположную картину.

Раскрывая перед читателем «тайны» современной политики, Дауев изображает сутью вековой региональной истории бесконечную борьбу «потомков хазар» (к ним причисляются едва ли не все соседи чеченцев на Северном Кавказе) с Россией, и только чеченцы объявляются ее истинным союзником. По его словам, в основе всех местных неурядиц оказывается то, что Чечня якобы мешала восстановлению Хазарии (Дауев 1999. С. 74, 163). Поэтому Дауев заявляет, что «политические процессы в современной Чечне и соседних республиках и те, кто за ними стоят, живо напоминают нам о возрождении древней Хазарии» (Дауев 1999. С. 46). Он убеждает читателя в том, что именно «потомки хазар», противоправно взявшись выступать от имени чеченского народа, подписали документы о суверенитете Чечни. Тем самым «реанимировавшийся реликтовый этнический пласт наследников Хазарского каганата, как мы видим, не замедлил себя проявить в этнополитических процессах в регионе... Тогда мы в лице правителей Мааса могли легко узнать иудейское правительство Хазарии, а в Чечне под эмблемой волка — их верное наемное войско из страны Гурган». Он заключает: «Таким образом, мы видим возрождение Маасии-Хазарии-Газарии-Галгари уже не в Персии, на своей исторической родине, а на чеченской земле, которую хазары предусмотрительно назвали Ичкерией» (Дауев 1999. С. 47). Иными словами, «в основе регионального конфликта лежит стремление чеченского народа освободиться от притязаний на господство потомков династий Хазарии». Этот подход не оставляет места для какого-либо противостояния между Чечней и Россией (Дауев 1999. С. 226).

Любопытно, что Дауев критически относится и к исламу, считая исламские государства «потомками турецких (турецких) династий Хазарии» [140]. Мало того, к «потомкам хазар» он причисляет едва ли не все соседние народы, которые якобы только тем и занимались, что вредили чеченцам и отнимали у них их исторические территории (Дауев 1999. С. 58-61). «Потомкам хазар» он считает также всех тех, кто когда-либо оказывал сопротивление колониальной политике России на Северном Кавказе. В этот список, как это ни парадоксально, попадают такие национальные герои чеченского народа, как шейх Мансур, Кази-Мулла, Шамиль, — всех их Дауев отлучает от чеченского народа и обвиняет в попытках восстановить Хазарию (Дауев 1999. С. 65-135) [141]. Он доходит до того, что приписывает Шамилю стремление уничтожить чеченский народ (Дауев 1999. С. 131), — такого не позволяла себе даже шовинистическая пропаганда эпохи позднего сталинизма. Как бы то ни было, книга Дауева развивает чеченскую версию антисемитского хазарского мифа, уже давно взятого на вооружение радикальными русскими националистами [142].

Отмежевываясь от территориальных притязаний чеченских сепаратистов, Дауев тем не менее фактически оправдывает их, причисляя к традиционным чеченским территориям Терекско-сулакское междуречье вплоть до побережья Каспийского моря (Дауев 1999. С. 186, 189). Именно об этом и мечтали Ш. Басаев и М Удугов, говоря о восстановлении «Кавказского халифата» (см. ниже).

Придерживаясь изоляционистской точки зрения на происхождение чеченского народа, Дауев отвергает популярную среди чеченцев идею их родства с гаргарами, урартами и хурритами. В этом он усматривает «еврейский подход» (Дауев 1999. С. 193-194), грозящий подорвать чеченскую идентичность. По его мнению, чеченцы всегда были уникальным самобытным автохтонным народом Северного Кавказа. Он всеми силами стремится очистить их от сомнительного, на его взгляд, родства с какими бы то ни было соседними народами.

Прямо противоположного подхода, рассчитанного на объединение народов (правда, под эгидой ислама!), придерживается писатель С.-Х. Нунуев. Он хочет видеть в исламе религию мира и широкой солидарности народов. Однако, понимая, что в современном мире такая солидарность трудно достижима, он ищет источник сатанинских сил, мешающих дружбе народов и заинтересованных в жестком противостоянии России и исламского мира. Такой источник он находит в «сионистах, убежденных в своей богоизбранности». Обращаясь к типичным антисемитским стереотипам, он обвиняет тех в корыстолюбии и тотальном грабеже российских богатств. Кроме того, его недовольство вызывает тот факт, что в России издается много книг «евреев-сионистов», которые, на его взгляд, «отравляют сознание людей фантастическими небылицами» (Нунуев 1998. С. 79-80, 86, 91). Помимо «советско-арабского» анти-

семитизма в форме «антисионизма», популярного в окружении Масхадова, концепция Нунуева содержит и книжный антисемитизм особого рода, связанный с его претензией на исторический приоритет вайнахов в изобретении монотеизма. Евреи, создавшие Библию, ему в этом явно мешают, и он прилагает все усилия, чтобы доказать, что они якобы заимствовали мудрость у хурритов, «предков вайнахов» и «истинных создателей монотеизма». Соответственно, он обвиняет евреев в искажении истины и объявляет Авраама (Ибрахима) хурритом (Нунуев 1998. С. 7-9, 12, 46-50).

В свою очередь, бывший соавтор Нунуева, Д. Баксан, называет Ветхий Завет сфальсифицированным произведением и заявляет, что вера в Яхве толкала древних евреев к «империализму», «порабощению и уничтожению побежденных народов». Он противопоставляет «яхвизм» как некий атавистический «богосатанизм» исламу и христианству, где в отличие от него Добро четко отделяется от Зла. В своих рассуждениях он возвращается к христианскому антисемитизму Отцов Церкви и объявляет Яхве Сатаной, а евреев — «сатанинским народом». В марксизме же он видит «яхвизм в философских одеждах». Объявляя самого Маркса евреем и масоном, он, опираясь на свои предшествующие умозаключения, отождествляет коммунистическое учение с «сатанизмом». Тем самым в лучших традициях антисемитов оно оказывается пресловутым «жидо-масонским заговором». А США он изображает страной, где христианство «стало цепной собакой на поводке иудаизма». В его книге находит место и идея о якобы неумном стремлении «сионистов» к мировому господству. Все это неудивительно, ибо соответствующие «факты» автор в избытке находит в известных антисемитских произведениях Н. Маркова, Г. Климова, Т. Дичева, Д. Рада, но более всего у Гитлера. Впрочем, в своей основе его позиция питается исламским антисемитизмом, исходящим из того, что в Коране иудаизм называется «язычеством». Поэтому-то он со всем старанием и стремится выискать в европейской культуре и религии языческие черты.

В своих рассуждениях о природе войн и каннибализма он приходит к социодарвинистской идее борьбы отдельных этносов за существование, причем, отрицая Дарвина, он всячески превозносит Гумилева, превратившего этнос в «биологический организм» (кстати, он находит поразительные параллели между идеями Гумилева и Гитлера, но это его нисколько не коробит). Он убежден в том, что «кровь является носительницей личностных и национальных характеристик человека» (любопытно, что одновременно он с уважением цитирует хадис пророка: «кровь мусульман почти едина». Также вызывает удивление, что, называя себя правоверным мусульманином, он не видит противоречий между учением ислама и национализмом). И, возмущаясь медицинскими опытами с кровью, он со ссылкой на антисемита Д. Рида и поддельный памфлет В. Даля возрождает кровавый навет и превращает каннибализм в «догмат веры», якобы вечно присущий евреям.

Кровь играет в представлениях Баксана основополагающую роль. Он с восторгом подхватывает псевдонаучные рассуждения нацистов о том, что «арийский дух и Чистая Кровь в лице Одина имеют кавказское происхождение» и что символом «Чистой Крови» была якобы свастика. Считая себя правоверным мусульманином, он находит возможным восхищаться псевдоязыческой религией Одина, якобы введенной Гитлером по всей Германии. Вслед за Гитлером Баксан убежден в том, что единство нации держится прежде всего на «чистоте крови». Находя у своего кумира лестное для себя утверждение о «чеченском арийстве», он готов во всем того оправдывать, доходя до отрицания газовых камер (Баксан 1998).

Подобно Даеву, Баксана также не оставляют в покое мысли о Древней Хазарии. При этом роль в ней евреев он рисует, руководствуясь антисемитской версией, изложенной Гумилевым (об этом см.: Shnirelman 2002 а). Домысливая за Гумилева, он всячески дает понять, что именно в Хазарии русским следует искать истоки бед, постигших их в XX в., и что именно «хазары» навязали им вековую неправедную власть и внущили комплекс неполноценности. Наконец, раскрывая «загадку чеченской войны», он делится с читателем своим «открытием»: «Кораническое утверждение о том, что евреи могут выступить в качестве народов (с другими языками и названиями), укрепляет чеченцев в мысли, что в лице России с ними сегодня сражается «иудейский дух»».

Что же касается Осетии, то, по его словам, «она является искусственным образованием, устроенным хазарским царем для переселенцев на древней земле нахов». Он отрицает какую-либо связь осетин с алантами, ибо в последних ему хочется видеть исключительно «нахов». А осетин он делает потомками бежавших в первой половине VI в. из Ирана «евреев-маздакитов» (sic! — В. Ш.). «У осетин действительно очень древняя и богатая история и знатное происхождение, но это история не скотов, сармат и алан, а другого народа, имеющего всемирную славу и старинные корни, — евреев одного из двенадцати колен

Израилевых», — сообщает Баксан. А корни осетин он предлагает искать в «еврейской Палестине». Кроме того, в евреев он превращает и злейших врагов чеченцев — Сталина и Берия (Баксан 1998).

Определенную перекличку с взглядами Баксана и Дауева можно обнаружить и в статье ингушского автора Ю. Тимерханова, опубликованной недавно газетой «Ингушетия». Там предками осетин тоже изображаются «евреи-маздакиты», переселившиеся на Северный Кавказ из Ирана и смешавшиеся с местными аланами, которых автор представляет нахскими племенами. Он доказывает, что пришельцы передали им иранский язык, но сами усвоили множество их обычая, позволивших им стать кавказцами (Тимерханов 2004). Тем самым осетины, которым ингуши не могут простить неуступчивость в территориальном вопросе, оказываются «евреями», и Тимерханов желал им успехов «в налаживании равноправного и справедливого сотрудничества с народами Кавказа».

Глава 15. Чеченская революция и ислам

Любопытно, что в большинстве из альтернативных версий древней истории, созданных вайнахскими интеллектуалами в 1990-х гг., ислам почти не находил себе места. Видимо, сказалась систематическая борьба с исламом, проводившаяся местными властями в течение четверти века после того, как чеченцы и ингуши вернулись в родные места после депортации (Акаев 1999. С. 7). На этом фоне весьма показательны коррективы, внесенные чеченским писателем А.С. Сулеймановым в свой труд по топонимике Чечено-Ингушетии при его переиздании. Если в 1970-х гг. он утверждал, что там не было никаких топонимов, связанных с исламом (Сулейманов 1978. С. 5, примеч. 1), то, публикуя свой труд во второй половине 1990-х гг., он указал на многочисленные мусульманские святые места, в частности связанные с деятельностью Кунта-Хаджи (Сулейманов 1997. С. 658-665).

Действительно, в постсоветское время ислам не просто был реабилитирован в Чечне, но со временем стал играть важную роль в жизни чеченского общества (подробно см.: Малашенко 1998. С. 164-186). В 1992-1993 гг. в Чечне и Ингушетии уже действовало до 2500 мечетей (Ланда 1995. С. 249), и генерал Дудаев установил выходной день в пятницу вместо воскресенья (Goldenberg 1994. Р. 188). Осенью 1991 г. в «чеченской революции» участвовали происламские силы (например, партия «Исламский путь» Б. Гантемирова), и она проходила под исламскими лозунгами. Правда, поначалу чеченские лидеры во главе с Дж. Дудаевым, хотя и опирались на поддержку вирда Кунта-Хаджи (Акаев 1999. С. 17), намеревались строить светское демократическое правовое государство, отстаивавшее не только свободу совести, но и общечеловеческие ценности (Тернистый путь 1992. С. 5-7, 13, 83; Малашенко 1998. С. 165, 172; Lieven 1998. Р. 363). В первой половине 1992 г. они успешно противодействовали происламскому «Совету страны» (Мехк-Кхел), требовавшему предоставить исламу статус государственной религии и наделить Мехк-Кхел правом утверждать назначение высших чиновников на должность. Однако серьезное столкновение с оппозицией 31 марта 1992 г., в котором Дудаева поддержали прежде всего происламски настроенные традиционисты, заставило его изменить свое отношение к исламу.

Поэтому с апреля 1992 г. он резко повернулся к нему лицом и начал вступать в переговоры с самыми разными мусульманскими силами как в республике, так и за рубежом. Например, в апреле он принял исламскую делегацию из Азербайджана, с которой договаривался об объединении сил против «христианского мира» в лице России и Запада (Кудрявцев 1994; Ланда 1995. С. 277) [143]. В его выступлениях уже звучала мысль о том, что «любой руководитель, который не приносит присягу на Коране, не имеет права в новой структуре вступать в должность» (Тернистый путь 1992. С. 14).

Кроме того, 23 апреля 1992 г. по указу Дудаева в Чечне в противовес муфтияту, лояльному России, был создан Национальный комитет по делам религии при президенте Чеченской Республики. Его председателем был назначен М.-Х. Алсабеков, связанный с тарикатом кадирийя и работавший ранее заместителем муфтия Казахстана. Это означало важный религиозный выбор президента Дудаева, отдававшего предпочтение этому тарикату перед тарикатом накшбандийя, традиционно главенствовавшим в Чечне ранее (Ланда 1995. С. 275; Насардинов 1996; Ротарь 1999. С. 16; Кисриев 2004. С. 161). Так занимавшие высокие должности в советское время члены накшбандийского вирда Дени Арсанова были отстранены Дудаевым от власти и ушли в оппозицию (Акаев 1999. С. 7; 2001. С. 130). В январе 1993 г. духовные лидеры тариката кадирийя создали Духовный центр мусульман Чеченской Республики, тут же противопоставивший себя накшбандийскому Духовному управлению мусульман Чечни. 14 апреля 1993 г. именно первый был зарегистрирован Национальным комитетом по правовой реформе в Чеченской

Республике в качестве руководящей организации всех мусульман Чечни. После этого лидеры тариката кадирий стали с еще большей настойчивостью требовать установления в Чечне исламского государства (Ротарь 2001 а. С. 30). Между тем во время первой чеченской войны тарикат накшбандий восстановил свое влияние (Тишков 2001 а. С. 470).

Похоже, что Дудаев принял решение о строительстве исламской модели государственности к началу 1993 г. и, преодолевая сопротивление парламента, навязал ему в мае решение об объявлении ислама государственной религией (Кудрявцев 1994) [144]. Т. Абубакаров объясняет обращение Дудаева к исламской модели государственности тем, что его опыт введения светской государственности оказался весьма плачевным (Абубакаров 1998. С. 30-33). В то же время небезосновательно и замечание Э. Кисриева о том, что резкое ухудшение социально-экономической обстановки, массовый рост обездоленности населения и криминализация общества сделали ислам одной из важнейших общественных ценностей, и Дудаев не мог с этим не считаться (Кисриев 2004. С. 161). Поэтому неверным представляется мнение Дж. Данлопа о том, что Дудаев принял модель исламской государственности лишь в ноябре 1994 г. перед лицом российской угрозы (Данлоп 2001. С. 152).

Демократическая оппозиция достаточно рано почувствовала угрозу исламизации молодой чеченской государственности. Еще на конференции блока демократической оппозиции 24 октября 1992 г. один из ее лидеров, Дж. Гакаев, отмечал, что «предметом политической спекуляции властей становится исламская религия, внутри мусульманского духовенства нарастает борьба между последователями различных «вирдов»» (Гакаев 1997. С. 361). Действительно, исламизация не столько консолидировала общество, сколько создала новую почву для его раскола. Вначале речь шла о борьбе за влияние между разными тарикатскими орденами, затем к этому прибавилась конфронтация между тарикатистами и ваххабитами (Кисриев 2004. С. 160-162, 168-179).

Все же до начала чеченской войны ислам еще не стал важным политическим фактором. Тогда не имел большой силы и ваххабизм (салафий). Против последнего в первую очередь выступило традиционное духовенство, и в 1992 г. его распространение в Чечне было приостановлено.

Однако первая Чеченская война повлекла быструю исламизацию чеченского общества, увидевшего в исламе мощную идеологию сопротивления (Малашенко 1998. С. 170). Например, выступая перед Советом старейшин в ноябре 1994 г., Дудаев призывал опираться на шариат в борьбе против «российской агрессии» (Lieven 1998. Р. 364), а свое обращение к народам Дагестана 22 декабря 1994 г. он закончил фразой «во имя Аллаха милостивого и милосердного» (Горлов 1995. С. 51; Кисриев 2004. С. 162-163). Именно во время войны в школах Чечни началось преподавание основ ислама, а девушки обязали покрывать голову платком (Шерматова 1999 б. С. 410; Ротарь 1999. С. 18-19; 2001 а. С. 31). Осенью 1996 г. в республике по указанию и. о. президента республики З. Яндарбиева был принят новый шариатский уголовный кодекс, напоминавший суданский, но, опасаясь негативной реакции общества, власти долго откладывали его введение в практику (Очень 1996; Акаев 1999. С. 12; Малашенко 2001. С. 147). Тем не менее в конечном итоге в Чечне в соответствии с нормами шариата стали устраивать смертную казнь и подвергать виновных палочным ударам (Акаев 2001. С. 133).

Прибывшие в 1995 г. из мусульманских стран на помошь чеченцам полевые командиры (Хаттаб, Абу-Дарр, Абд-ар-Рахман и др.) создавали самоуправляющиеся мусульманские общины (джамааты) и базы для обучения чеченских и дагестанских боевиков, где их обучали «истинно» мусульманскому поведению (см., напр.: Шерматова 1999 б. С. 409-410; Малашенко 2001. С. 116; German 2003. Р. 151). По наблюдениям экспертов, порвавшие свои семейно-родовые узы молодые люди, пополнившие отряды ваххабитов, отличались более высокой боеспособностью, чем отряды боевиков, объединенные по родовому признаку. Сразу по окончании войны «бездонные» ваххабиты, не связанные семейно-родовыми обязательствами, стали надежной опорой З. Яндарбиева (Кисриев 2004. С. 163-164, 167-168). Кроме того, исламский радикализм (салафий) предоставил сильные аргументы в пользу идеи отделения Чечни от России (Малашенко 2001. С. 70).

Повышению престижа ислама немало способствовали и целенаправленные пропагандистские акции самого чеченского руководства, нуждавшегося в исламе как надежном орудии мобилизации и пытавшегося выдать столкновение с Россией за межконфессиональную борьбу (Ротарь 1999. С. 10, 26; Малашенко 1998. С. 171, 173-174; Малашенко, Тренин 2002. С. 29, 60-61; Гакаев 2003. С. 65). Например, выступая на мусульманской конференции 5 июня 1997 г., Масхадов говорил о том, что именно ислам вдохновлял чеченцев в борьбе с «российскими оккупантами» и именно он привел их к победе (Кисриев 2004. С. 171). В 1996-1999 гг. одним из ярких сторонников этого подхода был министр информации Че-

ченской Республики М. Удугов, транслировавший проповедь джихада по каналу «Кавказ» чеченского телевидения. В течение ряда лет он убеждал чеченцев в близящейся победе ислама в России и во всем мире.

Любопытно, что, по словам А. Ливена, в 1992 г. Удугов еще не был исламистом (Lieven 1998. P. 364), хотя сам Удугов в своем интервью московскому журналисту говорил о том, что всегда ощущал себя мусульманином (Шевченко 1998). В 1997 г. он создал движение «Исламская нация Чечни и Дагестана» и стал активно пропагандировать в СМИ идею Кавказского халифата (Малашенко 1998. С. 179; Акаев 2001. С. 132, 138). Его движение, переименованное в мае 1998 г. Шамилем Басаевым в «Конгресс народов Чечни и Дагестана» (КНЧД), ставило своей целью восстановление исламского государства в границах было-го имамата Шамиля ради получения Чечней выхода к Каспийскому морю и его нефтяным запасам (Мамаев 1998; Ротарь 1999. С. 36; Шерматова 1999 б. С. 411; Бобровников 2000. С. 39-40; Малашенко 2001. С. 115; Малашенко, Тренин 2002. С. 83-84; Evangelista 2002. P. 50-51). У них имелись и более амбициозные планы создания Исламской конфедерации Северного Кавказа (Вагапов 1999; Аслаханов 2002. С. 146). Активное участие в КНЧД принимали дагестанцы. По словам руководителя Центра исламских исследований в Дагестане М.В. Вагапова, весной 1999 г. в КНЧД дагестанцев было вдвое больше, чем чеченцев, причем в его заседаниях тогда приняли участие 297 официальных лиц из Дагестана (Вагапов 1999). 7 августа 1999 г. военные отряды Басаева и Хаттаба попытались вторгнуться на территорию Дагестана под предлогом оказания помощи дагестанцам, якобы возжелавшим введения исламской республики (Шерматова 1999б. С. 418-419; Gennan 2003. P. 151-152). Так началась вторая чеченская война.

Муфтий Алсабеков сперва объявил первую чеченскую войну газаватом. Однако позднее, попав в село Знаменка, где располагались российские войска и оппозиция, он отрекся от этого. Поэтому 20 августа 1996 г. он по приговору шариатского суда получил 80 палочных ударов. Вместе с тем авторитетные представители традиционного духовенства вопреки ваххабитам отказались видеть в российско-чеченском противостоянии газават (Акаев 1999. С. 8; 2001. С. 137).

Русские «державники» также стремились придать конфликту межцивилизационный облик, и это с полной силой проявилось, например, на Православном политическом совещании в Москве в начале 1996 г. (Астафьев и др. 1996. Об этом см.: Малышева 1996. С. 27-28; Богатырев, Костоев 2000. С. 80). Известно, что религиозные символы использовались во время боевых действий, и это порой даже инициировали некоторые православные священники. В 1996 г. популярная «Независимая газета» опубликовала статью, предупреждавшую россиян против якобы тотальной опасности, идущей с «фундаменталистского» юга и угрожавшей как России, так и Западной Европе (Могилевкин 1996). В связи с возросшей активностью исламских радикалов в Афганистане эта идея быстро получила популярность (Малашенко 1998. С. 198), и в числе прочих ее вскоре подхватили осетинские ученые (см., напр.: Кучиев 1997. С. 111-113). Ничего нового в этом, в сущности, не было. Ведь еще весной 1992 г. советник президента Ельцина С. Б. Станкевич поднял вопрос о «дуге кризиса», связанной с мусульманским миром и заходящей через Кавказ в Россию (Станкевич 1992). Осенью 1992 г. об угрозе исламского фундаментализма заговорил и президент Ельцин, а вслед за ним эта идея обсуждалась известным западным журналом (Barylski 1994). Тем не менее все это воспроизвело аргументы известной концепции «столкновения цивилизаций».

По словам А. Ливена, «в современную эпоху специфичная религиозная идентичность вытесняется нерелигиозным национализмом, в котором, однако, присутствуют символы и риторика, пронизанные языком религии». По его мнению, эта религиозная риторика вуалирует стремление сохранить национальную культурную самобытность (Ливен 1999. С. 282. См. также: Lieven 1998. P. 355-356, 363-368; Smith 1998. P. 154) [145]. Действительно, по социологическим данным, у населения Северного Кавказа преобладает так называемая «секуляризованная религиозность», направленная на символическую социокультурную идентичность и слабо связанная с направлением религиозных культов и тем более богословскими знаниями (Крицкий 1995. С. 110-115; 1997. С. 40-42. См. также: Goldenberg 1994. P. 193). Однако похоже, что в Чечне речь идет уже не только о сохранении культурной самобытности. Даже не склонный преувеличивать роль религиозного фактора В.А. Тишков пишет об исламизации чеченского общества во второй половине 1990-х гг., когда ислам не только нашел поддержку у нового руководства Чечни, но был даже подхвачен чеченским военным фольклором (Тишков 2001а. С. 153-158, 338, 342. См. также: Малашенко 1998. С. 169-170; 2001. С. 79-103). К 1998 г. в Чечне и Ингушетии функционировало более 2500 мечетей, что сопоставимо с ситуацией в 1917 г. (Керимов 1999. С. 23). Тогда, по словам Удугова, чеченское руководство особенно остро осознalo, что «только шариат может сделать Чечню предсказуемым ... цивилизованным государством» (Шевченко 1998).

Эту тенденцию подтверждают и социологические опросы, проведенные в Чечне в 1990-1995 гг., демонстрирующие, что в те годы, и в особенности в связи с первой чеченской войной, религиозная идентичность стала занимать все больше места в сознании чеченцев. Если опрос 1990 г. показал почти полное отсутствие предубеждений к иноверцам, то в 1995 г. такие предубеждения разделялись достаточно большой группой населения, в особенности молодежью. Тот же сдвиг отмечался и в сфере этнических взаимоотношений: если старики избегали винить русский народ во всех невзгодах, выпавших на долю чеченцев, то в 1995 г. среди молодежи встречалось немало таких (до 32 %), кто видел в русских своих недругов (Берсанова 1999. С. 247). Этот вывод подтверждает и видный чеченский политик А. Аслаханов (Аслаханов 2002. С. 130-134). По свидетельству западного журналиста, рост религиозного фундаментализма привел к рецидивам религиозной нетерпимости (Smith 1998. Р. 78).

К середине 1990-х гг. у чеченцев более, чем у других северокавказских народов, наблюдалась тяга к религии. Многие из них полагали, что ислам должен занимать ведущее место в обществе. На втором месте после них по этим показателям шли ингуши (Крицкий 1995. С. 114; 1997. С. 45). По наблюдениям Я.В. Чеснова, в начале 1990-х гг. некоторые чеченские интеллектуалы стали изображать чеченцев молodyм этносом и связывать его появление с приходом ислама (Чеснов 1994), — это также свидетельствует о росте роли религиозного фактора в этнической идентичности чеченцев.

В 1996-1999 гг. большую роль в чеченском обществе начали играть сторонники «чистого» ислама, ваххабиты (салафиты), высокому авторитету которых способствовали их успешные действия во время войны. Ваххабиты вели себя агрессивно и давали знать, что после победы над Россией они займутся ликвидацией тарикатистов. Зимой 1995 г. они даже пытались уничтожить святое место тариката кадирийя, могилу Хеди, матери Кунта-Хаджи, на горе Эртин-корт, активно посещаемую паломниками (Малашенко 2001. С. 126). А после войны в конце 1990-х гг. они убили нескольких накшбандийских имамов. Против усиления их влияния выступало традиционное духовенство во главе с новым муфтием Ахмед-хаджи Кадыровым (1951-2004), избранным на эту должность в 1995 г. 5 июня 1997 г. в Грозном прошла научно-практическая конференция авторитетных духовных лидеров региона, выступившая с осуждением ваххабизма, а 25 июня 1998 г. Кадыров организовал в Грозном съезд мусульманского духовенства Северного Кавказа, выступивший против распространения ваххабизма в регионе (Солодовников 1998. С. 48; Акаев 1999. С. 11. 13-14; 2001. С. 131-132, 138; Малашенко 2001. С. 131, 150; Кисриев 2004. С. 169-173, 179) [146].

Как мы видели, толчок быстрой исламизации общества дала первая чеченская война, воспринимавшаяся многими как «наказание Аллаха». По словам З. Гакаева, в современной Чечне повсюду можно видеть исламские плакаты и лозунги «Аллах велик», «Аллах заботится о Чечне» и пр. И все же, по его свидетельству, большинство чеченцев не поддерживает идею создания исламского государства (Гакаев 2003. С. 65-66). Не верят в реализацию исламского политического проекта в Чечне директор московского Института проблем исламской цивилизации С. Насардинов (Насардинов 1995; 1996) и ряд других московских экспертов (Ланда 1995. С. 278; Поэгли 1996; Тишков 2001 а. С. 324; Малашенко 2001. С. 107-108; Малашенко, Тренин 2002. С. 75, 89). Новый муфтий Чечни А.-Х. Шамаев, сменивший Кадырова, тоже считает, что в Чечне не удастся построить исламское государство (Акаев 2001. С. 139). С этим соглашается и Хож-Ахмед Нураев (Нураев 2003. С. 169, 177). Ведь лидерами чеченской революции двигал скорее политический pragmatism, чем исламский фундаментализм (Дегоев 2001. С. 371; Evangelism 2002. Р. 71). В то же время, если уже в первой чеченской войне 1994-1996 гг. приняли участие исламские боевики, прибывшие из зарубежья, то во второй войне их число значительно возросло, и «ислам в его радикальной форме стал необходим как более мощное средство мобилизации и рекрутования новых участников сопротивления» (Гакаев 2003. С. 147-148).

С. Хантингтон видел в столкновении осетин с ингушами религиозный, или «цивилизационный», конфликт (Huntington 1996. Р. 276-277). Однако, по мнению самих осетин и ингушей, религиозный фактор не играл сколько-нибудь значимой роли в осетино-ингушском конфликте (Дзуцев 1994. С. 94; 1995 б. С. 18; Kuibanov, Kuibanov 1995. Р. 242-244) [147]. Правда, некоторые осетинские эксперты пытались его выдать за таковой («Современное ингушское общество — молодая исламская община, исповедующая наиболее агрессивные суры из Корана, в частности, призыв к вечной борьбе правоверных с неверными», — писал осетинский историк М.М. Блиев. См.: Блиев 1993; Тамарин, Земфиров 1994. С. 38), а другие предрекали возможность религиозного противостояния на Северном Кавказе в будущем (Солдатова 1994. С. 135; Soldatova 1995. Р. 93). Показательно, что муфтий Духовного управления Северной Осетии Д. Хекилаев в своем выступлении 24 декабря 1992 г. по североосетинскому телевидению занял откровенно

проосетинскую позицию, подвергнув себя риску быть названным обманщиком Обществом мусульман Чечено-Ингушской Республики, обвинившим его в сокрытии фактов уничтожения мусульманских святынь осетинами (Мамсиров 1994. С. 180). Тем самым накал страстей сделал в данном случае этническую лояльность важнее мусульманской солидарности.

Указывая на попытки некоторых чеченских лидеров (М. Удугова и А. Кадырова) представить российско-чеченские отношения в терминах межконфессионального столкновения, журналист И. Ротарь усмотрел в этом сценарий, предсказанный Хантингтоном (Ротарь 1999. С. 10, 22; 2001 а. С. 19). Однако сообщаемые им факты заставляют в этом сомневаться. Руководитель Московского бюро телекомпании «Аль-Джазира» Акрам Хузам отказывается видеть в чеченских событиях какой-либо религиозный конфликт (Петров 2004). И действительно, российская угроза не привела к мусульманской солидарности. В частности, она не сняла противоречий между традиционным и новым («ваххабитским») исламом, и 14 июля 1998 г. в Гудермесе произошли кровавые столкновения между чеченско-дагестанскими фундаменталистами (шариатской гвардией и исламским батальоном) и национальными гвардейцами С. Ямадаева (тарикатистами), в результате чего погибли от 50 до 100 человек (Акаев 1999. С. 12-13; 2001. С. 133; Малащенко 2001. С. 126-127; Кисриев 2004. С. 178).

В январе 1997 г. президентом Чечни стал А. Масхадов, человек умеренных политических взглядов, не склонный занимать происламскую позицию. Летом 1997 г. при подписании мирного договора он сказал секретарю Совета безопасности РФ И.П. Рыбкину, представлявшему российскую сторону на переговорах: «Я менее всего смотрю на Запад, я менее всего смотрю на мусульманский мир» (Рыбкин 1997). Однако при нем позиции ислама в республике продолжали укрепляться, хотя после июльских событий в Гудермесе власти приняли суровые меры против фундаменталистов: шариатская гвардия и исламский батальон были расформированы, начались гонения на ваххабитов. Впрочем, большой последовательности в этом не наблюдалось, так как последние находили поддержку у вице-президента В. Арсанова, М. Удугова, Ш. Басаева и З. Яндарбиева (Ротарь 1999. С. 38-40; Акаев 1999. С. 13; 2001. С. 131; Умалатов 2001. С. 229; Тишков 2001а. С. 342-346).

Мало того, в 1997 г. Масхадов поддержал принятие парламентом Чечни закона, провозглашавшего ислам государственной религией (Малащенко 2001. С. 151). После этого с осени 1998 г. ваххабиты во главе с Ш. Басаевым усилили давление на Масхадова, и 3 февраля 1999 г. тому пришлось объявить по чеченскому телевидению о введении «полного шариатского правления», перечеркнувшего конституцию республики (Малащенко 2001. С. 153; Evangelists 2002. Р. 57-58; Кисриев 2004. С. 180). В соответствии с этим была приостановлена деятельность парламента и назначена комиссия по выработке шариатской конституции. Тогда, посчитав президентское правление утратившим легитимность, Басаев предложил избрать имама Чечни. Правда, большинство чеченцев видели в ваххабизме чуждое явление и не выполняли предписаний шариата (Акаев 1999. С. 18; 2001. С. 134-136; Умалатов 2001. С. 227; German 2003. Р. 150-151) [148], а шариатская конституция так и не была принята (Шерматова 1999 б. С. 411). Тогда в газете «Голос Чеченской Республики» публиковались статьи известных чеченских политиков, доказывавших, что чеченцам нужна светская демократическая власть и что им следует сохранить свою национальную специфику и строить свое национальное государство (Якубов 1999; Сусуев 1999).

Да и Масхадов не скрывал своего неприятия ваххабизма, видя в нем угрозу традиционной культуре, единству нации и миру с соседними народами (Масхадов 1998). На митинге в Грозном в марте 1999 г. он обвинил Ш. Басаева, В. Арсанова и З. Яндарбиева в поддержке ваххабитов, изобразив тех «врагами ислама», осквернявшими чеченские святыни. Он предупредил о возможном нападении ваххабитов на Дагестан и даже высказался за создание в каждом селе вооруженных сил, способных дать им отпор. Досталось от него и телекомпании «Кавказ» за «подстрекательство к гражданской войне», и вскоре она была закрыта. Одновременно он отстранил от должности бывшего министра шариатской безопасности А. Арсаева, после чего тот тоже поклялся посвятить жизнь борьбе с «врагами ислама». Все это получало широкую поддержку в Чечне (Хатуев 1999; Умалатов 2002. С. 230). Иными словами, ислам не мог сплотить чеченских лидеров, и между ними шла беспрерывная борьба. По мнению Э. Кисриева, это стало одной из причин нападения на Дагестан, призванного перенести внутреннее напряжение вовне (Кисриев 2004. С. 180-181).

Не оправдались надежды чеченских лидеров и на дагестанцев. Если во время первой Чеченской войны те оказывали чеченцам большую помощь, то с 1996 г. в их отношениях наступило охлаждение, достигшее кульминации осенью 1999 г., когда отряды Конгресса народов Ичкерии и Дагестана (КНИД), руководимого Ш. Басаевым, попытались войти в Дагестан (Ротарь 1999. С. 58-61). Правда, в составе этих

отрядов действовала «Исламская армия Кавказа», созданная Багаутдином Кебедовым из дагестанских ваххабитов, но основная масса дагестанцев не поддерживала это движение (Малашенко 2001. С. 155-158; Кисриев 2004. С. 138-139, 181). Впрочем, и этническая лояльность иной раз отступала перед политическим интересом. Так, создатель и руководитель партии «Исламский путь» Б. Гантемиров оказался в 1994 г. одним из лидеров вооруженной оппозиции режиму Дж. Дудаева и опирался на поддержку Москвы. Поэтому многие аналитики не склонны трактовать конфликт как межцивилизационный (см., напр.: Малашенко 1998. С. 180-181; Аслаханов 2002. С. 177; Тишков 2001 а. С. 46, 347-349) [149], однако, как предупреждает А. Малашенко, он все же привел к резкому росту чувства мусульманской солидарности (Малашенко 1998. С. 180-184). В то же время, по словам ингушского политического деятеля Б. Костоева, резкое противопоставление православия мусульманству, отмечающееся в риторике и действиях ряда российских чиновников, способно привести к самым губительным последствиям (Богатырев, Костоев 2000. С. 80).

Исламский фактор оказал влияние и на развитие политического мифотворчества в Чеченской Республике. Ислам фигурировал в некоторых экзотических версиях древней истории, развивавшихся маргинальными чеченскими изданиями (Тишков 2001 а. С. 464-465). Одно время Дудаев вынашивал мысль о пересмотре чеченской истории и места чеченцев в мире, исходя из того, что ислам не мог возникнуть в безжизненной Аравийской пустыне, а появился будто бы в райском уголке, которым и была Чечня. Он даже предложил муфтию М.-Х. Алсабекову разработать, исходя из этого, новую версию происхождения ислама (Абубакаров 1998. С. 17). Эта идея не сходила со страниц правительственные газет и в конце 1990-х гг. (Вахаев 1999. С. 325). Свообразную интерпретацию она получила в книге С.-Х. Нунуева, где, делая вайнахов прямыми потомками древних хурритов, автор превращает в хуррита и пророка Ибрахима (Авраама иудейской и христианской традиций). Правда, по его же утверждению, переход к монотеизму не способствовал процветанию хурритской цивилизации, а смел ее с лица земли вместе со всеми другими древними цивилизациями Передней Азии (Нунуев 1998. С. 20). Тем не менее Нунуев прочно связывает будущее чеченцев с исламом и верит, что единственной силой, способной противостоять бедам, обрушившимся на чеченский народ, является вера во Всевышнего. Мало того, в своих мечтах он видит будущую Россию мусульманской страной, обращенной в ислам вайнахами (Нунуев 1998. С. 88, 97).

Сигаури также пытается углубить историю ислама у нахов и относит их первичную исламизацию к периоду арабского завоевания (Сигаури 1997. С. 195). Эта идея отстаивалась даже в кандидатской диссертации, защищенной чеченским философом М. М. Керимовым в Дагестанском государственном университете в апреле 1999 г. Он доказывал, что ислам вначале попал к вайнахам во время арабского завоевания, а затем его несли к ним миссионеры из Дагестана. В итоге ко времени Тимура там якобы образовалась уже целая сеть духовных школ (Керимов 1999. С. 12-15).

Нухаев идет еще дальше и призывает к возвращению к «древней вере», исламу, что, по его мнению, возможно лишь путем полного разрыва с современной цивилизацией (Нухаев 2000). А Баксан стремится возродить давно отброшенную учеными идею прамонотеизма и доказывает, что «историю всегда нужно читать, сверяя ее со Святым Кораном, тогда она хорошо постигается» (Баксан 1998). З. Шахбиев не идет так далеко, но подчеркивает значение ислама в чеченской идентичности. Он верит, что именно вера в Аллаха помогает чеченцам стойко переносить все испытания (Шахбиев 1996. С. 13-14).

Почему в данном случае поиски древнейших предков чеченского народа приводят этих авторов не к возрождению языческой веры, как это сплошь и рядом наблюдается у многих других народов Восточной Европы (Шнирельман 2001 б; Shnirelman 2002 б), а к углублению истории ислама и привязыванию к нему чеченцев много раньше, чем это случилось в реальности? Почему Нунуев в своем объемистом труде вовсе не вспоминает о народных традициях политеизма? Почему Баксан с позиций правоверного ислама воюет с ненавистным ему язычеством? По-видимому, принципиально важную роль здесь играет та роль, которую ислам сыграл в истории чеченского народа и, следовательно, его место в их идентичности. Ведь самые славные, самые героические страницы их истории связаны с борьбой против колониальной политики царизма в конце XVIII — первой половине XIX в. А эта борьба велась под исламскими лозунгами, которые тем самым прочно слились с образом свободолюбивых чеченцев, боровшихся за независимость и справедливость. Поэтому ислам дорог чеченцам не только как вера, но и как символ героического прошлого, способного служить примером будущим поколениям (Bryan 1992. Р. 209-210). Как мы видели, события 1990-х гг. лишь укрепили чеченцев в этом видении истории.

Очевидно, роль ислама в самосознании чеченцев будет расти и дальше, причем это будет не спонтанный, а регулируемый процесс. Об этом говорят планы Министерства образования Чечни по введению ислама в школьное преподавание с 2005/2006 учебного года. В средней и старшей школе Республики Ингушетия новый курс «Основы религии» был введен с осени 1998 г. Фактически речь шла о преподавании основ ислама, чем и начали заниматься первые выпускники Исламского института (Патиев 2002 б. С. 72, 89). Отмету, что в Кабардино-Балкарий разрабатывается иная схема. Там готовятся к преподаванию истории религий, включающей ислам и христианство.

Глава 16. Судьба чеченцев-аккинцев

В 1990-е гг. Чечня, подхватывая лозунг ирредентизма, претендовала на дагестанские территории, остро необходимые ей в сложившейся геополитической обстановке для выхода к морю (Малышева 1996. С. 27; Султанов 1998). Именно этот фактор в первую очередь определял военно-политическое положение в Дагестане. Речь идет о довольно крупной чеченской общине, обитающей в центральных районах Дагестана — Хасавюртовском, Новолакском (Ауховском), Бабаюртовском, Казбековском, Кизилуртовском и ряде других. Самой старой группой из этих чеченцев являются чеченцы-аккинцы (окочане, ококи, ауховцы позднесредневековых письменных источников), насчитывающие 50 тыс. человек. В конце 1943 г. с разрешения властей Дагестана они образовали свой национальный Ауховский район, расположенный у границы с Чечней к югу от Хасавюртовского района. Однако уже в конце февраля 1944 г. чеченцы-аккинцы разделили трагическую часть всех остальных чеченцев и были депортированы в Казахстан и Киргизию. Назад в Дагестан им довелось вернуться лишь в 1957-1960 гг., однако мало кому из них удалось поселиться на земле своих предков. Ведь по постановлению Совета министров Дагестанской АССР от 16 июля 1958 г. они не имели права возвращаться в Новолакский и Казбековский районы. Вплоть до 1961 г. они вели борьбу за возвращение в родные места, но под угрозой новых репрессий им пришлось на время смириться и поселиться там, где указали власти (Чергизбиев 1990. С. 180-182; Джамаддинов 1991; Бугай, Гонов 1998. С. 294; Полян 2001. С. 161).

С тех пор они не переставали требовать возвращения своих бывших жилищ и подворий, занятых лакцами и аварцами. Это вело к межэтнической напряженности и выливалось в столкновения, иногда с трагическими последствиями (см., напр.: Коркмазов 1994. С. 158; Артизов 2003. С. 177-178, 220-221). Так, в 1964 г. чеченцы-аккинцы сделали очередную попытку вернуться в родные места. Тогда это привело власти в замешательство, и они не нашли ничего лучшего как объявить это «беспорядками», хотя чеченцы действовали организованно и сознательно подчеркивали мирный характер своего движения. Никаких мер против участников событий тогда принято не было (Козлов 1999. С. 396-400). Затем такие попытки были еще раз повторены в 1976 и 1985 гг. в селе Чапаево (Богатырев, Костоев 2000. С. 98), а в 1989 г. во многих местах. В ответ местные партийные руководители пытались настраивать аварцев и лакцев против чеченцев-аккинцев, а 3 июля 1989 г. провели митинг в Новолакском районе, где звучало требование выселить последних из Дагестана (Чергизбиев 1990. С. 182).

После очередного массового митинга чеченцев-аккинцев в Махачкале в апреле 1991 г. (Казиханов 1991), III съезд народных депутатов Дагестана, проходивший в столице Дагестана в июне 1991 г., по согласованию с лакским населением Новолакского района принял во имя восстановления справедливости постановление о восстановлении Ауховского района. Тем самым проблема чеченцев-аккинцев формально была решена, и начали проводиться мероприятия по переселению оттуда лакцев и вселению чеченцев. Однако начиная с осени 1991 г., не дожидаясь окончания сложных мероприятий по переселению, рассчитанных на несколько лет, чеченцы пытались силой овладеть местными землями и населенными пунктами, а также стали предъявлять территориальные претензии к соседним районам Дагестана. Мало того, среди местных чеченцев появилась тенденция отождествлять себя с вновь образованной осенью 1991 г. Чеченской Республикой, и на въезде в Новолакский район был установлен щит с ее гербом (Алиев. Курбанов, Юсупова 1994; Cornell 2001. Р. 278). Считая себя гражданами Чеченской Республики, чеченцы-аккинцы участвовали в выборах ее президента (Ротарь 1999. С. 37). Между тем Ауховский район до сих пор не восстановлен, и чеченцы-аккинцы вновь и вновь выступают с требованием довести до конца их реабилитацию. Последний раз они устроили такой митинг 23 февраля 2004 г. в ознаменование 60-летней годовщины депортации.

Одновременно все более давало о себе знать стремление Чеченской Республики получить выход к Каспийскому морю: известно выражение А. Масхадова о том, что «Хасавюрт — священная земля вайнахов». Секретарь Совета безопасности Республики Дагестан М. Толбоев, ссылаясь на частные беседы с руководителями Чечни, подтверждал летом 1997 г. стремление Грозного к территориальной экспансии за счет Дагестана. Сходные настроения охватили и чеченцев-аккинцев, переводящих название «Дагестан» как «земля предков» (Ротарь 1997 а; 1997 б; 1997 в; Тарасов 1997). Создание в 1998 г. «Конгресса народов Ичкерии и Дагестана» и попытка вооруженного нападения на Дагестан в августе-сентябре 1999 г. опирались на концепцию, согласно которой Терско-Сулакское междуречье являлось неотъемлемой частью древних чеченских земель (Макаров 2000. С. 49).

Такая концепция начала формироваться во второй половине 1980-х гг., когда некоторые чеченские историки стали пересматривать историю заселения чеченцами-аккинцами дагестанских земель. Как известно, их группа, сформировавшаяся в верховьях р. Гехи, переселилась в район своего нынешнего обитания лишь во второй половине XVI в., когда и возникло Ауховское общество (Ибрагимов 1991). При этом тот факт, что переселение чеченцев с гор на равнину началось именно в районе Ичкерии, объясняется давними тесными контактами местных чеченцев с соседними кумыками; поэтому соседняя равнина, где жили их родственники, не была для них совершенно чуждым регионом. Не случайно среди равнинного чеченского населения преобладают потомки выходцев из Ичкерии. Имеются веские основания предполагать, что среди равнинных ококов встречались не только аккинцы, но и ичкеринцы (Умаров 1968. С. 237-239).

Вместе с тем в течение последних пятнадцати-двадцати лет у чеченских историков наблюдалось стремление удревнить дату начала переселения на равнину и преувеличить роль своих предков в местной средневековой истории. Пожалуй, первым на этот путь встал Х. А. Хизриев, заявивший со ссылкой на археолога А. В. Гадло, что вайнахи проживали в районе Ауха якобы еще в раннем Средневековье (Хизриев 1984. С. 30; 1992 а. С. 91). Между тем в работе Гадло, посвященной раскопкам городища Казаркала в Новолакском районе, речь шла о позднесарматском ираноязычном населении, которое примерно в середине I тыс. н. э. сменилось тюркскими кочевниками. О вайнахах он даже не упоминал (Гадло 1974).

Затем историк Я. З. Ахмадов принялся преувеличивать политическую роль чеченцев на северо-западе Дагестана, который в источниках представляется «Кумыцкой землей», где господствовали кумыкские владетели (Кушева 1963. С. 43-58, 62). Вначале взгляды Ахмадова отличались умеренностью: он соглашался с тем, что аул Эндерей с округой находился в конце XVI — начале XVII в. Под властью кумыкского князя Салтан-Магмута (Султан-Махмуда), сына дагестанского шамхала (Кушева 1963. С. 69), но высказывал предположение, что в его войске встречались вайнахи и что чеченцы составляли большую часть подвластного ему населения. Тогда он признавал, что в XVII-XVIII вв. княжествами Северо-Западного Дагестана управляли кумыкские князья (Ахмадов 1975) [150]. Но позднее он не только делал акцент на том, что до перехода в руки Салтан-Магмута Эндереевская земля находилась под покровительством вайнахского князя Ших-мурузы Окуцкого (поэтому он называл ее «кумыско-чеченским» княжеством), но приписывал последнему власть над обширными землями Чечни и Северного Дагестана от Дарьяла до Дербента (Ахмадов 1988. С. 39—59) [151]. Правда, в те годы Ахмадов всячески подчеркивал лояльность вайнахских князей Московскому царству и, напротив, протурецкие настроения среди кумыков (Ахмадов 1988. С. 58-59, 78-79).

Аспирант ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР А. Адилсултанов также доказывал, что в XV-XVIII вв. якобы шло постоянное сокращение ауховских территорий на плоскости, причем это он ставил в вину исключительно царским войскам (Адилсултанов 1989). В 1992 г., т. е. именно тогда, когда в Дагестане проводились практические мероприятия по решению аккинской проблемы, А. А. Адилсултанов обнародовал некие хроники-рукописи, якобы хранившиеся у местных жителей, — он условно назвал их «рукописью Ибрагимова-Магомедова». Некритически используя данные археологии и весьма неопределенные сообщения античных авторов, он пытался доказать, что аккинцы (ауховцы) обитали в Терско-Сулакском междуречье с самого начала нашей эры. Подобно другим чеченским авторам, о которых шла речь выше, он разделял идею о том, что предки вайнахов обитали на плоскости в глубочайшей древности. Иные подходы он отмечал как заведомо искажающие историческую действительность по идеологическим соображениям. Вместе с тем, ссылаясь на так называемые «хроники», он рисовал фантастическую картину расселения чеченцев-аккинцев в XVI-XVIII вв., когда они будто бы занимали изрядную

часть Северного Дагестана вплоть до Каспийского моря, где использовали рыболовные угодья о. Чечень (Адилсултанов 1992. С. 9-18, 30).

Если его предшественник Ахмадов все же допускал двухкомпонентный кумыкско-чеченский состав населения Окоцкой земли, то Адилсултанов вовсе не упоминал кумыков и рисовал сообщество чеченцев одним из могущественных политических образований в позднесредневековом Дагестане. Адилсултанов был не одинок, и изложенная им версия неоднократно транслировалась чеченскими СМИ [152], рассматривалась на научных конференциях и даже фигурировала в резолюции III съезда чеченцев Дагестана, состоявшегося 14 декабря 1996 г. в Хасавюрте (Ибрагимов 1997. С. 62). Она же в качестве доказательства установленного факта воспроизводится официальными изданиями Чеченской Республики (Чеченская Республика 1995. С. 17) и фигурирует в обобщающих трудах чеченских ученых, посвященных Чечне и ее народу (Айдаев 1996. С. 146; Сигаури 1997. С. 224). В последние годы книга Адилсултанова получила широкую популярность среди чеченцев-аккинцев, которые рассматривают ее как изложение истинной истории своих предков (Мансуров 1997). Между тем эта версия истории вызывает возмущение у соседних кумыков.

Глава 17. Выводы

В период обитания в горах чеченцы и ингуши делились на многочисленные родо-племенные подразделения, с которыми и была связана их идентичность. Эти родо-племенные подразделения имели разное происхождение, возводили себя к самым разным предкам, и их социальная память основывалась на фольклорных версиях, говоривших о приходе предков из отдаленных местностей. Сознание своего этнокультурного единства стало выковываться лишь после переселения на плоскость, а единые самоназвания были восприняты массами, по-видимому, только в начале XX в. Мощным катализатором этого процесса послужили процессы политического объединения чеченцев и ингушей в рамках отдельных округов или областей, начавшиеся в царское время и получившие свое окончательное оформление в годы советской власти. Тогда же новые этнические группы начали наделяться своей собственной историей. Этот процесс был осложнен неоднократными политико-административными преобразованиями, создававшими для историков проблему — надо ли создавать версии истории порознь для чеченского и ингушского народов или же писать единую историю вайнахского народа.

В любом случае к рубежу 1920-1930-х гг. среди советских специалистов получили популярность две конкурирующие версии — одна миграционная, выводившая отдаленных предков чеченцев и ингушей из Передней Азии, другая автохтонная, делавшая упор на их древних местных корнях. Похоже, такая же разноголосица встречалась у интеллектуалов чеченского и ингушского происхождения, причем как внутри страны, так и за рубежом. Впрочем, в те годы отдаленные предки еще не привлекали всеобщего внимания; гораздо более важной представлялась недавняя героическая история, связанная с национально-освободительной борьбой, и символический образ Шамиля был вне всякой конкуренции. Освободительное движение горцев рассматривалось в контексте общей борьбы народов России против царизма, и поэтому такая версия истории хорошо соответствовала идеологии советского интернационализма.

В 1930-е гг. миграционная версия истории жестоко преследовалась властями. Однако это не сделало ее менее притягательной для местных интеллектуалов, и, как мы видели на примере М. Базоркина, она иной раз составляла стержень альтернативной истории, резервированной далеким предкам престижное место среди создателей древних переднеазиатских цивилизаций. Другая особенность альтернативной истории состояла в том, что она стремилась всеми силами удревнить пребывание предков на Северном Кавказе — нижний предел, ограниченный XII в., как то следовало из рассуждений советских историков и археологов, создателей альтернативной истории никак не устраивал. Кроме того, историческая версия, предложенная Базоркиным, свидетельствовала о неудовлетворенности ингушей своим положением во вновь созданной Чечено-Ингушской АССР. Это и заставляло их старательно отделять своих предков от чеченских и наделять их более высоким символическим престижем. В частности, Базоркин приписывал древним ингушам («дзурдзукам») свою собственную государственность, с которой якобы должны были считаться первые грузинские цари. Вся более поздняя история представлялась прогрессивным упадком, напоминая типичные традиционалистские построения. Это было, пожалуй, третьей яркой чертой местной альтернативной истории.

Впрочем, в довоенные годы не только альтернативная, но даже узаконенная версия местной истории находилась еще в процессе разработки. Они не преподавались в школе и были слабо известны широким массам населения. Поэтому тогда чеченцы и ингуши связывали славные страницы своего общего прошлого прежде всего с борьбой против царизма. Официальная версия истории показывала, что эта борьба закончилась успехом, открывшим путь к «светлому будущему». Такая идентичность бескомпромиссных борцов за свободу и справедливость разительно отличалась от традиционистской. Она дышала оптимизмом, давала веру в будущее, и никакой ностальгии по утраченному прошлому в ней не содержалось.

Между тем очень скоро жизнь показала беспочвенность официального оптимизма. Ужасы депортации, утрата родины и республики, бесправие репрессированных народов заставили по-новому оценить культурное наследие предков. Именно в депортации оно было актуализировано и получило форму «священного наследия», неразрывно связанного с самим выживанием народа. Актуализировались семейно-родовые и вирдовые связи, вновь обрели смысл традиционные социальные институты. Наряду с ними появился интерес к этнической истории, выполнявшей целый ряд функций как основа для консолидации, орудие сопротивления, символ тесной связи с родиной. Разумеется, как и прежде, почетное место в этой истории занимали деятели народно-освободительных движений во главе с Шамилем, чего не было у многих других депортированных народов. Мало того, реинтерпретация образа Шамиля советской исторической наукой сделала его гонимым, а тем самым еще более близким ущемленным в правах чеченцам и ингушам, что облегчило его включение в альтернативную историю и сделало знаменем борьбы против совершенных несправедливостей. Вместе с тем в годы депортации чеченские и ингушские интеллектуалы выработали идею, согласно которой их народы обитали на Северном Кавказе не менее 3000 лет. Это помогало им бороться за возвращение на родную землю, ссылаясь на свой статус «коренного народа».

Одновременно в Грозненской области создавалась официальная версия истории, делавшая акцент на казачестве и очищавшая местное прошлое от нежелательного присутствия безымянных «горцев». Горцы изображались не иначе как «абсолютным злом», требовавшим полного искоренения. Такая история преподавалась в местных учебных заведениях, отражалась в музейной экспозиции, пропагандировалась средствами массовой информации. Все это, разумеется, формировало у местных славянских поселенцев негативный образ горцев и сыграло свою пагубную роль в развитии межэтнической напряженности в республике после 1957 г. В свою очередь, это побудило чеченских и ингушских интеллектуалов к созданию радикальных версий местной истории, не только отвоевывавших позиции, узурпированные официальной историографией, но и наделявших их великим романтизованным прошлым, позволявшим выдвигать политические и территориальные притязания.

Большую роль в борьбе за древнюю историю сыграла аланская контроверза. Ее возникновение было связано с тем, что интенсивное археологическое изучение Северного Кавказа совпало по времени с депортацией местных народов, и это не позволяло археологам отождествлять раннесредневековые памятники с их предками. В результате многие такие памятники попали в категорию «аланской культуры», искусственно создав почву для путаницы, с которой пришлось разбираться новому поколению археологов. Последние вполне могли бы справиться с этой задачей, если бы к тому времени вопрос об аланах не был политизирован и за ним не стояли бы политические и территориальные интересы отдельных этнических групп. Политизация аланской проблемы заставляла многих местных специалистов интерпретировать археологические материалы об аланах, не только опираясь на внутринаучные методические требования, но и исходя из привходящих политических интересов. Это-то и сделало аланскую проблему полем жарких идеологических баталий.

После возвращения из депортации чеченским и ингушским интеллектуалам представлялось главной задачей убедительно обосновать свой статус «коренных народов». Поэтому тогда они с энтузиазмом ухватились за автохтонистскую конструкцию, создававшуюся археологами, ибо та позволяла рисовать непрерывную самостоятельную, т.е. не связанную с аланами, историю вайнахского народа на протяжении 2-3 тыс. лет. Эта версия была подхвачена в особенности ингушами, лелеявшими мечту о возвращении Пригородного района. Ведь она позволяла им считаться «коренным населением» в отличие от «пришлых» осетин.

Гонения на ислам, подавление памяти о депортации и невозможность дать свою героическую версию Кавказской войны не оставляли чеченцам и ингушам иного пути, кроме культивации романтических версий древнего прошлого, подчеркивавших их незавидное положение в настоящем. Для них это

было последней территорией свободомыслия, и они всеми силами защищали ее от всяческих покушений со стороны русских авторов. На кону были древность и автохтонность предков, их способность к культуротворчеству и формированию своей собственной государственности, границы принадлежавших предкам территорий, хронология обретения ислама и некоторые другие вопросы. Все это стало полем высокой активности местных ревизионистов. Ведь, по словам английского археолога Майкла Роулэндса, «противостояние друг другу археологических нарративов о прошлом принимает самые жесткие формы там, где отмечалось наибольшее расхождение между нарративом колонизаторов и местными идентичностями коренных народов» (Rowlands 1994. P. 134).

Поддерживая гипотезу «двуприродности», высказанную Абаевым, местные археологи и лингвисты стремились доказать, что субстрат, о котором говорил авторитетный осетинский лингвист, имел нахское содержание. Это наделяло вайнахские языки необычайной древностью и делало вайнахов подлинными аборигенами края. Тем самым, во-первых, осетины оказывались «младшими братьями» вайнахов, а во-вторых, земли, на которых селились аланы, оказывались исконными нахскими землями. В Чечне имелись и крайние ревизионисты, доказывавшие, что сами аланы были носителями нахского языка. Другие авторы не шли так далеко, но полагали, что вайнахи составляли заметную или даже основную часть населения в плоскостной части Чечено-Ингушетии в аланско время. Некоторые вовсе не видели оснований для утверждений о том, что вайнахские предки на сколько-нибудь длительное время могли оставлять плоскость и уходить в горы; такие авторы настаивали на ее непрерывном заселении вайнахами. Встречались и попытки приписать древним вайнахам земли, лежащие к северу от Терека, т. е. те казачьи территории, что были переданы Чечено-Ингушетии в 1957 г.

Наряду с этим сугубо автохтонистским подходом в конце 1980-х гг. среди чеченских и ингушских интеллектуалов большую популярность получил миграционистский, позволявший связывать предков с создателями древних цивилизаций и выводить их из Передней Азии. Опираясь на недавние открытия советских лингвистов, этот подход позволял чеченским и ингушским интеллектуалам объявлять свои языки одними из древнейших в мире и призывать к сохранению этого бесценного наследия в условиях нараставшей русификации.

Если в последние советские десятилетия в Чечено-Ингушетии культивировался инклузивный подход и речь шла о единых вайнахских предках, то после ее распада на две разные республики дискурс усложнился: теперь лишь чеченцы сохранили приверженность инклузивной идентичности, тогда как ингуши начали яростно отстаивать эксклюзивную. С обострением их территориального спора новый ракурс получил и вопрос о древнем населении плоскости. Теперь к осетино-ингушскому спору добавилась оживленная дискуссия в самой вайнахской среде о том, чьи именно предки — чеченские, ингушские или орстхойские — были исконными обитателями на плоскости.

В 1990-х гг. власти новой Чечни, претендовавшей на доминирование на Северном Кавказе, настоятельно нуждались в образе славных предков, создателей великой древней культуры и цивилизации, изобретателей письменности, носителей государственного начала, просветителей и наставников других народов. В этом качестве образ хурритов, или «хурро-урартов», подходил как нельзя лучше, и во имя приобщения к их древней славе многие чеченские идеологи готовы были поступиться принципом автохтонизма. Иными словами, для властей Чечни престиж культуртрегеров оказался теперь более соблазнительным, чем статус «коренного народа». Действительно, в новых условиях, когда Чечня считала себя самостоятельным государством, статус «коренного народа» утратил прежнее функциональное назначение, связанное с борьбой против дискrimинации со стороны доминирующего населения. Зато возник особый спрос на статус «народа-культуртрегера», призванный сделать Чечню флагманом борьбы за независимость всего Северного Кавказа.

Впрочем, некоторые чеченские интеллектуалы не спешат отказываться от концепции «коренного народа», служащей важным аргументом в территориальных спорах с соседними народами. С этой точки зрения им кажется важным доказывать, что чеченцы испокон веков занимали не только горы, но и плоскостные земли, включая те, что служат сейчас яблоком раздора между чеченцами, с одной стороны, и ингушами и казаками, с другой.

В контексте современного политизированного мифотворчества миграционная и автохтонная гипотезы оказываются не столь непримиримыми, как это может показаться на первый взгляд. Ведь если «хурритоязычные предки» вайнахов переселились на Северный Кавказ еще в бронзовом веке, то их современные потомки получают достаточно оснований для того, чтобы чувствовать себя «коренным народом». Мало того, опираясь на гипотезу «субстрата», некоторые чеченские идеологи провозглашают

«вайнахских предков» основой этногенеза всех своих северокавказских соседей. Тем самым, считая лишь себя их прямыми потомками, они резервируют себе статус «старшего брата», что, по их мнению, также дает чеченцам право брать на себя мессианскую роль на Северном Кавказе. Кроме того, «хурритская идентичность» помогает в устах некоторых чеченских политиков избежать растворения в «исламской умме» (об этом см., напр.: Малашенко 2001. С. 129-130).

Популярная идея золотого века, связанного с участием вайнахов в создании древнейших мировых цивилизаций, делает соблазнительной традиционалистскую концепцию, согласно которой мир столетиями, а то и тысячелетиямиклонится к неизбежному упадку, за которым последует новый невиданный расцвет. Эта идея неразрывно связана с другой, говорящей о том, что некие злобные силы стремятся скрыть от народа его подлинную великую историю. Мало того, традиционалистская концепция всегда предполагает наличие зловредного агента, действиями которого и объясняется упадок и разложение. В качестве такого агента ранняя советская историография рисовала царскую империю, и эта версия, связанная с героическим образом Шамиля, бережно хранилась и отстаивалась чеченскими интеллектуалами вплоть до начала постсоветского времени. Однако установление тесных контактов с арабскими исламистами в середине 1990-х гг. и исламизация самой Чечни внесли в эту схему существенные корректизы. С этих пор власти республики и местные СМИ активно внедряли образ новых врагов, в качестве которых теперь выступали Запад и «сионисты».

Распад Чечено-Ингушской АССР и появление отдельной Республики Ингушетия сделал вопрос о древних предках актуальным и для ингушей. При этом если накануне этого распада они готовы были согласиться на общих предков с чеченцами, то в 1990-х гг. их настроения резко изменились. Получив свою автономию и не желая повторить горестную судьбу чеченцев, они всеми силами стремятся сконструировать себе отличную от тех генеалогию. Поэтому в работах современных ингушских идеологов древние «хурро-урарты» оказываются не общими для них и чеченцев предками, а предками одних лишь ингушей. Конструируя великое вайнахское прошлое, такие авторы понимают под «вайнахами» исключительно ингушей. В то же время, находясь в конфликте с осетинами, ингуши пытаются доказать, что до появления предков осетин в Осетии там обитали «древние ингуши». Радикальные ингушские ревизионисты доходят до того, что вовсе лишают осетин аланского наследия, приписывая его «вайнахам». Такие взгляды разделяются властями Ингушетии, символом чего стало название новой столицы республики, Магас, напоминающее о главном городе Алании.

Ингушско-чеченское соперничество из-за предков осложняется новым фактором, появившимся в 1990-х гг. и связанным с возрождением орстхойцев. Орстхойская идентичность требует опоры на свою собственную самобытную историю, и в течение первого постсоветского десятилетия орстхойские интеллектуалы доказывали, что те вайнахи, которые испокон веков заселяли плоскостные земли Чечено-Ингушетии, были их прямыми предками. В основе этой конструкции лежит обеспокоенность территориальной проблемой — ведь установление жесткой государственной границы между Чечней и Ингушетией сделает орстхойцев «разделенным народом». Поэтому орстхойцы являются едва ли не самыми преданными сторонниками создания единой Вайнахской республики, считая именно себя гарантом ее целостности. В этом им и помогает образ древних предков, заселявших когда-то Терско-Сунженские земли.

Мусульманская идентичность никогда не оставляла чеченцев и ингушей, хотя в разные исторические периоды ее роль была неодинаковой. Во-первых, вплоть до последнего десятилетия у чеченцев она была более выраженной, чем у ингушей. Во-вторых, если в 1920-х гг. ислам был вполне легитимной частью местной идентичности, то в условиях гонений 1930-х гг. принадлежность к нему приходилось скрывать, в период депортации его роль как традиционного института, помогавшего преодолевать невзгоды, резко возросла, а в 1960-1980-х гг. в связи с новыми гонениями и распространением светского образования он снова отодвинулся на второй план. Поэтому вплоть до второй половины 1990-х гг. религиозная проблема вовсе не фигурировала в ревизионистских версиях истории или занимала в них маргинальное место. Однако вторая половина 1990-х гг. была отмечена резким всплеском исламской идентичности. Именно тогда некоторые версии чеченской древней истории начали включать положение об исконности у них исламской веры, вплоть до того, что «хурритские предки» объявлялись теми, кто первыми получили ее от Создателя. Все это говорит о том, что ислам играет все возрастающую роль в современной чеченской идентичности.

Примечания

1. О нем см.: Гриценко 1966.
2. «Нах» означает «народ» а «нахчо» – «один из народа». См.: Ошаев 1928. С.6.
3. Эту версию поддержал и ингушский эмигрант. См.: Галгай 1924. С. 49
4. Любопытно, что антирусски настроенный ингушский эмигрант требовал на этом основании отказа от принятого этнонима и возвращения к исконному названию «галгай». См.: Галгай 1924.
5. О нем см.: Семёнов 1928 а.
6. Аналогичные предания имелись и у осетин, называвших строителями башен греков. См.: Блиев 1960. С. 197.
7. О Семенове см.: Крупнов 1959; Виноградов 1986; 1988. С. 103-118; Тахо-Годи 1988.
8. Среди исследователей был и молодой Е. И. Крупнов.
9. В целом такая структура занятости сохранялась и в 1960-1980-х гг. См.: Тишков 2001а. С. 123. Табл. 1.
10. О нем см.: Газиков 1997; Албагачиева 2004.
11. Производя в начале 1920-х гг. любительские раскопки, Горепекин обнаружил древние знаки и счел их за доказательство наличия у чеченцев и ингушей письменности в глубоком прошлом. См.: Албагачиева 2004.
12. Но он ни словом не упомянул ни гуннов, ни алан, ни даже монгольское нашествие и походы Тимура!
13. Жизнь показала, что прав оказался все же Б. Грозный.
14. Предшественники хеттов в Малой Азии, хатты в действительности были по языку близки ахазо-адыгам, входящим наряду с вайнахами в северокавказскую языковую семью.
15. По словам Д. Хоровица, «сожжение [врага] является символом непримиримой вражды». См.: Horowitz 2001. Р. 114.
16. Об этом см.: Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 94; Дзидзоев 2000 а. С. 179.
17. О драматической истории защиты диссертации А. Б. Заксом.: Закс 1989. С. 164-165.
18. О том, как это делалось, см.: Катышева, Озиев 1991. С. 13-14; Богатырев, Костоев 2000. С. 105-108.
19. О роли слухов в подготовке погромов или этнических столкновений см.: Horowitz 2001. Р. 74-88.
20. Действительно, в условиях диктатуры народные танцы нередко служат знаком сопротивления режиму. См.. напр.: Noyes, Abrahams 1999. Р. 93.
21. Видимо, Некрич ошибался, говоря о планах создания автономии с центром в Чимкенте. См.: Некрич 1978. С. 113.
22. Об этом см.: Виноградов, Лосев, С&памов 1963. С. 42.
23. Одновременно, подобно Шамилю, «ставленником турецких и английских империалистов» оказался вскоре и шейх Мансур. См.: Смирнов 1951. На самом же деле Шамиль так и не получил ожидаемой поддержки от Порты. Позитивные отношения между ними установились только во время Крымской войны. А на Англию и Францию он и вовсе не рассчитывал. См.: Gammer 1994. Р. 257-263. 272-274; Малашенко 2001. С. 36.
24. Впрочем, сходные суждения встречались у грузинских авторов с начала 1940-х гг. См., напр.: Джандиери, Лежава 1940. С. 97; Макалатия 1940. С. 100-101; 1945. С. 38,40-43.
25. В лучшем случае советские авторы 1940-х гг. писали об этнической гетерогенности сарматской общности, но о месте вайнахов в ней речи не было. См., напр.: Мацулевич 1947. С. 131-132.
26. Об этом см.: Виноградов 1963. С. 99.
27. Об этом см.: Шнирельман 1993. С. 57-58.
28. Так тогда думали многие советские исследователи. См., напр.: Мацулевич 1947.
29. По свидетельству его ближайшего коллеги, Крупнов тяжело переживал факт депортации северокавказских народов. См.: Мунчаев 1996. С. 3.
30. Так, ссылаясь на археологические данные, М. М. Блиев реанимирует давно отброшенную идею о том, что вайнахи поселились в горах Кавказа не ранее XI-XII вв. См.: Блиев 2004. С. 44-45.

31 По мнению Дж. Данлопа, это было сделано с целью русификации. См.: Данлоп 2001. С. 81. Того же мнения придерживается Х.-А. Нухажев. См.: Нухажев 2001. С. 98-99.

32. Об обстоятельствах этого дела см.: Костоев 1990. С. 151-152; Богатырев, Костоев 2000. С. 24. 29-30.

33. Так тогда называли Назрановский район.

34. Задолго до Крупнова на все эти ранние этнонимы обращали внимание такие авторы, как Н. Ф. Яковлев, Г. К. Мартиросян и М. М. Базоркин.

35. Этот термин появился в письменных источниках в IX-XI вв. См.: Волкова 1973. С. 135-136.

36. Чеченский термин «мальх» означает солнце, чеченцы считали себя «детьми Солнца» (Мальхий). и в соответствии с этим осетины называли их «макхалонами». См.: Дешериев 1963. С. 55; Волкова 1973. С. 173.

37. Незадолго до того грузинский историк В. Н. Гамрекели высказал догадку о том, что двалы, заселявшие Южную Осетию до осетин, говорили на нахском языке. См.: Гамрекели 1961.

38. О критике этого подхода см.: Монгайт 1963; Кузнецов, Медынцева 1975; Гадло 1990. С. 7-10.

39. Он занимал эту должность в 1965-1973 гг., после чего в 1973-1990 гг. был Председателем Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР.

40. Дата была обоснована М. М. Блиевым. См.: Блиев 1959. С. 81-88.

41. Он был в этой должности в 1975-1984 гг.

42. В 2001 г. чеченский историк А. З. Ахмадов назвал это отступлением от научной истины, ибо, по его мнению, подлинная интеграция горцев в состав России стала возможной только после присоединения к ней Восточной Грузии в 1799-1801 гг. См.: Ахмадов 2001 б. С. 332-334. Между тем недавно Блиев вновь вернулся к этой дате. См.: Блиев 2004. С. 89-92.

43. Полный текст речи Власова был опубликован позднее. См.: Власов 1982.

44. К нему он причислял А. Авторханова!

45. Книга «Брест – орешек огненный» вышла лишь в 1991 г., когда ее автора давно уже не было в живых.

46. Между тем современные исследователи убедительно показывают, что в XVIII-XIX вв. царизм преследовал на Северном Кавказе колониальные цели и действовал там колониальными методами. См.: Ходорковский 1999; Гапуров 1999.

47. Калпана Сахни усматривает в этой концепции шовинизм. См.: Salmi 1997. Р. 217.

48. Например, в библиографии, помещенной в юбилейном издании, вышедшем в 1982 г., из 37 рекомендованных работ 15 принадлежали перу Виноградова лично или были написаны им в соавторстве с другими учеными, в особенности с С. Ц. Умаровым. См.: Виноградов 1982 б.

49. Книга вышла снова лишь в 1991 г.

50. Дж. Гакаев назвал это «этноэгоцентризмом». См.: Гакаев 1999. С. 150. Альтернативная история – типичное явление, связанное либо с колониализмом, либо с социальными отношениями, основанными на групповой дискриминации. Об этом см.: Cattell, Climo 2002. Р. 28-29.

51. Любопытно, что и в Боснии коммунистическая риторика «братства и единства» привела лишь к усилению межэтнической напряженности. См.: Vax 1995. Р. 119-126.

52. В 1991 г. ненавистный памятник был полностью разрушен. См.: Lieven 1998. Р. 307; Умалатов 2001. С. 51.

53. На самом деле здесь следует различать две разные проблемы – уровень социального развития различных северокавказских народов, во-первых, и их отношение к России, во-вторых. По первому вопросу с Блиевым можно согласиться – действительно, в социальном плане разные северокавказские общества отличались друг от друга, хотя и не вполне так, как ему казалось. Однако это не определяло автоматически их внешнеполитические ориентации. В частности, критиками было показано, что Блиев неверно характеризовал особенности воинской культуры («наездничество») северокавказских народов, не имевшей прямого отношения к Кавказской войне, – достаточно сказать, что мюриды Шамиля выступали против нее, ибо она противоречила шариату. Кроме того, «наездничество» было характерно и для адыгских «аристократических» народов, проявлявших, по мнению Блиева, прорусскую ориентацию. См.: Керашев 1994. Детально о наездничестве см.: Бгажноков 1983. С. 79-86; Мирзоев 1998.

54. Он писал: «Меня очень волнует, не обидел ли я народы, о которых пишу, – научная истина может вызвать всплеск отрицательных эмоций» (Блиев, Гаджиев, Джендубаев 1994. С. 22).

55. О проекте постановления, предложенном комиссией см.: Сайдуллаев 2002. С. 130-133. Тогда Умаров нашел в себе силы отказаться от звания «Заслуженный деятель науки ЧИ АССР».

56. О жестокостях генерала Засса см.. напр.: Ратушняк 1996. С. 255. О Ермолове см.: Gammer 1994. Р. 34-35; Кудрявцев 1996. С. 100-102.

57. По мнению одного российского историка, к войне в Чечне привел, в частности, «непреодоленный нами акт сталинского геноцида». См.: Спивак 1996. С. 26.

58. По наблюдениям Д. Хоровица, опасение ассимиляции со стороны более сильной группы побуждает более слабую группу к агрессивности. См.: Horowitz 1985. Р. 175-181; 2001. Р. 179-183. См. также: Kaufman 2001. Р. 26-27, 31-32.

59. В частности, созданный еще в 1939 г. местный ансамбль песни и танца получил в 1974 г. название «Вайнах».

60. Он занимал эту должность в 1966-1975 гг.

61. О живучести ислама в Чечено-Ингушетии см.: Вгуан 1992. Р. 196-198.

62. Ефанов фактически воспроизводил обвинения, звучавшие в адрес националистов в начале 1930-х гг.

63. Писателю Базоркину понадобились годы напряженной борьбы, чтобы опровергнуть клевету и наветы. Об этом см.: И. М. Базоркин 2002 б. С. 240-281. Некоторые чеченские деятели образования оказались настолько втянуты в борьбу с «теорией единого потока», что продолжали вести ее и в 1990-х гг. См., напр.: Арсалиев 1996. С. 23.

64. Правда, жестко соединяя национализм с религией, партийные чиновники не обратили внимание на то, что все эти лица не имели никакого отношения к исламу.

63. Так после 1944 г. называлось бывшее ингушское село Базоркино.

66. Об осетинской интерпретации этих событий см.: Гостиева. Дзадзиев 1995. Т. 2. С. 46-47, об ингушской – см.: Базоркина 1993. С. 140-141; 2001. С. 137-138; И. М. Базоркин 2002 б. С. 341.

67. При этом он искажал свидетельство Клапрота, однозначно называвшего аул ингушским селом, признавая, однако, что там жило много беглых осетин. Имеются все основания датировать возникновение аула 1730-1760-ми гг., когда осетин там еще не было. См.: Волкова 1974. С. 161.

68. Отождествление титульной нации с «коренной» встречают протест и в других регионах СССР. Некоторые интеллектуалы хорошо сознавали, что такая концепция, противопоставлявшая одни этнические группы другим, могла вызвать лишь рост межэтнической напряженности. См., напр.: Козыбаев 1989. С. 10; Беджанов 1997. С. 310; Эфендиев 1997. С. 163; Боков 1998. С. 9; Тошенко 2003. С. 186-187.

69. Связь своей концепции с событиями 1981 г. Блиев с возмущением отмечает как «недопустимые домыслы» и «нарушение научной этики». См.: Блиев 1999. С. 104. Между тем, по его собственному признанию, статья была написана к маю 1982 г., когда в связи с остротой поднятой проблемы главный редактор журнала «История СССР» И. Д. Ковалченко советовался в аппарате ЦК КПСС об уместности ее публикации. См.: Блиев, Гаджиев, Джендубаев 1994. С. 21. Поэтому сами сроки написания статьи наводят на определенные размышления.

70. См. также: Salmi 1997. Р. 155-159. В целом советская этнографизация народов находила аналогию в некоторых традициях западной антропологии, резко раскритикованных Э. Личем. См.: Leach 1989. Отчасти причины этого явления были связаны с европейским «ориентализмом», впервые глубоко проанализированным Э. Сайдом. См.: Said 1975. См. также: Appadurai 1988; Behdad 1994. Но в СССР эта этнографизация получила официальную поддержку лишь во второй половине 1930-х гг. См.: Martin 2001. Р. 436, 443.

71. Любопытно, что этой этнографизации горцев отдает дань и английский журналист Анатоль Ливен, называющий чеченцев «архаическими воинами» и «примордальной этнической нацией», хотя он предупреждает против преувеличения их «статичности» и «традиционности». См.: Lieven 1998. Р. 324-354. О критике этого см.: Тишков 2001 а.

72. О прямопротивоположной реакции осетин см.: В тумане 1994. С. 137, 198.

73. Об ингушской реакции на это см.: Костоев 1990. С. 131-134.

74. Об ингушских аргументах см. также: Soldatova 1995. Р. 84-85.

75. Правда, как мы знаем, Председателем Верховного Совета ЧИ АССР долгие годы был ингуш Х. Х. Боков.

76. Интересно, что, справедливо возмущаясь обвинениями «южных народов» в преступных наклонностях, время от времени звучавшими в советской прессе в конце 1980-х гг., осетинский ученый даже не вспоминал об аналогичных обвинениях в адрес ингушей, популярных тогда в Северной Осетии. См.: Магометов 1989. С. 27-31.

77. В этом выражается типичная для коренных народов символическая ас-социация народа со своей «исконной священной территорией», не имеющая ничего общего с либеральным принципом частной собственности на землю. Такая аборигенная концепция нередко входит в конфликт с потребностями модернизации (Levy 2000. Р. 203-221).

78. Таким образом, разрушение вайнахской общности началось с осени 1989 г., а не с лета 1990 г., как думает Дж. Данлоп. См.: Данлоп 2001. С. 98.

79. С тех пор к ней прибегали президент А. Х. Галазов и другие осетинские деятели. См., напр.: Гачазов 1992; Мамсurov 1994. С. 167; Гаглоев 1997. Повторил это и адыгейский специалист по национальным отношениям. См.: Беджанов 1997. С. 168, 361-362. По свидетельству Б. У. Костоева, статью в газету «Правда» помогал составлять редактор ингушской газеты «Сердало» О. Гадaborшев, в свое время активно участвовавший в антиингушской кампании 1973 г. См.: Костоев 1995. С. 21.

80. Все эти домыслы были разоблачены ингушскими историками и общественным деятелями. См.: Богатырев 1990 б; Катышева, Озиев 1991. С. 11-14.
81. Любопытно, что тот же Кониев был одним из самых активных сторонников переименования осетин в алан. См.: Созаев 2000. С. 77.
82. О тексте закона см.: Атиева 1993 а. Т. 3. С. 263-265; Артизов 2003. С. 546-548.
83. О сложных связях этого решения с чеченскими событиями см.: Tishkov 1997. Р. 162.
84. Об осетинской версии см.: О. Шестаков 1991; Логинов 1993б. С. 414-420; В тумане 1994; Гаглоев 1997; Кучиев 1997. С. 114; Пригородный район 1997; Soldatova 1995. Р. 88-90; Дзидзоев 2000 а. С. 197-198. Об ингушской см.: Дементьев 1994; Боков, Чабиев 1994. С. 24-32; Албагачиев, Ахильгов 1997. С. 113-130; Березовский и др. 1993; Мужухоев 1995. С. 27-28; Костоев 2003.
85. Об ингушско-осетинском конфликте и его корнях см. также: Политическая оценка 1994; Фокин 1995; Здравомыслов 1998; Goldenbeig 1994. Р. 200-202; Tishkov 1997. Р. 155-182; Smith 1998. Р. 106-110; Cornell 2001. Р. 251-262.
86. Фактически произошла этническая чистка, что нередко является следствием агрессивного этнонационализма. См.: Ногowitz 2001. Р. 433-443.
87. Официальный Указ президента РИ об этом вышел 14 марта 1993 г. См.: Патиев 2002 б. С. 17.
88. Об уничтожительной характеристике этих новых ингушских чиновников со стороны ингушской правозашитницы см.: Яндиева 2002 б. С. 85-86.
89. Об этом см. также: Крупнов 1971. С. 179; Виноградов 1966 а. С. 143-148; 1980. С. 49-54; Великая и др. 1990. С. 89.
90. Об их изначальном христианском предназначении см., напр.: Калоев 1971. С. 285-286; Бараниченко 1979. С. 109; Кузнецов 1990 а.
91. Однако подавляющее большинство советских ученых следовали линии Семенова. См., напр.: Калоев 1971. С. 26.
92. В частности, Чокаев доказывал, что греки заимствовали у нахов миф о Промете. См.: Чокаев 1990.
93. Впрочем, понимая новаторство своего подхода, Вагапов допускал, что его отдельные толкования лексических материалов могли быть спорными или сомнительными. См.: Вагапов 1990 а. С. 13. 105.
94. Об этом предании упоминал и Дешериев. См.: Дешериев 1963. С. 74.
95. Эта идея Исаевой нашла спрос в начале 1990-х гг., когда в ответ на территориальные претензии казаков некоторые чеченские историки доказывали, что земли к северу от Терека едва ли не исконно принадлежали чеченцам. См., напр.: Хожаев 1993 б. Между тем, судя по археологическим данным, никаких следов кобанской культуры в левобережье Терека нет. См.: Козенкова 2003. С 327-328.
96. Между тем лингвисты говорили лишь о том, что хуррито-урартские языки находились в родстве с нахско-дагестанскими языками в целом, т. е. на уровне прайзыка. Это означало, что после распада последнего их пути разошлись, и история хурритских и урартских племен развивалась без всякой связи с дагестанскими или вайнахскими племенами.
97. Правда, авторы видели в нем «кумыко-вайнахскую» государственность.
98. Но есть и предположение о том, что речь идет об Аварском государстве.
99. Убедительность ингушских аргументов пришла не по нраву осетинскому историку, и он обвинил своих коллег в пассивности. См.: Тотоев 1994. С. 85.
100. Впервые тесная связь национальных движений в СССР с экологическими проблемами была подчеркнута на круглом столе, проведенном американскими учеными в марте 1989 г. См.: Bond, Sagers 1989. Р. 471-484.
101. О гневной реакции Чечено-Ингушского обкома см.: Не пора ли 1988; Фотеев 1988 а.
102. В него вошли члены завгаевского Верховного Совета ЧИ АССР. См.: Лорсанукаев 2003. С. 37.
103. Подробно о чеченской оппозиции см.: Гакаев 1997. С. 199-204; Умалатов 2001. С. 76.
104. В это время оппозиция Дудаеву еще имела целиком внутренний характер, и неверно связывать ее формирование с активным вмешательством Москвы, как это делает Дж. Данлоп. См.: Данлоп 2001. С. 152-153, 157. Российские власти начали оказывать ей поддержку много позднее. См.: Тишков, Беляева, Марченко 1995. С. 27; Тишков 2001 а. С. 227, 352; Абубакаров 1998. С. 90-96; Умалатов 2001. С. 76; German 2003. Р. 76-93; Петровский 2004.
105. Например, в них участвовали лишь 15 % избирателей, и лишь 20 % из них проголосовали за Дудаева; выборы полностью контролировались движением, лидер которого избирался в президенты; 6 из 14 районов Чечено-Ингушской республики не приняли участия в голосовании. См.: German 2003. Р. 46.
106. Это подтверждает и английский журналист. См.: Lieven 1998. Р. 337-338.
107. В советские годы Автурханов некоторое время работал в сухумской милиции, откуда, по словам Усманова, был уволен за несоответствующее должностное поведение. См.: Усманов 1997. С. 109.

108. По словам ряда зарубежных авторов, путь был инспирирован российскими политиками. См.: Goldenberg 1994. Р. 189-190; Данлоп 2001. С. 177; German 2003. Р. 82-83.

109. Его тогда поддерживали лишь 20 % чеченцев. См.: Арутюнов 1995. С. 13. Следует отметить, что дагестанцы тоже не одобряли режим Дудаева. См.: Крицкий 1995. С. 10-11.

110. О второй чеченской войне см.: Умалатов 2001.

111. О мусульманском ренессансе на Северном Кавказе см.: Bryant 1992 Р. 198-201.

112. Виктимизация и создание образа врага были тогда характерны и для восточноевропейских государств. См.: Verdery 1996. Р. 94-97.

113. О борьбе с памятниками в постсоветское время см.: Абрамян 2003.

114. Об использовании изображения башни вместо волка на новом гербе Чечни подумывают сейчас и чеченские интеллектуалы.

115. Но, как свидетельствует бывший министр правительства Дудаева, Т. Абубакаров, «тайловый фактор не имел в политике Дудаева определяющего значения». См.: Абубакаров 1998. С. 79.

116. Отсюда чувство клинической мегаломании, оставшееся у западного журналиста после бесед с Дудаевым. См.: Lieven 1998. Р. 67.

117. См. также высказывания Р. Бараева. Цит. по: Тишков 2001а. С. 460.

118. Правда, образ волка пришел к чеченцам из тюркско-монгольской символики.

119. Впрочем, в те годы и вайнахские ученые нередко публиковали свои научные гипотезы в СМИ. См., напр.: Вагапов 1990 б; Чокаев 1990.

120. Умеренную версию этого мифа воспроизвел даже известный английский научный журнал. См.: Nichols 1995. Р. 575.

121. В поисках доказательств они широко цитировали дилетантские работы Бабахяна.

122. О том, что накануне русского завоевания чеченцы уже были «независимой нацией», пишет и английский журнал. См.: Nichols 1995. Р. 577.

123. Впрочем, имелись и иные предложения о названии новой столицы, среди них – «Руслан-аре», т. е. Русланово поле, а также «Этруск». См.: Костоев 1995. С. 41-42.

124. Эти утверждения ничего, кроме возмущения, у осетин не вызывают. См., напр.: Хачирти 2002. С. 368.

125. О критике этих взглядов см.: Марковин 1994. С. 52-54.

126. О критике см.: Марковин 1994. С. 55.

127. На самом деле Дудаев происходил из горного аула Ялхорой Галанчожского района. См.: Гакаев 1997. С. 38. О разногласиях по этому вопросу см. Тишков 2001 а. С. 142.

128. Об аргах все эти авторы узнали из книги В. А. Кузнецова «Очерки истории алан». Но Кузнецов, реконструировавший этот термин по сообщению «Армянской географии» VII в., вовсе не отождествлял аргов с орстхойцами и ни слова не говорит о каком-либо политическом объединении вайнахов в доаланское время. А связь аргов с вайнахами он считал лишь гипотетической. См.: Кузнецов 1992. С. 2200-221. В рассматриваемых построениях Мужухоева чеченский историк Я. З. Ахмадов увидел «вольные допущения». См.: Ахмадов 1992. А осетинский автор вовсе отрицает какую-либо связь аргов с вайнахами. См.: Дзиццойты 1992. С. 43.

129. Так что неверно представление о будто бы безоблачной дружбе между чеченцами и ингушами, разделенное Б. Фоуксом. См.: Fowkes 1998. Р. 16.

130. Вайнахская идентичность популярна в чеченской диаспоре. В Казахстане в 1990-х гг. был организован общественный центр «Вайнах», а в Москве в 1996-1998 гг. выходил иллюстрированный журнал «Вайнах сегодня».

131. Правда, проживающий в Москве ингушский политический деятель Х. Х. Боков, напротив, является сторонником евразийства. См.: Боков 1998.

132. Рост негативного отношения к чеченцам стал отмечаться с 1991 г. См.: Soldatova 1995. Р. 87-88.

133. Но это не мешает некоторым чеченским тейпам возводить себя к еврейским предкам. См.: Чеснов 1999. С. 87.

134. О ложности этого представления см.: Трапавлов 1998. С. 4, 34; Кодзоев 2000.

135. Удивительно, что высокий российский чиновник подхватил известную фальшивку эпохи Ивана Грозного, с помощью которой российский посол в Константинополе пытался обосновать право Московской Руси на обладание Северным Кавказом. Тот ссылался на то, что «горские черкесы» будто бы происходили от рязанцев, убежавших от князей в горы. См.: Броневский 1996. С. 40. Об этом см.: Трапавлов 1998. С. 8; 2000. С. 9.

136. Сам Хаттаб называл себя арабом. См.: Шерматова 1999 б. С. 409.

137. О заложничестве в Чечне см.: Тишков 2001 а. С. 390-423.

138. Благодарю Д. Гакаева за эту информацию. 27.04.04.

139. Последнее название он почему-то выводит от имени пророка Моисея и произвольно связывает со столицей Хазарии.

140. Похоже, он включает в них арабов и персов!

141. По наблюдениям Тишкова, в Чечне во второй половине 1990-х гг. действительно наблюдалось охлаждение к образу Шамиля. Например, откровенно враждебную к Шамилю позицию занимает Х.-А. Нураев. См.: Нураев 2000. Некоторые чеченские интеллектуалы начали подчеркивать, что Шамиль был изгнан из Чечни самими чеченцами, ибо стал угрожать их свободе (Вацанаев 1997. С. 9). Однако в июле 1997 г. это не помешало чеченцам устроить в селе Ведено торжества по случаю 200-летия со дня рождения Шамиля. См.: Тишков 2001 а. С. 153, 270.

142. Об этом см.: Shnirelman 2002 а. Любопытно, что версия истории, созданная Дауевым, пришла по душе некоторым российским военным, которые охотно на нее ссылаются. См.: Азаров, Марущенко 2001.

143. Т. Джерман полагает, что ислам был нужен Дудаеву прежде всего для поиска зарубежных союзников в лице исламских государств. См.: German 2003 Р. 65.

144. О постепенном движении Дудаева к исламу говорил его министр информации М. Удугов. См.: Шевченко 1998.

145. Об этом процессе в более широком контексте см.: Juergensmeyer 1993.

146. Следует отметить, что северокавказский ислам, впитавший в себя некоторые местные доисламские обычаи и верования, отличается от так называемого «чистого ислама». Например, на древних мечетях дагестанского аула Кубачи можно встретить изображения животных и людей, в том числе всадников. См.: Башкиров 1928.

147. То же можно сказать о межэтнических конфликтах как на территории бывшего СССР, так и в остальном мире в целом. См.: Jenkins 1986; Gurr 1993. Р. 317-318; Gurr, HaitT 1994. Р. 25; Ignatieff 1999. Р. 54-55; Limberg 1994. Р. 64. Об ином мнении см.: Armstrong 1997.

148. Об отношении чеченцев к шариату см. также: Тишков 2001а. С. 448-449.

149. См. также мнения экспертов в газ. «Московский комсомолец» (1996. 24 сентября. С. 2).

150. Действительно, восточные чеченцы тогда находились в зависимости от сильного Эндереевского княжества. См.: Кушева 1963. С. 84.

151. Сейчас этих взглядов придерживается Х. А. Хизриев. См.: Хизриев 2005. На самом деле власть Ших-мурзы ограничивалась пределами «Окоцкой земли», совпадавшей с современным Хасавюртовским обществом. Кроме того, его вайнахское происхождение не имеет строгих доказательств. См.: Кушева 1963. С. 80-81; Блиев 2004. С. 65. 69; Магомадова 2005.

152. О «древних чеченских землях», простиравшихся на север до р. Кумы и на восток до Каспия, см., напр.: Салигов 1993; Хожаев 1991 б; 1993 б.

Часть IV

ПЕРЕДЕЛ СУДЬБЫ

(КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ)

Глава 1.

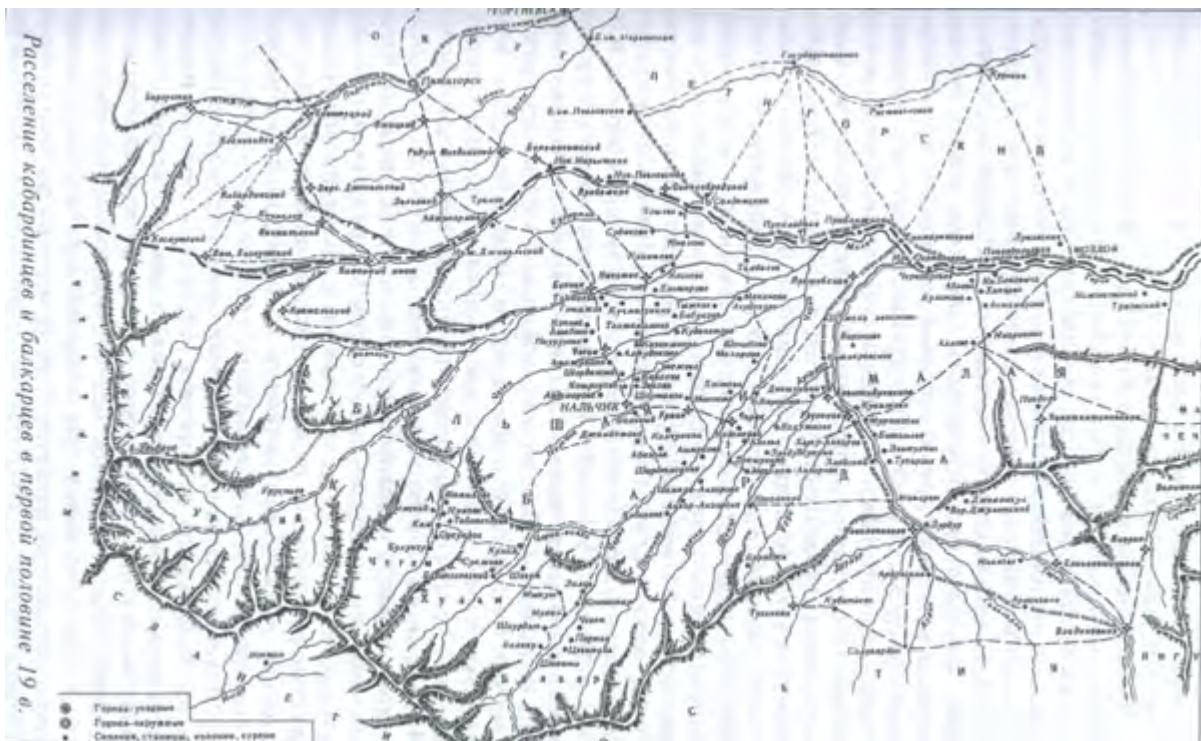
Обретение государственности и появление интеллектуальной элиты

В дореволюционный период светское образование было доступно лишь немногим горцам. Первая окружная горская трехклассная школа, предназначенная для детей местной знати, открылась в Нальчике 15 августа 1860 г. В 1909 г. она была преобразована в реальное училище — первое среднее учебное заведение в округе, где обучалось более 250 человек. В 1866 г. в Нальчике начали действовать педагогические курсы, но этот опыт оказался неудачным. Их закончили лишь шесть человек, после чего курсы были закрыты. По инициативе горцев с 1875 г. в Кабарде появились сельские начальные школы. Кроме того, горцы имели возможность обучаться в Ставропольском уездном училище. К 1914 г. в Нальчикском округе работало 112 светских начальных школ, среди которых было 47 кабардинских и 3 балкарских. Всего в них обучались грамоте 6700 школьников. Кроме того, имелось еще 97 религиозных школ (1500 учащихся). Правда, среднее, а тем более высшее образование было доступно лишь узкому кругу горской элиты, и все же упомянутые образовательные учреждения дали толчок горскому просвещению. Благодаря этому горцы получили свою первую светскую элиту (Бекалдиев 2003. С. 158-165, 181-182).

Новые возможности для получения образования появились в советские годы. В 1920-х гг. горская молодежь повышала свое образование в Донском политехническом институте, в Горском педагогическом институте, на рабфаках во Владикавказе и в Ростове-на-Дону. Тогда эти образовательные учреждения подготовили в общей сложности до 500 выпускников (Бербеков 1957. С. 24). К концу 1925 г. грамотность среди кабардинцев достигла 11,2%, а среди балкарцев — 7,5 % (Бекалдиев 2003. С. 240). В 1931 г. в области начал работать Педагогический рабфак. В 1932 г. к нему прибавился Кабардино-Балкарский педагогический институт с историко-филологическим факультетом, что значительно продвинуло решение вопроса о местных кадрах. В 1934 г. был образован Учительский институт. К концу 1936 г. в местных школах уже работали около 2000 учителей кабардинского и балкарского происхождения (Бербеков 1957. С. 39). Тем самым в 1930-х гг., благодаря появлению местных вузов, возможности подготовки местных элит расширились, однако круг высокообразованных специалистов оставался весьма узким. Ведь даже в 1932 г. более 54 % местных учителей не имели среднего образования, а в 1936 г. эта цифра составляла все еще 47 % (Каймаразов 1988. С. 98-99). Тем не менее в 1930-е гг. в этом регионе Северного Кавказа было сформировано первое поколение новой советской интеллигенции. Однако все эти усилия были сведены на нет репрессиями 1928-1938 гг., почти полностью лишившими регион интеллектуальной элиты, и в послевоенные годы все пришлось начинать заново (Алиев 1993 б. С. 11; Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 55-57; Бекалдиев 2003. С. 252-253).

В 1920-х гг. археология и древняя история Северного Кавказа были еще мало разработаны, многое оставалось неясным, и проблемы происхождения местных народов, как правило, широко не обсуждались. Да и само понятие «народ» как консолидированная этническая группа, субъект политического развития еще только появлялось. Например, до революции балкарцы жили пятью горскими общинами, и единого самоназвания у них не было. Тогда их официально называли «пять горских обществ», а иногда — «горными татарами» (см., напр.: Кудашев 1991. С. 155, 177). Название «Малкъарлыла» тогда было связано лишь с наиболее древним из этих обществ, Черекским (Кушева 1963. С. 169). Русский термин «балкарцы» происходит от кабардинской формы «бэлкъэр». Его стали применять для всех пяти групп в качестве единого инклузивного этнонима лишь после революции (Волкова, Лавров 1968. С. 332; Волкова 1973. С. 87-91, 97). Теперь все они начали считаться единой общностью, а поскольку она получила официальный политический статус, ей требовалось иметь свою историю. У карачаевцев единое само-

сознание возникло раньше: их самоназвание «къарачайлыла» зафиксировано еще в первой половине XVII в. (Волкова 1973).

Однако этнонима, единого для карачаевцев и балкарцев, нет и по сей день (Малкондуев 2001. С. 6).

Появление на карте Северного Кавказа отдельных автономий требовало их идеологической легитимизации с опорой на историю и культуру. Необходимо было формировать у людей «историческое сознание», опирающееся на мифологемы. Это хорошо сознают современные местные ученые и политические деятели. Например, как справедливо замечают кабардинские специалисты, «не столь важно, в какой степени представления об исторической связи с древнейшими государствами и цивилизациями согласуется с требованиями строгой науки — гораздо существеннее то, как они влияют на процесс национально-государственного строительства» (Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 8-9). Карачаевский поэт и общественный деятель Б. А. Лайпанов свидетельствует, что «процесс «отбора» ценностей и истин, приемлемых для национального самосознания, и «отторжения» неприемлемых выводов, практически независимо от того, насколько эти выводы обоснованы, протекает весьма активно». Он же признает, что такие исторические «истины» могут использоваться и уже используются в политической борьбе (Лайпанов 1998. С. 144-145). По словам осетинских историков, «история во все времена выполняет важнейшие идеологические функции. В Осетии XV — начала XVIII в., лишенной государственности и письменности, роль истории — этой коллективной памяти народа — была особенно велика. Именно устная историческая традиция, наряду с накоплением знаний о прошлом, заключала в себе и постоянно воспроизводила идеологию общенародного единства». Иными словами, местные интеллектуалы представляют социальную память о прошлом едва ли не основой этнической идентичности, и эту мысль осетинские авторы находят настолько важной, что включают в современный школьный учебник (Блиев, Бзаров 2000. С. 182).

Подобного рода представления были широко распространены на Северном Кавказе и в 1920-е гг., и поэтому повсюду в новых автономиях стали появляться просветительские и образовательные учреждения, одной из важнейших задач которых было создание местной исторической традиции. Идея музеиного освещения прошлого кабардинцев и балкарцев возникла еще накануне Первой мировой войны. Тогда по инициативе начальника Нальчикского округа С. К. Клишибиева (1867-1920?) в Терском областном музее г. Владикавказа готовилось открытие «Адыгейского отдела», для которого уже начали собирать экспонаты (Опрышко 1996. С. 22-23). Однако война отсрочила эти планы.

К ним вернулись в 1921 г., когда в Нальчике (Кабардино-Балкария) был учрежден краеведческий музей. Для его организации из Владикавказа был приглашен большой энтузиаст краеведения М. И. Ермоленко. Разрабатывая идею музея, Ермоленко ставил задачу изучения древних культур края и выяснения того, какие народности населяли его в далеком прошлом. Однако данных об этом в конце 1920-х гг. было все еще недостаточно. Поэтому археологический отдел музея строился исключительно по археологическим эпохам, а этнографический отдел был представлен вещами традиционной бытовой культуры кабардинцев и балкарцев (Ермоленко 1928. С. 12-14; Анисимов 1929. С. 33-35). Экспозиция еще не стала целью продемонстрировать стадии формирования народов, что стала важной частью музейного дела спустя два-три десятилетия. Правда, благодаря энергии Ермоленко на территории автономного округа были обнаружены уникальные первобытные поселения и начались интенсивные археологические исследования, по сути, заложившие основы советской археологии Северного Кавказа. Однако сам Ермоленко не имел необходимой для этого подготовки, и хотя он раскопал несколько десятков древних курганов, собранные им коллекции не были соответствующим образом документированы и фактически оказались утраченными для науки (Крупнов 1960 а. С. 42-43; Гугов, Мамбетов, Тхагапсов 1984. С. 61, 83). А его интерпретация полученного материала страдала непрофессионализмом и, как выразился один критик, носила «печать ненаучности» (Лунин 1928).

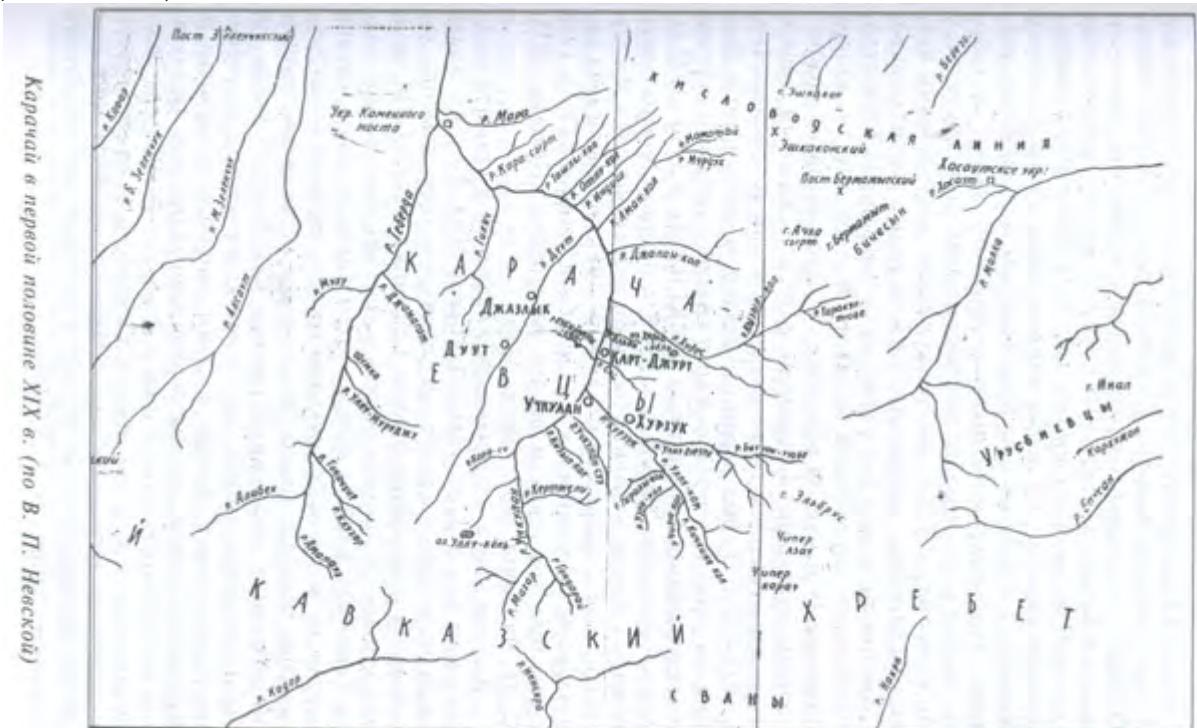
В 1923 г. было создано Кабардино-Балкарское общество изучения местного края, включавшее в 1925 г. три секции — историко-этнографическую, экономическую и естественно-историческую. Общество ставило своей главной задачей изучение истории и этнографии края, но его члены работали на общественных началах, не имели должного опыта, и их деятельность приносила весьма скромные результаты. Новый этап наступил 26 февраля 1926 г., когда по решению Президиума ЦИК Советов Кабардино-Балкарской автономной области в Нальчике был открыт Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт (КБНИИ) с тремя секторами: производительных сил, истории и языка, литературы и искусства. Правда, 25 из 30 его сотрудников были приезжими и работали в нем по совместительству, однако при институте имелась аспирантура, где планировалось готовить местные кадры специалистов. В начале 1930-х гг. приоритетной темой для института была история социалистического строительства. Документов о древней и средневековой истории было явно недостаточно, и их нехватку пытались компенсировать изучением устного народного творчества, от которого ожидали прояснения некоторых злободневных исторических проблем (Анисимов 1937. С. 180-181; Гугов, Мамбетов, Тхагапсов 1984. С. 62-65).

В Карачае в 1920-е гг. также действовало местное краеведческое общество. В 1923 г. там появилось первое в округе Педагогическое училище. В 1933 г. в новой столице Карачаевской АО, Микоян-Шахаре, открылся педагогический рабфак, преобразованный в 1938 г. в первое высшее учебное заведение в округе — Учительский институт. В 1940 г. на его основе был создан Карачаевский педагогический институт с двумя факультетами. Первое научное учреждение, Карачаевский областной научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, было создано в 1932 г. в Микоян-Шахаре. Там же под руководством Х. Эркенова начал работать краеведческий музей. В 1930 г. в округе появилось свое национальное издательство (Койчуев 1998. С. 55-56; Тебуев, Хатуев 2002. С. 151-152; Шаманов 2003. С. 9).

Глава 2. Из «татар» в автохтоны

В этих условиях местные интеллектуалы и старались наделить свои народы достойным прошлым. Одним из немногих, кто тогда касался вопросов происхождения тюркоязычных групп на Северном Кавказе, был видный карачаевский политический деятель У. Дж. Алиев (1895 — 1938). Он родился в горном ауле Карт-Джурт, получил мусульманское образование вначале в Кабардино-Балкарии, затем в Дагестане, после чего преподавал в различных мусульманских школах Кавказа и даже в Уфимской семинарии. Его политическая карьера началась в 1917 г., когда он был членом Мусульманского социалистического комитета, участвовал в I съезде «горских племен Кавказа» и даже входил в ЦК СОГК. В апреле 1918 г. он стал заведующим отделом по делам мусульманского пролетариата Кавказа и Средней Азии при Наркомнаце РСФСР, а в следующем году пытался установить советскую власть в Крыму. С марта 1920 г. он возглавлял Северокавказский ревком, а летом того же года был назначен уполномоченным наркома по делам национальностей на Северном Кавказе. Тогда же он стал председателем Карачаевско-

го ревкома. Будучи хорошим знатоком арабского языка, он работал в 1922 г. в комиссии по реформе арабского алфавита. В то же время в 1921 г. он создал первый карачаевский букварь на латинице, сыгравший большую роль в ликвидации неграмотности. Алиев был одним из организаторов Карачаево-Черкесской автономной области. В середине — второй половине 1920-х гг. он возглавлял Северокавказский крайисполком, руководил возникшим в 1926 г. Краевым национальным комитетом по вопросам культуры и просвещения, в 1927-1930 гг. был первым директором созданного в Ростове-на-Дону Северокавказского краевого горского научно-исследовательского института (СККГНИИ). В 1930-1932 гг. Алиев возглавлял Научный совет Всесоюзного центрального комитета нового алфавита. Затем он был слушателем Института красной профессуры и в 1935-1937 гг. преподавал карачаево-балкарский язык в балкарской студии МГУ. В 1938 г. он был арестован и вскоре расстрелян (Невская 1978. С. 31; Лайпанов 1985; Абаева 1995).

В своей книге «Карачай», переизданной и ставшей бестселлером уже в наши годы (Лайпанов 1998. С. 154), Алиев следующим образом изображал появление тюркоязычных карачаевцев и балкарцев в горах Северного Кавказа. Он знал, что задолго до прихода тюрков в ущельях центральной части Северного Кавказа обитали ираноязычные аланы, предки осетин, оставившие богатую архитектуру, включая изумительные христианские храмы. Много веков назад аланы занимали обширные предгорные районы Северного Кавказа, но были оттеснены в горы тюркскими кочевниками, в особенности монголами. Когда-то аланы занимали и верховья р. Кубань, но к приходу туда тюркоязычных предков карачаевцев эта местность, по мнению Алиева, уже обезлюдела. Когда именно и откуда там появились карачаевцы, Алиев не знал, но был склонен доверять карачаевскому народному преданию об их передвижении из Крыма и связывал это с набегами крымских татар в XVI-XVII вв.

Таким образом, в основе концепции Алиева лежал миграционистский подход, который в 1920-х гг. еще не вызывал решительных возражений и не подвергался нападкам. Между тем, подчеркивая этнографические параллели с соседними народами, Алиев допускал, что в формировании карачаевцев могли участвовать также кабардинцы, сваны, осетины, кумыки, армяне и др. Иными словами, его несколько не смущала мысль о смешанном происхождении карачаевцев. Он даже усматривал в этом определенное достоинство — ведь смешанная кровь оздоровляет, что и делало карачаевцев самой плодовитой народностью на Северном Кавказе. Существенно, что в соседних балкарцах Алиев не просто видел родственную карачаевцам группу, а объединял их в единую народность (Алиев 1927. С. 34-45) [1].

Идеи У. Алиева о происхождении карачаевцев были развиты работавшим под его руководством заведующим социально-культурным отделом СККГНИИ, известным кавказоведом, бывшим учителем Кубанской гимназии в Екатеринодаре А. Н. Дьячковым-Тарасовым. Проведя в 1927 г. полевые исследования в Карачае и изучив письменные источники, этот автор пришел к выводу о том, что карачаевцы

появились в бассейне р. Кубани в середине XVI в. К тому времени этот район, где ранее жили полуномады-аланы, запустел, и карачаевцы заселили его мирным путем. Дьячков-Тарасов без колебаний причислял карачаевский язык к кипчакской языковой группе и полагал, что речь идет о беженцах из Прикаспийско-Причерноморского региона (включая Крым), проникших в современный район своего обитания через Западный Кавказ. Пришельцев было немного, и они охотно интегрировали в свою среду представителей соседних народов. Поэтому в конечном счете Дьячков-Тарасов называл карачаевцев и балкарцев «отуреченными кавказцами» и считал, что их нельзя отрывать от Кавказа. Тем самым он еще более решительно, чем Алиев, делал шаг в сторону становившегося популярным автохтонистского подхода (Дьячков-Тарасов 1929).

В начале 1930-х гг. труды Алиева и Дьячкова-Тарасова были подвергнуты острой критике за «немарксистский подход»: архаизацию горского общества, недооценку его уровня развития, преувеличение роли патриархальных отношений и тем самым «национализм», «замазывание классовой борьбы» и «защиту кулака» (Кундухов 1930; Буркин 1931; 1932. С. 145-147, 152-156). Сходная критика звучала тогда и в адрес балкарского школьного учебника (Бунегин 1930. С. 74). После этого Алиев был снят с поста директора СККГНИИ и начиная с 1930 г. работал в Москве.

Взгляды, которыми руководствовались Алиев и Дьячков-Тарасов, восходили к гипотезе, выдвинутой такими признанными авторитетами по истории народов Северного Кавказа, как В. Миллер и М. Ковалевский. Посетив тюркские общины центральных районов гор Кавказа во второй половине XIX в. (тогда их официально называли «горские общества Кабарды»), они отметили, что тюркоязычное население появилось там после того, как горы уже были заселены осетинами, и до расселения кабардинцев на запад. Об этом свидетельствовали как осетинская топонимика, так и другие специфические языковые и культурные явления, позволявшие предполагать, что тюркоязычные пришельцы смешались с местным ираноязычным населением. Замечая, что осетины зовут балкарцев «аси», исследователи подчеркивали, что это не было исконным самоназванием балкарцев: скорее всего те получили его в наследство от предшествовавших обитателей (Миллер, Ковалевский 1884. С. 550-554).

Такие представления были распространены и в популярной литературе, где иной раз подчеркивалось, что из всех ныне живущих в Кабардино-Балкарии народов истинными автохтонами были кабардинцы (см., напр.: Анисимов 1929. С. 47; 1930. С. 187, примеч. 1, 194; 1937. С. 79). Тогда лишь некоторые авторы рисковали производить балкарцев от раннесредневековых тюркоязычных болгар, смешавшихся с более ранними аланами-осетинами (Воробьев, Сарахан 1932. С. 20-21). Все еще живущим оставалось идущее из карачаевского фольклора представление о приходе родоначальника карачаевцев по имени Карчи с его сподвижниками из Крыма в XIV в. Эту идею поначалу разделял один из первых карачаевских историков-марксистов И. Х. Тамбиев (Тамбиев 1931. С. 3-4).

И. Х. Тамбиев (1904—1937) происходил из горного села Учкулан. Будучи сыном пастуха, он получил в дореволюционные годы лишь начальное образование вначале в горской школе, затем в двухклассном Учкуланском училище. Свою быструю карьеру он сделал уже в советские годы, будучи вначале комсомольским, затем партийным активистом. Для этого ему пришлось продолжить свое обучение в советских партийных школах в Баталпашинске и Ростове-на-Дону. Во второй половине 1920-х и начале 1930-х гг. он много занимался журналистикой, а в 1932 г. был назначен первым директором Карабаевского НИИ в Микоян-Шахаре. Затем он некоторое время заведовал облоно, а в 1935 г. вновь вернулся на должность директора НИИ (о нем см.: Невская 1978; Шаманов 2003). Заинтересовавшись происхождением своего народа, он вслед за Марром признал смешанное происхождение карачаевцев и балкарцев. По его мнению, в их формировании участвовали как пришлье тюркские племена (хазары, кипчаки и др.), так и многие другие группы населения. Но пальму первенства он все же отдавал тюркам и писал, что «первоначальная немногочисленная турецкая группа предков оказалась способной по своему подобию переделать сравнительно многочисленных представителей разноязычных народов». Поэтому он представлял карачаевцев и балкарцев «отуреченными яфетидами» (Тамбиев 1933. С. 63) [2].

Идея о смешанном характере карачаевцев принадлежала академику Н. Я. Марру, который хотя и называл их «горскими турками», но делал упор на их «яфетическом происхождении» и даже писал об «осетино-карачаевцах с турецким языком» (Marr 1920. С. 26). С середины 1920-х гг. Марр произвел рецензию своей теории и стал придерживаться стадиального подхода к истории языка. С этой точки зрения идеи «прадороги» и «праязыка» оказывались неверными и даже «вредными», а акцент переносился на сугубо местное автохтонное развитие (об этом см.: Шнирельман 1993). В начале 1930-х гг. стадиальная теория Марра, казавшаяся идеально соответствующей марксизму, получила широкую поддержку в со-

ветской науке. В соответствии с ней идея единого пратюрского языка и тюркской прародины на Алтае отбрасывалась как «реакционная, идеалистическая, антиисторическая гипотеза». Исходя из этого, карачаевцев и балкарцев уже нельзя было считать пришельцами. Тогда один из лингвистов заявлял, что кабардино-балкарский язык был «не от природы турецким», а представлял собой «определенную ступень в развитии языка» (Боровков 1932. С. 53). А советскому археологу М. И. Артамонову казалось соблазнительным связывать образование тюркоязычных народов Северного Кавказа с влиянием Хазарской державы, «первого мощного туземного государства в европейской части нашей страны», ядро которого располагалось, по его мнению, в степях и предгорьях Чечни и Дагестана (Артамонов 1937).

В 1930-е гг. концепция смешанного происхождения народов стала важной идеологической основой советского интернационализма. Если до революции осетинские интеллектуалы изображали балкарцев «горскими татарами», причинившими в прошлом много зла их предкам (Кодзоев 1903. С. 57), то теперь, как мы видели, осетин Г. Кокиев благосклонно включал предков балкарцев и карачаевцев в аланский племенной союз и писал о том, что они обитали на Северном Кавказе еще в IX—X вв. (Кокиев 1941). Похоже, что накануне войны этот подход, открыто противостоявший миграционизму, находил широкую поддержку у советских специалистов. Его разделял, например, археолог А. А. Иессен, вслед за Марром настаивавший на гетерогенном характере аланского союза, куда входили предки не только осетин, но и их нынешних соседей. Он знал о близком родстве балкарского языка с половецким (кипчакским), но полагал, что в этногенезе балкарцев большую роль сыграли аланы, перешедшие на тюркский язык (Иессен 1941. С. 23, 28-29). В те годы лингвист В. И. Абаев упрекал В. Миллера и М. Ковалевского в «индоевропейском патриотизме» и делал акцент как на интенсивном взаимовлиянии культур, так и в особенности на роли местного «яфетического» субстрата, на котором сформировались как балкарцы и карачаевцы, так и осетины (Абаев 1933). Тем самым в 1930-е гг. советские ученые, вопреки своим предшественникам, начали доказывать местные корни балкарцев и карачаевцев и их близкое родство с осетинами. Этим как бы подчеркивались древние основы советской дружбы народов, имевших общих предков.

Глава 3. *Лишенные родины и истории*

В конце лета — осенью 1942 г. западные территории Северного Кавказа были оккупированы германскими войсками. Немцы установили там местные формы ограниченного самоуправления в виде национальных комитетов. Однако коллаборационистов, готовых служить оккупационному режиму, было немного. Например, среди карачаевцев таковых оказалось лишь 270 человек. Кроме них, в 1942—1943 гг. в Карачае действовали повстанцы, недовольные действиями советской власти (Хунагов 1999. С. 77-83). В конце декабря 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление, и в январе 1943 г. Северный Кавказ был полностью очищен от немецких оккупантов, а весной 1943 г. было в основном покончено и с выступлениями повстанцев. Между тем в короткий период оккупации произошло важное событие — впервые в истории главы Карачаевского и Балкарского национальных комитетов подписали договор об объединении двух народов в едином административном образовании с центром в Кисловодске (Тебуев, Хатуев 2002. С. 157-158). Практических результатов это не имело, но память о нем сохранилась.

Не прошло и года после освобождения региона от фашистских захватчиков, как советские руководители обвинили карачаевский и балкарский народы в измене Родине. В ходе тщательно подготовленных операций, проведенных войсками НКВД, оба народа были депортированы. С карачаевцами это произошло 2 ноября 1943 г., а с балкарцами — 8 марта 1944 г. (Хунагов 1999. С. 86; Тебуев, Хатуев 2002. С. 167-168). Это сместило все акценты. Мало того что теперь на карачаевцев и балкарцев было поставлено клеймо бандитов и предателей Родины и они были переселены на чужбину, их автономные образования были ликвидированы, раздроблены на части и переданы в состав соседних республик и областей. Часть бывшей Карачаевской автономной области осталась в составе Ставропольского края, часть была передана Краснодарскому краю, а часть (под именем Клухорского района) — Грузинской ССР. Некоторые бывшие районы Балкарии были переданы Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР. В районах традиционного обитания карачаевцев и балкарцев началось варварское уничтожение мечетей, мавзолеев и надгробий, средневековых крепостей и замков. Для искоренения памяти о балкарцах и карачаевцах было принято решение о замене местной топонимики (Ибрагимбайли 1989. С. 59; Алиева 1993. Т. 1. С. 258-259; Т. 2. С. 266-267; Шабаев 1994. С. 6, 60-66; Бугай, Гонов 1998. С. 127-128, 197-198, 208-209; 2003. С.

399-401, 500-501, 508; Хунагов 1999. С. 91, 120-121; Шаманов и др. 1999. С. 17-18; Полян 2001. С. 117-118, 124-125) [3]. Сейчас известно, что в мае-июне 1944 г. власти готовили и высыпалку кабардинцев, но она, к счастью, не состоялась (Полян 2001. С. 125). Тем не менее для кабардинцев это было тревожным сигналом, заставившим их всеми силами демонстрировать свою лояльность советской власти.

Всего в течение полутора лет, начиная с ноября 1943 г. и марта 1944 г., было выселено соответственно 69 964 карачаевца и 35 958 балкарцев (Хунагов 1999. С. 90; Зумакулов 2001. С. 310) [4]. Они были расселены в основном в различных районах Киргизии и Казахстана. Несмотря на то, что большинство из них были там трудоустроены, их жизнь сопровождалась лишениями, и они подвергались дискриминации. Не говоря о том, что, подобно всем другим спецпоселенцам, они потеряли гражданские права и обязаны были раз в месяц проходить унизительную процедуру перерегистрации в комендатуре и информировать власти о любых своих передвижениях вне района поселения (Хунагов 1999. С. 94-96; Муртазалиев 2003; Сабанчиев 2003), их дети часто не могли посещать школу из-за отсутствия одежды и обуви, а те, что учились, не получали систематических знаний о родном языке (Зумакулов 2001. С. 212-213; Муртазалиев 2003. С. 87-88). Карабаевцам даже запрещалось петь песни на родном языке. Часто как дети, так и взрослые подвергались оскорблению: ведь в общественном мнении, умело подготовленном властями, они представлялись не иначе как «изменниками Родины» и «бандитами» (Зумакулов 2001. С. 289, 293, 319-321). В этих условиях спецпоселенцам трудно было в случае нужды ожидать помощи от окружающих, и действительно вследствие неурожая 1948 г. те из них, кто жили в Северном и Северо-Восточном Казахстане, перенесли в 1949 г. страшный голод (Бугай 1994. С. 174-178; Зумакулов 2001. С. 262-266). Поэтому балкарцы старались держаться обособленно и полагались на свои традиционные институты, что вызывало у местных жителей недовольство и подозрительность (Зумакулов 2001. С. 286).

Исчезновение Балкарской и Карабаевской автономий с политической карты СССР повлекло за собой их исчезновение со страниц исторических изданий; память о них и их титульных народах планомерно и целенаправленно искоренялась. Когда в 1946 г. проходили празднования 25-летия Кабардинской АССР, о балкарцах уже никто не вспоминал, и, говоря о славном пути, пройденном республикой в советские годы, официальные документы связывали его только с кабардинским народом и его победами. О дореволюционном прошлом Кабарды тоже если и упоминалось, то лишь походя, и распространение здесь «передовой культуры» ставилось в заслугу исключительно советской власти (Праздник 1946).

С конца 1930-х гг. специалисты вели подготовку к написанию первой обобщающей истории Кабардино-Балкарии, и в 1941 г. вышел целый том, посвященный местной археологии. Однако война отсрочила эти планы, а депортация балкарцев и карачаевцев внесла в них кардинальные изменения. Все надежды на восстановление справедливости были перечеркнуты вышедшим 24 ноября 1948 г. Указом Президиума ВС СССР о том, что депортированные народы были выселены со своих территорий навечно без права возвращения (Бугай 1994. С. 163-165; Зумакулов 2001. С. 257-258. Об этом см.: Хожаев 1991 а. С. 50-51; Лукьяев 1993. С. 40; Муртазалиев 2003. С. 87). Все это делало невозможным объективное изучение истории центральных районов Северного Кавказа и подталкивало местных ученых к присвоению тюркского прошлого. Вновь к систематическому изучению археологии Карабая и Балкарии учёные вернулись лишь в 1958—1959 гг.

В 1947 г. Совет министров Кабардинской АССР поручил Кабардинскому научно-исследовательскому институту при Совмине Кабардинской АССР совместно с рядом столичных научных учреждений организовать комплексную экспедицию, одной из задач которой значилось изучение истоков культуры кабардинского народа и ее специфических особенностей (Мамбетов 1976. С. 79). Это должно было послужить важным шагом к подготовке и изданию двухтомной «Истории Кабарды», чем институт занимался с 1949 г. (История 1950). Ее концепция основывалась на следующих положениях, сформулированных секретарем Кабардинского обкома партии, поэтом А. П. Кешоковым: во-первых, у кабардинцев в XIX в. уже сложилось феодальное общество (т. е. они развивались тем же путем, что и все другие европейские народы, и отнюдь не были дикими первобытными племенами); во-вторых, движение имама Шамиля было реакционным и играло на руку «турецким и английским колонизаторам»; в-третьих, только благодаря русскому народу кабардинцам удалось сохранить свою национальную целостность (Кешоков 1951). В то же время Кешоков ратовал за возвращение на страницы кабардинской истории имен выдающихся политических деятелей, оставивших в ней заметный след. Через несколько лет это было квалифицировано как «буржуазный национализм» (Бербеков 1957. С. 95).

В плане-проспекте «Истории Кабарды» Балкарская и балкарцы не упоминались вовсе (Смирнов, Крупнов 1949; Крикунов 1951). Даже в разделе о 1930-х — начале 1940-х гг. там безраздельно царила Ка-

бардинская АССР, а Кабардино-Балкарская автономия, существовавшая в 1922–1944 гг., была полностью вычеркнута из истории. То же самое наблюдалось в любого рода литературе (исторической, художественной, пропагандистской), выпущенной между 1944 и 1957 гг. и посвященной Кабарде, ее людям и природе. Тогда археолог Е. И. Крупнов находил на Северо-Западном Кавказе в целом и в частности в Кабарде только древние следы предков адыгов (он возводил их к майкопской культуре раннего бронзового века); о балкарцах и карачаевцах в его работах этого периода не было и речи; местная раннесредневековая культура называлась «аланской», а между аланская эпохой и появлением кабардинцев зияла необъяснимая лакуна (Крупнов 1946. С. 43–45; 1949. С. 106; 1951 а. С. 62; 1957 а. С. 68–69, 172–174). Если накануне войны А. А. Иессен называл экспедиции В. Ф. Миллера 1883 и 1886 гг. «самыми важными по археологии Балкарии» в дореволюционный период (Иессен 1941. С. 11), то в обобщающей книге Крупнова объектом исследований Миллера оказывалась лишь «горная часть Кабарды» (Крупнов 1957 а. С. 14).

Впрочем, подготовка двухтомника «История Кабарды» давалась местным ученым с трудом, и не только по указанной причине. В 1950-х гг. происходили серьезные политические и идеологические изменения, заставлявшие ученых постоянно менять свои концепции. 26 октября 1951 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) было принято Постановление «О работе Кабардинского обкома партии», где местные партийные чиновники обвинялись в «ослаблении борьбы с буржуазным национализмом и феодально-родовыми пережитками». Те же упреки в адрес кабардинских властей прозвучали в июле 1953 г. на очередном Пленуме ЦК КПСС (Бербеков 1957. С. 95). На состоявшемся в 1953 г. совещании кабардинских историков все недочеты в подготовке «Истории Кабарды» списывались на счет «враждебных элементов», будто бы мешавших честным историкам завершить это издание в срок. К недостаткам подготовленных текстов относили умаление роли русского народа в борьбе с «турецко-крымской агрессией», невнятный показ прогрессивного значения присоединения Северного Кавказа к России, игнорирование глубоких корней дружбы кабардинского и русского народов, отсутствие единого мнения о характере общественного устройства горцев, слабая изученность их хозяйственной системы. Много споров вызывали проблема прохождения кабардинцев и датировка их переселения на восток (Группа историков Кабарды 1953).

В то же время в 1940–1950-х гг. делались попытки искусственно наделить кабардинцев глубокой исторической традицией путем приписывания их предкам ряда древних письменных памятников. Этим в особенности отличался ученик Марра лингвист Г. Ф. Турчанинов. В августе 1946 г. он выступил в Нальчике на сессии Кабардинского НИИ с сенсационным сообщением о надписи V–VI вв., выполненной греческим алфавитом на кабардинском языке. Из его рассуждений следовало, что уже в то время кабардинцы отделились от основного адыгского массива и передвинулись на территорию современной Черкесии, что они общались с Византией и имели свою письменную традицию (Турчанинов 1946). Однако, как позднее признался сам Турчанинов, надпись была поддельной (Лавров 1966. С. 18; 1967. С. 203). Затем Турчанинов попытался прочитать по-кабардински еще ряд неясных средневековых надписей, выполненных греческим алфавитом. Это позволило ему значительно расширить территорию средневековых кабардинцев до устья Терека на востоке и северо-западной части Ставропольского края на севере (Турчанинов 1947; 1948; 1957). Однако и эти его построения, грешившие методическими просчетами, были признаны неубедительными (Лавров 1966. С. 18).

Название «Кабардино-Балкария» вновь обрело право на существование лишь начиная с весны 1957 г. В вышедшем в Москве летом 1957 г. томе «История Кабарды» оно уже местами звучало, хотя в целом история республики пестрела лакунами. Например, говорилось об образовании Кабардино-Балкарской АССР в 1937 г., но вместо предшествующей Кабардино-Балкарской автономной области фигурировала только «Советская Кабарда», хотя при этом упоминался Кабардино-Балкарский обком партии. В книге речь шла только о кабардинском народе, а балкарскому народу на ее страницах места не находилось; проблема появления тюркоязычных племен на Северном Кавказе старательно обходилась (Смирнов 1957). В июле 1957 г. в Кабардино-Балкарии праздновалась 400-летняя годовщина «добровольного присоединения Кабарды к России» (Бербеков 1957. С. 96–98). К этому юбилею Кабардино-Балкарский НИИ при Совете министров КБ АССР издал увесистый том, призванный дать читателю целостное представление о республике. Между тем в пред посланном ему историческом очерке была представлена лишь история кабардинского народа, и очерк заканчивался образованием Кабардинской автономной области в 1921 г. (Кумыков 1957). То же самое относилось и к вышедшей в том же году книге Крупнова, — в ней уже звучало название Кабардино-Балкарии, но тюркоязычные племена не упоминались (Крупнов 1957 а). Одной из первых книг, реабилитировавших название «Кабардино-Балкария», была монография специалиста по национальному вопросу Х. М. Бербекова «В братской семье народов

СССР». Там, рисуя прогрессивную линию развития республики в XX в., автор в последний момент перед выходом своего труда восстановил ее исконное название и заявил о беззаконности депортации народов Северного Кавказа (Бербеков 1957).

Таким образом, вплоть до 1957 г. большинство специалистов вынуждены были хранить гробовое молчание по поводу балкарцев и карачаевцев. Но некоторые шли еще дальше и подчеркивали, что предки балкарцев и карачаевцев (их снова называли «горскими татарами») пришли на Северный Кавказ только в позднем Средневековье и, грубо потеснив прежних местных обитателей, заняли их земли. Так, выступая на очередной сессии Кабардинского научно-исследовательского института в 1953 г., заведующий сектором археологии, первый кабардинский археолог П. Г. Акритас доказывал, что появление тюркоязычных групп в верховьях р. Кубани, Малки, Баксана, Чегема и Черека было связано с поисками Османской империи, агенты которой в XVI в. спровоцировали рознь между черкесскими князьями и, пользуясь моментом, переселили в верховья указанных рек много татарских семей, выходцев из Крыма. Тем самым карачаевцы и балкарцы оказывались «татарами», а их переселение на Кавказ становилось прямым следствием агрессивной политики Османской Порты, направленной против кавказцев и русских. Среди других доказательств Акритас апеллировал к местной топонимике, будто бы хранившей память о древнем обитании черкесов там, где до недавнего времени проживали балкарцы (Акритас 1954. С. 210-214).

Обвинение предков балкарцев и карачаевцев в тесных связях с Турцией и Крымом было тем опаснее, что в те годы местная историческая литература рисовала турок и крымских татар самыми страшными врагами северокавказских народов, веками посягавшими на их независимость и стремившимися превратить их в рабов (Кешоков 1951. С. 10; Наков 1951. С. 150-152; Кокиев 1946. С. 28-31; Смирнов 1957. С. 35-36, 57-65; Кумыков 1957. С. 10-18; Балтии, Сакиев 1957. С. 3-4) [5]. От этого перебрасывался мостик к антисоветской идеи образования независимых тюркских государств в Крыму и на Кавказе (Крикунов 1951. С. 184), пропагандировавшейся балкарскими националистами в период нацистской оккупации (Шабаев 1994. С. 16).

На сессии по вопросам этнографии Кавказа, проходившей 15-21 ноября 1949 г. в Институте истории им. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР в Тбилиси, известный ленинградский этнограф, уроженец Кубани Л.И. Лавров (1909—1982) выступил с докладом о том, что в прошлом территория, занимаемая грузинами, не ограничивалась одним лишь Закавказьем. Он доказывал, что в эпоху позднего Средневековья сваны обитали в верховьях р. Кубани и в Баксанском ущелье, куда тюрки пришли позднее (он датировал это рубежом XVII—XVIII вв.). Правда, Лавров допускал, что в ущелье Черека тюрки могли появиться еще в XIV—XV вв. (Лавров 1950. С. 82). Любопытно, что, описывая эти процессы, Лавров ограничился аморфным термином «туркоязычное племя» (Лавров 1950. С. 81), хотя начиная с 1956 г. он признавал, что речь шла о балкарцах (Лавров 1956. С. 25; 1959. С. 5). Эта терминологическая замена не была случайностью: выступая на научной сессии в Черкесске в октябре 1951 г., Лавров назвал один из карачаевских терминов «турко-татар-ским» словом, как бы солидаризируясь с «крымско-татарской концепцией» (Лавров 1954. С. 195) [6].

Мало того, Лавров пытался пересмотреть вопрос о расселении кабардинцев с запада на восток и вместо традиционных XIV—XV вв. датировал этот процесс XII—XIII вв. (Лавров 1954. С. 205; 1956. С. 24-28; Кумыков 1967. С. 81. См. также: Шафиев 1968; Калмыков 1974. С. 27-28). Тем самым он фактически не оставлял тюркоязычным предкам карачаевцев и балкарцев времени для заселения горных районов, прежде принадлежавших аланам. И это при том, что ему было хорошо известно о переселении предков карачаевцев и балкарцев с равнин в горы под натиском кабардинцев (Лавров 1939. С. 176). Пересматривая вопрос о передвижении предков кабардинцев на восток вплоть до Пятигорья, Лавров опирался на весьма спорные суждения, высказанные в начале 1950-х гг. археологом Е. П. Алексеевой (1921—1994) (Алексеева 1954. С. 237-240), и на известный Этокский памятник неясного происхождения, который в свете новых исследований следует датировать не XII в., как у Лаврова, а началом XVII в. (Кузнецов 1999а; Кузнецов, Чеченов 2000. С. 61-62) [7]. Он, безусловно, учитывал и мнение Крупнова, полагавшего во второй половине 1940-х гг., что предки кабардинцев могли начать движение на восток лишь после того, как князь Святослав разгромил Хазарию, т. е. не ранее конца X в. (Крупнов 1946. С. 43-44), но бассейна р. Сунжи они достигли в XIV-XV вв. (Смирнов, Крупнов 1949. С. 318-319). Вместе с тем археологические исследования 1940—1960-х гг. показали, что расселение кабардинцев происходило все же после монгольского нашествия, т. е. в XIV—XV вв. (Смирнов 1948. С. 88-89; Милорадович 1954; Крупнов, Мунчаев 1963; Нагоев 1974; 1983; Виноградов 1980. С. 34-35; Марковин, Мунчаев 2003. С. 261-262).

В хронике о тбилисской конференции Г.А. Чачашвили излагал идеи Лаврова так, будто, по мнению того, сваны заселили верховья рек Кубани и Баксана между XIV и XVII вв. и жили там даже в XIX в. (Чачашвили 1955. С. 500). Другой грузинский ученый, Г. Зардалишвили, всеми силами пытался найти на присоединенной к Грузии территории Карабая древние сванские топонимы. Он доказывал, что этот район издавна находился под контролем сванов, якобы бравших с карабаевцев и кабардинцев подати за пользование пастбищами в ущелье р. Теберды и в верховьях р. Кубани. Его статья заканчивалась утверждением о том, что современная территория Клухорского района «находилась в прошлом в этническо-географических границах Грузии» (Зардалишвили 1952). На самом деле Лавров и Зардалишвили излишне преувеличивали как размеры района, который мог быть ненадолго занят сванами, так и их влияние на Северном Кавказе (Кузнецова 1954). Тем не менее вопрос о сванах на Северном Кавказе еще долго возбуждал воображение грузинских ученых. И даже в начале 1980-х гг. балкарскому археологу И. М. Мизиеву казалось весьма актуальным очистить историю Балкарии от сванского присутствия (Мизиев 1983 а).

Выступления Акритаса, Лаврова и Зардалишвили на рубеже 1940—1950-х гг., безусловно, имели политический подтекст, связанный с передачей бывших карабаевских и балкарских земель соседним республикам. В частности, поиски следов давнего обитания сванов на территории Балкарии объяснялись просто — часть ее территории отошла в 1944 г. к Верхне-Сванетскому району Грузии и усиленно заселялась сванами (Алиева 1993. Т. 2. С. 266; Аккиева 2002. С. 61, 68-69). Поэтому от ученых требовалось обосновать эти действия грузинских властей ссылками на историю. Сегодня балкарские и карабаевские авторы настаивают на том, что одной из главных причин выселения северокавказских народов было желание Берии и Сталина расширить границы Грузии (Алиев 1993б. С. 14-15; Чомаев 1993. С. 27, 30; Шабаев 1994. С. 60-64, 240; Коркмазов 1994. С. 85; Тебуев 1997. С. 25-31; Нахушев 1998. С. 288-296; Шаманов и др. 1999. С. 28; Койчуев 1998. С. 449; Тебуев, Хатуев 2002. С. 160-164). Этот аргумент еще в 1950-х гг. использовался балкарскими спецпоселенцами в письмах московским властям с просьбой о возвращении на родину (Зумакулов 2001. С. 291-292, 297-298, 319-320). Сегодня в пользу этого предположения приводится почвенная карта северных склонов Кавказа, изданная в Казани в 1942 г. и, следовательно, подготовленная задолго до депортации. На этой карте город 1Микоян-Шахар был уже назван Клухори, и это рождает подозрение, что решение о депортации готовилось еще до войны (Алиева 1993 б; Алиев 1993. С. 15, 17). В 1990-х гг. карабаевцы начали винить в депортации и кабардинцев (см., напр.: Тебуев, Хатуев 2002. С. 165-166. См. об этом: Червонная 1999. С. 94), а балкарцы добавляют к этому злонамеренные действия тогдашнего руководства Кабардино-Балкарской АССР (Бабич 1994. Т. 2. С. 295; Кумыков, Мизиев 1995. С. 301-328; Аккиева 1998. С. 68).

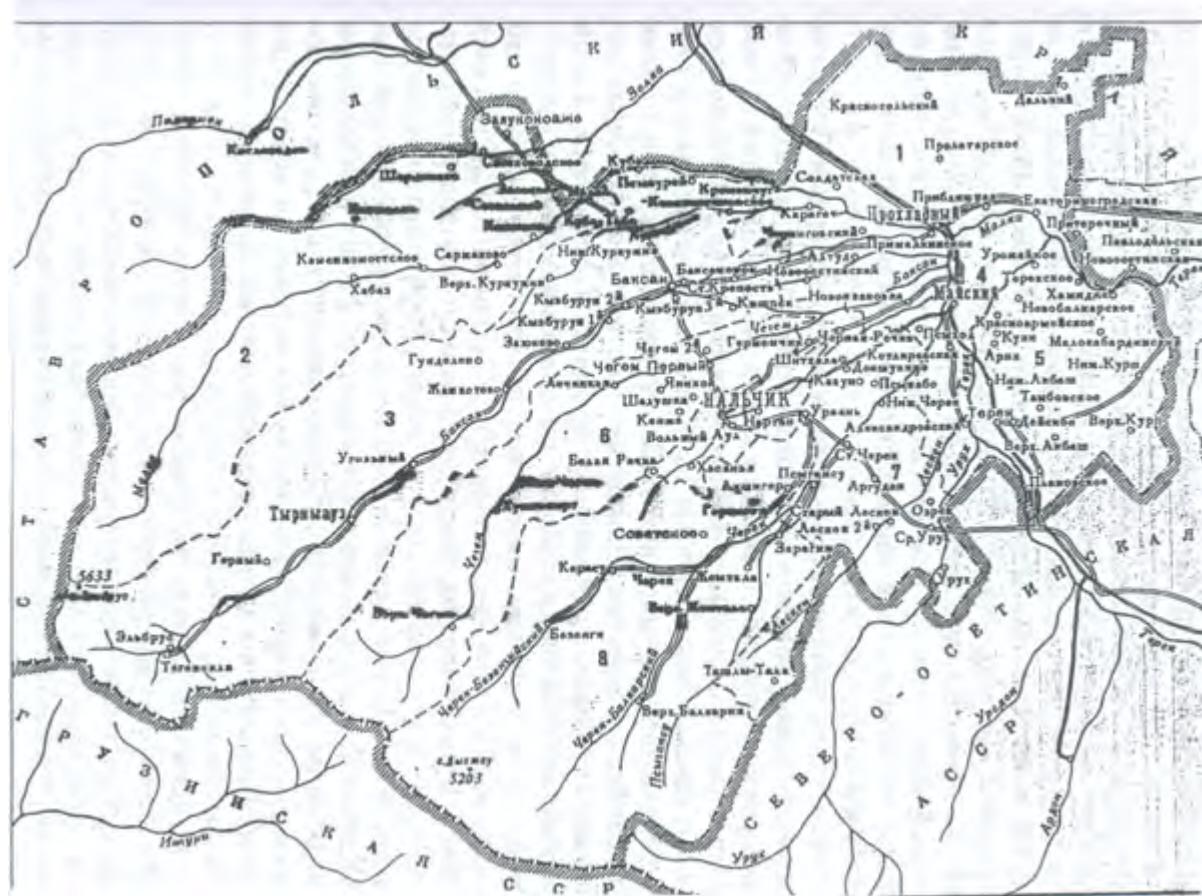
Версию о сознательном расширении границ Грузии подтвердил Н. С. Хрущев на встрече с карабаевской делегацией в июле 1956 г. (Шаманов 1999. С. 90). А за три года до этого бывший секретарь Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) З.Кумехов свидетельствовал о том, что в марте 1944 г. Берия требовал от него согласия на передачу района Эльбруса Грузии, аргументируя это тем, что ей надо было иметь оборонительный рубеж на северных склонах Кавказских гор (Кумехов 1993). Действительно, весной 1944 г. Грузия не только включила в свои границы бывший балкарский район Эльбруса, отошедший к ней по Указу от 8 апреля 1944 г., но и противоправно присвоила себе селение Верхний Баксан с примыкающими к нему землями (Зумакулов 2001. С. 214-215). Они тоже вошли в состав Верхне-Сванетского района Грузии, что и вызвало у рассмотренных выше авторов стремление обнаружить сванов еще в средневековых Карабае и Балкарии. Своими высказываниями названные ученые, как уже отмечалось балкарскими и карабаевскими авторами, оправдывали лишение карабаевцев и балкарцев их исконных территорий[8]. К сожалению, такого рода конъюнктурные заявления некоторых советских ученых, сделанные во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг., впоследствии позволили ряду авторов утверждать, что верховья р. Кубани были заселены адыгами (кабардинцами) едва ли не с раннего Средневековья (см., напр.: Кафоев 1963. С. 30, 94).

Рассмотренные высказывания ученых не только делали балкарцев и карабаевцев поздними пришельцами, но и создавали исторические аргументы для легитимизации передачи их земель соседним кавказским народам, предки которых будто бы могли обитать там в предшествовавшие эпохи. Мало того, татарская идентичность подозрительным образом связывала балкарцев и карабаевцев как с негативным образом Османской империи, веками строившей козни против России, так и с крымскими татарами, которые, оказавшись в ссылке, не были реабилитированы в 1956—1957 гг. Поэтому если Миллер и Ковалевский свободно называли балкарцев «горцами-татарами» (Миллер, Ковалевский 1884), если

в 1930-е гг. идентификация балкарцев с потомками татар и «турецкими племенами» (Тульчинский 1903. С. 164; Пожидаев 1926. С. 11; Анисимов 1929. С. 47, 182; Абаев 1933; Ладыженский 1937. С. 38) также не встречала никаких затруднений и термин «турецкие языки» свободно использовался как синоним тюркских (Самойлович 1926; Абаев 1992. С. 5; Дьячков-Тарасов 1929; Анисимов 1930. С. 168, 194; Абаев 1933; Иессен 1941), то после 1944 г. это стало опасным [9]. Вот почему после 1957 г. балкарские и карачаевские ученые делали все возможное, чтобы найти себе более подходящих предков. Их, разумеется, возмущали указанные выше публикации, связывавшие их происхождение с татарско-турецкими интригами и датировавшие их появление на Северном Кавказе поздними эпохами. Их не устраивало даже то, что в своем выступлении Лавров, проявив известную осторожность, использовал вместо термина «балкарцы» название «туркоязычные племена». Для них это означало покушение на их идентичность, попытку вычеркнуть их из списка советских народов (Бабаев, Шабаев 1959; Шабаев 1994. С. 236-240). И действительно, это подозрительно соответствовало тому, что в период депортации официальные документы избегали именовать балкарцев «народом» (Шабаев 1994. С. 286; Зумакулов 2001. С. 4).

Глава 4. Поиск новой генеалогии

После 1956—1957 гг., когда балкарцам и карачаевцам было позволено вернуться на родину и их автономии были так или иначе восстановлены (Шабаев 1994. С. 277-284; Бугай, Гонов 1998. С. 286-303), их сверхзадачей надолго стало, во-первых, дистанцирование от каких-либо родственных связей с крымскими татарами; во-вторых, поиск престижных и по мере возможности автохтонных древних предков на Северном Кавказе и, в-третьих, наделение этих предков тюркоязычием. Все это входит в то, что Б. Лайпанов называет «комплементарными для карачаевского сознания комплексами исторической периодизации и этнокультурной стратификации» (Лайпанов 1998. С. 145). В течение десятилетий созданием такого комплекса представлений настойчиво занимались как профессиональные местные ученые (историки, археологи, филологи), так и любители, испытывавшие неподдельный интерес к проблемам происхождения своих народов. Оценивая этот процесс, следует иметь в виду, что в ходе репрессий конца 1930-х гг. карачаевцы и балкарцы потеряли весь цвет своей интеллектуальной элиты, а в годы депортации они фактически не имели доступа к высшему образованию. Они утратили и свои научные центры. Ведь после депортации балкарцев Кабардино-Балкарский НИИ был преобразован в Кабардинский НИИ, и в 1946 г. там был создан сектор истории материальной культуры, задачей которого было изучение археологии, этнографии и истории одних лишь кабардинцев. Его руководителем был назначен московский археолог Е.И. Крупнов (Мамбетов 1976. С. 79).

Кабардино-Балкарская АССР

Одновременно в 1944 г. был закрыт Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт, восстановленный лишь в августе 1957 г. Школы профессиональных археологов, лингвистов и историков складывались здесь фактически заново в 1960—1970-е гг. (Алиев 1993 а. С. 7, 41-42). В период депортации мало кто из детей спецпоселенцев имел возможность получить нормальное образование. Поэтому образ родины для большинства из них ассоциировался с природной средой Приэльбрусья. Вот как романтично описывал свои чувства один из них: «Моя Родина — и это я ощущаю каждой клеточкой своего тела — синие горы Балкарии. Они прекрасны! И там, среди заснеженных пиков и голубых ледников, в долинах, где рождаются реки Черек, Безенги, Чегем и Баксан, жил и живет теперь мой народ» (Лукьяев 1993. С. 47). В стихах выдающегося балкарского поэта этого времени Кайсына Кулиева тоже описывалась прежде всего природа родного края. Образ предков и их славного прошлого в этой концепции тогда еще места не находил. Он начал приобретать большое значение лишь в годы борьбы балкарцев и карачаевцев за возвращение на родину и по возвращении их назад, когда во избежание новой депортации они пытались всеми силами доказать свои права на земли, где веками обитали их предки. Например, в одном письме, направленном в декабре 1955 г. на имя Н. С. Хрущева, не только подчеркивалось, что балкарцы имели свой язык и свою самобытную культуру, но отмечалось, что они жили в горах Северного Кавказа с IX в. (Зумаколов 2001. С. 293).

Все же их первым побуждением после возвращения было доказать свою преданность советской власти, на фоне чего депортация казалась особенно дикой акцией. В своей поэме «Завещание», впервые опубликованной в 1963 г. на балкарском языке, Кайсын Кулиев изображал мужественную борьбу балкарцев вначале против белогвардейцев, затем против германских фашистов. Платой за это стала бесчеловечная депортация народа и жизнь на чужбине в Киргизии. Герой поэмы, старик Харун, тоскует по родному Хуламскому ущелью, и его единственной мечтой остается, чтобы после его кончины сыновья увезли его прах на родную землю (Кулиев 2000). Таким образом, как в традиционном мифе, героические деяния сменяются здесь катастрофой, которая все же оставляет надежду на возражение. Такие чувства были достаточно типичными для бывших спецпоселенцев, возвращавшихся на родину. Любопытно, что

поэма появилась в русском переводе только в постсоветское время — ранее ее публикация была нежелательной, как и любые другие воспоминания о депортации.

Следующей задачей было обнаружение престижных предков, позволяющих их потомкам считаться «коренным народом». При этом отчетливо сознавая всю сложность проблемы происхождения своих предков, балкарские и карачаевские авторы первым делом попытались отмежеваться от какого бы то ни было татарско-турецкого родства и обосновать автохтонный статус своих далеких предков. В 1957 г. карачаевский лингвист и историк, директор Карабаево-Черкесского педагогического института Х. О. Лайпанов, участвовавший в предвоенных исследованиях в Карабае, выпустил книгу, посвященную истории карачаевцев и балкарцев. Перечислив около десятка различных гипотез, имевшихся в литературе, он с ходу отмел прежде всего те из них, которые либо относили приход вероятных предков на Северный Кавказ к позднему времени, либо наделяли их сомнительным родством с татарами (ногайская и крымско-татарская гипотезы). Ему в особенности претили турецкие генетические связи; сторонников этой гипотезы он называл «приверженцами контрреволюционной тюркологии» и упрекал в панисламизме (Лайпанов 1957. С. 12-15). Открещиваясь от ислама, он отмечал, что вплоть до середины XVIII в. карачаевцы и балкарцы были язычниками. В доказательство этого он, в частности, ссылался на многочисленные склепы с языческими захоронениями, разбросанные по территории Карабая и Балкарии (однако он опускал датировки и оставлял без обсуждения вопрос о связи склепов с предками именно карачаевцев и балкарцев). Он соглашался с тем, что в раннем Средневековье верховья р. Кубани были заняты предками осетин и что именно они оставили знаменитую Зеленчукскую надпись. У него не было сомнений в том, что в то время Карабай и Балкария входили в ареал осетинского языка и что предки карачаевцев и балкарцев находились под большим его влиянием. В то же время он подчеркивал близкие культурные и языковые связи между ними и предками осетин и приходил к выводу о том, что все эти народы формировались «в недрах аланско-яссского союза племен». Следовательно, полагал он, они жили на Северном Кавказе в домонгольское время, что делало карачаевцев и балкарцев «коренными обитателями бассейна Кубани и истоков Терека» (Лайпанов 1957. С. 15-16, 49-51). При этом ему даже не приходило в голову оспаривать хорошо документированный факт того, что карачаевцы и балкарцы пришли в долину Баксана лишь в позднем Средневековье (во второй половине XV—XVII в.) и что поначалу им приходилось платить дань кабардинским князьям, владевшим этими землями (Лайпанов 1957. С. 25-26).

Как же Лайпанову удавалось примирить ираноязычие осетин с тюркскими языками карачаевцев и балкарцев? Для этого он прибегал к марристской формуле о многокомпонентном составе предков современных народов (разумеется, не называя имени ее создателя): он не знал, когда именно тюркоязычные предки появились на Северном Кавказе, однако среди них он называл хазар, болгар, кипчаков (половцев) и даже «осколки полчищ Тимура» (Лайпанов 1957. С. 9-11, 18-20, 23-24) [10]. Следовательно, из каких бы разных этнических элементов ни состояли давние предки, среди них доминировал тюркский элемент, настаивал Лайпанов вслед за Тамбиевым. Его не смущал тот факт, что названия «карачаевцы» и «балкарцы» появлялись в источниках только в 1639-1650 гг. Просто, рассуждал он, раньше их называли иначе; в частности, так как они входили в аланско-асский племенной союз, соседи еще долго после его распада использовали для них термин «аланы» (Лайпанов 1957. С. 21-23).

Концепция Х. О. Лайпанова отличалась непоследовательностью и вряд ли могла удовлетворить карачаевцев и балкарцев, которым после недавно понесенных утрат требовался образ самобытных тюркоязычных предков, обладавших четкими различиями от соседних народов, прежде всего осетин. Между тем, по его концепции, тюркоязычные предки, хотя и являлись доминировавшим элементом в этногенезе карачаевцев и балкарцев, оказывались все же пришельцами и не могли претендовать на статус безусловных автохтонов. Что же касается предков, вышедших из «аланско-яссского союза», то их образ оставался туманным, и они подозрительно напоминали тюрканизированных осетин. Действительно, лингвистические и этнографические исследования указывали на мощный аланский субстрат в этногенезе карачаевцев и балкарцев: в их языках выделялся отчетливый архаический иранский слой, топонимика Карабая и Балкарии хранила живые следы иранского прошлого; сирийский географ Абульфеда (1273–1331) писал о «туркоязычных» аланах и асах, живших к востоку от абхазов (ср.: Алemanъ 2003. С. 327-328), мегрели и осетины до недавнего времени продолжали использовать эти названия для карачаевцев и балкарцев, было обнаружено и множество осетино-балкарских параллелей в хозяйстве, материальной культуре, обычаях (Абаев 1933; 1935. С. 882; 1949. С. 45-47, 249, 271-290; 1960; Калоев 1971. С. 33-34;

1972; Лавров 1969. С. 68-70). Когда-то все это подметили у карачаевцев и балкарцев еще М. Ковалевский и В. Миллер (Миллер, Ковалевский 1884).

В то же время в судьбе аланского наследия содергится немало загадочного. Прежде всего привлекает внимание этноним «алан», оказавшийся, на удивление, почти полностью забытым осетинами, но зато закрепившимся за соседними тюркоязычными народами. Действительно, у осетин он сохранился лишь в составе фольклорной формулы «дух аллона-биллона» (Абаев 1949. С. 45, 246), тогда как названия «аланы» и «асы» в позднем Средневековье использовались для тюркоязычного населения Карачая и Балкарии — так эти районы называл Абульфеда, название «аланы» употреблялось для них и на грузинской карте конца XVIII в., под этим именем мегрэлы знали карачаевцев, а сами осетины использовали для Балкарии и балкарцев термины «Ассы» и «ассиаг» (Кокиев 1941; Абаев 1949. С. 249; 1960. С. 131; Лайпанов 1957. С. 21-23; Алборов 1960; Калоев 1972. С. 23; Волкова 1973. С. 94). Правда, у балкарцев и карачаевцев эти термины никогда не служили самоназыванием: они до сих пор используют понятие «алан» в значении «друг, товарищ»; зато термин «ассыдан туугъан» означает у них «иноверец» (Калоев 1972. С. 23). Кроме того, нельзя забывать, что «ас», «оси» и родственные им названия издавна использовались грузинами, абхазами, лезгинами и другими соседними народами для осетин (Абаев 1949. С. 45; Алборов 1960. С. 108).

Обычно специалисты объясняют это тем, что прежние племенные названия «аланы» и «асы», закрепленные также и за территорией их расселения, были впоследствии перенесены на население, занявшее бывшие аланские земли после исчезновения исторических алан. Ведь такой перенос этнонимов нередко случался в истории. Однако сам по себе этот факт допускает и альтернативное толкование, по которому исконными носителями имени алан были якобы тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев. Как мы увидим ниже, этим и пользуются в последние десятилетия карачаевские и балкарские авторы, отстаивая свое право на аланское наследие.

Иного мнения придерживаются осетинские авторы, постоянно делающие акцент на том, что ираноязычные аланы приняли большое участие в этногенезе балкарцев и карачаевцев, окончательно сформировавшихся в ходе достаточно поздней тюркизации (Гаглоити 1966. С. 220-221; 1967. С. 84-85; Калоев 1972)[11], т. е. их предки сменили свой исконный язык [12]. Это задевает чувства тюркоязычных авторов, не желающих числиться «младшим братом» и во избежание этого всеми силами стремящихся удревнить тюркоязычие на Северном Кавказе. Такая тенденция наметилась еще на проходившей в Нальчике 22-26 июня 1959 г. научной сессии, посвященной происхождению балкарцев и карачаевцев. И не случайно она состоялась в том самом году, когда осетины издали «Историю Северо-Осетинской АССР», где балкарцы изображались пришельцами, поселившимися в центре бывшей Алании и с XV в. получившими традиционное для этих мест название алан (Бушуев 1959. С. 87).

Этот научный форум был собран по инициативе Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в связи с тем, что реабилитация балкарцев и карачаевцев сделала недавно изданный том «История Кабарды» безнадежно устаревшим. Как отмечал в своем вступительном слове директор Кабардино-Балкарского НИИ Х. Г. Берикетов, «восстановление государственных прав братских балкарского и карачаевского народов» создало условия для того, чтобы пролить «подлинно научный свет» на историю народов Кавказа (Берикетов 1960. С. 6). Всю работу надо было начинать заново, и ученые республики получили задание подготовить двухтомник по истории Кабардино-Балкарии. Но предварительно надо было разобраться с вопросом о происхождении балкарцев и карачаевцев. В заседаниях сессии приняли участие специалисты из Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, а также из Москвы, Ленинграда, Казани, Махачкалы и Тбилиси. Специалисты сознавали сложность поставленной проблемы, по которой в литературе имелось множество разноречивых суждений. Им предстояло решить, были ли предки балкарцев и карачаевцев пришельцами или автохтонами; являлись ли они исконными носителями тюркоязычия или относительно поздно перешли на тюркский язык; если они были пришельцами, то когда и откуда они появились на Северном Кавказе; если же они были автохтонами, то на каком языке они говорили и с какими древними культурами их следовало связывать. Так как большинство ученых исходили из постулата о сложном многокомпонентном формировании балкарцев и карачаевцев, то проблема обретала новые грани — требовалось установить, какие этнические компоненты приняли участие в изучаемом процессе и какие из них сыграли в этом ведущую роль, где, когда и каким образом происходили процессы смешения.

Большинство участников сессии согласились считать главными компонентами этногенеза балкарцев и карачаевцев ираноязычных алан и тюркоязычных болгар и кипчаков. Однако о роли этих ком-

понентов и о времени тюркизации коренных обитателей Северного Кавказа мнения разошлись. Физические антропологи обращали внимание на полное отсутствие какой-либо монголоидности у современных балкарцев и карачаевцев. Вместе с тем их смущали сильные отличия последних от алан. Это могло объясняться тем, что основой формирования балкарцев и карачаевцев были не связанные с аланами местные горцы, перешедшие впоследствии на тюркский язык (Алексеев 1960; Джанберидзе 1960). Известный специалист по тюркским языкам Н. А. Басаков вслед за А. Самойловичем (Самойлович 1926. С. 4-5) подчеркивал ближайшее родство карачаевско-балкарского языка с кипчакским и обращал внимание на некоторую роль в нем субстратных (аланских) элементов. В то же время он скептически смотрел на вероятность сколько-нибудь значительного участия болгарского языка в его формировании (Басаков 1960). Осетиновед В. И. Абаев делал особый акцент на высокой роли аланского субстрата в карачаевско-балкарском языке, и это заставляло его считать балкарцев и карачаевцев кавказскими аборигенами, перешедшими на тюркский язык лишь в X—XIV вв. (Абаев 1960). Археолог Е. П. Алексеева, работавшая в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте и проводившая в 1958 г. исследование карачаевских могильников, полагала, что этногенетический процесс был еще более сложным. По ее мнению, следовало говорить о глубоких местных корнях балкарско-карачаевского населения, уходивших в кобанскую культуру. Эти древние аборигены вначале могли перейти на иранский язык и влияться в состав алан, а затем смешаться с тюркоязычными пришельцами — вначале болгарами, затем кипчаками (Алексеева 1960; 1963). С Алексеевой соглашался кабардинский археолог П.Г. Акритас, признававший ошибочность своего выступления в 1953 г. На этот раз он отстаивал прямо противоположную точку зрения о том, что карачаевцы и балкарцы были в основе своей потомками древнего местного населения, коренных жителей Кавказа, перешедших на тюркский язык, испытав некоторое незначительное влияние со стороны небольшой группы тюркоязычных пришельцев (Акритас 1960).

Единственным, кто по-прежнему отстаивал версию о крымском происхождении карачаевцев и балкарцев и возводил их к пришедшим из Крыма половцам, был армянский историк Х. А. Поркешян, опиравшийся на записки армянского автора первой половины XVII в. (Поркешян 1960). Однако его аргументы оказались явно не ко времени, и остальные участники сессии дружно их отвергли. При этом многие из них руководствовались не столько научными, сколько политическими соображениями, связывая крымскую гипотезу с «агрессивной политикой панисламизма и пантюркизма» (Алексеев 1960. С. 325; Бабаев 1960. С. 40; Гимади 1960. С. 259; Кумыков 1960. С. 14; Лавров 1960 б. С. 304; Соттаев 1960. С. 92-93; Ульбашев 1960. С. 281; Фадеев 1960. С. 296; Цораев 1960. С. 266; Алексеева 1963. С. 3-4).

Как реагировали на все это карачаевские и балкарские участники сессии? Представитель Кабардино-Балкарского об кома КПСС, балкарский историк С. К. Бабаев [13], разделяя тезис о сложности формирования карачаевцев и балкарцев, все же доказывал, что их этническую основу составили тюркоязычные «черные болгары», пришедшие на Северный Кавказ в VII в. и ассимилировавшие алан (Бабаев 1960. См. также: Бабаев, Шабаев 1959). С этим соглашался балкарский лингвист А. Х. Соттаев, но, в отличие от Бабаева, он признавал и немалую роль половцев, чья лексика значительно обогатила карачаево-балкарский язык (Соттаев 1960). М. М. Цораев полагал, что ядром будущих карачаевцев и балкарцев были раннесредневековые болгары, которые, несмотря на вхождение в аланский союз племен, успешно избежали ассимиляции (Цораев 1960). Карабаевец Х. О. Лайпанов считал главным компонентом этногенеза карачаевцев и балкарцев половцев, но, вопреки устоявшемуся мнению, полагал, что они появились на Северном Кавказе до XI в. (Лайпанов 1960). Видный чиновник Совета министров Кабардино-Балкарии, бывший председатель Президиума Верховного Совета республики, балкарец И.Л. Ульбашев, отдавал пальму первенства средневековым тюркоязычным племенам (болгарам и половцам), ассимилировавшим более ранних местных обитателей (Ульбашев 1960). Эту точку зрения поддержали присутствовавшие на сессии учителя местных школ (см., напр.: Улаков 1960).

Иными словами, если приехавшие из других регионов ученые стремились выявить все основные этнические компоненты процесса этногенеза и не проявляли желания отдавать пальму первенства какому-либо одному из них, то карачаевские и балкарские специалисты отчетливо выражали иную тенденцию. Во-первых, соглашаясь с тезисом о формировании своих предков на гетерогенной основе, они все же настаивали на том, что ядро тех составили тюркоязычные племена. Во-вторых, они делали все возможное для углубления времени их появления на Северном Кавказе (с этой точки зрения болгарские предки оказывались, несомненно, предпочтительнее кипчакских). В-третьих, они никогда не забывали о местных кавказских предках дотюркской эпохи, позволявших им считаться, безусловно, кавказскими аборигенами. Любопытно, что участники сессии, несмотря на разнообразие высказанных ими подхо-

дов, пошли навстречу пожеланиям балкарцев и карачаевцев и в своем заключительном решении назвали «черных болгар» главным тюркоязычным компонентом в этногенезе балкарцев и карачаевцев (Решение 1960). Решение сессии сыграло большую позитивную роль в наделении карачаевцев и балкарцев автохтонными предками, формирование которых хотя и происходило сложным путем, включая несколько разновременных и разнородных компонентов, но совершилось в пределах Северного Кавказа. С тех пор эта версия была воспринята многими местными специалистами и дожила до наших дней (см., напр.: Тебуев 1997. С. 9-10; Шаманов и др. 1999. С. 39).

Между тем на сессии была высказана и более радикальная гипотеза, согласно которой предки карачаевцев и балкарцев не только вышли из среды аланс, но изначально обладали тюркоязычием. Ее автором стал первый карачаевский филолог-профессионал, специалист по карачаево-балкарскому языку У. Б. Алиев. Он перенес все тяготы депортации и мужественно сносил многочисленные наветы и унижения, доставшиеся на долю его и его семьи во время их жизни во Фрунзе. Лишенный права преподавать карачаевскую филологию, он устроился в Киргизский государственный педагогический институт, где получил должность заведующего кафедрой общего языкознания и современного русского языка. Но в августе 1948 г. он потерял это место, ибо спецпоселенцы не могли занимать руководящие должности. Вплоть до 1952 г. он работал там почасовиком, получая зарплату вчетверо меньше штатной (Алиева 1993а. С. 294) [14].

Чтобы преодолеть лингвистические сложности, возникающие в связи с его гипотезой, Алиев предлагал следующее решение: либо, если аланы были этнически однородными, предки карачаевцев и балкарцев отождествлялись со всем аланским массивом, либо, если они были гетерогенны, то — с тем главным аланским племенем, которое дало свое название всему племенному союзу (Алиев 1960. С. 250). Никаких серьезных аргументов при этом не выдвигалось, но зато отчетливо просматривалась тенденция выстраивать этногенетическую концепцию в соответствии с утвержденным властями официальным списком народов, в особенности титульных. В те годы автор этой гипотезы высказывался решительно против идеи отождествления карачаевцев с балкарцами в рамках единой народности [15], связывал их формирование с районами их современного обитания и относил этот процесс к эпохе до XIII—XIV вв. Любопытно, что он всячески отмежевывался от родства с половцами, делая кумыков единственными потомками последних. Он допускал, что, прия в горы, тюркские предки смешались там с какими-то более ранними аборигенами. Но этот процесс виделся ему совершенно иначе, чем осетинским авторам, — в его концепции главной движущей силой этногенеза были не местные обитатели, перешедшие на тюркскую речь, а, пусть и немногочисленное, тюркское ядро, ассимилировавшее аборигенов (Алиев 1960. С. 244-245). В начале 1960-х гг. У. Б. Алиев и его сторонники сделали концепцию тюркоязычия алан достоянием широкой публики, опубликовав ее в местной газете на карачаевском языке (Алиев, Лайпанов, Хабичев, Баучиев 1963; Акбаев 1963) [16].

Совершенно очевидно, что эта концепция преследовала определенные политические цели. Во-первых, настаивая на местном формировании карачаевцев и балкарцев, она пыталась превратить их в аборигенов и тем самым обосновывать их право на политическую автономию. Во-вторых, отстаивая самобытность и самостоятельность их языков и культур и противопоставляя их соседним народам, она подводила под эту автономию историческую и этнокультурную базу. В-третьих, утверждая исконное тюркоязычие своих местных предков, она позволяла успешно отвергать потенциальные территориальные претензии со стороны соседних народов (память о ликвидации и территориальном расчленении автономий в 1943/44—1956 гг. была еще свежа). В-четвертых, попытка обособиться от других тюркских народов вызывалась страхом перед обвинением в пантюркизме (Вент\$еп, Вгохир 1983. Р. 26-54, 77-87): он все еще рассматривался советскими идеологами как серьезная угроза единству советских наций, тем более, что его рецидивы встречались в Турции, вызывая у советских ученых потребность в адекватном ответе (см., напр.: Крупнов 1961. С. 12; Алексеева 1963. С. 4) [17].

Все эти идеи довлели над карачаевскими и балкарскими учеными еще в конце 1950-х гг. Они были тесно связаны с памятью о депортации и служили идеологическим ответом на чудовищную несправедливость, допущенную сталинским руководством. Тем не менее в коллективных научных трудах, подлежащих более жесткому контролю со стороны партийных и административных органов, эти идеи излагались в более мягкой форме, чем в работах индивидуальных авторов. Так, в книге по истории балкарского народа, выпущенной Кабардино-Балкарским научно-исследовательским институтом и подводившей итоги научной сессии 1959 г., признавалось смешанное происхождение карачаевцев и балкарцев, сформировавшихся из ирано- и тюркоязычных компонентов. Но при этом в соответствии с реше-

нием сессии едва ли не главным из тюркоязычных компонентов признавались «черные болгары», приход которых на Кавказ авторы этого тома относили к рубежу VII–VIII вв., делая их полноправной частью Аланского царства. Лингвистическое родство с половцами признавалось, но авторы избегали отдавать языку пальму первенства в этногенетическом процессе. Им казалось более важным подчеркивать культурные сходства с древними аборигенами, представленными прежде всего кобанской и аланской археологическими культурами. Неприязненное отношение к «половецкой теории» определялось тем, что половцы (кипчаки) сыграли большую роль в формировании современных татар, связь с которыми по рассмотренным выше причинам оказывалась неприемлемой. Стоит ли говорить о том, что авторы книги наотрез отвергали все идеи о монгольском, крымско-татарском или турецком происхождении карачаевцев и балкарцев? (Бабаев, Крикунов 1961. С. 20–25. См. также: Бабаев, Шабаев 1959). В том же издании утверждалось, что, хотя этоним «балкарцы» был известен лишь с первой половины XVII в., их предки заселили горные ущелья, где до сих пор жили балкарцы, многое ранее, возможно, еще до XII в. (Бабаев, Кумыков 1961. С. 26–28).

Таким образом, одной из главных идей, пронизывавших этногенетические схемы, создававшиеся балкарскими и карачаевскими специалистами после 1957 г., было удревнение появления своих предков на Северном Кавказе вплоть до утверждения их полной автохтонности. Это не прошло незамеченным для русских ученых, тщетно пытающихся бороться с увлечением автохтонизмом (см., напр.: Крупнов 1961. С. 44; Лавров 1969. С. 67; Кузнецов 1980. С. 153). Такая борьба была обречена на провал по той простой причине, что само политico-административное устройство страны требовало, чтобы титульный народ доказывал свое коренное происхождение, или автохтонность. Двойная идентичность не приветствовалась, в особенности если речь шла о титульном народе. Так как этничность за редкими исключениями жестко связывалась с языком, то следовало добиваться полной языковой преемственности между предками и потомками. Все это заставляло карачаевских и балкарских ученых и тем более любителей стремиться к наделению алан тюркоязычием: как уже упоминалось, такая тенденция возникла еще в 1960-е гг., и статьи об этом с готовностью публиковались как в местной (Акбаев 1963; Байрамкулов 1966; 1975 а; 1975 б; 1982 а; 1982 б), так и в азербайджанской прессе (об этом см.: Алиев 1975). Правда, тогда попытки проводить такие идеи на научных сессиях не встречали никакой поддержки со стороны основной массы ученых (ср.: Алиев 1960; Мизиев 1975; Алиев 1975).

Мало того, в 1960–1970-е гг. сложился порядок, по которому основные работы по древней истории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, в особенности главы в основополагающих коллективных трудах, посвященные происхождению карачаевцев и балкарцев, писались русскими специалистами. В частности, к написанию соответствующих работ в Карачаево-Черкесии регулярно привлекались работавшие в КЧ НИИ археолог Е. П. Алексеева (Алексеева 1963; 1971; Лайпанов, Алексеева 1967) и этнограф В. П. Невская (Невская 1957; Алексеева, Невская, Шаманов 1978. С. 16–22). В свою очередь, главы о древней и средневековой истории, включая происхождение балкарцев и карачаевцев, для нового издания «Истории Кабардино-Балкарской АССР» были поручены Е. И. Крупнову, В. А. Кузнецовой, Г. И. Ионе и Л. И. Лаврову (Кумыков 1967). В целом в своих работах эти авторы, избегая тюркского этноцентризма, следовали решению сессии 1959 г. Они писали о сложном процессе формирования карачаевцев и балкарцев, включавшем как местные (кобанская культура), так и пришлые компоненты — ираноязычные (аланы) и тюркоязычные (болгары, кипчаки). Отмечалось, что в состав карачаевцев и балкарцев вошли и какие-то группы соседних кавказских народов (абазины, кабардинцы, кумыки и др.). Однако какие бы то ни было связи с Крымом решительно отметались. Зато постоянно звучала мысль о смене языка, и утверждалось, что язык не всегда говорит о происхождении народа. Ранняя тюркизация неизменно связывалась с появлением «черных болгар», а ее окончание — с кипчаками. Правда, не было полной ясности в том, когда часть алан перешла на тюркский язык и названия «аланы» и «асы» закрепились за тюркоязычным населением. Одни авторы относили это к XIII–XIV вв. (Алексеева, Невская, Шаманов 1978. С. 21), другие предполагали, что это могло произойти ранее (Ионе 1967. С. 73–74). Зато у этой группы ученых не возникало сомнения в том, что на Северном Кавказе аланы распространяли свое имя на все подвластное им население, как о том в IV в. писал Аммиан Марцеллин в своей «Римской истории» (XXXI, 2, 13. См. также: Алемань 2003. С. 70–73). Предполагалось, что это относилось и к каким-то тюркоязычным племенам.

Между тем борьба с тюркским ревизионизмом не прошла для науки бесследно. Она побудила ученых с большим вниманием отнести к проблеме появления ранних тюрков на Северном Кавказе. И открытия не заставили себя ждать. Начиная с 1960 г. в руки археологов, работавших на Северном Кавка-

зе, все чаще попадали тюркские рунические надписи, которые можно было безошибочно связывать с деятельностью раннесредневековых болгар VIII—X вв. К середине 1980-х гг. на Северном Кавказе, в особенности в Кубано-Терском междуречье, было найдено немало рунических надписей, выполненных на языке, близком к болгарскому (Биджиев 1983. С. 82; Байчоров 1989 а. С. 10; 1989 б). Оставалось признать, что в этот период в верховьях р. Кубани обитали не только ираноязычные аланы, но и тюркоязычные болгары, тесно общавшиеся друг с другом, сохраняя приверженность своим собственным системам письма: болгары — рунике, а аланы — греческому алфавиту (Кузнецова 1963 б; 1974. С. 89–93; Биджиев 1983. С. 98) [18]. Процесс ассимиляции алан тюрками, о чём когда-то писал В. И. Абаев, стал, благодаря археологам, обретать реальные очертания; появилась возможность локализовать его во времени (конец I — начало II тыс. н. э.) и в пространстве (между верховьями р. Лабы и р. Баксана, т. е. на территории Западной Алании).

Глава 5. «Комплекс вины» и тюркоязычие алан

Когда в 1956 г. карачаевские лидеры начали борьбу за восстановление полноправия своего народа, они прежде всего требовали возвращения в родные места и возрождения там нормальной хозяйственной жизни. Они указывали, что без них горные районы пришли в запустение, будучи заселены лишь на 10–15 %. Они просили восстановить там карачаевскую топонимику, символизирующую их связь с родной территорией. Наконец, они видели справедливое решение проблемы в восстановлении Карачаевской автономной области с центром в Микоян-Шахаре (Алиева 1993 а. Т. 1. С. 303–310). Однако в 1956 г. М.А. Суслов (1902–1982), бывший в 1939–1944 гг. первым секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б), не принял желавших встретиться с ним карачаевских делегатов, а по телефону сказал: «Закон обратной силы не имеет. Карабаевцам никогда не позволят вернуться на Кавказ» (Алиева 1993 а. Т. 1. С. 310). Когда в 1968 г. руководство Карабаево-Черкесской автономной области выступило с инициативой преобразовать ее в АССР, снова вмешался Суслов, и, несмотря на благожелательное отношение других советских руководителей, это предложение было отвергнуто (Алиев 1993 б. С. 25).

Тем временем в 1970-х — начале 1980-х гг. ставропольские власти по инициативе и с одобрения Суслова продолжали культивировать идею о «вине карачаевского народа», опираясь при этом, в частности, на фальсификации, созданные в недрах КГБ. Такие идеи звучали в средствах массовой информации и в текстах постановлений партийных органов. Это было тем легче осуществить, что в последние советские десятилетия властные позиции в Карабаево-Черкесии почти всецело находились в руках русских чиновников (Коркмазов 1994. С. 112–113). В 1974 г. на IV пленуме Карабаево-Черкесского обкома партии карачаевцы были обвинены в национализме и высокомерном отношении к соседним народам. 22 апреля 1981 г. за подписью М. А. Суслова вышло секретное постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках в постановке организационной и идеально-воспитательной работы и соблюдении правопорядка в Карабаево-Черкесской автономной области». В нем недостатки экономического и культурного развития области не просто ставились в вину карачаевцам, но объяснялись их «национальной психологией» (Алиев 1993 а. С. 28–29; 1993 б. С. 25–27; Коркмазов 1994. С. 114–117; Тебуев 1997. С. 15; Шаманов и др. 1999. С. 43) [19].

Постановление было доведено до сведения всех парторганизаций области, и в связи с этим 17 июня 1981 г. был созван III пленум Карабаево-Черкесского обкома. На нем карачаевцы вновь обвинялись в стремлении к национальной замкнутости и в национальном чванстве; делались отсылки к случаям насилия против представителей других национальностей. Одной из действенных мер против национализма было признано напоминание карачаевцам об инцидентах политического бандитизма и предательства в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим Карабаево-Черкесским обкомом было принято решение об издании материалов прошедшей в 1977 г. научно-теоретической конференции «Карабаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны», где карачаевцы обвинялись в массовом пособничестве гитлеровским оккупантам. Выступивший на пленуме К.-А. Р. Кипкеев [20] не только упрекал своих соплеменников в «национальном чванстве» и «кичливости», но и винил в культивации национализма тех, кто в прошлом показал себя «изменниками и предателями». Поэтому он призывал к неустанному напоминанию карачаевцам о печальном опыте коллaborационизма в годы войны и требовал открыто называть имена изменников Родины. На пленуме речь шла также о некоторых преподавателях вузов (звучала фамилия известного карачаевского историка К. Т. Лайпанова, специалиста по ис-

тории СССР), которые в своих лекциях «вводили молодежь в заблуждение». Одновременно карачаевцы, занимавшиеся традиционным производством шерстяных изделий и их сбытом, обвинялись в спекуляции и стремлении к личному обогащению (Третий пленум 1981). Чтобы понять тяжесть этого последнего обвинения, надо иметь в виду, что в условиях упадка традиционного животноводства и, как следствие, высокого уровня безработицы среди мужчин главным источником доходов карачаевских и балкарских семей в 1960—1970-е гг. было женское шерстоткачество (Лукъяев 1993. С. 48-49).

Все это было воспринято некоторыми представителями карачаевской интеллигенции как поддержанные государством попытки фактического оправдания депортации карачаевцев в 1943 г. Оба пленума обкома сопровождались партийными и административными мерами против представителей карачаевской интеллектуальной элиты: на них накладывали партийные взыскания или их вообще исключали из партии, некоторые лишились своих высоких должностей. Власти опирались на идеологические кампании в местных СМИ, обосновывавшие правоту их действий. В частности, тогда в газете «Правда» была опубликована статья, где «хороший народ» (черкесы) противопоставлялся «плохому» (карачаевцам): первый во время Великой Отечественной войны спасал детей-сирот, а представители второго якобы участвовали в их уничтожении (Панкратов, Чертков 1983). Кампании проводились руками карачаевских советских и партийных руководителей (самыми активными были секретарь Карабаево-Черкесского обкома партии У. Темиров и член обкома К.Р. Кипкеев) и видных ученых (Х.О. Лайпанов). В частности, вскоре после III пленума обкома областная газета «Ленинское знамя» опубликовала большую статью бывшего партизана Х. О. Лайпанова, где говорилось не только о героизме карачаевцев в войне с фашизмом, но и о предательстве и службе врагу. В числе прочих фактов там приводились случаи массового истребления карачаевскими коллаборационистами советских воинов и больных детей (Лайпанов 1981).

Мало того, 1 июня 1979 г. по решению Карабаево-Черкесского обкома КПСС (первый секретарь В. Мураховский, первый секретарь Карабаевского райкома И. Токов) и исполкома районного Совета народных депутатов (председатель Ю. Гедыгулов) на популярной туристической трассе у селения Нижняя Теберда был поставлен памятник детям-сиротам, будто бы зверски убитым «карачаевскими бандитами» в августе 1942 г. На нем была прикреплена табличка с надписью «Здесь в августе 1942 г. бандитами и предателями Родины зверски уничтожены 150 детей и воспитателей детского дома г. Евпатории». Позднее под давлением возмущенной общественности табличка была заменена другой, где в этом преступлении обвинялись «немецко-фашистские захватчики и их пособники». В ходе прокурорского расследования, проведенного в конце 1980-х гг., эти факты не подтвердились. Они оказались фальшивкой, созданной органами НКВД и активно использовавшейся партийными чиновниками для давления на карачаевцев (Гарифуллина 1990 а; 1990 б; Панкратов, Чертков 1990; Арутюнов и др. 1990. С. 27; Алиев 1993 б. С. 16-17; Коркмазов 1994. С. 121-124; Тебуев 1997. С. 51-53; Co1c1epberg 1994. Р. 198) [21]. Следует также отметить, что, устанавливая памятник «погибшим детям», местные власти всячески препятствовали введению памятника героям-карачаевцам, погибшим во время войны (Тебуев 1997. С. 302).

В 1980-х гг. вышло несколько книг, распространявших ложь о том, что в годы войны карачаевцы изменили Родине и истребляли отступавших красноармейцев. В частности, такая версия содержалась в материалах научно-теоретической конференции 1977 г. По словам бывшего секретаря Карабаево-Черкесского обкома КПСС М. А. Боташева, выступившего на ней с докладом, ему были доставлены из архива ложные сведения о массовой измене карачаевцев (в докладе приводилось множество имен изменников и говорилось об уничтожении 600 отступавших красноармейцев и расстреле детей из детского дома), а его сомнения в их подлинности не были приняты во внимание руководителями обкома. Несмотря на его протесты, его доклад был без всяких изменений опубликован в материалах конференции (Боташев 1982. Об этом см.: Гарифуллина 1990 б).

Все это создавало у местного населения негативный образ карачаевцев и балкарцев, провоцировало нервозность в межэтнических отношениях и приводило к организации сходов с требованиями снова выселить эти народы. Весной и летом 1981 г. по Карабаю гуляли недобрые слухи о близившейся новой депортации (Алиев 1993 а. С. 21-30; Тебуев 1997. С. 14-18; Койчуев 1998. С. 6-8, 448-449; Шаманов и др. 1999. С. 37-43; Байрамкулов 1999. С. 406; Smith 1998. Р. 89). А летом 1981 г. в станице Преградной состоялась массовая манифестация местных жителей, направленная против карачаевцев (Алиев 1993 б. С. 28-29). Напротив, когда в октябре 1988 г. ветераны войны и труда попытались провести в Карабаевске траурный митинг, посвященный 45-летней годовщине депортации и направленный против преступлений сталинизма, он был сорван усилиями местных властей (Алиев 1993 б. С. 34-35).

Одновременно в 1960—1980-е гг. карачаевцы испытывали разные виды дискриминации. Их старались держать подальше от престижных административных и партийных должностей (например, в облисполкome лишь 20 % работников происходили из карачаевцев), неохотно брали в правоохранительные органы, искусственно тормозили их прием в партию, устанавливали для них режим едва ли не повальной слежки, создавали препятствия для возвращения на прежние места проживания. Зато на ответственные должности назначались пришлые функционеры, не знавшие местных условий и не имевшие опыта работы с местным населением. В годы депортации были заброшены карачаевские сельхозугодья, и колоссальный урон понесло местное животноводство. Однако для их восстановления карачаевцы не получали нужного финансирования. Им даже нередко не разрешали восстанавливать свои старые поселения и мешали развитию традиционных промыслов, прежде всего шерстоткачества. Наконец, вплоть до конца 1980-х гг. карачаевцы не имели возможности ознакомиться с полным текстом Указа от 9 января 1957 г., объявлявшего их полную реабилитацию. А те карачаевские партийные и советские руководители, которые еще в начале 1960-х гг. посмели поднять вопрос о восстановлении довоенной Карачаевской автономии, были обвинены в национализме и подверглись травле и административным наказаниям (Арутюнов и др. 1990. С. 27; Алиев 1993 а. С. 31-42; 1993 б. С. 32; Тебуев 1997. С. 14-18; Шаманов и др. 1999. С. 37-43).

Аналогичные жалобы звучали и со стороны балкарцев, сталкивавшихся со сходными проблемами (Кому мешает 1991; Журтубаев 1991. С. 7; Бабич 1994. Т. 2. С. 296-300; От редакции 1997; Алиев 1998. С. 209-210; Ormrod 1997. Р. 110). Все это настолько травмировало карачаевцев и балкарцев, что в вышедших в 1990-х гг. школьных учебниках по истории Карабаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии факты измены и бандитизма в годы войны (Семин, Старков 1991. С. 40-41; Алиев 1993 а. С. 13-14; 1993 б. С. 15; Тебуев 1997. С. 22; Шаманов, Тамбиева, Абрекова 1999. С. 19) вообще не упоминались; зато много внимания было уделено героизму карачаевцев и балкарцев на полях сражений.

В этих условиях карачаевцы и балкарцы особенно остро переживали утверждения о том, что их предки появились на Северном Кавказе недавно (Алиев 1993 а. С. 30). Вот почему балкарским и карачаевским ученым казалось так важно обосновать автохтонный статус своих далеких предков, и идея исконного тюркоязычия аланс продолжала жить своей жизнью. Устаревший термин «отатарившиеся осетины», иной раз использовавшийся дореволюционными авторами, и стремление советских исследователей представить их предков автохтонами, перешедшими на тюркский язык, вызывали у балкарцев и карачаевцев резкий протест. Это напоминало им о горьких годах депортации, и они делали все возможное, чтобы избавиться от этого неприятного образа. Их не могли не возмущать попытки вычеркнуть их из истории, и они сетовали на отсутствие интереса советских историков к их прошлому и на сознательное (реальное или мнимое) искажение их истории, имевшее место в 1940—1950-е гг. и даже позднее (Мизиев 1970. С. 8; 1990. С. 135-136; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 4-7, 13). Кроме того, местонахождение замечательного аланского храмового комплекса и богатых аланских могильников на землях Карабая делало алансскую проблему более чем актуальной. Ведь если бы в соответствии с популярной версией аланы были предками осетин (Польская 1960), то карачаевцам и балкарцам пришлось бы признать, что они живут на исторических осетинских землях. В условиях продолжавшейся дискриминации и в связи с угрозой новой депортации они никак не могли на это согласиться.

Поэтому балкарские и карачаевские филологи в течение последних десятилетий советской власти всячески подчеркивали свои аланские корни и настаивали на своем особом положении среди тюркских народов. В 1972 г. У. Б. Алиев выпустил книгу о карачаево-балкарском языке, казалось бы, посвященную чисто филологическим вопросам. Между тем он нашел нужным предпослать ей введение, где затрагивал проблему этногенеза и места карачаевцев среди кавказских народов. Он отмечал, что по многим признакам (физическому типу, образу жизни, фольклору, одежде, обычаям) карачаевцы и балкарцы оказывались ближе к своим северокавказским соседям, чем к тюркским народам. Он также настаивал на том, что и осетины, и карачаевцы с балкарцами были в равной степени потомками алан. Однако вопрос о языке алан он считал открытой проблемой: если аланы были ираноязычными, то приходилось соглашаться с тем, что их часть позднее перешла на тюркский язык; однако они могли быть и тюркоязычными — в таком случае, как считал Алиев, карачаевцы и балкарцы были их прямыми этнолингвистическими потомками, а восточные аланы перешли на осетинский язык (Алиев 1972. С. 5-7).

В книге, выпущенной ведущим московским научным издательством и тщательно там отредактированной, Алиев не мог позволить себе большего. Однако и этого было достаточно, чтобы вдохновить целую когорту последователей, начавших наделять скифов, алан или, по крайней мере, самое могуще-

ственное племя аланского союза тюркоязычии, утверждая тем самым, что происходившие от них балкарцы и карачаевцы оставались верными своему языку [22]. При этом такие авторы указывали на архаическую лексику, отсутствующую в других тюркских языках, а также на то, что соседи, мегрэлы и осетины, до сих пор зовут их соответственно «алани» или «асы» (см., напр.: Лайпанов 1967; 1995; Будаев 1970; Хаджилаев 1970. С. 6-14; Хабичев 1980. С. 147-148; 1981. С. 31-50; 1982. С. 16; Байрамкулов 1981; 1995; Байчоров 1987. С. 46-57; 1989 а. С. 6-8; Бабаев 2000) [23]. Иногда они даже настаивали на том, что «алан» — это общее самоназвание балкарцев и карачаевцев (Алиев 1960. С. 251; Хабичев 1980. С. 148; 1981. С. 3) или что термин «асы» имеет тюркское происхождение (Байчоров 1987. С. 48-57; 1989. С. 35). В соответствии с этим карачаевский лингвист С. Я. Байчоров начал доказывать, что топонимика Осетии имеет тюркскую (карачаево-балкарскую) подоснову (Байчоров 1994). В свое время компромиссный вариант предложил археолог И. М. Мизиев. Указав на то, что археологические данные позволяют выделять западный и восточный варианты аланской культуры (Кузнецов 1962; 1967), он предположил, что они этнически отличались друг от друга как аланы и асы. Ему казалось вероятным, что западный вариант был связан с тюркоязычными асами (Мизиев 1975; 1986. С. 35-161. См. также: Биджиев 1983. С. 105; Байчоров 1987. С. 47). Аналогичным образом карачаевский археолог Х. Х. Биджиев пытался обосновать преобладание тюркского элемента в историческом наследии карачаевцев и балкарцев, но это наследие он склонен был связывать прежде всего с болгарами (Биджиев 1983. С. 99-108. См. также: Федоров, Федоров 1978. С. 81-84). Образ «турканизированных алан» явно не соответствовал духу времени.

Рассмотренную позицию, разделявшуюся некоторыми карачаевскими и балкарскими историками, филологами и археологами, можно назвать умеренным ревизионизмом. Ее сторонники настаивали на том, что аланы были гетерогенным по составу союзом племен, среди которых следовало различать тюрко- и ираноязычные компоненты. Соответственно тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев должны были появиться на Северном Кавказе в алан с кос времени, т. е. задолго до прихода половцев (кипчаков). Поэтому, если у Н. А. Баскакова причисление карачаевского и балкарского языков к кипчакской группе не вызывало никаких сомнений (Баскаков 1960), то У. Б. Алиев категорически отрицал их родство не только с кипчаками, но и с раннесредневековыми болгарами, считая последних кипчаками по языку (Алиев 1960. С. 250). Если Баскаков видел одну из главных особенностей кипчакских языков в «джокании», что и позволяло ему включать сюда карачаевский и балкарский языки (Баскаков 1960. С. 237), то, оспаривая его мнение, карачаевский филолог Х.-М. И. Хаджилаев наделял кипчакские языки «йоканием» и отождествлял предков карачаевцев и балкарцев с гипотетическими тюркоязычными аланами (Хаджилаев 1970. С. 6-7). В этом ему следовал археолог И. М. Мизиев (Мизиев 1998. С. 13; Кумыков, Мизиев 1995. С. 84). Другой карачаевский лингвист, М. А. Хабичев, придерживался иной стратегии: он соглашался с Баскаковым и сближал карачаевский и балкарский языки с болгарским и кипчакским, но полагал, что за такими собирательными названиями, как «скифы», «сарматы» и «аланы», скрывались как иранцы, так и тюрки. В частности, в раннесредневековых болгараах он видел тюркоязычных алан (Хабичев 1970; 1980; 1987). Со временем он пошел еще дальше и начал доказывать, что термины «аланы» и «асы» изначально использовались для обозначения соответственно карачаевцев и балкарцев (Хабичев 1981. С. 34).

Карачаевский историк К. Т. Лайпанов (1967. С. 212-213), а вслед за ним и некоторые другие карачаевские авторы (Хаджилаев 1970. С. 14 и след.; Хабичев 1982; Байрамуков 1993. С. 117-127; Байрамкулов 1995. С. 164-182) уже давно выражают сомнения в том, что в Карабае имелось много иранских топонимов, и, напротив, пытаются искать тюркские топонимы в Осетии. Они даже утверждают, что у входа в одну из аланских катакомб ими были найдены якобы древнетюркские рунические знаки (Лайпанов 1967. С. 211; 1995; Хабичев 1970; Хаджилаев 1970. С. 7). Но профессиональные археологи это упорно опровергают, отмечая, что там встречались не руны, а тамги (см., напр.: Алексеева 1966. С. 245; 1967. С. 258; Кузнецов, Чеченов 2000. С. 85). Более солидным корпусом данных оперирует С. Я. Байчоров, проанализировавший, по его словам, десятки рунических надписей с Северного Кавказа. Он связывает их с раннесредневековыми болгарами, которые, по его мнению, влились в аланский племенной союз, стали именоваться аланами и асами и сыграли важную роль в формировании карачаевцев и балкарцев (Байчоров 1989 а: 1989 б. См. также: Алексеева 1991. С. 322). Вместе с тем среди тех эпиграфических материалов, которыми оперирует Байчоров, есть немало сомнительных, и профессионалы относятся к его открытиям с определенной долей скептицизма (Кузнецов, Чеченов 2000. С. 85-86). По мнению ведущего специалиста по древнетюркской письменности А. М. Щербака, болгары не могли принести руническую письменность на Северный Кавказ хотя бы потому, что пришли туда еще до того, как она была создана

где-то на просторах Северной Монголии в начале VIII в. Кроме того, многие ее образцы, обнаруженные в Восточной Европе, не являются в собственном смысле письменностью — это «представительские» знаки, служившие лишь имитацией руники (Шербак 2001. С. 27, 95–96).

Обнаружение тюркской руники на Северном Кавказе заставило карачаевских и балкарских авторов вновь обратиться к знаменитой Зеленчукской надписи XI в., выполненной аланами в греческой графике. Ираноязычие этой надписи было давно и надежно установлено (Миллер 1893; Абаев 1949. С. 260–270). Между тем некоторые карачаевские и балкарские авторы вот уже около сорока лет с завидным упорством оспаривают ее авторство у осетин и пытаются прочесть ее по-туркски (Лайпанов 1967. С. 211–12; 1995; Хаджилаев 1970. С. 9–12; Мизиев 1986. С. 110–116; 1998. С. 63; Алишев 1988; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 102; Байрамкулов 1996. С. 202–204; Ахматов, Койчуев, Лайпанов 1997. С. 78; Тебуев, Хатуев 2002. С. 72) [24]. Мало того, пытаясь изобразить карачаевцев и балкарцев потомками древних тюркоязычных аборигенов, К. Т. Лайпанов даже доказывал, что рунические надписи появились в Карачае и Балкарии еще до булгар (Лайпанов 1995).

Предметом спора является и физический тип средневековых тюрков, заселявших Северный Кавказ. В свое время Л. И. Лавров высказывал сомнения в надежности суждений о происхождении балкарцев и карачаевцев, исходя из современных антропологических данных. Действительно, ученые не находили никаких признаков монголоидности у современных балкарцев и карачаевцев, что ставило в тупик тех, кто привык ассоциировать древних тюрков с монголоидным населением. В поисках выхода из этой дилеммы Лавров предполагал, что, во-первых, еще половцы могли отличаться смешанными соматическими признаками, а во-вторых, поселившиеся на Северном Кавказе тюрки за прошедшие столетия внешне сильно изменились и утратили былье черты монголоидности (Лавров 1969. С. 72–73). Между тем балкарских и карачаевских авторов больше устраивает его первое предположение, и они хотели бы видеть своих предков европеоидами (см., напр.: Хаджилаев 1970. С. 7; Батчаев 1980. С. 92–95; Журтубаев 1991. С. 4). Например, И. М. Мизиев, убежденный в локализации тюркской прародины в Волго-Уральском регионе, доказывал, что тюрки приобрели монголоидные черты на пути из Европы в Азию (Мизиев 1990. С. 42; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 13, 26).

Это идет вразрез с современными научными представлениями о центральноазиатской прародине тюркских народов. Конечно, сейчас уже нельзя полностью согласиться с однозначным мнением о том, что «в период своего расселения на огромной территории евразийских степей во времена тюркского каганата древние тюрки были носителями монголоидного расового типа» (Вайнштейн, Крюков 1966. С. 178). Ведь теперь известно, что некоторая доля европеоидности среди них встречалась еще в районах их восточной прародины. Однако остается в силе вывод о том, что в ходе своих миграций на запад они смешивались с местными обитателями и передавали им свой язык, в результате чего там тюркоязычные племена приобрели выраженный европеоидный облик (Алексеев, Гохман 1984. С. 164).

В свете ревизионистской концепции иначе стала рассматриваться карачаевская легенда о приходе предка карачаевцев, богатыря Карчи, из Крыма. Теперь карачаевский писатель М. Батчаев представлял Карчу потомком алан, побежденных татаро-монголами и переселенных в неволю в Крым. Его воображению Карча рисовался изнывающим от тоски по родине, и поход того на Северный Кавказ изображался долгожданным возвращением в родные края, не имевшим никакого отношения к поискам крымских ханов (Батчаев, Стефанеева 1969. С. 83–95).

Еще дальше шел карачаевский поэт Назир Хасанов, составивший поэтическое описание давней истории карачаевцев, основанное на пантюркистской концепции. Ко времени распада СССР он умер, и его книгу издал его приятель Байдымат. Происхождение этой книги таит много загадок. В ней говорится о том, что якобы в 1969 г. Назир переписал у старожила Карабаевска Сосланбека Хасанова редкие исторические сведения, собранные крымскими летописцами XIV–XV вв. Ботаем, Барлыу и Бантау и хранившиеся в роде Хасановых со времен его основателя Баюр-Хасана (Хасанов 1994). В книге прямыми предками карачаевцев назывались хазары, и в подтверждение этого приводились документы, якобы переведенные с хазарского языка. По словам автора, крымские «летописцы» XIV–XV вв. сохраняли хазарский язык и «хазарскую грамоту», причем последняя оказывается рунической, а вовсе не квадратичным письмом. Остается неясным, кто и как перевел эти тексты на современный язык. Все это уже само по себе выдает фальшивку.

Как бы то ни было, Хасанов доказывал, что древние тюрки исконно заселяли огромную территорию, располагавшуюся между Уралом и Днепром и захватывающую на юге Северный Кавказ. Этих тюрков он рисовал белокурыми европеоидами и заявлял, что они обитали на указанной территории не ме-

нее пяти тысяч лет. Именно их он называл создателями нартского эпоса. Иными словами, по ряду важных положений взгляды Хасанова до боли напоминали построения Мизиева. Однако если Мизиев, по крайней мере в 1970-х — начале 1980-х гг., проявлял известную осторожность и старался оставаться в пределах научной парадигмы, то Хасанов смело восстанавливал пантюркистскую концепцию, делавшую тюрков создателями культуры и цивилизации в Восточной Европе, на Кавказе и в ряде соседних регионов. Эта концепция включала и положение о раннем Карачаевском государстве.

В центре повествования находилась фигура героя Карчи, который объявлялся хазарским вождем и предком карачаевского народа, жившим во второй половине XIV — первой половине XV в. Для придания ему историчности его жизненный путь связывался с завоеванием Тимура. Якобы когда воины Тимура разгромили Пятигорье и захватили в плен многих местных жителей, среди пленников оказался и молодой Карча. Так он попал в Бухару, воевал в войсках Тимура в Кашгарии, а затем, подняв восстание, увел своих воинов на Кавказ. Эпос приписывал Карче необычайные подвиги и славу: якобы он спас Китай от нашествия Тимура и подчинил себе часть Синьцзяни, Киргизию и часть Казахстана, оспорив славу непобедимого Тамерлана. Затем по неясной причине Карча отказался от этих завоеваний и ушел в Крым к старшей сестре, где служил ее родственнику, крымскому хану. Но его тянуло в родные места, и через два года он возвратился на Северный Кавказ, где успешно воевал с абхазами и кабардинцами, создал карачаевский народ и в 1424 г. сформировал для него государственность. Тем самым карачаевцы обретали собственную историю, освобожденную от образа «колониального народа», вечно зависимого от соседей. Не вполне ясно, когда и как формировалась эта версия, но впервые она была опубликована на карачаевском языке в 1994 г., когда этноистория стала важным элементом местной этнополитики.

Глава 6. *Постсоветская этнополитика и конфликты*

Начиная со второй половины 1980-х гг. карачаевские и балкарские версии этногенеза стали более радикальными и этноцентристскими. У этого были, очевидно, две причины. Во-первых, местные ученые стали чувствовать себя свободнее и раскованнее по отношению к столичной науке, влияние которой в республиках значительно ослабло. Во-вторых, на фоне быстрых и глубоких социально-политических изменений люди остро ощутили свою личную причастность к политическому процессу, и в республиках обострилась борьба за власть между этнократическими элитами. В Кабардино-Балкарии усилились трения между балкарским меньшинством и кабардинским большинством, а в Карабаево-Черкесии — между карачаевским большинством и черкесским меньшинством. Возникла острая нужда в легитимизации своих претензий историей, и резко возросла потребность в славных престижных предках. Помимо указанных линий конфронтации дало о себе знать давнее символическое соперничество с осетинами из-за аланского наследия.

Основу населения Кабардино-Балкарии составляют три этнические группы: кабардинцы, балкарцы и русские. За период между 1989 и 1997 гг. их доля в населении республики изменилась следующим образом: кабардинцы и балкарцы несколько усилили свои позиции — соответственно с 48,2 % до 51,9 % и с 9,4 % до 10 %, а доля русских упала с 32 % до 29,3 % (Музев 1999. С. 116; Боров, Думанов, Каражаров 1999. С. 164). Большинство населения Карабаево-Черкесии также составляют три группы — русские, карачаевцы и черкесы. За тот же период их соотношение претерпело следующие изменения: доля русских упала с 42,4 % до 40,6 %, а доля карачаевцев и черкесов повысилась соответственно с 31,2 % до 33,7 % и с 9,7 % до 11,6 % (Музев 1999. С. 134; Нахушев 1998. С. 5). При этом обе республики были дотационными и переживали серьезные экономические трудности. Достаточно упомянуть, что весной 1995 г. уровень безработицы составлял в Кабардино-Балкарии 17,2 %, а в Карабаево-Черкесии 18,3 %, при том что в целом по Российской Федерации эта цифра составляла 7,8 % (Ткаченко 1996. С. 68).

С конца 1980-х гг. в республиках активно действовали политизированные этнонациональные движения. При этом кабардинцев и черкесов заботила консолидация с адыгейцами и шапсугами в единую адигскую этническую общность и увеличение ее численности путем депатриации зарубежных адигов. А карачаевцы и балкарцы добивались доведения до конца процесса своей реабилитации, включая полное возвращение политических и территориальных прав. Кроме того, некоторые из их духовных лидеров также мечтали о единстве тюрков на Северном Кавказе и пытались конструировать единый карачаево-балкарский этнос [25]. Одним из первых это стал подчеркивать У.Б. Алиев, полностью отказавшийся от своего прежнего представления о двух народах (см.: Алиев 1960). В начале 1970-х гг. он уже

настаивал на том, что карачаевцы и балкарцы были одним народом, искусственно разделенным после Октябрьской революции. Он сожалел о том, что отсутствие единого названия мешает их сплочению. Сам он теперь писал о «карачаево-балкарцах» (Алиев 1972. С. 8).

Как свидетельствуют местные специалисты, в условиях малоземелья на Северном Кавказе важнейшим компонентом современной этнической идентичности является представление о четких границах этнических территорий; иными словами, наблюдается гипертрофирование «этнотERRиториальной идентичности» (Битова и др. 1996. С. 17; Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 72). Это — плод советской национальной политики, установившей жесткую связь между этническостью и административно-территориальными подразделениями. Ведь, как верно подчеркивают ученые, границы между кабардинцами и балкарцами в современном смысле никогда прежде не было. Напротив, между ними издавна установились симбиотические взаимоотношения, и в различные сезоны года то кабардинцы выпасали свои табуны на высокогорных балкарских землях, то балкарские пастухи спускались со своими стадами вниз по отрогам гор (Мизиев 1998. С. 73-75; Кумыков, Мизиев 1995. С. 108-109; Бекалдиев 2003. С. 103-104). Нелишне напомнить, что такой хозяйствственный симбиоз был типичен для живущих рядом традиционных земледельческих и скотоводческих групп; он, в частности, был характерен для земледельцев-армян и скотоводов-азербайджанцев в Нагорном Карабахе. В этих условиях строгое этнотERRиториальное размежевание представляет фактически неразрешимую задачу, и стремление современного государства к ее однозначному решению неизбежно провоцирует острый этнический конфликт (Ямсков 1998; Tishkov 1997. Р. 43-76).

Опасность такого конфликта была весьма ощутима в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в 1990-х гг. Сознавая себя этническим меньшинством, уже однажды обиженным властями, балкарские националисты с подозрением относились к установлению либеральной демократии, от которой они не ожидали ничего, кроме дальнейшего ущемления своих прав. Их опасения стали оправдываться уже в начале 1990 г., когда на выборах в Верховный Совет Кабардино-Балкарской АССР они получили меньше депутатских мест, чем это было в предшествующие годы. Недовольство грозящей ей ролью вечного политического маргинала в республике привело к консолидации балкарской элиты, и она попыталась сделать ставку на «национально-территориальный суверенитет» (Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 107-109), вполне допускавшийся Декларацией о суверенитете Кабардино-Балкарии, принятой верховной властью республики 30 января 1991 г. (Бабич 1994. Т. 1. С. 60).

Это казалось тем более оправданным, что в октябре 1990 г. кабардинская национальная организация «Адыгэ Хасэ» (Адыгский Совет) выдвинула задачу «формирования федерации адыгских народов Кавказа», в сентябре 1991 г. конституировалась политическая партия «Адыгский национальный конгресс», поставившая своей целью «восстановление в полном объеме государственности адыгов на всей территории их проживания в РСФСР» (Бабич 1994. Т. 2. С. 105, 164), и кабардинские и черкесские интеллектуалы заговорили о перспективе создания «единого черкесского государства», которое бы включало Кабарду, Черкесию, Адыгею и часть Черноморского побережья (Смирнова 1993. С. 7; Кажаров 1994. С. 50). Правда, начиная с осени 1992 г. это положение исчезло из программных документов кабардинских националистов, хотя они не отказались от термина «адыгская нация» (см., напр.: Бабич 1994. Т. 2. С. 96) и активно культивируют общеадыгское этническое самосознание (Программа 1992; Акиева 1998. С. 70; Адыгэ Хасэ 2001. С. 146-147). Все же идея «единого государства адыгов» не была забыта, и временами она вспыхивала в выступлениях отдельных кабардинских (см., напр.: Бабич 1994. Т. 2. С. 156) и других адыгских интеллектуальных лидеров.

Однако в последние годы адыгские лидеры делают ставку прежде всего на культурную консолидацию: между адыгскими народами участились культурные и научные контакты, написана единая «История адыгов», создается Адыгская энциклопедия, предпринимаются усилия по унификации отдельных адыгских языков и созданию общеадыгского литературного языка. Например, в ноябре 1999 г. в Нальчике состоялась региональная научная конференция, принявшая проект унификации алфавита и орографических систем адыгских языков, призванный содействовать взаимопониманию адыгских народов (Бегидов 2003. С. 131-132). Огромную символическую роль играет и установление Дня памяти адыгов, отмечаемого всеми адыгами ежегодно 21 мая начиная с 1990 г. (Аккиева 2002. С. 263). Правда, тогда же вышло постановление Верховного Совета КБ АССР о проведении ежегодно 8 марта Дня памяти жертв насилия и выселения балкарцев (Зумакулов 2001. С. 794-795).

Консолидации адыгов способствует мобилизованная память о выселении значительной их части в Османскую империю как печальном итоге Кавказской войны (Ханаху, Цветков 1995. С. 60). В истории-

ческой литературе, выпускавшейся адыгами в последние 10—15 лет, постоянно подчеркивалось, что в 1859—1864 гг. пределы России пришлось покинуть полумиллиону адыгов, причем до половины этих вынужденных переселенцев погибли в пути. Эти трагические события описываются как «геноцид адыгов» (Битова и др. 1996. С. 7; Кумыков 1994. С. 10-16; 2001. С. 22; Беджанов 1997. С. 103-107; Коков 1997; 2001 а. С. 47; Бегидов 2003. С. 32, 34). В публикациях Международной черкесской ассоциации Кавказская война регулярно фигурирует как «русско-кавказская». Память о ее ужасах культивировалась в особенностях в 1994 г. накануне 130-летнего юбилея ее окончания. Тогда у адыгских активистов вызывали тревогу попытки некоторых русских историков и политических деятелей оправдать действия царской армии на Северном Кавказе (см., напр.: Азаров, Марущенко 2001). Они видели в этом шовинизм и обращались к российским парламентариям и президенту Ельцину с просьбой осудить геноцид адыгов (К правдивой оценке 1994; Обращение 1994; Кумыков 1994. С. 20; Ханаху, Цветков 1995. С. 60). Один из них даже предлагал создать в Нальчике Музей истории геноцида и колонизации адыгского народа (Дзухэ 1994).

Ради солидарности с остальными адыгами и многими другими коренными народами Северного Кавказа кабардинцы даже готовы отказаться от популярной долгие годы версии о добровольном присоединении их предков к Московскому царству в 1557 г., юбилей чего был торжественно отпразднован в 1957 г. Едва ли не первым новую интерпретацию присоединения Кабарды к России озвучил кабардинский историк В. Н. Сокуров на совещании историков в Москве в 1989 г. В его формулировке в 1557 г. произошло не «вхождение», а принятие кабардинцев на службу Московскому государству при условии оказания тем военной помощи Кабарде. Иными словами, это был взаимовыгодный договор о союзе, а вовсе не принятие в подданство (Сокуров 1995). Вслед за ним это подхватили другие авторы (Беджанов 1997. С. 336; Ибрагимбейли 1998; Дзамихов 2001. С. 57-60), и начиная с 1994 г. эта версия стала входить в кабардино-балкарские учебники по истории (Кумыков, Мизиев 1995. С. 89; Бекалдиев 2003. С. 73). Теперь местные ученые полагают, что о вовлечении адыгов в административно-политическую систему Российского государства следует говорить начиная лишь с 1820-х (Бегидов 2003. С. 19-23) или даже 1860-х гг. (Битова и др. 1996. С. 7). Правда, это не помешало властям Кабардино-Балкарской Республики устроить в 1997 г. празднование 440-летия «добровольного присоединения» к России. Впрочем, мнение президента республики В. М. Кокова на этот счет, похоже, еще окончательно не определилось. В некоторых случаях он придерживается прежнего подхода (Коков 1997; 2001 а. С. 434), но иногда трактует договор 1557 г. как заключение военно-политического союза между Россией и Кабардой, будто бы не посягавшего на независимость последней (Коков 2001 а. С. 42-44).

Некоторые наблюдатели подозревают, что во всем этом следует видеть подготовку к строительству Великой Черкесии. Признаки этого они усматривают в следующих действиях адыгских лидеров: в упомянутом выше лозунге единого Адыгского государства, в создании Всемирной черкесской ассоциации в мае 1991 г. на I Всемирном адыгском конгрессе, в требованиях восстановления Шапсугского национального района на территории Краснодарского края, в прозвучавших в июне 1994 г. предложениях Адыгеи к Краснодарскому краю обменяться некоторыми территориями, с тем чтобы Адыгея получила общую границу с Карачаево-Черкесией и Абхазией (Пачегина 1994 а) [26], в создании 25 июля 1997 г. Межпарламентского совета республик Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (Шестаков 1991; Иванова 1992; Игнатенко, Салмин 1993. С. 97; Чернов 1995; Николаев 1998; Боташев 2001. С. 98; Малашенко 2001. С. 160; Царапкина 2001; Коркмазов 2002. С. 149; Максимов, Латышев 2005). Начиная с конца 1980-х гг. адыгские общественные организации призывали к репатриации зарубежных соотечественников (Налов 1989), и определенные шаги в этом направлении были сделаны в 1998 — 1999 гг., когда в Адыгею переселилось несколько десятков семей адыгов из Косова. Правда, надежды на большой приток репатриантов как будто бы не оправдались — в 1990-х гг. Адыгея приняла всего 1106 потомков махаджиров, а Кабардино-Балкарья — 630. В последние годы этот ручеек стал вообще иссякать (Аккиева 2002. С. 92. См. также: Г. Чочиев 1997. С. 429; Smith 1998. Р. 94).

Во второй половине 1990-х гг. под эгидой Черкесской Международной академии наук готовилось восьмитомное издание по истории адыгов, в котором целый том должен был быть посвящен никогда не существовавшей «Республике Адыгов в составе СССР и России». Руководитель этого проекта с горечью замечал, что «адыги могли бы образовать государство еще в XIX веке, которое ныне не уступало бы по численности населения и размерам территории таким европейским странам, как Венгрия, Болгария, Австрия или Чехия» (Аутлев 1997. С. 108).

Миф о Великой Черкесии [27] порождает у карачаевцев и балкарцев опасение в том, что речь идет о деятельности, направленной против их насущных интересов (см., напр.: От редакции 1997; Об-

рашение 1998; Абдуллаев 1998; Аланов 1998; Чомаев 1998; Байрамкулов 1999. С. 411-413; Джаппуев 1999; Лайпанов 1999; Червонная 1999. С. 94). В ответ на это их духовные лидеры и заговорили о необходимости карачаево-балкарского единства (Журтубаев 1991. С. 8; Джаппуев 1999. См. также: Урусов 1993. С. 7; Кучинаев 2001. С. 19). Вряд ли следует удивляться тому, что такой проект порождает жгучий интерес к общей истории. Вот почему в течение последних 15 лет наблюдался расцвет исторических концепций местных ревизионистов, специалистов и дилетантов, о чем речь пойдет ниже. Одна из таких концепций содержится в вышедшей недавно книге двух карачаевских авторов, заместителя директора Карабаево-Черкесского института гуманитарных исследований Р. С. Тебуева и заведующего сектором истории карачаевского отдела того же института Р. Т. Хатуева, с красноречивым названием «Очерки истории карачаево-балкарцев» (Тебуев, Хатуев 2002). Так к середине 1990-х гг. идея широких коалиций на основе этнического родства получила определенную популярность как у адыгов, так и у балкарцев и карачаевцев (Крицкий 1995. С. 77).

Одновременно карачаевцев беспокоят попытки нового пересмотра проблемы депортации и оправдания действий сталинского режима. Поэтому бурю возмущения у них вызвала в 1998 г. защита докторской диссертации майором милиции А. М. Гоновым, начальником кафедры государственно-правовых дисциплин нальчикского факультета Ростовской высшей школы МВД, по теме «Проблема депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20—90-е годы XX в.». Карабаевские ученые однозначно усмотрели в этой работе стремление придать юридическую основу акту депортации и потребовали привлечь автора к ответственности за пропаганду с целью воспрепятствовать реабилитации (Абдуллаев 1998; Керейтов и др. 1998; Тебуев, Хатуев 2002. С. 177). Другой повод для возмущения им дал один из популярных вузовских учебников по истории России. Говоря о причинах депортации народов Северного Кавказа, его авторы в качестве единственного «народа-отщепенца», якобы заслужившего своей участи, назвали карачаевцев, опираясь при этом исключительно на данные, полученные от работников НКВД (Мунчаев, Устинов 1997. С. 375). Это вызвало возмущение карачаевских интеллектуалов (Абдуллаев 1998), обратившихся с письмом протеста в Министерство образования РФ и в Верховный суд РФ. Видимо, их протест дошел до авторов учебника, и в следующем его издании те, сохранив прежний текст, уже не отважились приводить конкретные примеры «отщепенцев» (Мунчаев, Устинов 2002. С. 424).

В 1990-х гг. среди балкарцев, разочарованных крушением своих политических надежд на паритетное представительство, зрело недовольство властью доминирующего большинства, представленного кабардинцами, и складывалось представление о невозможности совместного обитания с кабардинцами и черкесами (Червонная 1999. С. 93-95). Среди их интеллектуальных лидеров было распространено убеждение в том, что понятие «кабардино-балкарский народ» было искусственным, что в республике ущемляются права балкарцев и что им там грозит ассимиляция, если они не получат своей собственной автономии (Биттиров 1991). В ответ кабардинские авторы доказывали, что, напротив, в республике ущемлялись права прежде всего кабардинцев. Они отмечали, что урбанизация гораздо меньше затронула кабардинцев, чем русских и балкарцев, и что такая же диспропорция наблюдалась в интеллектуальной (в культуре, просвещении, науке) и управленческой сферах (Уножев 1991).

Как бы то ни было, возникшее в 1989 г. балкарское национальное движение «Тере» связало вопрос о политической реабилитации балкарского народа с созданием национально-территориальной автономии, причем в тех границах Балка-рии, которые существовали до марта 1944 г. (Бабич 1994. Т. 2. С. 176; Атабиев 1994. С. 197). Эта идея была озвучена на I съезде балкарского народа 30 марта 1991 г. и вошла в его резолюцию (Алиева 1993 а. Т. 3. С. 308). В борьбе за паритет балкарские политические лидеры напоминали о том, что в январе 1922 г. Балкарья и Кабарда объединились как две равноправные политические единицы. Следовательно, рассуждали они, в республике имелись два титульных народа, что требовало реформы государственного устройства на основе федеративного договора между Балкарией и Кабардой как суверенными политическими единицами. В принципе эту позицию разделяли и лидеры Конгресса кабардинского народа (Бабич 1994. Т. 2. С. 45-49, 53-54, 92). Вначале предложение о восстановлении районов Балкарии, существовавших к началу 1944 г., было одобрено Верховным Советом Кабардино-Балкарии, причем территориальную реабилитацию балкарцев предлагалось осуществить до 1 ноября 1991 г. (Бабич 1994. С. 54, 66, 85). Однако, опасаясь того, что реализация этих планов может привести к расколу республики, некоторые кабардинские лидеры в своей программе начали подчеркивать принцип целостности территориальных границ республики и установку на формирование гражданской нации — «народа Кабардино-Балкарии». Поэтому весной 1991 г. лидеры Адыгэ Хасэ высказали

лись против восстановления прежних балкарских районов — ведь, во-первых, существовавшие до 1944 г. районы имели, на их взгляд, сугубо административный, а не национально-территориальный характер, а во-вторых, социально-демографическая ситуация с тех пор существенно изменилась. Выступая на I конференции кабардинского народа 9 апреля 1991 г., член Президиума Совета Адыгэ Хасэ Х. Б. Хоконов предупреждал, что постановка вопроса об этнических границах может вызвать непредсказуемые последствия, чего следовало бы избегать. Эта позиция и была зафиксирована в резолюции конференции (Бабич 1994. С. 132-133, 136-141, 144; Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 112-116, 121-122).

Осенью 1991 г. политическая ситуация в республике значительно осложнилась. К этому времени местная власть переживала кризис, прежние руководители сложили свои полномочия, на сентябрьской сессии Верховного Совета была учреждена должность Президента Республики, и в ноябре проходила кампания по его выборам. Балкарцы, ожидавшие принятия принципиальных решений по своей реабилитации до этих выборов, были разочарованы тем, что этого так и не случилось. Поэтому 17 ноября 1991 г. они провели съезд балкарского народа, провозгласивший Республику Балкарию и национальный суверенитет балкарского народа (Бабич 1994. Т. 2. С. 183-184). Следует отметить, что руководство республики вовсе не было настроено тормозить процесс территориальной реабилитации балкарцев, и поначалу Верховный Совет Кабардино-Балкарии даже поддержал решения съезда балкарского народа (Бабич 1994. Т. 1. С. 100). Вместе с тем не прошло и месяца, как власти республики заняли более осторожную позицию, осознав, что суверенизация Балкарии способна вызвать острый межэтнический конфликт (Бабич 1994. Т. 1. С. 100-103). Однако лишь 21 июля 1994 г. парламент республики отменил вынесенное прежде решение о признании Республики Балкарии (Бегидов 2003. С. 49-50). Кабардинцы воспринимали планировавшееся балкарцами территориальное размежевание как шаг к полной государственной суверенизации Балкарии и сокращение своей исторической территории, что сильно ударяло по их интересам.

Между тем балкарцы действовали решительно, и о серьезности их намерений говорило образование Национального Совета балкарского народа (НСБН), избранного съездом балкарского народа в качестве высшего органа власти балкарцев между съездами. 29 декабря 1991 г. НСБН провел среди балкарцев референдум, участники которого с энтузиазмом поддержали план по созданию Республики Балкарии. В ответ 10—12 января 1992 г. был проведен съезд кабардинского народа, где было решено «восстановить суверенитет Кабардинской Республики в пределах исторической территории кабардинского народа», которая определялась границами 1863 г. (Бабич 1994. Т. 2. С. 13; Бегидов 2003. С. 53). На этот раз руководство Адыгэ Хасэ поддержало решение о территориальном размежевании (Бабич 1994. Т. 2. С. 148). На съезде был избран Конгресс кабардинского народа (ККН), наделявшийся властными полномочиями среди кабардинского народа. Подобно решениям балкарского съезда, эти решения также были поначалу одобрены Верховным Советом республики, и 20 февраля 1992 г. была создана специальная комиссия для реализации требований обоих съездов (Бабич 1994. Т. 1. С. 105, 109-110).

Однако упорядочивание порядка землепользования началось с лишения ряда малоземельных балкарских колхозов тех земель, которые они получили в 1957 г. Вслед за этим возникла цепная реакция земельных требований и исков со стороны колхозов, расположенных в спорных районах, причем, как правило, споры решались не в пользу балкарцев (Бабич 1994. Т. 1. С. 107, 111-112, 132; Т. 2. С. 230. 233; 1998. С. 152). В итоге в условиях слабости республиканской власти в 1992 г. в республике фактически возник этнополитический раскол. Его следствием стало резкое обострение межэтнических отношений вплоть до столкновений на национальной почве (Бабич 1994. Т. 1. С. 22-23, 103-104, 130-131; Т. 2. С. 202-203, 227-229, 240-241; 1998. С. 149-150; Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 148). В течение 1992-1993 гг. республиканское руководство всеми силами стремилось избежать кровавого конфликта и ослабить этнонационалистические настроения в обществе (Бабич 1994. Т. 1. С. 158-165; Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 133-154; Бегидов 2003. С. 54-55).

Отделение Балкарии в качестве суверенной республики неизбежно поднимало болезненный территориальный вопрос, вот уже более 150 лет осложняющий взаимоотношения между балкарцами и кабардинцами. Дело в том, что, как отмечалось, до второй половины XIX в. между кабардинскими и балкарскими землями никогда не было строго демаркированной границы. Документы того времени свидетельствуют о том, что земли пограничных областей постоянно меняли своих владельцев. Скажем, если в первой половине XIX в. под давлением русских войск кабардинцы уходили все выше в горы и в ряде случаев селились на балкарских землях, то начиная с середины XIX в. балкарцы иногда основывали свои поселения на территории кабардинцев (Думанов 1991; Карданов 1993. С. 7, 11-15). При этом для

балкарцев, самых богатых скотоводов Северного Кавказа, критическую роль в их хозяйственной системе играл доступ к предгорным весенним, летним и осенним пастбищам. Традиционно они по договоренности с кабардинскими князьями использовали принадлежавшие тем предгорные и равнинные пастбища (Кудашев 1991. С. 156, 172). Однако после того, как российские чиновники попытались четко разграничить кабардинские и балкарские территории, между балкарцами и кабардинцами начались земельные споры (Кудашев 1991. С. 165-171), и в итоге балкарцам пришлось арендовать земли у кабардинцев и сванов за большие деньги (Тульчинский 1903. С. 181, 185-186; Абаев 1992. С. 25, 35-36; Даудов 1997. С. 173). Попытка четко разграничить кабардинские и балкарские земли, имевшая место в 1863 г., провалилась (Кудашев 1991. С. 137, 150-153, 177-180; Карданов 1993. С. 8-11), и спуск горцев-балкарцев вниз по горным склонам продолжался. В 1920-е гг. они находили в этом поддержку у советской власти, что не могло нравиться кабардинцам (Бабич 1998. С. 148-149).

Масла в огонь подлила насильтвенная депортация балкарцев в 1944 г., после которой былие балкарские земли перестали использоваться и пришли в запустение, а высокогорные села оказались разрушенными (Зумакулов 2001. С. 314, 348-350). После возвращения на родину в 1957 г. балкарцам было запрещено селиться на своих традиционных высокогорных территориях, где были устроены национальные заказники, зоны отдыха, турбазы. С тех пор возникло немало населенных пунктов со смешанным кабардинско-балкарским населением (Хамдохова 1997. С. 168-169).

До недавнего времени все это не вызывало каких-либо затруднений: между кабардинцами и балкарцами установились дружеские взаимоотношения, заключалось немало межэтнических браков. Однако, с тех пор как в конце 1991 г. НСБН выступил с требованием образования Республики Балкарии, ситуация резко изменилась. Несмотря на уверения балкарских лидеров в том, что «никаких территориальных претензий друг к другу у балкарцев и кабардинцев нет» (Ахметова и др. 1991; Кому мешает 1991), неизбежно завязался территориальный спор, в котором обе стороны заняли достаточно жесткую позицию (Карданов 1993. С. 25). С обеих сторон раздавались призывы к учету «исторических границ» между Кабардой и Балкарией. Но так как такого рода строгих границ здесь никогда не было и в каждый исторический момент «этнические территории» выглядели по-разному, то остается неясным, где именно искать точку отсчета и какие границы следует считать «историческими». В то же время кабардинцам оказывается намного проще аргументировать свою позицию, чем балкарцам. Ведь в силу своей колониационной экспансии в XIV—XVI вв. кабардинцам удалось занять доминирующее положение на Северном Кавказе, сохранявшиеся ими вплоть до включения этого региона в состав Российской империи. В целом данный период достаточно хорошо освещен источниками, и это не оставляет балкарцам надежды на то, чтобы убедительно обосновать свои территориальные притязания ссылкой на исторические документы.

Как уже отмечалось, поначалу балкарский проект территориальной реабилитации апеллировал к границам начала марта 1944 г., а кабардинцы вспомнили об акте территориального размежевания, составленном специальной государственной комиссией в 1863 г. (Калмыков 1996. С. 67; Хамдохова 1997. С. 169; Smith 1998. Р. 90). Для кабардинцев важность этого акта заключалась в том, что, во-первых, возвращение к нему помогло бы им вернуть значительные земельные массивы, потерянные как в последние десятилетия Российской империи, так и в советское время, а во-вторых, он казался им надежным юридическим документом в постперестроенное время, когда все советское с катастрофической скоростью теряло свою легитимность. Поэтому кабардинские лидеры и историки объявили акт 1863 г. единственным в истории правовым обоснованием этнических границ между кабардинцами и балкарцами (Думанов 1991; Сохов 1991. С. 1; О результатах 1992; Гучев 1994. С. 19; Сокуров 1994. С. 38-40; Бабич 1994. Т. 2. С. 43, 50, 99-100; Карданов 1993. С. 25-27). Между тем балкарцам невозможно с этим согласиться, ибо иначе они потеряли бы добрую половину земель, которыми обладали к 1944 г., и вновь оказались бы зажатыми в высокогорных ущельях, плохо приспособленных для круглогодичного обитания. Последнее обрекло бы их на нищету и отсталость, в особенности учитывая тот факт, что бурные события XX в. навсегда лишили их традиционной хозяйственной системы (Атабиев 1994; Мизиев 1999).

Поэтому для обоснования своих земельных прав балкарские интеллектуалы обратились к весьма своеобразному документу, якобы созданному в начале XVIII в., где четко фиксировались границы между этнической территорией балкарцев и их соседями (Об итогах 1992; Бабич 1994. Т. 2. С. 244; Хутуев 1994. С. 255). Речь идет будто бы о случайной находке в фамильной башне Киркоковых, расположенной в с. Усхур в принадлежавшем балкарцам Хуламском ущелье. Первым об этом в 1895 г. сообщил балкарский просветитель, старшина Балкарского общества М. К. Абаев (1857—1928) (Абаев 1895), принимавший то-

гда активное участие в отстаивании балкарских прав на землю в их споре с кабардинцами. Однако если он сообщал об обнаружении одной каменной плиты (Абаев 1992. С. 13), то хороший знаток Северного Кавказа, землемер Терской области Н. П. Тульчинский писал уже о двух плитах с балкарскими надписями, выполненными арабским шрифтом. В одной из них якобы говорилось о разграничении балкарских земель и территорий, принадлежавших крымским ханам, с одной стороны, и русским властям, с другой. На другой плитке речь шла о более локальном земельном споре между местными крупными землевладельцами (Тульчинский 1903. С. 169). Вторая плитка сохранилась в Нальчикском музее и была обнаружена в 1950-е гг. известным советским кавказоведом и специалистом по местной эпиграфике Л. И. Лавровым (Лавров 1960. С. 97, 114-115). Однако ни Лавров (Лавров 1968. С. 50), ни изучавший эту надпись карачаевский лингвист С. Я. Байчоров (Байчоров 1982) не только не смогли дать ее полного литературного перевода, но и разошлись в том, земли какого владельца представляли предмет спора. Все это лишь свидетельствует о сложности такого рода документов, чтение которых иной раз оказывается не под силу даже специалистам.

Иной оказалась судьба другого документа. Его следов в музеях не оказалось, и в свое время Лавров посчитал, что речь идет об одном и том же документе, по-разному прочитанном разными авторами (Лавров 1968. С. 50). Вслед за ним эту версию воспроизвел в своей докторской диссертации и И. М. Мизиев (Мизиев 1991 а. С. 24-25). Позднее в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР была найдена копия этого документа с русским переводом текста. Однако остается неизвестным, кто перевел документ, кто снял с него копию и как она попала в московский архив. Между тем, в отличие от рассмотренной выше надписи, этот документ на удивление оказался хорошо читаемым, и на него опирался балкарский юрист Б. А. Шаханов, отстаивая в 1908 г. земельные права балкарских таубиев (Шаханов 1991. С. 149-150, 167). В документе якобы говорилось следующее: «Между кабардинцами, крымцами и пятью горскими обществами возник спор из-за земли. Пять горских обществ: Балкар, Бензенги, Хулам, Чегем и Баксан. Горские общества избрали Кайтукова Асланбека, кабардинцы Казаниева Жабаги, крымцы Сарсанова Баяна, и они сделали Тере — определили: с местности Татартюп до Терека, оттуда до равнины Кобана, оттуда до перевала Лескенского, оттуда до кургана Наречья, оттуда до Жамбаша и на Малку. Верхняя часть принадлежит пяти горским обществам.

С Ташкаласы (Воронцовка) до Татартюпа — владение крымское. От Таш-каласы вниз — владение русских. Свидетелями при этом были: из Крыма Агалар-хан, Отаров Отар; Отарова доставили горские общества. Писал Абдул-кади Халалов. Раджаб (месяц) в последних числах, в воскресенье 1127» (Шаханов 1991. С. 243).

Между тем не изученный никем из специалистов этот документ вызвал у кабардинцев вполне справедливые сомнения [28]. Ведь в указанное время (по разным авторам, между 1708 и 1715 гг. См.: Шаханов 1991. С. 243; Тульчинский 1903. С. 169; Абаев 1992. С. 13; Лавров 1960. С. 97; Байчоров 1982. С. 138), по утверждению кабардинцев, их предки вели едва ли не постоянные войны с крымскими ханами, а южные пределы России тогда еще не достигали Кавказа (Мальбахов, Дзамихов 1996. С. 204-209; Дзамихов 2001. С. 89-91). Кроме того, Асланбек Кайтукин был кабардинским князем, и было бы странным, если бы он представлял на переговорах балкарские общества. Кабардинец Жабаги Казаноко (1685—1750) был известен как его помощник и никак не мог выступать от имени другой стороны. В указанное время он был еще слишком молод, чтобы считаться авторитетом в столь серьезном споре. Что касается Агалар-хана, то в истории Крыма он неизвестен (Сокуров 1994. С. 41-42; Карданов 1993. С. 26), зато известен правитель Кази-Кумуха, Алагар-бек, умерший в 1858 г. На самом деле ситуация была еще сложнее, ибо сами кабардинцы тогда разделились на две враждующие партии — баксановскую и кашкатовскую. Именно первая владела Баксанским ущельем, а Асланбек Кайтукин был одним из руководителей второй. В начале XVIII в. первая партия поддерживала тесные отношения с крымцами, а вторая пыталась опираться на помочь России (Кокиев 1930. С. 78-79). Все это мало соответствовало содержанию приведенного выше документа.

Правда, в исключительном сообщении М. Абаева Агалар-хан назывался кумыком, а Отаров Отар отождествлялся со сванским князем Дадешкилиани. Поэтому в окончательном заключении балкарских участников спора о границах Балкарии Агалар-хан назывался дагестанцем, и утверждалось, что граница проводилась между Балкарией и Кабардой, хотя в документе фигурировали только горские (балкарские), крымские (но, как когда-то подчеркивал М. Абаев, формально земли кабардинцев числились собственностью крымского хана) и русские владения. Наконец, по этой новой версии, надпись была вырезана на каменной стене, а не на плитке (Журтубаев 1991. С. 7; Хутуев 1994. С. 255). Позднее И. М. Мизиев

утверждал, что она была нанесена на «межевую каменную плиту». Чтобы избежать уже возникшей путаницы, он произвольно датировал одну надпись 1709 годом, а другую 1715-м, не сообщая, что обе они имели одну и ту же дату — 1127 г. по хиджре (Мизиев 1998. С. 5, 84). Не сообщал он и того, почему в своей более ранней публикации он счел два этих документа за один и тот же письменный памятник, относившийся к 1715 г. (Мизиев 1991 а. С. 24-25. Рис. 2). Одним словом, имеются все основания с подозрением относиться к рассматриваемому «документу» и допускать факт фальсификации. Между тем, карачаевские ученые продолжают демонстрировать хуламскую плитку как свидетельство своей давней письменной традиции и документ для изучения традиционной социальной структуры (Малкондуев 2001. С. 47-49; Тебуев, Хатуев 2002. С. 128). Сведения об этой плитке даже попали в выпущенный недавно школьный учебник по истории Кабардино-Балкарии (Бекалдиев 2003. С. 86).

Любопытно, что в своей последней книге, стремясь обосновать максимальные пределы Балкарии в XVIII в., Мизиев утверждал, что «каких-либо узаконенных в документах границ между балкарцами и кабардинцами никогда не было». О хуле а мс кой находке он предпочел промолчать (Мизиев 1995. С. 54-57). Правда, в его посмертной публикации, отстаивавшей права балкарцев на спорные территории, снова упоминалась хуламская надпись как «серьезный исторический документ» (Мизиев 1999. С. 169-170).

Эта последняя из статей Мизиева интересна тем, что она окончательно открывает тайну его концепции. Ведь в очередной раз доказывая, что предки карачаевцев и балкарцев жили на Северном Кавказе с IV тыс. до н. э. и что кабардинцы появились там не ранее рубежа XV—XVI вв., он использовал эти построения для того, чтобы изобразить первых, безусловно, коренным населением, а последних — относительно недавними пришельцами. Это представлялось ему убедительным аргументом, позволявшим отстаивать права балкарцев на обширные территории лесистых предгорий, составлявшие предмет векового спора. И он доказывал, что балкарские земли простирались на север вплоть до Нальчика, и само название этого города он пытался связывать не с кабардинским, а с балкарским языком (Мизиев 1999. С. 146-148, 154-155, 170-171).

Как бы то ни было, идея о Балкарской Республике оказалась нереализованной. Социологический опрос населения в мае 1993 г. показал, что подавляющее большинство (87 % кабардинцев, 79 % балкарцев, 98 % русских) поддержало идею единства республики (Хамдохова 1997. С. 170). В ноябре 1994 г. власти Кабардино-Балкарии провели выборочный опрос населения, оформленный как референдум. В селах его проведения проживала лишь треть общего балкарского населения республики. Под определенным нажимом 95,7 % участников референдума высказались против разделения Кабардино-Балкарии и подписали воззвание о нелегитимности НСБН. После этого в ноябре 1994 г. был принят закон, по которому территория республики объявлялась неделимой, что должно было положить конец настроениям суверенизации. А 1 сентября 1997 г. была принята новая Конституция Кабардино-Балкарии, которая не только полностью исключала право народа на самоопределение, но даже не содержала упоминаний о «кабардинском народе» и «балкарском народе» как титульных этнических группах (Конституция 2001). По словам президента республики, это отражало принцип приоритета прав человека и гражданина независимо от национальности (Коков 1997).

Балкарские националисты усмотрели в таком решении дискриминацию и ушли в жесткую оппозицию к властям Кабардино-Балкарской Республики. Во второй половине 1990-х гг. они постоянно жаловались на ухудшение положения балкарского народа, и в их риторике звучали такие идеологемы, как «право народа на свою территорию», «балкарская государственность», «битва за собственный дом», «двуединая карачаево-балкарская нация». Они сетовали на замораживание реализации федерального Закона «О реабилитации репрессированных народов», на потерю балкарцами «правосубъектности титульного народа», на низкое представительство балкарцев во властных структурах, на нецелевое использование властями республики средств, выделенных на реабилитацию балкарского народа, на потерю балкарцами в ходе приватизации доступа к природным ресурсам и к приносящим большой доход предприятиям, лечебницам и туристическим организациям, расположенным на их этнической территории, на отсталость инфраструктуры в балкарских районах и высокую безработицу среди балкарцев (Городецкая 1996; Коваленко, Ибрагимбейли 1997; Обращение 1998; Музав 1999. С. 124; Червонная 1999. С. 26; Джаппуев и др. 2001). Наконец, по словам балкарского лидера, Председателя Государственного Совета Балкарии Р. Джаппуева, балкарцев задевало то, что официальные представители власти перестали называть их «балкарским народом» и начали включать в категорию «кабардино-балкарцев» или использовали термин «балкарское население». Балкарцы видели в этом опасный знак, сигнализирую-

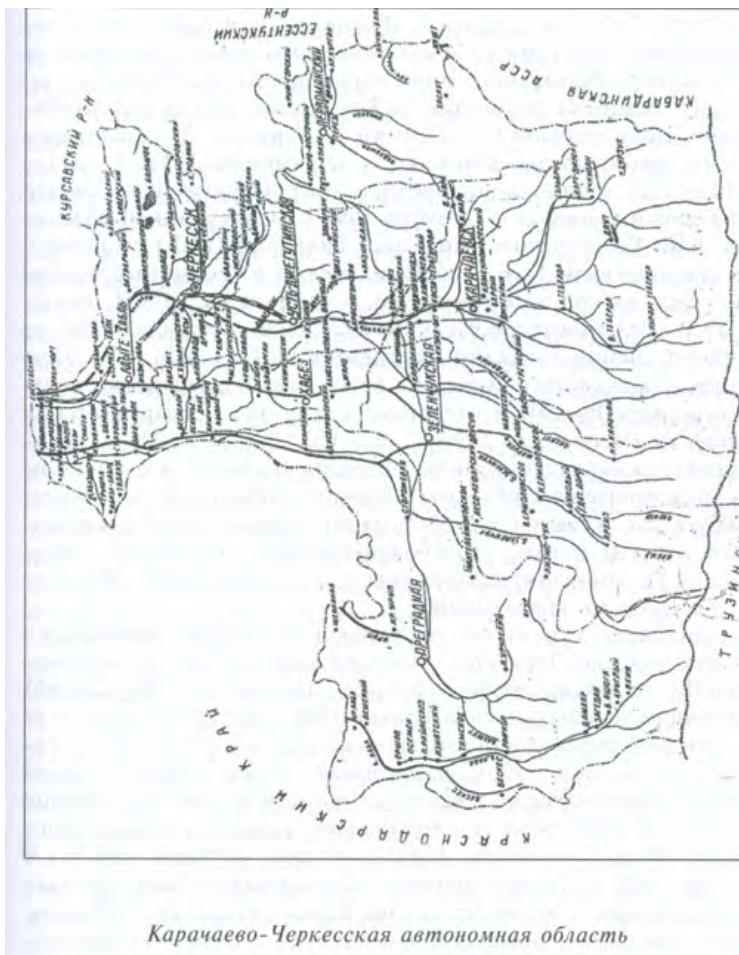
щий о начале наступления против их собственной идентичности и превращение их в «политического изгоя и нищего на своей земле» (Джаппуев 1997; 1999; Джаппуев и др. 2001).

Между тем к середине 1990-х гг. республиканская власть усилила свои позиции и отказалась от обещаний, данных в начале 1992 г. Правда, некоторые меры по реабилитации балкарского народа были приняты: например, указом президента от 25 марта 1994 г. был учрежден «День возрождения балкарского народа» (28 марта), объявленный нерабочим, а в 2002 г. в Долинске был открыт мемориал жертвам политических репрессий (Зумакулов 2001. С. 6; Бекалдиев 2003. С. 289). Однако об образовании Балкарской Республики былоочно забыто, а те балкарские движения и организации, включая НСБН, которые продолжали на этом настаивать, подвергались гонениям. Балкарцы вновь подняли вопрос об образовании Балкарской Республики на съезде балкарского народа 17 ноября 1996 г., где был даже избран Государственный совет. Его возглавил отставной генерал-лейтенант С. У. Беппаев, бывший (с 1991 г.) командующий Закавказским военным округом, уволенный в запас после скандала, связанного с передачей Грузии запасов советских вооружений (Городецкая 1996). После съезда лидеры балкарского движения были обвинены в экстремизме, и все формальные балкарские организации были распущены. Тогда 18 ноября 1996 г. с помощью ОМОНа был разгромлен Общественно-политический центр балкарского народа и запрещена деятельность НСБН, общественно-политического объединения «Тере», Союза женщин Балкарии, Совета старейшин. В следующем году был закрыт печатный орган «Тере», газета «Балкарский форум». Многие руководители балкарского движения были арестованы и привлечены к суду (Гритчин 1997; Червонная 1999. С. 44-46, 50; Думанов 2001 б. С. 283-285; Кучмезова 2001. С. 209-212; Аккиева 2002. С. 285-286; Бегидов 2003. С. 59; Cornell 2001. Р. 267). Обстановка накалилась до предела, и, по словам С. У. Беппаева, казаки Пятигорска и отряд из представителей репрессированных народов Северного Кавказа готовы были оказать балкарцам вооруженную помощь. Регион оказался на пороге серьезного вооруженного конфликта. В этих условиях Беппаев решил не рисковать и, заручившись поддержкой президента В. М. Кокова, выступил 28 ноября по местному телевидению с заявлением об отказе от решений недавно прошедшего съезда балкарского народа (Червонная 1999. С. 49).

В итоге балкарское движение оказалось расколотым и потеряло поддержку значительной части балкарской элиты (Аккиева 2002. С. 284). Другая часть чувствует себя обделенной и представляет нынешнюю ситуацию как превращение Кабардино-Балкарии демократическим путем в «реальную Кабарду», где отныне власть будет навсегда в руках кабардинцев (Джаппуев 1999; 2002; Червонная 1999. С. 40-41) [29]. Справедливости ради следует отметить, что еще в апреле 1996 г. судом была приостановлена деятельность Конгресса кабардинского народа.

После переизбрания 12 января 1997 г. президента В. М. Кокова на новый срок власти Кабардино-Балкарии подчеркнуто отмежевывались от поддержки каких бы то ни было этнических движений и делали ставку на единство «народа Кабардино-Балкарии» и нерушимость границ республики. На эти цели была направлена вся пропагандистская машина, и в своих выступлениях высшие государственные чиновники старались делать акцент на исторических фактах, способных сплотить местные народы в единую нацию [30]. Именно по этой причине создатели новой конституции республики, принятой 1 сентября 1997 г., сознательно не включили в нее названия отдельных этнических групп. Большую роль сыграло и назначение председателем Кабинета министров Х. Д. Чеченова, пользующегося высоким авторитетом у балкарцев.

Между тем в марте 1998 г. бывшему председателю НСБН С. У. Беппаеву при поддержке властей КБР удалось восстановить балкарское национальное движение под вывеской Общественной организации балкарского народа «Малкъар Ауазы» (Голос Балкарии) (Червонная 1999. С. 50; Аккиева 2002. С. 287).

Карачаево-Черкесская автономная область

По словам Р. Джаппуева, он был переквалифицирован властями из «балкарского национал-экстремиста» в «главного балкарского миротворца, вождя и объединителя». Вокруг Беппаева группируются в основном балкарские чиновники, мобилизованные властями КБР на борьбу с «балкарскими национал-экстремистами» (Кучмезова 2001. С. 213-214). Этой организации противостоит избранный на съезде балкарского народа 17 ноября 1996 г. запрещенный властями КБР Государственный Совет Балкарии (ГСБ) во главе с Р. Джаппуевым. ГСБ не оставил мечты о создании суверенной балкарской автономии, но, в отличие от НСБН, включает и представителей русского населения, составляющего до 30 % населения Балкарии (Кучмезова 2001. С. 208). При этом лидеры балкарского движения неизменно подчеркивают свою лояльность России и отвергают какие-либо сепаратистские проекты (Червонная 1999. С. 92-93). В марте 2005 г. представители балкарской интеллигенции обратились с письмом к представителю Президента России в Южном федеральном округе Дм. Козаку с жалобой на дискриминацию балкарцев. Это говорит о том, что обозначившийся на рубеже 1980—1990-х гг. конфликт продолжает тлеть и полумерами 1990-х гг. его отнюдь не упразднили.

Не менее динамично политический процесс происходил и в Карачаево-Черкесии. Многолетние требования о повышении ее политического статуса (Перечень 1989. С. 165) получили успешную реализацию в 1990—1991 гг. С весны 1989 г. там действовало национально-культурное общество «Джамагъят» (Сообщество), важнейшей целью которого было восстановление карачаевской автономии в границах ноября 1943 г. В 1989—1990 гг. ему удалось собрать в пользу этого более 70 тыс. подписей. На II конгрессе народов Карабая 9 июня 1990 г. по инициативе «Джамагъата» была принята «Декларация о провозглашении Карачаевской республики». Под влиянием этого сугубо символического акта Чрезвычайный съезд карачаевских депутатов всех уровней принял 17 ноября 1990 г. «Декларацию о государственном суверенитете Карачаевской республики». Между тем тогда же Совет народных депутатов КЧАО вынес решение о провозглашении КЧАО Советской Социалистической Республикой. А 3 июля 1991 г. Карачаево-Черкесская автономная область вышла из состава Ставропольского края и объявила себя Карачаево-Черкесской республикой (КЧР) в составе РСФСР (Червонная 1999. С. 36). Это было узаконено Указом

Президента РСФСР Б. Н. Ельцина, и в декабре 1992 г. ее новое название получило официальное подтверждение.

Однако лидеры «Джамагъата» усмотрели в этом отвлекающий маневр, предпринятый местными чиновниками для сохранения своей власти. В марте 1991 г. общество «Джамагъат» было преобразовано в карачаевскую организацию «Демократический Джамагъат», одним из сопредседателей которой стал уже известный нам профессор К.Т. Лайпанов. Подобно балкарцам, карачаевцы восприняли Закон «О реабилитации репрессированных народов» как признание их права на восстановление своего национально-государственного образования (Лайпанов, Костинский 1992; Goldenberg 1994. P. 205). Поэтому в июле 1991 г. лидеры «Джамагъата» инициировали созыв Чрезвычайного съезда карачаевского народа, провозгласившего воссоздание суверенной Республики Карабай (РК) в границах 1943 г. и сформировавшего Национальный совет как Временное правительство РК. В ноябре 1991 г. впервые за все советские годы была отмечена скорбная годовщина депортации 1943 г. Торжественный митинг на площади Свободы в Карачаевске перерос в бессрочную демонстрацию, заставившую очередную сессию Областного совета КЧР объявить 3 декабря 1991 г. о разделении республики на две самостоятельные автономии — Карачаевскую и Черкесскую. В соответствии с этим решением президент Б. Н. Ельцин направил 5 февраля 1992 г. в Верховный Совет РФ законопроект о восстановлении Карабаевской республики. Однако, предвидя свое поражение при таком развитии событий, власти КЧР добились отсрочки рассмотрения этого законопроекта (Червонная 1999. С. 37).

Чтобы его полностью заблокировать, они включили в состав «субъектообразующих народов республики» помимо карачаевцев и черкесов также абазин, ногайцев и русских (Алиева 1993 а. Т. 3. С. 389-290). Это привело к цепной реакции суверенизации, и к началу 1992 г. различными местными этническими группами были провозглашены пять республик и три автономии (Обращение 1992; Смирнова 1993. С. 19-21; Музаев 1999. С. 141; Goldenberg 1994. P. 206; Smith 1998. P. 89). В республике назревали межэтнические конфликты, грозившие тяжелейшими последствиями. Поэтому местные власти поспешили провести 28 марта 1992 г. референдум, показавший, что подавляющее большинство населения (78,6 %) не поддерживало расчленение республики по этническому признаку. Правда, установка на единство республики не нашла отклика в районах традиционного расселения карачаевцев и русского казачества; не было единогласия и в г. Карабаевске (Опрос 1992). После этого «Демократический Джамагъат», не признавший результатов референдума, организовал несколько митингов протеста. Но с укреплением республиканской власти, поддержанной федеральным центром, радикальное крыло карачаевского национального движения потеряло массовую поддержку, а его умеренные лидеры отказались от планов восстановления карачаевской автономии. Ельцину пришлось отзывать назад свой законопроект, и сегодня мало кто из карачаевцев верит в возможность восстановления своей республики (Музаев 1999. С. 135-137; Червонная 1999. С. 38-39).

Проект «карачаево-балкарского единения» требовал своего идеологического оформления. Поэтому в 1990-х гг. карачаевские и балкарские интеллектуалы и политические лидеры всячески культивировали среди своих народов «аланское» самосознание, полагая, что это будет способствовать их консолидации. В выходившей в 1991 — 1996 гг. газете «Балкарский форум» декларировалось, что она публикуется «на русском и карачаево-балкарском (аланском) языках». В 1990 г. известный карачаевский филолог С. Я. Байчоров создал малое предприятие «Карачаевский институт памятников письма и языка» (вскоре он был переименован в Карачаевский институт-музей эпиграфики «Сослан») и с 1993 г. выпускал в Карабаевске историко-филологический вестник под названием «Алания». Там он из номера в номер публиковал свою монографию «Карачай в тысячелетиях», доказывая, что основными предками карачаевцев и балкарцев были аланы и булгары, а вовсе не половцы (Байчоров 1993 а; 1993 б).

В начале 1990-х гг. в Кисловодске карачаевцы создали культурное общество «Алан», занимающееся возрождением народных традиций. С 1998 г. в Москве выходит популярный карачаево-балкарский журнал «Ас-Алан», который выпускает карачаевский поэт, сопредседатель «Демократического Джамагъата» Билал Лайпанов. 14 марта 1998 г. в Черкесске под руководством главы строительного треста Карабаево-Черкесии А. А. Катчиева была создана Межрегиональная карачаевская ассоциация «Алан», призванная представлять интересы карачаевского народа. В нее вошли «Джамагъат», общественно-политические организации «Шохлукъ» и кисловодский «Алан», московская Лига карачаевского народа, Фонд развития и реабилитации карачаевского народа «Алания» и ряд других организаций (Абдуллаев 1998; Червонная 1999. С. 59-60). 6 января 2001 г. она объединилась с организацией балкарского народа «Малкъар Ауазы» в Межрегиональную общественно-политическую организацию «Алан» для со-

вместного решения общих проблем (Музаев 1999. С. 138; Губогло, Сохроков 2001. С. 293-297). Одной из задач новой организации значилось «восстановление объективной истории наших народов» (Аккиева 2002. С. 288). Наконец, на своем съезде в Нальчике 25 мая 2002 г. карачаевские и балкарские активисты объединились с дигорскими и образовали единую общественную организацию «Алан» во главе с Беппаевым, причем и он, и остальные лидеры этого движения умело демонстрируют свою лояльность местным властям. Поэтому этот съезд получил тогда поддержку президента Кабардино-Балкарии В. М. Кокова и президента Карачаево-Черкесии В. М. Семенова, друга и соратника Беппаева.

Аналогичным образом организованное в конце 1989 г. черкесами общество «Адыгэ Хасэ» вначале ставило своей задачей прежде всего воссоздание этнокультурного единства всех адыгов. В ответ на автономистские устремления карачаевских лидеров руководители черкесского и абазинского национальных движений объявили осенью 1991 г. о своих намерениях также бороться за автономию своих народов. Большую активность проявили и казаки Краснодарского края, выступившие с требованием создать на основе Зеленчукского и Урупского районов Зеленчукско-Урупскую республику, вывести ее из состава Карачаево-Черкесии и передать соседнему Краснодарскому краю [31]. Летом 1992 г. на этой почве происходили стычки между казаками и местной милицией (Алиева 1993 а. Т. 3. С. 268; Леонтьева 1992; Смирнова 1993. С. 20). Подъем таких настроений пришелся на 1994 г., когда стало ясно, что ключевые посты в республике оказались в руках карачаевцев. Ростом влияния карачаевцев в республике обеспокоились прежде всего казачьи круги и местное общество «Русь». На своем съезде 9 июня 1994 г. они призывали к введению атаманского правления, а депутат от КЧР в Совете Федерации РФ Стригин заявил, что карачаевский народ обречен на полное уничтожение. У карачаевцев это вызвало бурю возмущения, и для предотвращения нежелательных эксцессов в Черкесск были введены войска. Тем не менее антикарачевские лозунги звучали и на новом съезде общества «Русь» 9 января 1995 г. (Лайпанов и др. 2001. С. 180-181).

В декабре 1994 г. по инициативе черкесских радикалов собрался I съезд черкесского народа, заявивший о невозможности оставаться вместе с карачаевцами в одной республике и необходимости воссоздания Черкесской АО в составе Ставропольского края. Тогда же свои претензии на автономию вновь высказали абазины и ногайцы. Однако к лету 1995 г. эти настроения резко пошли на убыль (Музаев 1999. С. 138-139; Лайпанов и др. 2001. С. 181).

Быстрое увеличение числа карачаевцев среди высших должностных лиц республики воспринимается с неудовольствием остальными ее жителями, и прежде всего русскими, господствовавшими во властных структурах в советское время (Музаев 1999. С. 140). Сложность политической ситуации усугублялась тем, что главой республики долгие годы оставался бывший советский чиновник, карачаевец В. И. Хубиев, назначенный на эту должность президентом Ельциным, а не избранный свободным волеизъвлением народа. Окружив себя доверенными лицами, Хубиев не только тормозил все реформы, но делал все возможное, чтобы не допустить к высшим органам власти черкесов. Так, в 1997 г. в борьбе против растущего влияния черкесского бизнесмена С. Э. Дерева Хубиев даже был готов поддержать планы местного славянского движения «Русь», потребовавшего, чтобы мэром Черкесска мог быть только русский по национальности (Леонтьева 1997). Тем не менее Дерев эти выборы выиграл.

16 мая 1999 г. в Карачаево-Черкесии состоялись первые демократические выборы президента республики, за место которого соперничали бывший советский генерал, советник Министерства обороны РФ, карачаевец В. М. Семенов, и мэр Черкесска, черкесский бизнесмен С. Э. Дерев. Они проходили в драматической борьбе, накал которой определялся апелляцией обеих сторон к этническим идеям и символам. Борьба шла за русский электорат, и немалую роль в победе Семенова сыграло запугивание русских избирателей идеей «Великой Черкесии», чем искусно пользовался его штаб, настраивая людей против его соперника. Взрывоопасная ситуация, создавшаяся после выборов, когда лидеры черкесов и абазин открыто призывали к пересмотру результатов голосования, неповиновению властям и «возвращению в родной Ставропольский край», была преодолена с огромным трудом (Червонная 1999. С. 62-88; Шерматова 1999 а; Панов 1999; Языкова 1999). Между тем некоторые обозреватели тогда полагали, что пассивность федеральной власти и ее нежелание принять радикальную административную реформу может в дальнейшем привести к распаду Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (Балытников 1999).

Однако этого не произошло. Напротив, 31 августа 2003 г. в Карачаево-Черкесии прошли новые выборы президента, и на них незначительным большинством голосов победу одержал глава Управления Центробанка РФ по республике М. Батдыев. При нем на проходивших в марте 2004 г. выборах в На-

циональное собрание республики карачаевцы получили там абсолютное большинство. Похоже, власть генералов на Северном Кавказе заканчивается и им на смену приходят бизнесмены, лучше подготовленные к руководству республиками в условиях рыночных отношений. Все же по экономическим показателям КЧР значительно отстает от других республик РФ: она дотируется из федерального бюджета на 90 %, безработица там составляет 57 %, а зарплаты отличаются самым низким уровнем в РФ.

Приход к власти нового президента не привел к стабильности. В октябре-ноябре 2004 г. республика вновь была взбудоражена в связи с убийством семи бизнесменов-карачаевцев на даче А. Каитова, зятя президента. Преступление произошло из-за передела собственности, и 9 ноября люди даже захватили Дом правительства, требуя, чтобы Батдыев ушел в отставку. Федеральным властям потребовалось немало усилий, чтобы восстановить спокойствие в республике.

Глава 7. Тюркизация древней истории

На фоне рассмотренных выше политических перемен, происходивших во второй половине 1980-х – 1990-х гг., из среды ученых-ревизионистов выделилось радикальное крыло. Если умеренным ревизионистам было достаточно разделить аланс на тюркоязычных и ираноязычных, то радикалы попытались вовсе очистить древнюю историю Северного Кавказа и евразийских степей как от ираноязычия, так и в целом от каких бы то ни было следов индоевропейцев. Более других на этой ниве потрудился балкарский археолог из Нальчика И. М. Мизиев (1940–1997). Уроженец балкарского села Нижний Чегем, в детстве он испытал все ужасы депортации. По возвращении на родину он сумел в 1963 г. закончить отделение истории историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. Затем он прошел курс аспирантуры в московском Институте археологии под руководством известного археолога-кавказоведа Е. И. Крупнова и сделал немало полезного для развития археологии в Кабардино-Балкарии. Попав в 1978 г. в автомобильную катастрофу, Мизиев получил тяжелую травму позвоночника и был парализован. Но, будучи человеком энергичным, он в начале 1980-х гг. занялся широкими теоретическими изысканиями, связанными с коренным пересмотром ранней истории балкарцев и, шире, тюркских народов. О тюркоязычии аланс он задумывался и раньше. Еще в 1971 г. на представительной научной конференции в Орджоникидзе он сделал робкую попытку высказаться в пользу тюркоязычия части аланс (Мизиев 1975) [32], но получил сюровую отповедь от одного из ведущих советских востоковедов (Алиев 1975. Об этом см.: Кузнецов, Чеченов 2000. С. 94). Мизиева это ничуть не смущило, и он начал разрабатывать свой собственный ревизионистский подход. Вначале он озвучивал свои идеи в местных газетах, публикуя там размышления о вновь вышедших книгах по интересующим его проблемам (Мизиев 1983 б; 1984 а; 1984 б; 1986 б; 1988 а; 1988 б; 1988 в; 1989 а; 1989 б; 1994), а затем выступил с изложением развернутой теории в ряде собственных книг (1986 а; 1990; 1991 б; 1995 а; 1995 б; 1996).

Любопытно, что для защиты своих неортодоксальных взглядов Мизиев сознательно использовал атмосферу открытости, принесенную перестройкой. Он апеллировал к «творческому марксизму-ленинизму», подхватывал призывы к борьбе со схоластикой, объявлял непримиримую войну конъюнктуре и пытался опираться на новую Программу КПСС, как будто она помогала решать жгучие проблемы происхождения народов Северного Кавказа. Стремясь придать особую значимость такой тематике, он писал о том, что «речь идет об этнической истории, имеющей важное массово-патриотическое и идеально-воспитательное значение в общей проблеме формирования нового человека коммунистического общества» (Мизиев 1986 б. См. также: Мизиев 1986 а. С. 14). В ответ на выраженные академиком-секретарем Отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинским опасения по поводу расцвета этноцентристских взглядов, включая пантюркистские (Тихвинский 1986), Мизиев с еще большим рвением выступил ярым адвокатом этноцентристского подхода. Защищая его, он взывал к авторитету КПСС и лично М. С. Горбачева и демагогически заявлял о том, что в науке не может быть «запретных тем» (Мизиев 1990. С. 52-54, 99).

Следует отметить, что определенные причины опасаться у Мизиева имелись. Ведь развернутая в 1976–1977 гг. против казахского писателя О. Сулейменова кампания (Diat 1984) была однозначно воспринята тюркскими интеллектуалами как направленная против тюркского свободомыслия (см., напр.: Лайпанов, Мизиев 1993. С. 6). Однако, как и тогда, речь шла вовсе не о «запретных темах», а о ненаучных подходах. Мизиев призывал не лгать путем сознательного замалчивания фактов (Мизиев 1983), но

под «фактами» он нередко понимал непрофессиональные интерпретации истории, сделанные средневековыми авторами, или ошибочные суждения ученых XIX — начала XX в. (см., напр.: Мизиев 1988 а; Мизиев 1990. С. 56; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 11-12, 49), давно опровергнутые и отброшенные наукой. Именно с этих позиций он вступил в отчаянную борьбу с профессиональной иранистикой и индоевропеистикой. При этом он брал себе в союзники азербайджанских и других тюркских ревизионистов (Мизиев 1990. С. 40, 46; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 15-16, 43, 117-118) [33]. В особенности он находился под впечатлением концепции татарского филолога-ревизиониста М. З. Закиева (Закиев 1986) [34], многие положения которого он использовал в своих работах.

Отправным пунктом для Мизиева стала критика теории, связывающей население восточноевропейской степи эпох бронзы и раннего железа с индоиранскими и иранскими общностями [35]. Отрицая эту теорию, он обвинял ее в империализме, европоцентризме и сознательном принижении наследия азиатских и, конкретно, тюркских народов, которых она будто бы отлучала от наследия созданных их предками древних культур и цивилизаций (Мизиев 1990. С. 51, 124; 1991 а. С. 82-83, 87-89; 1996. С. 130-153; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 3-6). Иными словами, Мизиев изначально исходил из вненаучных соображений, ставших основой его исторических построений. Он искренне недоумевал, почему лингвисты и археологи, описывая древности эпох неолита и бронзы степей Восточной Европы и Сибири, писали исключительно об индоевропейцах и не находили там места тюркам, занимавшим по своей численности второе место в бывшем СССР (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 5-6). Тем самым еще до проведения каких-либо исследований Мизиев уже был уверен в необычайной древности тюркского языка и тюркской культуры, доказательством чего он занимался.

Вкратце его теория состояла в следующем. Вслед за казахским поэтом О. Сулейменовым (Сулейменов 1975) он объявлял тюрками шумеров и приписывал тюркам создание разнообразных культур бронзового и раннего железного века от майкопской до пазырыкской. Тем самым среди тюрков оказывались скифы, сарматы и аланы. По мнению Мизиева, уже древнейшая «курганная культура» эпохи энеолита — ранней бронзы была создана тюрками: «Древнейшая история прототюркских илиprotoалтайских племен начинается с появления курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка» (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 28). Праордину тюрков он помещал в Волго-Уральском междуречье (Мизиев 1990. С. 42; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 14-15, 17 и след.; Журтубаев 1991. С. 4), откуда они будто бы расселились по степной зоне, а затем двинулись через Закавказье в Переднюю Азию (Мизиев 1990. С. 19-31; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 42-45). Таким образом, хотя Мизиев и не считал тюрков исконными обитателями Передней Азии, они, по его мнению, пришли туда достаточно рано (в III тыс. до н. э.) и, безусловно, предшествовали индоиранцам (Мизиев 1990. С. 43-46).

Отмечу, что в свое время учитель Мизиева Крупнов резко возражал против аналогичных построений турецких археологов, справедливо видя в них наследие пантюркизма, не лишенное экспансионистских устремлений (Крупнов 1961. С. 12). Однако для Мизиева, как и для его сторонников, такие идеи имели совершенно иной смысл. Они были направлены против традиционного как для дореволюционной, так и для советской науки принижения наследия тюркских народов и отождествления их исключительно с дикими кочевниками, якобы несшими с собой только отсталость и разрушения (см., напр.: Третьяков 1953. С. 48-49; Потапов 1957. С. 17-19) [36]. Этот подход нашел отражение даже в азербайджанских учебниках истории, изданных в советское время (Шнирельман 2003. С. 189). Реакцией на него и стали ревизионистские построения, в которых находил выход копившийся годами протест против негативного изображения средневековых тюрков (см., напр.: Лайпанов, Мизиев 1993. С. 116; Ахматов, Койчуев, Лайпанов 1997. С. 74; Джубаев 2001. С. 518).

Стремясь реабилитировать тюрков, Мизиев подчеркивал, что они с глубочайшей древности существенно влияли на ход мировой истории и внесли неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации. Он особенно настаивал на наличии у них древнейшей государственности, выражал удовлетворение возникновением новых тюркских государств на развалинах СССР и выказывал досаду тем, что еще не все тюркские народы мира обрели свою государственность (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 8-9). Все такого рода рассуждения открывают подлинный источник раздражения, вызываемого у Мизиева индоевропейской теорией, якобы призванной узаконить и увековечить «русскую экспансию» [37].

На что же опирался автор в своих построениях? В целом он использовал традиционные археологические, лингвистические и этнографические методы, к которым прибегает любой исследователь этногенеза. Весь вопрос в том, как Мизиев это делал. Не имея специальной лингвистической подготовки,

он прибегал к языковым сопоставлениям, даже не задумываясь о динамическом характере языкового процесса. Иными словами, он игнорировал одно из основных требований сравнительно-исторического языкознания о необходимости выделения хронологических языковых пластов, реконструкция которых обязательно должна предшествовать каким бы то ни было сравнениям. В противном случае велика вероятность случайных совпадений, и сравнительный анализ утрачивает какой-либо смысл. Впрочем, Мизиев просто плохо знал лингвистические материалы. Например, он утверждал, что у осетин не было своего термина для «моря» (Мизиев 1991 б. С. 86. См. также: Джуртубаев 1991. С. 244). Между тем такой термин, и даже не один, у них имелся, и он хорошо увязывался с индоевропейской терминологией в целом (Абаев 1949. С. 47; Иванов 1987. С. 40).

Тот же неисторический подход Мизиев демонстрировал и при анализе этнографических данных. В частности, он не отличал общих черт, характерных для хозяйствственно-культурного типа, от языковых и чисто этнических культурных явлений (Мизиев 1991 в. С. 135). Следуя крайнему примордиалистскому подходу, он верил в жесткую привязку определенных культурных элементов к строго определенному этническому (в данном случае тюркскому) массиву и писал о «специфических особенностях извечной традиционной культуры исключительно тюркских племен и народов» (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 51). В частности, он настаивал на том, что использование в пищу конины и кумыса является исконной и постоянной особенностью тюркской культуры. В этом он видел одно из важных доказательств тюркоязычия скифов и резкого отличия от них ираноязычных осетин (Мизиев 1986. С. 51-55; 1990. С. 38-39, 55; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 12). Между тем на этом основании ему бы следовало отлучить от тюрков литовских татар, а также турок, которым как правоверным мусульманам запрещено питаться кумысом и кониной (Насыфи 1927. С. 149; Еремеев 1990 б. С. 116).

Мизиев наделял пратюрков европеоидным обликом, заявляя, что они приобрели монголоидность при передвижении на восток, смешиваясь с местным населением (Мизиев 1990. С. 42; 1991. С. 152-153; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 13). В его концепции находилось место и для утверждения о неразрывной связи этноса, языка, культуры и генетического типа. Из этого делался парадоксальный вывод о том, что все тюркские народы Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири являлись потомками древних европеоидных племен (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 35). Впрочем, Мизиева не особенно заботила логическая стройность его концепции, и в подтверждение «туркоязычия» скифов он ссылался на их «монголоидные черты», отмеченные якобы еще Геродотом (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 48).

Отчетливо понимая трудности этнической атрибуции археологических культур, Мизиев все же полагал, что их можно преодолеть, опираясь на данные о погребальном обряде, считающемся многими археологами, прежде всего учителем Мизиева Е. И. Крупновым (Крупнов 1967. С. 29-31), одним из наиболее консервативных элементов культуры (Мизиев 1986. С. 137; 1991 б. С. 137, 146; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 20) [38]. Для него это было одним из главных оснований для отнесения создателей курганных захоронений к тюркам. Спрашивается, как же тогда быть со славянскими курганами? Неужели Мизиев и их отнес бы к тюркскому наследию? Как бы то ни было, на словах сознавая сложности отождествления археологической культуры с языковой общностью, на деле он руководствовался весьма сомнительной установкой на жесткую связь между этносом и отдельно взятыми культурными элементами, либо же их комплексом, который с не меньшим основанием можно было бы объяснить особенностями хозяйственно-культурного типа. И не случайно в лексике Мизиева как заклинание неизменно звучал заимствованный у В. И. Абаева (Абаев 1967. С. 15) термин «этнокультурный паспорт». Другим методом, на который он делал ставку, являлся ретроспективный обзор источников, позволявший, по его мнению, безошибочно судить об этнокультурной истории (Мизиев 1990. С. 38; 1991 б. С. 139). Ссылаясь на этот метод, он отмечал археологическую преемственность от ямно-афанасьевского культурного пласта до скифской, сарматской и гуннской культур и реконструировал тюркоязычие в степной зоне по меньшей мере с мезолита (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 20, 27, 32). Как же он объяснял исторически зафиксированные перемещения тюркских племен из Азии в Европу? Для него это было попятным движением с «вторичной прародины», вызванным таким мистическим, иррациональным фактором, как «тяга к древней прародине и историческая память» (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 26-27, 91, 115).

Если верить Мизиеву, то тюрки были «одним из древнейших этносов на земле», создателями древнейших цивилизаций Старого Света. Он доказывал, что этноним «турк» возник «не позднее неолита» (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 114; Мизиев 1996). Именно творческой активности тюрков мир обязан важнейшими культурными достижениями; в частности, им приписывались все достижения шумерской культуры [39]. Древние тюрки якобы оказали огромное стимулирующее влияние на развитие ранне-

средневековой Европы. В особенности Мизиев настаивал на прогрессивности гуннского завоевания, которое если что и разрушило, то «реакционные общественные системы», принеся Европе «передовые культурные достижения» (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 91-92. См. также: Байрамкулов 1993). А один из современных последователей Мизиева пишет: «Тюрки не являются завоевателями Малой Азии, а освободителями земли прототюрков» (Джубуев 2001. С. 516). Иными словами, как неоднократно отмечалось исследователями (Breckenridge, van der Veer 1993), постколониальный дискурс использовал прежние колониальные категории, придавая им прямо противоположное значение.

В то же время Мизиеву были не чужды и некоторые евразийские идеи, в частности об «этническом родстве» тюрков со славянами (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 116-117). Не забывал он и Кавказ. По его утверждению, являясь прямыми потомками скифов, карачаевцы и балкарцы были исконными носителями нартского эпоса, и именно у их предков его заимствовали другие северокавказские народы (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 61-66; Мизиев 1994). Одновременно Мизиев утверждал, что «туркоязычные кавказцы» сформировались 5000 лет назад, когда они, по его мнению, уже населяли верховья р. Баксан, район Шалушки и территорию Нальчика. Они будто бы и стали основой для возникновения карачаевцев и балкарцев (Мизиев 1992; 1996. С. 206; Лайпанов, Мизиев 1993. С. 39-42). Впрочем, это не мешало ему датировать сложение «карачаевско-балкарской народности» VIII—X вв., в чем, полагал он, участвовали аланы, булгары, хазары и автохтонные кавказские горцы, очевидно, те самые «туркоязычные» (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 97). Остается неясным, как эта «народность» соотносилась с аланами, единственными исторически зафиксированными обитателями Центрального Кавказа в указанный период. Впрочем, больше она в книгах Мизиева не встречалась, и на их страницах живут одни лишь «туркоязычные аланы», которые успешно строят города и пользуются оригинальной письменностью (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 113).

Подобно любым этноцентристским построениям, концепция Мизиева не лишена двойного стандарта. Если основной тюркский массив, по его теории, обладал исконной оригинальной культурой, не замутненной какими-либо внешними заимствованиями, то некоторые из их маргинальных групп подверглись сильному влиянию на Северном Кавказе и сменили культуру и язык. Вот почему, на его взгляд, некоторые нетюркские народы Северного Кавказа также имеют право возводить себя к аланам (Мизиев 1986. С. 137. См. также: Байрамкулов 1995. С. 198).

Схема, созданная Мизиевым, носит все характерные черты этноцентристского этногенетического мифа (Шнирельман 1995). Это — стремление объявить тюрков одним из древнейших этносов на земле, а их язык одним из древнейших языков мира; утверждение об их исконном обитании в Восточной Европе и их изначальной европеоидности; попытка приписать тюркам наследие таких известных древних народов, как шумеры, скифы, сарматы и др.; изображение древних тюрков культуртрегерами, завоевателями и создателями великих государств, облагодетельствовавшими мир и сделавшими весомый вклад в развитие многих народов Европы. По теории Мизиева, тюрки оказывались едва ли не древнейшими обитателями Кавказа, их потомки карачаевцы и балкарцы становились носителями «чистого тюркского физического и этнокультурного типа», ко времени создания Аланского царства они уже были консолидированной народностью, обладали рунической письменностью и, следовательно, становились естественными строителями и правопреемниками аланской государственности. Неоднократные ссылки Мизиева на современное этнополитическое положение тюркских народов (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 8-9, 118) вскрывают истинный подтекст его построений, призванных излечить многих из них от комплекса неполноценности, от чрезмерного преклонения перед западной цивилизацией и заразить их творческой энергией, ссылаясь на славные деяния предков.

Сам И. М. Мизиев так объяснял свои мотивы: «Ущемление историко-культурного самосознания дает несравненно больше негативных последствий, нежели экономические, бытовые и прочие неурядицы. Ничто не сближает так прочно людей и народы, как правдивые, справедливые взаимоотношения, взаимное уважение к прошлому и настоящему народов, и ничто так не отлучает их друг от друга, как несправедливость и ложь, какой бы сладкой она ни казалась» (Мизиев 1991 б. С. 82-83; 1992). Эти вполне справедливые слова, разумеется, не мешали самому Мизиеву развивать самые фантастические версии древней тюркской истории [40].

В 1995 г. И. М. Мизиеву было присвоено звание заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарии, и его этноцентристские построения имеют сегодня огромную популярность среди балкарцев и карачаевцев (см., напр.: Лайпанов 1998. С. 145. Об этом см.: Червонная 1999. С. 142-143, примеч. 48). В частности, их охотно воспроизводит московский журнал «Ас-Алан» (Мизиев 1998; Джубуев 2001). Все

это свидетельствует о большом общественно-политическом резонансе, который этноцентристские версии этногенеза получают в отдельных республиках. Мизиев весьма энергично пропагандировал свои взгляды в местных газетах Кабардино-Балкарии (об этом см.: Чеченов 1990. С. 148), и у него нашлось немало единомышленников среди профессиональных лингвистов, фольклористов и историков — таких как, например, карачаевец К. Т. Лайпанов (специалист по истории СССР) и балкарец М. Ч. Джуртубаев (фольклорист). Последний с особой настойчивостью пишет о тюркоязычии скифов, сарматов и алан, якобы бывших основными предками балкарцев и карачаевцев. Он повторяет многие положения Мизиева, дополняя их своими интерпретациями лингвистических материалов. От концепции Мизиева его, пожалуй, отличает лишь одно — он не стремится сделать предков балкарцев и карачаевцев абсолютными аборигенами на Кавказе. Эту привилегию он безропотно отдает осетинам, возведя их корни напрямую к кобанской культуре. Ему кажется вполне достаточным связать предков балкарцев и карачаевцев с «туркоязычными скифами», пришедшими из Азии. Так слава и великие деяния предков оказываются для него ценнее, чем укорененность в местной почве. Кроме того, он считает балкарцев и карачаевцев единым народом, искусственно расчлененным после Кавказской войны XIX в. (Джуртубаев 1988; 1991. С. 239-251; 1997. С. 3-32; Журтубаев 1991). Существенно, что для Джуртубаева этногенетические построения были не только объектом исследовательского интереса, но и важной частью национальной идеи, призванной сплачивать балкарцев в «коллективную личность». Не случайно он активно участвовал в местной политике и являлся членом Политколлегии Лиги возрождения Балкарии (Джуртубаев 1997. С. 130-226).

Подобно Мизиеву, ряд других балкарских и карачаевских авторов также упорно ищут своих отдаленных предков среди древнейших народов Передней Азии и отстаивают гипотезу о едва ли не исключительном тюркоязычии как в этом регионе, так и на Кавказе. Некоторым из них кажется лестным связать свое происхождение с шумерами (Абайхан 1998), до-шумерским населением Месопотамии (Будай 1995; 1996) или даже с этрусками [41] и представляется необходимым значительно углубить тюркскую историю в Восточной Европе и на Кавказе, пусть даже за счет прошлого иноязычных соседей. Некоторых авторов более всего волнует автохтонный статус, и они представляют балкарцев и карачаевцев как древнюю тюркоязычную группу, этногенез которой включал «кобанс-кий, аланский, булгарский и кыпчакский периоды формирования» (Урусов 1993. С. 7). Другие балкарские и карачаевские ученые рисуют прямую генетическую линию от шумеров через майкопскую и кобанскую археологические культуры к местным кавказским аборигенам, которые, смешавшись с пришлыми аланами, булгарами и кипчаками, положили начало балкарцам и карачаевцам (Байчоров 1987; Байрамуков 1993; Байрамкулов 1995; 1996; Джуртубаев 1997. С. 3-32). Приехавший из Сирии и основавший газету «Диалог» М. О. Будай объявляет карачаево-балкарский язык праязыком человечества, а арабов представляет плодом смешения семитов с «карачаевоязычными народами» (Будай 1995; 1996).

Пантюркистский миф о славном древнем прошлом находит место на страницах московского художественно-публицистического журнала «Ас-Алан», издаваемого карачаевскими интеллектуалами. Например, там рекламировалась книга генерал-майора в отставке, бывшего министра внутренних дел КБ АССР С. К. Бабаева, полвека прослужившего в Советской армии и органах внутренних дел. Выше мы уже встречались с ним как активным участником научной сессии 1959 г. В своей книге, вышедшей посмертно, он излагал знакомую нам умеренную версию ревизионистского подхода, доказывающую, что среди скифов и алан встречались как ирано-, так и тюркоязычные группы. Тем самым карачаевцы и балкарцы оказывались прямыми наследниками «туркоязычных алан». Он утверждал также, что тюрки появились в Предкавказье еще до прихода гуннов и что на территории Карачая и Балкарии никогда не было ираноязычного населения — там, по его мнению, могли обитать только тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев. Мало того, он пытался показать, что в прошлом осетины находились под большим влиянием тюрков, следы чего он находил в осетинском языке и топонимике. Еще одна идея Бабаева заключалась в том, чтобы по мере возможности оторвать балкарцев от ислама и сблизить с христианством. И он всячески подчеркивал многовековую длительность христианской традиции на территории Балкарии, обнаруживал следы христианства в балкарской народной культуре и пытался доказать, что балкарцы всеми силами вплоть до XVIII в. сопротивлялись насильственному насижению ислама (Айшаев 2002).

Еще одной публикацией, помещенной в «Ас-Алане» и заслуживающей упоминания, является монография известного казахского поэта и общественного деятеля О. Сулейменова. Справедливо выступая против «профессионального дилетантизма» и «патриотической самодеятельности» (Сулейменов

2002. С. 255-256), Сулейменов сам отваживается на такие фантастические построения, с которыми не сможет согласиться ни один профессионал. Речь идет о якобы тюркском влиянии на древних египтян, шумеров и древних семитов, об «этрусках-тюрках», о неких «протославянах, создававших бронзовые зеркала в этрусской федерации», о якобы совместном обитании тюрков и германцев в древней Передней Азии и даже об участии тюрков в древнейшем заселении Америки, причем через Океанию (Сулейменов 2002. С. 286, 525-529, 532-533). Любопытно, что в своей поэтической оценке роли древней истории для современных народов («чем беднее корни, тем худосочнее листва и ветви». См.: Сулейменов 2002. С. 545) Сулейменов фактически смыкается со своим давним недругом и гонителем академиком Б. А. Рыбаковым, говорившим буквально то же самое (Рыбаков 1994). Наконец, он в лаконичной форме формулирует то, что должно объяснить нам столь неутомимые поиски своего древнейшего прошлого, чем настойчиво занимаются в последние десятилетия немало тюркских интеллектуалов: «У народов, не успевших осознать глубину своего прошлого, нет будущего» (Сулейменов 2002. С. 546).

В 1990-х гг. ревизионистская версия великой первобытной истории тюрков вообще и предков карачаевцев и балкарцев в частности разделялась целым рядом известных карачаевских и балкарских ученых, включая ректора Карабаево-Черкесского государственного педагогического института, специалиста по отечественной истории XX в. А. Д. Койчуева. При его поддержке они устроили в октябре 1994 г. в Карабаевске круглый стол «Этногенез карачаевцев и балкарцев», призванный пересмотреть итоги конференции 1959 г. В его проведении участвовали специалисты из Карабаевска (К. М. Текеев, С. Я. Байчоров, А.Д. Койчуев, Т.К. Лайпанов, С.А. Хапаев, Л.Н. Тараненко), Черкесска (И.М. Шаманов, Р.А.-К. Ортабаева), Нальчика (И.М. Мизиев), а также из Махачкалы (З. Н. Акавов, А. М. Аджиев) и Казани (М.З. Закиев). В соответствии со схемой Мизиева они выступили в защиту идеи о локализации прародины тюркских народов в Волго-Уральском регионе, объявили ямную и майкопскую культуры раннего бронзового века созданием прототюрков, сделали шумеров одним из их дочерних ответвлений и поддержали идею тюркоязычия скифов и алан. Тем самым кипчакская теория происхождения балкарцев и карачаевцев решительно пересматривалась, хотя и признавалось, что кипчаки участвовали в их формировании как один из компонентов. Одним из главных выводов новой теории было отождествление верховий р. Кубани с исконными землями карачаевцев, где их предки жили якобы в течение многих тысячелетий (Этногенез 1997; Ахматов, Койчуев, Лайпанов 1997; Койчуев 1998. С. 12-16). Но особенно соблазнительной для балкарских и карачаевских интеллектуалов кажется, как мы уже видели, связь своих предков с аланами.

Эти веяния не оставили в стороне и писателей. В частности, версию о тюркоязычных аланах подхватил балкарский писатель М. Ю. Кучинаев, закончивший историческое отделение Кабардино-Балкарского университета. В отличие от многих упомянутых выше авторов он не склонен помещать предков балкарцев и карачаевцев вне пределов Кавказа. Ему кажется достаточным изобразить их абсолютными местными автохтонами, развитие которых было якобы представлено культурной непрерывностью, идущей от майкопской и кобанской культур. Считая скифов непосредственными предками балкарцев и карачаевцев, он доказывает, что их родиной всегда был Кавказ. В аланах и асах он видит единственный тюркоязычный народ и делает все возможное, чтобы отлучить осетин от аланского наследия. Связывая предков с аланами, он возводит истоки «карачаево-балкарского народа» к началу новой эры. Его увлекает необычайная древность этого народа, и, выражая свою гордость ею, он утверждает, что «турецкий язык является ответвлением алано-асского (балкарского) языка, т. е. скифского» и что, следовательно, историю тюркских языков следует начинать со скифского (Кучинаев 2001. С. 43-45). Болгары и половцы оказываются ему ненужными, и он без сожаления вычеркивает их из списка возможных предков. Он посмеивается над ненасытным стремлением современных осетин давать своим сыновьям имя Алан и заявляет, что этоним используется как имя собственное только в чужеродной среде (Кучинаев 2001. С. 35). Кучинаев — один из тех современных балкарских писателей, которые развивают тему тюркоязычных скифов (алан) в своих художественных произведениях.

В то же время одного лишь тюркского величия некоторым авторам кажется недостаточно, и они объявляют тюрков «истинными арийцами». Например, писатель С. Джубуев доказывает, что «имеющее место явное противопоставление индоевропейцев с тюркскими народами и принижение роли тюрков во всемирной истории некоторыми учеными беспочвенны» (Джубуев 2001. С. 518, 520). Им движет типичный постколониальный настрой: «Очевидное стремление некоторых псевдоученых, пытающихся показать тюркские народы отсталыми варварами и разрушителями и умалить их огромную роль в раз-

витии мировой цивилизации, обречено на провал» (Джубуев 2001. С. 518). И он не находит иных способов для развенчания этого негативного образа, как отождествить тюрков с «арийцами».

Иную версию отстаивает карачаевский писатель-историк И. М. Чотчаев, для которого важно подчеркнуть не столько конфронтационные отношения тюрков с индоевропейцами, сколько, напротив, их давние мирные контакты и родственные связи. Поэтому он отказывается как от представления о каких-либо чистых генеалогиях народов, так и от идеи авто-хтонизма, и страницы его книги заполнены рассуждениями о переселениях народов и их смешении. Вот почему, определяя вслед за ревизионистами возраст тюрков в «одиннадцать тысяч лет» (!) и наделяя их далеких предков европеоидной внешностью, он идет на уступку традиционным представлениям и называет прародиной тюрков Южную Сибирь. Тем не менее для него является очевидным «туркоязычие» алан, от которых карачаевцы и балкарцы якобы и унаследовали свой язык (Айт 2001. С. 6-8). В то же время в отличие от многих других ревизионистов он пытается наделить северокавказских тюрков и «арийской генеалогией». У него не вызывает сомнений миф об Атлантиде, и он сообщает, что после ее погружения в пучину, «арийцы-атланты», или индоевропейцы, поселились вначале на территории Переднего и Среднего Востока, а затем в качестве «нартов» заселили Кавказ и Среднюю Азию. Среди этих «нартов» были якобы и предки балкарцев и карачаевцев, получившие тюркский язык от алан, пришедших на Северный Кавказ позднее. Окончательно же карачаевцы сложились в первой половине XV в. из смешения местных «турканизированных нартов» с приведенными «пятигорским хазарином» Карчей хазарами из Крыма и казахами и киргизами из Средней Азии (Айт 2001. С. 7-9, 12-13).

Привлекает внимание, что в своих изысканиях Чотчаев основывается на загадочном манускрипте, якобы обнаруженном Н. Хасановым, и, доказывая его аутентичность, заявляет, что «подделка его практически невозможна» (Айт 2001. С. 23). В то же время в глубине души он, по-видимому, сохраняет сомнения, и не случайно его книга начинается эпиграфом «Только новые заблуждения спасают нас от отчаяния после утраты старых». Поэтому ему важна не столько историческая истина как таковая, сколько историческая версия, способная смягчить межэтническую напряженность на Северном Кавказе.

Вот почему ему близок подход, возвращающий нас к советскому интернационализму начала 1930-х гг. и заставляющий отказываться от идеи какого-либо этнического приоритета. Ведь если местные народы сформировались сравнительно недавно, в том числе и благодаря целенаправленной политике советской власти (здесь автор отдает дань конструктивистскому подходу!), то отдельные этнические общности теряют возможность ссыльяться на древние местные корни для отстаивания своего привилегированного положения на Северном Кавказе. Чотчаеву ясно, что «все народы пришли в этот край в разные времена как непрошеные гости, притесня и вытесня обитавшее тут до них население». С этой точки зрения ему кажется несправедливым рассматривать русских на Северном Кавказе лишь как «завоевателей» и противопоставлять их аборигенным народам. Он полагает, что славяне играют важную консолидирующую роль в регионе, и с этим следует считаться. Поэтому он объявляет Северный Кавказ «общим домом» всех обитающих там народов, включая русских и украинцев (Айт 2001. С. 12-14, 17).

Любопытно, что, подхватывая арийский миф, Чотчаев вынужден говорить о едва ли не изначальной борьбе индоевропейцев с семитами. Именно этим фактором он и объясняет передвижение «арийцев» на Кавказ из Передней Азии, откуда их якобы вытеснили семиты. Утверждая, что «потомки атлантов» подняли человеческую культуру на значительную высоту, он сообщает, что в XX в. у них пальму первенства отобрали «эмансипированные евреи» (Айт 2001. С. 9-10, 19). Иными словами, здесь мы встречаем рецидивы антисемитского «арийского мифа» с его идеей извечной борьбы арийцев с семитами, якобы неумолимо приводящей к упадку «арийской культуры» под натиском «семитской экспансии». Действительно, безудержно льстя еврейскому народу и приписывая к нему выдающихся представителей других народов, автор заканчивает свое повествование обвинением евреев в том, что они якобы сами разжигают антисемитизм и сочиняют фальшивки типа «Протоколов сионских мудрецов» (Айт 2001. С. 55-61).

В ответ на объявление Северной Осетии Аланией в Карачае и Балкарии раздались громкие протесты, ибо карачаевцы и балкарцы усмотрели в этом посягательство на свое историческое наследие, включая территориальное (Байрамкулов 1996. С. 355; 1999. С. 51, 54-55; Абдуллаев 1998). Ведь балкарцы склонны оправдывать свое стремление к получению отдельной государственности именно тем, что они якобы являются «потомками скифо-алан, законными наследниками культуры трех государств... Скифии, Азовской Болгарии и Алании» (Журтубаев 1991. С. 8).

Среди представителей радикального ревизионизма выделяется карачаевец А. М. Байрамкулов, которому, несмотря на всю свою тягу к знаниям, не удалось сделать научной карьеры. Родившись в отдаленном ауле в 1931 г. и рано осиротев, Байрамкулов перенес все тяготы депортации и не сумел получить систематического образования. Между тем его увлекала история, и в особенности проблема происхождения карачаевцев и балкарцев. Всю жизнь он мечтал доказать тюркоязычие алан, но, не находя понимания среди специалистов, удовлетворял свою любознательность чтением многочисленной литературы, присылавшейся ему из разных библиотек страны. В 1960—1970-х гг. Байрамкулов работал лектором местного общества «Знание» и Карачаево-Черкесского областного общества охраны памятников истории и культуры (КЧООПИК), а также внештатным корреспондентом одной из местных газет. Кроме того, одно время он водил экскурсии по республике и был инспектором КЧООПИК. Все это позволило ему лучше познакомиться с республикой, в частности с настроениями ее населения.

Однако отсутствие необходимого образования и опыта научной работы закрыло ему доступ в научные учреждения и издания; специалисты с ним не считались, и он в течение двадцати лет не мог опубликовать труд своей жизни (Байрамкулов 1999. С. 14-30). Лишь во второй половине 1990-х гг., сумев заинтересовать карачаевских патриотов, он смог собрать необходимые средства для выпуска нескольких книг, где без устали доказывал тюркоязычие всех алан без исключения и очищал раннюю историю евразийских степей и Северного Кавказа от индоевропейского духа (Байрамкулов 1995; 1996; 1998; 1999). Сам он следующим образом оценивает свои заслуги перед наукой. По его утверждению, ему удалось доказать, во-первых, тюркоязычие «истинных алан», становившихся теперь одним из древнейших тюркских народов; во-вторых, обитание карачаевцев и балкарцев на своей современной территории в течение более двух тысячелетий; в-третьих, сложение современного языка карачаевцев и балкарцев более тысячи лет назад; в-четвертых, происхождение карачаевцев и балкарцев от «истинных алан» и, наконец, в-пятых, создание знаменитого нартского эпоса прямыми предками карачаевцев и балкарцев (Байрамкулов 1999. С. 31-32). «Мы, — пишет он, — полностью убеждены, что недалек тот день, когда все народы Азии и Европы, в чьих жилах течет аланская кровь, признают тот неоспоримый факт, что первоначальные носители этнонима алан, истинные аланы, тс самые аланы, которые вышли из гнезда всех тюркских народов — Алтая, были изначально тюрками, одним из древнейших тюркских народов и предками карачаевцев-балкарцев» (Байрамкулов 1998. С. 241). В частности, подхватывая миф, созданный М. Батчаевым, Байрамкулов трактовал переселение Карчи и его сподвижников из Крыма на Северный Кавказ как возвращение алан на историческую родину (Байрамкулов 1998. С. 193, 198).

Впрочем, книги Байрамкулова интересны не столько своими сногшибательными открытиями и заявлениями, сколько тем, что на их страницах отражаются взгляды и настроения, свойственные местным жителям, далеким от высоколобых интеллектуалов. Увлекаясь популизмом, Байрамкулов изображал профессиональных историков и археологов конъюнктурщиками, в угоду властямискажавшими подлинное прошлое предков, и всячески подчеркивал свою бескорыстную преданность народу и его истории (Байрамкулов 1998. С. 20-28, 221; 1999. С. 53-54, 314). Сам он больше доверял малограмотным карачаевским и балкарским старикам, верившим в свое аланское происхождение и с энтузиазмом вспоминавшим о великом Аланском государстве «от Эльбруса до Астрахани» (Байрамкулов 1998. С. 123-126).

Среди своих яростных оппонентов Байрамкулов числил, с одной стороны, адыгских (черкесских) авторов, а с другой — осетинских. Его возмущали заявления первых о том, что адыгские народы были истинными автохтонами Северо-Западного Кавказа, включая Кабарду и Черкесию, куда предки карачаевцев и балкарцев пришли лишь недавно, заселив древние земли адыгов. Такие взгляды он трактовал как «научную» агрессию адыгов против карачаевцев и балкарцев (Байрамкулов 1999. С. 423). В ответ он напоминал, что, во-первых, кабардинцы переселились на свою нынешнюю территорию только после похода Тимура в 1395 г., а во-вторых, «все черкесы, кроме бесленеевцев, являлись беглыми кабардинцами, которые бежали на территорию Карачаево-Черкесии во время подавления антирусских восстаний в 1808—1809 и 1820—1821 гг.». Мало того, он доказывал, что они приняли название «черкесы» только в 1922 г., а древние черкесы были тюрками (Байрамкулов 1996. С. 224-230, 254-262; 1998. С. 141-142, 216; 1999. С. 401-403, 413-415).

Карты Северного Кавказа в эпоху Средневековья
(по Р. С. Тебуеву и Р. Т. Хатуеву)

По мнению Байрамкулова, черкесы занимали непропорционально много ответственных постов в республике. Ему это казалось несправедливым, и он подчеркивал, что «из современных народов Карачаево-Черкесии древнейшими жителями почти всей территории Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии являются только карачаевцы и балкарцы» (Байрамкулов 1999. С. 416-417). Что касается осетинских претензий на Аланию, то он считал их совершенно беспочвенными и настаивал на том, что аланы были сконцентрированы на территории Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, по отношению к которым Осетия представляла собой слабо заселенную периферию (Байрамкулов 1996. С. 78-81; 1998. С. 60; 1999. С. 314-315). В качестве одного из аргументов он указывал на «шапки аланского стиля», сохранившиеся у карачаевцев и отсутствующие у осетин (Байрамкулов 1999. С. 384). Стоит ли удивляться, что книги Байрамкулова вызывали протест у черкесов, а за выпуск книги «Правда об аланах» (1999) осетины хотели привлечь его к суду? [42]

Как мы видели, аланская происхождение волнует в Карачаево-Черкесии не только дилетантов. В последние годы эта концепция развивается, например, в рамках историко-культурного общества «Аланский Эрмитаж», работающего при Карачаево-Черкесском историко-культурном и природном музее-заповеднике. В выпущенных там недавно «Очерках истории карачаево-балкарцев» говорится, что «основа карачаево-балкарцев уходит корнями в местную кавказскую этническую среду древнейшего населения эпохи каменного века (позднего палеолита или неолита)» (Тебуев, Хатуев 2002. С. 6). Правда, рисуя уже известную нам линию археологической преемственности от майкопской культуры до кобан-

ской, авторы этого произведения готовы поделиться этим наследием и с соседями, соглашаясь с тем, что речь идет об общем автохтонном субстрате в этногенезе «карачаево-балкарцев», осетин и вайнахов (Тебуев, Хатуев 2002. С. 20-23). Однако скифо-сармато-аланским наследием они делятся наотрез отказываются, оставляя его тюркоязычным народам. Даже предков дигорцев они считают тюрками (Тебуев, Хатуев 2002. С. 33-34). Их приоритетной идеей является автохтонность предков, и они заявляют, что «роль важнейшего компонента в формировании кавказских алан сыграло кавказское автохтонное население». Речь идет о том, что пришлые степняки (скифы и аланы) смешались с местными кобанцами, чей физический тип в результате победил (Тебуев, Хатуев 2002. С. 41). Это, по мнению авторов, делает алан одними из основных предков карачаевцев и балкарцев, а поэтому «тщетны попытки отдельных авторов закрепить монополию на аланско наследие за нынешними наследниками Верхнего Терека» (Тебуев, Хатуев 2002. С. 180). Не отказываются авторы и от наследия тюркоязычных кочевников эпохи раннего Средневековья (гуннов, савиров, болгар, хазар, печенегов и кипчаков), — все они, на их взгляд, сыграли определенную роль в этногенезе «карачаево-балкарского народа» (Тебуев, Хатуев 2002. С. 50-65).

Впрочем, авторы готовы признать, что восточные аланы стали предками осетин. Однако тех они связывают с захудалой провинцией Алании, важнейший культурный и религиозный центр которой располагался в верховьях р. Кубани на территории Карачая, где действительно сохранился замечательный комплекс ранних христианских храмов, оставшихся от Аланской епархии [43]. Именно эти западные аланы, говорившие, по мнению авторов, по-турецки, были единственными христианами Алании и создали первое христианское государство на Северном Кавказе. В Восточной Алании, по словам авторов, никакого христианства в домонгольское время не было (Тебуев, Хатуев 2002. С. 47-49, 71) [44]. Настаивая на том, что аланы приняли христианство раньше Руси, авторы в то же время не забывают отметить, что к рубежу XII—XIII вв. среди алан будто бы был также распространен ислам (Тебуев, Хатуев 2002. С. 76). Что же касается претензий осетин на монопольное обладание аланским наследием, то авторы утверждают, что основой этногенеза осетин стали «евреи-маздакиты», бежавшие из Ирана на Кавказ в VI в. (Тебуев, Хатуев 2002. С. 181).

Тем самым, рисуя для «карачаево-балкарцев» линию непрерывного развития на территории Карабаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии с глубокой первобытности вплоть до современности, авторы изображают их исконными хозяевами территории, куда адыги пришли не ранее конца XIV в. Позднее всего те появились на территории Карабаево-Черкесии — лишь в начале XIX в. (Тебуев, Хатуев 2002. С. 78-80, 181). Изображая адыгов недавними пришельцами, авторы никак не могут согласиться с утвердившимся в науке мнением (оно основано на множестве документальных источников) о господстве кабардинцев в регионе до его присоединения к Российской империи. Оспаривая его, Р. Т. Хатуев конструирует «горно-кабардинскую конфедерацию» и всеми силами отрицает какую-либо былую зависимость карачаевцев и балкарцев от кабардинских князей. Напротив, заявляет он, карачаевско-балкарские общины нанимали тех за плату для защиты от внешних врагов, но никогда не пускали на свою территорию. Зато сами балкарцы по договору с кабардинцами использовали их земли как зимние пастбища для скота (Тебуев, Хатуев 2002. С. 94-101) [45].

Героический образ предков дорисовывает история взаимоотношений с русскими в первой половине XIX в. Если, как мы знаем, в советское время местным историкам полагалось обосновывать версию о добровольном вхождении в состав Российского государства, то в 1990-х гг. приоритеты резко изменились и местные авторы буквально соревновались в том, кому удастся успешнее изобразить упорную борьбу своих предков против российской колониальной экспансии. В рассматриваемом труде присоединение и балкарцев и карачаевцев к России относится к XIX в., однако если карачаевские авторы датируют окончательное вхождение Кабарды в Россию 1822 годом, а присягу балкарцев на верность императору — 1827-м, то присоединение Карабая они рисуют итогом длительного сопротивления, закончившегося лишь в 1855 г. Тем самым карачаевцы получают почетное место среди тех северокавказских народов, которые примкнули к движению Шамиля и, благодаря своему упорству, дольше других давали отпор царским генералам (Тебуев, Хатуев 2002. С. 102-110). Любопытно, что ислам пока не нашел широкого отражения в местных версиях прошлого за переделами попыток углубления даты исламизации местного населения. Например, карачаевские интеллектуалы ищут любые свидетельства о раннем исламе. Некоторые, как мы видели, относят его появление к предмонгольской эпохе; другие пытаются вести его историю в регионе с XI в. (Лайпанов 1998. С. 148-152. Об этом см.: Червонная 1999. С. 91).

Глава 8.

Примордиализм на службе инструментализма

Местные авторы неоднократно обращали внимание на необычайную живучесть исторической памяти у народов Северного Кавказа. По словам кабардинского историка, во многих кабардинских семьях бережно хранятся семейные предания о своем происхождении, культивируется знание нартского эпоса, из поколения в поколение передаются семейные реликвии типа «полотенца Сосруко», живой интерес вызывают любые данные о происхождении своего народа (Бегидов 2003. С. 14). Рассмотренные выше данные свидетельствуют о тесной связи историографического дискурса с текущей политической ситуацией. Пытаясь легитимизировать свои политические требования, и кабардинцы, и балкарцы стремятся всеми силами обрасти автохтонных предков, которые бы жили на Северном Кавказе с глубокой первобытности. Поэтому и те и другие с надеждой обращаются к археологии, снабжающей их обильной пищей для развития этногенетических мифов. Кабардинцы возводят своих предков к майкопской археологической культуре III тыс. до н. э. Они также гордятся родством с хаттами Малой Азии и с древними средиземноморскими народами доримского времени (особенно почетной представляется связь с басками). Не хотят кабардинцы отказываться и от «кобанских предков» (Кумыков, Мизиев 1995. С. 11-21). Еще более значимой для них оказывается генетическая связь с меотами, жившими на Северо-Западном Кавказе в I тыс. до н. э. [46]. Для кабардинцев важность этой версии связана с тем, что по ней адыги издавна были не только значительной политической силой на Северо-Западном Кавказе, но еще по меньшей мере тысячу лет назад занимали там значительную территорию, простиравшуюся от Причерноморья-Приазовья до верховий р. Кубань (Кумыков, Мизиев 1995. С. 46; Думанов 2001 а. С. 253-254; Бегидов 2003. С. 15).

В 1990-х гг. эта версия древнего прошлого находила место в программных документах кабардинского национального движения и неоднократно озвучивалась кабардинскими лидерами, подчеркивавшими, что пришедшие на территорию нынешней Кабарды в позднем Средневековье кабардинцы вовсе не были там чужаками. Ведь они встретили там сородичей-адыгов, будто бы обитавших в районе Нальчика по меньшей мере с эпохи бронзы. При этом подчеркивалось, что как в эпоху бронзы, так и в позднем Средневековье вплоть до присоединения к России территория адыгов (черкесов) фактически включала все земли «от кавказского Причерноморья до кумыкских степей» (Гучев 1994. С. 17; О результатах 1992; Сокуров 1994. С. 36; Бабич 1994. Т. 2. С. 49-50, 117). На эту версию работают построения некоторых адыгских лингвистов, доказывающих широкое распространение адыгской лексики в первобытную эпоху вплоть до Центрального Кавказа (Балкаров 1965; Шамирзов 1994). Один из них даже рискнул дать этониму «карачай» адыгскую этимологию («къэрэшай» — «горный сородич, брат») (Шамирзов 1994).

Не менее значимым фактом является античная Синтика, в которой кабардинский миф видит древнейшее адыгское государство (Сукунов, Сукунова 1992. С. 289; Гучев 1994. С. 17; Коков 2001а. С. 117; 2001б. С. 22-23; Бегидов 2003. С. 16) и самое раннее государство на территории современной России в целом (Мамбетов 2001. С. 64). Но некоторые авторы ищут истоки адыгской государственности в еще более отдаленном прошлом — в III тыс. до н. э. у хаттов Малой Азии (Ахметов, Марчануков 1990. С. 42). Такие представления воспроизводятся на государственном уровне, и их отражает изображение хатского одноглавого орла на гербе Кабардино-Балкарской Республики (Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 7-9; О гербе 2001). Наконец, кабардинские интеллектуалы представляют позднесредневековую Кабарду независимой страной, потерявшей свой суверенитет только в 1822 г. после вхождения в состав России (О результатах. 1992; Гучев 1994. С. 17; Бабич 1994. Т. 2. С. 50; Коков 2001 б. С. 23-24; Думанов 2001 а. С. 255). При этом, по кабардинской версии, балкарские общества были до 1822 г. неотъемлемой частью Кабарды (Сохов 1991. С. 1; О результатах 1992; Бабич 1994. Т. 2. С. 50, 99; Коков 2001. С. 24-25), представлявшей собой, по мнению ряда авторов, «малую феодальную империю» (Боров, Думанов, Кажаров 1999. С. 10-11; Бегидов 2003. С. 17).

Герб Кабардино-Балкарской Республики

Балкарский этногенез видится кабардинскими учеными в соответствии с решениями конференции 1959 г., т. е. их называют потомками местных кавказских племен и пришлых ираноязычных алан, тюркоязычных болгар и кыпчаков (Думанов 2001 а. С. 254; Бегидов 2003. С. 16). Но иной раз балкарцам дается понять, что их предками являлись пришлые тюрки, появившиеся здесь много позднее адыгов (Сокуров 1994. С. 36).

Тезис о былой независимости был нужен кабардинцам для того, чтобы Конгресс кабардинского народа мог потребовать «воссоздания в полном объеме государственности Кабарды, которой она лишилась в 1822 г.» (Бабич 1994. Т. 2. С. 91). Кроме того, воспоминания о Синском государстве служат для отпора тем русским националистам, которые мечтают о «губернизации республик России» (Думанов, Кушхов 2001. С. 131). Что же касается земельной тяжбы с балкарцами, то в ходе нее в риторике кабардинских лидеров со временем стал звучать опасный термин «жизненное пространство», с которым они стали связывать выживание своего этноса (Бабич 1994. Т. 2. С. 140). Кроме того, как мы знаем, кабардинские националисты делали установку на культурную интеграцию с остальными адыгами. Они всеми силами стремились выковывать единое адыгское (черкесское) самосознание, писали о «возрождении адыгской (черкесской) нации» и даже требовали внести соответствующие исправления в паспорта. Эту миссию брали на себя Конгресс кабардинского народа, Международная черкесская ассоциация и партия «Адыгский национальный конгресс» (Бабич 1994. Т. 2. С. 52, 55-57, 96, 106-107, 114, 117, 145, 155-169).

Столь далеко идущие претензии кабардинцев не оставляют равнодушными балкарских националистов, тоже мечтающих о своей независимой республике и ведущих с теми нескончаемую земельную тяжбу. В устах балкарских политических и интеллектуальных лидеров ключевые моменты прошлого выглядят следующим образом. Если в советское время они считали себя и карачаевцев разными народами, то перед лицом растущего сплочения адыгов они все чаще используют термин «карачаево-балкарский народ (этнос)» и настаивают на своем этническом единстве (Червонная 1999. С. 88-89). Например, этот термин использовался в экспертном заключении комиссии НСБН по вопросам этнической границы, где «карачаево-балкарский народ» назывался одним из древнейших на Кавказе и говорилось о его формировании в предмонгольское время (Об итогах 1992); подчеркивалось даже, что его предки обитали там с эпохи бронзы (Бабич 1994. Т. 2. С. 253). С этой точки зрения определенный интерес представляет герб Карабаево-Черкесии. С одной стороны, изображенная на нем гора с двумя вершинами может интерпретироваться как символ единства двух титульных народов. Но с другой стороны, это можно легко реинтерпретировать как единство карачаевцев и балкарцев.

Герб Карачаево-Черкесии

Мало того, балкарцы и карачаевцы охотно участвуют в общетюркском движении, ожидая помощи от других тюркских народов (Бабич 1994. Т. 2. С. 222-225). Однако Турция, на чью поддержку в особенности рассчитывали сторонники пантюркизма, не спешила прийти к ним на помощь. К неудовольствию националистов, экономические и политические интересы оказались для нее важнее романтических родственных чувств (Barulski 1994. Р. 406). Как сетует Б. Лайпанов, пик эйфории по поводу общетюркской солидарности прошел после того, как «братья по крови» не выказали ожидаемого энтузиазма в поддержке политических требований безгосударственных тюркских народов России (Лайпанов 1998. С. 142-144. См. также: Червонная 2001). Тем не менее он как будто бы не оставляет надежду на сближение тюркских народов на основе общей культурной традиции (Лайпанов 2002. С. 18-19).

Имея в виду достижение политической автономии, балкарцы протестовали против предложения съезда кабардинского народа о переименовании Кабардино-Балкарии в Кабарду. Они настаивали на том, что балкарские общества никогда в прошлом не являлись частью Кабарды (Бабич 1994. Т. 2. С. 232), составляя своеобразную федерацию, и что они вошли в состав России независимо от Кабарды по своей собственной воле (Журтубаев 1991. С. 7; Об итогах 1992; Бабич 1994. Т. 2. С. 244, 257, 278). Еще дальше шли некоторые карачаевские лидеры, объявлявшие, что еще в предмонгольскую эпоху карачаевцы имели свое обширное государство, простиравшееся от Терека до Лабы и от Кавказского хребта до Ставропольской возвышенности. Окончательно оно якобы было разрушено Тимуром в конце XIV в., но и после этого Карабай сохранился как независимое государство. Он был противоправно захвачен Россией в 1828 г., но даже в этих условиях ухитрился сохранить некоторые государственные институты (Лайпанов, Костинский 1992). Такой взгляд на историю и давал право карачаевцам и балкарцам требовать восстановления своей национальной государственности. Что же касается кабардинцев, то, всячески преуменьшая их политическое могущество на Северном Кавказе в эпоху позднего Средневековья, балкарские и карачаевские авторы делают акцент на том, что те переселились на Центральный Кавказ только в XV—XVI вв. и лишь в конце XVII в. появились в районе р. Баксана (Журтубаев 1991. С. 7; Мизиев 1998. С. 73; Байрамкулов 1996. С. 258-262; 1998. С. 142).

Балкарцев и карачаевцев не устраивает и осетинская версия их истории, связывающая их формирование с ассимиляцией части алан пришлыми тюрками-кочевниками (см., напр.: Чибиров 1990. С. 61; Созаев 2000. С. 44-45). Обоснованием балкарских претензий путем обращения к глубокому прошлому и занимался балкарский археолог И. М. Мизиев. Он ставил перед собой две цели: во-первых, опровергнуть общепринятую версию истории, согласно которой балкарцы и карачаевцы оформились как народы достаточно поздно и были обязаны этим пришлым тюркам, смешавшимся с местным северокавказским субстратом; во-вторых, доказать историческое право балкарцев на обширные горные, пред-

горные и равнинные земли вопреки тому, что еще два столетия назад пять балкарских общин ютились в высокогорьях, испрашивая у кабардинцев разрешение на пользование нижележащими пастищами.

Балкарские и карачаевские интеллектуальные лидеры хорошо понимают, какой мощный интеграционный заряд несет для кабардинцев, черкесов и адыгейцев единый этноним «адыги (черкесы)». Между тем, как показал этносоциологический опрос 1998 г., те, кто с энтузиазмом говорили о «карачаево-балкарском народе», продолжали делать различие между карачаевским и балкарским языками и на вопрос о знакомстве с деятелями культуры и искусства указывали прежде всего на представителей своего народа (Червонная 1999. С. 90-91). Следовательно, идеологема «карачаево-балкарского народа», навязывавшаяся народу этническими лидерами, в конце 1990-х гг. еще не проникла в глубины этнического сознания. Поэтому-то они и обращаются к этнониму «аланы», очевидно, рассчитывая, что идея общих предков и общей исторической судьбы окажется более действенной. Как мы видели, немалый вклад в культивацию «аланского самосознания» сделал Мизиев, называвший карачаевцев и балкарцев «этническими преемниками тюрко-язычных алан и асов» (Лайпанов, Мизиев 1993. С. 106). По свидетельству Б. Лайпанова, в сознании карачаевцев и балкарцев уже укоренилось представление о том, что «история Аланского государства — неотъемлемая часть нашей древней национальной истории, а его культура — это наше национальное наследие» (Лайпанов 1998. С. 146). Во второй половине 1990-х гг. участились случаи, когда карачаевцы и балкарцы меняли в паспорте запись о своей национальности на «аланскую» [47]. В разных районах страны их культурные общества присваивали себе название «Алания».

В борьбе за право называться аланами балкарские авторы имеют в виду прежде всего не доведенный до конца процесс реабилитации балкарского народа. Это до сих пор не дает балкарцам возможности формально и на полных основаниях ассоциироваться с территорией своего проживания и ставит в зависимость от республиканской власти, состоящей преимущественно из кабардинцев. Ведь после возвращения в республику многие балкарцы были поселены в северных предгорных районах, а не на своих исконных территориях, находящихся в южных горах. Требование о полной территориальной реабилитации балкарцев оказалось нереализованным: из былых четырех балкарских районов были восстановлены только Эльбрусский и Черекский. Отдельные неосторожные высказывания высоких кабардинских чиновников о низком статусе балкарцев, а также бедственное положение балкарских районов больно задевают балкарцев и подталкивают к продолжению борьбы за образование собственной автономии (От редакции 1997). Поэтому настоятельные попытки балкарцев связать себя с аланами преследуют две цели: доказать древность своего обитания на Северном Кавказе и свой статус в качестве коренного народа, а также подчеркнуть наличие у своих предков древней традиции государственности. И то и другое, по их мнению, служит важными аргументами на пути к образованию Республики Балкарии, о чем заявляли съезды балкарского народа в ноябре 1991 г. и в ноябре 1996 г. Не случайно сторонники идеи тюркоязычного Аланского государства размещают его прежде всего на территории современных Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии и стараются максимально расширить его хронологические рамки. Один из них утверждает, что Аланское государство существовало около 800 лет (Байрамкулов 1995. С. 9).

Еще одним фактором служит стремление повысить численность своего народа. Вот почему Мизиев и пишет о неких маргинальных изначально тюркских группах, якобы иранизированных в ходе истории. Он явно имеет в виду мусульман-дигорцев, обитавших в Дигорском ущелье Кабардино-Балкарии до их депортации в 1944 г.

Ясно, каким препятствием в этой «борьбе за престижных предков» являются осетины, упорно настаивающие на своем аланском происхождении. С целью поставить осетин на место и придать их территориальным претензиям сомнительный характер карачаево-балкарские авторы иной раз утверждают, что ираноязычные осетины были переселены на Кавказ с юга не то персидскими царями, не то шахом Ирана и что они расселились по Центральному Кавказу достаточно поздно, едва ли не в начале XV в. (Байчоров 1987. С. 54-57; Байрамуков 1993. С. 116-117; Лайпанов 1995; Абайхан 1998). Много реже эти авторы соглашаются видеть в осетинах потомков более ранних индоевропейских переселенцев, но и в этом случае речь идет о движении с Иранского нагорья, а связь осетин с аланами отрицается (Айт 2001. С. 9-11) [48]. Любопытно, что по вопросу о том, кто мог жить в центральных районах Кавказа до осетин, карачаево-балкарская версия утверждает приоритет тюрков (Байчоров 1994). Впрочем, Джуртубаев допускает, что предками осетин могли быть носители кобанской культуры бронзового века, и он доказывает, что именно от них, а не от «туркоязычных алан» они унаследовали иранский язык (Журту-

баев 1991. С. 6). И. Чотчаев отстаивает еще более экстравагантную версию, выводя отдаленных предков балкарцев и карачаевцев от «атлантов-ариев», которые были позднее тюркизированы (Айт 2001. С. 8-9, 12-13).

Тем самым этногенетический миф открывает самые заманчивые перспективы. Вот почему, как мы уже знаем, им так увлекался профессиональный балкарский археолог И. М. Мизиев. Выше говорилось о том, что он готов был объявить тюрками не только скифов и алан, но и создателей всех более ранних археологических культур степного коридора и настаивал на приходе тюрков на Северный Кавказ едва ли не в IV тыс. до н. э. Со стороны такая мегаломания кажется странной, но с учетом кабардинско-балкарского территориального спора, обострившегося на рубеже 1980–1990-х гг., все становится предельно ясным. Мизиев и сам не скрывал своих истинных побуждений. В одной из своих работ он обращался к документам о работе государственной комиссии 1863 г. и откровенно демонстрировал свои симпатии к позиции, занимавшейся тогда ее балкарскими участниками (Мизиев 1995 а. С. 56-57). Он делал особый акцент на том, что широкое расселение кабардинцев происходило лишь в XV—XVI вв., т. е., с его точки зрения, достаточно поздно. А до того в течение тысячелетий здесь, по его мнению, обитали тюркоязычные предки балкарцев и карачаевцев. Вот почему он полностью отрицал наличие какого-либо местного ираноязычного субстрата и не принимал идею кыпчакского компонента в этногенезе балкарцев — последний казался ему недостаточно престижным. Иное дело — булгарский субстрат, позволявший наделить балкарцев великой историей, древней государственностью и, что особенно важно, огромной территорией. Правда, с распадом Великой Болгарии хана Кубрата в этой славной истории возникла очевидный пробел. Но Мизиева это нисколько не смущало, и он объявлял алан и асов прямыми предками балкарцев и карачаевцев. Тем самым последние оказывались наследниками не только Великой Болгарии, но и Аланского царства. А территориальная и государственная преемственность, идущая из глубины веков, прерывалась лишь монгольским завоеванием, вслед за которым наступила эпоха кабардинской экспансии (Мизиев 1991 а. С. 114-130, 136; 1995 а. С. 53-54, 66, 79).

И симпатизирующий автору читатель убеждается в том, что доминирование кабардинцев является столь же исторически преходящим моментом, как и господство монголов, и что все это не идет ни в какое сравнение со славным тюркским прошлым на Северном Кавказе. А чтобы читатель в этом убедился, Мизиев строил соответствующим образом и текст своей книги о «народах Кабарды и Балкарии», где тюркским предкам балкарцев посвящены десятки страниц, тогда как для обсуждения проблем происхождения и этнической истории адыгов ему хватило всего лишь трех страниц. И эти страницы он посвящал доказательству того, что никакой древней истории у адыгов не было (Мизиев 1995 а. С. 48-50).

При этом в одной из своих работ Мизиев пытался выступать защитником прав малочисленных народов и выставлял себя борцом против замалчивания или искажения их богатого историко-культурного наследия (Мизиев 1991 б). Остается отметить, что книги Мизиева, популяризировавшие все рассмотренные идеи (Мизиев 1991 а; 1995 а), были изданы Министерством народного образования Кабардино-Балкарской Республики в качестве пособий для учителей и учащейся молодежи!

В любом случае, как полагают балкарские этнонациональные лидеры и идеологи местного национального движения, изложенная концепция способна заразить народ творческой энергией и мобилизовать его для достижения поставленных этнополитических целей. Кроме того, апеллируя к пантюркской солидарности, она, по их замыслам, может рассчитывать на симпатии к балкарцам, а следовательно, и на их поддержку в тюркском мире. Существенно, что, рисуя балкарцев автохтонами Северного Кавказа, занимавшими когда-то несравненно более крупную территорию, чем ныне, эта концепция подводит историческую основу под территориальные претензии балкарцев к кабардинцам. Ведь из нее следует, что, по сравнению с балкарцами, кабардинцы являлись очень поздними пришельцами, беззаконно занявшими «бывшие балкарские земли». На самом же деле историческая картина была прямо противоположной — начиная со второй половины XIX в. балкарцы при участии русских, а затем и советских властей неоднократно расширяли свои территории за счет кабардинских земель (Думанов 1991; Бабич 1998. С. 145-150).

Все же упомянутые споры ограничились рамками печатных изданий и местных СМИ и не выплеснулись на улицу. По словам кабардинских ученых, главной причиной этого было отсутствие каких-либо насильтвенных межэтнических конфликтов между оппонентами в прошлом. Они пишут: «Несмотря на то, что в территориальном споре полемика велась сугубо на историческом материале, в общественное сознание и кабардинцев, и балкарцев объективно (ввиду отсутствия) не мог быть внедрен ни один исторический факт, свидетельствующий о прошлых конфликтах (особенно вооруженных) между

этими народами. Отсутствие в исторической памяти народов республики такого отягощающего наследия стало весьма важным фактором, умеряющим страсти» (Битова и др. 1996. С. 28; Бегидов 2003. С. 47).

Глава 9. Выводы

Таким образом, за годы советской власти представления балкарцев и карачаевцев о своих предках несколько раз менялись. Вначале их вполне устраивала верный Кавказ, где те смешались с местным населением. Весь акцент делался не столько на времени формирования балкарского и карачаевского народов, сколько на их гетерогенном составе, что как бы подчеркивало братство советских народов, скрепленное кровными узами. При этом особое внимание уделялось участию местных кавказцев в этногенезе балкарцев и карачаевцев, что автоматически делало их аборигенными кавказскими народами. Вместе с тем едва ли не главной их особенностью назывался тюркский язык. Поэтому эта версия этноистории придавала особое значение тюркоязычным предкам, доказывая, что не только местные кавказцы восприняли от пришельцев чужой язык, сколько тюрки навязали местному населению свой исконный язык. Тем самым независимо от того, какие этнические компоненты вошли в их состав, карачаевцы и балкарцы оказывались носителями своего исконного языка и верили в свое этническое единство. Соответственно они воспринимали себя неотъемлемыми частями единого «карачаево-балкарского народа». Именно такой смысл карачаевские и балкарские авторы вкладывали в популярный тогда термин «отуреченные яфетиды».

Не вполне ясно, насколько эти представления, создававшиеся местными интеллектуалами, разделялись основной массой населения. Ведь в довоенные годы уровень образования был невысок, и местная история в школе не преподавалась. Важнейшим рубежом в формировании этнического самосознания следует считать период депортации, когда, подвергаясь гонениям исключительно по этническому признаку, карачаевцы и балкарцы должны были особенно остро чувствовать свои отличия от окружающего населения, имевшего совершенно иной социальный опыт. Дискриминация способствовала их сплочению на основе родственных и псевдородственных связей. Она заставляла их культивировать и гипертрофировать свои языковые и культурные отличия от окружающих, делая язык и культуру важнейшим политическим ресурсом и опорой идентичности. Еще одним таким ресурсом была социальная память, делавшая акцент, с одной стороны, на больших заслугах карачаевцев и балкарцев перед советской властью (их участие в борьбе с белогвардейцами и фашистскими оккупантами), а с другой — на незаслуженных гонениях, выразившихся в катастрофе депортации. Кроме того, спецпоселенцы хранили в памяти идеализированный образ родины, но он был связан не столько с предками-праодителями, как с родной природой и ее ландшафтами [49].

После 1957 г. отношение к предкам кардинально изменилось. Депортация и расчленение бывших карачаевских и балкарских земель не оставили камня на камне от прежних стереотипов интернационализма и дружбы народов. Теперь карачаевцы и балкарцы не хотели иметь ничего общего ни с соседними кавказскими народами, ни с такими представителями тюркского мира, как крымские татары и турки. Первым они не могли простить посягательства на свою территорию, а родство с последними не поощрялось советской властью, боровшейся против пантюркизма. Поэтому карачаевцам и балкарцам нужны были уникальные предки, развивавшиеся своим самобытным путем. Они должны были прийти на Северный Кавказ достаточно рано, чтобы дать карачаевцам и балкарцам аргумент первопоселения для отстаивания своих территориальных прав. Ведь память о недавнем лишении родины и возникшие в результате этого трудноразрешимые территориальные проблемы продемонстрировали важность автохтонных предков, ссылка на которых помогала легитимизировать земельные права. Кроме того, предки должны были быть причастны к древней государственности, чтобы предоставить своим потомкам возможность отстаивать свои политические права. Наконец, они должны были говорить на тюркском языке, но так, чтобы ни у кого не возникло даже повода обвинить балкарцев и карачаевцев в пантюркистских настроениях. Следовательно, этот язык должен был отличаться от языков других тюркских народов, т. е. быть очень древним и содержать своеобразную архаическую лексику. Подходящим претендентом, удовлетворявшим почти всем этим требованиям, были аланы. Их единственным недостатком был их иранский язык, и поэтому в течение последних нескольких десятилетий карачаевские и балкарские учёные и самодеятельные авторы направляли все свои усилия на то, чтобы сделать их тюркоязычными. Вместе с тем в этот период, в отличие от довоенного времени, карачаевцы и балкарцы, обязанные дис-

танцироваться от пантюркизма, должны были довольствоваться эксклюзивной идентичностью. Они считали себя отдельными народами и подчеркивали самобытность своих культур.

Третий этап переосмысливания своей идентичности начался во второй половине 1980-х гг., а основной набор аргументов для этого сложился в 1990-х гг. Теперь снова возобладала инклузивная идентичность, позволяющая карачаевцам и балкарцам считаться единым народом, противопоставляя себя обобщенному образу адыгов. Такое единство требует также единого самоназвания, и в последние годы некоторые этнические лидеры делают все, чтобы привить своим народам этноним «алан». Этому способствует влиятельная группа карачаевских и балкарских ученых, доказывающих тюркоязычие аланс. Мало того, теперь «туркоязычные аланы» становятся хотя и главным, но всего лишь одним из участников великой тюркской древней истории, окрашенной в пантюркистские тона. Причастность к этой истории, во-первых, создает героический ореол вокруг карачаевских и балкарских предков; во-вторых, вводит их в круг древних цивилизованных народов, обладавших ранними формами государственности (туркские каганаты) и письменности (руны); в-третьих, позволяет рассчитывать на сочувствие и поддержку со стороны тюркского мира. Тем самым в последние годы у карачаевцев и балкарцев возрастает тяга к двойной идентичности: на одном уровне они считают себя карачаевцами-балкарцами (или аланами), на другом — тюрками.

Любопытно, что при этом среди современных карачаевских и балкарских интеллектуалов нет единства по вопросу о прародине и появлении предков на нынешней территории. Некоторых из них вдохновляет сугубо автохтонная гипотеза, и они утверждают, что их предки были исконным населением Северного Кавказа. Другим больше нравится миграционная гипотеза, но и в их среде нет единства: если некоторые, вслед за Мизиевым, ищут прародину в Волжско-Уральском регионе, то других вполне устраивает традиционное представление об Алтайской прародине. Любопытно, что одним из важных доводов в устах последователей Мизиева служит физический облик, и они со всей настойчивостью доказывают, что древнейшие тюрки принадлежали к европеоидной расе. Ведь, во-первых, это делает более убедительным утверждение о том, что карачаевцы и балкарцы в отличие от восточных тюрков с их монголоидными чертами являются прямыми потомками древнейших тюрков. Во-вторых, это вводит балкарцев и карачаевцев в семью европейских народов, находясь в которой им представляется престижнее, чем быть потомками «азиатов». Вовсе не случайно в современном интеллектуальном поле появился термин «арийцы», в число которых отдельные авторы стремятся включить и тюрков. Так в местный этногенетический дискурс начинает проникать «арийский миф».

В этом нельзя не видеть атавизмов колониального дискурса с его иерархией народов, которую венчали «светоносные арийцы», создатели культуры и цивилизации, якобы самой своей природой привлеченные либо господствовать над другими народами, либо, по меньшей мере, вести их за собой. В бытовых представлениях такие выдающиеся творческие способности увязываются с внешними физическими чертами, и это, на удивление, возвращает нас к расовому дискурсу, популярному в Европе ровно сто лет назад. Именно в этих терминах некоторые современные карачаевские и балкарские интеллектуалы обсуждают проблемы происхождения своих соседей, искусственно усекая их историю, лишая их многих культурных достижений и делая их предков маргиналами, обречёнными ютиться на задворках истории.

Примечания

1. В начале 1930-х гг. В. И. Абаев находил возможным говорить о едином «балкарско-карачаевском языке» и предлагал для него название «таулу», что означало «горский». См.: Абаев 1933. С. 73.
2. Далее мы увидим, что эта идея и ныне пользуется спросом у карачаевских ученых. См.: Шаманов 2003. С. 29-30.
3. Кое-где прежние названия населенных пунктов были в 1957 г. восстановлены. См.: Зумакулов 2001. С. 430-431.
4. Бугай дает несколько иные цифры. См.: Бугай 2000.
5. В известной степени этот негативный образ турок и Османской империи коренился в европейской традиции, формировавшейся в XVI – XVIII вв. См.: Zirakman 2002. Р. 75-85, 105-172. С начала 1970-х гг. образ врага в лице Турции получил уже другую функцию как фактор, заставлявший местные народы ориентироваться на Россию и оправдывавший их добровольное присоединение к ней. Именно такого подхода требовали от историков партийные чиновники. См.: Шерстобитов 1974. С. 13-15; Гриценко 1975. С. 21-23, 31-32; Сокуров 1976.
6. Позднее Лавров объяснял, что его работы по истории карачаевцев и балкарцев не увидели бы свет, если бы он осмелился упомянуть истинные названия этих народов. См.: Маремшава 2003. С. 190.
7. Правда, некоторые специалисты все же датируют его XI–XII вв. См.: Марковин, Мунчаев 2003. С. 266.

8. Доклад Лаврова о сванах содержал явные натяжки. В частности, в доказательство своей гипотезы он приводил башню, построенную в Чегемском ущелье в сванском стиле. См.: Лавров 1950. С. 81. Этую башню действительно построили сванские мастера, но по приглашению местных князей. См.: Иессен 1941. С. 31; Мизиев 1970. С. 42-43, 72; Калоев 1972. С. 24-25; Шабаев 1994. С. 239-240.

9. Похоже, термин «горско-татарское население» для балкарцев дольше всего использовали некоторые осетинские авторы. См., напр.: Ванеев 1959. С. 21.

10. Идеи Лайпанова перекликались с гипотезой Л. И. Лаврова, который еще в 1940 г. отождествлял тюркоязычных предков карачаевцев и балкарцев с половцами. См.: Лавров 1959; 1969. С. 60-77.

11. Это мнение, похоже, разделяют и некоторые балкарские ученые. См., напр.: Батчаев 1980.

12. Правда, В. И. Абаев высказывал догадку о том, что под тюркским и иранским слоями лежит какой-то еще более ранний языковой субстрат, связанный с истинными кавказскими аборигенами. См.: Абаев 1933. С. 88; 1949. С. 289-290. Вероятно, речь должна идти о носителях более ранней кобанской культуры. См.: Алексеева 1963. С. 7-11, 50-51; 1991. С. 321.

13. В 1960–1976 гг. он был министром внутренних дел КБ АССР.

14. О воспоминаниях его дочери о мытарствах семьи см.: Алиева 1993 в.

15. Такая идея встречалась в довоенной литературе. См., напр.: Анисимов 1929. С. 47; 1937. С. 84.

16. О ее критике см.: Кузнецов 1963 а; 1974. С. 77-85; Кузнецов, Чеченов 2000. С. 93; Алексеева 1963. С. 15, примеч. 1; 1966. С. 240-247.

17. Между тем в самой Турции пантюркизм был непопулярным маргинальным течением, и ни власти, ни население не придавали ему никакого значения. См.: Cornell 2001. Р. 288-289.

18. Правда, Турчанинов был склонен приписывать рунические надписи тоже аланам. См.: Турчанинов 1971. С. 89. Но единомышленников он в этом не нашел.

19. Неприязнь со стороны Суслова карачаевцы объясняют, в частности, тем, что, не сумев в 1943 г. организовать эффективное партизанское движение в Карачаево-Черкесии, он попытался переложить вину на карачаевцев. См.: Гарифуллина 1990 б; Алиев и др. 1993 а. С. 15; Коркмазов 1994. С. 125-127; Тебуев 1997. С. 19, 32-33; Шаманов и др. 1999. С. 17. Это мнение подтверждают и независимые эксперты. См.: Медведев, Ермаков 1992. С. 61-73.

20. Впервые школьный учитель Кипкеев заявил о себе страстным выступлением против «карачаевского национализма» на IV пленуме Карабаево-Черкесского обкома партии в 1974 г. К июню 1981 г. он сделал головокружительную карьеру, став ректором Карабаево-Черкесского государственного педагогического института, депутатом Верховного Совета СССР и членом Карабаево-Черкесского обкома КПСС. См.: Алиев 1993 б. С. 25-27.

21. Следует отметить, что для северокавказцев, с большой нежностью относящихся к детям, обвинение в убийстве детей звучит страшным оскорблением. В начале 1990-х гг. этот памятник был демонтирован.

22. В XVI–XVII вв. некоторые европейские авторы тоже верили, что тюрки происходили от скифов. См.: Фаттахов 2002. Р. 81-82.

23. В 1990-е гг. о тюркоязычии алан заговорили и в Татарии. См.: Фаттахов 1990; Закиев 1995. С. 59 и след.

24. О критике этой тенденции см.: Кузнецов, Чеченов 2000. С. 81.

25. В советские годы «карачаево-балкарская национальность» фигурировала только в переписи 1937 г. См.: Бугай, Гонов 2003. С. 394. Но затем о таком единстве писали только эмигранты. См., напр.: Aslanbek 1952. Р. 7.

26. Этот проект потерпел неудачу, но в последние годы адыгейцы добились значительной государственной ссуды на строительство автомобильной трассы, призванной соединить их с шапсугскими районами. Тем временем шапсуги отказались от требования учреждения национального района и удовлетворились получением национально-культурной автономии.

27. Появившиеся в конце 2004 г. планы упразднения Республики Адыгеи и ее объединения с Краснодарским краем кладут конец этому мифу. Правда, президент Адыгеи заявил 13 января 2005 г. решительный протест, а весной целый ряд местных общественных организаций также выступили против этого проекта. См.: <http://regnum.ru/news/38873.html>.

28. Правда, в советское время он у них сомнений не вызывал. См., напр.: Кумыков 1967. С. 238.

29. О национальном представительстве во властных структурах КБР см.: Аккиева 2002. С. 118.

30. См. весьма показательный спор об истории региона между В. М. Коковым и Х. М. Ибрагимбейли (Коков 1997; Ибрагимбейли 1998).

31. План создания казачьей республики был разработан под руководством бывшего первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС И. Болдырева (Коркмазов 1994. С. 136-137).

32. Кстати, В. И. Абаев не был категорическим противником идеи гетерогенности скифов и сарматов. Теоретически он допускал, что в их состав могли входить и какие-то неиранские элементы. Просто он не видел твердых доказательств в пользу этого. См.: Абаев 1949. С. 37.

33. Об азербайджанских ревизионистах см.: Шнирельман 2003. С. 165-182.

34. О нем см.: Shnirelman 1996. Р. 38-39.
35. Об этой теории см., напр.: Еремеев 1990 а.
36. О критике этого см.: Sahni 1997. Р. 196-197.
37. Нелишне отметить, что именно такую шовинистическую роль индоевропейская теория играет в писаниях некоторых современных русских националистов. Об этом см.: Шнирельман 2004 а; Shnirelman, Komarova 1997.
38. О более осторожном подходе см.: Лавров 1969. С. 66; Чвырь 1996.
39. Недавно эти идеи подхватил музыковед А. Баташев, не только выводящий свой род из Карачая, но и убежденный в его связях с Шумером. См.: Кукулин 2001.
40. О критике построений Мизиева см.: Чеченов 1990. С. 148-150; Кузнецов 1992. С. 178, 371; 1997. С. 47-48; Марковин 1994. С. 58-60; Баскаев 1995 б; Кузнецов, Чеченов 2000. С. 35-45, 94-95.
41. О последнем пишет сварщик нальчикского домостроительного комбината, который на досуге увлекается «чтением» древних письмен и объявляет скифов «турками-этрусками». См.: Алишев 1989; 1991 а; 1991 б; 1996. О критике его построений см.: Кузнецов, Чеченов 2000. С. 43-44, 58.
42. Об оценке произведений Байрамкулова специалистами см.: Кузнецов, Чеченов 2000. С. 97-98.
43. Осетинские авторы соглашаются, что главный центр Алании лежал на западе, но они связывают его с безусловно ираноязычными аланами. См., напр.: Дзицойты 1992. С. 60-88.
44. На самом деле там еще в X1-XП вв. появились христианские храмы, построенные грузинскими зодчими. См.: Тменов и др. 2003. С. 44.
45. К сожалению, все эти рассуждения о союзнических отношениях с кабардинцами и о «горно-кабардинской конфедерации» остаются слабо обоснованными источниками.
46. Эту связь советские археологи подчеркивали, по крайней мере, с 1940-х гг. См., напр.: Смирнов, Крупнов 1949. С. 316.
47. Правда, не все с этим согласны. Карабаевский филолог Х. Х. Малкондуев не принимает термин «алан» в качестве общего этнонима (Малкондуев 2001. С. 6-7).
48. Осетин это, естественно, возмущает. См., напр.: Дзидзоев 2000. С. 175.
49. Это – характерная черта крестьянской памяти. См.: Fentress, Wickham 1992. Р. 113.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Этногенез как этнополитический миф

Глава 1.

Социальная память

По заключению специалистов, «коллективная или социальная память формируется социальными, экономическими и политическими обстоятельствами, представлениями и ценностями, оппозицией и сопротивлением. Она включает культурные нормы и вопросы аутентичности, идентичности и властных отношений. Она вплетена в идеологию. Социальная, коллективная, историческая память непостоянна, пластична, условна. О ней договариваются, и ее оспаривают; ее утрачивают, подавляют и вновь обнаруживают; ее пересматривают, изобретают или изобретают заново. Но социальная или историческая память может быть также кумулятивной и устойчивой. Некоторые аспекты прошлого особенно сопротивляются какому-либо пересмотру, но устойчивость памяти основана также на силе инерции и привычки» (Cattell, Climo 2002. Р. 4-5).

Социальную память можно понимать по-разному — как устную историю; результаты массовых социологических опросов; мемуары, дневники и личные письма; памятные знаки и монументы; празднования юбилеев и памятных дат; ритуалы и церемонии; невербальное поведение и т. д. В нее, разумеется, входит и набор наиболее значимых для людей событий прошлого (Шнирельман 1999 б. С. 12-13). Американский социолог Б. Шварц был одним из первых, кто осознал роль ключевых исторических событий в структуре социальной памяти (Schwartz 1982). Позднее на это обратил внимание английский антрополог Э. Арденер, отметивший, что лишь наиболее значимые события имеют шанс в ней закрепиться (Ardener 1987. Р. 49-50). В то же время известный французский историк Пьер Нора связал «узлы памяти» не столько с ключевыми событиями, сколько с мнемоническими местами (*lieux de mémoire*) (Nora 1989). Как показал Б. Шварц, место таких событий или процессов в социальной памяти не является заданным. С изменением социополитической ситуации они могут оттесняться или даже вовсе вытесняться другими событиями, осознаваемыми обществом как ключевые. Мало того, то, что осознается одной частью общества или этнической группы как ключевое событие, может не осознаваться другой.

В любом случае такие ключевые события или их герои служат могущественными символами, влияющими на общественное мнение и политическое поведение людей. По словам М. Эдельмана, «неоднозначные политические действия, далекие от непосредственного индивидуального опыта и неподвластные ему, чаще всего осознаются на уровне общественного мнения. Для подавляющей части общества они становятся конденсаторными символами, вызывающими эмоции, зовущими к согласию во имя социальной гармонии, служащими центром психологической напряженности» (Edelman 1967. Р. 6-8). Социальная память функциональна в том смысле, что она тесно связана с особенностями окружающей социальной обстановки и особыми интересами тех групп, на которых она фокусируется. В этом же смысле функционально и забвение, с особой силой подчеркивающее групповые интересы и групповую идентичность (Fentress, Wickham 1992. Р. 39; Tonkin 1992. Р. 15-16; Lowenthal 1994. Р. 50; Schudson 1995). Поэтому историки-постмодернисты говорят не только о социальной памяти, сколько о ее использовании, и не столько об истории, сколько об образах истории (Хаттон 2003. С. 28-30).

Некоторые специалисты проводят различие между образом прошлого, существовавшим в традиционном или существующим в современном общественном сознании, т.е. социальной памятью, с одной стороны, и профессионально написанной историей, с другой (Plumb 1970. Р. 11-17; Lewis 1975. Р. 11-13). Любопытно, что в Англии иммигранты из стран Азии и Африки проводят различия между «историей» как школьным предметом и «прошлым» как идеей «наших корней» (Emmott 1989. Р. 27). Но, на мой взгляд, история, которую пишут профессиональные историки, тоже является разновидностью социальной памяти, и я бы не стал резко противопоставлять ее последней, как это делал пионер изучения коллективной памяти Морис Хальбвакс (Halbwachs 1980). Ведь то «прошлое», которое представляют себе современные образованные люди, в той или иной мере связано с историческими знаниями, добываемыми профессиональными историками. Поэтому скорее следует согласиться с современными исследователями в том, что «история и коллективная память вплетаются в сложную ткань национального и

культурного самосознания» (Jones 1994. P. 151), и это превращает историческую реальность в культурную конструкцию (Tonkin 1992. P. 118-131; Lass 1994. P. 90).

Ведь историки разделяют предубеждения и заблуждения, свойственные своей эпохе и своему социальному окружению, и это оказывает то или иное влияние на их профессиональную деятельность, начиная от выбора предмета исследования до интерпретации полученных данных. Мало того, именно историки и этнологи создают версии прошлого, обслуживающие тот или иной политический проект (Bond, Gilliam 1994 a). Иногда они делают это вполне осознанно (см., напр.: Roudometof 2002. P. 190-191). Кроме того, такие версии кладутся в основу школьных учебников, используются журналистами и писателями, учитываясь политиками при выстраивании той или иной идеологии. При этом из обширного набора фактов и событий отбираются те, которые представляются наиболее значимыми и пригодными для обслуживания тех целей, на которые направлена данная версия прошлого. Правда, эти цели не всегда четко осознаются. Иной раз они присутствуют на уровне эмоций. В любом случае определенные версии прошлого входят интегральной частью в состав социальной памяти, хотя общественные деятели и творческая интеллигенция могут по-своему их интерпретировать и вкладывать в них не то значение, которое изначально придавалось им профессионалами.

Действительно, признавая большую роль элит, следует иметь в виду тот факт, что сами элиты неоднородны. Ведь «политики, использующие этнические мифы, могут не иметь ничего общего с теми, кто эти мифы создал» (Kaufman 2001. P. 24). Кроме того, элиты и массы могут иметь разные мотивы и преследовать разные цели. Элиты могут действовать вполне рационально, а массы — следовать иррациональным эмоциям, или «параду абстракций» (Edelman 1967. P. 9-10). Эти эмоции и подогревают опытные политики, искусно оперируя этническими мифами и символами, чтобы, как отметил П. Бурдье, представить собственную волю «народом», «нацией» (Bourdieu 1992. P. 210).

В свое время М. Фуко писал, что в XVIII в. был осознан смысл «индивидуального тела» и тем самым была «изобретена» новая политическая анатомия (Foucault 1979. P. 137-138). Продолжая эту мысль, можно сказать, что в XIX в. с появлением «органической теории» был осознан смысл «коллективного тела», а «изобретением» XX в. стал этногенез как важный рычаг конструирования этнической идентичности и способ политического манипулирования коллективным телом на основе современных научных технологий.

Действительно, если традиционное общество имело дело с реальными социальными группами (*Gemeinschaft*), к которым и привязывал себя человек в своей жизнедеятельности, то современность добавила к этому виртуальные группы, объединенные образом «единой культуры». Такие группы и получили название этнических. К ним вполне применим термин Б. Андерсона «воображаемые сообщества». И дело не только в том, что такие группы чаще всего настолько велики по своим размерам, что человек не в состоянии объять их своим взором; он способен осознать их наличие лишь в своем воображении. Еще важнее тот факт, что их культурная основа весьма аморфна, ибо, складываясь из многих различных компонентов (язык, религия, фольклор, поведенческие стереотипы, хозяйственная система и пр.), культура в каждом конкретном контексте может пониматься весьма по-разному, а соответственно по-разному может конструироваться и культурная общность. При наличии у культуры сложной структуры людям всегда предоставляется выбор, какой именно ее компонент положить в основу своей этнической идентичности. Поэтому-то мы и встречаемся с ситуациями, когда одни этническости апеллируют к общности языка, другие — к общности религии, третьи — к специфической хозяйственной деятельности, четвертые — к общему прошлому и общим переживаниям и т. д. При этом с изменением окружающей обстановки возможен и перенос акцента с одного компонента на другой, что обнаруживает высокую адаптивную способность этническости. Об этом, в частности, свидетельствует многозначность этнонима. Когда-то я уже писал, что «многозначность этнонима должна восприниматься не как досадная помеха, мешающая исследователям создавать логически стройные системы этнических категорий, а как имманентно присущее ему качество, повышающее способность к адаптации в меняющейся социальной обстановке» (Шнирельман 1992. С. 230). То же самое, очевидно, относится и к образу культуры.

Но если для современного человека этническость ассоциируется с тем или иным образом культуры, то для человека традиционного главным была вовсе не культура, а семейно-родственные или родоплеменные связи, которые и определяли его место в социуме. Хотя восприятие «других» в терминах «иной культуры» широко наблюдалось еще в глубокой древности и было характерно для традиционных обществ, идентификация себя самого прежде всего с «культурной общностью» — это новое явление, возникшее только после распада традиционных социальных связей. Все это позволило Р. Хэндлеру заяв-

вить, что «этнография заставляет использовать понятие «идентичность» только для истории современного мира» (Handler 1994. P. 34). Действительно, индийский ученый подтверждает, что понятие «этническая группа» является европейским изобретением, неизвестным в традиционной Индии (Parchh 1995. P. 42). С этой точки зрения никакой этничности в традиционных обществах не было, и если сегодня «традиционные группы» выглядят «этническими», то лишь потому, что им удается переосмысливать свои идентичности, используя особенности новых интеллектуальных технологий (Boyarin 1994. P. 14-15; Lowenthal 1994. P. 45; Rowlands 1994). Вот почему говорить о какой-либо объективной «этнической истории», уходящей в глубь веков, не представляется возможным. Поэтому-то традиционные фольклорные источники, привязанные отнюдь не к этническим, а к отдельным семейно-клановым группам, сплошь и рядом оказываются бессильными в деле восстановления общего «этнического» прошлого. Гораздо более пригодными для этого представляются такие современные науки, как археология, лингвистика, физическая антропология, этнология. Именно они с помощью научных технологий реинфирмируют этничность, наделяя ее объективизированным прошлым. По словам М. Роулэндса, «археология внесла большой вклад в формирование примордиалистского подхода к идентичности» (Rowlands 1994. P. 136), ибо, отождествляя древнюю материальную культуру с якобы объективной «культурной общностью», она придавала запредельную историческую глубину современным этническим группам.

Поэтому-то сегодня мы и обнаруживаем, что версии этнической истории сплошь и рядом оказываются книжными, опирающимися на знания, полученные путем научных исследований. Так, мифологическая история, с которой Л. Малкки столкнулась у хуту (Malkki 1995. P. 52-104), — это история, созданная людьми, испытавшими на себе влияние христианства и европейского школьного образования. Память о Масаде в Израиле и о 2500-летии шахской династии в Иране — это тоже книжная память, полученная из внешних источников и запечатленная в общенациональных церемониях (Connerton 1989. P. 52). Аналогичным образом, появившиеся после обнаружения «Слова о полку Игореве» знания о взаимоотношениях русских с половцами превратились в социальную память только после того, как легли в основу оперы Бородина «Князь Игорь». Воспоминания жителей греческой деревни Ассирос о далеком прошлом на поверку оказались книжным знанием, навеянным греческой историографией. Как пишет Анастасия Каракасиду, на Балканах, где история всегда была пристрастной, «писаная история, реконструирующая прошлое, иной раз столь же субъективна или является результатом тщательного отбора, как и местная память или устные истории, хотя местные профессиональные историки стремятся это отрицать» (Karakasidou 1997. P. 31-32). Грандиозные национальные истории, созданные европейскими историками в XIX в., также являются итогом националистических проектов, призванных легитимизировать формирование национальных государств с помощью заведомо телеологических схем, основанных на тщательном отборе и систематизации пригодных для этого фактов. То же относится и к археологии, и, по словам эксперта, ей «присущи жаркие споры о национальном или этническом первенстве, доказательной силе известных реликвий, предпочтении одних эпох другим...» (Lowenthal 1994. P. 52).

Все это, разумеется, делает этническую историю искусственной конструкцией. Однако это вовсе не означает, что ее следует отвергнуть как «фикцию». Ведь если люди верят в её истинность и основывают на ней свою этническую идентичность, она становится важным фактором, влияющим на их отношение к миру и реальное поведение. И в этом смысле она сама вполне реальна и не может быть отвергнута со ссылкой на какие-то внешние «объективные критерии» (Chapman, McDonald, Tonkin 1989. P. 9-10). В то же время, будучи важнейшей частью социальной памяти, этническая история находится в центре горячих публичных обсуждений, нередко представлена несколькими версиями и время от времени пересматривается или реинтерпретируется.

Националистический проект, игнорирующий сложности социальной структуры и внутренние конфликты, всегда предполагает тот или иной выбор. Например, во время Гражданской войны часть чеченцев во главе с А. Шериповым и Н. Гикало выступила в поддержку советской власти, но многие чеченцы ее не приняли. Аналогичным образом, если небольшая осетинская крестьянская партия «Кермен» встала на сторону большевиков, то масса осетинских офицеров составила костяк местной контрреволюции. Этим и пользовались советские идеологи, изображавшие в 1920-1930-х гг. чеченцев и ингушей преданными защитниками советской власти на Северном Кавказе, а во второй половине 1940-х — 1950-е гг. объявившие их демонической силой, всячески мешавшей большевикам. Что же касается осетин, то в советское время было принято замалчивать роль осетинских офицеров и преувеличивать заслуги керменистов. Зато в постсоветское время произошла переоценка ценностей, и в республиках Северного Кавказа были реабилитированы местные политические и общественные деятели, известные

своим активным сопротивлением советской власти, как осетин Г. Баев, ингуш В.-Г. Джабагиев, кабардинец П. Коцев и др. В пантеоне героев, достойных памяти, они сменили С. Орджоникидзе и С. Кирова, занимавших почетное место в советской историографии Гражданской войны. Сегодня осетины стремятся забыть об активном участии своих предков в «набеговой системе», а русские — о жестокостях царских генералов во время Кавказской войны. Осетины не хотят помнить о контрреволюционной роли осетинских офицеров в 1918 г., а народы, пострадавшие от депортации, о деятельности «повстанцев» в годы Великой Отечественной войны. Все это говорит об инструментальной роли амнезии; забывчивость оказывается неравнозначной полной потере памяти (Schudson 1995).

Ничего подобного с раннесредневековой и более древней историей произойти не может, ибо их действующие лица либо безымянны, либо имеют фольклорный характер и в силу этого больше подходят на роль «общенациональных» героев, чем политические деятели недавней истории. Но в эпических полотнах, создаваемых современными исследователями, «героем» отдаленного прошлого чаще всего становится культурная общность, которая без достаточных на то оснований сплошь и рядом наделяется социальной субъектностью. Это-то и позволяет выстраивать необычайно длительную линию этнического развития, получившую название «этногенез». В свою очередь, идея «этногенеза» находит большой спрос у современных политиков, предоставляя в их распоряжение широкий набор заманчивых символов, таких как «автохтонность», «право первопоселения», запредельная «культурная древность», «ранняя государственность», «культуртрегерство» и «культурная миссия».

В разных странах новейшему периоду отечественной истории придается разное значение. Например, во Франции до введения в 1979 г. новых правил доступа к архивным материалам политические документы сохраняли гриф секретности в течение ста лет. Поэтому историки практически были лишены возможности заниматься современностью. В Японии более или менее детально отечественная история изучается только до периода Второй мировой войны, а период после 1960-х гг. вовсе не представлен в школьных учебниках. Тем самым, во-первых, школа избегает политизации, а во-вторых, современный период остается для общественного дискурса, что и заставляет многих зарубежных авторов проводить различие между «истинной историей» и образом прошлого, закрепленным социальной (коллективной) памятью. В Советском Союзе история была прежде всего идеологической наукой, и историки современности не особенно заботились об обеспеченности своих штудий строгой документальной базой — для целей пропаганды хватало и официальных партийных документов. Такое отношение к истории перешло по наследству к постсоветским государствам, где в школах преподается история, доведенная до самых последних лет. Это, разумеется, сохраняет историю статус политической науки и политизирует процесс преподавания. Автоматически такое отношение переносится и на более ранние эпохи, что и делает всю историю полем напряженного дискурса, в котором участвует широкая общественность. Поэтому в постсоветских государствах особенно трудно провести четкую границу между историей и социальной памятью.

Если в советское время господствовал миф о далеком «счастливом будущем», то в наше время ему на смену пришел миф о далекой героической эпохе, оставшейся в прошлом. Нетрудно заметить, что оба мифа концентрируют внимание на отдаленных временах. Чем это вызвано? Еще М. Эдельман отмечал, что, чем отдаленнее событие и чем труднее проверить связанные с ним факты, тем легче оно может стать основанием для популярных мифов, претендующих на обоснование идентичности (Edelman 1971. P. 42-43). Действительно, похоже, что в современном мире образы прошлого приобретают все большую ценность как важная опора идентичности. Одной из причин является идущая быстрыми темпами глобализация, ведущая к тому, что традиционная культура, на которую обычно опирается этничность, быстро исчезает; нередко этнические группы теряют свои исконные языки (известно, что каждые две недели в мире исчезает один язык). В этих условиях все более важной опорой этничности становится социальная память, нарративы о далеких предках и их героической жизни, особенно важные для угнетенных групп или этнических меньшинств (Lowenthal 1994. P. 48).

Миф о далеких предках занимает особое место в построениях интеллектуалов, связанных своим происхождением с этническими меньшинствами. Почему он кажется им столь привлекательным и почему ему иной раз удается оказывать на людей более сильное воздействие, чем мифам о недавнем прошлом? Во-первых, недавнее прошлое достаточно хорошо освещено документами, в нем действуют известные люди со всеми их достоинствами и недостатками, и этих людей нелегко идеализировать. Достоинством далекого прошлого является то, что о нем мало что известно, и поэтому имеющиеся скучные свидетельства допускают самую различную интерпретацию и позволяют создавать весьма привлека-

тельные образы отдаленных предков. Во-вторых, общественные взаимоотношения недавнего прошлого отягощены социальными барьерами, и такое общество трудно представить органическим единством. Зато, как упоминалось выше, общества отдаленного прошлого, обезличенные разрушительным действием времени, много легче изобразить в виде культурных целостностей и наделить их единой волей, превратив в коллективных былинных богатырей, культурных героев. В-третьих, не всякое прошлое способно удовлетворить такие запросы. Для многих народов современного мира последние столетия ассоциируются с колониальным гнетом, рабством и зависимостью. Все это, разумеется, не способно воспитывать чувство самоуважения и гордости за предков. Более притягательным кажется отдаленное доколониальное прошлое, когда народ был свободен, независим, устраивал славные военные походы против врагов, имел значительные самостоятельные культурные достижения (изобретение металлургии, письменности, создание богатой фольклорной традиции, возведение величественных архитектурных сооружений и т. д.) и, в оптимальном варианте, свою достаточно древнюю государственность. Такое прошлое и представляется золотым веком. Наконец, в-четвертых, популярно мнение, что многовековая преемственность придает особый престиж культуре и заставляет считаться с ее носителями, позволяя им претендовать на высокий социальный статус (Шнирельман 2004 б. С. 75-76). Вот почему знания о далеком прошлом издавна ценились элитой (Layton 1989. Р. 8; Gillis 1994. Р. 6). Но только в обществах всеобщей грамотности и национального суверенитета они стали массовым достоянием и теперь широко используются в публичной политике. Ведь следует иметь в виду также то, что образ отдаленного прошлого социален по определению в том смысле, что он важен не столько для отдельного индивида, сколько для группы, наделяя ее идентичностью (Tonkin 1992. Р. 11-12).

Глава 2. Политика и социальная память

Огромную роль в конструировании социальной памяти играет деятельность государства. Сюда, в частности, относится создание официальной классификации населения, разделение его на группы (народы, расы, конфессии) и наделение их именами (Foucault 1979. Р. 190-192; Bourdicu 1992. Р. 168-170, 220-223; Тишков 2003 б. С. 175-229); конструирование иерархии народов и автономий; наделение их историей (НИИ, музеи и школа); депортация и дискrimинация одних и предоставление привилегий другим; контроль над историческим производством и направление его в определенные установленные государством рамки. В Советском Союзе при отсутствии сильной правовой базы и в условиях национализации основных экономических ресурсов борьба за ресурсы осуществлялась не через суд с опорой на правовые нормы, а со ссылкой на архаическое историческое право, способствовавшее расцвету романтических версий истории. Кроме того, в СССР это усугублялось политикой неотрадиционализма (Petrone 2000; Martin 2000; 2001).

В своих интересах государство придает нужному прошлому монументальный облик, взвывает к поражающим воображение архетипам, осуществляет диадические манипуляции с прошлым и всемерно использует его как мощный мобилизационный фактор (Schwarcz 1994. Р. 51-52). Государство не просто заинтересовано в определенных версиях прошлого; оно всячески подпитывает социальную память с помощью общенациональных праздников и государственных символов, празднований исторических дат и юбилеев, возведением монументальных памятников, поддержкой музеев и мест всенародной памяти, топонимической политикой, закрепляющей одну память и стирающей другую, государственным стимулированием киноэпопеи, популяризирующих нужную ему версию прошлого, а также контролем за историческим образованием. Все это Дж. Моссе включил в список действенных методов «национализации масс» (Mosse 1975) [1].

В чем сила государственной символики? Отдельные исторические факты легко забываются. Но, как отмечают специалисты, лучше сохраняются и более действенны те из них, которые запечатлены в доступных и популярных образах, и это хорошо осознается политиками (Moscovici 1985. Р. 98-99; Fentress, Wickham 1992. Р. 73; Dawisha, Parrott 1994. Р. 24; Хаттон 2003. С. 36-39). Особенно сильным мобилизационным потенциалом обладают те исторические события или символы, которые регулярно навязываются людям с помощью СМИ, особенно телевидением (Emmott 1989. Р. 34; Hoeber Rudolph, Rudolph 1993). Надо ли говорить о том, что, прежде чем стать значимыми политическими символами, события прошлого подвергаются жесткой селекции? При этом отсеиваются те из них, которые наруша-

ют стройность официальной версии истории, а другие проходят процедуру реинтерпретации, чтобы лучше этой версии соответствовать.

Например, путем внедрения тотального и телеологического «Большого нарратива» советская власть пытается навязывать массам список тщательно отобранных ключевых событий и их интерпретацию с целью своей легитимизации и выработки у людей лояльности режиму. В частности, с этой целью и выковывалась идеология «дружбы народов», значительно расходившаяся с действительностью, но зато создававшая идеологические опоры для действий властей. Память, не укладывавшаяся в эти рамки, подвергалась репрессиям. Однако если ее можно было изгнать из общественных учреждений и с площадей, это не удавалось сделать в отношении межличностных контактов и частных кухонь.

Таким образом, если население и подвергается массовой индоктринации, это вовсе не означает, что пропаганда имеет стопроцентный успех. Ведь разные люди воспринимают ее по-разному в зависимости от своего социального опыта, уровня образования, политических симпатий и антипатий (Petrone 2000. P. 2-3). У некоторых людей официальная символика и поддержанная государством версия прошлого вызывают отторжение. Этим и пользуется оппозиция, также прибегающая к образам прошлого и связанным с ними символам. Именно в этой среде, нередко вдали от столиц, создаются альтернативные версии прошлого, включая этноисторию (Sider 1994. P. 119-120; Fentress, Wickham 1992. P. 134-135; Tonkin 1992. P. 26-27; Noyes, Abrahams 1999. P. 90-93). Пока оппозиция слаба, они ются на периферии общественного сознания, но при ослаблении правящего режима способны стать стержнем идеологии мобилизации. Такие символы могут использоваться при организации оппозиционных шествий и демонстраций. Они весьма характерны для искусства андеграунда. Мало того, образы альтернативного прошлого раньше попадают на страницы художественных произведений, звучат с эстрады, обнаруживают себя в театральных постановках, в изобразительном искусстве (Altstadt 1991). И лишь вслед за этим они начинают встречаться в произведениях профессиональных историков. Большой мобилизующей силой обладают не только памятники и поклонение им, но и их ритуальное разрушение (Абрамян 2003), как это произошло сперва с памятником А. Шерипову и Н. Гикало, а затем с памятником генералу Ермолову в Грозном и демонтированием памятника Орджоникидзе во Владикавказе; не только наименование улиц и площадей в честь исторических героев и памятных событий, но и их переименование, что мы видели на примере Орджоникидзе-Дзауджикуа-Владикавказа. К той же категории относится и смена топонимики, с одной стороны, стирающая память о прошлых обитателях, а с другой, помогающая «культурному» освоению территории их преемниками. Смена политического режима неизбежно ведет к пере-писыванию истории, причем на место прежней официальной версии прошлого нередко приходит самая альтернативная, которая ранее годами подвергалась гонениям. Так, ослабление и затем падение советского режима в Чечне привело к крушению идеологии «добровольного вхождения» и замене ее идеологией «национально-освободительной борьбы».

Обычно национальное государство узурпирует право на историческую истину, присваивает всю историю в рамках своей территории, тщательно отбирает исторические факты, преувеличивая и воспевая то, что идет ему на пользу, и замалчивая то прошлое, которое способно подрывать его позиции. Все это делается во имя единства нации, теоретически призванной охватывать все население государства, но фактически нередко отождествляемой с доминирующим большинством. В таких условиях этнические меньшинства нередко культивируют свои альтернативные версии прошлого как важные символы своей особой идентичности (Alonso 1988. P. 39-45).

Иначе обстояло дело в СССР, где этнические истории вовсе не являлись каким-то «тайным знанием», стоящим в оппозиции к общесоветской версии истории. Они были вполне официальными, инициировались самим государством и имели хождение наряду с общесоветской версией. Однако государство стремилось их контролировать и держать в определенных рамках, заданных идеологемой «дружбы народов». Поэтому любая историческая информация или интерпретация исторических событий, не соответствующая образу этой «дружбы», подлежала цензуре. Например, альтернативные версии прошлого, выходившие далеко за рамки научных стандартов, с готовностью подхватывались местными СМИ, если только эти версии не создавали угрозы общесоветской исторической схеме. Так, вполне допускалось обсуждение вопроса о якобы неиранском характере языка Зсленчукской надписи, но покушение на версии о «дружбе народов» или «добровольном присоединении» ряда народов Северного Кавказа к Российской империи было немыслимо.

Таким образом, «тайным знанием» была не сама по себе этническая история, а ее особые версии, выходившие за рамки отведенного ей интеллектуального пространства. Именно за эти версии и велась

борьба между региональными элитами. Вместе с тем даже признанные государством версии этнической истории прямо или в подтексте содержали определенный заряд оппозиции советской идеологии и даже элемент восстания против нее. Речь идет о «скрытом смысле», легко схватывавшемся теми, к кому он был обращен (Humphrey 1994. P. 22-23). Ведь авторы таких конструкций стремились показать, что история отдельных народов началась вовсе не с Октябрьской революции, что задолго до неё они имели свои собственные истории и культуры, созданные собственными руками. Следовательно, они были способны на самостоятельное развитие. С этой точки зрения и их вхождение в состав Российской империи, и подчинение советской власти могли рассматриваться как преходящее явление.

Большинство людей находятся в стороне от большой политики, и им некогда вникать в ее тонкости. Поэтому они общаются к ней посредством символов, являющихся, по М. Эдельману, «средствами, помогающими группам, неспособным к рациональному анализу сложных ситуаций, приспособливаться к ним путем стереотипизации, упрощенных представлений и веры» (Edelman 1967. P. 40). Именно символы вызывают больше всего эмоций у публики, и поэтому мобилизация масс предполагает искусственную манипуляцию символами. Однако отнюдь не любой символ находит живой отклик в массах. Последние эмоционально реагируют лишь на те символы, которые затрагивают болевые точки и касаются жизненно важных проблем. Радикальное изменение ситуации способно лишить символ былой привлекательности. Во второй половине 1990-х гг. это, например, произошло с образом имама Шамиля: если в советское время он безоговорочно служил всем чеченцам символом консолидации и сопротивления, то в 1990-х гг. он стал восприниматься ими уже не столь однозначно — некоторые стали отвергать его как «чужака», покусившегося на их свободу и вовлекшего в безнадежную кровопролитную бойню (Shnirelman 2004a).

Глава 3.

Образы прошлого и политика на Северном Кавказе

Как показал когда-то чешский ученый М. Грох, национальная идея вначале выковывается интеллектуалами (создание версий истории, введение письменных языков и литературы), а затем проникает в массы (Hroch 1985. P. 23). Вместе с тем в СССР не было четкой границы между выделенными Грохом фазами А («период научного интереса») и Б («период патриотической агитации»), так как патриотическая идеология была неотъемлемой частью советской пропаганды. Если в центре выковывался советский патриотизм, то в республиках к нему добавлялся местный патриотизм, не в последнюю очередь опиравшийся на курсы местной истории, преподававшиеся в республиканских школах. При этом представители этнических меньшинств выказывали гораздо больше интереса к своей этнической истории и своим историческим героям, чем доминирующее большинство. В сознании людей их личная биография не отделялась от истории своего народа. Эльза Гучинова вспоминает случай, когда на просьбу рассказать свою биографию калмыцкий подросток начал свое повествование с того момента, как калмыки появились в России [2]. То же самое ярко проявляется у местных интеллектуалов — историков, филологов, политологов и пр. О чем бы они ни писали в своих книгах, они никогда не упускают случая отметить необычайную древность своего народа, уходящую корнями в далекую первобытность.

Ш. Фицпатрик уже отмечала недоумение американских исследователей, интересовавшихся частной жизнью советских людей и неизменно отмечавших, что общественное начало сплошь и рядом оттесняло и подавляло в их сознании «мелочи личной жизни». Она объясняла это идеей колlettivизма, которую людям навязывала советская идеология (Фицпатрик 2001. С. 263-264). У представителей нерусских народов такого рода колlettivизм выражался, как мы видим, еще и в неизбывном стремлении связать свою личную биографию с историей своего народа, понимаемого как «коллективное тело», частичками которого и представлялись отдельные индивиды. Причина заключалась в том, что этнические меньшинства в гораздо большей мере ощущали угрозу своей идентичности и своему статусу (Tonkin 1992. P. 130). И неважно, что люди далеко не всегда могли четко представить нарратив о предках; ведь, как мы видели, даже ученые иной раз кардинально расходились в своих взглядах на этногенез. Зато важно другое — то, что люди с жаждостью поглощали любую информацию, способную пролить свет на происхождение своей этнической группы, считая ее непременной частью своей личной биографии. Разумеется, все это помогало им сохранять этническую идентичность и отстаивать свои этнические ценности в следующую фазу «подъема массового националистического движения», приходившуюся на конец 1980-х — начало 1990-х гг.

Известно, что советский федерализм основывался на понятии этнонаций. Такие этнонации были созданы на Северном Кавказе к началу 1930-х гг. из традиционных аграрных общин по модели, хорошо описанной Эрнестом Геллнером (Gellner 1983) [3]. Теперь им требовалось утвердить свое существование апелляцией к длительному историческому прошлому. Однако имевшиеся к этому времени фольклорные версии прошлого были привязаны к отдельным семейно-родственным группам и не отвечали задаче этнической интеграции. В 1920-х гг. (**период этнанизации**) местные интеллектуалы создавали идеализированные версии давнего прошлого своих собственных народов. Эта деятельность соответствовала политике административного переустройства, опиравшейся на этнический фактор. Однако скоро обнаружилось, что версии прошлого, создаваемые выходцами из соседних народов, находились в непримиримом соперничестве. Они преувеличивали заслуги своего народа и преуменьшали достижения соседей, создавали основу для территориальных споров, приписывали себе ценное прошлое соседей или, еще чаще, пытались приватизировать общее прошлое, создавали образ врага в лице соседних народов.

Ситуация резко изменилась во второй период в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (**период интернационализации**). Тогда, с одной стороны, политизация этничности привела к росту этнической напряженности в разных регионах страны, а с другой, установка на всеобщую победу коммунизма требовала сместить акцент на глобальные универсальные закономерности развития. В этих условиях изучение особых исторических путей, пройденных отдельными этническими группами, стало немыслимым, ибо это неизбежно трактовалось как «буржуазный национализм». В то же время конструирование каких-либо крупных культурно-языковых общностей, прорезавших границы соседних государств, вызывали подозрение как якобы основа для ирредентизма и подрыва советского единства. Зато приветствовалось подчеркивание глубоких исторических связей между соседними советскими народами, что опиралось на гиперавтохтонистский подход, отстаивавшийся академиком Н. Я. Марром. Соответственно многие исследователи понимали этногенез как бесконечный процесс смешения между разными этническими группами, что якобы и вело к превращению одного народа в другой в ходе социоэкономических трансформаций. Именно тогда в лингвистике на смену концепции лингвистических семей пришла идея субстрата, перенесшая акцент с языкового родства на языковое взаимодействие. Любопытно, что, решая ту же задачу, евразийцы (Н. Трубецкой и Р. Якобсон) выдвинули тогда столь же плодотворную идею языкового союза.

Третий период (**период консолидации**) ознаменовался сдвигом от интернационализма вначале к «общесоветскому национализму», а затем, наряду с ним, к этническим национализмам. В середине 1930-х гг. политico-административная структура Советского Союза сложилась окончательно и была закреплена новой конституцией. Понимая ценность национальной или этнической истории для укрепления идентичности, теперь власти стимулировали создание версий регионального прошлого и требовали включения их в образовательные программы. Вместе с тем это требование было обременено непримиримыми противоречиями. Ведь, с одной стороны, заинтересованные в формировании интегрированного советского народа власти нуждались в столь же хорошо интегрированной единой версии национальной истории. Однако, с другой стороны, признавая за республиками государственный статус, они соглашались с тем, что те также имели право на свои оригинальные версии истории. Но, так как республики были образованы по этническому признаку, основу таких версий составляло прошлое титульных народов; этническим меньшинствам уделялось мало внимания, а часто они вовсе игнорировались. Это касалось и общесоветской исторической схемы, в основу которой была положена история русского народа. Тем самым идея гражданской нации была подменена идеей этнонации. Этнонации и стали теперь субъектами новой советской истории. Однако формально идея интернационализма сохранилась, ибо этнонации были объявлены равными и получили право на свое прошлое.

На деле этот «интернационализм», основанный на эс-сенциалистском отношении к этничности, был обременен серьезными противоречиями. В частности, он грозил «культурными войнами», ибо многие события истории воспринимались разными народами по-разному, и то, что для русских связывалось с расширением и укреплением государства, другие нередко воспринимали как экспансию, покорение и колониальную политику.

Особый взгляд на прошлое оказывался ценностью, которой никто не хотел поступиться, что, собственно, и характеризует культурные войны (Hunter 1991). Если первый и второй периоды проходили под знаком классовых ценностей и, приветствуя дружбу народов, государство поддерживало обличения в адрес колониальной политики Российской империи, то в третий и четвертый периоды идеологема

«единства советского народа» заставила радикально пересмотреть такое отношение к прошлому. Теперь прошлое рассматривалось через призму «дружбы народов», которая заставляла народы «добровольно» присоединяться к России, и «колониальная политика» утратила свое центральное место в научной риторике.

Новый «интернационализм» означал сложную иерархическую структуру, которую венчал русский народ и отдельные уровни которой ассоциировались с различными политическими и социальными привилегиями. Некоторые современные авторы определяют социальные и культурные сдвиги второй половины 1930-х гг. понятием «неотрадиционализм» (Petronec 2000). Это допускало не только наделение отдельных этнических групп особыми правами, но и легитимизировало репрессии против тех этнических групп, которые признавались государством нелояльными. Отсюда проблема «наказанных народов», лишенных всяческих прав, включая и право на свою культуру и историю. Все это показало, что отныне уже не классовый, а этнический фактор будет определять судьбы людей.

Конституция 1936 г. окончательно политизировала этнический фактор, создав список официально признанных народов, получивших свои административно-территориальные автономии. Накануне войны всем им надлежало обрести свою собственную историю, и местные ученые занялись интенсивным сбором и систематизацией соответствующих исторических документов. Однако для полного представления о средневековой истории таких документов явно не хватало, и ученые прибегали к помощи фольклора, лингвистики, археологии и этнографии. Война не только отдала решение поставленных задач, но кардинально изменила этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе. Одним народам суждено было отправиться в многолетнее изгнание и на годы забыть о своем прошлом, а другим, чудом сохранившим свой политический статус, пришлось создавать искаженные версии истории, полностью игнорировавшие своих «наказанных» соседей. Такие исторические конструкции жестко контролировались местными и федеральными чиновниками и нередко покушались на прошлое депортированных народов. Между тем государственная политика депортации лишь еще раз подчеркнула первостепенную важность этнической принадлежности и тем самым способствовала консолидации как тех народов, которые остались на Родине, так и тех, кто отправился в изгнание.

В этих условиях занятие теорией и выработка каких-либо новых концептуальных подходов или методов исследования стали опасным занятием. Ученые оказались ограниченными узкими рамками этнической истории. Мало того, даже написание оригинальных текстов в этой области было далеко не безопасным делом, ибо политика властей часто менялась, что тут же влекло изменение взгляда на прошлое. Поэтому этот период необычайно богат судебными преследованиями против ученых. Многие из них оказались в заключении, некоторые там и погибли. Тем не менее в 1930-1940-х гг. было собрано много эмпирических материалов по этнической истории, и в последнее сталинское десятилетие были подготовлены фундаментальные труды и учебники по истории титульных народов отдельных республик. Правда, такие труды тогда неоднократно подвергались резкой критике за несоответствие официальной доктрины.

В итоге к 1950-м гг. одни народы обрели свою историю, а другие остались обделенными. Эту несправедливость и стремились исправить ученые нового поколения в четвертый период (**период сопротивления**), начавшийся во второй половине 1950-х гг. после возвращения депортированных народов на родину. В это время общественно-политический климат в стране был несравненно более либеральным, чем в годы сталинских репрессий. Ученых, разумеется, критиковали за ошибки и особо упрямых даже могли подвергать административным санкциям, однако с практикой массовых арестов и расстрелов было покончено. Это придало ученым смелость. Снова появились широкие сравнительные исследования, лингвисты вновь заговорили о языковых семьях и языковом родстве, археологи снова заинтересовались проблемой миграций. Появились солидные разработки, позволившие написание учебников по региональной и этнической истории.

В целом преподавание региональной истории в школах началось в союзных республиках лишь с 1940-1950-х гг., а в автономиях с 1960-1970-х гг. после того, как были написаны коллективные обобщающие труды по местной истории. Ведь версии истории, созданные в 1920-1930-х гг., обсуждались лишь в очень узком кругу избранных. Правда, они достигали масс через местную прессу, как, например, статьи Кокиева, Скитского и др. Надо полагать, что в Северной Осетии при высоком образовательном уровне ее населения это могло начаться еще до войны. В остальных автономных республиках пропаганда местных историй в СМИ происходила уже в 1960-1980-х гг.

Главной чертой четвертого периода было соперничество между «общесоветским национализмом», с одной стороны, и этническими национализмами, с другой. Это отражалось в соперничестве официальных и альтернативных версий прошлого.

Становление местных бюрократических элит, а также местных школ историков, археологов, лингвистов и этнографов привело к новому витку мифологизации прошлого народов Северного Кавказа. Активные поиски своих древних предков и их славной истории были обусловлены неудовлетворенностью современным состоянием социальной, экономической и политической ситуации, неуверенностью в будущем. Рассматриваемое явление сопровождало нарастание несоответствия между экономическим и демографическим потенциалом отдельных республик и этнических групп, с одной стороны, и их политическим статусом, с другой. Кроме того, народы, пережившие депортацию, не были полностью реабилитированы и ощущали определенную дискриминацию. В этих условиях акцент на прошлом своего народа был вызван желанием получить, по крайней мере, психологическую компенсацию, опереться на воспоминания о славных деяниях далеких предков для того, чтобы успешнее преодолевать современные трудности. В то же время разные этногенетические схемы отражали и выражали претензии разных этнических групп на одни и те же жизненно важные ресурсы, включая территорию.

Как показывают специалисты, этническая территория является символом, оказывающим огромное эмоциональное воздействие. Во-первых, такая территория представляется естественным ландшафтно-климатическим ареалом; во-вторых, столь же естественными рисуются взаимосвязи между территорией и обитающей здесь группой, члены которой живут на ней испокон веков и, умирая, оставляют свой прах земле, как бы препоручая ей свои жизненные силы, с тем чтобы те были переданы следующим поколениям [4], — здесь прочитывается системная роль «могил предков», не только маркирующих родную территорию, но и придающих ей трансцендентальный смысл; в-третьих, эмоциональное отношение к территории обитания выражается в таких терминах, как «дом», «родная земля», «родина», «земля-мать», «отчизна» и пр.; наконец, в-четвертых, связь с территорией подчеркивается мифами, историей, памятью, что и порождает чувство укорененности (Penrose 2002. P. 280-282. См. также: Grosby 1995. P. 148-151; Levy 2000. P. 203-221). Например, для ингушей территория Пригородного района воспринимается и в рациональных, и в иррациональных терминах. Они никогда не делают акцент на хозяйственном использовании этой территории, зато представляют эти земли наследием, полученным от предков, где находятся могилы этих предков. Такое отношение к территории обитания особенно усиливается чувством несправедливости, которое питается, во-первых, потерей своей автономии в 1934 г., а во-вторых, депортацией. Оно рационализируется ссылками на исторические факты долгого заселения этой территории своими предками до осетин и казаков. Сюда добавляется и мифологический образ, связанный с алантами. Иррациональными моментами служат духовная связь с предками и представление о Пригородном районе как месте рождения воображаемой ингушской нации.

В 1960-1980-е гг. этнография играла особую роль, создавая язык сопротивления всеобщей унификации, связанной с внедрением концепции «новой советской общности». Фактически именно в недрах этнографии, подчеркавшей значение традиционной этнической культуры, создавались идеологемы этнонационализма (Тишков 2005. С. 6). Большую роль в этом сыграла выдвинутая Ю. В. Бромлеем концепция «этносоциального организма», вновь вернувшая к жизни органический подход, популярный в XIX в. и подхваченный тогда многими adeptами национализма. По сути, эта концепция создавала научное оправдание для республик, образованных по этническому принципу, и узаконивала привилегии их титульных народов. Основой версий этногенеза окончательно стало представление о движении целостного «этнического организма» через века и тысячелетия. О каких бы сложностях этногенетического процесса ни говорили учёные, «предки» однозначно воспринимались людьми как полноправные члены их собственного «этноса», и делиться ими с какими-либо другими этническими группами они не желали.

При этом ценность «предков» определялась их способностью легитимизировать права титульных народов на полноправное владение своими республиками. Что бы ни писали учёные о сложном соотношении языка, культуры и физического типа в формировании того или иного народа, местные идеологи тщательно оценивали эти показатели с точки зрения их пригодности для отстаивания этнополитических интересов. Например, карачаевцы и балкарцы пытались узаконить свое право на политический статус в своих республиках путем навязывания алантам тюркоязычия. Кроме того, в их построениях не только аланы, но и все другие ираноязычные кочевники степей оказывались тюркоязычными. Тем самым балкарцы и карачаевцы приобретали не только высокий символический статус в своих республи-

ках, но и могли апеллировать к славной истории степных кочевников, богатой ратными подвигами и политическими достижениями. В свою очередь, ингуши и чеченцы стремились занять достойное место в аланской истории, открывавшей им путь к борьбе за плоскостные территории.

В указанных случаях в этногенетических построениях подчеркивалась чистая линия, соединявшая предков с потомками. Но имелась и другая модель, пытавшаяся эффективно интегрировать преимущества двух разных предковых линий. К ней прибегали осетины, с одной стороны, подчеркивавшие свое происхождение от местной кобанской культуры позднего бронзового века, а с другой, стремившиеся сохранить наследие скотов и сарматов, пришедших на Северный Кавказ из степной зоны. Первое давало им основания претендовать на статус коренного народа, а второе наделяло великим прошлым, воспоминания о котором донесли до нас античные и раннесредневековые авторы. Впрочем, аланское наследие представлялось осетинам много важнее. Ведь оно, во-первых, наделяло их древней государственной традицией, во-вторых, позволяло претендовать на обширные земли, включая Пригородный район [5], наконец, в-третьих, обеспечивало моральную опору.

Наконец, пятый период (**период бури и натиска**) начался в годы ослабления и распада СССР и формирования на его бывшей территории новых независимых государств. В этих условиях на всем постсоветском пространстве велся поиск новых идентичностей и происходил расцвет новых этногенетических мифологий, призванных легитимизировать строительство новых государств, оправдать политические и территориальные притязания и создать символическую основу борьбе за выживание отдельных этнических культур. Альтернативные версии прошлого получили популярность и стали опорой этнополитических движений. В них в еще большей степени стали акцентироваться претензии на более высокий политический статус и более широкие территориальные границы за счет соседних народов. Кое-где был подхвачен старый германский geopolитический термин «жизненное пространство», подразумевающий этническую чистку. Поэтому в новых этногенетических и этноисторических мифах находили отражение межэтнические напряженность и конфликты. В 1990-х гг. осложнились взаимоотношения между кабардинцами и балкарцами, карачаевцами и черкесами, осетинами и ингушами, ингушами и чеченцами. Этот период оказался богатым на межэтнические конфликты.

Как справедливо считают некоторые исследователи, причины этнических конфликтов следует искать в современной ситуации и недавнем прошлом, а не в какой-либо вековой вражде или долгой памяти о старых обидах (Hoeber Rudolph and Rudolph 1993; Snyder 2000. P. 191-194; Kaufman 2001). Но такую память могут эффективно использовать современные политики для этнической мобилизации в своих корыстных целях. Это — то, что V. Бенджамин когда-то называл «историцизмом» (Benjamin 1969. P. 262-263), и то, что служит основой современного этнополитического мифа, призванного, по словам Эдельмана, выражать групповые интересы в иной форме, скрывающей эти интересы (Edelman 1971. P. 99).

Под влиянием недавних трагических событий в Боснии Фред Холлидей пишет, что «озабоченность, которую вызывает использование истории националистической идеологией, связана не просто с искусственным созданием общности или исторической памяти, а с тем, что в современном мире это служит источником конфликта, ненависти и смерти» (Halliday 2000. P. 169). Роль исторической памяти как орудия политической борьбы хорошо осознается националистами. Вот почему в ходе этнических войн и этнических чисток огромное значение придается разрушению всего того, что связано с исторической памятью, — исторических памятников, музеев, архивов. Так было на Балканах (Chapman 1994), в Абхазии (Шнирельман 2003) и, как мы видели выше, в Чечне. Эта тенденция наблюдается иной раз и в мирное время. Так, в Турции и в Азербайджане многие ученые и писатели десятилетиями пытались очистить местную историю от армянского присутствия (Foss 1992; Шнирельман 2003), а во второй половине 1940-х — 1950-е гг., как мы знаем, советские ученые аналогичным образом очищали историю Северного Кавказа от каких-либо воспоминаний о депортированных народах.

Чтобы понять, как именно используются в этом контексте знания о прошлом, необходимо проанализировать аргументы, выдвигающиеся конфликтующими сторонами. В этом отношении представляются важными, во-первых, характер самих аргументов (экономические, культурные, политические, виктимизация), во-вторых, их динамика во времени в связи с меняющейся ситуацией, в-третьих, прямая зависимость аргументации от этнической принадлежности участников дискуссии и их взаимоотношений. Надо также учитывать эмоциональный фактор, ибо, как показывают специальные исследования, общественное мнение ему весьма подвержено, и это влияет на то, насколько люди склонны поддерживать ту или иную политику. Здесь-то и обнаруживается огромная роль символов. Как пишет С.

Кауфман, «выбор людей определяется их реакцией на тот символ, который может вызывать наибольшие эмоции» (Kaufman 2001. P. 28).

Для отстаивания права на территорию используются разные аргументы, почерпнутые из истории. Ведь история с ее бесконечной динамикой предоставляет почти беспредельную свободу выбора, и спорящие стороны всегда могут найти там аргументы, пригодные для отстаивания своих позиций. Выше мы уже видели, как и осетины, и ингуши, и казаки делают акцент именно на тех периодах истории, когда их предки полноправно владели обширными плоскостными землями. К тому же приему прибегают и их соседи. Например, если для отстаивания своих территориальных претензий ингуши апеллируют прежде всего к советскому периоду до 1944 г., когда Пригородный район на законных основаниях входил сперва в состав Ингушской АО, а затем — Чечено-Ингушской АССР, то чеченцы-аккинцы предпочитают ссылаться на досоветское время, когда Хасавюртовский округ с его чеченским населением входил в состав Терской области — ведь Дагестану он был передан лишь в 1921 г. (Джамалдинов 1991). Если балкарцы требуют восстановить границы по их расположению на начало марта 1944 г., то кабардинцы прибегают к акту 1863 г., и тогда балкарцам не остается ничего другого, как ссылаться на сомнительный хуламский документ начала XVIII в. Следовательно, здесь также обнаруживается «тактика игры в настольный теннис» (выражение А. Цуциева. См.: Цуциев 1998 а. С. 84-86), знакомая нам по осетино-ингушскому примеру.

Особенности аргументов зависят и от характера оппонента, с которым ведется спор, причем допускаются двойные стандарты и себе позволяются аргументы, непозволительные для противной стороны. Например, если в противостоянии ингушам осетинские лидеры делают акцент на гражданской общности и нередко заявляют о том, что осенью 1992 г. ингуши якобы напали не на осетинский народ, а бросили вызов всем гражданам Северной Осетии (см., напр.: Логинов 1993 б. С. 423-424. Об этом см.: Цымбурский 2001. С. 119-120), то, строя взаимоотношения с Южной Осетией, североосетинские лидеры и политические движения постоянно обращаются к этническому аргументу, подчеркивая близкое этническое родство, объединяющее всех осетин. В этой связи мне трудно согласиться с мнением В. Цымбурского, считающего, что этнический национализм не получил развития в Северной Осетии (Цымбурский 2001. С. 121), против чего ярко свидетельствует само принятие имени Алании как нового названия республики. Скорее в этом случае следует говорить о хрупком балансе между этническим и гражданским национализмами, который диктуется очень непростыми условиями двойного противостояния — с одной стороны, с ингушами, а с другой, с грузинами. Аналогичным образом двойные стандарты проявляются в аргументации, выдвигающейся грузинами в споре, с одной стороны, с абхазами, а с другой, с южными осетинами, — в первом случае они выступают с гражданских позиций, представляя себя доминирующим большинством, а во втором — с этнических, выступая этническим меньшинством (Шнирельман 2003. С. 517).

Недавно японский политолог М. Мацуо сформулировал концепцию «гнездовых конфликтов», в которых участвуют три заинтересованные соподчиненные группы, что встречалось сплошь и рядом при советском «матрешечном» федерализме и перешло по наследству к ряду постсоветских государств (Matsuo 1999). В таком случае группа, занимающая промежуточную позицию, стремится получить максимум власти, отделавшись от мелочной опеки центра, но в то же время сохраняя и даже упрочивая позицию «центра» по отношению к подчиненной группе. В свою очередь, последняя заинтересована в максимальном ослаблении власти над собой такого «центра» и из тактических соображений нередко ищет поддержки у высшей федеральной власти. В рассматриваемом регионе мы встречались с такими конфликтами в двух случаях: во-первых, федеральный центр, чеченское большинство и ингушское меньшинство в Чечено-Ингушетии и, во-вторых, федеральный центр, кабардинское большинство и балкарское меньшинство в Кабардино-Балкарии. Поэтому вовсе не случайно как ингуши, так и балкарцы всеми силами пытались подчеркивать свою лояльность федеральному центру.

Впрочем, двойные стандарты встречались и здесь. Например, показывая свою лояльность федеральному центру, ингушские лидеры соглашались с идеей «добровольного вхождения» своего народа в состав России, но, желая заручиться поддержкой других северокавказских народов, начали в 1990-х гг., вопреки фактам, подчеркивать активное участие своих предков в движении Шамиля.

Роль исторического дискурса признается настолько важной в развитии конфликтогенных ситуаций, что международные эксперты считают одним из важных шагов к снижению межэтнической напряженности отказ от этноцентристских исторических мифов и изъятие их из литературных произведений и школьных учебников (Watson 2000: Kaufman 2001. P. 43, 216-217).

Глава 4.

Как конструируется этногенетический миф

Те специалисты (примордиалисты или перенниалисты), которые делают акцент на глубоких этнических корнях современных наций, уделяют особое внимание эмоциональным и иррациональным чувствам, связанным с мифами и символами. Они полагают, что современные националисты получают эти мифы и символы в наследство от своих этнических предков (Armstrong 1982; Smith 2000). Но традиционные клановые предания были столь разнообразны и настолько противоречили друг другу, что не были способны обеспечить идею единства народа. Для этого современным идеологам приходится создавать совсем иные версии давнего прошлого, опирающиеся не столько на фольклорные источники, сколько на специальные археологические и лингвистические исследования. Это стало возможным только при отождествлении народа с культурной и лингвистической общностью, что было несвойственно традиционному обществу и явилось плодом научной мысли последних двух столетий. То, что в традиционное время воспринималось как кардинальные различия между родоплеменными (клановыми) группами, теперь стало интерпретироваться как допустимая вариативность в пределах единого культурного поля. Важные в прошлом социально-статусные различия между этими группами потеряли свое былое значение и отступили на второй план по отношению к образу культурного единства. В итоге такие особые в прошлом группы стали восприниматься как субэтнические в составе этнических (однокультурных) общностей. Прежние клановые символы подверглись строгой селекции. Одни из них оказались отодвинутыми на периферию сознания или вообще выпали из употребления, другие утратили связь с конкретными кланами и превратились в общенародные (этнические) символы. Это, например, происходило с фольклорными героями типа Карчи у карачаевцев или Дзауга Бугулова у осетин.

Кроме того, мои исследования говорят о том, что многие мифы и символы являются книжными и часто изобретаются националистами у нас на глазах. Ярчайший пример — это аланская идентичность, узаконенная властями Северной Осетии — Алании в образе аланского барса. То же касается хаттского орла у кабардинцев. Все это является социальным конструированием образов, связанных с предками. Иное дело — башни у ингушей или волк у чеченцев, которые действительно связаны с местной архитектурной традицией или фольклором. Любопытно, что в новой чеченской символике делается попытка перебросить мостик из прошлого в настоящее и обозначить направление прогрессивной эволюции путем противопоставления традиционной боевой башни и нефтедобывающей установки.

Проект нового герба Чеченской Республики начала 2000-х гг.

Таким образом, этногенез оказывается современным мифом, для которого типичны все основные особенности архаического мифа. Прежде всего это — идея циклического времени. Ведь, по мифу, на смену золотому веку неизбежно приходит упадок (поражение от могущественного врага, разгром, порабощение), за которым столь же неизбежно должен последовать новый расцвет. Тем самым миф, создаваемый современными идеологами, отказывается от приверженности линейному времени и возрожда-

ет время циклическое. Отсюда идея «вечного возвращения», полюбившаяся современным мифотворцам и имеющая важную компенсаторную функцию в условиях быстрых изменений, связанных с модернизацией и глобализацией (Connerton 1989. P. 64-65).

Правда, другая идея мифа этому полностью противоречит. Речь идет о древности предков, исчисляемой в абсолютных цифрах. Миф пытается представить предков едва ли не древнейшими людьми на планете, во всяком случае более древними, чем предки соседних народов. Но такая перспектива возможна только при наличии представлений о линейном времени. Мифотворцев это нисколько не смущает, и такая нечувствительность к нелогичности построений, воспринимаемой как нормальное явление, служит еще одной особенностью этногенетического мифа. Иными словами, «национализм является чертой современности, которая в поисках своего оправдания апеллирует к досовременным формам... включая одновременное использование разных противоречащих друг другу представлений о времени» (Archer 1991. P. 162) [6].

Третьей особенностью мифа служит идея выдающихся предков, и мифотворцы ищут их среди древних народов, проявивших себя в истории самым неординарным способом. Они могут быть неуточнимыми путешественниками и завоевателями новых земель (скифы, сарматы, аланы), создателями древнейших государств (хуррито-урарты), культуфтрагерами и носителями цивилизации.

Огромное значение для образа предков имеет язык. Одной из их ценных особенностей оказывается то, что они были носителями великого языка, давшего начало многим другим языкам и впервые сформулировавшего понятия современной цивилизации. Это тоже современное представление, искусственно относимое в далекое прошлое (Law 1998). Ведь традиционные народы, как правило, являлись двуязычными или даже многоязычными. Тем не менее многие интеллектуалы, фигурировавшие на страницах этой книги, были убеждены в том, что далекие предки должны были непременно разговаривать на том языке, который считают родным их современные потомки. Вот почему осетины награждают алан иранским языком, балкарцы и карачаевцы видят в них тюркоязычное население, а чеченцы и ингуши верят, что они могли говорить по-вайнахски. Общий язык соединяет их с предками, как бы восстанавливая прерванную нить истории. Языковая преемственность говорит и об устойчивости языковой традиции, как бы подтверждая, что, несмотря на мощные внешние влияния, предки свято хранили преданность родному языку, а следовательно, никогда полностью не подчинялись захватчикам. Разумеется, это современное националистическое убеждение, ибо в древности кавказцы были многоязычны и не придавали такого основополагающего значения сохранению родного языка, которого, вслед за Гердером, требует от них современная национальная идея.

Кроме того, устанавливая границы, причем не только символические, но и географические, язык маркирует территорию топонимами и гидронимами. Вот почему важной частью борьбы за предков являются проводимые местными энтузиастами топонимические исследования. При этом карачаевцы и балкарцы, с одной стороны, и вайнахские, с другой, без устали ищут соответственно тюркские и вайнахские топонимы на территории Северной Осетии, а осетины со своей стороны находят на соседних территориях осетинские топонимы. То же самое происходит и с древними племенными названиями. Все это призвано ответить на животрепещущий вопрос о том, чьи именно предки обитали в древности на землях Центрального Кавказа.

Если специалисты обнаруживают во многих этнических традициях господство ботанической символики, привязывающей данную группу к корням (Malkki 1992. P. 27-28; Alonso 1994. P. 383), то на Северном Кавказе господствует геологическая и героическая символика, воспевающая голые скалы и их суровых обитателей. Изображение родных гор можно встретить на гербах Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии и на проекте нового чеченского герба. Нередко они сопровождают или их сопровождают образы пернатых (орлы на гербах Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Южной Осетии) или зверей (аланский барс на гербе Северной Осетии и волк на гербе Республики Ичкерия), напоминающие о предках и их былой удали. Наконец, на гербах Ингушетии и Южной Осетии отчетливо видна трехпалая свастика, призванная напомнить об аланском (арийском) наследии. Таким образом, эти гербы соединяют три знаковые темы: экологическую обусловленность горской культуры, генеалогическую связь с местными, а также переднеазиатскими престижными предками и их высокие моральные качества, метафорически передаваемые образами животных и птиц или знаком свастики. Ни осетины, ни карачаевцы и балкарцы с их преклонением перед предками-кочевниками не стали включать в свою новую символику никаких кочевнических мотивов. Это еще раз подчеркивает ключе-

вое значение понятия «коренного населения», тесно связанного со своей нынешней территорией (Malkki 1992. P. 28-31; Шнирельман 2003. С. 510-511).

При всем своем величии и любви к путешествиям предки народа, претендующего на государственный суверенитет, должны, согласно современным представлениям, отличаться автохтонностью. Как это требование отражается в современных этногенетических схемах? Для этого используется конструкция, утверждающая, что, сколь бы ни были непоседливыми великие предки, они неизбежно заканчивали свой путь на современной территории своих потомков, где их уже с нетерпением ожидала какая-то местная группа, находившаяся с ними в ближайшем родстве. Это и приписывается кобанцам, которым все рассмотренные выше версии этногенеза отдают должное как истинным автохтонам. Предполагается, что в силу языкового родства они охотно контактировали с пришельцами и в конечном итоге были ими ассимилированы, что и помогает сформировавшемуся на этой основе народу чувствовать себя истинно коренным. Речь идет о типичном националистическом мифе, утверждающем, что родственные группы населения в силу каких-то имманентно присущих им качеств будто бы испытывают неодолимую тягу друг к другу и не знают вражды и что, напротив, разные по языку группы якобы изначально настроены на вражду. В истории и этнологии можно найти немало примеров, противоречащих этому убеждению, но мифотворцы предпочитают игнорировать такие факты.

Есть у образа кобанцев и еще одно не менее важное предназначение. Ведь, будучи коренными, они дают право своим потомкам чувствовать себя полноправными владельцами всех территорий, где когда-либо побывали кобанцы, оставив там следы своей культуры. Поэтому археологические данные о границах ареала кобанской культуры получают в современных условиях политическое значение. В принципе то же самое относится и к аланской культуре, культурно-языковая принадлежность которой поэтому и служит яблоком раздора. Однако в контексте рассмотренной борьбы за предков у алан имеется еще одна, гораздо более значимая функция. Ведь они были создателями одного из самых ранних государств на Северном Кавказе, что позволяет их предкам не только ощущать себя символически носителями древнего государственного начала, но и претендовать на реальный государственный суверенитет.

Миф открывает возможность приобрести важный символический капитал. С этой точки зрения интересно рассмотреть, какую роль он отводит религии. Мы видели, что авторы ряда версий делают все возможное, чтобы сделать своих предков создателями одной из мировых религий. Так, некоторые осетинские авторы стремятся объявить своих предков, среди которых они числят даже Иисуса Христа, основателями христианства. В свою очередь, чеченский автор изображает «предков-хурритов» создателями ислама. То, что и христианство и ислам базируются на идее линейного времени, мифотворцев не смущает. Ведь часть создателя мировой религии должна возвысить их в глазах мировой общественности, привлечь к ним ее симпатии и создать группу надежных союзников. В то же время принцип национализма требует абсолютной самобытности (Lowenthal 1994. P. 47). Поэтому некоторые осетинские интеллектуалы пытаются выработать особую осетинскую религию, используя для этого фольклор и дохристианское ритуальное наследие. Это, разумеется, плохо увязывается с «осетинским христианством», и поэтому в русле современной осетинской мысли возникла идея о том, что христианство будто бы родилось из первобытной осетинской религии и тем самым является ее органическим продолжением. В свою очередь, перед мусульманами Северного Кавказа стоит дилемма: как стать полноправной частью исламской уммы и в то же время не утратить своей этнической идентичности? Для решения первой задачи чеченские авторы стремятся удревнить исламизацию своих предков, а вторая заставляет некоторых из них не только возводить свою генеалогию к хурритам, но и делать их «истинными» создателями ислама, резервируя им особое место среди мусульманских народов.

Как пишет Д. Лоуэнтал, каждой нации свойственна своя форма амнезии; все они склонны «забывать» то, что нарушает стройность актуального национального мифа (Lowenthal 1994. P. 50-54). Так, осетины не хотят помнить о тесных этнических связях с ингушами. Они сознательно исключают из истории период, когда в XVIII в. ингуши спускались с гор и заселяли правобережье Терека, куда входил и будущий Пригородный район. Стоит ли говорить, что это придает социальной памяти особую траекторию? По результатам недавнего обследования, более 55 % учащихся классов среднего и старшего звена школ Республики Северная Осетия — Алания не обладают необходимым минимумом знаний о культуре соседних северокавказских народов, не знают названий столиц субъектов РФ (Белогуров 2003). Между тем, как показывают специалисты, эссенциализация этнических различий и этноцентристское препо-

давание истории, а также плохое знание о других народах и культурах провоцируют расизм (Emmott 1989' P. 38; Malkki 1995. P. 257).

Глава 5. О ценности аланской идентичности

Проанализированные материалы показывают, что этническая идентичность всех рассмотренных групп была тесно связана с их политическим статусом. В 1920-х гг. после распада Горской АССР ингуши и чеченцы имели свои собственные автономии, на которые и опиралась их идентичность. Но после их объединения в 1934 г. в единую Чечено-Ингушскую автономную область (Чечено-Ингушская АССР с 1936 г.) власти всеми силами пытались обеспечить слияние чеченцев и ингушей в единый народ, для которого было создано новое название «вейнахи/вайнахи». В 1960-1980-х гг. эта идентичность активно внедрялась в сознание чеченцев и ингушей и постепенно приобретала все большую популярность. Однако на рубеже 1980-1990-х гг. процесс ассимиляции был прерван в связи с тем, что обе этнические группы избрали для себя разные судьбы: чеченцы сделали выбор в пользу независимости, а ингуши начали строить свою государственность в рамках Российской Федерации, рассчитывая на то, что российские власти помогут им вернуть Пригородный район. И хотя в 1990-х гг. некоторые чеченские политики вынашивали планы нового объединения в рамках республики «Вайнахия», ингушское общественное мнение относилось к этому негативно.

Обратная тенденция наблюдалась у балкарцев и карачаевцев, оказавшихся после распада Горской АССР в разных автономиях: балкары — в составе Кабардино-Балкарской автономной области, Кабардино-Балкарской АССР в 1936-1944 гг. и 1957-1991 гг. (с 1993 г. — Кабардино-Балкарская Республика), а карачаевцы — последовательно в составе Карачаево-Черкесской автономной области (1922-1926 гг.), Карачаевской Автономной области (1926-1943 гг.) и вновь Карачаево-Черкесской автономной области (1957-1991 гг.). В 1991 г. последняя повысила свой статус и стала Карачаево-Черкесской Республикой. Хотя еще в 1920-1930-х гг. некоторые карачаевские интеллектуалы пытались писать о «карачаево-балкарском народе» и «карачаево-балкарском языке», общественным мнением это всерьез не воспринималось. В 1960-х гг. местные интеллектуалы даже всячески откращивались от этой идеи. Ведь она ассоциировалась с тюркской солидарностью, а пантюркизм в Советском Союзе преследовался, и люди, недавно испытавшие все тяготы жизни в изгнании, вовсе не хотели нового повторения своих злоключений. Вместе с тем к началу 1970-х гг. воспоминания о депортации несколько сгладились, а горечь от неполной реабилитации и ощущение продолжающейся дискриминации заставили местных интеллектуалов начать поиск нового, более широкого тюркского альянса, на который можно было бы опереться в борьбе за социальное равенство. Первой ступенью к этому стала попытка сближения соседних родственных по культуре и языку народов, и на повестке дня вновь появилась идея «карачаево-балкарского народа». Однако вплоть до начала 1990-х гг. она циркулировала лишь в очень узком кругу карачаевских и балкарских интеллектуалов. Благоприятные условия для ее усвоения широкими массами наступили лишь в 1990-х гг. Окончившиеся провалом попытки карачаевских и балкарских националистов основать свои собственные республики вновь заставили их вернуться к идеи культурно-языкового альянса, и они начали всеми силами навязывать общественности идею карачаево-балкарского этнического единства. В поисках глубоких исторических основ такого единства они обратились к аланской теме и начали активно внедрять идею о тюркоязычии алан и изображать алан прямыми и непосредственными предками карачаевцев и балкарцев. Подхваченная местной интеллектуальной элитой, эта идея стала в последние годы популяризоваться в школах и университетах. Поэтому среди карачаевцев и балкарцев теперь можно встретить не только идею о едином «карачаево-балкарском народе», но и попытки идентифицировать себя с аланами.

Как справедливо подчеркивает Лиза Малкки, «мифическую историю невозможно правильно понять, если ее рассматривать просто как набор заявленных фактов. Ведь независимо от их истинности или ложности, «факты», которыми она оперирует, служат всего лишь строительным материалом для конструирования великой морально-исторической картины. Наиболее многообещающим подходом к таким нарративам... является не отделение «истинных фактов» от «искажений», а изучение того, что и почему разные социальные группы считают истиной» (Malkki 1995. P. 104). С этой точки зрения подход всех рассмотренных этнических групп к аланской идентичности более чем показателен. Ведь скучные сообщения античных и раннесредневековых авторов об аланах допускают разную трактовку. Поэтому

некоторые ученые склонны видеть в аланах компактную культурно-языковую группу, а другие представляют их гетерогенным союзом племен. Очевидно, оба подхода содержат зерно истины, ибо, выделившись из сарматского массива, аланы, во всяком случае в большинстве своем, были носителями иранского языка и культуры. Однако широко расселившись по Северному Кавказу и обитая там в течение веков, они, безусловно, должны были включить в свой состав какие-то местные группы населения. Это в особенности касается Аланского государства, которое вряд ли могло оставаться культурно гомогенным при этнической мозаичности местного населения.

Все эти сложности с трактовкой аланского массива учитываются местными интеллектуалами, причем они с железной последовательностью выбирают ту интерпретацию, которая лучше соответствует их текущим политическим запросам. Не желая ни с кем делиться аланским наследием, осетины неизменно изображают алан гомогенным ираноязычным единством. К тому же склонны карачаевцы и балкарцы, но они наделяют алан тюркским языком. В свою очередь, ассоциируя своих предков с аланами, чеченцы и ингуши предпочитают рассматривать алан гетерогенной общностью, сохранив тем самым свою этническую обособленность и в то же время претендую на земли, входившие в состав Аланского государства. При этом, оставляя за собой право на монопольное владение «исторической истиной», каждая из названных групп упрекает соседей в стремлении присвоить себе ценное прошлое своих соседей. Отсюда неизбежность и необычайный накал «словесных гражданских войн» (Hayden 1994. P. 179-180) между этническими группами. Эти войны начались еще в советское время, но, будучи унаследованы постсоветской Россией, они еще больше усилились.

Особое значение аланская идентичность получила у осетин. У них она ассоциируется с высокими моральными ценностями и «цивилизаторской миссией», и романтизованные аланы являются референтной группой, на которую осетинам предлагается равняться, чтобы преодолеть моральный упадок и разложение. Кроме того, возведение себя к единым аланским предкам помогает осетинам преодолевать современную межобщинную разобщенность и чувствовать себя спаянной общностью. Наконец, аланская идентичность утверждает их право на владение равнинными землями, которые у них оспаривают ингуши.

Важность названия «аланы» для других рассмотренных выше этнических групп вызывается иными причинами. Чеченцы и ингуши связывают «аланство» прежде всего с территориальной проблемой. Ингушам это нужно для того, чтобы чувствовать себя вправе предъявлять претензии на Пригородный район, а чеченцам — чтобы отстоять свои права на равнинные Наурский и Шелковской районы, переданные им в 1957 г. из состава Ставропольского края. В свою очередь, балкарцы и карачаевцы ищут в аланской идентичности надежную основу для утверждения своего автохтонного статуса в борьбе с теми, кто называет их поздними пришельцами на Северном Кавказе. Ведь в условиях СССР автохтонный статус этнической группы давал ей право требовать определенных политических прав вплоть до политической автономии. Этот фактор продолжает играть важную роль и в современной России.

Для демонстрации своего «аланства» каждая из рассмотренных этнических групп прибегает к помощи культурной символики. Осетины стремятся как можно шире внедрять название «аланы», и не случайно в последние десятилетия «аланские» личные имена получили у них необычайную популярность. Но особенно значимым признаком «аланства» у них стала государственная символика, национализировавшая древние аланские символы и привязавшая их строго к осетинской земле. Ингуши демонстрируют свою причастность к «аланству» другим способом — отождествив свою новую столицу со столицей средневекового Аланского государства. В этом особенно ярко проявляется связь аланской идентичности с территорией, что, как мы знаем, представляет для ингушей исключительную важность. У осетин же «аланство» распространяется не только на территорию, но и на культуру, язык и даже биологические свойства человека.

Карачаевцам нет нужды специально доказывать связь своей территории с аланами, ибо на территории Карачаево-Черкесии располагается Нижне-Архызское городище с его замечательными средневековыми христианскими храмами — свидетельствами того, что там когда-то находилась Аланская епархия, религиозный центр Аланского царства. Но, чтобы продемонстрировать свою причастность к «аланству», карачаевцы и балкарцы также широко используют аланские названия для своих общественно-политических организаций, исторических и художественных журналов, историко-культурных учреждений и даже для своего «карачаево-балкарского языка». Во всем этом проявляется та самая «магия слов», о которой пишут специалисты и которая, как верят люди, способна помочь им в обретении того, чего они не могут достичь с помощью грубой силы (Moscovici 1985. P. 148; Bourdieu 1992. P. 170).

Рассмотренные материалы со всей очевидностью показывают, что сплочение близкородственных групп или распад единой группы на отдельные части совершаются вовсе не автоматически и не подчиняется какой-то телеологической закономерности, как когда-то полагали советские этнографы. За всеми такими процессами стоит активное творчество людей, преследующих свои реальные, прежде всего политические интересы. Вопреки тому, что доказывают националисты, культурно-языковое родство также не ведет автоматически к взаимному тяготению людей. Вовсе не оно привело к объединению чеченцев и ингушей в единой республике, и оно не спасло эту республику от распада. Культурно-языковое родство не служит надежной основой для единства осетин, и им приходится прилагать огромные усилия для укрепления своей общности с помощью такого искусственного способа, как навязывание ей новой идентичности. Выходя за рамки рассматриваемого региона, можно указать на пример мордвы, лидерам которой в 1990-х гг. едва удалось удержать ее от распада на две общности — мокшу и эрзю (Shnircman 2005).

Прямо противоположная картина наблюдается у карачаевцев и балкарцев, а также у их адыгских соседей, где отчетливо проявляется стремление соседних близких по языку и культуре этнических групп к сплочению. Однако и здесь это взаимное тяготение вызывается отнюдь не культурно-языковым родством, а политическими факторами.

В то же время поиск «аланской идентичности» включает и культурные соображения. Наученные горьким советским опытом, местные националисты убеждены в том, что только выходцы из коренной этнической группы способны вывести ее из глубокого экономического и социально-политического кризиса, возникшего после крушения Советского Союза. Все свои беды они относят на счет чуждой культуры, принесенной им русскими. По их мнению, помочь может только возврат к традиционной культуре и ее ценностям, основательно подорванным советской модернизацией. Отсюда та охватившая в конце 1980-х — 1990-е гг. все постсоветское пространство страсть к «неотрадиционализму», выражавшаяся в лозунге «возрождения народов». В этом контексте обращение к аланскоому наследию пришлось как нельзя кстати. Причастность к «светоносным» аланам, или арийцам, давала ощущение исконной самобытности и позволяла легко избавиться от советского наследия как от чужеродной примеси, вносившей разлад в работу «естественного народного организма».

Такие соображения также стояли за стремлением некоторых этнических групп отказаться от иноязычных этнонимов, подрывавших чувство самобытности и напоминавших о зависимости от соседей, будь то русские или грузины. Это, как мы видели, отчетливо проявлялось у осетин и чеченцев, пытавшихся всеми силами «коренизировать» названия своих республик. В то же время и здесь национальными лидерами двигало не столько тяготение к исконным языку и культуре, сколько политические соображения — стремление четко отделить друзей от врагов (Д. Дудаев), а также обозначить свои территориальные притязания (А. Галазов). Любопытно, что ингуши не изъявили никакого желания изменить свое название. Этим они демонстрировали свою лояльность России, от властей которой ожидали поддержки своих политических и территориальных требований.

Следовательно, в современной политической ситуации этническое название оказывается нагруженным очень важными смыслами. Его роль вовсе не сводится к маркированию культурно-языкового родства, как это обычно считают. Оно указывает на ценностные ориентации народа и его представление о своем месте в мире в целом и среди соседних народов в частности, сигнализирует о границах его политических амбиций, определяет его культурные и территориальные претензии, говорит о происхождении, напоминает об исторических заслугах, позволяет отличать друзей от врагов и определяет направления этнического тяготения и отталкивания. Поэтому этническое название не является политически нейтральным, и потребность в смене политических альянсов неизбежно поднимает вопрос о его соответствующей замене. В этом и состоит «политика имени», широко представленная в современном мире.

Примечания

1. О роли социальных ритуалов, и в частности государственных ритуалов, в сплочении масс см. также: Connerton 1989; Fentress, Wickham 1992. P. 130-131.
2. Благодарю Э. Гучинову за эту информацию.
3. Об интересном африканском примере такого политического проекта см.: Peel 1989.

4. Когда-то я определил суть таких архаических представлений как «круговорот жизненной силы в природе». См.: Shnirelman 2000.
5. Поэтому я не могу принять версию Цымбурского, интерпретирующую осетинское «арийство» как концепцию, выступающую якобы против «породнения земли и крови». См.: Цымбурский 2001. С. 144-145.
6. Действительно, в ряде народных традиций концепции линейного и циклического времени уживаются вместе. См.: Layton 1989. Р. 6.

- Абадиев 2004 – Абадиев И. Ингушский язык – прайзык человечества. Назрань: Центр социальных исследований, 2004.
- Абаев 1926 – Абаев В.И. Краеведение у горских народов // Известия Осетинского НИИ краеведения. 1926. Вып. 2. С. 17-20.
- Абаев 1927 – Абаев В.И. Осетинские этнические термины *iron*, *allon* // Яфетический сборник. 1927. Вып. 5. С. 105-108.
- Абаев 1932 – Абаев В.И. К характеристике современного осетинского языка // Яфетический сборник. 1932. Т. 7. С. 57-80.
- Абаев 1933 – Абаев В.И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев // Язык и мышление. Л.: АН СССР, 1933. Вып. 1. С. 71-89.
- Абаев 1935 – Абаев В.И. *Alanica* // Известия Академии наук СССР. 1935. №9. С. 881-894.
- Абаев 1940 – Абаев В.И. О «винительном» падеже в осетинском // Язык и мышление. 1940. Вып. 10. С. 3-12.
- Абаев 1944 – Абаев В.И. Поправки к чтению древнеосетинской Зеленчукской надписи // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. 1944. Т. 5. № 2. С. 224-226.
- Абаев 1949 – Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: АН СССР, 1949. Ч.1.
- Абаев 1952 – Абаев В.И. История языка и история народа // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкоизнанию. М., 1952. С. 40-55.
- Абаев 1956 – Абаев В.И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкоизнания АН СССР. 1956. Вып. 9. С. 57-69.
- Абаев 1957 – Абаев В.И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 16-20 октября 1956 г. / Под ред. В. М. Абасва и др. Орджоникидзе: Осетинское книжное изд-во, 1957. С. 22-36.
- Абаев 1958 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 1.
- Абаев 1959 – Абаев В.И. Осетино-вейнахис лексические параллели // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1959. Т. 1. Вып. 2. С. 89-119.
- Абасов 1960 – Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Треккова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 127-134.
- Абаев 1967 а – Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чердхиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 9-21.
- Абаев 1967 б – Абаев В. И. Заключительно слово // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чердхиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 313-315.
- Абаев 1992 – Абаев В. И. Скифы и осетины // Кавказский дом (Грозный). 1992. 16 февраля. С. 3.
- Абаев 1895 – Абаев М. К. Интересный документ // Кавказ. 1895. 31 августа (№ 230).
- Абаев 1992 – Абаев М. К. Балкария. Исторический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1992 (1-е изд. в журнале: Мусульманин. 1911. № 14-17. С. 586-627).
- Абаев 1996 – Абаев Н. Язык осетинский – загадка вселенская // Алантаэ. 1996. № 10-11 (ноябрь-декабрь).
- Абаева 1995 – Абаева Ф. В. Умар Алиев. Майкоп: Б. и., 1995.
- Абазатов 1960 – Абазатов М. А. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Треккова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 264
- Абазатов 1964 – Абазатов М. А. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в годы гражданской войны // Известия Чечено-Ингушского НИИ. 1964. Т. 4. Вып. 1 (история). С. 55-69.
- Абазатов 1973 – Абазатов М. А. Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1973.
- Абайхан 1998 – Абайхан М. Шумер, Библия и Карабай // Карабаево-Балкарский мир. 1998. Май. С. 2.

- Абдулаев 1991 – Абдулове З. С. Всполохи (повесть). Грозный: Книга, 1991.
- Абдулкадыров 2004 – Абдулкадыров З. и др. Резонанс // Литературная газета. 2004. 21-27 июля (№ 29). С. 2.
- Абдуллаев 1998 – Абдуллаев Б. Первые шаги «Алан» // Карабаево-Балкарский мир. 1998. Май. С. 2.
- Абдуллаев 1983 – Абдуллаев М. А. Отражение антифеодальной борьбы крестьянских масс Дагестана в общественно-политической мысли (XV-XIX вв.) // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1983. С. 114-147.
- Абдушишвили 1967 – Абдушишвили М. Г. Генезис горнокавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 125-141.
- Абоев 1993 – Абоев З. Завтра будет поздно // Северная Осетия. 1993. 12 ноября. С. 3.
- Абрамова 1967 – Абрамова М. П. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 293-295.
- Абрамова 1978 – Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология. 1978. № 1. С. 72-82.
- Абрамова 1991 – Абрамова М. П. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевыми племенами // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР. 1991. С. 12-14.
- Абрамян 2005 – Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью на постсоветском пространстве (на примере Армении) // Acta Slavica Iaponica. 2003. Т. XX. С. 25-49.
- Абубакаров 1998 – Абубакаров Т. Режим Джохара Дудаева: правда и вымысел. Записки дудаевского министра экономики и финансов. М.: ИНСАН, 1998.
- Авторханов 1930 – Авторханов А. Г. К основным вопросам истории Чечни. Грозный: Серло, 1930.
- Авторханов 1931 – Авторханов А. Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1931.
- Авторханов 1933 – Авторханов А. Г. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории гражданской войны в Терской области. Грозный: Чеченское национальное изд-во, 1933.
- Авторханов 1991 – Авторханов А. Г. Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. М.: Вся Москва, 1991.
- Авторханов 2003 – Авторханов А. Г. О себе и времени. Мемуары. М.:Дика-М, 2003.
- Агасиев 1994 – Агасиев К. Магас – город магаллонов // Северный Кавказ. 1994. 10 сентября. С. 1.
- Агнаев 1957 – Агнаев А. Неизвестный источник о древней Осетии // Социалистическая Осетия. 1957. 3 сентября (№ 174).
- Адилсултанов 1989 – Адилсултанов А. А. Там, где проходили караваны // Грозненский рабочий. 1989. 11 октября. С. 4.
- Адилсултанов 1992 – Адилсултанов А. А. Акки и аккинцы в XVI-XVIII вв. Грозный: Б. и., 1992.
- Адыгэ Хасэ 2001 – Устав кабардинской общественно-политической организации «Адыгэ-Хасэ» // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Под ред. М. Н. Губогло, Х. Х. Сохрокова. М.; Нальчик: ЦИМО, 2001. Т. 2. С. 145-150.
- Азаров, Марущенко 2001 – Азаров В., Марущенко В. Кавказ в составе России // Красная звезда. 2001. 19 января. С. 2-3.
- Айдас и др. 1973 – Айдаев Ю. А. и др. Честно служить своему народу// Грозненский рабочий, 1973. 27 июня. С. 3.
- Айдаев 1991 – Айдаев Ю. А. Из неопубликованного // Республика. 1991. 14 февраля. С. 6.
- Айдаев 1996 – Чеченцы: история и современность / Под ред. Ю. А. Айдаева. М.: Мир дому твоему, 1996.
- Айдаев 1999 – Айдаев Ю. А. Акад. К. З. Чокасв: Полвека по пути научного поиска // Голос Чеченской Республики. 1999. 25 февраля. С. 2-3.
- Айдамиров 1989 – Айдамиров А. Люди, судьбы, нравы // Грозненский рабочий. 1989. 10 декабря. С. 2.
- Айт (Чотчаев) 2001 – Айт Э. (Чотчаев И. М.) Кавказ: эпоха, народы, нравы. Пятигорск: Северо-Кавказское изд-во «МИЛ», 2001.
- Айшаев 2002 – Айшаев О. Историк С. К. Бабаев и его монография «К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов» // Ас-Алан. 2002. № 3 (8). С. 141-170.
- Акаев 1999 – Акаев В. Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. М.: ИЭА РАН (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 127), 1999.
- Акаев 2001 – Акаев В. Х. Ислам и политика // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Дж. Дж. Бакаева, А. Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С. 126-147.

Акаев 2003 – Акаев В. Х. Сталинско-бериевская депортация чеченцев: факты, идеологемы, интерпретации // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения / Под ред. В. Б. Убушаева. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. С. 7-11.

Акаев, Хусаинов 1994 – Акаев В. Х., Хусаинов С. А. К вопросу о методологической несостоительности версии о «горском экспансиионизме» и «так называемой Кавказской войне» // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, Ин-т языка, литературы и искусства, 1994. С. 126-130.

Акбаев 1963 – Акбаев Ш. Х. Алания? // Ленинни байрагы. 1963. 21 апреля (№ 80).

Аккиева 1998 – Аккиева С. И. Кабардино-Балкарская Республика. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА, 1998.

Аккиева 2002 – Аккиева С. И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период). М.: ЦИМО, 2002.

Акритас 1954 – Акритас П. Г. Древнейшее название горы Бештау // Сборник по истории Кабарды. Нальчик, 1954. Вып. 3. С. 208-214.

Акритас 1960 – Акритас П. Г. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трекова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 276-279.

Аксенова, Васильев 1993 – Аксенова Е. П., Васильев М. А. Проблемы этногенеза славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930-1940-х гг. // Славяноведение. 1993. № 2. С. 86-104.

Аланов 1998 – Аланов М. Говорить одно, делать другое и думать о третьем // Балкария. 1998. № 2 (ноябрь). С. 4.

Албагачиев, Ахильгов 1997 – Албагачиев Р. Ш., Ахильгов М. А. Знать и помнить... М.; Назрань: Б. и., 1997.

Албакова 1998 – Албакова Ф. Ю. Роль жречества в духовной культуре ингушей // Новое в археологии и этнографии Ингушетии / Под ред. Д. Ю. Чахкиева. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 83-97.

Алборов 1926 – Алборов Б. А. Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсurov // Известия Горского педагогического института. 1926. Т. 3. С. 262-296.

Алборов 1960 – Алборов Б. А. Почему осетины называют балкарцев «асы»? // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трекова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 108-112.

Албогачиева 2004 – Албогачиева М. С.-Г. «Печальник ингушского народа» Фома Иванович Горепекин // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 126-130.

Александров, Еманова 1997 – Александров Г. Н., Еманова Т. В. К вопросу о философском анализе проявлений этноса (на примере музыкального образования) // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 249-257.

Алексеев 1960 – Алексеев В. П. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трекова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 312-333.

Алексеев 1967 – Алексеев В. П. Антропологические данные к происхождению осетинского народа // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 142-173.

Алексеев, Гохман 1984 – Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.

Алексеева 1954 – Алексеева Е. П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 199-260.

Алексеева 1960 – Алексеева Е. П. Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трекова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 96-107.

Алексеева 1963 – Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск: Карабаево-Черкесское книжное изд-во, 1963.

Алексеева 1966 – Алексеева Е. П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карабаево-Черкесии // Труды Карабаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. Вып. 5. С. 132-260 (Серия историческая).

Алексеева 1967 – Алексеева Е. П. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 255-258.

Алексеева 1971 – Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карабаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.

Алексеева 1991 – Алексеева Е. П. История народов Карабаево-Черкесии поданным археологии // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблема изучения / Под ред. Н. С. Надъярных, Л. А. Бекизовой. Черкесск: РАН. 1991. С. 321-326.

Алексеева, Невская, Шаманов 1978 – Алексеева Е. П., Невская В. П., Шаманов И. М. Исторический очерк // Карабаевцы. Историко-этнографический очерк / Под ред. Л. И. Лаврова. Черкесск: Карабаево-Черкесское книжное изд-во, 1978. С. 16-58.

Алемань 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003.

Алешкин 1987 – Алешкин А. Город у синих гор // Социалистическая Осетия. 1987. 1 ноября. С. 2-3.

Алиев 1975 – Алиев И. Г. Выступление // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ, 1975. Т. 3. С. 106-107.

Алиев и др. 1993 а – Карабаевцы. Выселение и возвращение / Под ред. И. И. Алиева и др. Черкесск: ПУЛ, 1993.

Алиев 1993 б – Алиев И. И. Шлейф бед и страданий // Так это было. Национальные репрессии в СССР, 1919-1952 годы / Сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 2. С. 7-36.

Алиев, Курбанов, Юсупова 1994 – Алиев К. А., Курбанов М. Р., Юсупова Г. И. Чеченцы-аккинцы Дагестана: к проблеме реабилитации. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994.

Алиев 1960 – Алиев У. Б. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев/ Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 242-252.

Алиев 1972 – Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1972.

Алиев, Лайпанов, Хабичев, Баучиев 1963 – Алиев У. Б. , Лайпанов К. Т., Хабичев М. А., Баучиев А. Д. Аланлы, Алания? // Ленинни байрагы. 1963. 20 апреля (№ 79) (карач. яз.)

Алиев 1927 – Алиев У. Дж. Карабай (Карабаевская автономная область): историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Ростов-на-Дону: Крайнациздат и Севкавкнига, 1927.

Алиев 1928 – Алиев У. Дж. Книгоиздательское дело на национальных языках Северного Кавказа // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. 1928. Т. 1. С. 231-243.

Алиев 1929 – Алиев У. Дж. Латинизация горских письмен // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. 1929. Т. 2. С. 215-229.

Алиева 1993 а – Так это было. Национальные репрессии в СССР, 1919-1952 годы / Сост. С. У. Алиева. М.: ИНСАН, 1993. Т. 1-3.

Алиева 1993 б – Красноречивая деталь // Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы / Сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 1. С. 260-262.

Алиева 1993 в. Запах фиалки // Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы / Сост. С. У. Алиева. М.: Инсан. 1993. Т. 1. С. 317-332.

Алиева 1998 – Алиева С. У. Карабай и Балкария в составе России // Ас-Алан. 1998. № 1. С. 198-212.

Алироев 1978 – Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1978.

Алироев 1990 а – Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный: Книга, 1990.

Алироев 1990 б – Алироев И. Ю. Древние вайнахи // Голос Чечено-Ингушетии. 1990. 14 октября. С. 2-3.

Алироев, Павлов 1985 – Алироев И. Ю., Павлов М. П. Чечено-Ингушский государственный университет имени Л. Н. Толстого. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1985.

Алихаджиев 1993 – Алихаджиев А. Наука и шарлатанство // Ичкерия. 1993. 30 марта.

Алишев 1988 – Алишев А. Голос минувшего // Кабардино-Балкарская правда. 1988. 9 октября. С. 8.

Алишев 1989 – Алишев А. Г. О чем говорят этруски? // Кабардино-Балкарская правда. 1989. 26 августа. С. 3.

Алишев 1991 а – Алишев А. Г. Скиты и скифы // Горняцкая слава (Тырныауз). 1991. 4 июля. С. 3.

Алишев 1991 б – Алишев А. Г. Этруски и балкарцы // Горняцкая слава (Тырныауз). 1991. 6 июля. С. 3.

Алишев 1996 – Алишев А. Г. Лукумон – этрусский царь // Карабаево-Балкарский мир. 1996. (№ 3). С. 4.

Алпатов 1991 – Алпатов В. М. История одного мифа. М.: Наука, 1991.

Алпатов 1997 – Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917-1997. М.: ИВ РАН, 1997.

Амелин 2002 – Амелин В. В. Проблема участия во власти этнических групп // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 105-118.

Андрусенко 1989 – Андрусенко А. Как история писалась... // Грозненский рабочий. 1989. 19 октября. С. 2.

- Анисимов 1929 – Анисимов С. С. Кавказские Альпы. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.
- Анисимов 1930 – Анисимов С. С. Кавказ. Пособие по краеведению. М.: Работник просвещения, 1930.
- Анисимов 1937 – Анисимов С. С. Кабардино-Балкарья. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1937.
- Антонов 1928 – Антонов Н. С. Население Северной Осетии по переписи 1926 г. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения, 1928.
- Анчабадзе 1997 – Анчабадзе Ю. Д. Кавказская идея: история и современность // Московское эхо Кавказа / Под ред. Ю. С. Горячева. М., 1997. С. 77-83.
- Анчабадзе 1999 – Анчабадзе Ю. Д. Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы / Под ред. Д. Д. Тумаркина. М.: Восточная литература, 1999. С. 134-151.
- Арапханова 2003 – Арапханова Л. Я. Тейповое устройство ингушей как фактор этнополитического и этнокультурного самосохранения в условиях депортации // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения / Под ред. В. Б. Убушаева. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. С. 95-97.
- Арсалиев 1996 – Арсалиев Ш. М.-Х. Национальная культура вайнахов и подготовка учителя национальной школы. М.: Магистр, 1996.
- Арсанукаев 1991 – Арсанукаев Р. Д. Некоторые вопросы этнической истории Северного Кавказа // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 27-29.
- Артамонов 1937 – Артамонов М. И. Памятники прошлого // Грозненский рабочий. 1937. 16 февраля. С. 3.
- Артамонов 1938 – Артамонов М. И. Археологические исследования в СССР // Правда. 1938. 7 февраля. С. 4.
- Артизов и др. 2003 – Реабилитация: как это было / Сост. А. Н. Артизов и др. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. Т. 2.
- Арутюнов 1995 – Арутюнов С. А. Историческая память Чечни // Новое время. 1995. № 12. С. 12-15.
- Арутюнов, Смирнова, Сергеева 1990 – Арутюнов С. А., Смирнова Я. С., Сергеева Г. А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области // Советская этнография. 1990. № 2. С. 23-29.
- Аслаханов 1994 – Аслаханов А. Демократия преступной не бывает. М: Ин-т массовых коммуникаций, 1994.
- Аслаханов 2002 – Аслаханов А. «Я всегда защищаю народ». М.: Аванти, 2002.
- Астафьев и др. 1996 – Астафьев М. и др. Чеченский водораздел // Независимая газета. 1996. 23 февраля. С. 3.
- Аствацатурова 1997 – Аствацатурова М. А. Некоторые тенденции в развитии национальных отношений в СССР в 1970-1985 годы // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 181-186.
- Атабиев 1994 – Атабиев А. О правде и о границах // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Под ред. И. Л. Бабич. М.: ЦИМО ИАЭ, 1994. Т. 2. С. 191-197. (по газ.: Балкарский форум. 1991. № 12).
- Атаев 2002 – Атаев А. Сегодняшние события – продолжение Кавказской войны // Независимая газета. 2002. 23 мая.
- Атаева, Гонов 1997 – Атаева Ф. А., Гонов А. М. Национальный вопрос и федеративные отношения в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ. 1997. С. 220-222.
- Атаманчук 1977 – Северная Осетия за 60 лет. Статистический сборник/ Под ред. В. П. Атаманчук. Орджоникидзе: Ир, 1977.
- Аутлев 1997 – Аутлев М. Г. Главная проблема исторической науки об адыгах // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа / Под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1997. С. 107-110.
- Аушев 1997 – Аушев М. А. Ингушетия. Оплот стабильности на Кавказе // Демократический выбор. 1997. 2 октября. С. 6.
- Ахвlediani 1960 – Ахвlediani Г. С. Ossetica-Georgica // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1960. Т. 22. Вып. 1. С. 29-40.
- Ахмадов, Багаев, Ерешенко 1991 – Ахмадов Ш. Б., Багаев М. Х., Ерешенко Г. А. Рассказы по истории родного края: Учебное пособие для учащихся 6-х кл. Грозный: Книга, 1991.
- Ахмадов, Гапуров 2005 – Ахмадов Ш. Б., Гапуров Ш. А. Дискуссионные вопросы истории Чечни XVIII-XIX вв. //Доклад на Всероссийской научной конференции «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность», организованной ИЭА РАН, Москва, 19-20 апреля 2005 г.
- Ахмадов 1975 – Ахмадов Я. З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. 1975. Вып. 11. С. 57-65.
- Ахмадов 1988 – Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный: Чечено-Ингушское изд-во, 1988.

Ахмадов 1990 – Ахмадов Я. З. Российское повстанческое движение конца XVII – начала XVIII в. и народы Дагестана // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990. С. 79-83.

Ахмадов 1992 – Ахмадов Я. З. Кто такие орстхойцы (арштхойцы, карабулаки) // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 28 ноября. С. 3.

Ахмадов 1993 – Ахмадов Я. З. Не спешите с выводами: учебные пособия по истории Чечено-Ингушетии // Голос Чечено-Ингушетии. 1993. 18 февраля. С. 3.

Ахмадов 1995 – Ахмадов Я. З. Проблема присоединения народов Чечено-Ингушетии к России // История и историки / Под ред. И. Д. Ковалченко. М.: Наука, 1995. С. 56-59.

Ахмадов 2001 а – Ахмадов Я. З. Сползание Российской Федерации и Чеченской Республики Ичкерия к конфликту // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Дж. Дж. Гакаева, А. Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С. 112-125.

Ахмадов 2001 б – Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в.: Пособие для изучающих историю родного края. М.: Мир дому твоему, 2001.

Ахмадов, Хожаев 1992 – Ахмадов Я. З., Хожаев Д. Территория и расселение вайнахов с XVI в. до наших дней // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 14 января. С. 2; 15 января. С. 3-4.

Ахмадов и др. 1994 – Ахмадов Я. З. и др. Чеченцы // Народы России. Энциклопедия / Под ред. В. А. Тишкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 399-403.

Ахматов, Койчуев, Лайпанов 1997 – Ахматов И., Койчуев А., Лайпанов К. Новый взгляд на проблемы этногенеза татарского народа // Татарстан. 1997. № 6. С. 74-79.

Ахметов, Марчануков 1990 – Ахметов М. Х., Марчануков Т. А. Край, овеянный легендами. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1990.

Ахметова и др. 1991 – Ахметова С. и др. Обращение балкарских писателей к народам Кабардино-Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. 1991. 4 декабря. С. 1.

Ахриев 1992 – Ахриев Н. Одна судьба – одна история // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 19 февраля. С. 2.

Ахриев 1875 – Ахриев Ч. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Т. 8, отд. 1. С. 1-40.

Б. К. 1934 – Б. К. Н. Марр, яфетическая теория и советская языковая политика // Северный Кавказ (Варшава). 1934. № 8. С. 14-19.

Бабаев 1960 – Бабаев С. К. О происхождении балкарцев и карачаевцев // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 38-62.

Бабаев 2000 – Бабаев С. К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 2000.

Бабаев, Крикунов 1961 – Бабаев С. К., Крикунов В. П. Происхождение балкарцев // Очерки истории балкарского народа / Под ред. А. В. Фадеева. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1961. С. 20-25.

Бабаев, Кумыков 1961 – Бабаев С. К., Кумыков Т. Х. Развитие феодальных отношений в Балкарии // Очерки истории балкарского народа / Под ред. А. В. Фадеева. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1961. С. 26-37.

Бабаев, Шабаев 1959 – Бабаев С., Шабаев Д. За марксистско-ленинское освещение истории балкарского народа // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 5 апреля. С. 3.

Бабахян 1984 – Бабахян Л. О. К вопросу о некоторых пранахских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом / Сост. Ш. Б. Ахмадов, Я. З. Ахмадов. Грозный: ЧИ ИСФ, 1984. С. 5-15.

Бабахян 1990 – Бабахян Л. О. Наши общие корни // Комсомольское племя (Грозный). 1990. 11 октября. С. 9.

Бабахян 1998 – Бабахян Л. О. Откуда наши предки // Нуныев С.-Х. Нахи и священная история. Ярославль: Книга, 1998. С. 106-109.

Бабахян, Хожаев 1991 – Бабахян Л. О., Хожаев Д. Потомки Нефертити // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 14 сентября.

Бабич 1994 – Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Под ред. И. Л. Бабич. М.: ЦИМО ИАЭ, 1994. Т. 1-2.

Бабич 1998 – Бабин И. Л. Соотношение политической, религиозной и этнической идентичности в современном кабардино-балкарском обществе // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе / Под ред. М. Олкотт, А. Малашенко. М.: Карнеги Центр, 1998. С. 140-165.

Багаев 1968 – Багаев М. Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XIII-XIV вв.) // Археолого-этнографический сборник / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: ЧИ НИИ ИЯЛ, 1968. Вып. 2. С. 55-72.

Багаев 1974 – Багаев М. Х. К вопросу о хозяйственной жизни вайнахов в раннем Средневековье // Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С. 49-50

Багаев 1975 – Багаев М. Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем Средневековье // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: СО НИИ, 1975. Т. 3. С. 50-57.

Багаев 1988 – Багаев М. Х. Правайнахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

Багаев 1991 – Багаев М. Х. К вопросу о сложении древненахских народов // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 18-20.

Багаев 1993 – Багаев М. Х. Обвиняется в мелкобуржуазности и национализме // Республика. 1993. 25 сентября. С. 5.

Багаев 1998 – Багаев М. Х. Откуда мы есть, пошли // Нуныев С.-Х. Нахи и священная история. Ярославль: Книга, 1998. С. 110-113.

Багаев 2003 – Багаев М. Х. Этапы археологических исследований // История и культура вайнахов. Под ред. Осмаева М. К., Алироева И. Ю. М.: Academia, 2003. С. 331-334.

Багаев, Петренко, Умаров 1968 – Багаев М. Х., Петренко В. А., Умаров С. Ц. Внимательно относиться к изучению памятников прошлого // Археолого-этнографический сборник / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: ЧИ НИИ ИЯЛ, 1968. Вып. 2. С. 311-320.

Багалова и др. 1999 – Чечня: право на культуру / Под ред. З. М. Багаловой и др. М.: Полинформ-Талбури, 1999.

Бадальян, Костюченко 1993 – Бадальян С. А., Костюченко Л. Г. Студенческое свободное время: реалии и проблемы // Вопросы социологии Северной Осетии / Под ред. С. П. Таболова. Владикавказ: СОИГИ, 1993. С. 73-84.

Базоркин 2002 а – Базоркин И. М. Очерки. Статьи. Выступления // Базоркин И. М. Собр. соч.: В 6 т. Магас: Сердало, 2002. Т. 5.

Базоркин 2002 б – Базоркин И. М. Письма и заявления // Базоркин И. М. Собр. соч.: В 6 т. Магас: Сердало, 2002. Т. 6.

Базоркин 1961 – Базоркин М. М. Борганды в Присунженской долине // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. 1961. Вып. 10. С. 130-142.

Базоркин 1964 – Базоркин М. М. Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1964.

Базоркин 2002 – Базоркин М. М. История происхождения ингушей. Нальчик: Эль-Фа, 2002.

Базоркина 1993 – Базоркина А. И. Терпение // Так это было / Под ред. С. У. Алиевой. М: ИНСАН, 1993. Т. 2. С. 107-144.

Базоркина 2001 – Базоркина А. И. Воспоминания об отце. Нальчик: Эль-Фа, 2001.

Байбулатов, Блиев, Бузуртанов, Виноградов, Гаджиев 1980 – Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. № 5. С. 48-63.

Байрамкулов 1966 – Байрамкулов А. М. Алланладанмы, кыпчакъ-ладанмы? // Ленинни байрагы. 1966. 2 августа.

Байрамкулов 1975 а – Байрамкулов А. М. Алланлы тиллери бладин-лерини юеюндөн // Ленинни байрагы. 1975. 4 апреля (карач. яз.).

Байрамкулов 1975 б – Байрамкулов А. М. Документле хапар айта-дыла // Ленинни байрагы. 1975. 10 июня (карач. яз.).

Байрамкулов 1981 – Байрамкулов А. М. Алано-асские этнические названия, фамилии и имена // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков / Под ред. М. А. Хабичева. Ставрополь: СГПИ, 1981. С. 76-87.

Байрамкулов 1982 а – Байрамкулов А. М. Алланланы тиллерини юеюндөн история документле // Шоркъа. Черкесск, 1982. С. 232-248 (карач. яз.).

Байрамкулов 1982 б – Байрамкулов А. М. Алан бурунггу тюрк сездю // Ленинни байрагы. 1982. 15 июля (карач. яз.).

Байрамкулов 1995 – Байрамкулов А. М. К истории аланской ономастики и топонимики. Черкесск: Карабаево-Черкесское республиканское книжное изд-во, 1995.

Байрамкулов 1996 – Байрамкулов А. М. Карабаево-Балкарскому народу – 2000 лет. Черкесск: АВЕРС, 1996.

Байрамкулов 1998 – Байрамкулов А. М. И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. Ставропольская краевая типография, 1998.

Байрамкулов 1999 – Байрамкулов А. М. Правда об аланах. Ставрополь: Ставропольская краевая типография, 1999.

Байрамуков 1993 – Байрамуков У. З. Кладезь народной памяти. Черкесск: Карабаево-Черкесское книжное изд-во, 1993.

Байтуган 1937 – Байтуган Б. В арийском тумане // Северный Кавказ (Варшава). 1937. № 34. С. 13-18.

Байтуган 1938 а – Байтуган Б. Древнее население Северного При-черноморья // Северный Кавказ (Варшава). 1938. № 45-46. С. 24-29.

Байтуган 1938 б – Байтуган Б. Древнее население Северного Причерноморья // Северный Кавказ (Варшава). 1938. № 49-50. С. 22-27.

Байтуган 2001 – Байтуган Б. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 3-31.

Байчоров 1982 – Байчоров С. Я. Карабаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов / Под ред. А. К. Шатрова. Черкесск: Карабаево-Черкесский НИИ ИФЭ, 1982. С. 114-139.

Байчоров 1987 – Байчоров С. Я. Термины «карачай» и «ас» в карачаево-балкарской этнографии // Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карабаево-Черкесии / Под ред. А. К. Шатрова. Черкесск: Карабаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1987. С. 41-64.

Байчоров 1989 а – Байчоров С. Я. К этногенезу карачаево-балкарского народа по данным языка и эпиграфики // Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков / Под ред. И. Х. Ахматова. Черкесск: Карабаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1989. С. 5-26.

Байчоров 19896 – Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1989.

Байчоров 1993 а – Байчоров С. Я. Аланская кровь карачаево-балкарского народа // Алания (Карабаевск). 1993. № 3.

Байчоров 1993 б – Байчоров С. Я. Надписи булгарских предков карачаево-балкарцев на древней кавказской интальи // Алания (Карабаевск). 1993. № 4.

Байчоров 1994 – Байчоров С. Я. Тюркская (карачаево-балкарская) подоснова топонимики Осетии // Алания (Карабаевск). 1994. № 7.

Бакаев 1989 – Бакаев Х. З. Вайнахи, штрихи к портрету // Университетский вестник. Грозный. 1989. 23, 30 октября.

Бакаев 1990 – Бакаев Х. З. Потомки Энея // Комсомольское племя. 1990. 12 июля.

Бакаев 1991 – Бакаев Х. З. Расселение вайнахов в горах и на равнине: факты и домыслы // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 30-31.

Бакаев 1997 – Бакаев Х. З. Потомки Кавказа // Чеченец. 1997. № 9.

Бакаев, Дударев 1989 – Бакаев Х. З., Дударев С. Л. К вопросу об истоках нартского эпоса // Кавказ и цивилизации Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 72-73.

Бакаев, Нуныев 1991 – Бакаев Х. З., Нуныев С. Х. История в легендах // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 2, 5 февраля.

Баксан (Бакаев) 1998 – Бакст Д. (Бакаев Х. З.) След Сатаны на тайных тропах истории. Грозный, 1998.

Баландин, Викторов, Тусиков, Шкесрин 1939 – Баландин Д. Н., Викторов И. Г., Тусиков М. М., Шкесрин М. Р. Северная Осетия. Политико-экономический очерк Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1939.

Балкаров 1965 – Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1965.

Балтин, Сакиев 1957 – Народы Карабаево-Черкесии (историко-этнографические очерки) / Под ред. П. И. Балтина, М. М. Сакиева. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1957.

Бальбиров 1996 – Бальбиров Д. Шамиль Басаев: «Пусть Россия и Америка сцепятся» // Московские новости. 1996. 6-12 апреля. С. 8.

Бальбиров 1997 – Бальбиров Д. Город ингушского солнца // Московские новости. 1997. 14-21 декабря.

Балытников 1999 – Балытников В. В. Автономии в квадрате // Независимая газета. 1999. 3 июля. С. 5.

Баммат 1934 – Баммат Г. К истории одного разрыва // Кавказ (Париж). 1934. № 3. С. 3-8.

Баммат 1937 – Баммат Г. Абдул Меджид Чермоев // Кавказ (Париж). 1937. № 8 (44). С. 31-33.

Бараниченко 1979 – Бараниченко Н.Н. Заметки о культовом зодчестве вайнахов // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979. С. 105-112.

Баскаев 1995 а – Баскаев В. История – наука о прошлом, но не идеологическое оружие (беседа с В. А. Кузнецовым) // Фыдыбастаг. 1995. № 4 (август).

Баскаев 1995 б – Баскаев В. История не воспринимает амбициозности (беседа с В. А. Кузнецовым) // Фыдыбастаг. 1995. № 5 (октябрь).

Баскаков 1960 – Баскаков Н. А. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 228-241.

Батчаев 1973 – Батчаев В. М. Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа. Автореф. канд. дисс. М.: ИААН СССР, 1973.

Батчаев 1980 – Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии / Под ред. И. М. Чеченова.

- Нальчик: Кабардино-Балкарский ин-т истории, филологии и экономики, 1980. С. 79-95.
- Батчаев 1986 – Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986.
- Батчаев, Стефанеева 1969 – Батчаев М., Стефанеева Е. Л. Горы и народы: кавказские легенды. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1969.
- Башкиров 1928 – Башкиров А. С. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. 4. С. 58-69.
- Бгажноков 1983 – Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983.
- Бегидов 2003 – Бегидов А. М. Кабардино-Балкария: прошлое, настоящее, будущее. М.: Новый хронограф, 2003.
- Беджанов 1997 – Беджанов М. Б. Проблемы национальных отношений на Северном Кавказе и пути их решения. Майкоп: Адыгея, 1997.
- Бекалдиев 2003 – Бекалдиев М. Д. История Кабардино-Балкарии: Учебник для 8-9-х классов общеобразовательных учебных заведений. Нальчик: Эльбрус, 2003.
- Беловецкий 1988 – Беловецкий В. Без срока давности // Грозненский рабочий. 1988. 20 декабря. С. 3.
- Белогуров 1950 – Белогуров В. А. Грозненский областной институт и музей краеведения в 1948 году // Известия Грозненского областного института и музея краеведения (Грозный). 1950. Вып. 2-3. С. 191-211.
- Белогуров 2003 – Белогуров А. Ю. Этногенез и проблемы развития российского образования // Бюллетень Владикавказского института управления. 2003. № 10.
- Беляков и др. 1991 – Беляков А. и др. Заключение комиссии по обращениям ингушского населения // Трагедия ингушского народа / Сост Ю. Тангиев. Грозный: Грозненский рабочий, 1991. С. 54-58.
- Беляков 1995 – Чеченский кризис (материалы Военно-научного общества «Безопасность Отечества») / Под ред. Н. Н. Белякова. М.: Клуб «Реалисты», Информационно-аналитический бюллетень, 1995.
- Бенкевич, Куприянова 1982 – В братской семье советских народов / Под ред. Н. Т. Бенкевича, Е. А. Куприяновой. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982.
- Бербеков 1957 – Бербеков Х. М. В братской семье народов СССР. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957.
- Березовский и др. 1993 – Березовский Н. и др. Осетино-ингушский конфликт и роль в нем группировки российских войск // Республика. 1993. 12 марта. С. 3; 28 марта. С. 4.
- Берже 1859 – Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
- Берикетов 1960 – Берикетов Х. Г. Вступительное слово // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 3-6.
- Берладина 1960 – Берладина К. А. Народная вышивка Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1960. Т. 22. Вып. 5.
- Берлизов 1996 – Берлизов Н. Е. Аланы-скифы // Историко-археологический альманах / Под ред. Р. М. Мунчава. Армавир-М.: Армавирский краевой музей, 1996. Вып. 2. С. 105-117.
- Берозов 1980 – Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1980.
- Берсанова 1997 – Берсанова З. Горская Республика и ее лидер // Вайнах сегодня. 1997. № 2. С. 26-28.
- Берсанова 1999 – Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 223-249.
- Бетоева, Бирюкова 1985 – Городу Орджоникидзе – 200 лет. 1784-1984. / Сост. М. Д. Бетоева, Л. Д. Бирюкова. Орджоникидзе: Ир, 1985.
- Бетоева, Бирюкова 1991 – История Владикавказа (1781-1990) / Под ред. М. Д. Бетоевой, Л. Д. Бирюковой. Владикавказ: Северо-Осетинский ун-т, 1991.
- Бзаев 1995 – Бзаев К. К. Происхождение этнического термина «Русь». Владикавказ: Ир, 1995.
- Бзаров 1990 – Бзаров Р. С. Рассказы по истории Северной Осетии. Для 5-го класса. Орджоникидзе: Ир, 1990.
- Бзаров 1994 – Бзаров Р. С. Осетины // Эхо Кавказа. 1994. № 2 (5). С. 6-15.
- Бзаров 1995 – Бзаров Р. С. Слово о Гаппо Баеве // Северная Осетия. 1995. 12 апреля.
- Бзаров 1997 – Бзаров Р. С. Социально-исторические и политические истоки межэтнических отношений в Северной Осетии // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 132-138.

- Бзаров 1999 – Бзаров Р. С. Предисловие // Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1999. С. 3-7.
- Бзаров 2005 – Бзаров Р. С. [Рец.: Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации (М., 2004)] // Отечественная история. 2005. № 2. С. 195-198.
- Бигулаев 1948 – Бигулаев Б. Из истории осетинского письма // Известия СО НИИ. 1948. Т. 12. С. 241-254.
- Биджиев 1983 – Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1983.
- Билатти 1937 – Билатти Б. Национальный централизм – залог успеха // Северный Кавказ (Варшава). 1937. № 35. С. 12-16.
- Битова, Боров, Дзамихов, Саральпов 1996 – Битова Е. Г., Боров А. Х., Дзамихов К. Ф., Саральпов З. С. Современная Кабардино-Балкарская проблема общественной динамики, науки и образования. Нальчик: Эль-Фа, 1996.
- Биттиров 1991 – Биттиров М. Возродимся ли? // Кабардино-Балкарская правда. 1991. 13 декабря. С. 2.
- Блиев 1959 – Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1959.
- Блиев 1960 – Блиев М. М. О работе комплексной экспедиции научно-исследовательского института в 1960 году // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1960. Т. 22. Вып. 4 (история). С. 196-200.
- Блиев 1970 – Блиев М. М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. № 1. С. 43-56 (переиздана в кн.: Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 8-28).
- Блиев 1979 – Блиев М. М. Факты свидетельствуют // Грозненский рабочий. 1979. 12 января. С. 3.
- Блиев 1983 – Блиев М. М. Кавказская война: социальные источники, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 54-75 (переиздана в кн.: Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 58-89).
- Блиев и др. 1989 а – Блиев М. М. и др. Как звать тебя, город? // Социалистическая Осетия. 1989. 24 июня. С. 2.
- Блиев 1989 б – Блиев М. М. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX века // История СССР. 1989. № 4. С. 151-168 (переиздана в кн.: Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1999. С. 140-174).
- Блиев 1989 в – Блиев М. М. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 136–137.
- Блиев 1991 – Блиев М. М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. 1991. № 6. С. 67-84 (переиздана в кн.: Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 29-57).
- Блиев 1993 – Блиев М. М. «... Война есть грех и свидетельство о грехе...» // Северная Осетия. 1993. 13-14 апреля (переиздана в кн.: Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 277-289).
- Блиев 1997 – Блиев М. М. Традиционная структура чеченского общества и феномен российско-чеченских конфликтов// Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 117-124.
- Блиев 1999 – Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: Изд-во СОГУ 1999.
- Блиев 2004 – Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.
- Блиев, Бзаров 2000 – Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.: Учебник для старших классов средних школ. Владикавказ: Ир, 2000.
- Блиев, Гаджиев, Джандубаев 1994 – Блиев М. М., Гаджиев В. Г., Джандубаев А. Р. Перевернутый мир бесконечной войны // Родина. 1994. №3-4. С. 17-23.
- Блиев, Гиоев 1960 а – Блиев М. М., Гиоев М. И. Ценная книга по истории Северной Осетии // Социалистическая Осетия. 1960. 3 августа. С. 3.
- Блиев, Гиоев 1960б – Блиев М. М., Гиоев М. И. К выходу в свет «Истории Северо-Осетинской АССР» // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1960. Т. 22, вып. 4 (история). С. 206-209.
- Блиев, Дегоев 1994 – Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: РОССЕПТ, 1994.
- Блиев, Тургиев 1990 – Блиев М. М., Тургиев Т. Б. История Северной Осетии: Учебное пособие для 7-8 кл. 3-е. изд. Орджоникидзе: Ир, 1990.
- Блиев, Тургиев 1994 – Блиев М. М., Тургиев Т. Б. История Северной Осетии: Учебное пособие для 7-8 кл. 4-е. изд. Владикавказ: Ир. 1994.
- Бобровников 2000 – Бобровников В. Абреи и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19-46.
- Богатырев 1990 а – Богатырев Б. Б. Выступление на I съезде народных депутатов РСФСР // Советская Россия. 1990. 26 мая. С. 9.

- Богатырев 1990 б – Богатырев Б. Б. Так ли это? // Голос Чечено-Ингушетии. 1990. 22 ноября. С. 3.
- Богатырев 1991 – Богатырев Б. Б. Слезы радости // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 23 мая. С. 3-4.
- Богатырев, Костоев 2000 – Богатырев Б. Б., Костоев Б. У. Ингушский вопрос в «Независимой газете». М.: Гуманитарный фонд Ингушетии, 2000.
- Боков 1988 – Боков А. Торко-Хаджи Гарданов // Грозненский рабочий. 1988. 5 ноября. С. 3.
- Боков 1992 – Боков А. В паспорте «карабулак» // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 21 октября. С. 3.
- Боков 1990 – Боков Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный: Книга, 1990.
- Боков 1994 – Боков Ф. П. О методологических основах «концепции добровольного вхождения» народов Северо-Восточного Кавказа в состав России // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, Ин-т языка, литературы и искусства, 1994. С. 54-59.
- Боков, Чабиев 1994 – Боков Ф. П., Чабиев Р. Яд криминала. М.: ИНСАН, 1994.
- Боков 1989 – Боков Х. Х. Эхо невозвратного прошлого // Грозненский рабочий. 1989. 1-2 февраля. С. 3.
- Боков 1992 – Боков Х. Х. Дорога печали и мужества. М.: Центр социальных исследований, 1992.
- Боков 1998 – Боков Х. Х. Интерес с этническим окрасом. М.: ИНСАН, 1998.
- Боков 2000 – Боков Х. Х. Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М.: Менгир, 2000.
- Боров, Думанов, Кажаров 1999 – Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
- Боровков 1932 – Боровков А. К. Карабаево-балкарский язык // Яфетический сборник. 1932. Т. 7. С. 37-55.
- Боташев 1982 – Боташев М. А. Карабаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны // Карабаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Материалы областной научно-теоретической конференции 1977 г. Черкесск: Карабаево-Черкесское Отделение Ставропольского книгоиздательства, 1982. С. 3-37.
- Боташев 2001 – Боташев М.Д. Двухсубъектные республики Северного Кавказа: перспективы политической интеграции // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы / Под ред. А. А. Шаравина, С. М. Маркедонова. М.: Ин-т политического и военного анализа, 2001. С. 97-105.
- Боцладзе 1974 – Боцладзе Т. Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI-XVIII веков. Тбилиси: Мецниереба, 1974.
- Бромлей 1989 – Бромлей Ю. В. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 23-26.
- Броневский 1996 – Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996.
- Бугаев 1989 – Бугаев А. М. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 87-90.
- Бугаева 1997 – Бугаева С. П. Национально-этнические отношения в массовом сознании россиян (региональный аспект) // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 187-192.
- Бугай 1990 – Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32-44.
- Бугай 1994 а. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши / Сост. Н. Ф. Бугай М: Капь, 1994.
- Бугай 19946 – Бугай Н. Ф. Берия – Сталину: «Выселение начинается с рассвета 23 февраля» // Северная Осетия. 1994. 23 февраля. С. 1,3.
- Бугай Н. Ф 1995 – Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.) / Под ред. Н. Ф. Бугай и др. Майкоп: Меоты, 1995.
- Бугай 2000 – Бугай Н. Ф. Защитники и враги Чечни // Независимая газета. 2000. 29 февраля. С. 90-10.
- Бугай, Гонов 1998 – Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах. М.: Инсан, 1998.
- Бугай, Гонов 2003 – «По решению правительства Союза ССР...» / Под ред. Н. Ф. Бугая, А. М. Гонова. Нальчик: Эль-Фа, 2003.
- Бугай, Мекулов 1994 – Бугай Н.Ф, МекуловД. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп: Меоты, 1994.
- Будаев 1970 – Будаев А. Ж. Скифо-балкарские лексические сходства // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та. Нальчик. 1970. Вып. 2.

Будай 1995 – Будай М. О. Карабаево-балкарский язык – прародитель языков цивилизаций. Ставрополь: Пресса, 1995.

Будай 1996 – Будай М. О. Диалог Земли и Космоса в танце и языке карабаево-балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 1996.

Бузуртанов 1979 – Бузуртанов М. О. Основные этапы и закономерности вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Грозненский рабочий. 1979. 4 октября. С. 3.

Бузуртанов, Байбулатов, Блиев, Виноградов, Гаджиев 1982 – Бузуртанов М. О., Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.) / Под ред. А. Л. Нарочницкого. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 47-61.

Бузуртанов, Виноградов, Умаров 1980 – Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1980.

Бузуртанов, Виноградов, Умаров 1982 – Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. На вечные времена // Вехи единства / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 7-64.

Бунегин 1930 – Бунегин М. О классово-политической физиономии и основных недочетах горских учебников // Революция и горец. 1930. № 12. С. 70-76.

Буркин 1931 – Буркин И. Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. 1931. № 5. С. 44-60.

Буркин 1932 – Буркин Н. Г. О великодержавных и националистических тенденциях в горской исторической литературе // Историк-марксист. 1932. № 1-2. С. 140-161.

Бутаев 1922 – Бутаев К. С. Борьба горцев за революцию. Владикавказ: Горская правда, 1922.

Буткевич 2000 – Буткевич Н. Боевики копируют идеологию Гитлера // Известия. 2000. 8 апреля.

Бутков 1869 – Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. 4.2.

Бушуев 1959 – История Северо-Осетинской АССР / Под ред. С. К. Бушуева. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1.

Бязыров 1980 – Бнзыров А. Х. Мифические предания и поверья о происхождении осетин // Известия Юго-Осетинского НИИ. 1980. Вып. 25. С. 161-169.

В тумане 1994. В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994.

Вагапов 1999 – Вагапов М. В. Положение религии на Северном Кавказе. Доклад на Международной конференции «Новая Евразия на исходе тысячелетия и проблемы мусульманской общины в Российской Федерации», организованной ИВ РАН, РАЕН и др. в Москве 27-28 апреля 1999 г. (архив автора).

Вагапов 1980а – Вагапов Я. С. О языке Зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики / Под ред. Я. С. Вагапова, И. А. Оздоева. Грозный: Чечено-Ингушский НИИ истории, социологии и филологии, 1980. С. 100-117.

Вагапов 1980 б – Вагапов Я. С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем «А» // Вопросы вайнахской лексики / Под ред. Я. С. Вагапова, И. А. Оздоева. Грозный: Чечено-Ингушский НИИ истории, социологии и филологии, 1980. С. 66-82.

Вагапов 1984 – Вагапов Я. С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Магас и Дедяков// Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом / Сост. Ш. Б. Ахмадов, Я. З. Ахмадов. Грозный: ЧИИСФ, 1984. С. 15-24.

Вагапов 1990 а – Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. Грозный: Книга, 1990.

Вагапов 1990 б – Вагапов Я. С. Сарматы и древние вайнахи // Комсомольское племя. 1990. 28 июня.

Вагапов 1991 а – Вагапов Я. С. Генетические связи нахских народов в свете данных языкоznания // Проблемы происхождения нахских народов/ Под ред. М. Б. Мужухосва. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 34-35.

Вагапов 1991 б – Вагапов Я. С. «Чечень и Чечня» // Республика. 1991. 6 июня.

Вайнштейн, Крюков 1966 – Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // Туркологический сборник / Под ред. С. Г. Кляшторного. М.: Наука, 1966. С. 177-187.

Валентинов 1973 – Валентинов Р. Повышать требовательность к кадрам // Грозненский рабочий. 1973. 24 февраля.

Ванеев 1956 – Ванеев З. Н. Народное предание о происхождении осетин. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1956.

Ванеев 1959 – Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии. 1959.

Ванеев 1989 – Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. 1. Цхинвали: Ирыстон.

Вартапетов 1932 – Вартапетов А. С. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев // Советская этнография. 1932. № 4. С. 63-89.

- Васильева, Музаев 1994 – Васильева О. В., Музаев Т. М. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М.: Прогресс, 1994.
- Вахаев 1999 – Вахаев Л. Политические фантазии в современной Чеченской Республике // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 324-334.
- Вацанаев 1997 – Вацанаев С. Рождественское послание Его Святейшеству папе Иоанну Павлу Второму Лиги вайнахских народов // Вайнах сегодня. 1997. № 1. С. 6-11.
- Вацуев, Чапанова 1991 – Вацуев А., Чапанова Х. Расстрелянная интеллигенция // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 29 октября.
- Ведзижев 1989 – Ведзижев А. В огне гражданской // Грозненский рабочий. 1989. 18, 21 ноября. С. 3.
- Ведзижев, Чахкиев 1973 – Ведзижев А., Чахкиев С. Служить идеалам коммунизма // Грозненский рабочий. 1973. 9 декабря. С. 3.
- Великая, Виноградов, Хасбулатова, Чахкиев 1990 – Великая Н. И., Виноградов В. Б., Хасбулатова З. И., Чахкиев Ю. Д. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Грозный: ЧИГУ, 1990.
- Великая, Чахкиев 1988 – Великая Н. Н., Чахкиев Д. Ю. Средневековые памятники чеченского общества Майсты и археологическое этнографическое наследие Л. П. Семенова // Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа / Под ред. М. А. Тако-Годи. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1988. С. 138-141.
- Викторов 1939 – Викторов И. Г. Исторический очерк // Баландин Д. Н., Викторов И. Г., Тусиков М. М., Шкерин М. Р. Северная Осетия. Политико-экономический очерк Северо-Осетинской АССР, Орджоникидзе: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1939. С. 1-178.
- Виноградов 1963 – Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный (Труды Чечено-Ингушского НИИ. Т. 6).
- Виноградов 1964 – Виноградов В. Б. Памятники культуры и наша общественность // Грозненский рабочий. 1964. 29 октября. С. 4.
- Виноградов 1966 а – Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М.: Наука, 1966.
- Виноградов 1966 б – Виноградов В. Б. Двадцать дней и двадцать веков // Грозненский рабочий. 1966. 31 августа. С. 3.
- Виноградов 1966 в – Виноградов В. Б. Сельские археологи // Грозненский рабочий. 1966. 21 сентября. С. 4.
- Виноградов 1967 – Виноградов В. Б. Античные источники и данные археологии скифо-сарматского времени в Центральном Предкавказье в свете проблемы этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджисва. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 177-185.
- Виноградов 1970 – Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970.
- Виноградов 1972 а – Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972.
- Виноградов 1972 б – Виноградов В. Б. Прочтенные страницы истории // Грозненский рабочий. 1972. 11 февраля. С. 4.
- Виноградов В. Б. 1979 – Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии // Советская этнография. 1979 № 2. С. 30-39.
- Виноградов 1980 – Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Книга очерков и краеведческих репортажей. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1980.
- Виноградов 1982 а – Виноградов В. Б. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии / Под ред. В. П. Кобычева. Черкесск: Карабаево-Черкесский НИИ ЭИЯЛ, 1982. С. 6-13
- Виноградов 1982 б – Вехи единства / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982.
- Виноградов 1982 в – Не померкнет в веках // Вехи единства / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 73-77.
- Виноградов 1985а – Виноградов В. Б. Вайнахо-аланские историко-культурные параллели (на материалах горной Ингушетии) // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе / Под ред. М. М. Блиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1985. С. 5-20.
- Виноградов 1985 б – Виноградов В. Б. Выступление на IX пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС // Грозненский рабочий. 1985. 13 октября. С. 3.
- Виноградов 1986 – Виноградов В. Б. Л. П. Семенов – профессор, кавказовед, патриот и интернационалист. Грозный: Знание, 1986.
- Виноградов 1987 – Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР. 1987. № 3. С. 89-101.
- Виноградов 1988 а – Виноградов В. Б. Памяти вечная нить. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1988.

Виноградов 1988 б. История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия (материалы к изучению на уроках истории в средних школах Чечено-Ингушской АССР) / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1988.

Виноградов 1988 в – Виноградов В. Б. Откуда они, гребенцы? // Грозненский рабочий. 1988. 19 августа. С. 3.

Виноградов 1989 а – Виноградов В. Б. Народной памяти следы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1989.

Виноградов 1989 б – Виноградов В. Б. История с детективной «историей» // Грозненский рабочий. 1989. 29 ноября. С. 3.

Виноградов 1989 в – Виноградов В. Б. Вайнахо-западноазийские историко-культурные параллели // Кавказ и цивилизации Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 64-65.

Виноградов 1991 – Виноградов В. Б. Черты майкопского феномена в истории и культуре Среднего Притеречья // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 36-38.

Виноградов 1992 – Виноградов В. Б. Генерал «Сипсо» // Кавказ. 1992. С. 10-11.

Виноградов 1995 – Виноградов В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. Армавир: АГПИ, 1995.

Виноградов 1996 – Виноградов В. Б. Грозный-Армавир, 1986-1995: некоторые итоги археологических исследований // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа / Под ред. Г. Е. Афанасьева. М.: ИА РАН, 1996. С. 35-38.

Виноградов 2000 а – Виноградов В. Б. Генерал Г. Х. Засс: «отступления со мною нет и не будет». Армавир: АГПИ, 2000 (то же: Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 2. С. 150-157).

Виноградов 2000 б – Виноградов В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». Армавир: АГПИ, 2000.

Виноградов, Великая 2001 – Виноградов В. Б., Великая Н. Н. Российское государство и Терские казаки: проблемы взаимодействия // Россия и Кавказ сквозь два столетия / Под ред. Г. Г. Лисицыной, Я. А. Гордина. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 150-153.

Виноградов, Дударев 1995 – Виноградов В. Б., Дударев С. Л. К вопросу о типологии и периодизации русско-вайнахских политических отношений // История и историки / Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1995. С. 129-134.

Виноградов, Дударев, Бакаев 1985 – Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Бакаев Х. З. Ранние этапы этногенеза вайнахов (первая попытка реконструкции) // Археология и краеведение – вузу и школе / Под ред. В. Б. Виноградова, М. П. Павлова. Грозный: Министерство высшего и среднего образования, 1985. С. 29-34.

Виноградов, Лосев, Саламов 1963 – Виноградов В. Б., Лосев И. К., Саламов А. А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. Грозный: Чечено-Ингушский НИИ, 1963.

Виноградов, Мамаев 1979 – Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979. С. 63-86.

Виноградов, Мамаев 1985 – Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Критерий истины // Грозненский рабочий. 1985. 26 мая. С. 3.

Виноградов, Савенко 1988 – Виноградов В. Б., Савенко С. О чем поведали курганы // Грозненский рабочий. 1988. 21 ноября. С. 3.

Виноградов, Саламов 1966 – Виноградов В. Б., Саламов А. А. Об одной попытке освещения грузино-вайнахских связей // Археологический этнографический сборник. Грозный, 1966. Вып. 1. С. 163-176.

Виноградов, Умаров 1978 – Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вехи единства // Грозненский рабочий. 1978. 16 сентября. С. 3.

Виноградов, Умаров 1979 – Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный: ЧИГУ, 1979.

Виноградов, Умаров 1982 – Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Два века назад... // В братской семье советских народов / Под ред. Н. Т. Бенкевич, Е. А. Куприяновой (ред.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 140-143.

Виноградов, Умаров 1983 – Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вместе – к великой цели. О пропаганде некоторых вопросов истории Чечено-Ингушетии в связи с последствиями добровольного вхождения в состав России. Грозный: Знание, 1983.

Виноградов, Чокаев 1966 – Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археологический этнографический сборник. Грозный. 1966. Вып. 1. С. 42-88.

Владикавказская крепость 1959 – Владикавказская крепость. Орджоникидзе: Министерство культуры СО АССР, 1959.

Власов 1978 – Власов А. В. Исторические исследования – на уровень современных требований // Истоки великой дружбы / Под ред. А. И. Тацитова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1978. С. 5-15.

Власов 1979 – Власов А. В. Нет дружбы прочнее // Грозненский рабочий. 1979. 4 октября. С. 2.

Власов 1982 – Власов А. В. В братской семье // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.) / Под ред. А. Л. Нарочницкого. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 11-21.

- Волкова 1973 – Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.
- Волкова 1974 – Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974.
- Волкова, Лавров 1968 – Волкова Н. Г., Лавров Л. И. Современные этнические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967) / Под ред. В. К. Гарданова. М.: Наука, 1968. С. 329-346.
- Воробьев, Сарахан 1932 – Воробьев С, Сарахан Д. Кабарда и Балкарья. Ростов-на-Дону: Партийное изд-во, 1932.
- Всесоюзное совещание 1964. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. М: Политиздат, 1964.
- Всю энергию 1973 – Всю энергию, опыт и знания – третьему решающему году пятилетки. С пленума Чечено-Ингушского обкома КПСС // Грозненский рабочий. 1973. 8 февраля. С. 1-2.
- Выше уровень 1979 – Выше уровень идеологической работы // Грозненский рабочий. 1979. 17 июля. С. 1-3.
- Габисов 1964 – Габисов Б. Г. Глубже изучать историю народов республики // Известия Чечено-Ингушского НИИ. 1964. Т. 4. Вып. 1 (история). С. 151-154.
- Габисов 1991 – Габисов Б. Г. Чеченцы и ингуши (проблема происхождения). Грозный, 1991.
- Габриелян 1989 – Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1989.
- Габуев 1999 – Габуев Т. А. Ранняя история алан. Владикавказ: Иристон, 1999.
- Гагкаев 1951 а – Гагкаев К. Е. В. И. Абасв – крупнейший исследователь осетинского языка // Социалистическая Осетия. 1951. 13 марта. С. 2.
- Гагкаев 1951 б – Гагкаев К. Е. За критику и самокритику в языкоznании // Социалистическая Осетия. 1951. 26 сентября. С. 3.
- Гагкаев 1962 – Гагкаев К. Е. Неутомимый труженик науки (к юбилею профессора Б. А. Алборова) // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1962. Т. 23. Вып. 1. С. 150-158.
- Гагкаев 1967 – Гагкаев К. Е. К проблеме субстрата // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чсрджисва. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 193-206.
- Гагкаев 1982 – Гагкаев К. Е. Об исследованиях Г. Ф. Турчанинова в области осетинской эпиграфики // Вопросы кавказской филологии и истории (к 80-летию доктора филологических наук Г. Ф. Турчанинова) / Под ред. А. М. Гутова. Нальчик: Кабардино-Балкарский ИИФЭ. 1982. С. 34-37.
- Гаглоев 1997 – Гаглоев И. Н. Правда и ложь о событиях в Пригородном районе // Независимая газета. 1997. 12 мая. С. 6.
- Гаглоити 1966 – Гаглоити Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966.
- Гаглоити 1967 – Гаглоити Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чердхиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 67-97.
- Гаглоити 1969 – Гаглоити Ю. С. Средневековые летописи о Давиде Сослане // Литературная Осетия. 1969. № 33. С. 120-127.
- Гаглоити 1975 – Гаглоити Ю. С. Выступление // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: СО НИИ, 1975. Т. 3. С. 93-95.
- Гаглоити 1993 – Гаглоити Ю. С. Южная Осетия (к истории названия). Цхинвал: Б. и., 1993.
- Гаглоити 1994 – Гаглоити Ю. С. Сарматы и Центральный Кавказ // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена / Под ред. А. А. Магометова. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1994. С. 44-46.
- Гаглоиты 1994 – Гаглоиты Р. Х. Сармато-аланы в Южной Осетии // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена / Под ред. А. А. Магометова. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1994. С. 59-61.
- Гадаборшев 1973 – Гадаборшев О. Идеологической работе – наступательный характер // Грозненский рабочий. 1973. 8 декабря. С. 2.
- Гаджиев 1964 – Гаджиев А. Г. До конца преодолевать последствия культа личности Сталина в освещении истории народов Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ. 1964. Т. 4. Вып. 1 (история). С. 143-148.
- Гаджиев 1979 – Гаджиев В. Г. Из глубины веков // Грозненский рабочий. 1979. 6 апреля. С. 3.
- Гаджиев 1994 – Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, Ин-т языка, литературы и искусства, 1994.

Гадиев 1926 – Гадиев Ц. Мамсuroв Темирбулат – первый осетинский поэт // Известия Осетинского НИИ краеведения. 1926. Вып. 2. С. 439-444.

Гадло 1974 – Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана / Под ред. В.Г. Котовича. Махачкала: Ин-т истории, языка и литературы, 1974. С. 140-153.

Гадло 1990 – Гадло А. В. Тмутараканские этюды, часть 4 // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1990. Вып. 4. С. 3-13.

Газгиреев 1998 – Газгиреев А.-С. Запад и мы // Ингушетия. 1998. № 54.

Газданова 1997 – Газданова В. Размышления об этническом мифе осетин // Осетия – XX век. 1997. Вып. 2. С. 121-129.

Газзаев 1947 – Газзаев А. П. Северная Осетия за тридцать лет Советской власти. Дзауджикуа: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1947.

Газзаев 1949 – Газзаев А. П. Грубое извращение исторических фактов // Правда. 1949. 12 ноября. С. 3.

Газиев 1991 – Газиев Р. Нахчи – дети вселенной // Республика. 1991. 5 сентября.

Газиков 1997 – Газиков Б. К истории ингушской письменности // Сердало. 1997. 12 июня.

Газиков, Тангиев 1999 – Материалы по истории Владикавказа / Сост. Б. Д. Газиков, А. У. Тангиев. Ст. Орджоникидзевская: Сунженская типография, 1999.

Гакаев 1997 – Гакаев Дж. Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). М.: Чеченский культурный центр, 1997.

Гакаев 1999 – Гакаев Дж. Дж. Путь к чеченской революции // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 150-176.

Гакаев 2003 – Гакаев З. Ж. Этнические стереотипы в прессе (на примере освещения конфликта в Чечне). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИЭА РАН, 2003.

Гакстгаузен 1857 – Гакстгаузен А. фон. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857. Ч. 2.

Галазов 1992 – Галазов А. Х. О вероломной агрессии ингушских национал-экстремистов и мерах по обеспечению безопасности, законности и правопорядка в Республике. Доклад на восемнадцатой сессии ВС СССР 10 ноября 1992 г. // Северная Осетия. 1992. 11 ноября (перелечат, в сб.: В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 189-208).

Галазов 1994 – Галазов А. Х. Из основных направлений программы А. Х. Галазова // Северная Осетия. 1994. 11 января. С. 2.

Галазов 1999 – Галазов А. Х. Взгляд в XXI в. через Осетию. М.: ВОПД «Наш дом – Россия», 1999.

Галгай 1924 – О галгаях // Кавказский горец (Прага). 1924. № 1. С. 49-50.

Гамзатов 1986 – Гамзатов Г. Г. Преодоление. Становление. Обновление (на путях формирования дагестанской советской литературы). Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1986.

Гамзатов 1989 – Гамзатов Г. Г. Восстановить правду истории // Дагестанская правда. 1989. 19 мая. С. 2-3.

Гамзатов 1990 а. – Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990.

Гамзатов 19906 – Воссоздать правдивую историю Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990. С. 50-58.

Гамрекели 1961 – Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н. э. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Ган 1905 – Ган К. Ф. Поездка к верховьям Большой Лиахвы и Ксани (летом 1903 г.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис. 1905. Вып. 35, отдел 1. С. 249-269.

Гантемирова 1975 – Гантемирова Г. А. К истории карабулаков // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. 1975. Вып. 11. С. 66-71.

Гаппо Байати 1938. – Гаппо Байати // Северный Кавказ (Варшава). 1938. № 60. С. 28-29.

Гапуров 1999 – Гапуров Ш. Методы колониальной политики царизма в Чечне в первой половине XIX в. // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 113-127.

Гарданов 1935 а – Гарданов Б. Покорение Кавказа в военной историографии // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1935. Т. 8. С. 233-271.

Гарданов 1935 б – Гарданов Б. Против великодержавничества и национализма // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1935. Т. 8. С. 272-290.

Гарданов 1968 – Социально-экономические преобразования // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917-1967) / Под ред. В. К. Гарданова. М.: Наука, 1968. С. 7-57.

Гарибуллина 1990 а – Гарибуллина И. Тень вокруг памятника // Советская Россия. 1990. 2 сентября. С. 4.

Гарибуллина 19906 – Гарибуллина Н. Отстоявшие честь // Советская Россия. 1990. 14 октября. С. 2.

Гатагова 1999 а – Гатагова Л. С. Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999. С. 257-274.

Гатагова 19996 – Гатагова Л. С. Выступление // «Свое» и «чужое» прошлое в постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, К. Вашека. М.: АИРО-ХХ, 1999. С. 16, 49.

Гатагова 2000 – Гатагова Л. С. Чему мы учим // Родина. 2000. № 1-2. С. 203-206.

Гатагова 2001 – Гатагова Л. С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Россия и Кавказ сквозь два столетия / Под ред. Г. Г. Лисицыной, Я. А. Гордина. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 47-57.

Гвасалиа 1990 а – Гвасалиа Дж. К вопросу о взаимоотношениях грузинского и осетинского народов // Известия АН ГрузССР, серия истории, этнографии и истории искусства. 1990. № 3. С. 7-16 (груз. яз.).

Гвасалиа 19906 – Гвасалиа Дж. К вопросу о переселении осетин в Картли // Грузия – «малая империя»?! / Под ред. Г. С. Гачечиладзе. Тбилиси: Саранги, 1990. С. 29-39.

Генинг 1989 – Генинг В. Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кетской проблемы» // Керамика как исторический источник / Под ред. В. И. Молодина. Новосибирск: Наука, 1989. С. 153-176.

Генко 1930 – Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. 1930. Т. 5. С. 681-761.

Герасимова 1994 – Герасимова М. М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 51-68.

Гимади 1960 – Гимади Х. Г. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Треккова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 253-260.

Гиоева 1997 – Гиоева Е. П. Понятие жертвы в национальном сознании и публичное поведение // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 208-214.

Гойгова 1959 – Гойгова З. Участие чечено-ингушского народа в борьбе против Деникина // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1959. Т. 1. Вып. 1 (история). С. 83-128.

Головлев 2003 – Головлев А. А. Тайны и их роль в жизни чеченского народа // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения / Под ред. В. Б. Убушаева. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. С. 170-172.

Гольдштайн 1977 – Гольдштейн А. Ф. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977.

Гонов 1997 – Гонов А. М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20-30-е годы). Ростов н/Д.: Ростовская высшая школа МВД РФ, 1997.

Горепекин 1997 – Горепекин Ф. Об открытии существования письменности у ингушей в древности // Сурдало. 1997. 13 мая. С. 2.

Горлов 1995 – Криминальный режим. Чечня 1991-1995 гг. Факты, документы, свидетельства / Под ред. А. Г. Горлова. М.: Кодекс, 1995.

Городецкая 1996 – Городецкая Н. Балкарские сепаратисты мечтают отделиться от кабардинцев // Сегодня. 1996. 23 ноября. С. 2.

Гостиева, Дзадзисв 1995. Северная Осетия: этнополитические процессы 1990-1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. Т. 1-3 / Под ред. Л. К. Гостиевой, А. Б. Дзадзиева. М.: ЦИМО, 1995.

Гостиева, Дзадзиев, Дзарасов 1996 – Гостиева Л. К., Дзадзиев А. Б., Дзарасов А. А. Северная Осетия от выборов до выборов (1993-1995) // Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс / Под ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1996. Т. 3. Выборы-95. Вып. 2. С. 90-157.

Готье 1930 – Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л.: Госиздат, 1930.

Граков 1947 – Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100-121.

Грачев, Халин 1990 – Грачев А., Халин В. Кунаки всегда поладят, потому что вражда не рождает сыновей, она их истребляет // Правда. 1990. 5 марта. С. 2.

Григорьев 1989 – Григорьев И. «Заговори, чтоб я тебя увидел» // Грозненский рабочий. 1989. 29 октября. С. 3.

- Гритчин 1997 – Гритчин Н. Взгляд из демократического подполья // Известия. 1997. 10 июля. С. 5.
- Гриценко 1959 – Гриценко Н. П. О создании очерков по истории Чечено-Ингушетии // Грозненский рабочий. 1959. 27 мая. С. 3.
- Гриценко 1966 – Гриценко Н. П. Умалат Лаудаев – первый чеченский этнограф и историк // Археолого-этнографический сборник. Грозный. 1966. Вып. 1. С. 103-110.
- Гриценко 1975 – Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1975.
- Гриценко, Саламов 1971 – Гриценко Н. П., Саламов А. А. Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Вып. 1 (гуманитарные науки). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1971.
- Гришин 1989 – Гришин П. Как история делается // Грозненский рабочий. 1989. 4 ноября. С. 3.
- Гробер 1952 – Гробер Л. Решительно искоренять пережитки прошлого // Социалистическая Осетия. 1952. 21 марта. С. 2.
- Грозненская 1950. Грозненская область (краткий очерк). Грозный: Областное книжное изд-во, 1950.
- Группа историков Кабарды 1953 – Научная сессия по вопросу истории кабардинского народа // Вопросы истории. 1953. № 10. С. 150-153.
- Губогло, Сохроков 2001 – Губогло М. Н., Сохроков Х. Х. Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. Москва; Нальчик: РАН, 2001. Т. 2.
- Гудасв 1990 – Гудаев Г. Все дороги ведут к нам // Комсомольское племя (Грозный). 1990. 1 ноября. С. 4.
- Гузенкова 1999 – Гузенкова Т. С. Этнонациональные проблемы в учебниках по истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермакхера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-ХХ, 1999. С. 115-143.
- Гуриев 1962 – Гуриев Т. А. Несколько замечаний о происхождении этнического термина ir // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1962. Т. 23. Вып. 1. С. 122-125.
- Гуриев 1967 – Гуриев Т. А. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чердхиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 296-300.
- Гуриев 1989 – Гуриев Т. А. Потомок скифо-сарматских наречий // Социалистическая Осетия. 1989. 22 октября. С. 3.
- Гуриев 1990а – Гуриев Т. А. Скифы и наорты // Социалистическая Осетия. 1990. 29 августа. С. 3.
- Гуриев 1990 б – Гуриев Т. А. Лик бессмертного: Жорж Дюмезиль // Социалистическая Осетия. 1990. 11 сентября. С. 3.
- Гуриев 1991 – Гуриев Т. А. Аланы, асы, осетины // Социалистическая Осетия. 1991. 12 апреля. С. 3.
- Гуриев 1994 а – Гуриев Т. А. Решение вопроса откладывать нельзя! // Северная Осетия. 1994. 24 августа. С. 2.
- Гуриев и др. 1994 б – Гуриев Т. А. и др. Во имя единения // Северная Осетия. 1994. 1 сентября. С. 2.
- Гуриев 1995 – Гуриев Т. А. Памятник особого рода: язык. Владикавказ: Ассоциация ученых РСО – Алания, 1995.
- Гутнов 1990 а – Гутнов Ф. Х. Во глубине истории. Аланы и татаро-монголы // Социалистическая Осетия. 1990. 29 июня.
- Гутнов 1990 б – Гутнов Ф. Х. Кто мы родом? Из этнической истории алан // Социалистическая Осетия. 1990. 3 ноября.
- Гутнов 1993 а – Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993.
- Гутнов 1993 б – Гутнов Ф. Х. Ранние этапы этнической истории осетин // Отчизна. 1993. № 2 (январь). С. 2.
- Гутнов 1994 а – Гутнов Ф. Х. Зарамаг // Северная Осетия. 1994. 27 января. С. 3.
- Гутнов 1994 б – Гутнов Ф. Х. Истоки дружбы // Северная Осетия. 1994. 31 августа. С. 1-3.
- Гутнов 1995 а – Гутнов Ф. Х. Атей // Ир. 1995. № 10.
- Гутнов 1995 б – Гутнов Ф. Х. Сарматская аристократия // Ир. 1995. № 12-16.
- Гутнов 1995 в – Гутнов Ф. Х. Аристократия алан. Владикавказ: Ир, 1995.
- Гутнов 1996 – Гутнов Ф. Х. «Самоубийство» киммерийских царей // Фыдыбаестаг. 1996. № 1 (февраль).
- Гутнов 1997 – Гутнов Ф. Х. Скифские «камазонки»: Томирис // Северная Осетия. 1997. 1 февраля.
- Гучалов 1935 – Гучалов Н. 15 лет социалистической стройки в Северо-Осетинской автономной области // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1935. Т. 8. С. 1-32.

Гучев 1994 – Гучев А. К. Проблемы и задачи кабардинского народа на современном этапе // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Под ред. И. Л. Бабич. М.: ЦИМО, 1994. Т. 2. С. 16-25. (по газ.: Хасэ. 1992. № 3).

Гучмазова, Базаев 1997 – Гучмазова Д., Базаев С. Храм для алансской диаспоры // Независимая газета. 1997. 25 сентября. С. 5.

Гуриаты 1995 – Гуриаты Т. Аевзагзонынанды фарстатæ цизи / цигии-йы // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет / Под ред. Л. Б. Дзулаева и др. Владикавказ, 1995. С. 37-60 (осет. яз.).

Дадаев 1993 – Дадаев И. Наше будущее в нашем прошлом // Ичкерия. 1993. 16 февраля. С. 3.

Далгат 1934 – Далгат Б. К. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. 1934. Т. 4. № 2. С. 3-69.

Далгат 1972 – Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972.

Данлоп 2001 – Данлоп Дж. Россия и Чечня: история противоборства. М.:Р. Валент, 2001.

Даудов 1997 – Даудов А. Х. Горская АССР (1921-1924 гг.). Очерки социально-экономической истории. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.

Дауев 1999 – Дауев С. А. Чечня: коварные таинства истории. М.: Русь, 1999.

Даутова, Магомадова 1978 – Даутова Р. А., Магомадова Т. С. Глубокие корни // Грозненский рабочий. 1978. 2 декабря. С. 3.

Дегоев 1997 – Дегоев В. В. Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия XXI. 1997. № 9-10. С. 106-128; № 11-12. С. 34-63.

Дегоев 2000 – Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. 2000. Т. 2 (150). С. 225-250.

Дегоев 2001 – Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001.

Декинова 1994 – Декинова Т. В. Этностереотипы в полиглottической среде // Тезисы докладов на международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена / Под ред. А. А. Магометова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994. С. 69-72.

Декинова 1997 – Декинова Т. В. Этнические стереотипы в системе межнациональных отношений в полиглottическом регионе // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 202-207.

Декларация 1991 – О восстановлении национально-политической и территориальной целостности Осетии // Северная Осетия. 1991. 21 декабря.

Декреты 1957 – Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 26 марта 1918 г. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957.

Дело 1973 – Дело всех и каждого // Грозненский рабочий. 1973. 30 июня. С. 2.

Дементьева 1994 – Дементьева И. Война и мир Пригородного района // Известия. 1994. 25 января. С. 6; 26 января. С. 10; 27 января. С. 6; 28 января. С. 7; 29 января. С. 10.

Демидов 1988 – Демидов В. Что такое социалистический консерватизм // Грозненский рабочий. 1988. 15 сентября. С. 3.

Дерлугьян 1999 – Дерлугьян Г. Чеченская революция и чеченская история // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 197-222.

Дешериев 1963 – Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963.

Дешериев 1995 – Дешериев Ю. Д. Жизнь во мгле и борьбе. О трагедии репрессированных народов. М.: Палея, 1995.

Джабаги 2001 – Джабаги В.-Г. Кавказ // Ас-Алан. 2001. № 2 (5). С. 319-332.

Джаван 1936 – Джаван. Две альтернативы // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 30. С. 12-13.

Джавахишвили 1939 – Джавахишвили И. А. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 30-49.

Джавахишвили 1950 – Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа. Тбилиси: Изд-во Грузинской ССР, 1950. Кн. 1. Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока.

Джамалдинов 1991 – Джамалдинов С. Эхо «Тревожного эха...» // Известия. 1991. 16 мая. С. 3.

Джамбулатова 1959 – Джамбулатова З. К. Трудовые дела Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1959. Т. 1. Вып. 1 (история). С. 134-156.

Джамбулатова 1964 – Джамбулатова З. К. Из истории научно-исследовательской работы в Чечено-Ингушетии (1920-1941 гг.) // Известия Чечено-Ингушского НИИ. 1964. Т. 9. С. 112-126.

Джамирзаев 1980 – Джамирзаев С. М. К этимологии слова дзурдзуки (дзурдзуки) // Вопросы вайнахской лексики / Под ред. Я. С. Баталова, И. А. Оздоева. Грозный: Чечено-Ингушский НИИ истории, социологии и филологии, 1980. С. 83-86.

Джамирзаев 1991 – Джамирзаев С. М. Чеченцы (нохчий): их основные доисторические проблемы // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 25-26.

Джамирзаев 2005 – Джамирзаев С. М. К этногенезу чеченцев-нохчий (проблемы, комплексный анализ, основные достижения) // Доклад на Всероссийской научной конференции «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность», организованной ИЭА РАН, Москва, 19-20 апреля 2005 г.

Джанаев 1952 – Джанаев А. К. О состоянии и задачах разработки истории Осетии // Социалистическая Осетия. 1952. 11 мая. С. 3.

Джанаев 1971 – Джанаев А. К. Осетинская советская историография // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1971. Т. 28. С. 121-140.

Джанаев 1977 – Съезды народов Терека, 1918 / Под ред. А. К. Джанаева. Орджоникидзе: Ир, 1977. Т. 1-2.

Джанаев 1972 – Джанаев А. К. Введение // Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе: СО НИИ, 1972. С. 3-11.

Джанберидзе 1960 – Джанберидзе Г. К. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Пол ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 221-227.

Джандиери, Лежава 1940 – Джандиери М. И., Дежава Г. И. Архитектура горных районов Грузии. М.: Гос. архитектурное изд-во, 1940.

Джаппуев 1997 – Джаппуев Р. С. Выступление 17 ноября 1996 года на Съезде балкарского народа // Балкарский форум. 1997. Январь (спецвыпуск). С. 2.

Джаппуев 1999 – Джаппуев Р. С. Выступление в Центре Карнеги (Москва) 13 июля (Архив автора).

Джаппуев 2002 – Джаппуев Р. С. Большие проблемы «малого» народа // Ас-Алан. 2002. № 3 (8). С. 557-562.

Джаппуев, Этезов, Шаваева, Кабардуков 2001 – Джаппуев Р. С., Этезов Б., Шаваева М., Кабардуков И. Обращение: Председателю Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Селезневу Г. Н. // Ас-Алан. 2001. № 1 (4). С. 197-199.

Джатиев 1994 – Джатиев В. Иного не дано // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 139-160.

Джикаева 1952 – Джикаева А. Америко-английские империалисты – злейшие враги народа // Социалистическая Осетия. 1952. 18 марта. С. 3.

Джиоев 1982 а – Джиоев Х. С. Г. Ф. Турчанинов и вопросы письменной культуры у древних и средневековых осетин // Вопросы кавказской филологии и истории (к 80-летию доктора филологических наук Г. Ф. Турчанинова) / Под ред. А. М. Гутова. Нальчик: Кабардино-Балкарский ИИФЭ, 1982. С. 23-33.

Джиоев 1982 б – Джиоев Х. С. К вопросу о происхождении термина «нарт» // Вопросы кавказской филологии и истории (к 80-летию доктора филологических наук Г. Ф. Турчанинова) / Под ред. А. М. Гутова. Нальчик: Кабардино-Балкарский ИИФЭ, 1982. С. 125-133.

Джубусов 2001 – Джубусов С. Заметки об истоках древней цивилизации // Ас-Алан. 2001. № 2 (5). С. 506-525.

Джургаев, Джургаев 1989 – Джургаев М. Ю., Джургаев О. М. Круги ада (о насильственном выселении чеченцев и ингушей в Казахскую ССР и о репрессиях 1930-1950-х в СССР). Грозный: Книга, 1989.

Джуртубаев 1988 – Джуртубаев М. Ч. Наследие скифов // Советская молодежь. 1988. 29 июля. С. 4, 9.

Джуртубаев 1991 – Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991.

Джуртубаев 1997 – Джуртубаев М. Ч. Душа Балкарии. Сборник статей. Нальчик: Эльбрус, 1997.

Джусойты 1990 – Джусойты Н. Уроки Вассо Абаева. К 90-летию со дня рождения // Социалистическая Осетия. 1990. 11 октября.

Джусойты 1992 – Джусойты Н. «Если не лукавить...» // Северная Осетия. 1992. 14 июля.

Дзагуров 1924 – Дзагуров Г. А. Яфетическая теория академика Н. Я. Марра и вопрос о происхождении осетин и осетинского языка // Известия Северо-Кавказского педагогического института. 1924. № 2. С. 59-72.

Дзагуров 1926 – Дзагуров Г. А. Краеведение и его задачи среди горских народностей Северного Кавказа // Известия Осетинского НИИ краеведения. 1926. Вып. 2. С. 5-20.

Дзагуров 1928 а – Дзагуров Д. Краеведение в Северной Осетии. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения, 1928.

Дзагуров 1928 б – Дзагуров Д. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения // Новый Восток. 1928. № 23-24. С. 437-439.

Дзадзиев 1987 – Дзадзиев А. Б. Динамика численности городского населения Северной Осетии на современном этапе // Современные социальные и этнические процессы в Северной Осетии / Под ред. А. Г. Кучмезва. Орджоникидзе: СО НИИ ИФЭ, 1987. С. 146-157.

Дзадзиев 1990 – Дзадзиев А. Б. Социально-этническая структура Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1990.

Дзалаев 1997 – Дзалаев Р. А. Этнопедагогические аспекты современного процесса воспитания // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 347-354.

Дзамихов 2001 – Дзамихов К. Ф. Вопросы политической истории народов Северного Кавказа. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2001.

Дзаттиаты 1980 – Дзаттиаты Р. Г. К вопросу о царциатах // Известия Юго-Осетинского НИИ. 1980. Вып. 25. С. 34-42.

Дзаттиаты 1986 – Дзаттиаты Р. Г. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) // Советская археология. 1986. № 2. С. 198-209.

Дзидзоев 1995 – Дзидзоев В. Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ: Ир, 1995.

Дзидзоев 1997 – Дзидзоев В. Д. Роль и место средств массовой коммуникации в нормализации межнациональных отношений // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 231-241.

Дзидзоев 2000 а – Дзидзоев В. Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. Владикавказ: Северо-Осетинский научный центр, 2000.

Дзидзоев 2000 б – Дзидзоев В. Д. Белый и красный террор на Северном Кавказе в 1917-1918 годах. Владикавказ: Алания, 2000.

Дзидзоев 1997 – Дзидзоев Р. М. Национально-государственное строительство и развитие национальных отношений // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 215-219.

Дзиццойты 1992 – Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи: география и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992.

Дзиццойты 1994 – Дзиццойты Ю. А. Диалектология и древняя история южных осетин // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена / Под ред. А. А. Магометова. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1994. С. 58-59.

Дзокаев, Тотоев 1954 – Дзокаев К. Х., Тотоев М. С. Славная страница в истории осетинского народа // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1954. Т. 16. С. 3-14.

Дзугаев 1997 – Дзугаев К. Архетипы этнического самосознания в этногенезе осетин // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 293-296.

Дзухэ 1994 – Дзухэ Г. А возродится птица Феникс! // Нарт (Нальчик). 1994. Июнь (№ 8/9). С. 3, 10.

Дзуцев 1994 – Дзуцев Х. В. Этнополитический конфликт в Северной Осетии и вокруг нее // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 88-111.

Дзуцев 1995 а – Дзуцев Х. В. Характеристика языковой ситуации в Северной Осетии (по материалам социологических исследований) // Северная Осетия: этнополитические процессы 1990-1994 гг. Очерки. Документы. Хроника / Под ред. Л. К. Гостиевой, А. Б. Дзадзиева. М.: ЦИМО, 1995. Т. 1. С. 65-76.

Дзуцев 1995 б – Дзуцев Х. В. Социально-политические и этнические стереотипы людей в зоне межнационального конфликта // Северная Осетия: этнополитические процессы 1990-1994 гг. Очерки. Документы. Хроника / Под ред. Л. К. Гостиевой, А. Б. Дзадзиева. М.: ЦИМО, 1995. Т. 3. С. 14-35.

Дзуцев 1995 в – Дзуцев Х. В. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии (по материалам социологического опроса) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Под ред. Л. М. Дробижевой, Т. С. Гузенковой. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 130-142.

Догуж 1936 а – Покаянное письмо Казбека Бутаева // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 22. С. 30-31.

Догуж 1936 б – «Буржуазный национализм» на Кавказе // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 31. С. 13-19.

Догуж 1936 в – Еще о «коммунистах-националах» // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 32. С. 18-19.

Догуж 1937 а – О чем говорилось на партконференциях // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 41. С. 18-25.

Догуж 1937 б – Конец «старой гвардии» // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 42-43. С. 31-36.

Догузов 1992 – Догузов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем Средневековье // Проблемы этнографии осетин / Под ред. В. Х. Тменова. Владикавказ: СО НИИ, 1992. Вып. 2. С. 12-26.

Документы 1994 – Документы из Назрани и Владикавказа // Шпион, 1994. № 2. С. 25-30.

Долатов 1990 – Долатов А. На всех словах – события печать // Голос Чечено-Ингушетии. 1990. 16 октября.

- Долов, Плиев 1992 – Долов Х.-М., Плиев М. Надо ли всех расстреливать? // Справедливость (Грозный). 1992. Апрель (№ 8). С. 5-6.
- Дробижева 1994 – Дробижева Л. М. Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Под ред. В. А. Тишкова. М.: Наука, 1994. С. 71-84.
- Дробижева 1996 – Дробижева Л. М. Говорит элита республик Российской Федерации. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Дробижева 2003 – Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
- Дубцов Г. 1952 – Дубцов Г. Пережитки прошлого и борьба с ними // Социалистическая Осетия. 1952. 26 февраля. С. 2.
- Дудаев 1991 – Дудаев Дж. Перспектива у нас есть // Республика. 1991. 14 апреля. С. 7.
- Дударев 1979 – Дударев С. Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тыс. до н. э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа/ Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979. С. 5-13.
- Дударев 1988 – Дударев С. Л. Л. П. Семенов о влиянии Передней Азии на материальную и духовную культуру вайнахов // Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа / Под ред. М. А. Тахо-Годи. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1988. С. 133-137.
- Дударев, Нарожный, Приймак 1998 – Дударев С. Л., Нарожный Е. И., Приймак Ю. В. Виталий Борисович Виноградов. Библиографические сведения. Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 1998.
- Думанов 1991 – Думанов Х. М. Правда о границах. Из этнической истории Кабарды и Балкарии XIX – начала XX в. // Кабардино-Балкарская правда. 1991. 10 декабря. С. 3.
- Думанов 2001 а – Думанов Х. М. Кабардино-Балкария. Историко-этнографический очерк // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Под ред. М. Н. Губогло, Х. Х. Сохрокова. М.; Нальчик: ЦИМО, 2001. Т. 2. С. 253-257.
- Думанов 2001 б – Думанов Х. М. Отчет о работе Госкомитета КБР по делам национальностей за 1996 г. // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Под ред. М. Н. Губогло, Х. Х. Сохрокова. М.; Нальчик: ЦИМО, 2001. Т. 2. С. 279-286.
- Думанов, Кушхов 2001 – Думанов Х. М., Кушхов Х. С. Этнополитический фактор в российском федерализме // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Под ред. М. Н. Губогло, Х. Х. Сохрокова. М.; Нальчик: ЦИМО, 2001. Т. I.C. 130-132.
- Думбадзе 1966 – Думбадзе М. Еще раз о Давиде Сослане // Вечерний Тбилиси. 1966. 29 декабря.
- Дьяконов 1989 – Дьяконов И. М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 5-21.
- Дьяконов, Старостин 1988 – Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Г. Ардзинбы. М.: Наука, 1988. С. 164-207.
- Дьячков-Тарасов 1929 – Дьячков-Тарасов А. Н. О происхождении карачайцев // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону 1929. Т. 2. С. 329-331.
- Дядькин 1952 – Дядькин В. Задачи работников всеобщей истории в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания // Социалистическая Осетия. 1952. 25 марта. С. 2.
- Евдокимов 1936 – Евдокимов Е. Непобедимый союз народов // Правда. 1936. 7 ноября. С. 6.
- Еремеев 1990 а – Еремеев Д. Е. «Тюрк» – этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // Советская этнография. 1990. № 3. С. 129-135.
- Еремеев 1990 б – Еремеев Д. Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М.: Политиздат, 1990.
- Ерешенко 1989 – Ерешенко Г. А. Тот страшный тридцать седьмой... // Грозненский рабочий. 1989. 9 февраля. С. 4.
- Ерешенко 1991 а – Ерешенко Г. А. Из истории Владикавказа // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 5 января.
- Ерешенко 1991 б – Ерешенко Г. А. Идрис Зязиков: жизнь для народа // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 31 января.
- Ерешенко 1991 в – Ерешенко Г. А. Не забудется имя твое // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 21 мая.
- Ерешенко 1995 – Ерешенко Г. А. Чечено-Ингушская АССР: начальный этап, развитие, совершенствование // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.) / Под ред. Н. Ф. Бугая и др. Майкоп: Меоты, 1995. С. 112-139.
- Ермоленко 1928 – Ермоленко М. И. Кабардино-Балкарский областной музей. Владикавказ: Типография «Красный Октябрь». 1928.
- Есиев 1994 – Есиев И. Интерес действительно всенародный // Северная Осетия. 1994. 7 сентября. С. 2.
- Ефанов 1975 – Ефанов К. И. Против идеализации прошлого // Грозненский рабочий. 1975. 18 марта. С. 3.

Жак 1928 – Жак Д. К. Грамотность в национальных автономиях края // Записки Северо-Кавказского краевого Горского НИИ (Ростов н/Д.). 1928. Т. 1.С. 187-194.

Жантиева 1929 – Жантиева Д. Г. О героическом эпосе горцев Северного Кавказа // Записки Северо-Кавказского краевого Горского НИИ (Ростов н/Д.). 1929. Т. 2. С. 333-335.

Журтубаев 1991 – Журтубаев М. Ч. Путями предков // Балкарский форум. 1991. № 10 (декабрь). С. 3-8.

Зайнашев 1995 – Зайнашев Ю. Горец // Московский комсомолец. 1995. 21 января. С. 2.

Закарая 1969 – Закарая П. П. Древние крепости Грузии. Тбилиси: Мерани, 1969.

Закария 1952 – Закария П. П. Фортификационные сооружения Шида-Картли // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 122-134.

Закиев 1986 – Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986.

Закриев 1991 – Закриев Х. А. Вайнахи и сарматы // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 7 августа.

Закс 1989 – Закс А. Б. Как я защищала диссертацию и пыталась ее опубликовать // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 164-167.

Закс 1994 – Закс А. Б. В гостях у имама // Родина. 1994. № 3-4. С. 14-16.

Зардалишвили 1952 – Зардалишвили Г. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района // Известия Все-союзного географического общества. 1952. Т. 84. Вып. 3. С. 310-312.

Захаров 1934 – Захаров А. А. Древности из Ассинского ущелья // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. 1934. Т. 4. № 2. С. 129-139.

Зверева 2005 – Зверева Г. Чеченская война в дискурсах массовой культуры России // Образ врага / Сост. Л. Д. Гудков. М.: О.Г.И., 2005. С. 302-335.

Здравомыслов 1998 – Здравомыслов А. Г. Осетино-ингушский конфликт. М.: РОССПЭН, 1998.

Зомбарт 1909 – Зомбарт П. Происхождение осетинского народа // Хабар. 1909. № 7.

Зорати 1925 – Зорати В. (Абаев В. И.). Новое в осетиноведении // Известия Осетинского НИИ краеведения. 1925. Т. 1. С. 489-492.

Зубкова 2004 – Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953-1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 3-32.

Зумакулов и др. 2001 – Зумакулов Б. М. и др. Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2001.

Зураев 1966 – Зураев А. П. Северные иранцы Восточной Европы и Северного Кавказа (савроматы, скифы, сармато-аланы, анты, яссы и осетины). Нью-Йорк: Waldon Press, 1966.

Зырянов 1999 – Зырянов П. И. История России. XIX – начало XX в.: Учебная книга для 8-9 классов средней школы. М.: Антиква, 1999.

Ибрагимбейли 1989 а – Ибрагимбейли Х. М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4. С. 58-63.

Ибрагимбейли 1989 б – Ибрагимбейли Х. М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая. С. 12.

Ибрагимбейли 1990 а – Ибрагимбейли Х. М. Некоторые вопросы истории народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма (20-50-е годы XIX в.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990. С. 36-51.

Ибрагимбейли 1990 б – Ибрагимбейли Х. М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 151-160.

Ибрагимбейли 1997 – Ибрагимбейли Х. М. Легендарный герой Кавказа // Вайнах сегодня. 1997. № 2. С. 14-15.

Ибрагимбейли 1998 – Ибрагимбейли Х. М. О народном федерализме и некомпетентности // Независимая газета. 1998. 6 февраля. С. 7.

Ибрагимов 1989 а – Ибрагимов К. Монолог о монологах // Грозненский рабочий. 1989. 8 февраля. С. 4.

Ибрагимов 1989 б – Ибрагимов К. Отповедь защитникам Сталина // Грозненский рабочий. 1989. 16 февраля. С. 3.

Ибрагимов 1991 – Ибрагимов М.-Р. А. К истории формирования чеченоязычного населения Дагестана // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 50-51.

Ибрагимов 1997 – Ибрагимов М.-Р. А. Об изучении этнической истории дагестанских чеченцев-аккинцев // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа / Под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. С. 59-62.

Ибрагимов 1991 – Ибрагимов Р. Все народы от нас // Республика. 1991. 4 января. С. 10.

Ибрагимова 2002 – Ибрагимова З. Х. Чеченская история: политика, экономика, культура второй половины XIX в. М.: Евразия, 2002.

Ибрагимова 2003 – Ибрагимова З. Х. Мифы и факты о чеченской истории. М.: Эслан, 2003.

Иванов 1985 – Иванов В. В. Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским // Древняя Анатолия / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М.: Наука, 1985. С. 26-59.

Иванов 1987 – Иванов В. В. Микенское и гомеровское греческое название соленого моря в свете сравнительного языкознания // Античная балканстика / Под ред. Л. А. Гиндина. М.: Наука, 1987. С. 36-42.

Иванов 1992 – Иванов Л. Заговор // Ичкерия. 1992. 30 июля. С. 3.

Иванов 1992 – Иванов Л. Две республики в одном государстве // Московские новости. 1992. 16 февраля. С. 9.

Иванчик 1994 – Иванчик А. И. «История – учительница жизни: горькие плоды учения» // Сегодня. 1992. 5 ноября.

Игнатенко, Салмин 1993 – Игнатенко А. А., Салмин А. М. Конфедерация народов Кавказа в политическом контексте Кавказского региона // Мировая экономика и международные отношения. 1993. №9. С. 96-107.

Идеологическую работу 1972 – Идеологическую работу – на уровень требований XXIV съезда КПСС // Грозненский рабочий. 1972. 14 апреля. С. 2-3.

Иессен 1941 – Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Под ред. М. И. Артамонова. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 7-50.

Измайлов 1989 – Измайлов А. М. К династическому Египту // Комсомольское племя. 1989. 5 августа.

Измайлов 1990 – Измайлов А. М. Страна Саров // Комсомольское племя. 1990. 15 марта.

Измайлов 1991 а – Измайлов А. М. Происхождение чеченцев и ингушей поданным иерогlyphической письменности III тысячелетия до н. э. – XIII-XV вв. н. э. // Республика. 1991. 24 января.

Измайлов 1991 б – Измайлов А. М. Тайны веков: гипотезы, предположения, аргументы // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 19-20 февраля.

Измайлов 1991 в – Измайлов А. М. Фараон Мин в начале пятитысячелетней истории и государства // Республика. 1991. 21 марта.

Измайлов 2000 – Измайлов В. На рынке рабов – журналисты // Новая газета. 2000. 17-23 июля. С. 2.

Илизаров 2003 – Илизаров Б. С. Почетный академик И. В. Сталин против академика Н. Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 112-140.

Илизаров 2004 – Илизаров Б. С. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 179-213.

Ингушский научный музей 1930 – Ингушский научный музей // Известия Ингушского НИИ краеведения. 1930. Т. 2-3. С. 534-538.

Ионе 1967 – Ионе Г. И. Балкарья в период Средневековья // История Кабардино-Балкарской АССР / Под ред. Т. Х. Кумыкова. М.: Наука, 1967. Т. 1. С 72-86.

Иосифов, Проценко 1926 – Иосифов И. М., Проценко А. Л. Кровяные группы у ингушей // Известия Горского педагогического института. 1926. Т. 3. С. 227-234.

Исаев 1990 – Исаев М. И. От редактора // Г. Ф. Турчанинов. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ: Ир, 1990. С. 3-4.

Исаев 2000 – Исаев М. И. Василий Иванович Абаев. М.: Наука, 2000.

Исаев 1998 – Исаев С.-А. А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XLX в. Автореф. докт. дисс. М.: ИРИ РАН, 1998.

Исаева 1997 – Исаева З. Г. Ономастика как зеркало этнокультурных интеграционных процессов // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 373-377.

Исаева 1974 – Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1974. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. С. 19-57.

Исаева 1976 – Исаева Т. А. Социально-экономическое положение Чечено-Ингушетии в XVII в. Автореф. канд. дисс. М: Институт истории СССР, 1976.

Исаенко 1993 – Исаенко А. В. Из глубины веков // Северная Осетия. 1993. 18-19 февраля.

Исаенко, Кучиев 1994 а – Исаенко А. В., Кучиев В. Д. Некоторые проблемы древней истории осетин // Аланы: история и культура / Под ред. В. Х. Тменова. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных исследований, 1994. С. 10-33.

- Исаенко, Кучиев 19946 – Исаенко А. В., Кучиев В. Д. Что записано в истории... // Северная Осетия. 1994. 29-31 марта.
- Искандарян 1995 – Искандарян А. Чеченский кризис: провал российской политики на Кавказе. М.: Московский центр Карнеги, 1995.
- История 1950 – История Кабарды // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1950. Т. 6. С. 416.
- История 1954 – История Осетии (макет). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1954. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 г.
- История Атлантиды 1992 – История Атлантиды, или Тайна гигантского кристалла // Ичкерия. 1992. 6 октября.
- Исхаков 1998 – Исхаков С. М. Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция / Под ред. С. В. Тютюнина. М.: ИРИ, 1998. С. 207-237.
- К правдивой оценке 1994 – К правдивой оценке // Нарт (Нальчик). 1994. Апрель (№ 4). С. 3.
- Каберты 1997 – Каберты И. Г. Этнические аспекты естественного движения населения Северной Осетии // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 437-442.
- Кабузан 1996 – Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996.
- Кажаров 1994 – Кажаров М. Кабардинская интеллигенция в условиях пост тоталитаризма // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / И. Л. Бабича М.: ЦИМО ИАЭ, 1994. Т. I. С. 46-51 (по газ.: Хасэ. 1992. № 12).
- Казиханов 1991 – Казиханов А. Тревожное эхо 1944 // Известия. 1991. 16 апреля. С. 2.
- Каиров 1997 – Каиров В. М. Традиции в социальной сфере // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 297-303.
- Каймаразов 1988 – Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М.: Наука, 1988.
- Кайтуков 1951 – Кайтуков М. К вопросу о «литературном наследстве» Темирбулата Мамсурова // Социалистическая Осетия. 1951. 25 сентября. С. 3.
- Калаев 1991 – Калаев В. Истоки // Республика. 1991. 30 мая.
- Калита 1972 – Калита Л. Танцует «вайнах» // Социалистическая Осетия. 1972. 30 мая. С. 3.
- Калита, Сагаипов 1988 – Калита Л., Сагаипов А. Ломая логику стереотипа // Грозненский рабочий. 1988. 18 августа. С. 2.
- Калмыков 1974 – Калмыков И. Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карабаевско-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва. 1974.
- Калмыков 1996 – Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. М.: Спарт, 1996.
- Калоев 1959 – Калаев Б. А. Редкий памятник осетинской письменности // Социалистическая Осетия. 1959. 1 июля. С. 4.
- Калоев 1967 – Калоев Б. А. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 98-124.
- Калоев 1971 – Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1971.
- Калоев 1972 – Калоев Б. А. Осетино-балкарские этнографические параллели // Советская этнография. 1972. № 3. С. 20-30.
- Калоев 2001 – Калоев Б. А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах. М.: Наука, 2001.
- Калоев 2004 – Калоев Б. А. Е. Г. Пчелина – ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 98-111.
- Калоев 1994 – Калоев Г. Ф. Владикавказ (экономико-географический очерк). Владикавказ: Ир, 1994.
- Калойн 1992 – Калойн В. Нахи и индоевропейцы // Республика. 1992. 11 сентября.
- Карачай 2002 – Карачай М. Призрак «ваххабизма» // Ас-Алан. 2002. № 2. С. 431-437.
- Карданов 1993 – Карданов Ч. Э. Из истории территориальных отношений Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 1993.
- Карпов 1994 – Карпов Ю. Ю. Межнациональные отношения на Северо-Восточном Кавказе // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности / Под ред. Э. Х. Панеш. СПб.: МАЭ, 1994. С. 7-33.
- Карпов 2001 – Карпов Ю. Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ сквозь два столетия / Под ред. Г. Г. Лисицыной, Я. А. Гордина. СПб.: Журнал «Звезда», 2001. С. 190-202.
- Кастуев 1951 – Кастуев А. Древнейшие археологические находки // Социалистическая Осетия. 1951. 7 февраля. С. 4.

- Катышева 1988 а – Катышева М. Портрет и судьба // Грозненский рабочий. 1988. 7 декабря. С. 3.
- Катышева 1988 б – Катышева М. Без прошлого и будущего нет // Грозненский рабочий. 1988. 3 ноября. С. 3.
- Катышева 1996 – Катышева М. Седой пепел истории // Вайнах сегодня. 1996. № 1.С. 26.
- Катышева, Озиев 1991 – Катышева М., Озиев М. Сознавать меру ответственности // Трагедия ингушского народа / Сост. М. Озиев, Ю. Тангиев. Грозный: Грозненский рабочий, 1991. С. 3-35. (перепечат. из газ.: Голос Чечено-Ингушетии. 1990. 14-16 ноября).
- Кафоев 1963 – Кафоев А. Ж. Адыгские памятники. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1963.
- Келехсаев 1994 – Келехсаев Л. Познается в сравнении // Северная Осетия. 1994. 6 сентября. С. 2.
- Керашев 1994 – Керашев А. Т. Адыгское наездничество и вопрос о природе Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, Ин-т языка, литературы и искусства, 1994. С. 245-249.
- Керайтов, Ортабасва, Суюнчев, Тебуев, Хатуев 1998 – Керайтов Р. Х., Ортабаева Р. А.-К., Суюнчев Х. И., Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Диссертация гнусного характера // Карабаево-Балкарский мир. 1998. Май. С. 2.
- Керимов 1999 – Керимов М. М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов. Автореф. канд. дисс. Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 1999.
- Кешоков 1951 – Кешоков А. Некоторые вопросы истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Нальчик: Кабардинское гос. изд-во, 1951. Вып. 1. С. 3-19.
- Кибизов 1967 – Кибизов Т. Н. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чердхиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 264-267.
- Кибизова 1994 – Кибизова Э. Э. Роль и место признаков национальной идентификации в структуре мотивации межличностных отношений в многонациональных учебных группах // Тезисы докладов на международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена / Под ред. А. А. Магометова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994. С. 72-75.
- Кинжалов 1960 – Кинжалов Р. В. Резной сердолик Государственного Эрмитажа // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели / Под ред. В. В. Струве. М.; Д.: АН СССР, 1960. С. 98-104.
- Киреев 1959 – Киреев Е. П. Стодневные бои в Грозном и разгром бичераховшины на Тереке в 1918 году // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1959. Т. 1. Вып. 1 (история). С. 5-55.
- Кисриев 2004 – Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: О.Г.И., 2004.
- Клапрот 1967 – Klanrom Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII-XIX вв.) / Под ред. Б. А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное изд-во, 1967. С. 105-180.
- Клятва 1942 – Клятва народов Закавказья // Правда. 1942. 6 сентября. С. 1.
- Ковалевская 1985 – Ковалевская В. Б. Роль скифов в этногенезе местных сенерокавказских племен // Известия АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства. 1985. № 3. С. 45-59.
- Коваленко, Ибрагимбейли 1997 – Коваленко А. И., Ибрагимбейли Х.-М. Правовое заключение по вопросу об образовании Республики Балкaria в составе Российской Федерации // Балкарский форум. 1997. Январь (спецвыпуск). С. 4-5.
- Ковальская 2003 – Ковальская Г. Зона рискованного проживания // Еженедельный журнал. 2003. 14 января. С. 12-17.
- Кодзаев 1903 – Кодзаев А. Н. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.
- Кодзоев 2000 – Кодзоев Б. Судьба вайнахов // Независимая газета. 2000. 23 февраля. С. 4.
- Кодзоев 1994 а – Кодзоев Н. Д. Магас – город магалонов // Ингушетия. 1994. 23 апреля.
- Кодзоев 1994 б – Кодзоев Н. Д. Аланы // Ингушетия. 1994. 7 июля.
- Кодзоев 2002 – Кодзоев Н. Д. История ингушского народа. С древнейших времен до конца XIX века: Учебное пособие для 7-9-х классов общеобразовательных школ. Магас: Сердало, 2002.
- Кодзоев 2003 – Кодзоев Н. Д. Магас по археологическим и письменным источникам. Магас: Сердало, 2003.
- Козаев 1989 – Козаев П. К. Эпос и проблемы древней истории народов Кавказа и Индии // Кавказ и цивилизации Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 73-75.
- Козаев 1994 – Козаев П. К. Значение индоарийского культурного наследия в духовном возрождении человечества // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. М.: Менеджер, 1994. Вып. 1. С. 69-75.

Козенкова 2003 – Козенкова В. Древние основы культурного наследия нахского этноса // Осмаев М. К., Алироев И. Ю. История и культура вайнахов. М.: Acadmia, 2003. С. 327-331.

Козлов 1999 – Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.

Козлов 2003 – Козлов В. А. Интервью В. Тольцу (Радио Свободы). 2003. 17 августа.

Козонти 1997 а – Козонти М. Ааны в Европе // Южная Осетия. 1997. 18 июня.

Козонти 1997 б – Козонти М. Черные аланы // Отчизна. 1997. № 3,4.

Козыбаев 1989 – Козыбаев М. К. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 8-10.

Козырева 1951 – Козырева Т. З. Некоторые задачи осетинского языкоznания в свете трудов И. В. Сталина // Социалистическая Осетия. 1951. 28 сентября. С. 3.

Козырева 1952 – Козырева Т. З. Изучение вопросов осетинской диалектологии – важнейшая задача языковедов // Социалистическая Осетия. 1952. 18 июля. С. 3.

Козырева 1971 – Козырева Т. З. Достижения осетинского языкоznания за годы советской власти // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1971. Т. 28. С. 289-310.

Койчуев 1998 – Койчуев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. пед. ин-та, 1998.

Кокиев 1926 – Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Владикавказ: Раstdзинад, 1926. 4.1.

Кокиев 1930 – Кокиев Г. А. К истории междуусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII веке // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. 1930. Т. 2. С. 72-89.

Кокиев 1932 – Кокиев Г. А. В редакцию «Революция и горец» // Революция и горец. 1932. № 2-3. С. 204.

Кокиев 1933. Материалы по истории Осетии (XVIII век) // Известия Северо-Осетинского НИИ / Сост. Г. А. Кокиев. Орджоникидзе, 1933. Т. 6.

Кокиев 1941 – Кокиев Г. А. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкарская. 1941. 28-30 января.

Кокиев 1944 – Кокиев Г. А. Об одной фашистской фальсификации истории осетин // Исторический журнал. 1944. № 2-3. С. 43-47.

Кокиев 1946 – Кокиев Г. А. Краткий исторический очерк Кабарды // Кабардинская АССР. Нальчик: Кабардинское гос. изд-во, 1946. С. 18-88.

Коков 1997 – Коков В. М. Народные опоры федерализма // Независимая газета. 1997. 17 сентября. С. 5.

Коков 2001 а – Коков В. М. Восхождение к идеалам. М.: Славянский диалог, 2001.

Коков 2001 б – Коков В. М. Государственность – основа нашего развития // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Под ред. М. Н. Губогло, Х. Х. Сохрокова. М.; Нальчик: ЦИМО, 2001. Т. 1. С. 22-34.

Коковцов 1932 – Коковцов И. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: АН СССР, 1932.

Кокорхоеva 2002 – Кокорхоеva Д. С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа (1917-1944 гг.). Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2002.

Кольев 1997 – Кольев (Савельев) А. Чеченский капкан. М.: Конгресс русских общин, 1997.

Кому мешает 1991 – Кому мешает республика Балкарская // Балкарский форум. 1991. № 10 (декабрь). С. 1.

Кондратенко 2001 – Кондратенко Н. И. Ходил казак в Кремль: размышления о былом и настоящем губернатора Краснодарского края. Краснодар: Советская Кубань, 2001.

Константинов 2001 – Константинов С. «Имея в виду внутреннее равновесие...» // Независимая газета. 2001. 30 мая.

Конституция 2001 – Конституция Кабардино-Балкарской Республики // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Под ред. М. Н. Губогло, Х. Х. Сохрокова. М.: Нальчик: ЦИМО, 2001. Т. 1. С. 135-176.

Концепция 1992 – Концепция развития национальной школы в СО ССР (проект) // Северная Осетия. 1992. 24 ноября. С. 3.

Коренным образом 1950 – Коренным образом улучшать положение на историческом участке идеологической работы в республике. На совещании историков Азербайджана // Бакинский рабочий. 1950. 16 ноября. С. 2-3.

Коригов, Мержоев, Белхороев 1990 – Коригов Х., Мержоев С., Белхороев М. Последнее слово – за нами // Комсомольское племя. 1990. 1 ноября.

- Коркмазов 1994 – Коркмазов А. Ю. Этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1994.
- Коркмазов 2002 – Коркмазов А. Ю. Этнический фактор в политической жизни Северного Кавказа. М.: Московский открытый социальный ин-т, 2002.
- Коростелев 2002 – Коростелев А. Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 86-110.
- Коротеева 2002 – Коротеева В. Статус этнических групп в общественном сознании и индивидуальном опыте // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 120-140.
- Коротков 1994 – Коротков В. Е. Чеченская модель геополитических процессов // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 104-112.
- Костоев 1990. Второй съезд ингушского народа / Под ред. Б. У. Костоева. Грозный: Книга, 1990.
- Костоев 1995 – Костоев Б. У. Преданная нация. М.: Гуманитарный фонд Ингушетии, 1995.
- Костосв 2003 – Костоев Б. У. Кавказский меридиан. К вопросу о русско-осетинско-ингушских отношениях и чеченском урегулировании. М.: Гуманитарный фонд Ингушетии, 2003.
- Костоев 1995 – Костоев И. Кому нужна ногайка // Московские новости. 1995. 12-19 марта.
- Кох 1967 – Кох К. Г. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1938 гг. // Осетины глазами русских и иностранных утешественников (XII-XIX вв.) / Под ред. Б. А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 222-274.
- Кошев 1994 – Кошев М. А. История и проблемы культурно-технического развития рабочих кадров народов Северного Кавказа в 60-е – начале 80-х годов. Майкоп: Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований, 1994.
- Крикунов 1951 – Крикунов В. П. История Кабарды в советский период // Сборник по истории Кабарды. Нальчик: Кабардинское гос. изд-во, 1951. Вып. 1. С. 20-80.
- Крикунов 1977 – Крикунов В. П. Документы свидетельствуют // Грозненский рабочий. 1977. 7 января. С. 3.
- Крикунов 1989 – Крикунов В. П. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 41-42.
- Крикунов 1990 – Крикунов В. П. Затерянная записка // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 188-190.
- Крицкий 1995. Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа / Под ред. Е. В. Крицкого. Краснодар: Северо-Кавказский центр социально-политических исследований РАН.
- Крупнов 1997 – Крупнов Е. И. Религиозный фактор в geopolитической ситуации на Северном Кавказе // Религия и политика в современной России / Под ред. Н. А. Трофимчук, С. Д. Яковлева. М., 1997. С. 39-46.
- Крупнов 1938 а – Крупнов Е. И. Археологические работы в Северной Осетии // Социалистическая Осетия. 1938. 29 июля. С. 3.
- Крупнов 1938 б – Крупнов Е. И. Из далекого прошлого Северной Осетии // Социалистическая Осетия. 1938. 20 сентября. С. 3.
- Крупнов 1939 – Крупнов Е. И. К истории Ингушии // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 77-90.
- Крупнов 1930-е гг. – Крупнов Е. И. К истории племен Северного Кавказа I тысячелетия христианской эры. Рукопись. М. (Архив ИА РАН. Ф. 13. Д. 56).
- Крупнов 1940 – Крупнов Е. И. История культуры народов Северного Кавказа с древнейших времен до X в. Рукопись. М. (Архив ИА РАН. Ф. 13. Д. 58).
- Крупнов 1941 – Крупнов Е. И. История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века. Рукопись. М. (Архив ИА РАН. Ф. 13. Д. 59).
- Крупнов 1946 – Крупнов Е. И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1946.
- Крупнов 1947 – Крупнов Е. И. Грузинский храм «Тхоба-Ерды» на Северном Кавказе // КСИИМК. 1947. Вып. 15. С. 116-125.
- Крупнов 1948 а – Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Труды Государственного исторического музея. 1948. Вып. 17. С. 5-55.
- Крупнов 1948 б – Крупнов Е. И. К историко-археологическому изучению Грозненской области // Известия Грозненского областного института и музея краеведения, 1947 (Грозный). 1948. Вып. 1. С. 51-62.
- Крупнов 1949 – Крупнов Е. И. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1949. Т. 4. С. 91-109.
- Крупнов 1951 а – Крупнов Е. И. Древнейший период истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Нальчик: Кабардинское гос. изд-во, 1951. Вып. 1. С. 20-80.

Крупнов 1951 б – [Крупнов Е. И.] Предисловие // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е. И. Крупнова. М.; Л.: Изд-во АН СССР (МИЛ. Вып. 23). С. 5-15.

Крупнов 1952 – Крупнов Е. И. О происхождении осетинского народа и его культуры по археологическим данным // Социалистическая Осетия. 1952. 4 июля. С. 2.

Крупнов 1953 – Крупнов Е. И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Против вульгаризации марксизма в археологии / Под ред. А. Д. Удальцова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 141-164.

Крупнов 1955 – Крупнов Е. И. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 3-13.

Крупнов 1956 – Крупнов Е. И. К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа // Известия Грозненского областного краеведческого музея. 1956. Вып. 7-8. С. 46-56.

Крупнов 1957 а – Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Крупнов 1957 б – Крупнов Е. И. Новые источники подревней истории и культуре Северного Кавказа // Грозненский рабочий. 1957. 28 сентября. С. 3.

Крупнов 1959 – Крупнов Е. И. Л. П. Семенов // Советская археология. 1959. № 4. С. 331-333.

Крупнов 1960 а – Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Крупнов 1960 б – Крупнов Е. И. Взаимосвязи Северного Кавказа с Древней Русью // Социалистическая Осетия. 1960. 13 января. С. 3-4.

Крупнов 1960 в – Крупнов Е. И. Исследования средневекового города в Осетии // Социалистическая Осетия. 1960. 2 ноября. С. 4.

Крупнов 1961 – Крупнов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1961.

Крупнов 1963 – Крупнов Е. И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). М.: АН СССР, 1963.

Крупнов 1964 – Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. 1964. № 1. С. 26-43.

Крупнов 1966 – Крупнов Е. И. Изучение нартского эпоса и археология // Археолого-этнографический сборник. Грозный. 1966. Вып. 1. С. 29-41.

Крупнов 1967 а – Крупнов Е. И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чсрджиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 22-41.

Крупнов 1967 б – Крупнов Е. И. Заключительное слово // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 316-319.

Крупнов 1971 – Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.

Крупнов, Мунчаев 1963 – Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии/ Под ред. Е. И. Крупнова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 217-242.

Крылов 2004 – Крылов К. Полночь, 22 июня // Литературная газета. 2004. 30 июня – 6 июля (№ 25-26). С. 2.

Кубалов 1925 – Кубалов А. З. К вопросу о происхождении нартовских песен // Известия Осетинского НИИ Краеведения. 1925. Т. 1. С. 379-382.

Кудашев 1991 – Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991.

Куддузов 1992 – Куддузов А.-С. Ключ к тайнам // Республика. 1992. 22 августа.

Кудзаев 1990 – Кудзаев П. Поставьте памятник аланам // Социалистическая Осетия. 1990. 8 ноября. С. 4.

Кудрявцев 1994 – Кудрявцев А. В. Ислам и государство в Чеченской Республике // Восток. 1994. № 3. С. 64-71.

Кудрявцев 1996 – Кудрявцев А. В. Чеченцы в восстаниях и войнах XVIII-XIX веков // Вестник Евразии. 1996. № 1. С. 95-110.

Кузнецов 1954 – Кузнецов В. А. Об одном извращении истории народов Северного Кавказа // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 114-117.

Кузнецов 1962 – Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1962.

Кузнецов 1963 а – Кузнецов В. А. Археология и происхождение карачаевцев и балкарцев // Ленинни байрагы. 1963. № 121.

Кузнецов 1963 б – Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // Советская археология. 1963. № 1. С. 298-305.

Кузнецов 1967 – Кузнецов В. А. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 42-66.

Кузнецов 1973 – Кузнецов В. А. Евгений Игнатович Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности / Под ред. Р. М. Мунчаева, В.И. Марковина. М.: Наука, 1963. С. 1-7.

Кузнецов 1974 – Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // Археолого-этнографический сборник / Под ред. Г. Х. Мамбетова, И. М. Чеченова. Нальчик: Эльбрус, 1974. Вып. 1. С. 76-94.

Кузнецов 1975 – Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: СОНИИ, 1975. Т. 3. С. 21-34.

Кузнецов 1976 – Кузнецов В. А. С чего начинался город // Социалистическая Осетия. 1976. 26 ноября.

Кузнецов 1980 – Кузнецов В. А. К истории археологического изучения Кабардино-Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии / Под ред. И. М. Чеченова. Нальчик: Кабардино-Балкарский Ин-т истории, филологии и экономики, 1980. С. 139-158.

Кузнецов 1984 – Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984.

Кузнецов 1989 – Кузнецов В. А. Взгляд сквозь века и годы // Социалистическая Осетия. 1989. 1 июля.

Кузнецов 1990 а – Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990.

Кузнецов 1990 б – Кузнецов В. А. Осетия или Алания? // Социалистическая Осетия. 1990. 23 ноября. С. 3.

Кузнецов 1990 в – Кузнецов В. А. Выступление на I съезде народных депутатов РСФСР // Советская Россия. 1990. 27 мая. С. 5.

Кузнецов 1990 г – Кузнецов В. А. Выступление. Об общественно-политической ситуации в республике // Социалистическая Осетия. 1990. 19 сентября.

Кузнецов 1992 – Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992.

Кузнецов 1994 – Кузнецов В. А. Так что же «записано в истории»? // Северная Осетия. 1994. 14 апреля. С. 2-3.

Кузнецов 1996 – Кузнецов В. А. Какую истину мы ищем? (О статье Б. В. Техова) // Фыдыбагстаз. 1996. № 1 (февраль).

Кузнецов 1997 – Кузнецов В. А. Межнациональное согласие и современная историография Северного Кавказа // Тарих. 1997. № 4. С. 47-51.

Кузнецов 1999 а – Кузнецов В. А. Изваяние «Дука-бек»: историко-археологические проблемы // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1999. Вып. 5. С. 83-99.

Кузнецов 1999 б – Кузнецов В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа / Под ред. В. И. Марковина. М.: ИА РАН, 1999. С. 169-182.

Кузнецов, Медынцева 1975 – Кузнецов В. А., Медынцева А. А. Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 11-17.

Кузнецов, Чеченов 2000 – Кузнецов В. А., Чеченов И. М. История и национальное самосознание. Владикавказ: Северо-Осетинский Ин-т гуманитарных и социальных исследований, 2000.

Кузьмин, Сусоколов, Бацын, Ешич 1994 – Кузьмин М. Н., Сусоколов А. А., Бацын В. К., Ешич М. Б. Концепция национальной школы: цели и приоритеты содержания образования. М.: Министерство образования Российской Федерации, 1994.

Кузьмин 1997 – Кузьмин М.Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. М.: Ин-т национальных проблем образования, 1997.

Кузьмин 1998 – Кузьмин М. Н. Полиэтничность российского общества и задачи системы образования как инструмента модернизации России. М.: Ин-т национальных проблем образования, 1998.

Кукулин 2001 – Кукулин И. Свинг, самовары и племена // Независимая газета. 2001. 6 сентября. С. 9.

Кулаев 1967 – Кулаев Н. Х. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 290-292.

Кулиев 2000 – Кулиев К. Завещание. Нальчик: Эльбрус, 2000.

Кулов 1959 – Кулов Б. Загадка ущелья // Советская Россия. 1959. 18 июля. С. 4.

Кулов 1935 – Кулов К. Д. Матриархат в Осетии // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1935. Т. 8. С. 158-232.

Кулов 1941 – Кулов К. Д. Героический осетинский нартский эпос // Социалистическая Осетия. 1941. 3 июня. С. 3.

Кулов 1948 – Кулов К. Д. Великий поэт осетинского народа // Известия СО НИИ. 1948. Т. 12. С. 3-12.

Кулов 1949 – Кулов К. Д. Героический эпос осетинского народа // Нартский эпос. Дауджикуа: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1949. С. 3-20.

Кулов 1951 – Кулов К. Д. О некоторых грубых ошибках в освещении истории Осетии // Социалистическая Осетия. 1951. 13 ноября. С. 2-3 (то же на осетинском языке в газ.: Раствор. 1951. 14 ноября; журн.: Мах Дуг. 1951. № 11).

Кулов 1952 а – Кулов К. Д. Отчет о работе Северо-Осетинского обкома ВКП(б) на XV областной партконференции 20 сентября 1952 г. // Социалистическая Осетия. 1952. 23 сентября. С. 2.

Кулов 1952 б – Кулов К. Д. О присоединении Северной Осетии к России // Раствор. 1952. 29 марта (осет. яз.).

Кулов 1956 – Кулов С. Д. Из истории разгрома контрреволюции и интервенции на Тerekе (1917-1919) // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1956. Т. 17. С. 122-136.

Кумехов 1942 – Кумехов З. Кавказ не встанет на колени // Правда. 1942. 16 сентября. С. 2.

Кумехов 1993 – Кумехов З. Письмо секретарю ЦК КПСС Н. Шаталину 10 июля 1953 г. // Московские новости. 1993. 23 марта. С. 8.

Кумыков 1957 – Кумыков Т. Х. Краткий очерк истории Кабарды / / Кабардино-Балкарская АССР / Под ред. К. Н. Керефова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1957. С. 7-27.

Кумыков 1960 – Кумыков Т. Х. Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Тресскова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 9-37.

Кумыков 1967 а – Кумыков Т. Х. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Чирдхиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 301-305.

Кумыков 1967 б – История Кабардино-Балкарской АССР / Под ред. Т. Х. Кумыкова. М.: Наука, 1967. Т. 1.

Кумыков 1977 – Моя республика. Краеведческое пособие для учащихся 7-10 классов школ Кабардино-Балкарской АССР / Под ред. Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1977.

Кумыков 1994 – Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик: Эльбрус. 1994.

Кумыков 2001. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.) / Под ред. Т. Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 2001.

Кумыков, Мизиев 1995 – История Кабардино-Балкарии. Учебное пособие для средней школы / Под ред. Т. Х. Кумыкова, И. М. Мизиева. Нальчик: Эльбрус, 1995.

Кундух 1934 – Кундух А. Была ли у иронов (осетин) письменность // Северный Кавказ (Варшава). 1934. № 8. С. 22-24.

Кундух 1935 а – Кундух А. Термин «kхux» в языке иронов (осетин) // Северный Кавказ (Варшава). 1935. № 11-12. С. 30-33.

Кундух 1935 б – Кундух А. По поводу заметки Åsson'a // Северный Кавказ (Варшава). 1935. № 15. С. 14-18.

Кундух 1935 в – Кундух А. О происхождении чеченцев // Северный Кавказ (Варшава). № 14. С. 20-25; № 15. С. 18-22.

Кундух 1936 а – Кундух А. К проблеме северокавказской нации // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 28-29. С. 20-25.

Кундух 1936 б – Кундух А. «Сатана» или «Sætanæ»? // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 32. С. 20-24.

Кундух 1937 а – Кундух А. «Сатана» или «Sætanæ»? // Северный Кавказ (Варшава). 1937. № 33. С. 16-19.

Кундух 1937 б – Кундух А. Характер архаизмов иронского языка // Северный Кавказ (Варшава). 1937. № 44. С. 24-29.

Кундухов 1930 – Кундухов М. Об извращении горской истории и современности в краеведении // Революционный Восток. 1930. № 8. С. 155-191.

Куриев 1991. – Куриев Э. Не рвите цепь времен // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 16 ноября. С. 3.

Куркиев 1997 – Куркиев А. К истории нахов // Сердало. 1997. 6 мая.

Куркиев 2002 – Куркиев А. Б. Послесловие научного редактора // Базоркин М. М. История происхождения ингушей. Нальчик: Эль-Фа, 2002. С. 277-287.

Кусов 1983 – Кусов Г. И. Крепость, не познавшая боя // Социалистическая Осетия. 1983. 18 сентября. С. 2.

Кусов 1998 – Кусов Г. И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ: Алания. 1998.

Кусраев, Цагоев 1993 – Кусраев А. Г., Цагоев В. Г. Трудный путь к суверенитету. Владикавказ: Ир, 1993.

Кучиев 1992 – История города Дигоры / Под ред. В. Д. Кучиева. Владикавказ: Ир, 1992.

Кучиев 1997 – Кучиев В. Д. Геополитика и межнациональные отношения на Северном Кавказе // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 110-116.

Кучинаев 2001 – Кучинаев М. Ю. Карачаевцы и балкарцы – потомки скифов и алан. Нальчик: Эль-Фа, 2001.

Кучмезова 2001 – Кучмезова Р. Интервью с председателем Государственного Совета Балкарии Расулом Джаппуевым // Ас-Алан. 2001. № 1 (4). С. 208-217.

Кушева 1963 – Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). МЛ: АН СССР, 1963.

Кушева 1993 – Кушева Е. Н. Воспоминания // Отечественная история. 1993. № 4. С. 126-151.

Лавриненко, Гогун 1973 – Лавриненко В., Гогун И. В ритме решающего. С пленума Грозненского горкома КПСС // Грозненский рабочий. 1973. 18 февраля. С. 2.

Лавров 1939 – Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию // Советская этнография / Под ред. В. В. Струве. М.; Л.: АН СССР 1939. Т. 2. С. 175-181.

Лавров 1950 – Лавров Л. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Краткие сообщения Института этнографии. 1950. Вып. 10. С. 77-83 (то же в сб.: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси: АН ГрузССР, 1952. С. 337-344).

Лавров 1954 – Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик: Кабардинское изд-во, 1954. Вып. 3. С. 193-207.

Лавров 1956 – Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. 1956. № 1. С. 19-28.

Лавров 1959 – Лавров Л. И. Происхождение балкарцев и карачаевцев // Краткие сообщения Института этнографии. 1959. Т. 32. С. 3-7.

Лавров 1960 а – Лавров Л. И. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Треккова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 63-69.

Лавров 1960 б – Лавров Л. И. Заключительное слово // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Треккова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 303-305.

Лавров 1960 в – Лавров Л. И. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1960. Т. 17 (серия историческая). С. 97-121.

Лавров 1964 – Лавров Л. И. Надписи мавзолея Борга-каш // Известия ЧИ НИИ ИЯЛ. 1964. Т. 5. Вып. 1 (история). С. 162-163.

Лавров 1966 – Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М: Наука, 1966. 4.1.

Лавров 1967 – Лавров Л. И. К попытке чтения майкопской надписи // Советская этнография. 1967. № 2. С. 203-205.

Лавров 1968 – Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М.: Наука, 1968. Ч. 2: Надписи XVIII-XX вв.

Лавров 1969 – Лавров Л. И. Карабай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник / Под ред. В. К. Гарданова. М.: Наука, 1969. Т. 4. С. 55-119.

Ладыженский. 1937 – Ладыженский А. Кабардинцы и балкарцы // Вестник знания. 1937. № 8. С. 35-38.

Лайпанов 1998 – Лайпанов Б. А. Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / Под ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1998. С. 142-171.

Лайпанов 1999 – Лайпанов Б. А. «Не совершайте насилия над другими...» // Ас-Алан. 1999. № 1 (2). С. 230-232.

Лайпанов 2002 – Лайпанов Б. А. Открытое письмо А. Е. Кибрику // Ас-Алан. 2002. № 1 (6). С. 7-19.

Лайпанов, Кечеруков, Чомаев 2001 – Лайпанов Б. А., Кечеруков А.-А. А., Чомаев К. И. Заявление // Ас-Алан. 2001. № 1 (4). С. 177-189.

Лайпанов 1967 – Лайпанов К. Т. О тюркском элементе в этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 207-214.

Лайпанов 1985 – Лайпанов К. Т. Друг и соратник Мулланура Вахитова Умар Алиев // Мулланур Вахитов: жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца / Под ред. Р. И. Нафигова. Казань: Татарское книжное изд-во, 1985. С. 213-224.

Лайпанов 1995 – Лайпанов К. Т. Об аланском происхождении карачаево-балкарцев // Карабаево-Балкарский мир. 1995. № 7 (август). С. 2.

Лайпанов, Костинский 1992 – Лайпанов К. Т., Костинский Ю. Бессрочный митинг Карабая // Российская газета. 1992. 5 марта. С. 3.

Лайпанов, Мизиев 1993 – Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск: ПУЛ, 1993.

Лайпанов 1957 – Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск: Карабаево-Черкесское книжное изд-во, 1957.

Лайпанов 1960 – Лайпанов Х. О. К вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Треккова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 70-80.

Лайпанов 1981 – Лайпанов Х. О. Молчание – не всегда золото // Ленинское знамя. 1981. 25 августа. С. 3.

Лайпанов, Алексеева 1967 – Лайпанов Х. О., Алексеева Е. П. Карачаевцы // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Под ред. В. П. Невской, В. А. Романовского. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1967. С. 111-122.

Ланда 1995 – Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995.

Ларина 1960 – Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1960.

Ларина 1984 – [Ларина В. И.] Орджоникидзе. Орджоникидзе: Ир, 1984.

Латышев 1947 – Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 230-348.

Лаудаев 1872 – Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 6.

Лебединский 1996 – Лебединский Я. Драконообразные штандарты Востока и Запада // Дарьял. № 2. С. 221–229.

Леонтьева 1991 – Леонтьева Л. Казаки: война после драки // Московские новости. 1991. 12 мая. С. 4.

Леонтьева 1992 – Леонтьева Л. Казаки в походе // Московские новости. 1992. 23 августа. С. 9.

Леонтьева 1997 – Леонтьева Л. «Пятый пункт» для мэра // Московские новости. 1997 19-26 октября.

Летифов 1972 – Летифов А. Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1972.

Ливен 1999 – Ливен А. Война в Чечне и упадок российского могущества // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Полинформ Талбури, 1999. С. 250-289.

Линкуй 1942 – Линкуй Н. Патриоты страны гор // Правда. 1942. 19 сентября. С. 3.

Логинов 1993 а – Кавказские орлы / Под ред. В. М. Логинова. М.: Мистикос, 1993.

Логинов 19936 – Логинов В. М. Ад криминала. М.: Мистикос, 1993.

Лолашвили 1971 – Лолашвили И. А. Тайна гробницы Давида Сослана. Тбилиси, 1971 (груз. яз.).

Лорсанукаев 2003 – Лорсанукаев С. Дожди меняют цвет. О бурных днях Чечни, о себе, о людях моего поколения. М.: Воскресенье, 2003.

Лукьяев 1993 – Лукьяев В. А вы вернетесь, верьте мне... // Так это было. Национальные репрессии в СССР, 1919-1952 годы / Сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 3. С. 25-49.

Лунин 1928. Лунин Б. Рец.: Ермоленко М. Археология Кабарды и Балкарии; Прошлое Кабардино-Балкарского края (Нальчик, 1927) // Записки Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского ин-та. 1928. Т. 1. С. 258-259.

Лурье 1937 – Лурье Я. Гнездо буржуазных националистов // Пролетарий Осетии. 1937. 15 апреля. С. 3.

Магомадова 1976 – Магомадова Т. С. Владелец Ларса // Комсомольское племя (Грозный). 1976. 11 ноября. С. 3.

Магомадова 2005 – Магомадова Т. С. Российско-чеченский военно-политический союз в конце XVI – первой половине XVII в. // Доклад на Всероссийской научной конференции «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность», организованной ИЭА РАН, Москва, 19-20 апреля 2005 г.

Магомаев 1989 – Магомаев Х. Не просто в термины играя // Грозненский рабочий. 1989. 29 ноября. С. 3.

Магомедов 1973 – Магомедов М. А. Несостоятельная попытка очернить советскую историографию // История СССР. 1973. № 1. С. 191-197.

Магомедов 1997 – Магомедов М. А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 81-90.

Магомедов 1990 а – Магомедов Р. М. Присоединение Дагестана к России – закономерный итог исторического процесса // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990. С. 4-14.

Магомедов 1990 б – Магомедов Р. М. Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в советской историографии //

Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990. С. 29-42.

Магомедов 1994 – Магомедов Р. М. Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. В. Г. Гаджисва. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, Ин-т языка, литературы и искусства, 1994. С. 6-17.

Магомедхаджиев, Ахмадов 1995 – Магомедхаджиев Р., Ахмадов Р. Чеченская трагедия. М.: Терция, 1995. Вып. 1-2.

Магометов 1989 – Магометов А. А. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в ССР: история и современность» // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 30-32.

Магометов 1997 – Магометов А. А. Изучение прошлого и настоящего в интересах будущего // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 12-30.

Магометов 1998 – Магометов А. А. Самые чувствительные нервы (межнациональные отношения и интернациональное воспитание: история и современность). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998.

Магометов 1959 – Магометов А. Х. Как возникли «дзуары» и «святые места» // Социалистическая Осетия. 1959. 1 июля. С. 3.

Магометов 1970 – Магометов А. Х. Этнография осетин. Пособие для факультативных занятий по краеведению для учителей и учащихся 7-10-х классов. Орджоникидзе: Ир, 1970.

Магометов 1982 – Магометов А. Х. Этнические и культурно-исторические связи аланс-осетин и ингушей. Орджоникидзе: Ир.

Мазин 1941 – Мазин Н. Героический эпос осетинского народа // Социалистическая Осетия. 1941. 19 апреля. С. 3.

Макалатия 1940 – Макалатия С. И. Хевсурети. Историко-этнографический очерк дореволюционного быта хевсиров. Тбилиси: Грузинское краеведческое общество, 1940.

Макалатия 1945 – Макалатия С. И. Боевые и оборонительные постройки в нагорной Грузии. Тбилиси: Горийский гос. историко-этнографический музей, 1945.

Макаров 2000 – Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000.

Максимов, Латышев 2005 – Максимов В., Латышев Е. Карты на стол // Новые Известия. 2005. 29 марта.

Малахов 1992 – Малахов С. Н. Еще раз о «печенежском» происхождении ясов в древнерусском переводе Иосифа Флавия // Проблемы этнографии осетин / Под ред. В. Х. Тменова. Владикавказ: СО НИИ, 1992. Вып. 2. С. 81-85.

Малашенко 1998 – Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский центр Карнеги, 1998.

Малашенко 2001 – Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001.

Малашенко, Тренин 2002 – Малашенко А., Тренин Д. Время юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002.

Малиев и др. 1993 – Малиев И. Д. и др. История Чиколы. Владикавказ: Ир, 1993.

Малити 1994 – Малити В. А реальность – под боком, к чему телескопы? // Северная Осетия. 1994. 17 марта. С. 2-3.

Малкондуев 2001 – Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001.

Мальбахов, Дзамихов 1996 – Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик: Эльбрус, 1996.

Мальсагов 1970 – Мальсагов А. О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970.

Мальсагов 1969 – Мальсагов А. П. Край вейнахов – Чечено-Ингушетия. М.: Детская литература, 1969.

Мальсагов 1993 – Мальсагов Я. Аннексия: как это было // Так это было / Под ред. С. У. Алиевой. М.: Инсан, 1993. Т. 2. С. 145-147.

Малышева 1996 – Малышева Д. Б. Конфликты на Кавказе: региональное и международное измерение. М.: ИМЭиМО, 1996.

Мамаев 1979 – Мамаев Х. М. О городе Дедякове и Алхан-Калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979. С. 112-120.

Мамаев 1988 – Мамаев Х. М. П. Семенов и проблемы интерпретации каменных ящиков Джерахского ущелья // Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа / Под ред. М. А. Тахо-Годи. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1988. С. 141-147.

Мамаев 1998 – Мамаев Ш. «Орден меченосцев» // Литературная газета. 1998. 21 октября. С. 3.

Мамакаев, Ахматова, Хашагульгов, Хамхоев, Боков, Эдилов 1973 – Мамакаев М., Ахматова Р., Хашагульгов М., Хамхоев А., Боков А., Эдилов Х. В незавидной роли // Грозненский рабочий. 1973. 21 июня. С. 4 (то же в газ.: Социалистическая Осетия. 24 июня. С. 3).

Мамбетов 1976 – Мамбетов Г. Х. Этнографическое изучение кабардинцев в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944-1950) // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии / Под ред. Г. Х. Мамбетова. Нальчик. 1976. Вып. 10. С. 69-86.

Мамбетов 2001 – Мамбетов Г. Х. Общность исторических судеб народов Северного Кавказа // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. / Под ред. М. Н. Губогло. Х. Х. Сохрокова. М.; Нальчик: ЦИМО. 2001. Т. 1. С. 64-69.

Мамиев 1941 – Мамиев Г. Сказители наартского эпоса // Социалистическая Осетия. 1941. 22 мая. С. 3

Мамсиров 1994 – Мамсиров М. «Вожди» сеют ветер // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 164-183.

Мамукаев 1969 – Мамукаев Т. Б. Тайна Нузыльской часовни. Орджоникидзе: Ир, 1969.

Мансуров 1997 – Мансуров М. Х. К освещению в исторической литературе вопроса о заселении Терско-сулакского междуречья в XVI-XVIII вв. // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа / Под ред. Г. Гамзатова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. С. 44-47.

Маремшаева 2003 – Маремшаева И. И. Реабилитационный процесс и его влияние на ментальные характеристики карачаевцев и балкарцев // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения / Под ред. В. Б. Убушаева. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. С. 189-190.

Марковин 1962 – Марковин В. И. Исследование памятников Средневековья в высокогорной Чечне // КСИА. 1962. Выи. 90. С. 45-55.

Марковин 1963 – Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии / Под ред. Е. И. Крупнова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 243-278.

Марковин 1994 – Марковин В. И. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // Российская археология. 1994. № 1. С. 51-66.

Марковин, Кузнецов 1961 – Марковин В. И., Кузнецов В. А. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 году // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. 1961. Вып. 10. С. 95-111.

Марковин, Мунчаев 2003 – Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула: Гриф и К°, 2003.

Марковин, Ошаев 1978 – Марковин В. И., Ошаев Х.Д. О местоположении ясского города Дедякова // Советская археология. 1978. № 1. С. 83-96.

Марр 1918 – Марр Н. Я. Ossctica-Yaphetica // Известия Российской академии наук. 1918. С. 2069-2100.

Марр 1920 – Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг.: Российская академия наук, 1920.

Мартиросиан 1928 – Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушия. Социально-экономический очерк // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С. 7-154.

Мартиросиан 1933 – Мартиросиан Г. К. История Ингушии. Орджоникидзе: Ир, 1933.

Маршаев 1995 – Маршаев В. Г. Вопросы присоединения северокавказских народов к России // История и историки / Под ред. И. Д. Ковалченко. М: Наука, 1995. С. 124-129.

Масхадов 1998 – Масхадов А. Ваххабизм в Чечне не пройдет // Северный Кавказ. 1998. Октябрь. № 39.

Матвеев 2002 – Матвеев В. А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе дискуссионные аспекты проблемы и реалии эпохи // Россия XXI. 2002. № 6.

Матвеев 2001 – Матвеев О. В. «Храбрый воин у нас Гейман» // Вопросы северокавказской истории / Под ред. В. Б. Виноградова. Армавир: АГПИ, 2001. Вып. 6. Ч. 2. С. 37-51.

Мацулович 1947 – Мацулович Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // Советская этнография. 1947. Т. 6-7. С. 125-147.

Мачигов 1997 – Мачигов А. Чеченцы – основатели Руси // Путь Джохара. 1997. № 11.

Медведев, Ермаков 1992 – Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал». М. А. Суслов: политический портрет. М.: Республика, 1992.

Медойти, Чочиев 1994 – Медойти Д. Н., Чочиев А. Р. Еще раз о «кавказском» субстрате // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. М.: Менеджер, 1994. Вып.1. С. 98-102.

Меликянц 1988 – Меликянц Г. Не было готовых образцов в развитии национальных отношений // Известия. 1988. 21 марта. С. 3.

Мержоев 1992 – Мержоев И. Проблема орстхойцев. Существует ли она? // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 21 июля. С. 1.

Мизиев 1970 – Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII вв.). Нальчик: Эльбрус, 1970.

Мизиев 1975 – Мизиев И. М. Выступление // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ, 1975. Т 3. С. 95-96, 107.

Мизиев 1983 а – Мизиев И. М. Об одном спорном вопросе истории балкарцев и карачаевцев XVI-XVIII вв. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии / Под ред. Е. П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1983. Вып. 2. С. 104-115.

Мизиев 1983 б – Мизиев И. М. Из истории балкарского народа // Кабардино-Балкарская правда. 1983. 1 марта.

Мизиев 1984 а – Мизиев И. М. Кавказ и аланы // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 19 сентября.

Мизиев 1984 б – Мизиев И. М. Еще раз об аланах // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 20 декабря.

Мизиев 1986 а – Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.

Мизиев 1986 б – Мизиев И. М. Горизонты науки // Кабардино-Балкарская правда. 1986. 8 января.

Мизиев 1988 а – Мизиев И. М. Все ли мы знаем о скифах // Советская молодежь. 1988. 26 августа. С. 8.

Мизиев 1988 б – Мизиев И. М. Тарых илмуну борчлары // Советская молодежь. 1988. 2 сентября (балкар, яз.).

Мизиев 1988 в – Мизиев И. М. «Скут» дсп кимге айтылғанды? // Советская молодежь. 1988. 9 сентября (балкар, яз.).

Мизиев 1989 а – Мизиев И. М. Оксус – Ок-су – Ак-су // Кабардино-Балкарская правда. 1989. 11 февраля.

Мизиев 1989 б – Мизиев И. М. Кипчаки и балкарцы // Советская молодежь. 1989. 24 марта.

Мизиев 1990 – Мизиев И. М. История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990.

Мизиев 1991 а – Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карабая XIII-XVIII вв.: важнейшие этногенетические аспекты. В помощь учителям-историкам, краеведам, студентам и учащейся молодежи. Нальчик: Нарт, 1991.

Мизиев 1991 б – Мизиев И. М. О роли объективного освещения историко-этнографического наследия народов в современных межнациональных отношениях // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии / Под ред. Е. П. Алексеевой. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1991. С. 82-92.

Мизиев 1991 в – Мизиев И. М. Древнейшие этнокультурные пласти истории тюркских народов // Апсм. 1991. Вып. 1.

Мизиев 1992 – Мизиев И. М. Извращать историю аморально // Кабардино-Балкарская правда. 1992. 14 ноября. С. 6.

Мизиев 1994 – Мизиев И. М. В плена угасшей теории (о книге Х. Х. Биджиева «Тюрки Северного Кавказа») // Кабардино-Балкарская правда. 1994. 5 мая. С. 3.

Мизиев 1995 а – Мизиев И. М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII-XVIII вв. Пособие для учителей и краеведов. Нальчик: Эльбрус, 1995.

Мизиев 1995 б – Мизиев И. М. Глава 3 // История Кабардино-Балкарии. Учебное пособие для средней школы / Под ред. Т. Х. Кумыкова, И. М. Мизиева. Нальчик: Эльбрус, 1995.

Мизиев 1996 – Мизиев И. М. История Балкарии и Карабая с древнейших времен до походов Тимура. Нальчик: Эль-Фа, 1996.

Мизиев 1998 – Мизиев И. М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России // Ас-Алан. 1998. № 1. С. 1-100.

Мизиев 1999 – Мизиев И. М. Из истории поземельных споров между Балкарией и Кабардой // Ас-Алан. 1999. № 1 (2). С. 145-174.

Милитарев, Пейрос, Шнирельман 1988 – Милитарев А. Ю., Пейрос И. И., Шнирельман В. А. .Методические проблемы лингвоархеологических реконструкций этногенеза // Советская этнография. 1988. № 4. С. 24-38.

Миллер 1881-1887 – Миллер Вс. Осетинские этюды. М., 1881-1887. Т. 1-3.

Миллер 1893 – Миллер Вс. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа. 1893. Т. 3. С. 110-118.

Миллер. Ковалевский 1884 – Миллер Вс, Ковалевский М. В горских общинах Кабарды // Вестник Европы, год 19, кн. 4. С. 540-588.

Милорадович 1954 – Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV-XVI вв. // Советская археология. 1954. № 20. С. 343-346.

Минаева 1951 – Минаева Т. М. Из истории археологических обследований верховьев р. Кубань // Ученые записки Ставропольского пед. ин-та. 1951. Т. 7. С. 211-236.

Минеев 1991 – Минеев А. Ахиллесова пята России // Московские новости. 1991. 20 октября (№ 42).

Минкин 1996 – Минкин А. Особо опасный государственный преступник, особо глупый государственный деятель // Московский комсомолец. 1996. 23 января. С. 1.

Мирзоев 1998 – Мирзоев А. С. Институт наездничества «Зск1уэ» у адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX века. Авторсф. канд. дисс. М.: Б. п., 1998.

- Могилевкин 1996 – Могилевкин И. Россия недооценивает опасность, идущую с юга // Независимая газета. 1996. 15 сентября. С. 3.
- Моисеев 1971 – Моисеев Г. М. К истории решения земельного вопроса на Тереке // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та. 1971. Т. 28. С. 87-95.
- Монгайт 1963 – Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран / Под ред. В. И. Шункова. М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. С. 54-61.
- Мугуев 1931 – Мугуев Х.-М. Ингушетия. М.: Федерация, 1931.
- Мужухосв 1977 – Мужухоев М. В. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XII-XVII вв.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1977.
- Мужухоев 1979 – Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии / Под ред. М. Б. Мужухоева. Грозный: Чечено-Ингушский ин-т истории, социологии, филологии, 1979. С. 125-150.
- Мужухоев 1985 – Мужухоев М. Б. К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи Средневековья // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе / Под ред. М. М. Блиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1985. С. 72-82.
- Мужухоев 1988 – Мужухоев М. Б. Религии приходят и уходят... // Грозненский рабочий. 1988. 22 сентября. С. 3.
- Мужухоев 1989 – Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный: Книга. 1989.
- Мужухоев 1991 а – Мужухоев М. Б. Орстхойцы. Кто они? // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 15 января. С. 4.
- Мужухоев 1991 б – Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991.
- Мужухоев 1991 в – Этнические процессы на Центральном Кавказе в древности и в средние века // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 22-24.
- Мужухоев 1991 г – Мужухоев М. Б. Нахские народы: их происхождение // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 25 сентября. С. 2.
- Мужухоев 1992 а – Мужухоев М. Б. Проблема орстхойцев. Почему она возникла? // Республика. 1992. 18 декабря. С. 5; 25 декабря. С. 4.
- Мужухоев 1992 б – Мужухоев М. Б. Возрождение // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 21 октября. С. 3.
- Мужухосв 1995 – Мужухоев М. Б. Ингуши. Страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. Саратов: Детская книга, 1995.
- Мужухоева 1991 – Мужухоева Э.Д. Нарт-орстхойский эпос и вайнахи-плоскостники // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 47-48.
- Музаев 1995 – Музаев Т. Чеченская республика: органы власти и политические силы. М.: Панорама, 1995.
- Музаев 1999 – Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. М.: Панорама, 1999.
- Музаев, Тодуа 1992 – Музаев Т., Тодуа З. Новая Чечено-Ингушетия. М.: Панорама, 1992.
- Мукаев 1993 – Мукаев И. Терпение народа не беспредельно // Ичкерия. 1993. 14 января. С. 1, 3.
- Мунчаев 1964 – Мунчаев Р. М. К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова // Советская археология. 1964. № 1. С. 3-7.
- Мунчаев 1996 – Мунчаев Р. М. Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа / Под ред. Г. Е. Афанасьева. М.: ИА РАН, 1996. С. 3-4.
- Мунчаев 2004 – Мунчаев Р. М. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // Российская археология. 2004. № 1. С. 5-14.
- Мунчаев, Устинов 1997 – Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России: Учебник для вузов. М.: ИНФРА.М-НОРМА, 1997.
- Мунчаев, Устинов 2002 – Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России: Учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 2002.
- Муртазалиев 2003 – Муртазалиев В. Ю. Тридцать лет изгнания, бесправия и испытаний // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения / Под ред. В. Б. Убушаева. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. С. 85-88.
- Мусаев 1988 – Мусаев М. Так это было // Грозненский рабочий. 1988. 8 декабря. С. 3.
- Муталиев 1979 – Муталиев Т. Плечом к плечу // Грозненский рабочий. 1979. 14 июня. С. 3.
- Муталиев 1991 – Муталиев Т. Бастион лжи // Трагедия ингушского народа / Под ред. Ю. Тангиева. Грозный: Грозненский рабочий, 1991. С. 36-53.
- Мутотаев 1993 – Мутотаев Х. Г. Борода и революция // Республика. 1993. 12 марта. С. 6.
- На каком языке 1992 – На каком языке говорил библейский Авраам // Справедливость. 1992. № 27.

Нагоев 1974 – Нагоев А. Х. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник / Под ред. Г. Х. Мамбетова, М. Чеченова. Нальчик: Эльбрус, 1974. Вып. 1. С. 121-127.

Нагоев 1983 – Нагоев А. Х. Некоторые спорные вопросы истории и археологии средневековой Кабарды // Торжество ленинской национальной политики КПСС / Под ред. Г. Х. Мамбетова. Нальчик: КБНИИ, 1983. С. 168-175.

Накал 1989 – Накал публицистики – перестройке // Грозненский рабочий. 1989. 22 декабря. С. 3.

Наков 1951 – Наков М. О советском патриотизме трудящихся Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Нальчик: Кабардинское гос. изд-во, 1951. Вып. 1. С. 146-162.

Налов 1989 – Налов З. Возрождение // Грозненский рабочий. 1989. 21 октября. С. 2.

Наниев, Мякинин 1951 а – Наниев В., Мякинин В. Некоторые сведения о Дзауге – основателе аула Дзауджикуа // Социалистическая Осетия. 1951. 22 января. С. 4.

Наниев, Мякинин 1951 б – Наниев В., Мякинин В. Несколько слов о Дзауге // Max Дуг. 1951. № 3 (осет. яз.).

Нарочницкий 1978 – Нарочницкий А. Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Истоки великой дружбы / Под ред. А. И. Тацитова, Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1978. С. 16-39.

Нарочницкий 1979 – Нарочницкий А. Л. В единую семью соединившись... // Грозненский рабочий. 1979. 4 октября. С. 2-3.

Насардинов 1991 – Насардинов С. Лениногорская трагедия // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 7 марта. С. 4.

Насардинов 1995 – Насардинов С. Грозит ли республике фундаментализм // Московские новости. 1995. 21-28 мая. С. 8.

Насардинов 1996 – Насардинов С. Мифы о религии и политическая практика // Независимая газета. 1996. 23 февраля. С. 3.

Насыфи 1927 – Насыфи Д. А. Литовские татары как часть тюркского Востока // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 147-164.

Нахушев 1998 – Народы Карабаево-Черкесии: история и культура / Под ред. В. Ш. Нахушева. Черкесск: КЧРИПКРО, 1998.

Нашхоев 1992 – Нашхоев М. Характеристика истории // Ичкерия. 1992. 19 декабря. С. 4.

Не пора ли 1988 – Не пора ли внять здравомыслию? О митингах в г. Грозном и тех, кто подогревает страсти // Грозненский рабочий. 1998. 22 июля. С. 3.

Невская 1957 – Невская В. П. Карабаевцы // Народы Карабаево-Черкесии / Под ред. П. И. Балтина, М. М. Сакиева. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1957. С. 15-53.

Невская 1978 – Невская В. П. Умар Алиев и Ислам Тамбиев – первые историки-марксисты // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона / Под ред. Л. Н. Колесова и др. Грозный: Чечено-Ингушский ин-т истории, социологии, филологии, 1978. Вып. 1. С. 31-39.

Некрич 1978 – Некрич А. М. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978.

Некрич 1979 – Некрич А. М. Отрешись от страха. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1979.

Нераденко 1989 – Нераденко Т. Н. О связях племен кобанской культуры с Закавказьем и Передней Азией в конце II – начале 1 тыс. до н. э. // Кавказ и цивилизации Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 38-39.

Нечаева 1956 – Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. канд. дисс. М.: ИИМК, 1956.

Нечаева 1972 – Нечаева Л. Г. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин // Этническая история народов Азии / Под ред. С. М. Абрамзона, Р. Ф. Итса. М.: Наука. 1972. С. 267-292.

Нечаева 1975 – Нечаева Л. Г. О генетической связи аланско-осетинской культуры позднего Средневековья // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: СО НИИ, 1975. Т. 3. С. 35-40.

Нечипурнова 1971 – Нечипурнова И. С. Беспартийные конференции трудящихся Горской АССР в феврале 1924 г. // Известия СО НИИ. 1971. Т. 28. С. 159-171.

Николаев 1998 – Николаев В. «Русский бунт» в Адыгее // Независимая газета. 1998. 8 декабря. С. 14.

Никольский, Яковлев 1949 – Никольский В. К., Яковлев Н. Ф. Основные положения материалистического учения Н. Я. Марра о языке // Вопросы философии. 1949. № 1. С. 265-285.

Ницк 1885 а – Ницк П. По поводу столетия Владикавказа // Терские ведомости. 1885. 21 февраля. С. 2.

Ницк 1885 б – Ницк П. По поводу столетия Владикавказа // Терские ведомости. 1885. 3 марта. С. 1-2.

Новикова 1946 – Новикова А. Гробница Давида Сослана // Социалистическая Осетия. 1946. 9 июня. С. 3.

Новосельцев 1987 – История Северо-Осетинской АССР. С древнейших времен до наших дней / Под ред. А. П. Новосельцева. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. 1.

Новосельцев 1989 а – Новосельцев А. П. Комментарий // Грозненский рабочий. 1989. 19 октября. С. 2.

Новосельцев 1989 б – Новосельцев А. П. Выступление на круглом столе «Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность» // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 54-56.

Нунуев 1991 – Нунуев С.-Х. К вопросу о древней истории нахов // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 29-30.

Нунуев 1998 – Нунуев С.-Х. Нахи и священная история. Ярославль: Фонд «Ярославль-Ичкерия», 1998.

Нунуев 2003 – Нунуев С.-Х. Место вайнахской истории и культуры в диалоге цивилизаций // Осмаев М. К., Алироев И. Ю. История и культура вайнахов. М.: Acadcmia, 2003. С. 346-353.

Нухаев 2001 – Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон. М.: Арктогея-центр, 2001.

Нухаев 2002 – Нухаев Х.-А. Возвращение варваров. М.: Астрея-2000, 2002.

Нухаев 2003 – Нухаев Х.-А. Чечня и Россия: одно ценностное пространство – две общественные системы // Звезда. 2003. № 4. С. 168-189.

О гербе 2001 – Постановление парламента Кабардино-Балкарской республики «О Государственном гербе Кабардино-Балкарской Республики» 18 февраля 1997 г. // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Под ред. М. Н. Губогло, Х. Х. Сохрокова. М.; Нальчик: ЦИМО, 2001. Т. 1. С. 192.

О некоторых проблемах 1993 – О некоторых проблемах, связанных с реабилитацией репрессированных народов (1991 г.) // Так это было / Сост. С. У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 3. С. 267-271.

О работе СО НИИ 1932 – Постановление секретариата Северо-Осетинского обкома ВКП(б) «О работе Северо-Осетинского научно-исследовательского института» // Известия СО НИИ. 1932. Т. 4. С. III-IV.

О результатах 1992 – О результатах работы Комиссии Конгресса Кабардинского Народа по определению этнической границы между Кабардой и Балкарией // Кабардино-Балкарская правда. 1992.4 июля. С. 2.

Об итогах 1992 – Об итогах работы комиссии Национального Совета Балкарского народа по административно-территориальному устройству по вопросам определения этнической территории и этнических границ Баткарии // Кабардино-Балкарская правда. 1992. 15 июля. С. 3.

Об общественно-политической ситуации 1990. Об общественно-политической ситуации в республике // Социалистическая Осетия. 1990. 19-20 сентября. С. 1-2.

Об опере 1948 – Об опере «Великая дружба» В. Мурадели. Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. // Большевик. 1948. № 3. С. 10-14.

Обращение 1942 – Обращение антифашистского митинга представителей трудящихся Северного Кавказа к народам Северного Кавказа // Правда. 1942. 1 сентября. С. 3.

Обращение 1992 – Многонациональной Карачаево-Черкесии – мир и согласие. Обращение к жителям Карачаево-Черкесии // Российская газета. 1992. 13 марта. С. 2.

Обращение 1994 – Обращение Международной черкесской ассоциации к народам Северного Кавказа // Нарт (Нальчик). 1994. Май (№ 5). С. 1.

Обращение 1998. – Обращение Государственного Совета Балкарии к балкарскому народу // Балкария. 1998. № 2 (ноябрь). С. 1.

Обращение к вайнахскому народу 1992 – Обращение к вайнахскому народу, парламенту Чеченской Республики, президенту Чеченской Республики // Республика. 1992. 18 января. С. 2.

Обращение писателей 1993 – Обращение писателей к осетинскому народу // Северная Осетия. 1993. 1 апреля.

Обращение старейших представителей 1942 – Обращение старейших представителей кабардино-балкарского и чечено-ингушского народов ко всем трудящимся Кавказа // Правда. 1942. 22 сентября. С. 2.

Овчаров 1973 – Овчаров Г. Чувство семьи единой // Грозненский рабочий. 1973. 28 июня. С. 2.

Овхадов М. 2001 – Овхадов М. Итоги национальной политики советского периода и проблемы образования современной Чечни // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Дж. Дж. Гакаева, А. Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С. 202-225.

Огоев 1992 – Огоев В. «Верность» осетин социализму как кризис национального самосознания // Независимая газета. 1992. 8 июля. С. 3.

Огуз 1937 – Огуз О. Ворошиловск – новый краевой центр // Северный Кавказ (Варшава). 1937. № 38-40. С. 31-33.

Опрос 1992 – Подведены итоги опроса // Российская газета. 1992. 30 марта. С. 1.

Опрышко О. Л. 1996 – Опрышко О. Л. На изломе времен... Документальное повествование. Нальчик: Эльбрус, 1996.

Орел, Старостин 1989 – Орел В. Э., Старостин С. А. О принадлежности этруссского языка к восточнокавказской языковой семье // Кавказ и цивилизации Древнего Востока / Под ред. И. М. Дьяконова. Орджоникидзе: Ир, 1989. С. 105-106.

Организаторскую и политическую работу 1973 – Организаторскую и политическую работу – на уровень требований XXIV съезда КПСС // Грозненский рабочий. 1973. 3 апреля. С. 1-2.

Ортабасев, Тотоев 1988 – Ортабаев Б. Х., Тотоев Ф. В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4. С. 78-96.

Осмаев, Алироев 2003 – Осмаев М. К., Алироев И. Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003.

От редакции 1997 – От редакции // Балкарский форум. 1997. Январь.

Открытое письмо 1993 – Открытое письмо старейшинам ингушского народа // Северная Осетия. 1993. 9 апреля. С. 2.

Отчеты 1925 – Отчеты о деятельности Осетинского Историко-филологического общества за все время его существования // Известия Осетинского НИИ краеведения. 1925. Т. 1. С. 400-458.

Очень 1996 – Очень независимая Чечня // Московский комсомолец. 1996. 26 октября. С. 1.

Ошаев 1928 – Ошаев Х. Д. В сердце Чечни. Грозный: Серло, 1928.

Пайн, Попов 1995 а – Пайн Э., Попов А. «Да здравствует революция!» // Известия. 1995. 7 февраля.

Пайн, Попов 1995 б – Пайн Э., Попов А. Криминальный режим // Известия. 1995. 8 февраля.

Панкратов, Чертков 1983 – Панкратов В., Чертков В. Одна родня // Правда. 1983. 9 марта.

Панкратов, Чертков 1990 – Панкратов В., Чертков В. Снято заклятие // Правда. 1990. 6 октября. С. 2.

Панов 1999 – Панов В. Г. Дремлющий вулкан Юга России // Независимая газета. 1999. 10 июля.

Партийная забота 1973 – Партийная забота о коммунистическом воспитании населения республики // Грозненский рабочий. 1973. 30 ноября. С. 1-2.

Патиев 2002 а – Патиев Я. С. Республика Ингушетия: начало пути // Ас-Алан. 2002. № 1 (6). С. 21-38.

Патиев 2002 б – Патиев Я. С. Республике Ингушетия – 10 лет (1992-2002). Магас: Сердало, 2002.

Пачегина 1994 а – Пачегина Н. Адыгея производит обмен с Краснодарским краем // Независимая газета. 1994. 10 июня. С. 3.

Пачегина 1994 б – Пачегина Н. Стороны продолжают упорствовать // Независимая газета. 1994. 16 апреля. С. 1.

Перепелкин 1994 – Перепелкин Л. С. Чеченская Республика: современная социально-политическая ситуация // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 3-15.

Перечень 1989 – Перечень просьб, регулярно повторяющихся в почте ЦК КПСС по вопросам межнациональных отношений // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 162-165.

Першиц, Семенов, Шнирельман 1994 – Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 1-2.

Петренко 1979 – Петренко В. А. Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н. э. – IV в. н. э. как этнический показатель // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979. С. 27-34.

Петров 2004 – Петров А. Россия глазами арабского мира // Независимая газета. 2004. 1 сентября.

Петрович 1994 – Петрович А. Казаки и Северный Кавказ // Независимая газета. 1994. 4 июня. С. 5.

Петровский 2004 – Петровский О. Десять лет позорному штурму Грозного // Утро-ру. 2004. 26 ноября (<http://www.utro.ru/pcrcdovica/>)

Петровский 2000 – Петровский О. На Кавказе идет охота на евреев // Новое русское слово. 2000. 10 мая. С. 5.

Пикман 1990 – Пикман А. М. Полемики просто не было // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 187-189.

Пиотровский 1995 – Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995.

Пихоя 1998 – Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991. М.: Изд-во Российской академии гос. службы, 1998.

Пленумы 1973 – Пленумы партийных комитетов // Грозненский рабочий. 11 апреля. С. 1.

Плиев 1995 – Плиев Р. Впервые «Олимп» и «Кентавр» прозвучали на Кавказе // Сердало. 1995. 12 сентября.

Плиев 2001 – Плиев Р. Заявление // Ас-Алан. 2001. № 1. С. 192-196.

Плисецкий 1931 – Плисецкий М. С. Осетины. Исторический очерк // Религиозные верования народов СССР / Под ред. В. К. Никольского. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. Т. 2. С. 140-141.

Повышать боеспособность 1973 – Повышать боеспособность первичных парторганизаций // Грозненский рабочий. 1973. 3 августа. С. 2.

Повышать действенность 1974 – Повышать действенность идеологической работы // Грозненский рабочий. 1974. 30 июня. С. 1-2.

Погибель 1988 – Погибель Г. Ищем истину. Размышление над письмами // Грозненский рабочий. 1988. 9 сентября. С. 2.

Погосова 2004 – Погосова И. «Я из наручников постоянно выскользывала» // Известия. 2004. 27 февраля. С. 1, 6-7.

Погребенко 1941 – Погребенко Н. Темные дела профессора Кокиева // Социалистическая Осетия. 1941. 12 апреля. С. 3.

Погребнов 1993 – Погребнов Г. Война // Шпион. 1993. №. 1. С. 3-15.

Подколзин, Иванов 1992 – Подколзин А. И., Иванов Д. В. Письмо председателю исполкома съезда Чеченского народа Л. С. Умхаеву // Справедливость. 1992. Март (№ 5). С. 5.

Пожидаев 1926 – Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.

Политбюро 2001 – Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестка дня заседаний, 1919-1952. Каталог. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 3: 1940-1952.

Политическая оценка 1994 – Политическая оценка (проект) Совета Безопасности Российской Федерации обстоятельств вооруженного конфликта на территориях Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики в октябре-ноябре 1992 г. // Независимая газета. 1994. 23 марта. С. 5.

Поль 2002 – Поль М. «Неужели эти земли нашей могилой станут?» Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944–1957 гг.) // Диаспоры. 2002. № 2. С. 158-204.

Поль 2004 – Поль М. «Планета ста языков». Этнические отношения и советская идентичность на целине // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 5-33.

Польская 1960 – Польская Е. Мавзолей аланского военачальника // Молодой коммунист (Орджоникидзе). 1960. 19 октября. С. 4.

Поляков 1996 – Поляков Л. Арийский миф. Исследование истоков расизма. Пг.: Евразия, 1996.

Полян 2001 – Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001.

Пономарев 1990 – Пономарев В. Общественные волнения в СССР: от XX съезда КПСС до смерти Брежнева. М.: ИЦ «Азия» и «Левый поворот», 1990.

Пономарева 1975 – Пономарева И. З. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. 1975. Вып. 11. С. 3-17.

Пономарева 2003 – Пономарева К. Башни, падающие вверх // Осмаев М. К., Алиров И. Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003. С. 358-360.

Попов 1996 – Попов К. П. Алагир. Владикавказ: Ир, 1996.

Поппер 1992 – Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 1-2.

Поркешян 1960 – Поркешян Х. А. Происхождение балкарцев и карачаевцев в свете летописи Хачатура Кафаец // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 153-185.

Потапов 1957 – Потапов Л. П. Ленинская национальная политика в действии // Советская этнография. 1957. № 5. С. 10-30.

Поэгли 1996 – Поэгли В. Чеченский календарь на 1996 год // Московский комсомолец. 1996. 17 октября. С. 3.

Праздник 1946 – Праздник кабардинского народа // Правда. 1946. 1 сентября.

Пригородный район 1997 – Пригородный район: выбор цели. Владикавказ: Иристон, 1997.

Программа 1992 – Программа возрождения адыгской культуры // Кабардино-Балкарская правда. 1992. 10 июля. С. 3.

Прозуменшиков 1997 – Прозуменшиков М. «Националистические элементы постоянно провоцировали выступления». Как накалялась обстановка в Чечено-Ингушетии // Источник. 1997. № 4. С. 48-64.

Против фальсификации 1952 – Против фальсификации истории Осетии и осетинской литературы // Социалистическая Осетия. 1952. 15 июня. С. 2.

Путилов 1948 – Путилов Б. И. Основные задачи собирания и изучения фольклора Грозненской области // Известия Грозненского областного института и музея краеведения, 1947 (Грозный). 1948. Вып. 1. С. 63-83.

Путилов 1953 – Путилов Б. П. Кавказская война в песнях терского казачества // Известия Грозненского областного краеведческого музея. 1953. Вып. 5. С. 62-71.

Пчелина 1928 а – Пчелина Е. Г. [Рсц.: Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Ч. 1] // Печать и революция. 1928. Кн. 3. С. 150-153.

Пчелина 1928 б – Пчелина Е. Г. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. 4. С. 408-426.

Пчелинцева, Самарина 1995 – Пчелинцева И. Д., Самарина Л. В. Карачай в контексте новой исторической реальности. М.: ИЭА, 1995.

Пятый пленум 1952 – Пятый пленум Северо-Осетинского обкома ВКП(б) // Социалистическая Осетия. 1952. 20 апреля. С. 2-3.

Разгон 1941 – Разгон И. Э. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе, 1917-1920 гг. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.

Разум 1990 – Разум – выше эмоций // Социалистическая Осетия. 1990. 27 июля. С. 3.

Ракович 1911 – Ракович Д. В. Прошлое Владикавказа. Краткая историческая справка ко дню пятидесятилетнего юбилея города 1861 г. Владикавказ. 1911.

Рамазанов, Шигабудинов, Шихсаидов 1990 – Рамазанов Х. Х., Шигабудинов М. Ш., Шихсаидов А. Р. Борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. Г. Г. Гамзатова. Махачкала: Дагестанское книгоиздательство, 1990. С. 12-28.

Рамонов 1992 – Рамонов А. На равных // Северная Осетия. 1992. 9 июля.

Раскопки 1946 – Раскопки в Северной Осетии // Заря Востока. 1946. 21 июня. С. 3.

Ратушняк 1996. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996.

Рсвязова 1941 – Ревазова Е. О двух сборниках документов по истории Северной Осетии // Социалистическая Осетия. 1941. 5 мая. С. 4.

Резолюция 1967 – Резолюция сессии // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 325-326.

Решение 1960 – Решение сессии // О происхождении балкарцев и карачаевцев/ Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 310-311.

Решительно бороться 1960 – Решительно бороться с пережитками прошлого // Социалистическая Осетия. 1960. 2 июля. С. 1.

Ржаницына 1975 – Ржаницына В. А. Совещание, посвященное созданию многотомных трудов по истории Северного Кавказа и Закавказья // История СССР. 1975. № 5. С. 218-220.

Робакидзе 1986 – Робакидзе А. И. К вопросу о формах поселения в горной Чечне // Очерки этнографии горной Чечни / Под ред. А. И. Робакидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1986. С 3-9.

Рогов, Виноградов, Марченко 1997 – Рогов Е. Я., Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 93-103.

Родов, Шапиро 1938 – Родов С, Шапиро Л. Чечено-Ингушская АССР. Политико-экономический очерк. Грозный: Чечинггосиздат, 1938.

Романов 1989 – Романов В. Страсти и рассудок // Грозненский рабочий. 1989. 2 декабря. С. 3.

Ротарь 1997 а – Ротарь И. Ситуация в республике обостряется // Независимая газета. 1997. 2 сентября.

Ротарь 1997 б – Ротарь И. Теракты в Хасавюрте – не случайность // Независимая газета. 1997. 3 сентября.

Ротарь 1997 в – Ротарь И. «Война на территории Дагестана фактически неизбежна» // Независимая газета. 1997. 11 сентября.

Ротарь 1997 г – Ротарь И. Таджикская и чеченская смуты // Независимая газета. 1997. 15 мая. С. 5.

Ротарь 1999 – Ротарь И. Ислам и война. М.: АИРО-ХХ, 1999.

Ротарь 2000 – Ротарь И. Вторая жизнь средневекового рабства // Независимая газета. 2000. 29 апреля 2000. С. 5.

Ротарь 2001 а – Ротарь И. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М.: АИРО-ХХ, 2001.

Ротарь 2001 б – Ротарь И. Миры наших дней // Независимая газета. 2001. 28 февраля. С. 16.

Ртвеладзе 1976 — Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный, 1976. Т. 4. С. 103-128.

Рубрук 1957 — Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1957.

Рыбаков 1994 — Рыбаков Б. А. Глубокие корни — могучая крона // Российская провинция. 1994. № 2. С. 14-18.

Рыбкин 1997 — Рыбкин И. П. Кто боится Чечни // Аргументы и факты. 1997. № 27 (июль). С. 3.

Ряшенцев 1952 — Ряшенцев К. О некоторых ошибках доцента К. Е. Гагкаева // Социалистическая Осетия. 1952. 27 января. С. 2.

Сабанчиев 2003 — Сабанчиев Х.-М. А. Правовое положение балкарцев на спецпоселении // Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения / Под ред. В. Б. Убушасва. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2003. С. 91-93.

Савенко 1979 — Савенкo С. И. О раннем этапе аланской культуры Северного Кавказа // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979. С. 58-63.

Сагаипов 1989 — Сагаипов А. Объединяет правда // Грозненский рабочий. 1989. 28 января. С. 3.

Сайдов 1992 — Сайдов И. М. Истоки. Краткая этнографическая справка о казаках // Справедливость. 1992. № 9. С. 3.

Сайдуллаев 2002 — Сайдуллаев М. М. Чеченскому роду нет переводу. М.: ИПП Ковиан, 2002.

Сайдцелиман 1996 — Сайдцелиман С. Хроника геноцида чеченского народа и его право на самоопределение. Махачкала: Юпитер, 1996.

Саламов 1962 — Саламов А. А. К истории нашей Чечено-Ингушетии // Грозненский рабочий. 1962. 20 июля. С. 3-4.

Саламов 1964 — Саламов А. А. Создать очерки истории народов Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ. 1964. Т. 4. Вып. 1 (история). С. 5-9.

Саламов и др. (ред.) 1964 — Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940 гг.) // Известия Чечено-Ингушского НИИ / Под ред. А. А. Саламов и др. 1964. Т. 4. Вып. 1 (история).

Салигов 1992 — Салигов Л. Простите братья, но истина дороже... // Справедливость. 1992. Апрель (№ 8). С. 3-4.

Самир 1995 — Самир Х. Аланы и ассы в мамлюкском Египте // Дарьял. 1995. № 1. С. 211-231.

Самойлович 1926 — Самойлович А. Н. Кавказ и турецкий мир. Баку: Издание Общества обследования и изучения Азербайджана, 1926.

Сампиев 2002 — Сампиев И. Социологический опрос жителей Республики Ингушетия о возможности объединения Ингушетии и Чечни в Чечено-Ингушскую Республику // Ас-Алан. 2002. № 1 (6). С. 39-44.

Санакоев 1971 — Санакоев М. П. Историография истории Осетии. Цхинвали: Ирыстон, 1971.

Сангариев 1976 — Сангариев С. В кривом зеркале // Грозненский рабочий. 1976. 11 января. С. 3.

Сапрыков 1995 — Сапрыков В. Символы Северной Осетии — Алании // Наука и жизнь. 1995. № 9. С. 27-29.

Сахаров, Боханов 2003 — Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России в XVII-XIX вв.: Учебник для 10-го класса средних общеобразовательных учебных заведений. М.: Русское слово, 2003.

Северная Осетия 1982 — Северная Осетия за годы десятой пятилетки. Орджоникидзе: Ир, 1982.

Северная Осетия 1990 — Северная Осетия: на перекрестке эпох // Социалистическая Осетия. 1990. 7 июня. С. 3; 8 июня. С. 3.

Северная Осетия 1995 — Северная Осетия: проблемы дня // Фыдыбæстæ. 1995. № 4 (август).

Северный Кавказ 1942 — Северный Кавказ // Правда. 1942. 2 сентября. С. 1.

Сейнароев 1992 — Сейнароев Б. Чеченец друг, но Пригородный район Владикавказа дороже // Справедливость. 1992. Апрель (№ 8). С. 5-6.

Семенов 1925 — Семенов Л. П. Государственный научный музей гор. Владикавказа при Северо-Кавказском институте краеведения. Владикавказ: Северо-Кавказский ин-т краеведения, 1925.

Семенов 1928 а — Семенов Л. П. Чах Ахриев // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. 1928. Т. 1. С. 261-270.

Семенов 1928 б — Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-1927 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ. 1928. Т. I.C. 187-216.

Семенов 1928 в — Семенов Л. П. Эволюция ингушских святилищ // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. 4. С. 454-461.

Семенов 1928 г – Семенов Л. П. Мавзолей Борга-Каш // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С. 217-232.

Семенов 1930 – Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1928 и 1929 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1930. Т. 2-3. С. 365-410.

Семенов 1934 – Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930-1932 гг. // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1934. Т. 4. №2. С. 143-191.

Семенов 1947 – Семенов Л. П. Из истории города Дзауджиана. Дзауджиана: Гос. изд-во СО АССР, 1947.

Семенов 1948 – Семенов Л. П. Археологические раскопки в Северной Осетии // Известия СО НИИ. 1948. Т. 12. С. 44-136.

Семенов 1949 – Семенов Л. П. Нартские памятники Северной Осетии // Нартский эпос. Дзауджиана: Гос. изд-во Северной Осетии, 1949. С. 48-79.

Семенов 1952 – Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 110-121.

Семенов 1956 – Семенов Л. П. Брагунский мавзолей // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1956. Т. 17. С. 196-206.

Семенов 1957 – Семенов Л. П. Нартский эпос и памятники материальной культуры // Нартский эпос. Материалы совещания 16-20 октября 1956 г. / Под ред. В. И. Абаева и др. Орджоникидзе: Осетинское книжное изд-во, 1957. С. 82-90.

Семенов 1963 – Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963.

Семенов 1988 – Семенов Л. П. Архитектура и изобразительное искусство чеченцев и ингушей древней поры // Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа / Под ред. М. А. Тахо-Годи. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1988. С. 25-30.

Семенов, Кацуев 1948 – Семенов Л. П., Кацуев А. Г. Музей краеведения Северной Осетии (1897-1947). Дзауджиана: Госиздат Северо-Осетинской АССР, 1948.

Семенов, Тедтоев 1957 – Семенов Л. П., Тедтоев А. А. Город Орджоникидзе (краткий исторический очерк). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1957.

Семенов 1895 – Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Типография А. Хомского, 1895.

Семибраторов, Катыхин 1982 – Семибраторов Ю., Катыхин В. В интересах процветания автономных республик // Социалистическая Осетия. 1982. 1 июня. С. 2-3.

Семин, Старков 1991 – Семин Ю. Н., Старков О. Ю. Кавказ, 1942-1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 35-43.

Сергеев 1960 – Сергеев Б. Сущность языческих праздников // Молодой коммунист (Орджоникидзе). 1960. 19 июня. С. 2-3.

Сигаури 1997 – Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997.

Сидаков 1989 – Сидаков Ю. С. Правда о репрессиях // Социалистическая Осетия. 1989. 18 мая. С. 2.

Скачко 1923 – Скачко А. К вопросу о колонизации окраин // Жизнь национальностей. 1923. № 2. С. 13-18.

Скитский 1944 – Скитский Б. В. Из прошлого города Дзауджиана // Социалистическая Осетия. 1944. 19 марта (№ 55). С. 2.

Скитский 1947 – Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджиана: Северо-Осетинское гос. изд-во, 1947.

Скитский 1949 – Скитский Б. В. Нартский эпос как исторический источник // Нартский эпос. Дзауджиана: СО НИИ, 1949. С. 21-34

Скитский 1951 – Скитский Б. В. К вопросу о написании истории осетинского народа // Социалистическая Осетия. 1951. 1 декабря. С. 3.

Скитский 1959 – Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1959. Т. 1. Вып. 1 (история). С. 157-196.

Скитский 1960 – Борис Васильевич Скитский (некролог) // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1960. Т. 22. Вып. 4 (история). С. 218-219.

Сланов 1995 – Сланов И. А. Национально-государственное строительство в Северной Осетии // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.) / Под ред. Н. Ф. Бугая и др. Майкоп: Меоты, 1995. С. 140-167.

Смирнов 1948 – Смирнов А. П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным // Ученые записки Кабардинского Научно-исследовательского института. Нальчик, 1948. Т. 4. С. 65-90.

Смирнов 1950 – Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 113-125.

Смирнов 1953 – Смирнов К. Ф. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры // Советская археология. 1953. Вып. 17. С. 133-148.

Смирнов 1975 – Смирнов К. Ф. Сарматские катаомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катаомбам Северного Кавказа // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: СО НИИ, 1975. Т. 3. С. 13-20.

Смирнов 1951 – Смирнов Н. А. Кабарда и реакционное восстание Шейха Мансура накануне русско-турецкой войны 1787-1791 гг. // Сборник по истории Кабарды. Нальчик: Кабардинское гос. изд-во, 1951. Вып. 1. С. 81-114.

Смирнов, Крупнов 1949 – Смирнов Н. А., Крупнов Е. И. Очерки по истории Кабарды. Т. 1. План-конспект // Ученые записки Кабардинского НИИ. 1949. Т. 5. С. 315-325.

Смирнов и др. 1957 – История Кабарды с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Смирнова и др. М.: Изд-во АН СССР 1957.

Смирнов и др. 1967 – Очерки истории Чечено-Ингушской АССР / Под ред. Н. А. Смирнова и др. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1967. Т. 1.

Смирнова 1993 – Смирнова Я. С. Карабаево-Черкесия: geopolитическая и этнокультурная ситуация. М.: ИЭА, 1993.

Смычников 1959 – Смычников Д. Памятник старины. Столетие владикавказской крепости // Социалистическая Осетия. 1959. 11 февраля. С. 4.

Собиратели 1951 – Собиратели отжившей старины // Правда. 1951. 10 октября. С. 2.

Советский историк 1973 – Советский историк – боец идеологического фронта // Грозненский рабочий. 1973. 4 августа. С. 2-3.

Совместное заявление 1994 – Совместное заявление Русского Национального Собора, патриотических сил России и Национального движения Чеченской Республики Ичкерии // За русское дело. 1994. № 6. С. 1.

Современное положение 1949 – Современное положение и задачи советского языковедения // Известия АН СССР, отделение литературы и языка. 1949. Т. 8. Вып. 6. С. 502-508.

Созаев 2000 – Созаев К. Г. Кто мы родом: осетины или аланы? (К истории происхождения этнонимов осетинского народа). Владикавказ: СОГУ, 2000.

Соколов 1936. Кабардинский фольклор / Под ред. Ю. М. Соколова. М.; Л.: Academia, 1936.

Сокуров 1976 – Сокуров В. И. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII-XVIII веке // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии / Под ред. Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 1976. Вып. 10. С. 27-40.

Сокуров 1994 – Сокуров В. Н. Из истории кабардино-балкарских отношений: факты опровергают концепции // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Под ред. И. Л. Бабич. М.: ЦИМО, 1994. Т. 2. С. 35-42 (по газ.: Хасэ. 1992. № 3).

Сокуров 1995 – Сокуров В. Н. Было ли присоединение Кабарды к России в 1557 г. // История и историки / Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1995. С. 134-137.

Солдатова 1994 – Солдатова Г. У. Этничность и конфликты на Северном Кавказе // Конфликтная этничность и этнические конфликты / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 126-142.

Соловьев 1998 – Соловьев Л. Я. «Вера в Аллаха укрепила наш дух» // Вайнах сегодня. 1998. № 1-3. С. 48-51.

Сотаев 1960 – Сотаев А. Х. Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трсскова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 81-95.

Сохов 1991 – Сохов В. К. Об общественно-политическом положении в Кабардино-Балкарской ССР // Кабардино-Балкарская правда. 1991. 18 декабря. С. 1-2.

Спивак 1996 – Спивак П. Евразийство: соблазн // Родина. 1996. № 9. С. 24-27.

Спиркин 1949 – Спиркин А. Г. Научная сессия, посвященная 85-летию со дня рождения и 15-летию со дня смерти Н. Я. Марра // Вопросы философии. 1949. № 3. С. 326-336.

Струве 1947 – Струве В. В. Арийская проблема // Советская этнография. М.; Л.: АН СССР, 1947. Вып. 6-7. С. 117-124.

Станкевич 1992 – Станкевич С. Б. Держава в поисках себя // Независимая газета. 1992. 28 марта. С. 4.

Старцева 1988 – Стариева Н. О «национальных болестях», подлинных и мнимых // Грозненский рабочий. 1988. 13 августа. С. 3.

Строго 1973 – Строго по закону // Грозненский рабочий. 1973. 11 апреля. С. 3.

Сукунов, Сукунова 1992 – Сукунов Х. Х., Сукунова И. Х. Черкешенка. Майкоп: Адыгея, 1992.

Сулаев 1979 – Сулаев М. Два века назад // Грозненский рабочий. 1979. И августа. С. 2.

Сулейманов 1978 – Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1978. Ч. 2: Горная Ингушетия, горная Чечня.

Сулейманов 1997 – Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. Нальчик: Эль-Фа, 1997.

Сулейменов 1975 – Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата: Жазушты, 1975.

Сулейменов 2002 – Сулейменов О. Тюрки в доистории (о происхождении древнетюркского письма) // Ас-Алан. 2002. № 3 (8). С. 249-547.

Султанов 1998 – Султанов К. Дагестан в лабиринте кризиса // Кавказский дом. 1998. № 6-7. С. 44-45.

Сумбулатов 1992 – Сумбулатов А. Откуда мы произошли... // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 21 октября. С. 3.

Сусуев 1999 – Сусуев З. Мы – народ без права на выбор? // Голос Чеченской Республики. 1999. 25 февраля. С. 1-2.

Сухотин 1952 – Сухотин В. П. Труды тов. Сталина по языкоznанию и задачи научных работников и преподавателей языковедческих дисциплин // Социалистическая Осетия. 1952. 17 мая. С. 3.

Сухотин, Серебренников, Джикаева 1951 – Сухотин В. П., Серебренников Б. А., Джикаева А. За творческую разработку проблем языкоznания // Правда. 1951. 15 декабря. С. 2.

Такоев 1926 – Такоев С. А. К истории революционного движения на Тереке // Известия Осетинского НИИ краеведения. 1926. Вып. 2. С. 309-386.

Тамарин, Земфиров 1994 – Тамарин Я., Земфиров В. Историческая справка о г. Владикавказе и Пригородном районе Северо-Осетинской ССР // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 12-42.

Тамбиев 1931 – Тамбиев И. Карабай прежде и теперь. Ростов-на-Дону: Изд-во «Северный Кавказ», 1931.

Тамбиев 1933 – Тамбиев И. Заметки по истории Балкарии // Революция и горец. 1933. № 1-2. С. 58-69.

Танкиев 1991 – Танкиев А. Х. К вопросу отражения в нартском эпосе сведений о древневайнахском этносе // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 32-34.

Танкиев 1996 – Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / Под ред. А. Х. Танкиев. Саратов: Детская книга, 1996.

Танкиев 2002 – Танкиев А. Х. Хвост «троянского коня». О вреде книги Г. З. Анчабадзе «Вайнахи (чеченцы и ингуши)» // Научный вестник Ингушского государственного университета. 2002. № 1. С. 94-101.

Тарасов 1997 – Тарасов С. На Северном Кавказе чеченцев не считают «победителями» // Литературная газета. 1997. 24 сентября. С. 2.

Тахо-Годи 1988 – Тахо-Годи М. А. Л. П. Семенов – ученый-интернационалист // Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа / Под ред. М. А. Тахо-Годи. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1988. С. 3-7.

Тебуев 1997 – Тебуев Р. С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев: документы рассказывают / Сост. Р. С. Тебуев. Черкесск: Карачаево-Черкесский ин-т гуманитарных исследований при правительстве КЧР, 1997. С. 12-43.

Тебуев, Хатус 2002 – Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002.

Тедтоев А. 1941 – Тедтоев А. Из истории завоевания Осетии царизмом // Социалистическая Осетия. 1941. 20 июня. С. 2.

Тернистый путь 1992 – Тернистый путь к свободе. Грозный: Книга, 1992.

Техиева, Хатуев 1988 – Техиева Х., Хатуев А. Память хранит // Грозненский рабочий. 1988. 20 декабря. С. 3.

Техов 1977 – Техов Б. В. Центральный Кавказ в 16-10 вв. до н. э. М: Наука, 1977.

Техов 1993 – Техов Б. В. Осетины – древний народ Кавказа (Истоки. Культура. Этнос). Цхинвал: Ирыстон, 1993.

Техов 1994 а – Техов Б. В. Кобан и гальштат (конец II – начало I тыс. до н. э.) // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена / Под ред. А. А. Магометова. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1994. С. 62-66.

Техов 1994 б – Техов Б. В. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению. М.: Менеджер, 1994. Вып.1. С. 4-20.

Техов 1995 – Техов Б. В. В. А. Кузнецов мне друг – но истина дороже // Южная Осетия. 1995. 5 ноября.

Тиболов 1925 – Тиболов А. А. Единый литературный язык для всех ветвей осетинского народа // Известия Осетинского НИИ краеведения. 1925. Т. 1. С. 119-126.

Тимерханов 2004 – Тимерханов Ю. К вопросу о происхождении осетин // Ингушетия. 2004. 25 мая (№ 58). С. 3.

- Тимофеева 2004 – Тимофеева О. «Населенного пункта Хайбах в Чечено-Ингушской АССР нет» // Известия. 2004. 18 марта. С. 5.
- Тихвинский 1986 – Тихвинский С. Л. Состояние и задачи координации исторических исследований // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 3-15.
- Тишков 2001 а – Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
- Тишков 2001 б – Тишков В. А. Слова и образы в постконфликтной реконструкции // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Дж. Дж. Гакаева, А. Д. Яндарова. М.: ИЭА, 2001. С. 49-72.
- Тишков 2002 – Тишков В. А. Чеченский дискурс как идеология крайностей (анализ СМИ в условиях конфликта) // Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 75-106.
- Тишков 2003 а – Тишков В. А. Восстановление культуры через гражданское содействие // Осмаев М. К., Апироев И. Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003. С. 313–316.
- Тишков 2003 б – Тишков В. А. Реквием по этносу. МЛ: Наука, 2003.
- Тишков 2005 – Тишков В. А. Об антропологии как дисциплине в российской традиции // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 6-7.
- Тишков, Беляева, Марченко 1995 – Тишков В. А., Беляева Е. Л., Марченко Г. В. Чеченский кризис. М.: Центр комплексных социальных исследований и маркетинга, 1995.
- Ткаченко 1996 – Ткаченко А. А. Турецкие народы: возрождение или развитие // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 65-75.
- Тменов 1975 – Тменов В. Х. Выступление // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: СОН ИИ, 1975. Т. 3. С. 100-103.
- Тменов, Бесолова, Гонобоблев 2000 – Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гонобоблев Е. Н. Религиозные воззрения осетин (история религии в истории народа). Владикавказ: Владикавказский научный центр РАН, 2000.
- Торчинов 1999 – Владикавказ – Дауджикуа. Краткий историко-краснодарский справочник / Сост. В. А. Торчинов. Владикавказ: Северо-Осетинский научный центр, 1999.
- Тотоев 1939 – Тотоев М. С. К составлению истории осетинского народа // Социалистическая Осетия. 1939. 9 августа. С. 2.
- Тотоев 1951 – Тотоев М. С. Усилить борьбу с пережитками капитализма и феодально-родового быта в сознании людей // Социалистическая Осетия. 1951. 5 января. С. 2.
- Тотоев 1967 а – Тотоев М. С. Выдающийся ученый кавказовед // Уч. зап. Северо-Осетинского гос. педагогического ин-та. 1967. Т. 27. Вып. 1. С. 237-248.
- Тотоев 1967 б – Тотоев М. С. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 276-281.
- Тотоев 1968. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Уч. пособие для учителей истории и учащихся старших классов школ Северо-Осетинской АССР / Под ред. М. С. Тотоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. пед. ин-т, 1968.
- Тотоев, Джанаев 1948 – Тотоев М., Джанаев А. О книге Б. В. Скитского «Очерки по истории осетинского народа» // Социалистическая Осетия. 1948. 16 января. С. 3.
- Тотоев 1994 – Тотоев Ф. В. Размышления об ингушском вторжении // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 82-87.
- Тотоев 1995 – Тотоев Ф. В. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет / Под ред. Л. Б. Дзугасва и др. Владикавказ. 1995. С. 10-36.
- Тощенко 2003 – Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность. М.: РОССПЭН, 2003.
- Трайнин 1923 – Трайнин И. О племенной автономии // Жизнь национальностей. 1923. № 2. С. 19-26.
- Трани 2003 – Трани Ю. П. Будущее России и Америки: продолжительный «чеченский» урок // Звезда. 2003. № 1. С. 152-154.
- Трапавлов 1998 – Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны / Под ред. В. В. Трапавлова. М.: ИРИ РАН, 1998.
- Трапавлов 2000 – Война и ислам на Северном Кавказе. XIX-XX вв. / Под ред. В. В. Трапавлова. М.: ИРИ РАН, 2000.
- Трапавлов 2004 – Трапавлов В. В. [Рец.: Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации (М, 2004)] // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 162-164.
- Третий пленум 1981 – Организационную, идеино-воспитательную работу – на уровень требований XXVI съезда КПСС // Ленинское знамя (Черкесск). 1981. 23 июня. С. 1-5.
- Третьяков 1953 – Третьяков П. Н. Произведения И. В. Сталина о языке и языкоизнании и некоторые вопросы этногенеза // Против вульгаризации марксизма в археологии / Под ред. А. Д. Удальцова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 19-50.

Туаева 1997 – Туаева Н. Ю. Традиционные нравственные нормы осетин // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 304-311.

Туганов 1925 – Туганов М. С. Кто такие наарты // Известия Осетинского НИИ Краеведения. 1925. Т. 1. С. 371-378.

Тульчинский 1903 – Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. 1903. Вып. 5. С. 152-216.

Туманов 1913 – Туманов К. М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис: Типография канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1913.

Туркаев 1988 – Туркаев Х. Братья Мутушевы // Грозненский рабочий. 1988. 25 августа. С. 3.

Турчанинов 1946 – Турчанинов Г. Ф. Письменные памятники средневековой Кабарды // Кабардинская правда. 1946. 25 августа. С. 2.

Турчанинов 1947 – Турчанинов Г. Ф. Эпиграфические заметки //

Известия АН СССР, отделение литературы и языка. 1947. Т. 6. Вып. 6. С. 509-520.

Турчанинов 1948 – Турчанинов Т. Ф. Эпиграфические заметки // Известия АН СССР, отделение литературы и языка. 1948. Т. 7. Вып. 1. С. 77-81.

Турчанинов 1957 – Турчанинов Г. Ф. Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея // Советская археология. 1957. № 1. С. 250-251.

Турчанинов 1960 а – Турчанинов Т. Ф. Трусовская осетинская сирийско-неосторианская надпись первой половины XIV столетия // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1960. Т. 22. Вып. 1. С. 41-57.

Турчанинов 1960 б – Турчанинов Г. Ф. Дополнение к чтению трусовской осетинской сирийско-неосторианской надписи первой половины XIV столетия // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1960. Т. 22. Вып. 1. С. 58-59.

Турчанинов 1960 в – Турчанинов Г. Ф. Древнейшая, IV в. н. э., осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1960. Т. 22. Вып. 4 (история). С. 189-195.

Турчанинов 1967 – Турчанинов Т. Ф. Выступление // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджисва. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 271-275.

Турчанинов 1971 – Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971.

Турчанинов 1982 – Турчанинов Т. Ф. О себе и науке, которую я представляю // Вопросы кавказской филологии и истории (к 80-летию доктора филологических наук Г. Ф. Турчанинова) / Под ред. А. М. Гутова. Нальчик: Кабардино-Балкарский ИИФЭ, 1982. С. 6-11.

Турчанинов 1990 – Турчанинов Г. Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ: Ир, 1990.

Тусиков 1926 – Тусиков М. Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ: Типография Ингушетии, 1926.

У истории 1989 – У истории правда одна // Грозненский рабочий. 1989. 12 февраля. С. 4.

Уа'ларий (Фриаты В. Х.) 1997 – Ключ к прочтению Священных Писаний. СПб.: Б. и., 1997.

Уарзиати 1985 – Уарзиати В. С. Осетино-ингушские этнокультурные контакты в материальной культуре // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе / Под ред. М. М. Блиева. Орджоникидзе: Северо-осетинский гос. ун-т, 1985. С. 83-103.

Уарзиати 1996 – Уарзиати В. С. Средневековый герб аланс-осетин // Осетия XX век / Под ред. Р. Тотрова. Владикавказ: Рухс, 1996. Вып. 1. С. 10-25.

Улаков 1960 – Улаков З. М. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 274-275.

Улигов 1966 – Улигов У. Талантливый историк // Кабардино-Балкарская правда. 1966. 5 апреля. С. 4.

Улучшить 1973 – Улучшить идеально-политическую работу, усилить интернациональное воспитание трудящихся // Грозненский рабочий. 1973. 23 мая. С. 1-2.

Ульбашев 1960 – Ульбашев И. Л. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 280-282.

Умалатов 2001 – Умалатов У. Чечня глазами чеченца. М.: Единство, 2001.

Умаров 1992 – Умаров И. Боже, царя сохрани, или Парадоксы чеченской революции // Ичкерия. 1992. 29 сентября. С. 2.

Умаров 1968 – Умаров С. Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего Средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный, 1968. Т. 2. С. 223-251.

Умаров 1975 – Умаров С. Ц. Основные черты материальной культуры позднесредневековой горной Чечни (Х-XVI вв.) // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии / Под ред. В. А. Кузнецова. Орджоникидзе: СОНИИ, 1975. Т. 3. С. 58-62.

Умаров 1978 – Умаров С. Ц. Кому это на пользу? // Грозненский рабочий. 1978. 3 сентября. С. 2.

Умаров 1988 – Умаров С. Ц. Л. П. Семенов о культурно-историческом единстве народов Центрального Кавказа // Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа / Под ред. М. А. Тахо-Годи. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-ет, 1988. С. 31-36.

Умаров 1989 – Умаров С. Ц. Долг памяти народной // Грозненский рабочий. 1989. 28 октября. С. 2.

Умаров 1994 – Умаров С. Ц. О роли исламского фактора в освободительной борьбе народов Чечено-Ингушетии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, Ин-т языка, литературы и искусства, 1994. С. 198-200.

Унжесв 1991 – Унжев К. Гелиос, не доверяй же свою колеснице Фаэтону// Кабардино-Балкарская правда. 1991. 13 декабря. С. 3.

Урусов 1993 – Урусов К. С.-Б. К истории рода Урусовых. М.: Наука, 1993.

Усманов 1997 – Усманов Л. Непокоренная Чечня. М.: Парус, 1997.

Фадеев 1960 – Фадеев А. В. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 293-297.

Фаргиев 1989 – Фаргиев Х. А. Выступление на I съезде народных депутатов СССР// Известия. 1989. 30 мая. С. 2-3.

Фаттахов 1990 – Фаттахов Ш. Ф. Зеленчукская эпитафия. Календарь древних критян (?) // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности / Под ред. Х. Р. Курбатова. Казань: ИЯЛИ, 1990. С. 43-61.

Фаттахов 1995 – Фаттахов Ш. Ф. Булгары – городское племя? // Проблемы лингвострановедения татарского народа / Под ред. М. З. Закиева. Казань: Фан, 1995. С. 84-132.

Федоров, Федоров 1978 – Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978.

Феникс 1973 – «Феникс» исповедуется // Грозненский рабочий. 1973. 14 августа. С. 3.

Филькин 1974 – Филькин В. И. Расчеты, построенные на песке... // Грозненский рабочий. 1974. 19 мая. С. 2-3.

Филькин 1989 – Филькин В. И. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1989.

Фицпатрик 2001 – Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 2001.

Фокин 1995 – Фокин В. А. Северная Осетия и Ингушетия: проблемы и возможные решения // Кентавр. 1995. № 3. С. 82-95.

Фотеев 1985 – Фотеев В. К. Воспитывать патриотов, интернационалистов // Грозненский рабочий. 1985. 13 октября. С. 1-2.

Фотеев 1988 а – Фотеев В. К. Утверждать принципы социалистической демократии и гласности // Грозненский рабочий. 1988. 6августа. С. 1-2.

Фотеев 19886 – Фотеев В. К. Отчет о работе Чечено-Ингушского областного комитета КПСС // Грозненский рабочий. 1988. 11 декабря. С. 1-4.

Фурман 1999 – Фурман Д. Е. Самый трудный народ для России // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 5-18.

Хабичев 1970 – Хабичев М. А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // Советская тюркология. 1970. № 2. С. 64-69.

Хабичев 1980 – Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1980.

Хабичев 1981 – Хабичев М. А. Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков / Под ред. М. А. Хабичева. Ставрополь: СГПИ, 1981. С. 3-50.

Хабичев 1982 – Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1982.

Хабичев 1987 – Хабичев М. А. Некоторые итоги дешифровки западнотюркских рунических надписей // Анализы текстов по истории татарского литературного языка / Под ред. М. З. Закиева, Х. Р. Хурбатова. Казань: ИЯЛИ, 1987. С. 20-43.

Хадарцева 1995 – Хадарцева А. А. Становление и развитие осетинского литературоведения // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет / Под ред. Л. Б. Дзугаева и др. Владикавказ, 1995. С. 85-108.

Хаджилаев 1970 – Хаджилаев Х.-М. И. Очерки кабардино-балкарской лексикологии. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1970.

Хадзиев 1991 – Хадзиев Ю. Италия (древние этруски и римляне) // Республика. 1991. 5 сентября.

Хадзиев 1992 а – Хадзиев Ю. Италия: Древняя Этруния

Хадзиев 1992 б – Хадзиев Ю. Древневайнахские мотивы ранней истории римлян // Республика. 1992. 15 мая.

Хадиков 1997 – Хадиков Х. Х. Некоторые этнопсихологические проблемы межэтнических отношений в полиглоссическом регионе // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 193-201.

Хадиков, Декинова 1997 – Хадиков Х. Х., Декинова Т. В. К вопросу о психологическом анализе осетино-ингушских отношений // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 451-455.

Халилов 1984 – Халилов А. М. Развитие национального и интернационалистского сознания советских народов в период развитого социализма // Научный коммунизм. 1984. № 2. С. 61-69.

Халилов 1988 – Халилов А. М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. № 5. С. 32-37.

Хамдохова 1997 – Хамдохова Ж. М. Взаимодействие соседствующих культур как фактор урегулирования конфликтов // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 166-171.

Хамидова 1998 – Хамидова З. Жизнь, отданная народу // Вайнах сегодня. 1998. № 1-3. С. 52-59.

Хамидова 1999 – Хамидова З. Борьба за язык (проблемы становления и развития чеченского языка) // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 128-149.

Хамицаева Т. А. 1995 – Хамицаева Т. А. Итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет / Под ред. Л. Б. Дзугаева и др. Владикавказ, 1995. С. 61-84.

Хамицев, Каргаев 1993 – Хамицев В. Л., Каргаев Т. «Несущим бремя мое...» // Отчизна. 1993. Январь. № 2 (14). С. 1.

Хамчиев 1996 – Хамчиев С. Хронология истории ингушского народа. Саратов: Детская книга, 1996.

Ханаху, Цветков 1995 – Ханаху Р. А., Цветков О. М. Исторический феномен в современном преломлении // Социс. 1995. № 11. С. 59-62.

Хасанов 1994 – Хасанов Н. Къарча. Ёмюрлени тахсасы. Черкесск, 1994 (карач. яз.).

Хасиев 1991 – Хасиев С. А. Время в этническом мышлении чеченцев // Проблемы происхождения нахских народов / Под ред. М. Б. Мужухоева. Шатой: Министерство культуры ЧИР, 1991. С. 46-47.

Хатаев 1997 – Хатаев А. П. Эшелон беспроприя. М.: Виоланта, 1997.

Хаттон 2003 – Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003.

Хатуев 1999 – Хатуев Х. Волк готовится к прыжку // Независимая газета. 1999. 26 марта. С. 5.

Хачиров 1989 – Хачиров А. К. Кто мы? Еще раз о национальном самосознании // Социалистическая Осетия. 1989. 12 ноября. С. 6.

Хачирти 2002 – Хачирти А. К. Аланика – культурная традиция (историко-культурное исследование). Владикавказ: Иристон, 2002.

Хашиев, Хашиева, Хашиев, Газдиев 1996 – Хашиев Н., Хашиева П., Хашиев М., Газдиев М. Через язык – к своим корням // Ингушетия. 1996. 5, 7 сентября.

Хестанов 1996 – Хестанов К. А. В казачьем братстве // Аланта. 1996. № 10 (ноябрь).

Хетагуров 1996 – Хетагуров Т. Слово о словах (заметки начинающего языковеда) // Фыдыбæстæ. 1996. № 6 (ноябрь).

Хизриев 1974 – Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура // Известия Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. 1974. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. С. 3-18.

Хизриев 1984 – Хизриев Х. А. География походов Тимура на Северный Кавказ // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом / Сост. Ш. Б. Ахмадов, Я. З. Ахмадов. Грозный: ЧИ ИИСФ, 1984. С. 24-39.

Хизриев 1992 а – Хизриев Х. А. Кавказцы против Тимура. Грозный: Книга, 1992.

Хизриев 1992 б – Хизриев Х. А. История государственности чеченцев // Ичкерия. 1992. 12 октября. С. 1.

Хизриев 2005 – Хизриев Х. А. Первый договор о мире и сотрудничестве между Чечней и Россией 1588 г. и его прогрессивные последствия // Доклад на Всероссийской научной конференции «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность», организованной ИЭА РАН, Москва, 19-20 апреля 2005 г.

Хмара, Голотвин 1995 – Хмара Н., Голотвин Ж. О национальном районировании на Северном Кавказе в 20-30-е годы // Обозреватель. 1995. № 7-8. С. 98-108.

Ходорковский 1999 – Ходорковский М. В королевстве кривых зеркал // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 19-39.

Хожаев 1991 а. Живая память (о жертвах сталинских репрессий) / Сост. Д. Хожаев. Грозный: Книга, 1991.

- Хожаев 1991 б – Хожаев Д. Аланский историк из чеченцев // Республика. 1991. 14 февраля. С. 5.
- Хожаев 1993 а – Хожаев Д. Еще раз об орстхойцах // Республика. 1993. 20 февраля. С. 5.
- Хожаев 1993 б – Хожаев Д. Чеченцы на левобережье Терека // Ичкерия. 1993. 15 июня. С. 3.
- Христианович 1928 – Христианович В. П. Горная Ингушия. Ростов-на-Дону: Б. и., 1928.
- Хроника 1928 – Хроника. Ингушский научно-исследовательский институт краеведения // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С. 438-445.
- Хроника 1957 – Хроника совещания по нартскому эпосу // Нартский эпос. Материалы совещания 16-20 октября 1956 г. / Под ред. В. И. Абаева и др. Орджоникидзе: Осетинское книжное изд-во, 1957. С. 214-230.
- Хроника 1962 – Хроника. Аланские надписи из Подонья // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1962. Т. 23. Вып. 1. С. 201.
- Хунагов 1999 – Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...» Депортация народов юга России. 20-50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999.
- Хутуев 1994 – Хутуев Х. И. Справка экспертной группы Национального Совета Балкарского Народа «Об этнической территории и этнических границах Бадкарии» // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Под ред. И. Л. Бабич. М.: ЦИМО, 1994. Т. 2. С. 253-275 (по газ.: Тере. 1992. № 23).
- Цагаева 1967 – Цагаева А. Д. Вопросы этногенеза осетин по данным топонимики // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 226-233.
- Цалиев 1994 – Цалиев А. Об основном Законе и названии Республики // Северная Осетия. 1994. 5 августа. С. 2.
- Цалиев, Келехсаев 1996 – Цалиев А. М., Келехсаев Д. А. Истоки нерушимой дружбы. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1996.
- Цаллаев 1991 – Цаллаев Х. Гражданин города Владикавказа // Социалистическая Осетия. 1991. 14 июня. С. 3.
- Цалыккаты 1924 – Цалыккаты А. Задачи горской интеллигенции // Кавказский горец (Прага). 1924. № 1. С. 44-48.
- Царапкина 2001 – Царапкина Е. С мыслью о «Великой Черкесии» // Литературная газета. 2001. 25 апреля – 1 мая. С. 4.
- Цариев 1994 – Цариев А. Слово документам или кто есть кто // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 58-70.
- Цветков 1998 – Цветков В. Вторая кавказская война // Родина. 1998. № 2. С. 23-26.
- Цибиров 1989 – Цибиров Г. И. Развитие науки и научных учреждений в Северной Осетии в переходный период (1917-1937 гг.) // Северная Осетия: история и современность / Под ред. А. Г. Кучиева. Орджоникидзе: СО НИИ, 1989. Вып. 1. С. 174-187.
- Цораев 1960 – Цораев М. М. Выступление // О происхождении балкарцев и карачаевцев / Под ред. И. В. Трескова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960. С. 265-273.
- Цуциев 1994 а – Цуциев А. А. Исторические аспекты территориального конфликта между Ингушской Республикой и Республикой Северная Осетия // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 181-191.
- Цуциев 1994 б – Цуциев А. А. Межэтнические конфликты в Северо-Кавказском регионе // В тумане над пропастью. Владикавказ: Ир, 1994. С. 113-128
- Цуциев 1995 – Цуциев А. А. Некоторые предпосылки и факторы осетино-ингушского конфликта // Северная Осетия. Этнополитические процессы / Под ред. Л. К. Гостиевой, А. Б. Дзадзиева. М.: ЦИМО, 1995. Т. 3. С. 36-61.
- Цуциев 1998 а – Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. М.: РОССПЭН, 1998.
- Цуциев 1998 б – Цуциев А. А. Развитие идентификационной структуры в северокавказском периферийном поясе // Вестник института цивилизаций (Владикавказ). 1998. Вып. 1. С. 61-66.
- Цымбурский 2001 – Цымбурский В. Северная Осетия в первой половине 90-х: попытка государственности в geopolитических и социофункциональных ракурсах // Этнический национализм и государственное строительство / Под ред. Ю. Г. Атксандрова. М.: Наталис, 2001. С. 97-177.
- Чагаева 1993 – Чагаева Т. Ад, который пришлось пройти // Республика. 1993. 12 октября. С. 5.
- Частные эмоции 1989 – Частные эмоции или общественный интерес? // Социалистическая Осетия. 1989. 12 мая. С. 3.
- Чахкиев 1979 – Чахкиев Д. Ю. О территории и этнической основе зарождения башен с пирамидальным венчанием на Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1979. С. 151-156.

Чахкиев 1985 – Чахкиев Л. Ю. Общие и специфические черты в башенном строительстве Чечено-Ингушетии и Северной Осетии // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе / Под ред. М. М. Блиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1985. С. 103-111.

Чахкиев 1998 – Чахкиев Д. Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Памятного могильника горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии / Под ред. Д. Ю. Чахкиева. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 15-27.

Чахкиев 1988 – Чахкиев С. И. Словом можно поднять, словом можно убить // Грозненский рабочий. 1988. 18 декабря. С. 3.

Чахкиев 1991 а – Чахкиев С. И. Идрис Зязиков: верой и правдой // Голос Чечено-Ингушетии. 1991. 26, 30 апреля, 1, 5 мая.

Чахкиев 1991 б – Чахкиев С. И. Идрис Зязиков: верой и правдой. Грозный: Б. и., 1991.

Чачашвили 1955 – Чачашвили Г. А. Вопросы этнографии Кавказа // Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. 1955. Т. 1. С. 493-501.

Чвырь 1996 – Чвырь Л. А. Проблема оседло-кочевнического диалога в древней Средней Азии // Азия – диалог цивилизаций / Под ред. Б. А. Литвинского, Е. В. Антоновой. СПб.: Гиперион, 1996. С. 383-433.

Чеджемов 1993 – Чеджемов С. Р. Из истории родного края. Методическое пособие в помощь учителю. Владикавказ: Ир, 1993.

Челехсаты 1994 – Осетия и осетины / Сост. К. Челехсаты. Владикавказ: Ир, 1994.

Чентиева 1958 – Чентиева М. Д. История чеченско-ингушской письменности. Грозный: Чеченско-ингушское книжное изд-во, 1958.

Червонная 1999 – Червонная С. М. Карачаево-балкарский мир Северного Кавказа: современная этно-политическая ситуация // Ас-Алан. 1999. № 1 (2). С. 7-144.

Червонная 2001 – Червонная С. М. Возвращение «пантюркизма»? (намерения, мифы, реальность) // Ас-Алан. 2001. № 1 (4). С. 280-324.

Чергизбиев 1990 – Выступление // Второй съезд ингушского народа / Под ред. А. У. Костоева. Грозный: Книга, 1990. С. 179-183.

Черкасова 1952 – Черкасова Е. Т. Обсуждение статьи «За творческую разработку проблем языкоznания», помещенной в «Правде» // Вопросы языкоznания. 1952. № 2. С. 156-159 (перепечатана в газ.: Социалистическая Осетия. 1952. 10 июня).

Чернов 1995 – Чернов И. Допустим, Чечню отпустили «на волю»... // Труд. 1995. 24 января. С. 2.

Черчесов 1998 – Черчесов А. Г. «Земля величиной с почтовую марку» в контексте «глобальной деревни» // Вестник института цивилизаций (Владикавказ). 1998. Вып. 1. С. 129-137.

Чеснов 1994 – Чеснов Я. В. Чеченцем быть трудно. Тайпы, их прошлое и роль в настоящем // Независимая газета. 1994. 22 сентября.

Чеснов 1999 – Чеснов Я. В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 63-101.

Чеченов 1967 – Чеченов И. М. О социально-экономических предпосылках формирования осетинского народа // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджеева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 234-242.

Чеченов 1988 – Чеченов И. М. К историографии ранней этнической истории Северного Кавказа // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа / Под ред. В. А. Кузнецова. Махачкала, 1988. С. 4-6.

Чеченов 1990 – Чеченов И. М. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // Советская археология. 1990. №4. С. 144-153.

Чеченская Республика 1995 – Чеченская Республика (Население, экономика, история). Все о Чечне и ее народе. Грозный, 1995.

Чечня и чеченцы 2001 – Чечня и чеченцы. Гудермес: Фонд «Низам», 2001.

Чибиров 1990. История южных осетин / Под ред. Л. А. Чибирова. Цхинвали: Ирыстон, 1990.

Чибиров 2003 – Чибиров Л. А. Новая книга по культурологии осетин. www.darial-online.ru/2003_4/chibirov.shtml

Читая 1955 – Читая Г. С. О задачах кавказской советской этнографии // Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. 1955. Т. 1. С. 375-385.

Чичинадзе 1993 – Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал: Научный отдел культурного центра АМН, 1993.

Чокаев 1964 – Чокаев К. З. Суффиксальное образование топонимических названий в вейнахских языках // Труды Чечено-Ингушского НИИ. 1964. Т. 9. С. 49-63.

Чокаев 1990 – Чокаев К. З. Где жил Прометей? // Комсомольское племя. 1990. 13 декабря.

Чокаев 1992 – Чокаев К. З. Орстхойцы. Кто они? // Голос Чечено-Ингушетии. 1992. 21 февраля. С. 2.

- Чокаев 1996 – Чокаев К. З. Наши матери и сестры // Вайнах сегодня. 1996. № 1. С. 21.
- Чомаев 1972 – Чомаев К. И. О природе этнических предубеждений // Вопросы национальной психологии / Под ред. С. М. Арутюняна. Черкесск: Карачаево-Черкесская областная типография, 1972. С. 150-175.
- Чомаев 1993 – Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993.
- Чомаев 1998 – Чомаев К. Зачем нас тянут в Бермудский треугольник? // Карабаево-Балкарский мир. 1998. № 6 (сентябрь).
- Чочиев б. г. – Чочиев А. Р. Уроки игры на бойне.
- Чочиев 1996 – Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М.: Акалис, 1996.
- Чочиев 2000 – Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М: Акалис, 2000. Кн. 2.
- Чочиев 2001 – Чочиев А. Р. Панорама Школа-Цхинвал – разворот ранней истории евразийской цивилизации. Джеджыкау: Иристон, 2001.
- Чочиев 1997 – Чочиев Г. В. Проблема депатриации северокавказской диаспоры: современное состояние и перспективы // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 424-431.
- Чукуа 1936 – Чукуа М. Советское казачество // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 23. С. 14-19.
- Чхеидзе б. г. – Чхеидзе К. А. События, встречи, мысли. Рукопись. Pamatnik Narodniho Pismenictvi, Praha. Literarny Archiv. Fond Ccheidze. Pamcti.
- Шабаев 1994 – Шабаев Д. В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1994.
- Шайхиев 1993 – Шайхиев А. Этот горький огненный орешек // Ичкерия. 1993. 19 января. С. 1-2.
- Шамаев 1992 – Шамаев М. Народ устал. Открытое письмо президенту Чеченской республики Джохару Дудаеву// Республика. 1992. 11 января. С. 9.
- Шаманов 2003 – Шаманов И. М. Литературное наследие И. Тамбиева // Тамбиев И. Х. О Карачае и Балкарии. Ставрополь: Сервисшкола, 2003. С. 3-32.
- Шаманов, Тамбиева, Абрекова 1999 – Шаманов И. М., Тамбиева Б. А., Абрекова Л. О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск: КЧФ МОСУ, 1999.
- Шамилев 1963 – Шамилев А. И. Религиозные культуры чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1963.
- Шамилев 1969 – Шамилев А. И. В ущельях Аргуна, Фортанги и на плоскости Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИ. 1969. Т. 8. Вып. 1. С. 237-242.
- Шамиров 1994 – Шамиров Х. О языке и письменности адыгов // Нарт. 1994. Апрель (№ 4). С. 3.
- Шанаев 1988 – Шанаев В. Терек – река дружбы // Грозненский рабочий. 1988. 13 сентября. С. 2.
- Шаова 1993 – Шаова С. Кто не помнит прошлого // Республика. 1993. 29 октября. С. 5.
- Шарашидзе 1967 – Шарашидзе Л. П. Об антропологическом взаимоотношении осетинского и чечено-ингушского народов // Происхождение осетинского народа / Под ред. Х. С. Черджиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967. С. 247-249.
- Шафиев 1968 – Шафиев Н. А. К вопросу о происхождении и расселении кабардинцев // Ученые записки Адыгейского НИИ ЯЛ И. 1968. Т. 8. С. 373-382.
- Шаханов 1991 – Шаханов Б. А. Избранная публицистика. Нальчик: Эльбрус, 1991.
- Шахбиев 1996 – Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. М.: Россия молодая, 1996.
- Шахрай 2000 – Шахрай С. Выход из чеченского тупика // Аргументы и факты. 2000. № 30. С. 2.
- Шевелев 1996 – Шевелев М. Пир непобежденных // Московские новости. 1996. 24 ноября – 1 декабря. С. 8.
- Шевченко 1998 – Шевченко М. Экс-министр правды // Независимая газета. 1998. 19 декабря. С. 11.
- Шенгелая и др. 1991 – Шенгелая Э. и др. Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов. Тбилиси: Общество «Полна» имени И. Чавчавадзе Республики Грузия, 1991.
- Шерматова 1999 а – Шерматова С. Военные тайны соперников // Московские новости. 1999. 18-24 мая. С. 6.
- Шерматова 1999 б – Шерматова С. Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурмана. М.: Фонд Андрея Сахарова, 1999. С. 399-425.

- Шерстобитов 1974 – Шерстобитов В. П. Проблемы интернационализма в исторической науке // История СССР. 1974. № 6. С. 3-20.
- Шестаков 1991 – Шестаков В. Выжить можно только вместе // Кабардино-Балкарская правда. 1991. 4 декабря. С. 2.
- Шестаков 1991 – Шестаков О. По обе стороны Терека // Политика. 1991. Сентябрь (№ 13). С. 13.
- Шиллинг 1931 – Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР / Сост. В. К. Никольский. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. Т. 2. С. 9-40.
- Шнирельман 1980 – Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980.
- Шнирельман 1986 – Шнирельман В. А. Демографические и этно-культурные процессы эпохи первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1986. С. 427-489.
- Шнирельман 1989 – Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989.
- Шнирельман 1992 – Шнирельман В. А. Хозяйственно-культурные типы и парадоксы этнического самосознания: прагматизм против иррационализма // Исследования по первобытной истории / Под ред. А. И. Першица. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 208-233.
- Шнирельман 1993 – Шнирельман В. А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52-68.
- Шнирельман 1995 – Шнирельман В. А. Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. 1995. № 6. С. 3-13.
- Шнирельман 1996 – Шнирельман В. А. Борьба за алансское наследие // Восток. 1996. № 5. С. 100-113.
- Шнирельман 1999 а – Шнирельман В. А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2-3. С. 6-33.
- Шнирельман 1999 б – Шнирельман В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Македония: проблемы истории и культуры / Под ред. Р. П. Гришиной. М.: Ин-т славяноведения, 1999. С. 9-24.
- Шнирельман 2000 а – Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этно-центристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. М. Б. Олкотт, А. Малашенко. М.: Гендальф, 2000. С. 12-33.
- Шнирельман 2000 б – Шнирельман В. А. В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники // Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе / Под ред. К. Пелленса и др. М: ИВИ РАН, 2000. С. 151-166.
- Шнирельман 2001 а – Шнирельман В. А. Назад к язычеству? Триумфальное шествие неоязычества по просторам Евразии // Неоязычество на просторах Евразии / Под ред. В. А. Шнирельмана. М.: Библейско-Богословский ин-т, 2001. С. 130-169.
- Шнирельман 2001 б – Неоязычество на просторах Евразии / Под ред. В. А. Шнирельмана. М.: Библейско-Богословский ин-т, 2001.
- Шнирельман 2003 – Шнирельман В. А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003.
- Шнирельман 2004 а – Шнирельман В. А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004.
- Шнирельман 2004 б – Шнирельман В. А. Мультикультурализм и историческое образование // Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы) / Под ред. Н. Багдасаровой и др. Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 2004. С. 71-83.
- Штанько 1948 – Штанько Н. И. История города Грозного // Известия Грозненского областного института и музея краеведения, 1947 (Грозный). 1948. Вып. 1. С. 89-128.
- Штанько 1950 – Штанько Н. И. Выявление и изучение исторических и археологических памятников в Грозненской области // Известия Грозненского областного института и музея краеведения (Грозный). 1950. Вып. 2-3. С. 173-175.
- Шубин 2001 – Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917-1985 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
- Щеблыкин 1928 – Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1928. Т. 1. С. 271-298.
- Щербак 2001 – Щербак А. М. Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования. СПб.: Наука, 2001.
- Эльмурзаев 1964 – Эльмурзаев С. Ч. Новые данные о чечено-ингушских нарт-эртсхоевых сказаниях // Труды Чечено-Ингушского НИИ. 1964. Т. 9. С. 129-137.
- Эсамбаев 1989 – Эсамбаев М. Мой разговор с внуком // Грозненский рабочий. 1989. 4 февраля. С. 4.
- Этенко 1972 – Этенко Л. Ленинская национальная политика и народы Северного Кавказа // Грозненский рабочий. 1972. 16 мая. С. 2-3.
- Этногенез 1997 – Этногенез карачаевцев и балкарцев. Карачаевск, 1997.

Эфендиев 1997 – Эфендиев С. И. Культурно-исторические традиции горских народов и проблема стабилизации межнациональных отношений // Национальные отношения и межнациональные конфликты / Под ред. Х. Х. Хадикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1997. С. 159-165.

Юсупов 1964 – Юсупов П. И. Коммунистическая партия в борьбе по претворению в жизнь ленинских принципов национальной политики в Чечено-Ингушетии (1921-1925 гг.) // Известия ЧИ НИИ ИЯЛ. 1864. Т. 5. Вып. 1 (история). С. 54-87.

Юсупов 1999 – Юсупов М. Орстхойцы: кто они? // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1999. № 26 (июль-август). С. 60-61.

Языкова 1999 – Языкова А. А. Возможна ли «балканизация» Северного Кавказа? Выступление в Центре Карнеги 13 июля (Архив автора). 1999.

Яковлев 1925 – Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.: Гос. изд-во, 1925.

Яковлев 1927 – Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный: Чечнаобраз, 1927 (переиздана в: Многоликая Ингушетия / Под ред. М. С.-Г Ачбогачиевой. СПб.: АЙЮ, Федосеев, 1999. С. 5-36).

Яковлев 1928 – Яковлев И. Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. 1928. Т. КС. 195-204.

Якубов 1999 – Якубов С. Победить в борьбе умов // Голос Чеченской Республики. 1999. 28 января. С. 2-3.

Ямсов 1998 – Ямсов А. Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт // Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе / Под ред. М. Олкотта и А. Малашинко. М.: Карнеги Центр, 1998. С. 168-197.

Яндарбиев 1988 – Яндарбиев Х. Нужна вся правда // Грозненский рабочий. 1988. 17 декабря. С. 4.

Яндарбиев 1991 – Яндарбиев Х. Заговор молчания после преступления века // Зеркало (Республика). 1991. 23 февраля. С. 6.

Яндаров, Заурбекова 2001 – Яндаров А., Заурбекова Г. О некоторых парадоксалистских тенденциях в сепаратистском конфликте // Чечня: от конфликта к стабильности / Под ред. Дж. Дж. Гакаева, А. Д. Яндарова. М: ИЭА, 2001. С. 148-170.

Яндаров 1929 – Яндаров Х. История чеченской письменности // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1929. Т. 2. С. 263-276.

Яндиев 1996 – Яндиев А. Д. Жизнь, отданная народу. Саратов: Детская книга, 1996.

Яндиев 1999 – Яндиев А. Д. Владикавказ. Неизвестные страницы истории города. Саратов: Детская книга, 1999.

Яндиев 2003 – Яндиев А. Д. Они стояли у истоков. Магас: Сердало, 2003.

Яндиева 2001 – Яндиева М. О Вассан-Гирее Джабаги // Ас-Алан. 2001. №2 (5). С. 315-318.

Яндиева 2002 а – Яндиева М. Ингуши во Второй мировой войне // Ас-Алан. 2002. № 1 (6). С. 45-79.

Яндиева 2002 б – Яндиева М. «Между Сциллой и Харибдой», или Первые альтернативные выборы президента Ингушетии // Ас-Алан. 2002. № 3(8). С. 83-140.

Æsson 1935 а – Заметки к статье А. Кундуха «Была ли у иронов (осетин) письменность» // Северный Кавказ (Варшава). 1935. № 11-12. С. 29-30.

Æsson 1935 б – «В начале бе Ирон» // Северный Кавказ (Варшава). 1935. № 16. С. 22-23.

/Æsson 1935 в – К вопросу о нартовском эпосе // Северный Кавказ (Варшава). 1935. № 20. С. 11-17.

Æsson 1936 – Герои нартовских сказаний // Северный Кавказ (Варшава). 1936. № 21. С. 14-17.

Almond 1994 – Almond Mark Europe's backyard war. The war in the Balkans. London: Mandarin, 1994.

Alonso 1988 – Alonso Ana Maria. The effect of truth: representations of the past and the imaging of community // Journal of historical sociology. 1988. Vol. I. № LP. 39-45.

Alonso 1994 – Alonso Ana Maria. The politics of space, time and substance: state formation, nationalism, and ethnicity // Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 379-405.

Altstadt 1991 – Altstadt Audrey L. Rewriting Turkic history in the Gorbachev era // Journal of Soviet Nationalities. Vol. 2. № 2. P. 73-90.

Anderson 1991 – Anderson Benedict. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso, 1991.

Appadurai 1988 – Appadurai Arjun. Putting hierarchy in its place // Cultural Anthropology. Vol. 3. № 1. P. 36-49.

Archer 1991 – Archer Jeff. Ambiguity in political ideology: aboriginally as nationalism // The Australian Journal of Anthropology. 1991. Vol. 2. № 1. P. 161-169.

Ardener 1987 – Ardener Edwin. Remote areas: some theoretical considerations // Anthropology at home / Ed. by Anthony Jackson. London: Tavistock, 1987. P. 38-54.

Armstrong 1982 – Armstrong John A. Nations before nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982.

Armstrong 1992 – Armstrong John A. The autonomy of ethnic identity: historic cleavages and nationality relations in the USSR // Thinking theoretically about Soviet nationalities. / Ed. by A. Motyl. N. Y.: Columbia University Press. P. 23-43.

Armstrong 1997 – Armstrong John A. Religious nationalism and collective violence // Nations and nationalism. 1997. Vol. 3. № 4. P. 597-606.

Aslanbek 1952 – Aslanbek M. Karacay ve Malkar Turklerinin faciasi. Ankara: Qankaya Matbaasi, 1952.

Assmann 1995 – Assmann Jan. Ancient Egyptian antijudaism: a case of distorted memory // Memory distortion / Ed. by Daniel L. Schacter. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 365-376.

Atkinson, Banks, O'Sullivan 1996 – Nationalism and archaeology/ Ed, by Atkinson John, Banks Iain, O'Sullivan Jerry/ Glasgow: Cruithne Press, 1996.

Avtorkhanov 1992 – Avtorkhanov Ahdurahman. The Chechens and the Ingush during the Soviet period and its antecedents // The North Caucasus barrier. The Russian advance towards the Muslim world / Ed. by M. Bennigsen Broxup. London: Hurst & Co, 1992. P. 146-194.

Ballinger 2003 – Ballinger Pamela. History in exile. Memory and identity at the borders of the Balkans. Princeton: Princeton University Press, 2003.

Balzcr 1995 – Baker Marjorie M. Introduction: What's «native» about non-Russian anthropology // Culture incarnate: native anthropology from Russia / Ed. by Marjorie Balzer. New York: M. E. Sharpe, 1995. P. 3-28.

Banac 1992 – Banac Ivo. Historiography of the countries of Eastern Europe: Romania // The American Historical Review. 1992. Vbl. 97. № 4. P. 1084-1104.

Baraclough 1978 – Baraclough Geoffrey. Main trends in history. New York: Holmes & Meier, 1978.

Barth 1969 – Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference / Ed. by Fredrik Barth. Oslo: Universitetsforlaget, 1969.

Barylski 1994 – Barylski Robert V. The Russian Federation and Eurasia's Islamic crescent // Europe-Asia studies. 1994. Vol. 46. № 3. P. 389-416.

Baumann 1999 – Baumann Gerd. The multicultural riddle. Rethinking national, ethnic, and religious identities. New York: Routledge. 1999.

Bax 1995 – Bax Mart. Mejdugorje: religion, politics and violence in rural Bosnia. Amsterdam: VU University Press, 1995.

Behdad 1994 – Behdad AH. Belated travelers: Orientalism in the age of colonial dissolution. Durham: Duke University Press, 1994.

Beidelman 1964 – Beidelman T. O. Intertribal insult and opprobrium in an East African chiefdom (Ukaguru) // Anthropological Quarterly. 1964. Vol. 37. № 2. P. 33-52.

Beissinger 2002 – Beissinger Mark R. Nationalist mobilization and the collapse of the Soviet state. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Benjamin 1969 – Benjamin Walter. Illuminations. N.-Y: Schocken, 1969.

Bennett 1995 – Bennett Christopher. Yugoslavia's bloody collapse: causes, course and consequences. London: Hurst & Co, 1995.

Bennigsen 1986 – Bennigsen Alexandre. Soviet minority nationalism in historical perspective // The last empire. Nationality and the Soviet future / Ed. by Robert Conquest. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. P. 131-150.

Bennigsen, Broxup 1983 – Bennigsen Alexandre, Broxup Marie. The Islamic threat to the Soviet State. New York: St. Martin's Press, 1983.

Bennigsen 1992a – Bennigsen Broxup Marie. The last ghazawat. The 1920-1921 uprising // The North Caucasus barrier. The Russian advance towards the Muslim world / Ed. by M. Bennigsen Broxup. London: Hurst & Co, 1992. P. 112-145.

Bennigsen 1992b – Bennigsen Broxup Marie. After the Putsch, 1991 // The North Caucasus barrier. The Russian advance towards the Muslim world / Ed. by M. Bennigsen Broxup. London: Hurst & Co, 1992. P. 219-240.

Bennigsen 1992c – The North Caucasus barrier: the Russian advance towards the Muslim world / Ed. by Marie Bennigsen Broxup. London: Hurst & Co, 1992.

Bernal 1994 – Bernal Martin. The image of Ancient Greece as a tool for colonialism and European hegemony// Social construction of the past: representation as power/ Ed. by George C. Bond, Angela Gilliam. London: Routledge, 1994. P. 119-128.

Bhabha 1990a – Bhabha Homi K. DissemiNation: time, narrative and the margins of the modern nation // Nation and narration / Ed. by Homi K. Bhabha. London: Routledge, 1990. P. 291-322.

Bhabha 1990b – Nation and narration / Ed. by Homi K. Bhabha. London: Routledge, 1990.

Billig 1990 – Billig Michael. Collective memory, ideology and the British royal family // Collective remembering / Ed. by David Middleton, Derek Edwards. London: SAGE, 1990. P. 60-80.

Birch 1995 – Birch Julian. Ossetia: a Caucasian Bosnia in microcosm // Central Asian Survey. 1995. Vol. 14. № 1. P. 43-74.

Birch 1999 – Birch Julian Ossetiya – land of uncertain frontiers and manipulative elites // Central Asian Survey. 1999. Vol. 18. № 4. P. 501-534.

Blank 1993 – Blank Stephen. The formation of the Soviet North Caucasus 1918-1924 // Central Asian Survey. 1993. fol. 12. № 1. P. 13-32.

Bond, Sagers 1989 – Bond Andrew R., Sagers Matthew J. Panel on nationalism in the USSR: environmental and territorial aspect // Soviet Geography. 1989. Vol. 30. № 6. P. 441-509.

Bond, Gilliam 1994 a – Bond George C., Gilliam Angela. Introduction // Social construction of the past: representation as power / Ed. by George C. Bond, Angela Gilliam. London: Routledge, 1994. P. 1-22.

Bond, Gilliam 1994 b – Social construction of the past: representation as power / Ed. by George C. Bond, Angela Gilliam. London: Routledge, 1994.

Bourdieu 1992 – Bourdieu Pierre. Language and symbolic power. Oxford: Polity Press, 1992.

Bowman 1994 – Bowman Glen. Xenophobia, fantasy and the nation: the logic of ethnic violence in former Yugoslavia // The anthropology of Europe: identity and boundaries in conflict / Ed. by Victoria A. Goddard et al. Oxford: Berg, 1994. P. 143-171.

Boyarin 1994 – Boyarin Jonathan. Space, time and the politics of memory // Remapping memory: the politics of TimeSpace / Ed. by Jonathan Boyarin. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. P. 1-37.

Brass 1974 – Brass Paul R. Language, religion and politics in Northern India. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

Brass 1991 – Brass Paul R. Ethnicity and nationalism. Theory and comparison. New Delhi: Sage, 1991.

Brockenridge, van der Veer 1993 – Orientalism and the postcolonial predicament: perspectives on South Asia / Ed. by Carol Appadurai Breckenridge, Peter van der Veer. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993.

Breuilly 1993 – Breuilly John. Nationalism and the state. Manchester: Manchester University Press, 1993.

Brown 2001 – Brown Michael. The causes of internal conflict: an overview // Ed. by Brown, Michael E. et al. 2001. Nationalism and ethnic conflicts. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 3-25

Brown et al. 2001 – Brown Michael E. et al. Nationalism and ethnic conflicts. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001.

Brubaker, Laitin 1998 – Brubaker Rogers, Laitin David. Ethnic and nationalist violence // Annual review of sociology. 1998. Vol. 24. P. 423-452.

Bryan 1984 – Bryan Fanny E. Anti-religious activity in the Chechen-Ingush Republic of the USSR and the survival of Islam // Central Asian Survey. 1984. Vol. 3. № 2. P. 99-116.

Bryan 1992 – Biyan Fanny E. Internationalism, nationalism and Islam // The North Caucasus barrier. The Russian advance towards the Muslim world / Ed. by M. Bennigsen Broxup. London: Hurst & Co, 1992. P. 195-218.

Butkevich 1999 – Antisemitism, xenophobia and religious persecution in Russia's regions, 1998-1999 / Ed. by Nickolai Butkevich. Washington: Union of Councils for Soviet Jews, 1999.

Butkevich 2000 – Antisemitism, xenophobia and religious persecution in Russia's regions, 1999–2000 / Ed. by Nickolai Butkevich. Washington: Union of Councils for Soviet Jews, 2000.

Butkevich 2002 – Antisemitism, xenophobia and religious persecution in Russia's regions, 2001 / Ed. by Nickolai Butkevich. Washington: Union of Councils for Soviet Jews, 2002.

Carre re d'Encausse 1992 – Carrere d'Encausse Hé/e/ne. The great challenge: nationalities and the Bolshevik state, 1917-1930. N. Y.: Holmes & Meier, 1992.

Carrere d'Encausse 1993 – Carrere d'Encausse Hé/e/ne. The end of the Soviet Empire: the triumph of the nations. New York: Basic Books, 1993.

Cassirer 1946 – Cassirer Ernst. The myth of the state. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1946.

Cattell, Climo 2002 – Catte/I Maria C, Climo Jacob J. Introduction. Meaning in social memory and history: anthropological perspectives // Social memory and history. Anthropological perspectives / Ed. by Jacob J. Climo & Maria G. Cattell. Walnut Creek: Altamira Press, 2002. P. 1-36.

Chapman 1994 – Chapman John. Destruction of a common heritage: the archaeology of war in Croatia, Bosnia and Herzegovina // Antiquity. 1994. Vol. 68. №258. P. 120-126.

Chapman, McDonald, Tonkin 1989 – Chapman Malcolm, McDonald Maryon, Tonkin Elizabeth. Introduction // History and ethnicity / Ed. by Elizabeth Tonkin, Maryon McDonald, and Malcolm Chapman. London: Routledge, 1989. P. 1-21

Charachidze 1989 – Charachidze G. L'Empire et Babel. Les minorités dans la perestroïka // Le Genre Humain, 1989. T. 20. P. 9-36.

Cimet 2002 – Cimet Adina. Symbolic violence and language: Mexico and its uses of symbols // Social memory and history. Anthropological perspectives / Ed. by Jacob J. Climo & Maria G. Cattell. Walnut Creek: Altamira Press, 2002. P. 143-158.

Connerton 1989 – Connerton Paul. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Connor 1994 – Connor Walker. Ethnonationalism. The quest for understanding. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1994.

Conquest 1970 – Conquest Robert. The nation killers: the Soviet deportation of nationalities. London: Macmillan, 1970.

Coppieters 1996 – Contested borders in the Caucasus / Ed. by Bruno Coppieters. Concord, Mass.: Paul & Co, 1996.

Coppieters 2001 – Coppieters Bruno. Federalism and conflict in the Caucasus. London: Royal Institute of International Affairs, 2001.

Coppieters 2002 – Coppieters Bruno. In defence of the homeland: intellectuals and the Georgian-Abkhazian conflict // Secession, history and the social sciences / Ed. by Bruno Coppieters and Michel Huysseune. Brussels: Brussels University Press, 2002. P. 89–116.

Cornell 1998 – Cornell Svante E. Conflicts in the North Caucasus // Central Asian Survey. 1998. Vol. 17. № 3. P. 409-441.

Cornell 1999 – Cornell Svante E. The devaluation of the concept of autonomy: national minorities in the former Soviet Union // Central Asian Survey. 1999. Vol. 18. № 2. P. 185-196.

Cornell 2001 – Cornell Svante E. Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus. Richmond: Curzon, 2001.

Cozic 1994. Nationalism and ethnic conflicts / Ed. by Charles P. Cozic. San Diego: Greenhaven Press, 1994.

Critchlow 1991 – Critchlow James. Punished peoples of the Soviet Union: the continuing legacy of Stalin's deportations. N. Y: Helsinki Watch, 1991.

Cirakman 2002 – Cirakman Asli. From the «Terror of the World» to the «Sick Man of Europe». New York: Peter Lang, 2002.

Danforth 1995 – Danforth Loring M. The Macedonian conflict. Ethnic nationalism in a transnational world. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1995.

Dawisha, Bruce 1994 – Dawisha Karen, Bruce Parrott. Russia and the new states of Eurasia. The politics of upheaval. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Degler 1976 – Degler Carl N. Why historians change their minds // Pacific Historical Review. 1976. Vol. 45. № 2. P. 167-184.

Deutsch 1953 – Deutsch Karl W. Nationalism and social communication. New York: The Technology Press of MIT and John Wiley & Sons, 1953.

Diamond, Planner 1994 – Nationalism, ethnic conflict, and democracy / Ed. by Larry Diamond, Mark F. Planner. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994.

Diat 1984 – Diat Frederique. Olzhas Sulejmenov: «Az i Ja» // Central Asian Survey. 1984. Vol. 3. № 1. P. 101-121.

Diaz-Andreu, Champion 1996 – Nationalism and archaeology in Europe / Ed. by Margarita Diaz-Andreu, Timothy Champion. London: UCL Press, 1996.

Drobizheva 1996 – Ethnic conflict in the post-Soviet world: case studies and analysis / Ed. by Lekadia Drobizheva. N. Y: M. E. Sharpe, 1996.

Duncan 1994 – Duncan W. Raymond. Yugoslavia's break-up // Ethnic nationalism and regional conflict. The former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by W. Raymond Duncan, G. Paul Holman, Jr. Boulder: Westview, 1994. P. 19-51.

Duncan, Holman, Jr. 1994a – Ethnic nationalism and regional conflict. The former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by W. Raymond Duncan, G. Paul Holman, Jr. Boulder: Westview, 1994.

Duncan, Holman 1994b – Duncan W. Raymond, Holman G. Paul. Conclusion: the implications of post-Soviet conflicts for international security // Ethnic nationalism and regional conflict. The former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by W. Raymond Duncan, G. Paul Holman, Jr. Boulder: Westview, 1994. P. 183-215.

Dunlop 1998 – Dunlop John B. Russia confronts Chechnya. Roots of a separatist conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Edelman 1967 – Edelman Murray. The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois Press, 1967.

Edelman 1971 – Edelman Murray. Politics as symbolic action: mass arousal and quiescence. Chicago: Markham Publishing Company, 1971.

- Elder, Cobb 1983 – Elder Charles D., Cobb Roger. *The political uses of symbols*. London: Longman, 1983.
- Eliade 1959 – Eliade Mircea. *Cosmos and history: the myth of the eternal return*. New York: Harper, 1959.
- Emmott 1989 – Emmott Kathy. *A child's perspective on the past: influences of home, media and school // Who needs the past? Indigenous values and archaeology* / Ed. by Robert Layton. London: Routledge, 1989. P. 21-44.
- Eriksen 1993 – Eriksen Thomas Hylland. *Ethnicity and nationalism. Anthropological perspectives*. London: Pluto Press, 1993.
- Esman 1994 – Esman Milton J. *Ethnic politics*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1994.
- Evangelista 2002 – Evangelista Matthew. *The Chechen wars. Will Russia go the way of the Soviet Union?* Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2002.
- Fentress, Wickham 1992 – Fentress James, Wickham Chris. *Social memory*. Oxford: Blackwell, 1992.
- Flemming 1998 – Flemming William. *The deportation of the Chechen and Ingush peoples: a critical examination // Russia and Chechnia: the permanent crisis* / Ed. by Ben Fowkes. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 65-86.
- Foss 1992 – Foss/ive. *The Turkish view of Armenian history': a vanishing nation // The Armenian genocide: history, politics, ethics* / Ed. by Richard G. Hovannisian. Basingstoke: Macmillan, 1992. P. 250-279.
- Foucault 1979 – Foucault Michel. *Discipline and punish. The birth of the prison*. New York: Vintage books, 1979.
- Fowkes 1998 – Fowkes Ben. *Introduction // Russia and Chechnia: the permanent crisis* / Ed. by Ben Fowkes. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 1-24.
- Frisch 1989 – Frisch Michael. *American history and the structures of collective memory: a modest exercise in empirical iconography // The Journal of American History*. 1989. Vol. 75. № 4. P. 1130-1155.
- Gagnon 1994 – Gagnon V. P. *Serbia's road to war // Nationalism, ethnic conflict, and democracy* / Ed. by Larry Diamond, Marc F. Plattner. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994. P. 117-131.
- Gall, Waal 1998 – Gall Carlotta, Waal Thomas de. *Chechnya: calamity in the Caucasus*. New York: New York Univ. Press, 1998.
- Gammer 1994 – Gammer Moshe. *Muslim resistance to the tsar*. London: Frank Cass, 1994.
- Geary 2002 – Geary Patric J. *The myth of nations. The medieval origins of Europe*. Princeton. N. J.: Princeton University Press, 2002.
- Geertz 1973 – Geertz Clifford. *The interpretation of cultures*. New York: Basic Books, 1973.
- Geertz 1994 – Geertz Clifford. *The use of diversity // Assessing cultural anthropology* / Ed. by Robert Borofsky. New York: McGraw-Hill, 1994. P. 454-465.
- Gellner 1983 – Gellner Ernest. *Nations and nationalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1983.
- German 2003 – Gentian Tracey C. *Russia's Chechen war*. London; New York: Routledge-Curzon, 2003.
- Giddens 1991 – Giddens Anthony. *Modernity and self-identity. Self and society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Gil-White 1999 – Gil-White Francisco J. *How thick is blood? The plot thickens...: if ethnic actors are primordialists, what remains of the circumstantialist/primordialist controversy? // Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. № 5. P. 789-820.
- Gillis 1994 – Gillis John R. *Introduction. Memory and identity: the history of relationship // Commemorations. The politics of national identity* / Ed. by John R. Gillis. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 3-24.
- Gleason 1990 – Gleason Gregory. *Federalism and nationalism: the struggle for republican rights in the USSR*. Boulder: Westview Press, 1990.
- Gokay 1998 – Gokay Biilent. *The longstanding Russian and Soviet debate over Sheikh Shamil: anti-imperialist hero or counter-revolutionary cleric? // Russia and Chechnia: the permanent crisis* / Ed. by Ben Fowkes. New York: St. Martin's Press. P. 25-64.
- Goldenberg 1994 – Goldenberg Suzanne. *Pride of small nations. The Caucasus and post-Soviet disorder*. London; New Jersey: Zed books.
- Goodrick-Clarke 2002 – Goodrick-Clarke Nicholas. *Black Sun. Aryan cults, esoteric Nazism and the politics of identity*. New York: New York University Press, 2002.
- Grosby 1995 – Grosby Steven. *Territoriality: the transcendental, primordial feature of modern society // Nations and nationalism*. 1995. Vol. 1, № 2. P. 143-162.
- Gurr 1993 – Gurr Ted Robert. *Minorities at risk. A global view of ethnopolitical conflicts*. Washington, D. C.: United States Institute of Peace Press, 1993.
- Gurr, Harff 1994 – Gurr Ted Robert, Hauff Barbara. *Ethnic conflict in world politics*. Boulder: Westview, 1994.

- Halbwachs 1980 – Halbwachs Maurice. *The collective memory*. New York: Harper & Row, 1980.
- Hall 1995 – Hall Patrik. *Nationalism and historicity// Nations and nationalism*. 1995. Vol. 3. № 1. P. 3-23.
- Halliday 2000 – Halliday Fred. *The perils of community: reason and unreason in nationalist ideology // Nations and nationalism*. 2000. Vol. 6. № 2. P. 153-171.
- Handler 1994 – Handler Richard. *Is «identity» a useful cross-cultural concept? // Commemorations. The politics of national identity / Ed. by John R. Gillis*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 27-40.
- Harke 2000 – Archaeology, Ideology and Society. *The German Experience / Ed. by Heinrich Härke*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.
- Hastings 1997 – Hastings Adrian. *The construction of nationhood. Ethnicity, religion and nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Hayden 1994 – Hayden Robert M. *Recounting the dead: the rediscovery and redefinition of wartime massacres in late- and post-Communist Yugoslavia // Memory, history, and opposition under state socialism / Ed. by Rubie S. Watson*. Santa Fe: School of American Research Press, 1994. P. 167-184.
- Hill, Jewett 1993 – Hill Fiona, Jewett Pamela. *Report on ethnic conflict in the Russian Federation and Transcaucasia*. Cambridge, Mass.: Harvard University, John F. Kennedy School of Government, 1993.
- Hitchins 1992 – Hitchins Keith. *Historiography of the countries of Eastern Europe: Romania // The American Historical Review*. 1992. Vol. 97. № 4. P. 1064-1083.
- Hobsbawm 1983 – Hobsbawm Eric. *Introduction: inventing traditions // The invention of tradition / Ed. by Eric Hobsbawm, T. Ranger*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1-14.
- Hoeber, Rudolph 1993 – Hoeber Rudolph Susanne, Rudolph Lloyd I. *Modern hate// New Republic*. 1993. Vol. 208. № 12 (22 March). P. 24-29.
- Horowitz 1985 – Horowitz Donald L. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Horowitz 2001 – Horowitz Donald L. *The deadly ethnic riot*. Berkeley-University of California Press, 2001.
- Hosking, Schopflin 1997. *Myths and nationhood / Ed. by Geoffrey Hosking, George Schopflin*. London: Hurst and Company, 1997.
- Hroch 1985 – Hroch Miroslav. *Social preconditions of national revival in Europe*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1985.
- Humphrey 1994 – Humphrey Caroline. *Remembering an «enemy»: the Bogd Khan in twentieth-century Mongolia // Memory, history, and opposition under state socialism / Ed. by Rubie S. Watson*. Santa Fe: School of American Research Press, 1994. P. 21-44.
- Hunter 1991 – Hunter James D. *Culture wars: the struggle to define America*. New York: Basic Books, 1991.
- Huntington 1996 – Huntington Samuel P. *The clash of civilizations. Remaking of the world order*. New York: Simon and Schuster, 1996.
- Ignatieff 1999 – Ignatieff Michael. *The warrior honor. Ethnic war and the modern conscience*. New York: Metropolitan books, 1999.
- Jenkins 1986 – Jenkins Richard. *Northern Ireland: in what sense are «religions» in conflict? // The sectarian divide in Northern Ireland today / Ed. by R. Jenkins, H. Donnan, G. McFarlane*. London: Royal Anthropological Institute (RAI occasional paper, no. 41), 1986.
- Jenkins 1996 – Jenkins Richard. *Social identity*. London: Routledge, 1996.
- Jersild 2002 – Jersild Austin. *Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917*. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002.
- Jones 1961 – Jones Ernest. *Papers on psychoanalysis*. Boston: Beacon Press, 1961.
- Jones 1994 – Jones Stephen. *Old ghosts and new chains: ethnicity and memory in the Georgian Republic // Memory, history, and opposition under state socialism / Ed. by Rubie S. Watson*. Santa Fe: School of American Research Press, 1994. P. 149-165.
- Judah 1997 – Judah Tim. *The Serbs: history, myth, and the destruction of Yugoslavia*. New Haven: Yale University Press 1997.
- Jucrgensmeyer 1993 – Juergensmeyer Mark. *The new Cold War: religious nationalism confronts the secular state*. Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1993.
- Kammen 1995 – Kammen Michael. *Some patterns and meanings of memory distortion in American history // Memory distortion / Ed. by Daniel L. Schacter*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 329-345.
- Karakasidou 1997 – Karakasidou Anastasia N. *Fields of wheat, hills of blood*. Chicago: The University of Chicago Press, 1997.
- Kaufman 2001 – Kaufman Stuart J. *Modern hatreds: the symbolic politics of ethnic war*. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
- Kemp 1999 – Kemp Walter A. *Nationalism and Communism in Eastern Europe and the Soviet Union. A basic contradiction?* Basingstoke: Mac-Miljan, 1999.

Kertcer 1988 – Kertcer David I. Ritual, politics, and power. New Haven: Yale University Press, 1988.

Khazanov 1995 – Khazanov Anatoly M. After the USSR. Ethnicity, nationalism, and politics in the Commonwealth of Independent States. Madison: The University of Wisconsin Press, 1995.

Klaproth 1822 – Klaproth J. Memoire dans laquel on prove l'identity des Ossctes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen-age // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire. Paris, 1822. T. 16. P. 243-256 (рус. перевод см.: Клапрот Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан // Аланы и Кавказ / Под ред. В. Х. Тменова. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных исследований, 1992. С. 233-238).

Knczys, Sedlickas 1999 – Knczys Stasys, Sedlickas Romanes. The war in Chechnya. College Station: Texan A&M University Press, 1999.

Kohl 1998 – Kohl Philip L. Nationalism and archaeology: on the considerations of nations and the reconstructions of the remote past // Annual Review of Anthropology. 1998. №. 27. P. 223-246.

Kohl, Fawcett 1995 – Nationalism, politics and the practice of archaeology / Ed. by Philip L. Kohl, Clare Fawcett. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Kohl, Tsetskhadze 1995 – Kohl Philip L., Tsetskhadze Gocha R. Nationalism, politics and the practice of archaeology in the Caucasus // Nationalism, politics and the practice of archaeology / Ed. by Ph. L. Kohl, C Fawcett. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 149-174.

Kurbanov, Kurbanov 1995 – Kurbanov Rafik Osman-Ogly, Kurbanov F. rjan Rafik-Ogly. Religion and politics in the Caucasus // The Politics of Religion in Russia and the New States of Eurasia / Ed. by M. Bourdeaux. Armonk: M. E. Sharpe, 1995. P. 229-232.

Laitin 1998 – Laitin David D. Identity in formation. The Russian-speaking populations in the Near Abroad. Ithaca; London: Cornell University Press, 1998.

Lake, Rothchild 2001 – Lake David A., Rothchild Donald. Containing fear // Nationalism and ethnic conflicts / Ed. by Michael E. Brown et al. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 126-160.

Lange 1965 – Lange Karl. Der Terminus «Lcbensraum» in Hitler's «Mein Kampf» // Vierteljahrshcften für Zeitgeschichte. 1965. Bd. 13. P. 426-437.

Lass 1994 – Lass Andrew. From memory to history: the events of November 17 dis/membered // Memory, history, and opposition understate socialism / Ed. by Rubie S. Watson. Santa Fe: School of American Research Press, 1994. P. 87-104.

Lassiter 2002 – Lassiter Luke Eric. Kiowa: on song and memory // Social memory and history. Anthropological perspectives / Ed. by Jacob J. Climo, Maria G. Cattell. Walnut Creek: Altamira Press, 2002. P. 131-141.

Law 1998 – Law Vivien. Language myths and the discourse of nation-building in Georgia // Smith Graham et al. Nation building in the post-Soviet borderlands. The politics of national identity. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 167-196.

Layton 1989 – Layton Robert. Introduction: who needs the past // Who needs the past? Indigenous values and archaeology / Ed. by Robert Layton. London: Routledge, 1989. P. 1-20.

Leach 1989 – Leach Edmund. Tribal ethnography: past, present, future // History and ethnicity / Ed. by Elizabeth Tonkin, Maryon McDonald, Malcolm Chapman. London: Routledge, 1989. P. 34-47.

Lengyel 1969 – Lengyel Emil. Nationalism – the last stage of communism. N. Y.: Funk & Wagnalls, 1969.

Lentz 1997 – Lentz Carola. Creating ethnic identities in North-western Ghana // The politics of ethnic consciousness / Ed. by Cora Govers, Hans Vermeulen. Basingstoke: Macmillan, 1997. P. 31-89.

Levy 2000 – Levy Jacob T. The multiculturalism of fear. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Lewis 1975 – Lewis Bernard. History: remembered, recovered, invented. Princeton. N. J.: Princeton University Press, 1975.

Lieven 1998 – Lieven Anatol. Chechnya. Tombstone of Russian power. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.

Limberg 1994 – Limberg Wayne P. World turned upside down: ethnic conflict in the former Soviet Union // Ethnic nationalism and regional conflict. The former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by W. Raymond Duncan, G. Paul Holman, Jr. Boulder: Westview; 1994. P. 53-76.

Lowenthal David 1994 – Lowenthal David. Identity, heritage and history // Commemorations. The politics of national identity / Ed. by John R. Gillis. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 41-57.

Lowith 1949 – Lowith Karl. Meaning in history. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1949.

Malkki 1992 – Malkki Liisa H. National geographic: the rooting of peoples and the territorialization of national identity among scholars and refugees // Cultural Anthropology. 1992. Vol. 7. № 1. P. 24-44.

Malkki 1995 – Malkki Liisa H. Purity and exile: violence, memory and national cosmology among Hutu refugees in Tanzania. Chicago: Chicago Univ. Press, 1995.

Martin 2000 – Martin Terry. Modernization or neo-traditionalism. Ascribed nationality and Soviet primordialism // Stalinism. New directions / Ed. by Sheila Fitzpatrick. London: Routledge, 2000. P. 348-367.

Martin 2001 – Martin Teny. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca, N. Y: Cornell University Press, 2001.

Martiny 1979 – Martiny Albrecht. Das Verhaltnis von Politik und Geschichtsschreibung in der Historiographie dersowjetischen Nationaliutens seit den sechzigcr Jahren // Jachrbücher für Geschichte Osteuropas. 1979. Bd. 27. Hf. 2. S. 238-272.

Matsuo 1999 – Matsuo M. Language differentiation and homogenization in nested conflicts: two case studies//Journal of international development and cooperation. 1999. Vol. 5. № 1. P. 87-102.

McDonald 1969 – McDonald Lee C. Myths, politics and political science // Western Political Quarterly. 1969. Vol. 22. № 1. P. 141-150.

Mill 1919 – Mill John Stuart. Considerations on representative government. New York: Longman, Green and Co, 1919.

Moscovici 1985 – Moscovici Serge. The age of the crowd. A historical treatise on mass psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Mosse 1975 – Mosse George L. The nationalization of the masses. New York: Fertig, 1975.

Motyl 1999 – Motyl Alexander J. Revolutions, nations, empires: conceptual limits and theoretical possibilities. New York: Columbia University Press, 1999.

Nairn 1981 – Nairn Tom. The break-up of Britain: crisis and neo-nationalism. London: Verso, 1981.

Natzmer 2002 – Natzmer Cheiyl. Remembering and forgetting: creative expression and reconciliation in post-Pinochet Chile // Social memory and history. Anthropological perspectives / Ed. by Jacob J. Climo, Maria G. Cattell. Walnut Creek: Altamira Press, 2002. P. 161-179.

Nekrich 1978 – Nekrich Alexander M. The punished peoples: the deportation and tragic fate of Soviet minorities at the end of the Second World War. N. Y: W W. Norton, 1978.

Nichols 1995 – Nichols Johanna. Who are the Chechens? // Central Asian Survey. 1995. Vol. 14. № 4. P. 573-577.

Nohaylo, Swoboda 1989 – Nohaylo Bohdan, Swoboda Victor. Soviet disunion: a history of the nationalities problem in the USSR. New York: Free Press, 1989.

Nora 1989 – Nora Pierre. Between memory and history: les lieux de memoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7-25.

Nora 2001 – Rethinking France / Ed. by Pierre Nora. Chicago: the University of Chicago Press. Vol. 1: The state, 2001.

Noyes, Abrahams 1999 – Noyes Dorothy, Abrahams Roger D. From calendar custom to national memory: European commonplace // Cultural memory and the construction of identity / Ed. by Dan Ben-Amos, Lilianne Weissberg. Detroit: Wayne State University Press, 1999. P. 77-98.

Ormrod 1997 – Ormrod Jane. The North Caucasus: confederation in conflict // New states, new politics: building the post-Soviet nations / Ed. by Ian A. Bremmer, Ray Taras. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 96-139.

Ozkirimli 2000 – Ozkirimli Umut. Theories of nationalism: a critical introduction. Basingstoke: Macmillan, 2000.

Parekh 1995 – Parekh Bhikhu. Ethnocentrism of the nationalist discourse // Nations and nationalism. 1995. Vol. 1. № 1. P. 25–52.

Peel 1989 – Peel J. D. Y. The cultural work of Yomba chthonogenesis // History and ethnicity / Ed. by Elizabeth Tonkin, Maryon McDonald, Malcolm Chapman. London: Routledge, 1989. P. 198-215.

Penrose 1995 – Penrose Jan. Essential constructions? The «cultural bases» of nationalist movements // Nations and nationalism. 1995. Vol. 1. № 3. P. 391-417.

Penrose 2002 – Penrose Jan. Nations, states and homelands: territory and territoriality in nationalist thought // Nations and nationalism. 2002. Vol. 8. № 3. P. 277-297.

Pesic 1994 – Pesic Vesna. The cruel face of nationalism // Nationalism, ethnic conflict, and democracy / Ed. by Larry Diamond, Marc F. Plattner. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994. P. 132-135.

Petrone 2000 – Petrone Karen. Life has become more joyous, comrades (Celebrations in the time of Stalin). Bloomington: Indiana University Press, 2000.

Pipes 1964 – Pipes Richard. The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism, 1917-1923. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964.

Plumb 1970 – Plumb John H. The death of the past. Boston: Houghton Mifflin Company, 1970.

Posen 1993 – Posen Bany R. The security dilemma and ethnic conflict // Ethnic conflict and international security / Ed. by M. E. Brown. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1993. P. 103-124.

Rakowska-Harmstone 1986 – Rakowska-Harmstone Teresa. Minority nationalism today: an overview // The last empire. Nationality and the Soviet future / Ed. by Robert Conquest. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. P. 235-264.

Rao 1994 – Rao Nandini. Interpreting silence: symbol and history in the case of Ram Janmabhoomi/Babri Masjid // Social construction of the past: representation as power / Ed. by George C Bond, Angela Gilliam. London: Routledge, 1994. P. 154-164.

Renan 1990 – Renan Ernest. What is a nation // Nation and narration / Ed. by Homi K. Bhabha. London: Routledge, 1990. P. 8-22.

Renfrew 1987 – Renfrew Colin. Archaeology and language. The puzzle of Indo-European origins. London: Penguin Books, 1987.

Renfrew 1989 – Renfrew Colin. Models of change in language and archaeology // Transactions of the Philological Society. 1989. Vol. 87. № 2. P. 103-155.

Richmond 1988 – Richmond Anthony H. Immigration and ethnic conflict. Basingstoke: Macmillan Press, 1988.

Rosenzweig, Thelen 1998 – Rosenzweig Roy, The/en David. The presence of the past. Popular uses of history in American life. New York: Columbia University Press, 1998.

Rothschild 1981 – Rothschild Joseph. Ethnopolitics. A conceptual framework. New York: Columbia University Press.

Roudometof 2002 – Roudometof Victor. Collective memory, national identity, and ethnic conflict. Westport, CT: Praeger, 2002.

Rowlands 1994 – Rowlands Michael. The politics of identity in archaeology // Social construction of the past: representation as power / Ed. by George C. Bond, Angela Gilliam. London: Routledge, 1994. P. 129-143.

Rubin 1998 – Rubin Barnett R. Conclusion. Managing normal instability// Post-Soviet political order/ Ed. by Barnett R. Rubin, Jack Snyder. London: Routledge, 1998. P. 162-179.

Sabol 1995 – Sabol Steven. The creation of Soviet Central Asia: the 1924 national delimitation // Central Asian Survey. 1995. Vol. 14. № 2. P. 225-241.

Sahni 1997 – Sahni Kalpana. Calcifying the Orient. Russian Orientalism and the colonization of Caucasus and Central Asia. Bangkok: White Orchid Press, 1997.

Said 1978 – Said Edward W. Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.

Schopflin 1974 – Schopflin George. Rumanian nationalism // Soviet Survey. 1974. Vol. 20. № 2-3.

Schopflin 1995 – Schopflin George. Nationhood, communism and state legitimization // Nations and nationalism. 1995. Vol. 1. № 1. P. 81-91.

Schudson 1995 – Schudson Michael. Dynamics of distortion in collective memory // Memory distortion / Ed. by Daniel L. Schacter. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 346-364.

Schuman, Scott 1989 – Schuman Howard, Scott Jacqueline. Generations and collective memories//American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 3. P. 359-381.

Schwarcz 1994 – Schwarcz Vera. Strangers no more: personal memory in the interstices of public commemoration // Memory, history, and opposition under state socialism / Ed. by Rubie S. Watson. Santa Fe: School of American Research Press, 1994. P. 45-64.

Schwartz 1982 – Schwartz Barry. The social context of commemoration: a study in collective memory // Social Forces. 1982. Vol. 61. № 2. P. 374-402.

Seidel 1986 – Seidel Gill. Culture, nation and «race» in the British and French New Right // The ideology of the New / Ed. by Right Ruth Levitas. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 107-135.

Sheehan 1981 – Sheehan James J. What is German history? Reflections on the role of the Nation in German history and historiography // Journal of Modern History. 1981. Vol. 53. № 1. P. 1-23.

Shnirelman 1995 – Shnirelman Victor A. From internationalism to nationalism: forgotten pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s // Nationalism, politics and practice of archaeology / Ed. by P. Kohl and C Fawcett. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 120-138.

Shnirelman 1996 – Shnirelman Victor A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington, D. C; Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996.

Shnirelman 2000 – Shnirelman Victor A. Primitive warfare and ideology: why the Maring avoid seizing pigs, // Social justice: anthropology, peace and human rights. 2000. Vol. 1. № 1-4. P. 47-53.

Shnirelman 2001 – Shnirelman Victor A. The value of the past: myths, identity and politics in Transcaucasia. Osaka: National Museum of Ethnology, 2001.

Shnirelman 2002 a – Shnirelman Victor A. The myth of the Khazars and intellectual Antisemitism in Russia, 1970s–1990s. Jerusalem: The Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 2002.

Shnirelman 2002 b – Shnirelman Victor A. «Christians! Go home»: A Revival of Neo-Paganism between the Baltic Sea and Transcaucasia (an overview) // Journal of Contemporary Religions. 2002. Vol. 17. № 2. P. 197-211.

Shnirelman 2003a – Shnirelman Victor A. Inventing the Alans: origins of the peoples, and politics in the Northern Caucasus // Social protests and nation-building in the Middle East and Central Asia / Ed. by Kciko Sakai. Chiba: Institute of Developing Economics (IDE), JETRO, 2003. P. 57-72.

Shnirelman 2003 b – Shnirelman Victor A. Fostered primordialism: the identity and ancestry of the North Caucasian Turks in the Soviet and post-Soviet milieu//The Construction and Deconstruction of National Histories in Slavic Eurasia / Ed. by Tadayuki Hayashi. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. P. 53-86.

Shnirelman 2003c – Shnirelman Victor A. The myths of descent: the views of the remote past, and school textbooks in contemporary Russia // Public Archaeology. 2003. Vol. 3. № 1. P. 33-51.

Shnirelman 2004a – Shnirelman Victor A. A revolt of social memory: the Chechens and Ingush against the Soviet historians. A paper delivered at the

Annual Congress of the Japanese Specialists of Russian History, held at Sapporo, Hokkaido, October 22-24, 2004.

Shnirelman 2004b – Shnirelman Victor A. The politics of names: between consolidation and separation in the Northern Caucasus. A paper delivered at the conference «Reconstruction and interaction of the Slavic Eurasia and its neighboring worlds» held by the Slavic Research Center, Hokkaido University, in Sapporo, December 8-10, 2004.

Shnirelman 2005 – Shnirelman Victor A. P'argas und Pures: Urahnen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität // Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität / Ed. by Eugene Khelimsky. Harrasowitz-Verlag.

Shnirelman, Komarova 1997 – Shnirelman Victor A., Komarova Galina A. Majority as a minority: the Russian ethno-nationalism and its ideology in the 1970s-1990s // Rethinking nationalism and ethnicity: the struggle for meaning and order in Europe / Ed. by H.-R. Wicker. Oxford: Berg. 1997. P. 211-224.

Sider 1994 – Sider G. Identity as history: ethnohistory, ethnogenesis and ethnocide in the Southeastern United States // Identities. 1994. Vol. 1. № 1. P. 109-122.

Simons 1997 – Simons Anna. Democratization and ethnic conflict: the kin connection // Nations and nationalism. 1997. Vol. 3. № 2. P. 273-289.

Siren 1998 – Siren Pontus. The battle for Grozny: the Russian invasion of Chechnya, December 1994 – December 1996 // Russia and Chechnya: the permanent crisis / Ed. by Ben Fowkes. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 87-169.

Sleebuur 2001 – Sleebuur Margaret. The power of national symbols: the credibility of a dragon's efficacy // Nations and nationalism. 2001. Vol. 8. № 3. P. 299-313.

Slezkin 1994 – Slezkin Yuri. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414-452.

Smets 1995 – Smets Rieks. Circassia // Central Asian Survey. 1995. № 14. P. 107-125.

Smith 1984 – Smith Anthony D. National identity and myths of ethnic descent // Research in social movements, conflict and change. 1984. Vol. 7. P. 95-130.

Smith 1986 – Smith Anthony D. The ethnic origins of nations. Oxford: Blackwell, 1986.

Smith 1988 – Smith Anthony D. The myth of the «Modern nation» and the myths of nations // Ethnic and Racial Studies. 1988. Vol. 11. № 1. P. 1-26.

Smith 1992a – Smith Anthony D. Ethnic identity and territorial nationalism in comparative perspective // Motyl A. Thinking theoretically about Soviet nationalities, N. Y: Columbia University Press, 1992. P. 45-65.

Smith 1992b – Smith Anthony D. Chosen peoples: why ethnic groups survive // Ethnic and Racial Studies. 1992. Vol. 15. № 3. P. 436-456.

Smith 1996 – Smith Anthony D. Opening statement: nations and their pasts // Nations and nationalism. 1996. Vol. 2. № 3. P. 358-365.

Smith 1997 – Smith Anthony D. The «Golden Age» and national revival // Myths and nationhood /Ed. by Geoffrey Hosking, George Schopflin. London: Hurst and Company, 1997. P. 36-59.

Smith 2000 – Smith Anthony D. The nation in history. Historiographical debates about ethnicity and nationalism. Hanover: University Press of New England, 2000.

Smith 1999 – Smith Jeremy. The Bolsheviks and the National Question, 1917-1923. London: MacMillan, 1999.

Smith 1998 – Smith Sebastian. Allah's mountains: politics and war in the Russian Caucasus. London: I. B. Tauris, 1998.

Smith 1996 – Smith Woodruff D. The ideological origins of Nazi imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1996.

- Snyder 2000 – Snyder Jack. From voting to violence. Democratization and nationalist conflicts. New York: W. W. Norton and Co, 2000.
- Snyder, Ballentine 1996 – Snyder Jack, Ballentine Karen. Nationalism and the marketplace of ideas // International Security. 1996. Vol. 21. № 2. P. 5-40.
- Soldatova 1995 – Soldatova Galina U. The former Checheno-Ingushetia. Intercrthnic relations and ethnic conflicts // Culture incarnate: native anthropology from Russia / Ed. by M. Balzer. New York: M. E. Sharp, 1995. P. 83-101.
- Solnick 1998 – Solnick Steven. Will Russia survive? Center and periphery in the Russian Federation // Post-Soviet political order/ Ed. by Barnett R. Rubin, Jack Snyder. London: Routledge, 1998. P. 58-80.
- Spiegel 1994 – Spiegel Andrew D. Struggling with tradition in South Africa: the multivocality of images of the past // Social construction of the past: representation as power / Ed. by George C. Bond, Angela Gilliam. London: Routledge, 1994. P. 185-202.
- Suny 1990 – Suny Ronald G. The revenge of the past: socialism and ethnic conflict in Transcaucasia // The New Left Review. 1990 № 184. P. 6-9.
- Suny 1993 – Suny Ronald G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.
- Suny 2001 – Suny Ronald G. Constructing primordialism: old histories for new nations // Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. № 4. P. 862-896.
- Tambiah 1994 – Tambiah Stanley J. The politics of ethnicity // Assessing cultural anthropology / Ed. by Robert Borofsky. New York: McGraw-Hill, 1994. P. 430-441.
- Thapar 1989 – Thapar Romila. Imagined religious communities? Ancient history and the modern search for a Hindu identity // Modern Asian Studies. 1989. Vol. 23. № 2. P. 209-231.
- Thapar 2000 – Thapar Romila. History and beyond. New Delhi: Oxford University Press, 2000.
- Thelen 1989 – Thelen David. Memory and American history // The Journal of American History'. 1989. Vol. 75. № 4. P. 1117-1129.
- Thorn 1990 – Thorn Martin. Tribes within nations: the ancient Germans and the history' of modern France // Nation and narration / Ed. by Homi K. Bhabha. London: Routledge, 1990. P. 23-43.
- Tillett 1969 – Tillett Lowell. The great friendship. Soviet historians on the non-Russian nationalities. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969.
- Tishkov Valery A. 1994 – Tishkov Valery A. Inventions and manifestations of ethno-nationalism in Soviet academic and public discourse // Assessing cultural anthropology / Ed. by Robert Borofsky. New York: McGraw-Hill, 1994. P. 443-453.
- Tishkov 1997 – Tishkov Valery A. Ethnicity, nationalism and conflict in and after the Soviet Union. London: Sage, 1997.
- Todorova 1992 – Todorova Maria. Historiography of the countries of Eastern Europe: Romania // The American Historical Review. 1992. Vol. 97. № 4. P. 1105-1117.
- Todorova 1997 – Todorova Maria. Imagining the Balkans. New York: Oxford University Press, 1997.
- Tonkin 1992 – Tonkin Elizabeth. Narrating our pasts. The social construction of oral history. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Van Evra 2001 – Van Evera Stephen. Hypotheses on nationalism and war// Brown Michael E. et al. Nationalism and ethnic conflicts. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 26-60.
- Verdery 1990 – Verdery / Catherine. The production and defense of «the Romanian nation», 1900 to World War II // National ideologies and the production of national cultures/ Ed. by Richard G. Fox. Washington, D. C: American Anthropological Association, 1990. P. 81-111.
- Verdery 1991 – Verdery Katherine. National ideology under socialism: identity and cultural politics in Ceausescu Romania. Berkeley, CA: University of California Press, 1991.
- Verdery 1996 – Verdery Katherine. What was socialism, and what comes next? Princeton, CA: Princeton University Press, 1996.
- Walker 1996 – Walker Lee. Nationalism and ethnic conflict in the post-Soviet transition // Ethnic conflict in the post-Soviet world / Ed. by Leo Kadia Drobizheva et al. Armonk, N.Y: M. E. Sharp, 1996. P. 3-13.
- Wallace 1956 – Wallace Anthony. Revitalization movements // American Anthropologist. 1956. Vol. 58. № 1. P. 264-281.
- Ware, Kisriev 1995 – Ware Robert B., Kisriev Enver. After Chechnya: new dangers in Dagestan // Central Asian Survey. 1995. Vol. 16. № 3. P. 401-412.
- Ware, Kisriev 2001 – Ware Robert B., Kisriev Enver. Ethnic parity and democratic pluralism in Dagestan: a consociational approach // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. № 1. P. 105-131.
- Watson 2000 – Watson P. Postwar Bosnia still battling ethnic hatred // The Daily Yomiuri. 2000. December 4. P. 9-10 (A).

Watson 1994 a – Memory, history, and opposition under state socialism / Ed. by Rubie S. Watson. Santa Fe: School of American Research Press, 1994.

Watson 1994 b – Watson Rubie S. Memory, history, and opposition under state socialism. An introduction // Memory, history, and opposition under state socialism / Ed. by Rubie S. Watson. Santa Fe: School of American Research Press, 1994. P. 1-20.

Watson 1994 c – Watson Rubie S. Making secret histories: memory and mourning in post-Mao China // Memory, history, and opposition under state socialism / Ed. by Rubie S. Watson. Santa Fe: School of American Research Press. P. 65-85.

Weinreich 1946 – Weinreich Max. Hitler's professors: The part of scholarship in Germany's crimes against the Jewish people. N. Y: Yiddish scientific institute, 1946.

Wilson 2001 – Wilson Robin. The politics of contemporary ethno-nationalist conflicts // Nations and nationalism. 2001. Vol. 7. № 3. P. 365-384.

Шнирельман Виктор Александрович

БЫТЬ АЛАНАМИ:

Интеллектуалы и политика
на Северном Кавказе в XX веке

Редактор И. Калинин
Дизайн обложки П. Конкович
Корректор Э. Корчагина
Компьютерная верстка С. Петров
В оформлении обложки использованы фотографии О. Смирнова

ООО «Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626, а/я 55

Тел.: (095) 976-47-88

факс: 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlo.magazine.ru>

Формат 60x90/16

Бумага офсетная № 1

Печ. л. 43,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 2013

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.